СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:
Москва, В-36, 1-я Черемушкинская, 19, тел. В 6-94-45

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-01055 Подписано к печати 27/I-1962 г. Формат бумаги $70\times108^{1}/_{16}$ Бум. л. 11
Печ. л. 30,14 Уч.-изд. л. 33,7 Тираж 1960 Заказ 2523

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Статьи

С. П. ТОЛСТОВ, Б. В. АНДРИАНОВ, Н. И. ИГОНИН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АЭРОМЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

На современном этапе развития археологической науки, когда накоплен громадный археологический материал и археологи переходят от изучения отдельных памятников материальной культуры к решению широких историко-географических проблем и сплошному археологическому обследованию обширных территорий,— все большее значение приобретают работы по картографированию и систематизации археологических фактов, по составлению подробных археологических карт и планов. Большую помощь в изучении и картографировании значительных территорий земной поверхности оказывают аэрометоды, которые в последние годы стали широко применяться не только во многих отраслях народного хозяйства, при проведении различных географических изысканий, но и в археологических исследованиях.

Первые попытки применения аэрометодов для целей археологии относятся еще к периоду первой мировой войны [1]. Основываясь на опыте военных летчиков, использовавших для демаскировки местных предметов косое освещение и различия в оттенках почвенно-растительного покрова, археологи француз А. Пуадебар [2] и англичанин О. Г. Крауфорд [3] в 1920-х годах наметили основные приемы дешифрирования аэрофотоснимков для выявления археологических памятников. О. Г. Крауфорд с помощью визуальной разведки с самолета и аэросъемки обнаружил в Англии следы древних кельтских и саксонских поселений, совершенно неразличимых с поверхности. Накануне второй мировой войны аэрофотосъемки были применены при изучении древних памятников в ряде стран Европы (Англия, Италия и др.), в Америке (Перу, Мексика), а также в Иране, где работала американская авиаархеологическая экспедиция под руководством археолога Э. Шмидта. Несмотря на

---

[1] В связи с действиями военной авиации на Балканах, в Месопотамии и в зоне Суэцкого канала был сделан целый ряд интересных археологических наблюдений. Л. Рей использовал аэрофотопланы для изыскания древних поселений Македонии. Бизлей проследил с самолета и сфотографировал развалины средневекового Багдада и оросительную сеть Нараван. См. P. L. O. Rey. La photographie aérienne au service de l'archéologie. «La Nature», № 2360, 117, 1919; G. A. Beazeley. Air Photography in Archaeology. Geographical Journal, т. L, № 5, 1919.

[2] А. Пуадебар провел в Сирии работы по изучению дорог и поселений римского времени. См. A. Poidebard. Les révélations archéologiques de la photographie aérienne. Une nouvelle méthode de recherches et d'observations en region de steppe. «Illustration», 25 Mars, 1929; его же. Méthode aérienne de recherches en géographie historique. «Terre, Air, Mer», № 1, 1—16, 1932; A. Poidebard and Mouterde. Le Limes de Chalois: organisation de la steppe en Haute Syrie romaine; documents airiens et épigraphiques. Paris, 1945.

[3] Работы О. Г. Крауфорда охватили территорию древних городов Передней Азии — Самарры, Хатры и др. См. O. G. Crawford. Air Photographs of the Middle East. Geographical Journal, т. LXXIII, № 6, 1929; его же. Air Photography for Archaeologists. Ordance Survey (Great Britain). «Professional Papers», № 12, 1929.

известный размах, аэрофотосъемочные работы Э. Шмидта [4], так же как и всех его предшественников, были слабо связаны с наземными археологическими изысканиями и ограничивались изучением отдельных памятников, решением локальных историко-географических задач.

После второй мировой войны аэрофотосъемочные методы стали широко применяться в топографии, геологии и в некоторых других областях науки, связанных с изучением географической среды. Аэрометоды превратились в предмет новой, интенсивно развивающейся отрасли знания, совершенствуемой широким кругом специалистов как за рубежом, так и в Советском Союзе. Аэрофотосъемка, являющаяся теперь основным методом в процессе составления топографических карт, охватила значительные территории во многих странах мира, что облегчило использование аэрометодов для целей археологии. От эпизодических и локальных аэрофотосъемок, отдельных визуальных наблюдений археологи начинают переходить к сплошным археолого-топографическим исследованиям и составлению детальных археологических карт. Не останавливаясь на характеристике многочисленных зарубежных работ в этой области, достаточно полно описанных в монографии «Древние ландшафты» английского археолога, горячего энтузиаста «воздушной археологии» — Джона Брэдфорда [5], мы попытаемся осветить опыт применения аэрометодов в Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, которая с 1937 г. ведет археологические исследования на землях древнего орошения Хорезма в низовьях Аму-Дарьи.

Широко поставленные археологические топографические съемки в правобережном Хорезме дали возможность еще в довоенные годы — в 1939 и 1940 гг.— разрешить ряд важных вопросов, связанных с историей типов поселений, орошения и динамики культурных территорий. Эти материалы получили освещение в монографии «Древний Хорезм»; там же опубликованы два подробных археологических плана — Беркут-калинского раннесредневекового афригидского оазиса VII—VIII вв. и Кават-калинского средневекового (домонгольского) оазиса X—XII вв. [6].

Новый, послевоенный этап деятельности Хорезмской экспедиции характеризовался сочетанием стационарных раскопок крупных памятников (Топрак-Кала, Кой-Крылган-Кала и др.) с широкими разведочными работами на дальних окраинах Хорезма, основанными на соединении воздушной разведки с наземными обследованиями (детальный осмотр памятников, шурфовка, сбор подъемного керамического и другого материала [7]). Аэрометоды начинают особенно широко применяться с 1946 г. Только за два месяца полевых работ в 1946 г. было покрыто авиамаршрутами около 9000 *км*, произведено около 5000 аэроснимков, сде-

---

[4] Экспедиция Э. Шмидта провела аэрофотосъемки в Луристане, Фарсе, в окрестностях Табриза, Тегерана и в долине Гургена, где были выявлены многочисленные древние «тепе» и античная оборонительная система — «линия Александра». В древних городах — Персеполе и Рее — были произведены археологические раскопки (См. E. Schmidt. Flights over Ancient Cities of Iran. Chicago, 1940).

[5] Кроме работы Дж. Брэдфорда (см. J. Bradford. Ancient Landscapes. Studies in Field Archaeology. London, 1957), следует отметить еще несколько наиболее важных исследований: M. W. Beresford. The Lost Villages of England. New York, 1954; M. W. Beresford and J. K. S. St. Joseph. Medieval England. An Aerial Survey. Cambridge, 1958; Atlas des Centuriations Romaines de Tunisie. Institut Géographique National, Paris, 1954; W. I. van. Liere et I. Lanffray. Nouvelle prospection archéologique dans la Haute Jezirch Syrienne. Les annales archéologiques de Syrie, т. IV, V, Damas, 1954—1955.

[6] С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.

[7] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1946 г. ИАН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 2, 1947, стр. 177—182; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 25—62.

лано до 60 внеаэродромных посадок для наземных обследований. Зарегистрировано и обследовано свыше 250 новых памятников [8]. Опыт первых послевоенных лет (1946—1948) подтвердил практические возможности широкого применения аэрометодов в археологических исследованиях на землях древнего орошения Хорезма и позволил наметить следующие основные направления археологических авиаработ [9]: 1) маршрутные визуальные разведки больших территорий, обследуемых впервые, в комбинации с аэрофотосъемкой отдельных памятников или комплексов; 2) маршрутные аэросъемки, проводимые на участках, где визуальной разведкой или наземным обследованием уже обнаружена система памятников, поселений, древних дорог или каналов; 3) детальные визуальные обследования и аэрофотофиксация отдельных памятников.

Авиаработы (перспективная аэрофотосъемка и визуальные наблюдения) проводились на самолетах типа ПО-2, причем в процессе авиасъемок удалось разработать оптимальные условия для фиксации памятников различных размеров и получения съемок разных масштабов. Для крупных памятников были намечены три основные зоны аэрофотосъемок: 1) от 2000 до 1000 *м*; 2) от 600 до 300 *м*; 3) от 300 до 130 *м* [10].

Археолого-топографические изыскания экспедиции на землях древнего орошения Хорезма, в которых получили широкое применение авиаработы, аэрофотосъемки, дали возможность в 1948 г. составить сводную цветную археологическую карту Турткульского и Шаббазского (ныне Бирунийский) районов Кара-Калпакской АССР, на которой, наряду с развалинами городов, крепостей, крупных усадеб, были показаны главнейшие каналы древней оросительной системы правобережного Хорезма — Гавхорэ [11].

В 1949—1951 гг., наряду с выборочной перспективной съемкой ручной камерой «Фольк», в экспедиции стала широко применяться плановая аэрофотосъемка, которая велась с самолета ПО-2 аэрофотокамерой RMK с объективом 210 *мм* [12]. Археологические объекты снимались на пленку панхром тип-10, чувствительностью 1000 ед. ГОСТа, с высоты от 300 до 800 *м*. Съемкой были охвачены крупнейшие памятники Хорезма: Топрак-Кала, Куня-Ургенч, Калалы-Гыр, Кюзели-Гыр и т. п.

На некоторых крупных памятниках, в частности на Топрак-Кале, наряду с аэрофотосъемкой была проведена фототеодолитная съемка и техническое нивелирование для развития геодезического обоснования при стереоскопической обработке снимков. На основании этих материалов на стереопланиграфе был составлен точный план древней столицы Хорезма — Топрак-Калы.

С 1952 г. масштабы применения аэрометодов в археолого-топографических исследованиях на землях древнего орошения Хорезма были расширены; производилась аэрофотосъемка уже не отдельных памятников и археологических комплексов, а обширных территорий, насыщенных разнообразными археологическими памятниками, а также раскинувшихся на десятки километров больших ирригационных систем. В составе экспедиции был сформирован специальный археолого-топографический отряд [13], перед которым были поставлены задачи: сплошное археологическое обследование земель древнего орошения Хорезма и сопредельных областей, нахождение и фиксация новых археологических памятников, изучение древних оросительных систем и составление детальных

[8] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция..., стр. 181.
[9] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 38, 39; С. П. Толстов и М. А. Орлов. Опыт применения авиации в археологических работах Хорезмской экспедиции. ВАН СССР, № 6, 1948, стр. 60.
[10] С. П. Толстов и М. А. Орлов. Ук. соч., стр. 60.
[11] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. Приложение.
[12] Съемку производил фотограмметрист М. И. Буров (МИИГАИК).
[13] Отрядом руководил кандидат исторических наук Б. В. Андрианов.

археологических карт[14]. На протяжении десяти полевых сезонов (1952—1961 гг.) археолого-топографическими исследованиями были охвачены весь правобережный Хорезм[15], значительная часть территории левобережного Хорезма (Присарыкамышская дельта Аму-Дарьи), обширные пространства вдоль сухих русел Сыр-Дарьи (Жаны-Дарья, Инкар-Дарья).

Работы проводились по определенной схеме и включали аэрофотосъемку («летносъемочные работы»), полевое археологическое обследование и завершались топографической и фотограмметрической обработкой материалов, составлением карт. В процессе предварительного дешифрирования аэрофотоснимков опознавались главнейшие, уже известные ранее археологические памятники, выявлялись новые, определялось направление магистральных каналов, течение древних русел, изучалась мелкая оросительная сеть. Археологическое маршрутное обследование намеченных районов сопровождалось полевым дешифрированием по аэрофотоснимкам древних поселений и оросительных систем, с которых был собран датирующий археологический материал — монеты, бусы, фрагменты посуды и т. п. На заключительном (камеральном) этапе работ составлялись подробные карты и происходило научное обобщение полученных результатов.

На протяжении последних лет Хорезмской экспедицией была проведена плановая аэрофотосъемка отдельных оросительных систем и окрестностей всех наиболее крупных памятников земель древнего орошения правобережного Хорезма и бассейна сухих сыр-дарьинских русел — Жаны-Дарьи и Инкар-Дарьи[16].

Аэрофотосъемка осуществлялась со специально оборудованного самолета АН-2 аэрофотосъемочным аппаратом RMK, с объективом, имеющим фокусное расстояние в 210 *мм*[17].

Съемка большинства объектов проводилась в кратных друг другу масштабах: в 2000-ном и 4000-ном или 6000-ном масштабах. Наиболее крупный (2000) масштаб охватывал лишь окрестности археологических памятников, но позволял выявить важные детали планировки. Напротив, на снимках более мелких масштабов вследствие большего обзора местности лучше выявлялось взаиморасположение объектов, что очень важно для съемки ирригационных систем. Масштаб аэрофотоснимка при плановой съемке, как известно, прямо пропорционален фокусному расстоянию объектива и обратно пропорционален высоте полета. Истинная высота полета в воздухе определялась по показаниям радиовысотомера.

Для обеспечения нормальной стереограмметрической обработки снимков маршруты прокладывались таким образом, чтобы обеспечить необходимое продольное (60%) и поперечное (25—30%) перекрытие. Во избежание разрывов между маршрутами, на земле выкладывались опознавательные знаки в виде листа фанеры (75 × 75 *см*), оклеенного белой бумагой. В некоторых случаях опознавательными знаками служили две экспедиционные грузовые машины со светлым тентом. Одна из них находилась в начале аэрофотосъемочного маршрута, другая — в конце. Когда прокладывалось несколько маршрутов, то автомашины последовательно передвигались, измеряя расстояние между маршрутами по спидо-

---

[14] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 100.

[15] В 1960 г. завершено составление «Археологической карты правобережного Хорезма» в масштабе 1 : 50 тыс.

[16] Аэрофотосъемку проводил инженер-геодезист Н. И. Игонин.

[17] Аппарат монтировали в самолете над люком, предназначенным для сельскохозяйственного опыления; конус аппарата устанавливался так, чтобы расстояние между плоскостью объектива и внешней плоскостью самолета было минимальным и края аэроснимков не затемнялись.

метру (рис. 1). Расчеты на продольное перекрытие и расстояния между маршрутами производились по формулам:

$$Bx(м) = \frac{lx\,(см)\,(100 - Px)}{100} \cdot M_{сн},$$

$$By\,(м) = \frac{ly\,(см)\,(100 - Py)}{100} \cdot M_{сн},$$

где lx — величина продольной стороны снимка; Px и Py — перекрытие; ly — величина поперечной стороны снимка; $M_{сн}$ — масштаб снимка; By — расстояние между маршрутами; Bx — расстояние на местности между проекциями центров аэроснимков. Величина Bx при неизменной высоте полета и ровной местности одновременно является и интервалом фотографирования (расстояние, пролетаемое самолетом за время между двумя последовательными экспозициями).

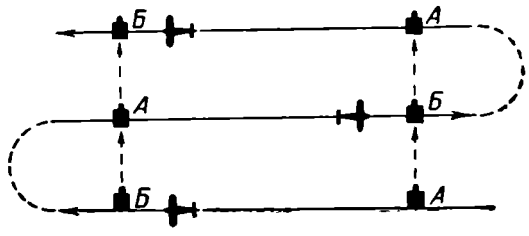


Рис. 1. Схемы аэрофотосъемочных маршрутов с применением автомашин

А — начальный ориентир маршрута; *Б* — конечный ориентир маршрута

Интервал воздушного фотографирования в полете определяется по прибору ОПБ-1 хронометражем времени пробега визирной точкой расстояния, соответствующего вертикальному углу визирования, равному 19°. Этим же прибором определялся и угол сноса самолета.

Большое значение для аэрофотосъемки на землях древнего орошения Хорезма и сопредельных пустынных районов имел выбор времени съемки. Большинство древних памятников сильно разрушено и поднимается над поверхностью земли на десятки сантиметров. Их планировка хорошо заметна при косом солнечном освещении в утренние или вечерние часы (рис. 2).

Опыт показал, что оптимальные условия съемки в весеннее и осеннее время года — утро, с 7 до 10 часов, и вечер, с 17 до 20 часов, когда угол падения лучей солнца составляет от 25 до 65° [18].

Сильно разрушенные археологические памятники, не выраженные на местности рельефом, мелкую оросительную сеть, агро-ирригационные и садово-парковые планировки, демаскирующиеся лишь благодаря почвенно-растительному покрову, лучше всего снимать весной, когда зеленеет травянисто-кустарниковая растительность, или сразу после кратковременных дождей осенью.

Большинство памятников Хорезма снималось на черно-белую аэропленку панхром тип-10, чувствительностью 1000 ед. ГОСТа. В 1959 г. были сделаны попытки съемки отдельных участков на цветную пленку (ЦН-1). Наиболее удачно в цвете получаются археологические памятники в современной культурной зоне, где красочные контрасты значительны, а также планировки, хорошо демаскирующиеся почвенно-растительным покровом. Пустынные ландшафты земель древнего орошения, как правило, характеризуются малой красочностью, поэтому применение цветной пленки для археологической аэрофотосъемки ограничено [19].

Методы аэрофотосъемки, аэрофотосъемочная аппаратура и фотографические материалы непрерывно совершенствуются, в соответствии с этим расширяется и область применения аэрометодов в археологиче-

[18] С. П. Толстов, М. А. Орлов. Ук. соч.; Б. В. Виноградов. О выборе времени для аэрофотосъемок в пустынных ландшафтах юга Средней Азии. Тр. Лаборатории аэрометодов, т. V, М.— Л., 1956.

[19] Наши работы подтверждают выводы, сделанные Л. М. Гольдман (см. Л. М. Гольдман. Цветная аэросъемка различных ландшафтов. Сб. «Вопросы географии», № 42, М., 1958).

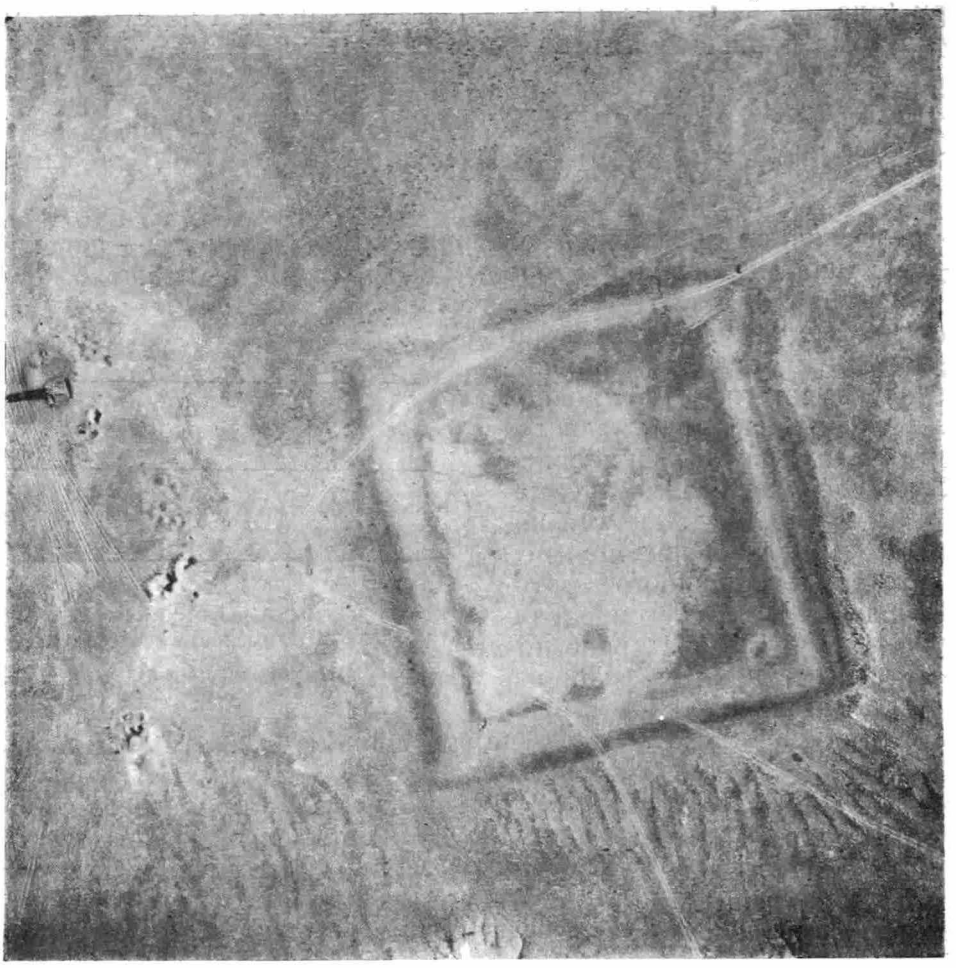


Рис. 2. Погребальное сооружение и группа курганов на бугре Ак-Кыр на Жаны-Дарье. (При наземном обследовании почти незаметны)

ских исследованиях. Человеческий глаз довольно ограничен в восприятии тоновых нюансов яркости, поэтому для съемки объектов, коэффициенты яркости которых изменяются главным образом в невидимой части спектра, могут быть применены специальные фильтры и пленки с эмульсией, фиксирующей определенные части спектра (спектрозональная съемка). Значительные перспективы для фотографирования слабо заметных на земной поверхности археологических объектов имеют пленки с эмульсией, сенсибилизированной (очувствленной к инфракрасной части спектра), значительно увеличивающей эффекты контрастности предметов на снимке.

В процессе археолого-топографических исследований Хорезмской экспедицией был разработан ряд приемов и способов археологического дешифрирования аэрофотоснимков. Как известно, под дешифрированием снимков обычно понимают процесс определения предметов и контуров местности по их фотографическим изображениям, их качественную и количественную характеристику, выявление особенностей географического размещения объектов [20].

Большинство археологических памятников обладает формой, размером и цветом и дает совершенно определенный рисунок на аэроснимке. О характере памятников можно судить прежде всего по основным, так называемым прямым дешифровочным признакам, к которым относятся:

[20] В. Я. Михайлов. Аэрофотография и общие основы фотографии. М., 1959, стр. 328; Г. В. Господинов. Основы дешифрирования аэрофотоснимков. М., 1957, стр. 152 сл.

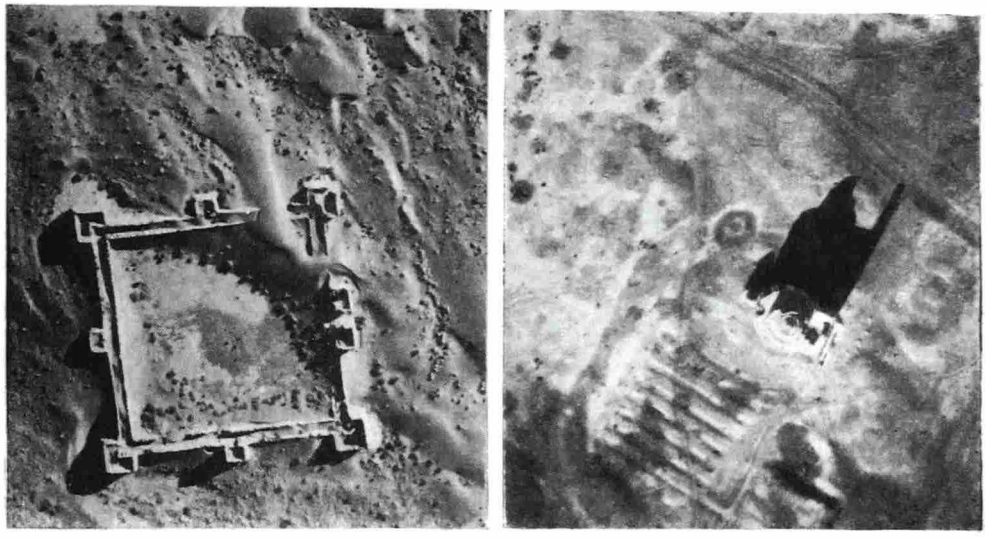


Рис. 3. Дешифрирование памятников

1 — по геометрической форме изображения (крепость Ангка-Кала, III—IV вв., Турткульский район К.-К. АССР); *2* — по тени (раннесредневековый мазар Тюрабек-Ханым в Куня-Ургенче)

размеры объектов, форма их и тон их фотоизображения. Геометрическая форма изображения памятника на плановых снимках позволяет составить довольно точный план. Кроме того, для объектов, выступающих над земной поверхностью, важным дешифровочным признаком являются тени; в сочетании со световыми пятнами освещенных поверхностей темные тени создают на снимке четкое плановое изображение (рис. 3, *1*). Тени, особенно значительные при утреннем или вечернем освещении, дают возможность судить о форме и профиле памятника (рис. 3, *2*).

При дешифрировании памятников на аэрофотоснимках приходится учитывать тон фотоизображения, т. е. степень потемнения эмульсии на фотобумаге. Тон фотоизображения передает ахроматическую гамму тонов, причем интенсивность окраски объектов, т. е. контрастность его изображения на аэрофотоснимке, зависит от яркости объекта и свето- и цветочувствительности фотоматериала.

Целый ряд древних археологических памятников заметен на снимках лишь благодаря тоновым контрастам, так как представляют собой на местности чуть заметные возвышения и выделяются цветом почвенно-растительного покрова (сильно размытые земляные укрепления, остатки поселений и отдельных зданий, агроирригационные планировки, древние курганы и т. п.).

Так, например, на плановом аэрофотоснимке (рис. 4) южного края возвышенности Тагискен в бассейне сухого русла Жаны-Дарьи хорошо заметны округлые светлые пятна, кольца с потемнением посредине и четырехугольные планировки. Это остатки курганов позднебронзового и скифского времени, часть которых теперь почти совсем не возвышается над уровнем почвы, а выражена на поверхности растительностью, скоплением песка и суглинистыми светлыми по тону пятнами, демаскирующими общие контуры погребальных сооружений (рис. 4, *2*).

При изучении парных аэрофотоснимков с помощью стереоскопа оказалось, что самые светлые пятна принадлежат наиболее хорошо сохранившимся курганам, датируемым по археологическим находкам античным временем (IV—III вв. до н. э.). Пятна с темной серединой характерны для разграбленных курганов. Их центральная часть со следами грабительской ямы занесена рыхлыми наносами и поросла растительностью.

Одной из центральных научных проблем, которой уже много лет занимается Хорезмская экспедиция, является изучение древних ороси-

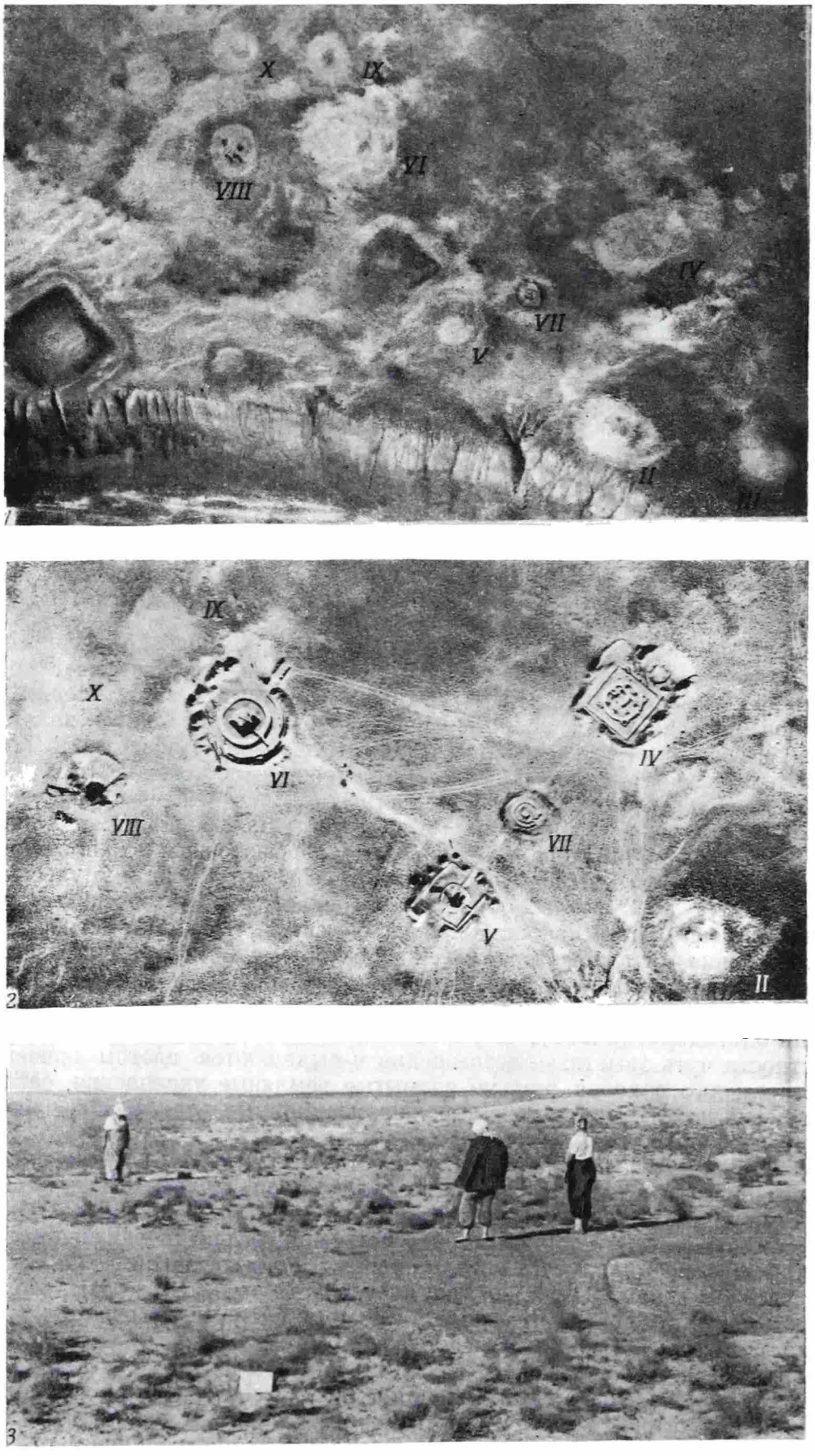


Рис. 4. Курганная группа Тагискен на Инкар-Дарье

1 — аэрофотоснимок до раскопок; *2* — аэрофотоснимок после раскопок; *3* — снимок кургана № VIII с земли (до раскопок)

тельных систем. При проведении археолого-топографических исследований на землях древнего орошения Хорезма археологи наталкиваются на ряд затруднений, так как древние оросительные каналы, как правило, мало заметны, береговые отвалы их размыты, а ложе занесено песком. С помощью только наземных исследований очень трудно определить характер мелкой оросительной сети, установить направление течения воды, увязать оросительную сеть с топографией древних поселений и главных археологических памятников изучаемого района, что важно для определения времени существования ирригации.

Могучим пособником в изучении древней ирригации стала аэрофотосъемка. На аэрофотоснимках можно увидеть то, что не удается обнаружить при наземных работах, восстановить исчезающие под песками или растительностью отдельные звенья оросительных систем, реконструировать древнюю гидрографию, которая отражается на снимках в виде вытянутых светлых полос. Эти полосы то тянутся извилистой линией, прерываемой песчаными заносами, образуя меандры, то располагаются в виде «вееров блуждания», оставленных рекой при ее постепенном перемещении по пойме. Когда на карте были совмещены русла и искусственные каналы, то оказалось, что некоторые из них (судя по археологическим находкам, наиболее древние) начинались от меандров этих русел.

Анализ аэрофотосъемки подтвердил сделанный еще в 1948 г.[21] важный вывод о том, что поливное земледелие началось в Хорезме на сильно обводненной территории живой дельты реки, характеризующейся резкими изменениями гидрографического режима, затуханием одних и обводнением других боковых протоков, что благоприятствовало искусственному регулированию паводковых вод.

В эпоху создания рабовладельческого государства в Хорезме трудом огромных масс рабов были сооружены мощные ирригационные системы, которые базировались на боковых затухающих дельтовых протоках Аму-Дарьи. Главные магистрали в архаический период (VII—V вв. до н. э.) были проведены вдоль русел и имели ответвления только в одну сторону. Это достаточно четко видно на плановом аэрофотоснимке канала Кельтеминар в окрестностях Кой-Крылган-Калы (рис. 5). Канал очень сильно разрушен дефляционными процессами, переметен барханными песками и тем не менее хорошо демаскируется на снимке благодаря боковым теням микрорельефа.

Основным характерным демаскирующим признаком изображения каналов на снимках являются светлые двойные прерывистые линии различной толщины, подчеркнутые более темным изображением песков или тенью при боковом освещении (рис. 6). В большинстве случаев каналы сохранились в виде прерывистой цепочки останцев береговых отвалов. Чем хуже их сохранность, тем труднее выявить каналы на снимках. Бывает и так, что на сильно пересеченной древней оросительной сетью равнине образовалась сплошная такырная корка и лишь цвет почвы и редкие кустарники биюргуна демаскируют мелкую оросительную сеть. На месте старых каналов и арыков механический и органический состав почвы на глубине иной, чем на полях, что и создает благоприятные условия для растительности. В этих случаях приходилось использовать при археологическом дешифрировании не прямые демаскирующие признаки, а косвенные, в частности характер почвенно-растительного покрова. Это особенно заметно при дешифрировании на снимках древних бахчей и виноградников с характерными «полосатыми» планировками из гряд (рис. 7).

Не только характер изображения каналов, размеры, формы и тон помогают дешифрированию оросительных систем, но и положение каналов по отношению к другим элементам древнего культурного ландшаф-

[21] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 45.

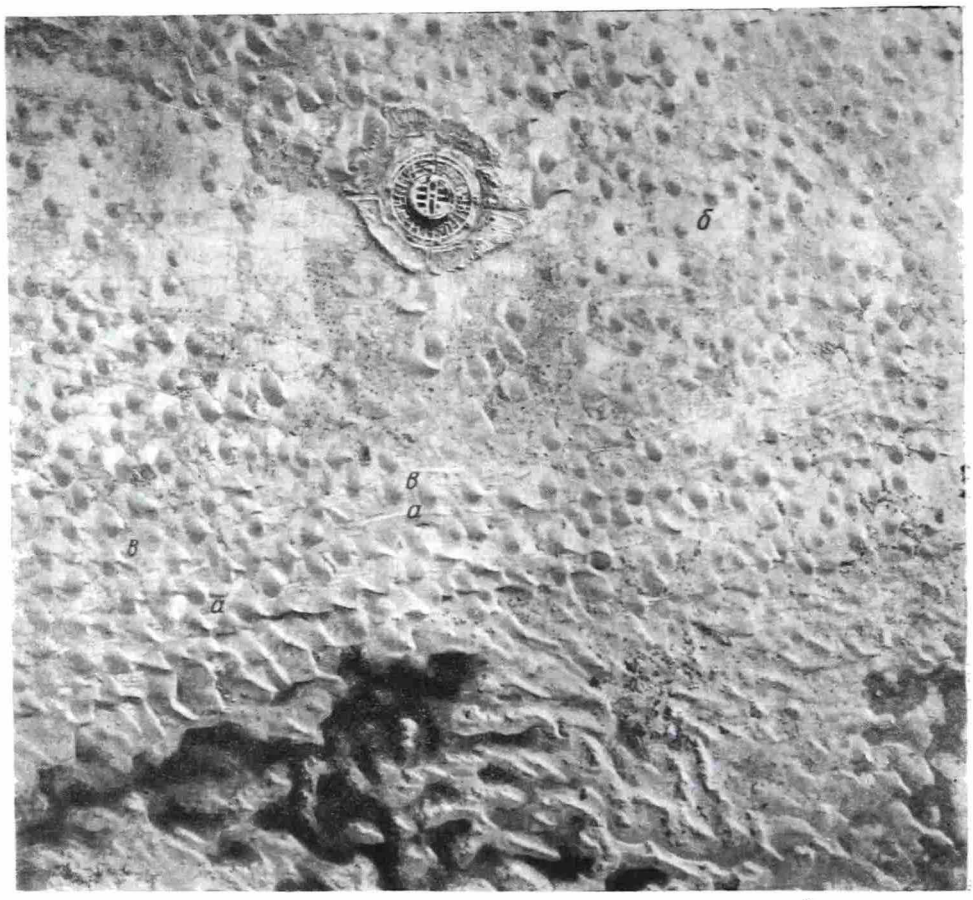


Рис. 5. Канал Кельтеминар в районе крепости Кой-Крылган-Кала (IV в. до н. э.—I в. н. э.)
а — магистральные архаические каналы; *б* — отводной архаический оросительный канал; *в* — канал кангюйского и кушанского времени

Рис. 6. Магистральный канал у развалин Большой Кырк-Кыз (Турткульский район)

Рис. 7. Остатки античного виноградника в системе древнего канала Кельтеминар

та, и в первую очередь, по отношению к развалинам усадеб, укреплений и городов. При этом существенное значение имеет знание закономерностей, существовавших между топографией поселений и мелкой оросительной сетью.

Систематические археолого-топографические исследования, сочетающие наземные археологические рекогносцировки с дешифрированием аэрофотоснимков и картографированием ирригации, позволили детально изучить историю развития оросительных систем Хорезма от первобытности до позднего средневековья [22]. Конфигурация и общий характер оросительных систем постепенно изменялись; на ранних этапах (поздняя первобытность и ранняя античность) системы характеризовались подпрямоугольными угловатыми формами, позднее (в кангюйский и кушанский периоды истории Хорезма) увеличилось число боковых ответвлений, магистральные каналы стали у́же, но глубже. В эпоху феодализма ирригационные системы приобретают сложно-ветвистую конфигурацию, увеличивается частота мелкой оросительной сети, получает дальнейшее развитие планировка полей.

Каналы разных исторических периодов характеризуются различной сохранностью; довольно четко различаются между собой и их изображения на снимках. Сравнивая эти снимки друг с другом, изучая их с помощью лупы, стереоскопа или стереометра, удается выявить, какие каналы более древние, какие — более поздние, а зная принципиальную схему развития ирригации Хорезма, можно определить и абсолютную дату. Решающее значение при этом имеют материалы полевых археологических маршрутных исследований (монеты, бусы, керамика и т. п.), на основании которых определяется датировка земледельческих поселений, топографически связанных с изучаемой ирригационной системой и свидетельствующих о времени функционирования ее отдельных звеньев. Чем гуще сеть археологических поисков, тем точнее и детальнее выводы об исторической динамике ирригационной сети.

[22] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 100—142; С. П. Толстов, Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории ирригации Хорезма, КСИЭ, вып. 26, 1957.

Большое значение для изучения истории орошаемого земледелия имеет дешифрирование русел, естественная история которых в историческое время неразрывно связана с историей оросительных сооружений. Определение на основании археологических материалов времени функционирования последних дает возможность судить и об обводнении речных дельтовых протоков, с которыми топографически связаны ирригационные системы. В большинстве случаев эта связь хорошо прослеживается на аэрофотоснимках.

Широкое применение аэрофотосъемочных методов позволяет резко сократить объем наземных археолого-топографических работ, ограничить их изучением наиболее сложных узлов оросительных систем и некоторых участков, распространив археологическое определение на все протяжение системы, контурные линии которой достаточно четко просматриваются на снимках.

При хорошем знании археологических памятников данного района возможны методы камерального археологического дешифрирования и определение времени функционирования оросительных систем с помощью «эталонов», т. е. отдешифрированных на местности снимков наиболее характерных участков земель древнего орошения.

Наряду с аэрофотосъемкой и аэрофотосъемочными методами исследования топографии земель древнего орошения, в практике работ Хорезмской экспедиции нашли широкое применение авиавизуальные наблюдения. При организации больших археологических маршрутов как в первые послевоенные годы работ экспедиции (1946—1948) [23], так и, в особенности, в последние годы авиавизуальные наблюдения, как правило, предшествовали наземным маршрутным работам и аэрофотосъемкам [24].

Авиавизуальные наблюдения оказались особенно эффективными при исследовании первобытных памятников. Так, обследование памятников Акча-Дарьи, проведенное Хорезмской экспедицией в 1954—1956 гг. совместно с геоморфологами Института географии АН СССР, началось с авиаразведочного маршрута вдоль русла Акча-Дарьи до Аральского моря и обратно, сопровождаемого визуальным обследованием и рядом посадок в наиболее важных местах [25]. В результате авиаработ и археологических маршрутов 1954—1956 гг. удалось выявить определенную закономерность в географическом размещении разновременных стоянок. Так, стоянки эпохи неолита (кельтеминарской культуры) обнаруживаются преимущественно по краю дельты, на границе с коренными песками, или у подножья крупных внутридельтовых возвышенностей.

Энеолитические стоянки (камышлинской культуры) располагаются по краю дельтовой области на примыкающих к дельте коренных песчаных возвышенностях, главным образом у северных мысов песчаных гряд в межгрядовых понижениях, преимущественно на северо-восточных склонах котловин.

[23] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1946 г., стр. 177; С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). Тр. ХАЭЭ, т. I, М., 1952, стр. 9.

[24] Например, в 1958 и 1959 гг. археологическим маршрутным исследованиям бассейна Инкар-Дарьи предшествовали разведочные авиамаршруты, во время которых уточнялись направления и основные объекты наземных работ. Во время авиамаршрута 9.IX.1960 г. к востоку от Кум-Калы был обнаружен и обследован обширный средневековый комплекс Кум-Кала Восточный, зафиксировано свыше десятка квадратных и овалообразных тюркских (огузских) укреплений, открыты обширные городища Сарлытам-Кала и Зангар-Кала. Обследованы и описаны чрезвычайно своеобразные оросительные системы этих районов. Открыто и зафиксировано много других памятников.

После завершения наземных археологических работ авиамаршруты были повторены, но их основной задачей явились уже не авиавизуальные наблюдения, а аэрофотосъемки обследованных памятников.

[25] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6, стр. 95—103; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1.

Стоянки эпохи бронзы встречаются повсеместно во внутренних областях дельты Акча-Дарьи, на северных концах разветвляющихся (дихотомирующих) меридиональных песчаных гряд, там, где ряды пересекаются протоками дельты. Стоянки располагаются в котловинах выдувания на склонах северо-восточной ориентации.

Из опыта работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции видно, что аэрометоды — авиавизуальные наблюдения и аэрофотосъемка — становятся в последнее время необходимым элементом археологических исследований. Обширные ансамбли древних городов, укреплений и поселений Хорезма, воспринимаемые с земли в виде неопределенных руин, скрытых под наносами песка и покровом растительности, видны с самолета в огромной перспективе, раскрывающей не только планировочную схему, но и все мельчайшие детали, не видимые с земли. Аэрометоды дают возможность с большой точностью и значительной экономией времени и средств фиксировать археологические памятники, определять типы планировок поселений различных исторических эпох, изучать древние оросительные системы, отдельные звенья и детали которых ускользали от наземных наблюдений, обнаруживать неизвестные ранее крупные поселения и города.

Важнейшее значение аэрофотосъемки заключается в том, что она лучше всего позволяет изучать древнюю ирригацию. Таким путем археология способна оказать существенную помощь в решении проблем современной ирригации.

Программа КПСС, принятая историческим XXII съездом КПСС, ставит важную задачу — «выполнить обширную программу **ирригационного строительства** для орошения и обводнения миллионов гектаров новых земель в засушливых районах и подъема существующего поливного земледелия»[26]. В свете этой задачи важное значение приобретает вопрос о реальных возможностях нового освоения и использования под земледелие обширных пространств орошаемых земель и изучение древней ирригации.

19 ноября 1961 г. Н. С. Хрущев в речи на совещании работников сельского хозяйства в г. Ташкенте отметил, что освоение новых земель в Средней Азии имеет большое государственное значение.

Результаты исследований древних оросительных систем с помощью аэрометодов могут быть широко использованы при проектировании и практическом осуществлении намеченных партией и правительством обширных мероприятий по освоению земель древнего орошения.

---

[26] Программа КПСС, часть вторая, I, 2А.

А. Л. МОНГАЙТ

ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ [1]

Большую роль в методике археологических исследований играет географическая карта вообще и археологическая карта — в частности. Так как всякая археологическая карта есть, прежде всего, карта географическая, то в дальнейшем мы будем под археологической картой подразумевать географическую карту с археологическими элементами.

В таком понимании археологическая карта за последние 50 лет получила широкое распространение. Сейчас почти ни одно опубликованное археологическое исследование или сообщение не обходится без археологической карты. Однако до сих пор методика составления археологических карт и основные принципы и методы археологической картографии не получили еще теоретического обоснования и обобщения. Некоторые попытки, сделанные в этом направлении, ограничились главным образом кодификацией условных обозначений, выработкой номенклатуры карт и другими, в сущности, второстепенными вопросами.

Археологическая картография не ограничивается задачей иллюстрирования текста или составления карт как наглядного изображения каких-либо археологических выводов и обобщений. Археологическая картография является одним из методов археологических исследований.

Как невозможно, например, изучить конфигурацию моря, не нанося его береговой линии на карту, так невозможно изучить положения какого-либо общественного явления в пространстве без картографирования, и, именно, изучить, а не только изобразить. Все исторические события, как и весь исторический процесс, протекают во времени и в пространстве.

Историческая карта есть графическое условное изображение исторического события или исторического периода в пространстве, построенное на географической основе. Археологическая картография отличается от исторической только тем, что в изучении исторического процесса использует преимущественно археологические, т. е. вещественные источники.

Археологическая картография есть графический метод изучения и изображения исторического процесса в пространстве по археологическим данным. Ее задачи следующие:

1. Установление, уточнение и изображение географического размещения археологических памятников на земной поверхности. В результате этого создается обзорная карта научно-справочного характера как основа для дальнейших археологических исследований и исторических выводов и обобщений.

---

[1] Настоящая статья является сокращенным изложением вводной главы к подготавливаемой А. Л. Монгайтом совместно с А. С. Амальриком книге «Археологическая картография».

2. Обобщения и выводы в отношении общих или частных явлений общественной жизни в прошлом и локализация этих явлений. Отсюда вытекает ряд частных задач и возможностей: а) составление карт, показывающих географическое размещение археологических культур; б) изучение и изображение размещений, перемещений, взаимосвязей и взаимовлияний археологических культур и этнических групп; в) изучение и изображение размещения и распространения отдельных видов производств, сельскохозяйственных культур и т. п., а также отдельных типов вещей; г) определение этнических, политических и иных границ; д) определение торговых путей и экономических связей; е) локализация и изображение этнических, экономических, культурных и политических явлений, определенных по археологическим данным.

3. Изучение, установление и изображение взимосвязи общественных явлений прошлого с географическими факторами.

Для выполнения первой из указанных задач служит составление «Основной археологической карты», включающей в себя все археологические памятники изучаемой территории на основании использования всех источников и сплошного ее обследования. Такая работа проводится в отдельных республиках, областях и районах СССР с тем, чтобы потом из отдельных карт была составлена общая карта археологических памятников всей страны. Работа такого рода проделана в прибалтийских республиках, Молдавии, Казахстане, ведется в УССР и в РСФСР. Результаты ее уже публикуются [2]. Важнейшим центром по созданию «Основной археологической карты» является Институт археологии АН СССР. В связи с подготовкой издания «Свода археологических памятников СССР» в ИА АН СССР создается картотека, в которой будут учтены результаты работы всех научных учреждений по выявлению и исследованию археологических памятников. Ряд выпусков «Свода» будет посвящен публикации региональных и тематических карт. Таким образом, подготавливается создание «Основной археологической карты СССР».

Археологические карты, на которых регистрировались все найденные памятники старины, появились в разных странах впервые в середине XIX в. В 1874 г. Конгресс историков в Стокгольме утвердил международные знаки для археологических карт.

В то же время вопрос о разработке методики составления археологических карт был поставлен в России. Он рассматривался на V Археологическом съезде в Тифлисе. Итогом работ было лишь составление легенды к археологической карте России [3]. До Великой Октябрьской социалистической революции было составлено несколько археологических карт, среди которых наиболее крупные охватывали памятники целых губерний — Тверской, Харьковской, Тамбовской, Киевской и Волынской.

Тематические карты, типологические карты появились только в XX в. и стали неотъемлемой частью работ археологов, главным образом после выхода в свет трудов О. Монтелиуса, опубликования Дешелеттом его «Manuel» и работ А. А. Спицына и В. А. Городцова в России.

Графическое представление об ареале распространения древних вещей и других элементов культуры стало законом для методологии

---

[2] Среди опубликованных карт наиболее значительные работы И. А. Талицкой (см. И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. МИА № 27, 1952); ее же. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. МИА № 35, 1953; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, Киев, 1951; Археологическая карта Казахстана, Алма-Ата, 1960. Археологические карты Волго-Окского междуречья лежат в основе исследования Е. И. Горюновой (см. Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961).

[3] Д. Н. Анучин. К вопросу о составлении легенд к археологической карте России (по доисторической археологии). М., 1884.

археологов. В начале XX в. был создан ряд археолого-этнографических карт, т. е. карт палеоэтнографии, на которых древние человеческие сообщества, в том числе племена и народы, были представлены в виде археологических культур.

В основе археолого-этнографической карты лежат различные типологические карты. Исследуя на большой территории различные типы вещей разного времени, археологи составляют карты распространения этих типов и затем выделяют области распространения аналогичных комплексов вещей одного и того же времени. То же делается в отношении обрядов погребения, форм поселений и жилищ и т. д. Типологический метод теперь составляет часть археологических исследований во всех странах. Он служит средством классификации вещей для установления хронологии, наряду со стратиграфическим и другими методами. Типология служит и другой цели — установлению отдельных археологических культур. Так, археологи, составляя карты распространения стратиграфически датированных типов, по ним открывают археологические культуры.

Особенности орудий труда, оружия, украшений, жилищ, погребальных обрядов и ритуальных объектов позволяют предположить, что они являются конкретным выражением каких-то общих традиций, которые связывали население данной территории. Несомненно, что археологическая культура является исторической реальностью, а не некоей фикцией, возникшей в умах археологов. Иное дело, что представляет собой археологическая культура, какое явление она отражает: наличие этнических или исторических общностей, хозяйственно-культурные типы или историко-этнографические области или, наконец, определенные стадии развития культуры [4]. Выделение археологической культуры не является конечной целью археолога, его, как историка, всегда интересует, что скрывается за найденной культурой, о каких общественных явлениях она позволяет судить.

Так, для эпохи палеолита археологические культуры чаще всего отражают лишь одинаковые ступени развития производительных сил при одинаковой форме хозяйства. При примитивном уровне культуры одинаковые потребности приводили к созданию сходных по своему характеру комплексов предметов, сходных по форме (и одинаковых по функциям) примитивных орудий. Таким образом, шелльская или ашельская и отчасти мустьерская культуры в понятии археологов представляют лишь определенные стадии развития человеческой культуры. Сходство памятников этих культур отнюдь не приводит к выводу о некоей территориальной общности их создателей. Попытки расистов связать археологические культуры эпохи палеолита с человеческими расами потерпели полную неудачу. Одним из наиболее ярких примеров несостоятельности подобных попыток является то, что гримальдийцы — негроиды и кроманьонцы — европеоиды имели одинаковую материальную культуру.

Но в раннем неолите или в самом конце эпипалеолита сложились локальные образования, отраженные археологическими культурами, представляющими уже иное понятие [5]. Развитие производительных сил и общественной жизни привело к тому, что на территориях, близко соприкасающихся друг с другом и подчас в одинаковых естественно-географических условиях, появились резко отличающиеся особенности в развитии материальной культуры, в обрядах и ритуале. При этом во многих случаях наблюдается непрерывная преемственность форм в одном определенном районе. Типологические карты ярко отразили это явление. Попытки сопоставить карты археологических культур с лингвистиче-

[4] М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ, 1955, № 4.

[5] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

скими и историческими данными должны привести к решению вопроса о том, что за этими культурами скрывается. Однако эти попытки не всегда удачны.

Если говорить о языковых данных, то прежде всего для сопоставления с картами археологических культур мы должны бы иметь карты распространения разговорных языков для той же эпохи, к которой относятся эти культуры. Но для древнейших эпох таких карт нет. Сравнительное языкознание еще не достигло такой ступени развития, которая позволила бы создать точное представление о распространении языков в глубокой древности. Отсутствие лингвистической стратиграфии затрудняет, а иногда и делает невозможными выводы об этнической принадлежности той или иной археологической культуры. Кроме того, следует учесть, что если бы и удалось установить распространение больших языковых общностей, то почти нельзя надеяться на это в отношении отдельных племен. Языковая дробность в древности, по-видимому, достигала необычайных размеров. Известно, что в момент открытия Австралии этот континент населяло около 200 000 человек, разговаривавших более чем на 500 различных языках и наречиях. Даже для эпох, о которых мы располагаем сравнительно богатой лингвистической документацией, последнюю подчас трудно связать с данными археологии, так как хорошо известно, что народы, имеющие сходную материальную культуру, могут разговаривать на различных языках, и наоборот.

Сравнительно-исторический метод в языкознании позволяет представить себе историческую и географическую обстановку возникновения древнейших языковых общностей лишь весьма приблизительно. Достаточно вспомнить историю неудачных поисков территории, где могло возникнуть индоевропейское языковое единство.

Несмотря на это, нельзя полностью отрицать значение сопоставления лингвистических данных с картами археологических культур, как это делают некоторые ученые [6].

Особое внимание следует обратить на топонимику. Древние названия рек, озер, урочищ и т. п., данные первыми насельниками, часто сохраняются в той или иной местности на протяжении тысячелетий. Так, главным образом на данных топонимики установлена связь археологических культур, объединяемых термином «ямочно-гребенчатая керамика», с финно-угорским населением Восточной Европы и Западной Сибири. Хотя важнейшим этническим признаком является язык, на котором разговаривал тот или иной народ, указанные выше трудности использования лингвистических данных не должны служить основанием для отказа от этнической интерпретации археологических культур. Нужно сказать, что начиная с первой четверти XX в., после того как германские археологи (Г. Коссина и др.) предложили метод, в основе которого лежало признание того, что определенные народы могут быть опознаны по археологическим культурам, эта тема заняла непомерно много места в исследованиях многих европейских археологов. Несмотря на то, что на взглядах Коссины сказался в значительной мере его немецкий шовинизм и стремление доказать с помощью изучения распространения археологических культур огромную историческую роль германцев в развитии Европы, выдвинутый им принцип сопоставления «культурных провинций» с определенными народами имеет научное значение, и вопрос об этнической интерпретации археологических культур остается важным вопросом в науке.

Мы не можем согласиться с теми американскими учеными, которые отрицают возможность постановки такого вопроса и предлагают говорить не о конкретных археологических культурах, а об общечеловеческой культурной идее, лишь воплощенной в своих элементах на отдель-

[6] См., например, S. J. de Laet. L'archéologie et ses problèmes. Berchem — Bruxelles, 1954, стр. 93—103.

ных территориях[7]. Мы не можем разделить взглядов и тех европейских ученых, которые считают, что прослеживаемое археологами изменение культурных элементов позволяет судить только о развитии технологии и занятиях населения. Например, о строителях мегалитов можно сказать, что они были земледельцами или скотоводами, но к какому народу они принадлежали (иберам, бриттам, кельтам и т. д.) — этого археолог якобы никогда решить не сможет и не следует ему этим заниматься[8].

Однако в попытках этнической интерпретации археологических культур следует проявлять максимум осторожности. Следует помнить, что если одни признаки археологической культуры могут послужить для определения ее этнической принадлежности, то другие могут способствовать отнесению ее к определенному хозяйственно-культурному типу и т. д.

Когда археолог впервые создает культурно-стратиграфический разрез какой-то территории, он отбирает сходные признаки на разных археологических памятниках и по ним выделяет археологические культуры. В зависимости от цели исследования он должен на первое место выдвигать те признаки археологической культуры, которые больше всего могут способствовать решению поставленного вопроса.

Археолог картографирует все элементы культуры, но для суждения о хозяйственной деятельности населения для него будет иметь первоочередное значение изучение типов орудий труда, оружия и т. д. Для определения этнической принадлежности населения наиболее важны элементы одежды, украшений, погребальных и др. обрядов и т. п.

Типы орудий труда и оружия, типы построек часто зависят только от историко-географической среды и характера хозяйственной деятельности населения, поэтому они могут быть схожими или одинаковыми у разных народов. По форме лемеха можно судить прежде всего о том, какие почвы им пахали — степные или лесные и т. п., и лишь иногда — какой народ им пользовался. Формы жилищ также связаны главным образом с хозяйством и ландшафтом и в меньшей степени, чем другие элементы, могут сами по себе служить для этнического определения.

Наиболее характерными для отдельных археологических культур, представляющих этнические общности, являются черты, выражающиеся в деталях форм вещей — орнаменте, специфической форме сосудов, в типичных особенностях отдельных предметов. Так, например, М. Е. Фосс считала, что орнамент на неолитических глиняных сосудах является важнейшим признаком, по которому можно судить о различии в материальной культуре, определяющем этнические различия[9]. Представляя в своей основе повторение родовых и племенных знаков, орнамент связан с этнической общностью владельцев этих сосудов. Обмена сосудами в неолитическую эпоху не было, поэтому, когда керамика определенного типа оказывается вне области своего обычного распространения, археологи предполагают, что она принесена на это место переселившимся сюда племенем или группой племен. Кухонная глиняная посуда обычно не экспортировалась и в позднейшее время, но сосуды, служившие тарой для жидкостей или сыпучих тел, перевозились на большие расстояния. Находка таких сосудов вдали от места изготовления может служить для характеристики возникшего обмена или торговли. Когда керамика, характерная для какой-либо археологической культуры, встречается вместе с керамикой другой культуры, составляя ее меньшую часть, не-

[7] W. W. Taylor. A Study of Archaeology. American Anthropologist, т. 50, № 3, ч. 2 (Memoir, N 69), 1948.

[8] O. G. S. Grawford. Archaeology in the Field. London, 1953.

[9] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1953, гл. 6.

обходимо решить вопрос о причинах этого явления. Возможно, что керамика попала в это новое место в результате обмена или заимствования, или, может быть, керамические формы и орнаменты, свойственные другому племени, принесены женщинами в результате экзогамных браков. Самое сложное, с чем приходится сталкиваться археологу при решении вопроса об археологической культуре,— это возможность возникновения одинаковых или сходных явлений в материальной культуре в отдаленных и не связанных между собой областях независимо друг от друга. Так, сходство элементов материальной культуры наблюдается у многих племен эпохи энеолита. Как наиболее яркий пример подобного явления можно привести распространение в эпоху энеолита крашеной керамики на гигантских пространствах от Дуная до Китая. Всюду, где появлялись раннеземледельческие культуры, в определенных социальных и географических условиях, мы встречаем чрезвычайно сходную керамику. Конечно, это было не одно племя, а множество различных племен, у которых в определенных исторических условиях возникали сходные приемы изготовления и украшения глиняной посуды (другие элементы культуры на территории распространения расписной керамики — различны). Следовательно, попытка выделить археологическую культуру, под которой подразумевается некая этническая общность, по одному признаку — керамике и ее орнаменту, привела бы в данном случае к большой ошибке. Пока археологи располагали недостаточным материалом, такие ошибки бывали часто, по мере накопления материала и его глубокого изучения они исправляются и меняется самое направление исследований. Так, большая группа неолитических племен, живших на северо-востоке Европы и на западе Сибири, была вначале охарактеризована археологами суммарно как племена культуры ямочно-гребенчатой керамики. Было высказано предположение, что носители этой культуры являлись предками финно-угорских племен. С течением времени, когда археологи подробно изучили материал, «ямочно-гребенчатая» керамика была разделена на большие группы. Оказалось, что для района Урала, Прикамья и Западной Сибири характерна керамика гребенчато-струйчатая, для Прибалтики — гребенчатая, для северных районов Европейской части СССР — ямочная и т. д.

В то же время внутри первой группы наметились провинции со специфическими оттенками в орнаменте. Таковы, например, прикамская гребенчатая керамика, уральская гребенчато-струйчатая, западносибирская гребенчато-волнистая, нижнеобская гребенчатая, но несколько отличная от камской, и т. д. Вероятно, при дальнейшем глубоком изучении будут выделены и другие более мелкие подразделения. Можно думать, что эти провинции с различным орнаментом на однотипной в общем керамике отражают и отдельные группы в пределах финно-угорской этнической общности [10].

Можно привести еще десятки или даже сотни примеров, когда керамические комплексы дают повод для выделения археологических культур. Однако некоторые археологи, в особенности в западноевропейских странах, идут значительно дальше допустимого в данном случае решения вопроса. Они настаивают на картографировании в первую очередь именно мелких, второстепенных признаков, например только деталей орнамента, и по ним выделяют археологические культуры. Кроме того, они считают отдельные детали керамического орнамента не исторически сложившимися чертами материальной культуры, а признаками биологической или географической общности. Так, например, елочный орнамент приписывается северному культурному кругу, орнамент в виде треуголь-

[10] В. Н. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований, Москва, 1951.

ников — кругу дунайских культур и т. п.[11] Хотя картографирование деталей орнамента керамических изделий может способствовать выявлению отдельных групп населения, но связывать такие примитивные и в общем широкораспространенные приемы орнаментации, как треугольники или елочка, только с определенными резко отграниченными этническими общностями мы не имеем никаких оснований.

Каким же образом составляется карта археологической культуры? Прежде всего нужно составить ряд вспомогательных карт, на которых регистрируются отдельные элементы культуры: особенности быта, одежды, жилища, утвари, орудий труда, орнамента, деталей погребального обряда и т. д. Но отдельные сходные элементы могут встречаться в разных культурах, поэтому необходимо отметить и картографировать ведущие формы той или иной археологической культуры, по которым можно выделить локальную группу населения из общей массы населения данной территории, а также показать на карте, в каких пунктах встречаются все элементы данной культуры, а в каких — лишь некоторые.

Археологическую культуру нельзя выделять по одному какому-нибудь признаку. Отдельные сходные элементы могут встречаться в разных культурах, лишь наличие ряда признаков в сумме позволяет выделить ту или иную культуру и рассматривать ее как некую исторически сложившуюся общность. На карте должны быть показаны как находки отдельных вещей по типам, так и типы погребений и поселений [12].

Очень частой ошибкой археологов является попытка выделить культуру, картографируя не комплекс ее элементов, а один какой-нибудь элемент. Так на карте появляются лжекультуры, отражающие не социальные или этнические общности, а всего лишь результаты связей торговых или культурных, например, общеевропейскую моду на украшения или посуду, распространившуюся в определенное время из одних производственных мастерских на обширную территорию. Следует учитывать, что в бронзовом и, в особенности, в железном веке общение между народами настолько возросло, что отдельные элементы культуры проникали в очень далекие области. Так, например, если мы возьмем карту распространения предметов унетицкой или латенской культур, то увидим, что влияние этих культур на соседние было так велико, что иногда практически невозможно отделить одну культуру от другой, если судить лишь по отдельным предметам (например, фибулам). Картографируя лишь элементы сходства, нельзя различить центры расцвета отдельных культур и районы, на которые они влияли. Так, в результате картографирования двух ярких отличительных элементов — фибул и парадной посуды на огромных пространствах Восточной Европы — была выделена черняховская культура. Ее пытались рассматривать как возникшую в результате этнического единства создавших ее племен. Внимательное изучение других элементов культуры позволило наметить отдельные варианты черняховской культуры и предположить, что она не является этнически единой. Нельзя также выделять культуру только по обряду погребения. Один и тот же обряд погребения (например, трупосожжение или погребение в мегалитических могилах) был распространен у разных народов и, наоборот, у одного и того же народа были разные обряды погребения. Кельты в Богемии в эпоху латена совершали и трупосожжение, и трупоположение, то же наблюдается и в культурах «полей погребений» Восточной Европы. Если все же археолог выделяет культуру по какому-нибудь одному признаку, то существование такой культуры

[11] H. Knöll. Wanderungen, Handel, Ideenausbereitung und Töpferwerkstätten bei der norddeutschen Tiefstichkeramik. AG, Hamburg, 1952, тетр. 1/3.

[12] Интересные замечания по поводу составления общих карт археологических находок имеются в статье H. Behrens (см. H. Behrens. Einige Bemerkungen zur vergleichenden geographischen-kartographischen Methode in der Urgeschichtsforschung. AG, 1951, тетр. 3/4.)

он должен признать лишь научной гипотезой, подлежащей самой тщательной проверке. Нельзя не отметить, что подобные гипотезы иногда приводили к самым счастливым научным открытиям.

Так, например, городища раннего железного века на севере Европейской части СССР, по-видимому, принадлежащие предкам финно-угорских народов, подразделяются на две группы: дьяковские и городецкие. Наиболее характерным отличием является то, что на первых встречается, а на вторых не встречается так называемый «грузик дьякова типа». Этот загадочный и, по-видимому, второстепенный предмет стал определяющим для целой археологической культуры. Однако внимательное изучение керамики позволило установить и другое различие. На дьяковских городищах встречается керамика с так называемым текстильным орнаментом. На городецких городищах встречается и текстильная и так называемая рогожная керамика. Различия в керамике составляют второй характерный признак городецких городищ. В остальном по облику материальной культуры между городецкими и дьяковскими городищами наблюдается заметное сходство. Могут ли эти в сущности второстепенные признаки служить основой для разделения тех и других городищ на две группы, принадлежащие к различным культурам? Если бы подобное различие наблюдалось на одном-двух городищах, можно было бы предположить, что оно случайно, но когда это явление наблюдается на десятках городищ, элемент случайности отпадает. Картографируя установленные археологические различия, мы находим объяснения этому явлению. Хотя территория дьяковских и городецких городищ была занята племенами финно-угорской языковой группы, между районами их распространения проходит четкая граница. Городецкие городища встречаются на юг и юго-восток от среднего течения р. Оки (начиная примерно с места впадения в Оку р. Цны) и до Волги. Это территория, и ныне заселенная мордвой, или территория, на которой, как можно установить по археологическим данным, жили предки мордвы. Археологи предположили, что городецкие городища также принадлежат предкам мордвы. Эта гипотеза в последнее время подтверждается рядом фактических данных [13].

Выделение на картах ведущих для данной культуры форм — задача сложная, но очень важная. Благодаря этому карта приобретает большую наглядность. Возьмем, например, карту, составленную для одной какой-нибудь археологической культуры, на которой нанесено множество пунктов находок вещей и их типы. Несмотря на исчерпывающую полноту этой карты выводы из нее затруднены, так как оказывается, что для племенного или этнического подразделения важны, скажем, два ведущих типа вещей, остальные свидетельствуют лишь о торговых связях, влияниях и т. п. Если мы на другой карте крупными значками выделим эти два важнейших типа, то карта сразу станет «говорящей» [14]. На другой карте могут быть представлены курганы или поселения. Здесь тоже важны не все пункты. Если для исторических выводов в данном случае важны лишь различия в обряде погребения, их и нужно сделать наглядными. Относительная неполнота может только способствовать выдвижению на первый план тех источников, которые имеют решающее историческое значение [15].

Рассматривая некоторые археологические культуры как отражение древних этнических общностей, археологи получают возможность составить этнографические карты древности. Картографируя места находок,

---

[13] А. Л. Монгайт. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э. СА, XVIII, 1953; его же. Рязанская земля, М., 1961, гл. II.

[14] H. J. Eggers. Die vergleichende geographisch-kartographische Methode in der Urgeschichtsforschung. AG, 1950, тетр. 1.

[15] H. J. Eggers. Natürliche Erkenntnisgrenzen bei vorgeschichtlichen und volkskündlichen Fundkarten. Beiträge zur Volkskunde Pommerns. Greifswald, 1939.

типичных для данной культуры вещей, могильников, мест поселения, а затем налагая эти карты в хронологическом порядке друг на друга, можно показать изменение границ распространения данной культуры, ее рост, расцвет и упадок, а следовательно, и судьбы племени, которое она отражает. Создание таких динамических карт, т. е. карт, показывающих археологическую культуру в движении, особенно важно в историческом отношении. Исходным при составлении таких карт является выяснение первоначальных границ археологической культуры.

Когда европейские ученые впервые пришли к выводу, что археологические культуры отражают этнические общности, они полагали, что можно наметить четкие границы между областями распространения археологических культур. Так, Г. Коссина считал, что «резко ограниченные археологические культурные провинции соответствуют во все времена определенным народам или племенам» [16]. Для того чтобы можно было говорить о культурной провинции (по Коссине), должны быть соблюдены следующие условия: она должна на типологической карте (т. е. карте, которая отражает ряды перекрывающих друг друга отдельных типов) представлять собой замкнутую область, которая отличается от соседних областей и имеет точно очерченные границы [17]. Впоследствии стала ясна ошибочность этой точки зрения, невозможность провести четкие границы между археологическими культурами. Первобытное общество не знало четких политических границ, кроме тех случаев, когда между племенами лежали естественные преграды (горы, болота, моря). Были переходные районы, где смешивались элементы соседних культур, или незаселенные пространства, которые по мере роста населения, при экстенсивных формах хозяйства, постепенно заселялись [18]. Яркий пример такого переходного района представляет собой пограничная область между синхронными культурами бронзового века — андроновской и срубной. На широкой полосе между Волгой и Уралом, на пространстве шириной в 100—200 *км* эти археологические культуры представлены в таком смешении, что ни один исследователь не решился бы определить, к какой из названных культур относится тот или иной памятник. Далеко не всегда исследователи выделяют такие пограничные смешанные зоны, поэтому карты, на которых показаны четкие границы археологических культур, представляют собой скорее условные схемы, чем карты, на которых отражены подлинные этнические границы.

Выявление этнических общностей по археологическим данным и проведение границы между ними осложняются, как выше уже было сказано, рядом фактов, которые необходимо постоянно учитывать. Это культурные влияния одного общества на другое, переселения, торговые сношения и т. п. Типичные предметы данной культуры иногда бывают найдены далеко от области их преимущественного распространения. Для полноты карты нужно указывать не только места распространения данной археологической культуры, но и места распространения (в виде отдельных памятников) других археологических культур на территории данной культуры [19]. Это, однако, не должно влиять на проведение границы распространения археологической культуры, а учитываться как фактор внешнего влияния. По существу район распространения археологической культуры

---

[16] G. Kossina. Die Herkunft der Germanen. Mannus-Bibliothek, N 6, Würzburg, 1911, стр. 3.

[17] E. Wahle. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlichen Kulturprovinzen. Grenzen der frühgeschichtlichen Erkenntnis. I. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, 1940/41; Abhandlung, Heidelberg, 1941.

[18] M. Jahn. Die Abgrenzung von Kulturgruppen und Völkern in der Vorgeschichte. Berlin, 1952.

[19] А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956.

должен быть обозначен на карте лишь в результате статистической обработки данных, полученных в отношении распространения элементов этой культуры и составления корреляционных таблиц.

Границы археологической культуры обычно проводят по крайним точкам распространения памятников этой культуры, причем картографы то соединяют эти точки прямыми линиями, то рисуют произвольную кривую, предполагая (и чаще всего справедливо), что не все еще памятники этой культуры, расположенные между двумя пограничными точками, открыты и что некоторое округление линии не исказит подлинной исторической картины. После того как исследователь определил тем или иным способом первоначальную границу археологической культуры, перед ним возникает задача показать ее в движении. Иногда переселения, завоевательные походы (в том случае, если не располагают точными данными о их результатах, а известно лишь направление движения) изображаются на картах в виде стрелок. Этот способ нельзя признать удачным. За видимой динамичностью карты скрывается, по существу, недостаточная осведомленность исследователя. Другое дело, когда автор располагает хотя бы и немногочисленными, но точными данными о распространении и хронологии памятников, относящихся к определенной археологической культуре. Так, например, в 1946 г., когда было известно только 26 фатьяновских могильников, О. А. Гракова распределила их хронологически и разделила на три группы — московскую, ярославскую и чувашскую [20]. Это дало возможность составить карту фатьяновской культуры, на которой последняя показана в развитии.

Точно так же исторический процесс развития трипольских племен может быть наглядно представлен на картах, с тех пор как дана периодизация трипольских поселений [21]. Хронологические стадии трипольской культуры, представленные на картах, дают возможность судить о расселении и движении земледельческо-скотоводческих племен.

Выявив какую-либо археологическую культуру, установив, что за ней скрывается некая этническая общность, исследователь должен попытаться связать эту культуру с исторически известным народом, чтобы получить общую картину этногенеза. Так как первобытная история не может опираться на письменные источники, то мы большей частью не знаем названия тех племен и народов, которые выявлены по археологическим культурам. Если удастся исследование культур провести через все века доисторической эпохи и связать с определенным народом, то будет переброшен мост между первобытной историей и историей, основанной на письменных источниках.

Наиболее важным в данном случае является ретроспективный метод — метод восхождения от известных более поздних явлений к более ранним. Но на тысячелетнем пути развития народа археолог не всегда может выявить все этапы; отдельные звенья в цепи исследования выпадают, и ученый вынужден остановиться или построить более или менее правдоподобную гипотезу.

Ретроспективный метод также связан с типологическими картами, так как только наличие устойчивых типов элементов культуры, переходящих из одной эпохи в другую, позволяет связывать воедино разные этапы развития культуры.

Мы так подробно остановились на вопросах о картографировании археологических культур в связи с проблемой этногенеза, потому, что они занимают значительное место в современных исследованиях. Однако следовало бы снова подчеркнуть, что эти вопросы не являются самой важной темой в археологии и не должны заслонять собой другие научные проблемы.

[20] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

[21] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 11, 1949

* * *

К числу научных проблем, в изучении которых археологическая картография может сыграть важную роль, принадлежит вопрос об экономическом развитии древних обществ, о хозяйственно-культурных областях, о торговых связях и путях.

Очень любопытные данные для выяснения древних взаимосвязей племен и народов может получить археолог, составляя карту, на которой показаны районы распространения изделий из сырья, встречающегося только в одном определенном районе [22].

Не менее важна для археолога регистрация предметов, изготовленных на одних территориях и встречающихся на других, иногда в значительном отдалении от места их производства, таких, как бусы, печати и т. п. Но здесь мы сталкиваемся иногда с вопросом о том, что означает сходство вещей, найденных на разных территориях, у разных народов: была ли эта вещь привезена или изготовлена по иноземному образцу, т. е. имеем ли мы дело с миграцией вещи или идеи вещи? В том и другом случае это служит доказательством взаимосвязи.

Одним из интереснейших методических приемов создания экономической карты по археологическим данным является прием, примененный Б. А. Рыбаковым для установления района распространения вещей, произведенных древнерусскими ремесленниками.

Картографируя вещи, отлитые в одной литейной форме, т. е. произведенные в одной мастерской, он убедительно доказал, что район, который обслуживала такая мастерская, равнялся 35—40 *км* в окружности [23].

Не приходится говорить о том, сколько важных научных выводов было сделано в результате картографирования районов вывоза изделий античных керамических мастерских или римского импорта в страны Европы, или находок монет и кладов.

Эти отдельные примеры приведены нами для того, чтобы показать, какие большие научные возможности представляет картографирование данных по хозяйству и экономике древних обществ. Мы не разбираем здесь подробно ни всех методов такого картографирования, ни всех возможных результатов. В обзорной статье этого сделать нельзя.

Карты, на которых сопоставлены миграции вещей, источники сырья, районы распространения готовых изделий определенного типа и т. п., могут служить как для изучения экономической истории, так и для выяснения вопроса о древних взаимосвязях племен и народов. Две такие карты составлены А. С. Амальриком и мною. Первая — «Экономические связи Западной Европы в эпоху бронзы» (II тысячелетие до н. э.) — по данным Г. Кларка (рис. 1) и вторая — «Взаимосвязи племен в эпоху неолита и энеолита» (VI—III тысячелетия до н. э.) [24]. Обе далеко не полные и не исчерпывают темы, содержащейся в их заголовке. Мы их приводим лишь как примеры создания обобщающих карт, не лежащих в основе исследования, а являющихся ее итогом и иллюстрацией. Первая карта не нуждается в специальном пояснении. Вторая была составлена для того, чтобы показать, насколько ошибочно преувеличение теории автохтонности, насколько сильны были миграции племен и их взаимосвязи еще в эпоху неолита.

[22] Можно привести множество примеров подобных исследований. Интересной новой работой в этой области является применение английскими археологами петрографических методов для изучения горных пород, из которых были сделаны неолитические топоры. На основании этих исследований установлено существование древних меновых связей между Южной Англией и Бретанью. См. J. F. Stone. Reconstitution des vois de commerce. La découverte du passé. Paris, 1952, стр. 247—262.

[23] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 437—466.

[24] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953; вторая карта опубликована, см. А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1959, стр. 304.

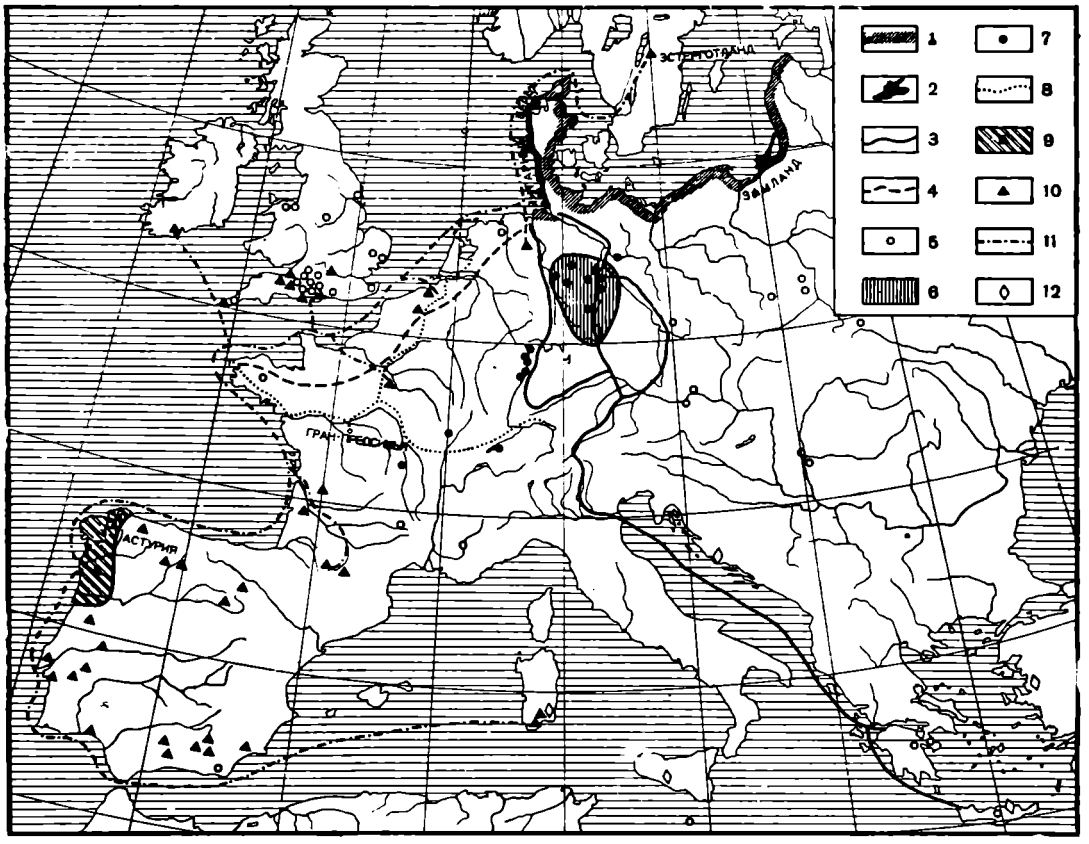


Рис. 1. Экономические связи в эпоху бронзы (по материалам Кларка)

1 — область добычи янтаря; *2* — наиболее богатые янтарем области; *3* — центральная янтарная дорога; *4* — возможная янтарная дорога; *5* — распространение многосегментных фаянсовых бус из Египта; *6* — основные залежи медных руд в Центральной Германии; *7* — распространение слитков меди в форме двойных топоров; *8* — пути вывоза кремневых изделий из Гран-Прессиньи; *9* — область изготовления и наибольшего скопления бронзовых кельтов с двумя ушками; *10* — отдельные находки кельтов; *11* — предполагаемые пути вывоза кельтов; *12* — критские слитки меди в форме бычьих шкур

На нашей карте миграции племен представлены схематично. Составление же исследовательских карт на эту тему представляет значительные методические трудности. Иногда мы наблюдаем, что весь комплекс явлений, представляющих собой археологическую культуру, при картографировании передвигается. Это простейший для картографии случай, по-видимому свидетельствующий о движении народа. Когда одна культура сменяет другую, мы также, очевидно, имеем дело с миграцией. Но культурные изменения редко бывают представлены в археологических данных в подобном чистом виде [25]. Чаще всего одни элементы культуры исчезают и на их месте появляются другие, а некоторые элементы старой культуры сохраняются. Тогда неясно, что произошло: вторжение другого народа или диффузия культурных элементов. И вещи и идеи могут распространяться независимо от переселения их создателей или носителей [26]. Как ни консервативны в этом отношении первобытные общества, мы никогда не можем быть уверены, что изменение форм керамики или даже обычаев погребения произошло под влиянием переселения других племен. Целый ряд изменений в материальной культуре мог наступить в результате внутреннего социального и технического развития. Независимо от непосредственного влияния или вторжения соседей эти изменения могут оказаться сходными с культурными элементами другого племени или народа. Сле-

[25] V. Gordon Childe. Prehistoric Migrations in Europe. Oslo, 1950.

[26] Tischler. Vorgeschichtliche Völker- und Ideenwanderungen. Saeculum, т. 1, тетр. 3, München, 1950, стр. 325—348.

дует также учитывать, что установление общей культуры на большой территории иногда является результатом ассимиляции, слияния воедино мелких племен и народов, без миграции какого-либо из них.

Однако нам известны факты, когда несомненные исторические документированные миграции и даже завоевания одного народа другим не оставляют почти никаких следов в материальной культуре. Так, например, завоевание большого общества малым, происходящее вследствие его технического превосходства, оказывает очень слабое воздействие на культуру завоеванного большинства населения.

Лишь в том случае, когда изменение материальной культуры сопровождается резким изменением физического типа, археолог может быть безусловно уверен в том, что оно произошло в результате смены населения. Но палеоантропология обладает достаточным методом для обнаружения крупных расовых отличий, отличия же физических типов отдельных племен в большинстве случаев остаются спорными, и антропологи бессильны помочь здесь археологам.

В основе карт, демонстрирующих миграции, также лежат типологические карты, как и в основе карт, изображающих археологические культуры.

Если археолог, кроме типологии, хорошо знает хозяйство изучаемых племен, то он может сделать важные выводы в отношении миграции. Например, вторжение кочевых скотоводческих племен на территорию, занятую земледельцами, дает такую ясную картину отличия хозяйственных форм, что ее легко картографировать. Но процесс постепенного перехода к скотоводству или оседания на землю, так же как и типологические изменения вещей и обрядов, может не быть связанным с вторжением или переселением.

Приведу некоторые примеры реконструкции древних путей сообщения по археологическим данным. Исходя из предпосылки, что некоторые курганы располагались вдоль дорог, немецкие археологи составили карту древних дорог Шлезвиг-Гольштинии. Другой прием может состоять в том, что археолог, исходя из географической обстановки, может предположить существование того или иного пути и проверить свою гипотезу по археологическим данным. Например, a priori делаем заключение: водная артерия Дунай — Рейн во все исторические времена была путем, соединяющим юго-восток и северо-запад Европы. Если мы изучим распространение вещей разных эпох, имеющих ограниченный ареал производства и широкий ареал распространения, таких, как раковины Spondylus (место происхождения: Черное, Мраморное, Эгейское моря), многосегментные бусы (Египет), фукштатские чаши (Н. Франкония), то увидим, что все они укладываются вдоль Дуная и Рейна. Несомненно, что далеко не все вещи оседали в районе той водной артерии, по которой они перевозились, но эта водная магистраль была в то же время местом, где концентрировалось наибольшее количество населения, где было множество поселений, и поэтому здесь найдено множество экспортировавшихся и импортировавшихся вещей.

Важнейшей задачей археологической картографии является установление связи общественных явлений прошлого с географическими факторами. «Можно ли всю историю объяснить географией? Конечно, нет... История развертывается на земле, но она состоит из элементов наиболее сложных, наиболее смешанных, наиболее удаленных от элементарных географических условий. Только через промежуточные факты,— факты второго порядка, как обработка земли, скотоводство и т. д. и через факты третьего порядка, факты социальной географии можно установить глубокий отголосок географии в эволюции человеческих обществ» [27]. «Истинная связь между географией и историей устанавливается через посредство

[27] I. Brunhes. Géographie humaine. Paris, 1934, стр. 57.

труда и прямых результатов труда»[28]. «Географические причины действуют на людей не иначе, как через посредство фактов социальной жизни»[29]. Таковы выводы виднейших французских географов, отнюдь не являющихся марксистами, выводы, вместе с тем совпадающие с принципами исторического материализма.

В определении значения географических данных для изучения истории давно уже наметились две ошибочные тенденции. Одна из них, заключающаяся в преувеличении роли географического фактора и даже в придании ему решающего значения в истории, наметилась еще в конце XVIII в. в трудах Монтескье, Канта, Гегеля и Бокля[30].

В наиболее развернутом виде концепция географического детерминизма дана в трудах некоторых буржуазных географов эпохи империализма (Ф. Ратцель, А. Гертнер и др.). Другая ошибочная тенденция в вопросе о роли географической среды в истории человечества прямо противоположна первой и заключается в том, что некоторые ученые не придают значения влиянию на общество географической среды. Отрицая закономерность исторического развития, рассматривая историю как собрание случайных фактов, считая, что общественная жизнь людей не обусловлена никакими объективными причинами, они игнорируют и географический фактор в истории. Как же относятся к вопросу о географическом факторе в истории археологи?

Одна из наиболее влиятельных в прошлом в западноевропейской буржуазной археологии школа Г. Коссины не придавала большого значения географическим факторам. Составленные ее представителями карты схематичны и учитывают лишь часть элементов физической географии. Рассматривая племена и народы прежде всего как биологические, а не социальные общности, Коссина и его ученики предполагали, что биологические свойства народа при любой обстановке, в любом географическом окружении будут проявляться в одинаковых внешних формах.

Исследователи различных стран далеко не всегда связывали картографирование древностей с историческим ландшафтом. Попытки реконструкции исторической географии той эпохи, к которой относятся те или иные памятники, были очень редки. В этом отношении большие заслуги имеют английские археологи.

Еще в 80-х годах XIX в. появились работы, авторы которых предлагали изучать древности и древние события на основе «доисторического ландшафта». Рассказ о британской истории, указывали они, должен вестись во все времена на основе географии Британии[31]. В начале XX в. географ и археолог О. Кроуфорд оказал большое влияние на археологов, направляя их деятельность в сферу сопоставления географических и археологических данных. Он считал важнейшей задачей изучение археологических культур с географической точки зрения. В 1921 г. Кроуфорд суммировал возможности и технику географического подхода к первобытной и древней истории[32]. Его общие положения не могут вызвать принципиальных возражений. Но последователь Кроуфорда археолог К. Фокс пошел значительно дальше. В 1932 г. Фокс опубликовал «The archaeology of the Cambridge Region». Подзаголовок его работы гласит «Топографическое изучение бронзы, раннего железа, римского и англо-саксонского времени, с вводными замечаниями по неолиту». Изучая узкий район в 200—250 миль вокруг Кембриджа, Фокс использовал как основную карту с реставрацией

---

[28] Там же, стр. 800

[29] V. de la Blanche. Principes de géographie humaine. Paris, 1922, стр. 98.

[30] Собственно говоря, точка зрения о решающем влиянии географической среды на историю общества была сформулирована еще в античном мире в трудах Гиппократа и Аристотеля.

[31] G. Daniel. A Hundred Years of Archaeology. London, 1950.

[32] O. G. Crawford. Man and his Post. London, 1921.

древней растительности и налагал на нее археологические карты по современной топографии. Этот прием стал в археологии классическим. Фокс показал, что группы археологических памятников соответствуют не современному, а древнему растительному покрову.

Сделав ряд важных наблюдений, Фокс не объяснил многие из них. Между тем многие явления легко объяснить, исходя не из географического детерминизма, а из изменившихся условий социальной жизни. Так, например, Фокс устанавливает, что в бронзовом веке и отчасти в позднем неолите поселения концентрировались главным образом в районах с легководопроницаемой почвой — на песке, гравии и т. п., а позже, в железном веке располагались на менее водопроницаемой тяжелой, жирной глине. Это перемещение поселений можно объяснить социальным развитием, в частности развитием техники обработки почв с применением железных орудий и тяжелого плуга.

Большую роль в распространении принципов географического метода среди археологов и историков древнего мира сыграла впервые изданная в 1932 г. и с тех пор неоднократно переиздававшаяся книга Фокса «The Personality of Britain» [33]. Э. Тейлор в рецензии на четвертое издание книги Фокса [34] говорит об огромном впечатлении, которое она произвела на географов и историков. «Из-под пера не географа вышло географическое объяснение праистории Британии». Значение книги Фокса также в том, что он продемонстрировал не только географическим кругам, что «распределительные карты (distribution map) являются не только методом фактической иллюстрации, но могут быть орудием исследования».

Влияние географической среды на развитие общества неодинаково на разных этапах истории. Чем дальше мы идем в глубь истории человека, тем больше его зависимость от окружающих природных условий, которые он должен принимать и к которым он должен приспосабливаться, почти не имея возможности эти условия изменить.

Постепенно человек не только освобождался от полной зависимости от природы, но и научился сам влиять на природу. Это в большей мере проявилось с появлением классовых обществ.

Исторический материализм признает влияние географической среды на общество, но отрицает непосредственное и определяющее ее влияние. Нельзя, подобно Хентингтону и Фоксу, из климата и рельефа непосредственно выводить всю последующую историю данной местности. Нужно помнить, что на протяжении истории те географические условия, которые считались отрицательными, становились положительными, и наоборот. Изрезанность материков морями и реками была на ранних этапах жизни человечества фактором, препятствовавшим общению. С изобретением средств плавания этот географический фактор стал способствовать общению отдельных групп человечества. Необходимо помнить, что человек может активно воздействовать на географическую среду. Часто буржуазные ученые выводят тот или иной исторический факт якобы из условий естественного развития географической среды. Так, например, упадок цивилизации в Средней Азии буржуазные ученые объясняли природными причинами, якобы вызвавшими изменение водного режима и высыхание Средней Азии. Советские ученые установили, что причины запустения некогда орошаемых обширных площадей следует искать не в естественно-исторических или географических факторах, а в социально-исторических (смена господствующих способов производства и ряд социально-политических катастроф — гражданских и внешних войн, нашествия варваров-кочевников (гуннов, тюрков, арабов и особенно монголов), разрушавших ирригационные сооружения).

---

[33] C. F. Fox. The Personality of Britain. Its Influence on Inhabitant and Invader in Prehistoric and Early Historic Times. Cardiff, 1943.

[34] E. G. R. Taylor. Reviews. Antiquity, т. XVIII, № 70, 1944, стр. 103.

Географический метод в археологии — реконструкция древнего ландшафта и сопоставление его с археологическими картами — является важным методом исторического исследования. Создаваемые археологами типологические и хронологические схемы только тогда становятся историческими реальностями, когда мы их можем спроецировать на природное окружение, из которого они произошли.

Реконструкция древнего ландшафта не является прямой задачей археологов, и они здесь пользуются данными других наук: геологии, палеоклиматологии[35], палеоботаники[36] и т. д. При этом нужно учесть, что крупные изменения ландшафта и климата, такие как смена ледниковых и межледниковых периодов, смена бореального, суббореального, атлантического и др. климатов, постоянно учитываются археологами и служат им для датировок[37]. Гораздо хуже обстоит дело с реконструкцией древнего ландшафта сравнительно поздних исторических эпох (например, средневекового). Сложность проблемы заключается в том, что в исторический период за сравнительно короткий срок благодаря деятельности человека произошли более значительные изменения в его географическом окружении, чем те естественные изменения, которые без участия человека протекали в течение десятков и даже сотен тысяч лет.

Первая значительная перемена во взаимоотношениях человека с природным окружением происходит тогда, когда человек начинает заниматься скотоводством и земледелием. С этого момента прекращается исключительное влияние природы на человеческое общество; оно становится взаимным. «Раскорчевка леса под посев и подготовка почвы имела большое значение как для истории растительного мира, так и для истории форм человеческой жизни и колонизации отдельных ландшафтов»[38]. При этом зачастую трудно учесть все действующие факторы. Возьмем к примеру вопрос о границе леса и степи в Восточной Европе. До сих пор остается спорным вопрос о том, были ли наши степи безлесны «от века» и наступает ли лес на степь или степь на лес[39]. Мнения почвоведов разделились. В. Докучаев, Г. Танфильев и др. считали, что степь существовала «от века» и лес наступал и наступает на степь, хотя площади лесов значительно уменьшились вследствие порубок. В. Р. Вильямс считал, что степь наступает. Другие почвоведы признают, что основная причина образования степей заключается в деятельности человека, истребившего леса, и не допускают первичное существование степей на самом юге Европейской части СССР.

Климатологи не внесли ясности в спорный вопрос. Так, И. Е. Бучинский пишет, что южная граница леса и степи проходила в древности приблизительно там же, где и теперь. И здесь же отмечает: «...но нужно учесть, что с бронзового века географический ландшафт определяется деятельностью человека в большей мере, нежели климатообразующими факторами по существу»[40].

Если археолог ограничит свою задачу выяснением вопроса о соотношении лесов и степей в течение, скажем, последнего тысячелетия, то он сможет, не вмешиваясь в спор почвоведов, сделать некоторые выводы. Так как срок, необходимый для образования чернозема, равен 2500—

---

[35] F. Zeuner. Dating the Past. London, 1946.

[36] М. И. Нейштадт. Палеогеография природных зон Европейской территории СССР в послеледниковое время. Изв. АН СССР, серия географич., № 1, 1953; Joh. Iversen. The Influence of Prehistoric Man on Vegetations. Danmarks geologiske undersøgelse. т. IV, R, 3/6, 1949.

[37] К. Брукс. Климаты прошлого. М., 1952.

[38] H. Schmitz. Klima, Vegetation und Besiedlung. AG, 1953, тетр. 1/3.

[39] Л. Ф. Турчанович. Леса Европейской части СССР в прошлом. «Землеведение», нов. серия, т. 3 (43). М., 1950, стр. 80; В. В. Докучаев. Наши степи прежде и теперь. Сельхозгиз, 1953.

[40] И. Е. Бучинский. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Л., 1954.

5000 лет, следовательно, северная граница распространения чернозема в интересующую нас эпоху (1000 лет назад) проходила там же, где и теперь. Вероятно, эта граница в то время была также границей между лесом и степью. Об этом свидетельствуют и русские летописи. Если в исконной лесной полосе леса сводились человеком вследствие разных причин, и прежде всего для расчистки земли под пашню, то известно и обратное явление, когда заброшенные пашни (например, после опричнины) зарастали лесом (так называемый «пашенный лес»). Поэтому представить себе древний ландшафт конкретного исторического памятника не так легко. Здесь на помощь приходят данные палеоботаники (в частности, пыльцевой анализ) и палеозоологии. Приведем один из примеров того, насколько неточным может быть использование современных физико-географических данных для древности. В засеках, тянувшихся в древней Руси сплошной полосой через б. Калужскую, Тульскую, Тамбовскую и Рязанскую губернии, основными породами были липа и дуб; впоследствии древостой изменился. Вследствие хищнического хозяйничанья липо-дубняк сменила осина и частично береза. Чем меньше оставалось широколиственных пород, тем меньше становилось и животных, связанных с этими породами — исчез кабан [41]. Мы обрисовали трудности в реконструкции древнего ландшафта Европейской части СССР, т. е. области, в которой он в историческую эпоху претерпел сравнительно мало изменений. Эти трудности будут неизмеримо больше, если мы возьмем области, скажем, Средней Азии, где реки меняли свое течение и вместе с водой уходила жизнь.

Нужно упомянуть о попытках реконструкции древнего ландшафта по данным топонимики. Если по карте и списку географических наименований какого-либо района отобрать все названия деревень, урочищ и т. п., содержащие физико-географическую характеристику, например «Сосновый бор», «Маркино болото» и т. п., то по ним можно составить картину древнего ландшафта. Здесь неизбежной трудностью является то, что мы большей частью не знаем, когда возникло то или иное название.

Не приходится говорить о том, насколько важно реконструировать древний рельеф, древние очертания материков и т. п. Основные географические факторы, оказывающие влияние на общественные явления,— это рельеф, гидрография, почва, климат, флора и фауна. Понять и изучить какое-либо общественное явление, связанное с географическими факторами, а тем более определяемое ими, невозможно без географической карты и картографирования. Пренебрежение картой в данном случае приводит часто к легкомысленным и ошибочным выводам.

Такое крупное общественное явление, как миграции в эпоху палеолита и неолита, определялось главным образом географическими факторами: климатом в ледниковую эпоху; истреблением или уходом дичи (для охотничьих племен); истощением почвы (для земледельческих племен) и т. д. Направление миграции определялось теми же факторами: теплыми климатическими зонами, обилием дичи, неистощенными почвами и т. д. Географические пути миграций как в эпоху палеолита, так и в позднейшее время определялись рельефом и гидрографией. Теми же факторами (рельефом и гидрографией) определялись пути обмена и торговли.

Гипотеза о миграции азиатских племен в мустьерскую эпоху через Урал в Европу, выраженная картографическими средствами, вызывает сомнение. Если верна синхронизация мустьерской эпохи, предложенная А. Пенком, В. И. Громовым, С. Н. Замятниным, М. В. Воеводским и др., с эпохой рисского оледенения, то путь из Азии в Европу был закрыт хозарским бассейном с юга и ледяным покровом с севера, а пространства Западной Сибири и Приаралья были, по-видимому, залиты водами боль-

[41] С. В. Кириков. Исторические изменения животного мира нашей страны в XIII—XIX вв. Изв. АН СССР. Серия географическая, 1953, № 4.

ших западносибирских рек, стоку которых в океан препятствовал ледяной покров (рис. 2) [42].

Что касается путей обмена и торговли, то для определения их географических линий важнейшим источником является топографическая карта. Пути сообщения — наиболее стабильное общественно-географическое явление. Происходит это потому, что во все времена и у всех народов пути сообщения прокладывались по линии наименьшего сопротивления. Но последняя вовсе не является кратчайшей линией. Как линия водного пути следует всем изгибам реки, так и линия сухопутного пути зависит от рельефа, почвы, растительного покрова и пр. Сухопутные пути, как правило, прокладываются в обход крутым подъемам, лесам, размываемым водой почвам и т. п. Поэтому реконструируя на карте древний путь, следует учитывать все эти географические факторы и не соблазняться кратчайшими расстояниями. Особенно тщательно следует анализировать ландшафт местности при определении линий переволок. Линия переволока обычно пересекает водораздельную линию, а водораздельная линия определяется рельефом и не везде удобопроходима. Иногда выгоднее бывает значительно удлинить путь, чем преодолевать труднопроходимые кратчайшие расстояния. Проанализировать ландшафт можно только или на местности или на крупномасштабной топографической карте.

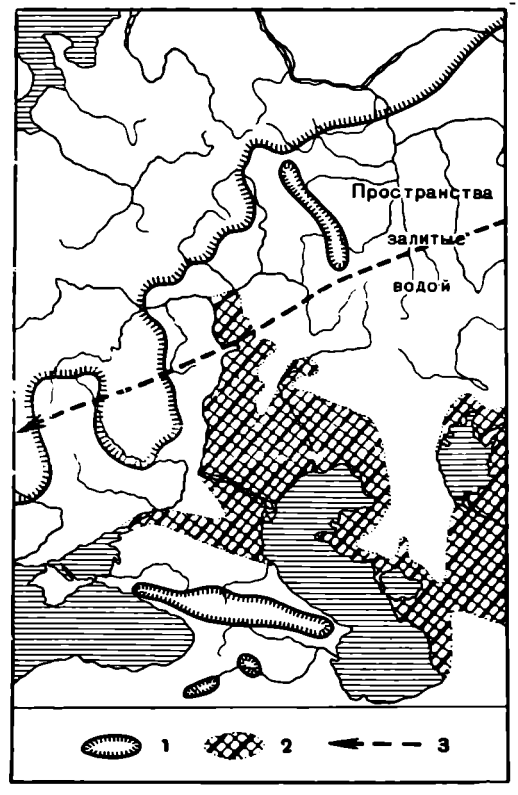


Рис. 2. Трансгрессия Каспийского моря и граница рисского оледенения

1 — ледяной покров; *2* — трансгрессия Каспийского и Аральского морей; *3* — предполагаемый путь распространения «восточной ашельской» культуры

Всякая линия, определяющая географическое место исторического явления, в той или иной мере гипотетична и степень ее точности зависит от количества археологических памятников, качества анализа источников и характера картографируемого явления. Определить линию водного пути, даже при малом количестве памятников, значительно легче, чем линию этнической границы при большем их количестве. Но и при определении водного пути следует привлекать все возможные и различные данные. Так, например, знаменитый Волжский путь не определяется одним только летописным сообщением: «Ис того же леса потече Волга на въсток и вътечеть семьюдесят жерел в море Хвалисьское. Там же и из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы» [43]. Провести на карте на основании данного сообщения летописи линию пути по Волге от истоков до устья, как это сделано на многих исторических картах, было бы неправильно. В определенный период Волгой от устья Оки до Ярославля, видимо, не пользовались для торговых путешествий, так как на этом участке не найдено ни одного клада восточных монет. Но зато много кладов найдено по те-

[42] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре неолитического периода. Тр. Ин-та этнографии, нов. серия, т. XVI, стр. 100; Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров. Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. Там же, стр. 414.

[43] Повесть временных лет. М.—Л., 1950, стр. 12.

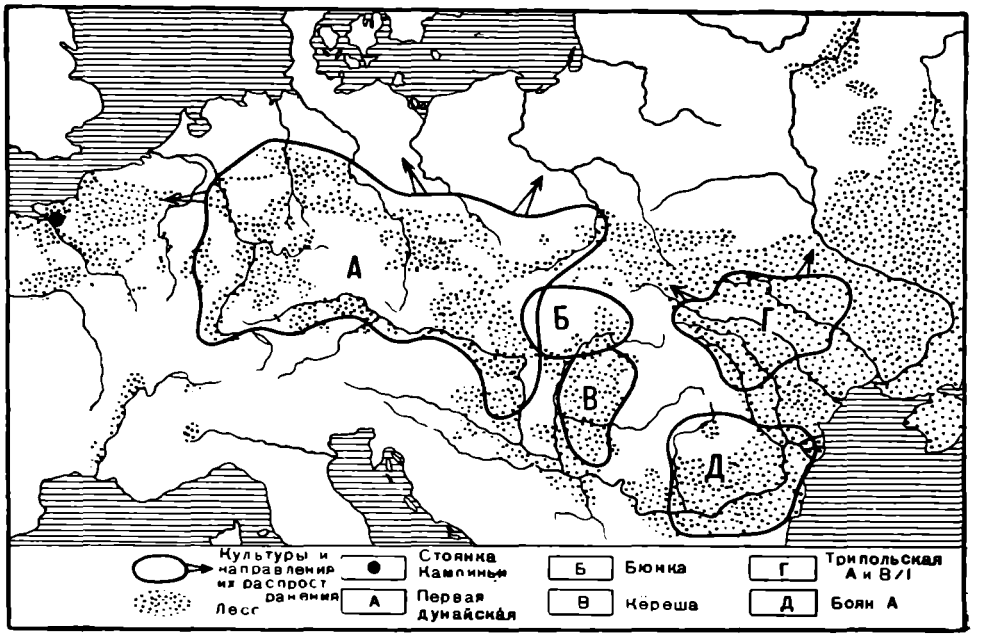


Рис. 3. Лёсс и первые земледельческие культуры Европы в середине III тысячелетия до н. э. (по Граману и Г. Чайлду)

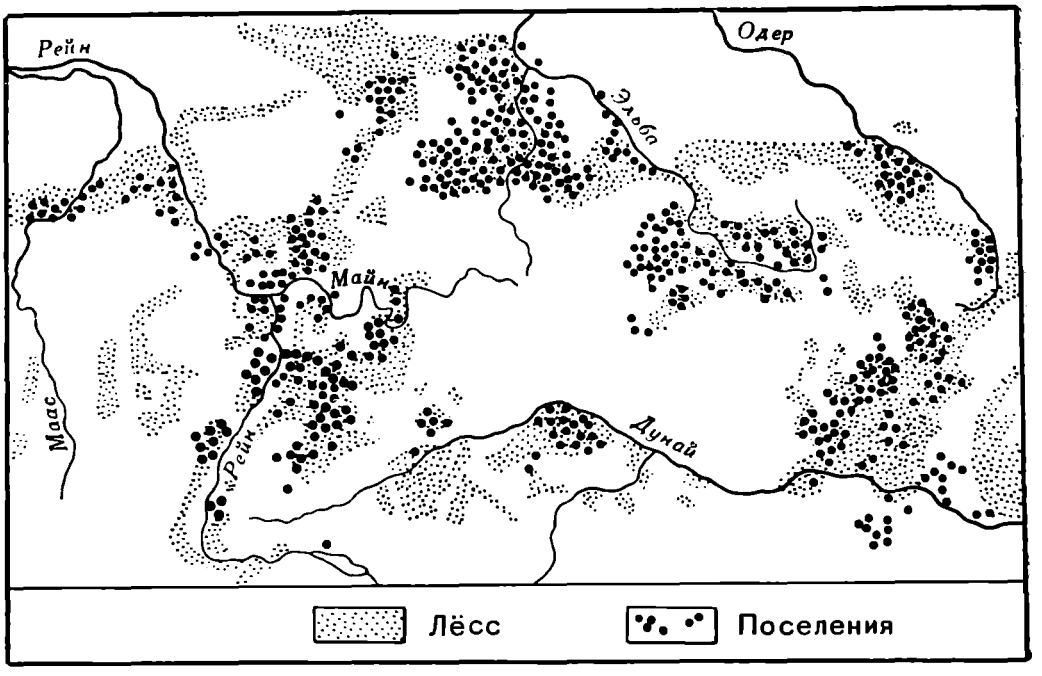


Рис. 4. Поселения I дунайской культуры (по Граману и Бутлеру)

чению Оки, Клязьмы, Нерли (притока Клязьмы) и Нерли (притока Волги). Видимо, торговый путь проходил именно по этой линии.

В еще большей степени невозможно понять и изучить вопрос о географическом размещении культур и отдельных поселений, не увязывая его с географическими факторами и не картографируя. Особенно это касается первых земледельческих культур и поселений в эпоху неолита.

В IV — первой половине III тысячелетия до н. э. в задунайской и заальпийской Европе при несовершенстве орудий неолитические земледель-

цы могли возделывать только легко обрабатываемую лёссовую почву. Это становится совершенно бесспорным и очевидным, если мы наложим ареалы первых определенных земледельческих культур на лёссовую карту (рис. 3).

Особенно интересно проследить размещение отдельных поселений наиболее хорошо изученной первой дунайской культуры, в ареале которой лёсс не покрывает сплошь всю территорию, как, например, в ареале трипольской культуры (рис. 4).

Подавляющее большинство поселений расположено на лёссе. На рис. 3 мы отмечаем местоположение стоянки Кампиньи, где найден древнейший в Европе черепок с отпечатком ячменного зерна. Стоянка также расположена на лёссе. Как известно, не на всех стоянках кампинийской эпохи обнаружены следы земледелия. Нанесение кампинийских стоянок на почвенную карту с отметкой, где найдены и где не найдены следы земледелия, могло бы в значительной степени пролить свет на характер этой культуры.

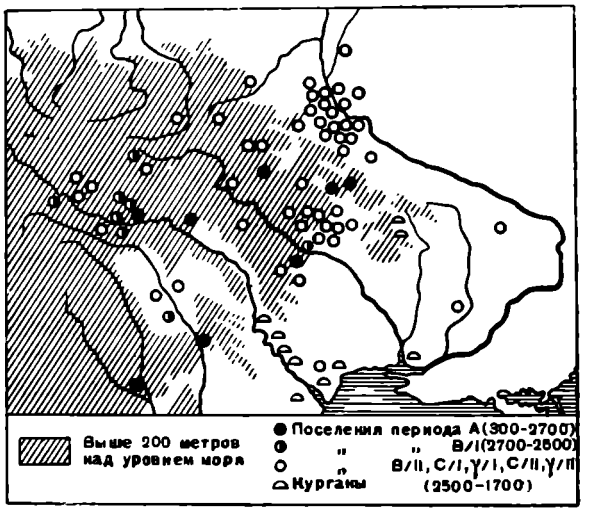


Рис. 5. Поселения трипольской культуры (по Т. С. Пассек)

Размещение неолитических земледельческих поселений определялось не только наличием лёссовых почв, но и в значительной степени рельефом. Более древние поселения располагались на более повышенных местах, чем поздние. Проследим это явление на поселениях трипольской культуры (рис. 5).

Поселения периодов А и В/I, т. е. датируемых 3000—2500 гг. до н. э., расположены на местах, возвышающихся над уровнем моря более чем на 200 *м*, и только поселения и погребения периодов В/II и позднейших, т. е. датируемые 2500—1700 гг. до н. э., спускаются в более низкие места, не выходя все же за пределы лёсса.

Так как мы ограничены темой настоящей статьи (постановка вопроса) и ее размерами, мы не делаем научных выводов из вышеприведенных картографических примеров и обращаем только внимание на те возможности исследования, которые открываются при сопоставлении общественных явлений с географическими факторами и картографировании этих сопоставлений.

Подводя итоги всему сказанному выше, мы хотели бы снова подчеркнуть основную мысль настоящей статьи — археологическая картография не является только методом иллюстрирования текста, а является прежде всего методом научного исследования. Круг проблем, затронутых нами, можно было бы значительно расширить, но это только подтвердит основные положения статьи. Мы не ставили себе целью дать здесь очерк самой методики картографирования. Это будет сделано в дальнейших публикациях. Мы хотели лишь критически рассмотреть некоторые основные проблемы археологической картографии.

В. Ф. ПЕТРУНЬ

О ПРИМЕНЕНИИ ГОРНОГО ХРУСТАЛЯ И ЕГО АНАЛОГОВ В ПЕРВОБЫТНОЙ ТЕХНИКЕ

Известно, что горный хрусталь (наряду с другими разновидностями окрашенных прозрачных кварцев) использовался для изготовления орудий с эпохи палеолита.

Сведения о находках отдельных орудий из этого вида сырья на территории СССР восходят к достаточно далекому времени [1]. В наши дни ряд археологических и краеведческих музеев страны (в Москве, Ленинграде, Киеве, Челябинске) располагает уже целыми сериями орудий из горного хрусталя и кварца, что позволяет ставить вопрос о комплексном изучении последних в свете задач, сформулированных в свое время А. Е. Ферсманом [2].

Действительно, только для территории СССР могут быть указаны десятки пунктов, где обнаружены несомненные доказательства использования горного хрусталя в первобытной технике. На стоянках палеолитического, неолитического, энеолитического [3] возраста кристаллы или галька горного хрусталя найдены как в виде «заготовок», сырого материала, так и в виде различных орудий или украшений, а также всевозможных «отходов производства» в форме осколков и отщепов.

В настоящее время горный хрусталь или его окрашенные аналоги (см. табл.) в изделиях первобытных мастеров обнаружены на огромной территории: на Украине [4], в Карелии и на Кольском полуострове [5], на Кавказе и в Западном Приуралье [6], на стоянках Среднего и Южного Урала [7], в Западной Туркмении [8], в Узбекистане [9], в Центральном и Во-

---

[1] В. А. Обручев. История геологического исследования Сибири. Период первый, сбнимающий XVII и XVIII вв. (Гмелин, Паллас, Георги). Л., 1931, стр. 11; М. Геденштром. Отрывки о Сибири. СПб., 1830, стр. 65.

[2] А. Е. Ферсман. Задачи исследования камня в предметах археологии и истории культуры. Изв. Ин-та археологической технологии, 1922, вып. 1, стр. 14—17.

[3] Горный хрусталь во все более возрастающих количествах использовался человеком и позднее, но уже не как сырье для изготовления орудий, а в основном как материал для украшений.

[4] М. Макаренко. Маріюпільський могильник. Київ, 1933, стр. 12, 17; И. Г. Шовкопляс. Добраничевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 40—45.

[5] Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит на севере СССР. СА, V, 1940, стр. 122—127.

[6] О. Н. Бадер. Первоначальное заселение Урала и Волго-Камья человеком. Уч. зап. МГУ, т. 5, вып. 2, 1947, стр. 124.

[7] Е. М. Берс. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей. МИА, № 21, 1951, стр. 207, 233; Н. П. Кипарисова. Чебаркульская неолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 55—56.

[8] С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 94 .

[9] Д. Н. Лев. Новые данные по палеолиту Узбекистана. Тр. Ин-та истории и археологии УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 21.

Таблица

Окраска главных разновидностей кристаллов кварца и их жильных аналогов из гидротермальных, альпийского типа и пегматитовых жил

Кварц в индивидуализированных кристаллах и друзах	Жильный кварц в крупнозернистых агрегатах	Мелкозернистый (в результате прямой кристаллизации или метаморфизма) жильный кварц
Кристаллы белого (за счет обильных газово-жидких включений) кварца	Молочно-белый непрозрачный жильный кварц*	Молочно-белый непрозрачный, эмалевидный кварц*
Бесцветный прозрачный горный хрусталь*	Прозрачный и полупрозрачный стекловидный жильный кварц*	Молочно-белый непрозрачный жильный кварц*
Фиолетовый различных оттенков прозрачный аметист*	Полупрозрачный жильный аметистовый кварц*	Светло-розовый непрозрачный кварц некоторых рудных месторождений**
Дымчатый кварц или раухтопаз, прозрачный (особенно в осколках)*	Полупрозрачный дымчато-серый стекловидный жильный кварц*	Серый и серовато-белый (до белого) непрозрачный жильный кварц*
Черный (непрозрачный даже в осколках) марион*	Темно-дымчатый до черного (?) непрозрачный кварц*	Темно-серый и серый непрозрачный кварц некоторых пегматитов*
Кристалл цветного (серого, бурого, зеленого, красного и т. д.— за счет иноминеральных включений) непрозрачного кварца*	Также ярко пигментированные непрозрачные жильные кварцы (серые, бурые, зеленые, красные и т. д.)*	Более светлоокрашенный цветной непрозрачный жильный кварц (беловато-серый, буровато-белый, светло-зеленый, светло-красный и т. д.)

Примечание * В литературе имеются указания на применение этой разновидности кварца в первобытной технике.

** Не следует смешивать с пользующимся широким распространением розовым кварцем пегматитов.

сточном Казахстане [10], в долине р. Енисея, в Тункинской котловине и в окрестностях Иркутска [11], в Забайкалье [12] и на Камчатке [13]. В ряде сопредельных с СССР и более удаленных районах Евразии также известны многочисленные местонахождения орудий из горного хрусталя, в том числе в Китае для районов Чжоу-Коу-Дяна и Внутренней Монголии [14]. Для неолита и энеолита Японских островов [15] известны наконечники стрел и другие орудия из аметиста и раухтопаза. Аналогичные орудия применялись в мезолите—энеолите Пакистана, Индии и Цейлона [16]. В Западной

[10] В. Ф. Петрунь. Неолитические находки в районе Байконура и р. Тамды. Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. I, археология, Алма-Ата, 1956, стр. 177; А. А. Формозов. Доандроновское погребение в Казахстане. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 153.

[11] Н. К. Ауэрбах. К вопросу о материале каменных орудий Сибири. Тр. СА РАНИОН, т. 4, М., 1928, стр. 44; А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I, М., 1881, стр. 267; М. Геденштром. Ук. соч., стр. 65.

[12] М. М. Герасимов. Река Селенга и Белая, 1936, Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.— Л., 1941, стр. 319.

[13] Е. П. Орлова. Археологические находки на Камчатке. КСИИМК, вып. 59, стр. 163; В. А. Обручев. Ук. соч., стр. 11.

[14] W. C. Pei. A Preliminary Study on a New Palaeolithic Station Known as Locality 15 within the Choukoutien Region. Bulletin of the Geological Society of China, т. XIX, 1939, № 2, стр. 165—185; J. Maringer. Contribution to the Prehistory of Mongolia. The Sino-Sweden Expedition, Stockholm, 34, 1950, VII, стр. 168.

[15] К. С. Мережковский. Каменный век в Японии. ИРГО, т. 14, вып. 2, 1880, стр. 209.

[16] Н. А. Беляевский. Ранние сведения о геологии и использовании минералов в Индии. Советская геология, № 12, 1958, стр. 144; С. А. Семенов. Ук. соч., стр. 49; M. R. Sahni. Man in Evolution. Bombay, Calcutta, 1952, стр. 177—178.

Европе эти же разновидности кварца употреблялись как в палеолите, так и в неолите (например, в Чехословакии, Швейцарии, Франции или на севере Скандинавии [17]).

На Африканском континенте, где обработанный жильный кварц известен уже в австралопитековых отложениях, верхнепалеолитическая культура Бамбата (Северная Родезия) также характеризуется употреблением в качестве каменного сырья кристаллов кварца, а применение аметиста для украшений в додинастическом Египте общеизвестно [18]. Коренное население Австралии умело обрабатывать горный хрусталь, выделывая из него, в частности, наконечники копий, напоминающие солютрейские [19]. Наконец, этнографические и археологические материалы подтверждают знакомство коренных обитателей Нового Света с горным хрусталем и его аналогами задолго до открытия Америки [20].

Следует оговориться, что все эти примеры иллюстрируют использование в первобытной технике только прозрачных кристаллических разновидностей кварца. Если же иметь в виду применение с аналогичными целями также различных непрозрачных жильных разновидностей, то число приводимых примеров возросло бы в сотни и тысячи раз.

Жильный кварц (как материал для поделок) резко отличается от монокристальных или просто сдвойникованных кристаллов кварца по своим механическим свойствам. В частности, на кварце прекрасно прослеживается зависимость формы каменных изделий от технологических свойств исходного сырья (в понимании Г. Г. Леммлейна [21]) и прежде всего от его огранки и структурно-текстурных особенностей. Мелкозернистый (1,0—0,1 *мм* и менее) жильный кварц, представляющий собой агрегат разноориентировочных зерен этого минерала, по своим технологическим свойствам приближается к кварцевому песчанику. Различная ориентированность очень мелких зерен агрегата обусловливает суммарную однородность подобной породы, которая по раскалываемости приближается (особенно в тонкозернистых эмалевидных разновидностях жильного кварца) к таким широко применявшимся в первобытной технике материалам, как кремень-роговик (в трактовке П. Н. Чирвинского [22]) или палеогеновый кварцитовидный песчаник, известный на территории от Пиренеев до Алтая. Подобный кварц не только удовлетворительно раскалывается в заранее избранном направлении, давая отличные раковистые изломы, но также поддается ретушированию. Крупнозернистый (размеры слагающих зерен составляют 10,0—1,0 *мм* в поперечнике) жильный кварц, занимающий промежуточное положение между мелкозернистым кварцем и крупным, уже кристаллически ограненными индивидами, в технологическом отношении представляет собой весьма неблагодарный материал. Он лишен однородности мелкозернистого жильного кварца, но вместе с тем не обладает строго определенной анизотропией (см. ниже) монокристаллов или просто сдвойникованных индивидов горного хрусталя, которая при определенной технологии обработки подобного сырья позволяла первобытному мастеру получать пластинчатые отщепы-заготов-

[17] П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту Центральной и Юго-Восточной Европы. СА, XXVII, 1957, стр. 58; И. Ранке. Человек. Современные и доисторические расы, т. 2, СПб., 1901, стр. 588; Г. и А. де Мортилье. Доисторическая жизнь. СПб., 1903, стр. 450—519.

[18] Всемирная история, т. I, М., 1955, стр. 78; I. T. Robinson, R. I. Mason. Occurence of Stone Artefacts with Australopithecus at Sterkfontein. Nature, т. 180, № 4585, стр. 521—524; O. A. Anderson. Gems of Long, Long Ago. Mineralogist, т. 23, 1955, № 2, стр. 55—58.

[19] С. А. Семенов. Ук. соч., стр. 52.

[20] Д. Э. Ибарра Грассо. Нижний палеолит в Америке. СЭ, 1958, № 1, стр. 64.

[21] Г. Г. Леммлейн. Опыт классификации форм каменных бус. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 158.

[22] П. Н. Чирвинский. Петрографическая характеристика каменных орудий стоянок Усть-Чусовского района. Уч. зап. МГУ, 1956, т. 7, вып. 4, геология и география, стр. 245.

ки достаточно выразительной формы. В крупнозернистом кварце анизотропия отдельных крупных, различно ориентированных зерен при раскалывании приводит к образованию уже не раковистых, а своеобразных неправильных «рваных» или «занозистых» поверхностей, причем заранее выбранное направление скалывания здесь редко выдерживается. Такой кварц почти не ретушируется. Именно к крупнозернистым молочно-белым кварцам, применявшимся кое-где для изготовления орудий, и относятся преимущественно отрицательные оценки различных авторов как о неблагодарном материале, не допускавшем «более тонкой обработки» [23] или же «лишь с трудом поддающемся обработке», который отличается в изделиях «особой грубостью оформления» [24], так как «отжимная техника обработки... невозможна в силу его кристаллической природы» [25]. Аналогично ведут себя при обработке и другие разновидности жильных крупнозернистых окрашенных кварцев. Значение правильного определения окраски кварца в ходе полевых археологических исследований не следует недооценивать: последняя в ряде случаев является функцией крупности слагающих штуф зерен, что иллюстрируется приведенной выше таблицей, составленной по материалам некоторых минералогических и отчасти археологических работ.

Что касается горного хрусталя как материала для изготовления орудий, то он, подобно жильному кварцу, также отличается несколько более высокой твердостью по сравнению с кремнем (халцедоном), но зато уступает ему в вязкости. В отличие от кремня, степень влажности которого в значительной мере определяет пригодность материала для обработки, технологические свойства жильного кварца и особенно горного хрусталя почти не меняются, безразлично, были ли они перед обработкой вырыты из земли или же подобраны с поверхности. Зато горный хрусталь всегда обнаруживает отчетливую анизотропность — способность к преимущественному раскалыванию вдоль определенных кристаллографических направлений внутри кристалла, или иначе спайность. По данным Д. П. Григорьева, кварц (горный хрусталь) обладает тремя системами весьма несовершенной спайности (включая проявляющуюся в природе спайность) [26], хотя при искусственном воспроизведении последней у кварца преобладает спайность по ромбоэдру, что автору удалось проверить в экспериментальном порядке на сотнях кристаллов раухтопаза из Центрального Казахстана и отчасти на горном хрустале из Башкирской АССР.

Методом пробных сколов [27] даже в сдвойникованных, содержащих многочисленные включения или свилеватых кристаллах откалывание легче всего получается вдоль направления плоскости главного омбоэдра [28]. В высококачественных кристаллах даже несильным ударом вдоль этого направления удается получить тонкие, почти плоские отщепы. Высоким качеством (гладкие поверхности «брюшка» и «спинки», слабое искривление отщепа в целом) отличаются также сколы, незначительно отклоняющиеся от плоскости ромбоэдра. Зато при попытках экспериментального раскалывания таких же кристаллов по призме (т. е. вдоль удлинения, вытянутости) излом обычно получается произвольным, часто занозистым, особенно в низкокачественных кристаллах, даже при усло-

[23] Б. Э. Петри. Сибирский палеолит. Иркутск, 1923, стр. 29.

[24] А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия). Сб. «Тешик-Таш», М., 1949, стр. 47, 60.

[25] Н. Н. Гурина. Орудия Вознесенской стоянки. МИА, № 2, 1941, стр. 170, 179.

[26] Д. П. Григорьев. О проявлении спайности кварца в природе. Зап. Всесоюзного минералогического об-ва, 1958, ч. 87, вып. 4, стр. 419, 422.

[27] Легкими ударами небольшого молоточка по головной части кристалла (гальки), удерживаемого на весу в левой руке, производится скалывание естественных граней или непрозрачной корки на исследуемых образцах.

[28] М. Е. Капелькин. Технические требования к пьезо- и оптическим минералам и поисковые критерии для них. Советская геология, 1945, № 8, стр. 61—63.

вии упора последних в твердую наковаленку. Поперечный удар в середину кристалла в девяти случаях из десяти также вызывает его раскалывание по ромбоэдру. Характер наносимой ретуши тоже в значительной степени определяется ее кристаллографической ориентировкой — даже на двух сходящихся ребрах одного отщепа она может оказаться соответственно то мелкой и плоской, то более грубой и крутой, в зависимости от угла встречи с плоскостью ромбоэдра.

Не может быть сомнения в том, что анизотропность горного хрусталя была известна первобытному человеку и учитывалась им при обработке кварцевого сырья, особенно для получения остроконечных орудий. Таковы, например, остроконечные отщепы горного хрусталя из местонахождения 15 в Чжоу-Коу-Тяне, спинка которых образована естественными гранями исходного кристалла, тогда как противоположная сторона скола совпадает с плоскостью ромбоэдра [29]. Очень выразительны палеолитические орудия с о. Цейлон, в частности воспроизводимый М. Р. Сани [30] крупный кристалл горного хрусталя, «долотообразно» приостренный в головной части аналогичным сколом по ромбоэдру или же полученный подобным приемом пятиугольный уплощенный отщеп, ограниченный с боков гранями призмы кристалла-заготовки.

Ознакомление с палеолитическим производственным инвентарем из горного хрусталя или раухтопаза, хранящимся в отечественных собраниях (в частности, с Добраничевской стоянки, со стоянки Талицкого, Буреть [31]), также подтверждает эти выводы. Так как целый ряд отщепов и просмотренных орудий несет на себе участки естественных граней (особенно призмы), часто удается совершенно точно определить направление скалывающего удара, который проходил обычно в плоскости ромбоэдра. Среди плоских пластинчатых отщепов Добраничевской стоянки один, субквадратной формы, размерами примерно 25 × 18 × 1—3 *мм*, отличается почти полной параллельностью зеркально гладких «брюшка» и «спинки», что указывает как на раскалывание по ромбоэдру, так и на высокое качество исходного материала. В других отщепах и пластинах, «спинка» которых иногда бывает оформлена несколькими сильно волнистыми и струйчатыми [32] фасетками, «брюшко» характеризуется все-таки преимущественно плоским, без волнистости сколом, совпадающим с плоскостью ромбоэдра. Внимательный просмотр позволяет обнаружить в описываемых изделиях еще целый ряд примечательных особенностей, характеризующих качество хрустального материала и могущих пролить свет на его происхождение. Так, наряду с фрагментами естественных граней на некоторых обломках из Приуралья отмечены участки матовой корки того типа, который характерен для речной гальки или кристаллов, подвергавшихся длительному воздействию переносимых ветром песчинок (что автору приходилось лично наблюдать в Казахстане). Если на раухтопазе Добраничевки отмечаются дофинейские двойники, то для хрусталя стоянки Талицкого более типично двойникование по бразильскому закону. Исходные кристаллы горного хрусталя и раухтопаза содержали также мелкие включения, как твердые (например, силикатов), так и газово-жидкие, рассеянные по хрусталю или же сгущающиеся в своеобразные «зоны замутнения». Подобная шнуровидная зона на хрустале из Добраничевской стоянки наблюдается даже на фотографии [33], в виде белой

[29] W. C. Pei. Ук. соч., стр. 178.

[30] M. R. Sahni. Ук. соч., стр. 178, рис. 68, *а* и *в*.

[31] Автор пользуется случаем выразить свою глубокую признательность И. Г. Шовкоплясу и Т. Г. Мовша (Киев), В. В. Федорову (Ленинград), М. Д. Гвоздовер (Москва) и В. И. Кадееву (Харьков) за предоставленную возможность осмотра этих и некоторых других коллекций.

[32] Волнистость хрусталя на сколах аналогична таковой у кремня. Своеобразная струйчатость (как особенность рельефа искусственных сколов) обычно располагается под прямым углом к волнистости, хоть и не всегда.

[33] И. Г. Шовкопляс. Ук. соч., стр. 44, рис. 12.

полосы в левом верхнем углу крупного отщепа № 5 или серой полоски, наискосок пересекающей изделие № 6. Особенно много таких зон замутнения в жильном стекловидном дымчатом кварце Бурети, превращающих его почти в молочно-белый. То же самое следует сказать и о кварце Чжоу-Коу-Тяна, на одном из орудий которого наблюдаются также своеобразные «негативы» — отпечатки кристаллов каких-то карбонатов (?), когда-то присутствовавших в кварцевой жиле.

Хорошо выраженные отбойные бугорки на хрустале в противоположность кремню встречаются довольно редко. Они встречены, например, на небольшом осколке хрусталя со стоянки Талицкого и на отщепе обесцвеченного солнцем раухтопаза из казахстанских сборов автора [34] (Музей антропологии и этнографии АН СССР, № 6075). Ретушь на изученных изделиях имеет различный характер — от случайной, типа производственных выщерблений, до высококачественной, в «два яруса» затягивающей крутой рабочий край отдельных изделий,— но в общем достаточно редка. Тонкие хрустальные отщепы, по-видимому, сравнительно легко разбивались на более мелкие фрагменты поперечными ударами, подобно кремневым ножевидным пластинкам, шедшим на изготовление вкладышей. Именно к категории последних и следует, возможно, относить некоторые пластинки Добраничевской стоянки; во всяком случае, принципиальная возможность изготовления фрагментов-вкладышей особенно важна для горного хрусталя и его аналогов, поскольку отдельные крупные отщепы последних нередко характеризуются сложным искривлением во всех трех измерениях.

Весьма показательна в этом отношении длинная, тонкая и изогнутая ножевидная пластинка из горного хрусталя со стоянки Талицкого, неоднократно уже описывавшаяся, в том числе и петрографически [35]. Орудие это имеет необычную иволистную, выпукло-вогнутую форму со следами ретуши на острых концах, дополнительной правки на спинке и характерным рельефом скола типа «крышки часов» на участке перегиба (вдоль которого орудие позднее сломалось) и резко отличается от всех других известных нам по коллекциям или литературным источникам хрустальных изделий. Так как рисунок типа «крышки часов» характерен для плоскости базиса, следует предположить, что описываемая пластинка была выколота из кристалла иным способом, чем ромбоэдрические отщепы.

Интересно, что недавно были описаны кварцевые жилы (расположенные в Кочкарском районе Челябинской области), выходящие на дневную поверхность; горный хрусталь, вернее раухтопаз этих жил под воздействием тектонических подвижек в ряде случаев оказывается раздробленным на большее или меньшее количество выпукло-вогнутых осколков, в том числе ориентированных в плоскости базиса [36]. Так как размеры кристаллов достигали в описываемом месторождении полуметровой длины, осколки их также могли быть достаточно крупными, а форма их в ряде случаев полностью совпадает с формой пластины со стоянки Талицкого. Поскольку на Среднем Урале, а тем более в Приуралье подобные кварцевые жилы неизвестны, можно с достаточным основанием приписать этой пластине южноуральское происхождение. Кстати, подобный вывод полностью подтверждает предположение О. Н. Бадера о юго-восточном происхождении небольшого охотничьего коллектива, оставившего следы своего пребывания на стоянке Талицкого [37], и вместе с тем может служить еще одной иллюстрацией возможностей, открываемых комплексным геолого-археологическим методом анализа тех или иных предметов материальной культуры.

---

[34] В. Ф. Петрунь. Ук. соч., стр. 177.

[35] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 124—127; П. Н. Чирвинский. Ук. соч., стр. 246.

[36] А. А. Кренигг. О гальке горного хрусталя. Минералогический сборник Львовского геологического общества, № 8, Львов, 1954, стр. 350—354.

[37] О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 127.

* * *

Таким образом, имеющийся материал позволяет утверждать, следующее.

1. Горный хрусталь и его аналоги, как материал для изготовления орудий в первобытной технике, применялись уже в нижнем палеолите, когда человек еще не знал техники отщепления пластин от призматического нуклеуса и обрабатывал камень исключительно оббивкой. В этих условиях анизотропность горного хрусталя могла только благоприятствовать подобной технике, позволяя сравнительно легко получать очень тонкие с острыми режущими краями отщепы-пластины (рис. 1), значительно более совершенные по форме, чем отщепы из других кристаллических пород, служивших заменителями почему-либо недоступного кремня (например диабаза, жильного кварца, песчаника и т. д.). Галька или кристалл-заготовка после нескольких сильных ударов, наносимых попеременно то сверху, то снизу, превращались в подобие дисковидного нуклеуса; скалывание с них отщепов в дальнейшем (преимущественно по ромбоэдру) могло производиться как на весу, так и с применением наковаленки.

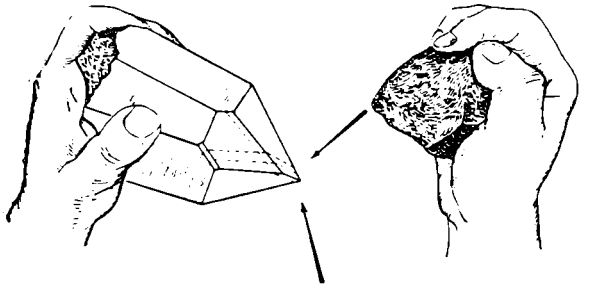


Рис. 1. Способ оббивки кристаллов горного хрусталя, позволяющий получать тонкие пластинчатые отщепы в плоскости главного ромбоэдра (Линия идеального скола передана пунктиром. Призматические грани кристалла покрыты тонкой, так называемой комбинационной штриховкой. Отбойник и основание кристалла, зажатое в руке, сложены молочно-белым жильным кварцем)

2. Наиболее распространенная форма кристаллов горного хрусталя — шестигранная призма, увенчанная шестигранной пирамидой (а в действительности — перемежающимися гранями двух ромбоэдров), весьма напоминает классический призматический нуклеус верхнего палеолита и неолита. Это сходство остается чисто внешним: даже на бездефектном кристалле значительно труднее получить скол по базису (т. е. перпендикулярную боковым граням-«фасеткам» площадку), чем по ромбоэдру. Даже получив удовлетворительный скол по базису, трудно использовать его для отщепления пластин по призме — спайность по ромбоэдру неминуемо будет как-то сказываться. Только в случае особо высококачественного материала техника расщепления могла быть успешно применена, но, как известно, такое сырье встречается в природе отнюдь не часто. Несомненно, что лишь из первоклассного (даже с точки зрения требований, предъявляемых к пьезокварцу) сырья могли быть изготовлены те совершенные хрустальные орудия, которые упоминаются в различных этнографических источниках[38], если только здесь нет ошибки в определении природы камня (ни в музейных коллекциях, ни в современных археологических работах такие высококачественные изделия не экспонируются и не описываются). Показательно, что употребление хрустально-кварцевого сырья даже в районах, относительно бедных кремнем, но богатых кварцем (например, район Хрустальных гор к западу от Свердловска, по периферии которых отмечены находки обработанного хрусталя[39]) было все-таки довольно ограниченным. Во Внутренней Монголии, стоянки которой тяготеют уже главным образом к областям молодых эффузивных пород, как и на Среднем Урале, «кварц использовался довольно умеренно,— во всяком случае индустрии, основанной на кварце,

[38] Ph. King. Ук. соч., стр. 68.
[39] Е. М. Берс. Ук. соч., стр. 207, 233.

не было»[40]. В инвентаре неолитических и энеолитических стоянок Центрального Казахстана — Нурман, Тамды 1, Тамды 2 — горный хрусталь известен в единичных отщепах, хотя галька и кристаллы кварца встречаются здесь в непосредственной близости к стоянкам, прямо на дневной поверхности; основная масса орудий изготовлена здесь из палеогеновых кварцитовидных песчаников[41], реже — из других пород.

3. Даже в эпоху металла, когда использование горного хрусталя главным образом для украшений резко увеличилось, техника изготовления бус и других поделок из аналогичного сырья в известной мере опиралась все-таки на традиционные приемы раскалывания кристалла по ромбоэдру (что обеспечивало получение заготовки дипирамидального габитуса, весьма напоминающей по форме кварц вкрапленников некоторых эффузивов), с последующей пришлифовкой и приполировкой полученных сколов. Именно такое впечатление создает просмотр очень выразительной коллекции хрустальных бус Салтовского могильника, хранящейся в археологическом музее Харьковского университета.

---

[40] I. Maringer. Ук. соч., стр. 168.

[41] В. Ф. Петрунь. Ук. соч., стр. 177; его же. О связи окрашивания жильного кварца с ритмическими процессами жилообразования. Зап. Всесоюзного минералогич. об-ва, 1954, ч. 83, вып. 3, стр. 226.

В. И. САРИАНИДИ

КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ АНАУСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскопки холмов анауской культуры в Южной Туркмении выявили в последние годы несколько зданий, имевших не жилое или хозяйственное, а какое-то особое назначение. Наиболее ранние из них относятся к культурно-историческому этапу Анау I, однако лишь одно такое здание раскопано полностью.

В 1952 г. Б. А. Куфтин раскопал на Яссы-Тепе у Каахка, в центре холма, двойное здание (XV—XVI) прямоугольной конфигурации, со столбами вдоль стен и настенной полихромной росписью в четыре слоя, инкрустированной белым гипсом (рис. 1, *1*). Наиболее древняя из них, состоящая из треугольников и ромбов, по мнению руководителя раскопок, напоминает расписные панели убейдского времени в Ираке [1]. В отчете Б. А. Куфтина (опубликованном посмертно) дано предварительное краткое описание этого уникального здания. Многие детали его устройства остались неясными, как, например, функциональное назначение сооружения в западном углу помещения XVI, возможно, алтаря. В том же году следы настенной росписи были обнаружены пробным шурфом на холме Серманча-Тепе у ж. д. станции Арман Сагат [2].

Шурф, заложенный тогда же на северном бугре Анау, прорезал два помещения, стены одного из которых (времени Анау 1 *б*) оказались украшенными двумя полихромными панно, состоявшими из силуэтных треугольников и шахматной сетки [3].

Пол и стены второго, более раннего помещения (время Анау 1 А) оказались сплошь закрашенными темно-красной краской [4].

На Кара-Тепе (ж.-д. станция Артык) в слоях времени Анау 1*б* частично расчищено помещение, предположительно определенное как святилище; на полу его находилось два кубообразных «жертвенника», окрашенных, как и сам пол, в несколько слоев черной краской [5].

Все перечисленные здания происходят из холмов центральной группы памятников культуры Анау. На их особое назначение указывают, прежде всего, полихромные росписи стен в противоположность намного более простым по оформлению жилым комнатам. (Отметим, что и керамика этого времени покрыта лишь довольно скромной по расцветке, монохромной орнаментацией.) Самым выразительным памятником этой группы является двойное здание на Яссы-Тепе, не случайно расположенное

---

[1] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 274, рис. 17—22.

[2] Раскопки Академии наук ТуркмССР, под руководством С. А. Ершова.

[3] С. А. Ершов. Северный холм Анау. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 32, рис. 5 и 6.

[4] Там же, стр. 32.

[5] В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1, стр. 151.

в центре поселения, с его великолепными панно и пристенной колоннадой, что и дало основания определить здание как культовое [6].

Видимо, аналогичное назначение имели описанные выше здания с Анау и Серманча-Тепе, но до их полного вскрытия многие вопросы общей планировки и внутренней отделки остаются неясными. Однако сам факт наличия богато расписанных стен этих зданий сближает их с такими культовыми зданиями, каким является, например, храм из Телл Укаира, интерьер которого украшен полихромными фресками [7].

В настоящее время предварительно можно говорить о двух типах таких зданий, относящихся к первой половине IV тысячелетия до н. э. (эпоха Анау 1),— со стенными полихромными росписями и, возможно, пристенным алтарем (Яссы-Тепе, предположительно Анау и Серманча-Тепе) и с жертвенниками-столами (Кара-Тепе). Может быть, выбор того или иного типа здания зависел от размеров самого поселения; показательно, что Кара-Тепе этого времени занимало в несколько раз большую площадь, чем остальные холмы [8].

В восточной, геоксюрской группе энеолитических поселений выявлено несколько зданий, возможно также имевших особое назначение. Так, на маленьком холме Дашлыджи-Тепе (Геоксюр 8), полностью относящемся ко времени Намазга I, раскопано большое прямоугольное помещение, пол которого выкрашен в черный и частично красный цвета, в углу находится очаг, а к северной стенке пристроена суфа [9]. Здание в противоположность остальным существовало на протяжении двух строительных горизонтов холма. Аналогичное здание с суфой раскопано на холме Геоксюр 1; такая же суфа обнаружена в раннем, примитивном святилище Телл Асмара [10].

Более широко такие помещения представлены на холмах геоксюрской группы времени развитой культуры Намазга II (вторая половина IV тысячелетия до н. э.). Они известны на всех раскопанных холмах — Геоксюр 1, Акча-Тепе (Геоксюр 2), Ялангач-Тепе (Геоксюр 3), Муллали-Тепе (Геоксюр 4), Чонг-Тепе (Геоксюр 5) и Геоксюр 6.

В верхнем строительном комплексе Акча-Тепе было расчищено квадратное в плане помещение с двумя выступами-пилястрами внутри. На полу располагалось прямоугольной формы сооружение, стенки которого вылеплены из хорошо отмученной глины, с большой примесью самана (рис. 1, *4*). Южный угол украшен вертикально стоящим столбиком. Внутри сооружение разделено поперечной перемычкой на две части. Лучше сохранившаяся половина имела хорошо прокаленный пол, на котором лежал слой плотно слежавшейся золы (3—4 *см*), в котором встречена раздавленная расписная чашечка. Глинобитные стенки снаружи имели плавную выкружку, переходящую в пол самого помещения, также сильно обожженного и покрытого слоем горелого хвороста [11].

Сооружения подобного типа известны в большинстве храмовых построек Месопотамии, где они служат показателем именно культового назначения зданий [12]. В археологической литературе их принято обоз-

---

[6] В. М. Массон. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, стр. 236. Судя по тексту полевого отчета, то же самое предполагал и руководитель работ Б. А. Куфтин.

[7] S. Lloyd and F. Safar. Tell Uqair, INES, т. II, № 2, 1943, табл. X, XII.

[8] По данным В. М. Массона — 15 *га*. См. В. М. Массон. Джейтун и Карадепе, стр. 158.

[9] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1960, стр. 141.

[10] В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, т. X, стр. 230—231; H. Frankfort. Oriental Institute Communications, № 20, стр. 12, рис. 11.

[11] Раскопки автора.

[12] E. A. Speiser. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1935, т. I, стр. 25, 26, 28.

начать как «столы для жертвоприношений», или «подиумы», реже — как алтари [13].

Подиумы храмов Месопотамии и Южной Туркмении почти полностью повторяют друг друга, с той лишь небольшой разницей, что в древнем Двуречье они не имели поперечной перегородки и, по мнению Е. Шпейзера, иногда напоминали антропоморфные фигуры [14].

На Муллали-Тепе культовое сооружение находится внутри обводной стены поселения и имеет стены двойной толщины. Внутри, ближе к северному углу, расположен глинобитный «подиум», не имеющий поперечной перегородки, но разделенный на две части за счет углубления одной половины сравнительно со второй, более возвышенной (рис. 1, *2*). Внутренняя поверхность носит следы длительного воздействия огня [15].

На третьем раскопанном поселении Ялангач-Тепе, во втором сверху строительном горизонте, было выявлено большое центральное помещение с тамгообразным налепом на стене, по всей видимости, специального, ритуального назначения. Это здание продолжало существовать и в более поздний период, причем на полу его был сооружен «подиум» того же типа, что и на Акча-Тепе. Рядом с центральным зданием расположено второе, с остатками аналогичного «подиума», но ориентированного в противоположную сторону (рис. 1, *3*). Оба эти помещения в общей системе планировки поселения на холме Ялангач-Тепе стояли особняком [16].

При раскопках холма Геоксюр 6 во втором строительном горизонте, на краю поселения, были зачищены два помещения, разделенные незастроенным участком, возможно, проходом. Оба они имеют на полу прямоугольные «подиумы» обычного типа, один из которых украшен по углам вертикальными столбиками. Впредь, до более широкого вскрытия этого участка древней архитектуры, трудно судить о конкретном назначении этих комнат, отличающихся от описанных выше наличием добавочных сооружений в виде двухчастной прямоугольной печки и круглого «очага» в углах комнат.

Все вышеописанные здания (за исключением, может быть, Муллали-Тепе) выделяются среди других несколько большими размерами. В тех случаях, когда поселение вскрыто на несколько строительных горизонтов вглубь, оказывается, что именно эти здания возводились последовательно на одном месте или же существуют, почти не изменяясь, в продолжение нескольких строительных периодов (Ялангач, Дашлыджи-Тепе). Такое же положение отмечено для многих храмовых построек Месопотамии, причем это обстоятельство, как и наличие «подиумов», является одним из признаков культового назначения зданий [17]. Все сказанное выше позволяет рассматривать описанные помещения на поселениях геоксюрской группы холмов времени развитого Намазга II как культовые постройки.

Культовые сооружения ориентированы углами по странам света, как, впрочем, и вся планировка поселений. Аналогичное положение отмечено и для большинства храмовых построек Месопотамии, архитектура поселений которой также имеет в общем сходную ориентацию.

---

[13] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 187. Более распространен термин «подиум», хотя и его нельзя считать наиболее удачным. См. E. A. Speiser. Ук. соч., стр. 24.

[14] E. A. Speiser. Ук. соч., стр. 29.

[15] Раскопки И. Н. Хлопина.

[16] Ср. И. Н. Хлопин. Ук. соч.; рис. 12.

[17] E. A. Speiser. Ук. соч., табл. IX—X; A. I. Tobler. Excavations at Tepe Gawra, т. II, табл. XIX, XX; см. S. Lloyd and F. Safar. Eridu, Sumer, т. IV, № 11. стр. 119—122, табл. VI; P. Delugaz and S. Lloyd. Pre-Sargonid Temples in the Diala Region, OIP, т. LVIII.

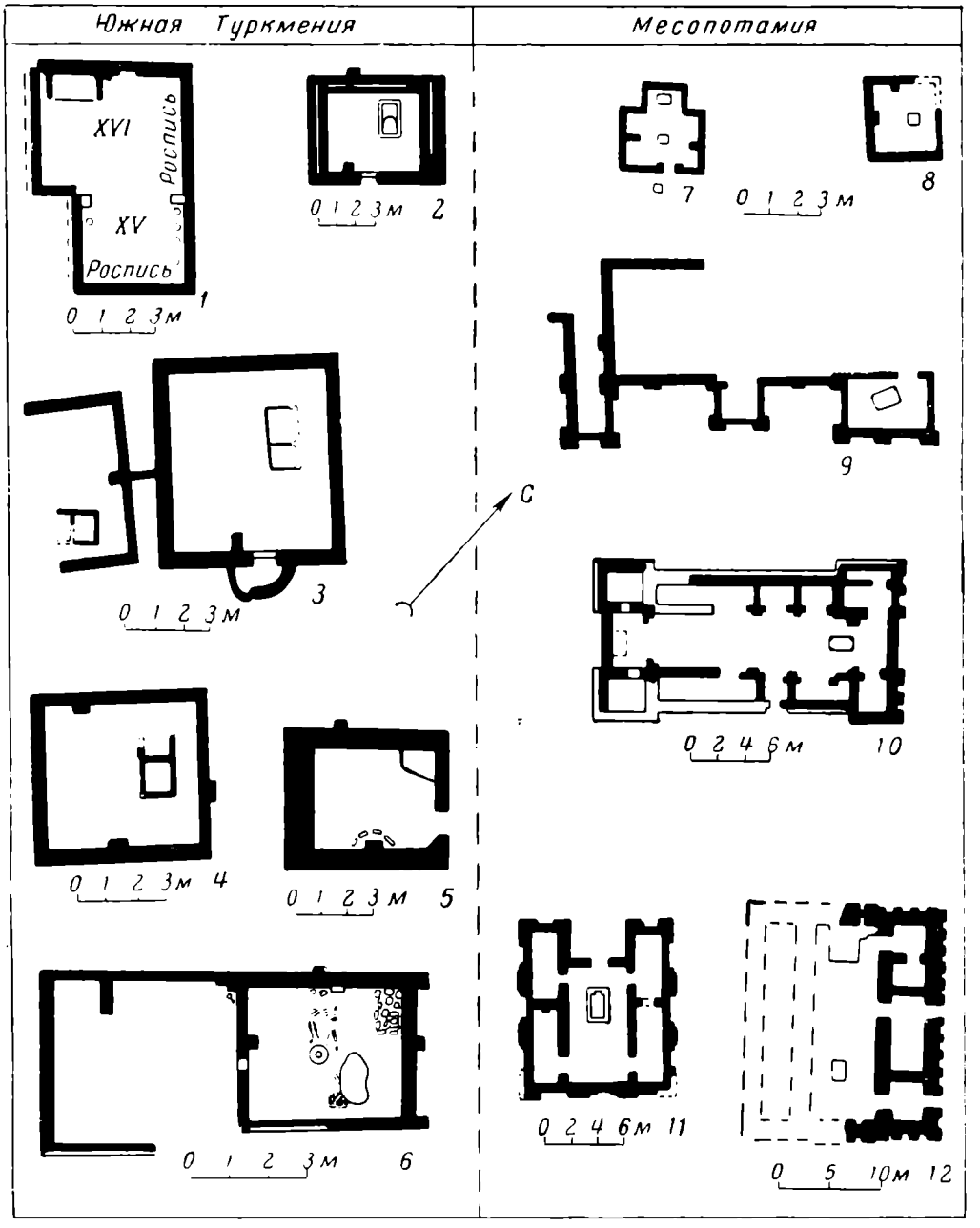


Рис. 1. Культовые здания Южной Туркмении и Месопотамии

1 — Яссы-Тепе; *2* — Муллали-Тепе; *3* — Яланғач-Тепе; *4* — Акча-Тепе; *5* — Геоксюр 1; *6* — Геоксюр 1; *7* — Эриду, храм XVI; *8* — Эриду, храм XVIII; *9* — Эриду, храм XI; *10* — Эриду, храм VI; *11* — Гавра, храм VIII; *12* — Телль Укаир

Пока еще трудно судить о причинах такого поразительного совпадения в ориентации строительных комплексов поселений древнеземледельческих племен. Очевидно, одинаковая ориентация храмов Месопотамии и анауских святилищ определена сходной системой планировочного принципа самих поселений.

Входы в культовые сооружения анауских холмов (когда они прослежены) обращены в юго-восточную сторону, против торцовых частей «подиумов»: однако делать из этого какие-то выводы пока преждевременно. На Яланғач-Тепе оба «подиума» устроены поперечно друг к другу, что трудно поддается объяснению; можно лишь отметить аналогичное положение в VIII слое Гавры [18].

[18] E. A. Speiser. Ук. соч., табл. IX, X.

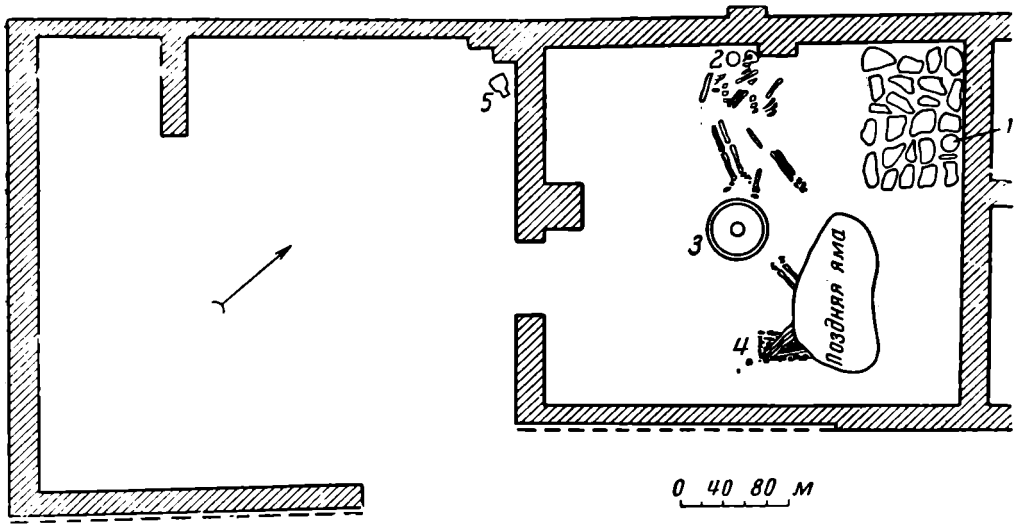


Рис. 2. Культовое здание с поселения Геоксюр 1

1 — ступка с пестиком; *2* — расписной сосуд; *3* — керамический диск; *4* —тростниковая плетенка *5* — каменная курильница

Ни один из известных «подиумов» анауских холмов не располагался строго в центре здания, а всегда сбоку; три из четырех ориентированы по длинной оси с северо-запада на юго-восток. В Гавре «подиумы» чаще располагаются в центре, хотя в некоторых случаях они устроены и сбоку (помещение 904), что даже вызвало недоумение у руководителя раскопок [19]. Очевидно, строители не придерживались каких-либо строгих канонов в расположении «подиумов» и их ориентации. Было бы заманчиво связать указанные различия с посвящением отдельных святилищ различным божествам, однако данных для этого пока никаких нет.

Пока еще трудно судить о конкретных формах культовых обрядов, совершавшихся в этих зданиях. Можно лишь догадываться, что «подиумы» служили для сжигания жертвоприношений, а чашечка в «подиуме» Акча-Тепе, возможно, применялась для жертвенных возлияний [20].

В более позднее время (ранее Намазга III) культовые здания известны пока для верхнего горизонта поселения Геоксюр 1, Чонг-Тепе (Геоксюр 5) и, предположительно, Кара-Тепе. На Кара-Тепе в обширном помещении, предварительно определенном как двор, были прослежены остатки плохо сохранившегося «подиума» [21].

На поселении Геоксюр 1 раскопано два культовых здания, относящиеся к одному периоду существования. Первое имеет прямоугольную форму с очень толстыми стенами (рис. 1, *5*). Внутри, в середине стены, сделан прямоугольный выступ, который вместе с прилегающим участком пола сильно обожжен. Площадка перед выступом выложена кусками керамики, а сам выступ отграничен от остальной части помещения «стенкой» из поставленных на ребро кирпичей; в углу сложена кирпичная суфа. По всему полу заметен горелый слой с включением большого количества полуобожженных костей [22]. План этой постройки отчасти напоминает описанное выше прямоугольное помещение Дашлыджи-Тепе и схожее святилище из Телл Асмара (протописьменный период) [23].

---

[19] См. Tobler. Ук. соч., стр. 8.

[20] Более прямые указания на это см. P. Délugaz and S. Lloyd. Ук. соч, стр. 30, табл. 8, 10, 11.

[21] В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, т. X, стр. 353.

[22] В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение Геоксюр, стр. 320—321.

[23] Там же, стр. 320—321.

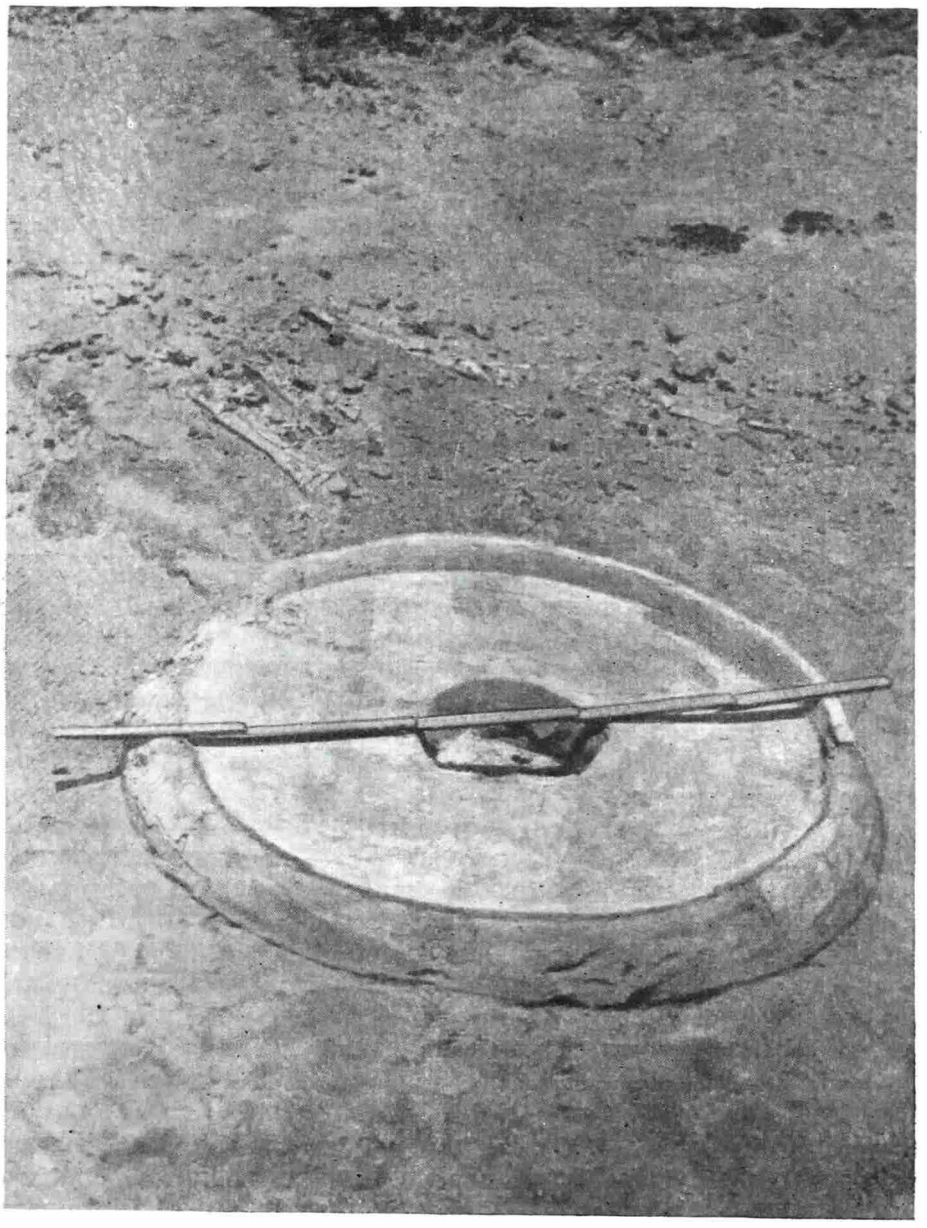


Рис. 3. Керамический диск с культового здания поселения Геоксюр 1

Второе здание на Геоксюр 1 радикально отличается от всех остальных и требует более подробного описания. Оно состояло первоначально из двух помещений (позднее изолированных друг от друга), соединенных между собой проходов с порогом (рис. 2). Меньшее помещение имеет около порога почти квадратный выступ, обмазанный в несколько слоев штукатуркой; второй выступ сделан посередине другой стены. Вся внутренняя часть здания заполнена кусками сырцового кирпича и обожженными глиняными блоками. Пол, на котором было найдено несколько фрагментов керамики и кости животных (джейрана, мелкого рогатого скота и коровы)[24], плавно понижается к центру помещения, где под завалом сильно пережженных блоков находится керамический диск с невысоким бортиком и круглым отверстием в середине, заполненным золой. Керамический диск «вписан» в пол, имеет тщательно заглаженную поверхность и обожжен до равномерного розоватого оттенка (рис. 3).

[24] Определение В. И. Цалкина.

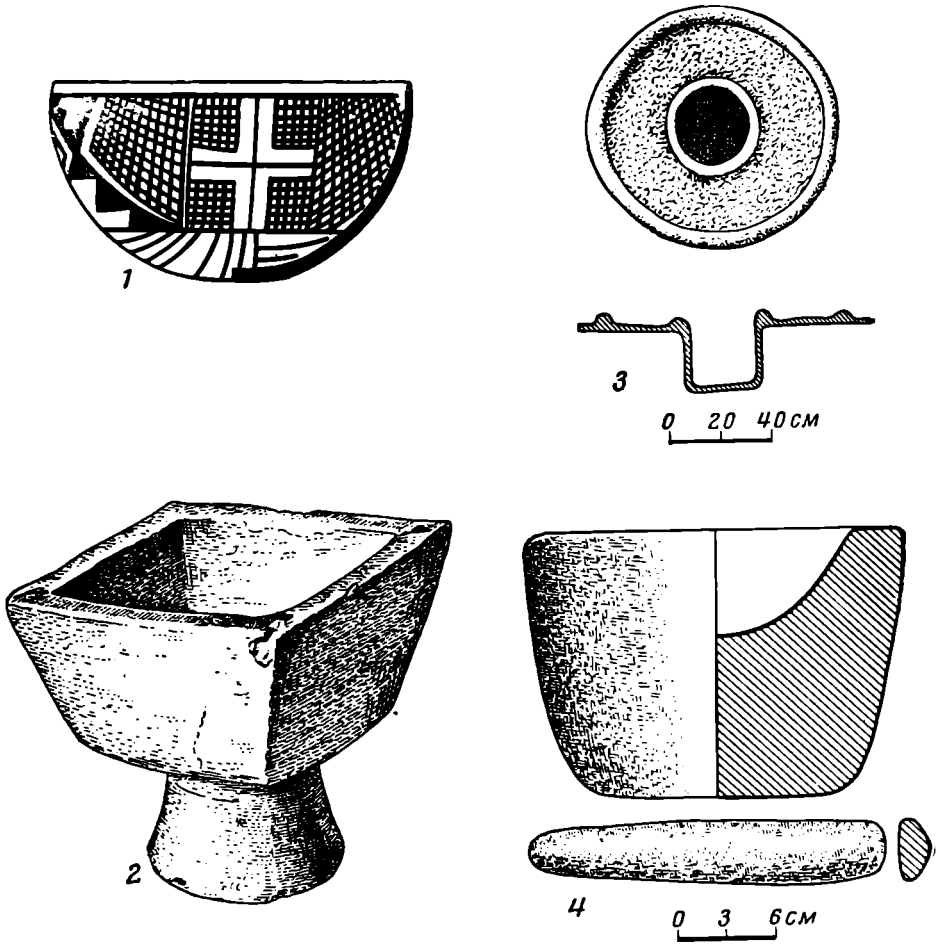


Рис. 4. Предметы из культового здания поселения Геоксюр 1

1 — сосуд; *2* — каменная курильница; *3* — керамический диск *4* — ступка с пестиком;

К западу от диска — обожженные кости от двух человеческих скелетов, сильно разрушенных. У черепа стояла расписная чаша с орнаментом геоксюрского стиля полихромии (рис. 4,*1*), три других фрагмента находились около ног. К востоку от диска найдены полусожженные остатки третьего, скорченного костяка, положенного на тростниковую плетенку; сам скелет уничтожен более поздней ямой. Все костяки лежали на слое горелого хвороста. В северном углу пол выстлан крупными фрагментами красноангобированного хума, где были обнаружены каменная ступка и пестик (рис. 4, *4*).

У второго, смежного помещения стены и пол также сильно обожжены изнутри; в северном углу найдена каменная курильница, сильно закопченная (рис. 4, *2*). От западной стены отходит прямоугольно вытянутый выступ с большим развалом жженого кирпича [25].

Наличие полусожженных костяков, видимо, указывает на специальное трупосожжение, а керамический диск в центре комнаты делает это предположение наиболее вероятным. Действительно, алтари-эсхары, на которых производились жертвоприношения и кровавые возлияния при похоронных тризнах, засвидетельствованы для античной эпохи во многих курганах Керчи, Таманского полуострова, Кубани и Дона [26]. Такие

[25] Раскопки автора.

[26] Полную сводку и подробное описание см. Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в Боспорских курганах. СА, XIV, 1950.

алтари обычно прямоугольной формы, всегда имеют отверстие в центре для стока крови и для разведения жертвенного огня. Известны они также в отдельных некрополях Греции, начиная с эгейской эпохи, особенно показателен алтарь (эсхара) из Микен, круглой формы со сквозным отверстием [27]. Более близкие аналогии находим в Юго-Западном Иране, на месте древней Сузианы. Здесь, в некрополе, найдены алтари, один из которых почти буквально напоминает геоксюрский керамический диск. Круглой формы, с бортиком по краю и отверстием в центре, этот алтарь служил, по мнению руководителя раскопок, для кровавых жертвоприношений при погребальных церемониях; он, однако, относится к более позднему времени, чем геоксюрский (XV в. до н. э.) [28].

Таким образом, подобные алтари обычно связаны с погребальным обрядом, иногда трупосожжением, причем в ряде случаев тризна совершалась во время самого процесса трупосожжения [29]. Вероятно, и здание святилища с холма Геоксюр I предназначалось отчасти и для обряда трупосожжения; на керамическом диске производились жертвоприношения и возжигание жертвенного огня. С этим же ритуалом могли быть связаны ступка с пестиком и курильница. Сожженные кости обычно убирались, и возможно, что лишь в результате внезапного разрушения помещения полусожженные костяки остались на месте.

Этот наиболее ранний пример сооружения здания для культового обряда трупосожжения не имеет прямых аналогий на других анауских холмах и пока стоит изолированно. Однако приведенные факты указывают на довольно широкое распространение такого ритуала в древнем мире, равно как и обычая захоронения в толосах [30], что может свидетельствовать об общей традиции одного культурного исторического круга.

К сказанному следует добавить, что при раскопках холма Чонг-Тепе (Геоксюр 5) было вскрыто пять жилых комплексов, каждый из которых состоял из целого ряда помещений, главное место среди которых занимали обширные комнаты с круглыми алтарями-«эсхарами» в середине. Одно из них (помещение № 21) заполнено внутри горелым слоем, аналогичным такому же из описанного помещения с холма Геоксюр 1. На полу найдена расписная чаша, сильно закопченная; каких-либо остатков человеческих скелетов не было обнаружено. Остальные четыре помещения не имеют каких-либо горелых слоев внутри, что лишний раз может указывать на всю сложность культовых обрядов древних обитателей поселения. Пока важно отметить, что каждое из этих пяти помещений на холме Чонг-Тепе соответствуют определенному жилому комплексу строений, занимая среди них центральное место, что не может быть случайным.

Закономерен вопрос: представляют ли культовые здания на холмах анауской культуры развитие местных традиций, или же они свидетельствуют о культурном влиянии населения родственных племен сопредельных юго-западных областей? Наиболее древнее святилище Месопотамии, храм XVII в Эриду, уже имеет маленькое возвышение в центре — примитивный подиум (рис. 1, *8*). В следующем храме — XVI — сохраняется тот же «кубообразный» жертвенник — подиум с пеплом и следами сожжения вокруг; второе аналогичное сооружение находится в нише и, возможно, выполняет уже роль алтаря (рис. 1, *7*) [31].

---

[27] Там же, стр. 133, 136.

[28] R. de Mecquenem. Fouilles de Suse, 1933—1939. MMA en Iran т. XXIX, Paris, 1943, стр. 107—108.

[29] Е. Г. Кастанаян. Ук. соч., стр. 127.

[30] S. Hood Tholos Tombs of the Aegean. Antiquity, т. XXXIV, № 135, 1960, стр. 166—176.

[31] R. Lloyd and F. Safar. Eridu, стр. 121—122.

Можно допустить, что сходное устройство имело и святилище времени Анау 1 на Кара-Тепе, относящееся к несколько более позднему времени. В силу ограниченности материала трудно решить, наблюдается ли здесь прямое заимствование типа южномесопотамских храмовых построек раннеанаускими или же это свидетельство более позднего культурного влияния, происходящего из одного общего центра.

Вместе с тем нельзя не отметить большую близость вертикальных рядов ромбов с панно Яссы-Тепе [32], а также треугольников и шахматных сеток Анау и Серманча-Тепе с отдельными орнаментальными деталями фресок храма Телль Укаир [33]. Одако «расписной храм» Украира пока стоит обособленно среди остальных храмов Месопотамии, а в Южной Туркмении традиция настенных полихромных росписей уходит к неолитическому Джейтуну.

Очевидно, отмеченные параллели не случайны между этими конкретными сооружениями. Можно допустить какую-то общую культурную традицию в росписи стен зданий ритуального назначения, хотя прямых данных этого пока нет.

Вернемся к поселению Эриду, где храм XI имеет уже сложную планировку с подиумом в одном из помещений (рис. 1, *9*). Примером вполне законченного типа шумерийского храма, стоящего на платформе, служит храм VI (позднеубейдское время) с пристенным алтарем в одном конце и подиумом в другом (рис. 1, *10*). Хотя руководители раскопок отделяют урукские храмы от убейдских, представляется, что больше прав Г. Чайлд, предполагающий одну линию развития храмов Эриду [34].

Для Северной Месопотамии наиболее ранний храм с глинобитным подиумом в центре известен для слоя XIX тепе Гавра; он почти полностью соответствует аналогичным сооружениям предшествующего времени Эриду. Это обстоятельство, по мнению Г. Чайлда, указывает на прямое влияние и даже колонизацию севера Месопотамии протошумерийцами юга страны [35].

В слое Гавра VIII культовые здания принимают уже вполне законченный вид, превосходя по размерам любой из шумерийских храмов (рис. 1, *11*). В урукский период установившийся тип позднеубейдского храма известен для Урука (Белый храм и др.), Телль — Укаира (рис. 1, *12*), что может свидетельствовать о более широком распространении такого плана храмов. Это культурное влияние отмечено для бассейна р. Диалы в культовых постройках Телл Асмара, Телл Аграба и Хафаджа, наиболее ранние из которых относятся к дописьменному периоду [36]. Особенно показательно в этом отношении святилище Син, которое хорошо увязывается с храмами Южной Месопотамии более раннего периода [37].

Все эти данные указывают на местную линию развития храмов с подиумами Двуречья, а также на широкое распространение их в начале урукского периода по всей Месопотамии, а несколько позднее — на прилегающие поселения горных районов бассейна р. Диалы. Особенно показательно распространение храмовых построек в протописьменный период к востоку от Средней Месопотамии, что совпадает по времени с появлением святилищ с «подиумами» в Геоксюрской группе холмов. К сожалению, мы не знаем достоверных храмов для промежуточной территории

---

[32] Видимо, это имел в виду Б. А. Куфтин, сближавший настенные росписи Яссы-Тепе с холмом в Ираке (Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 274).

[33] S. Lloyd and F. Safar. Tell Uqair, табл. X, XII.

[34] Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 188; см. также P. Delugaz and S. Lloyd. Ук. соч., стр. 308.

[35] Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 181, 195.

[36] P. Delugaz and S. Lloyd. Ук. соч.

[37] Там же, стр. 304—306, 310.

Ирана и Афганистана[38], однако повсеместное распространение похожих сооружений в дельте Теджена в одно определенное время, видимо, не является случайным. Представляется вероятным проникновение сюда в пору Намазга II культовых сооружений, более типичных для юго-западных областей, причем Элам мог являться одним из промежуточных пунктов на этом пути.

Здесь можно добавить, что толосы некрополя Геоксюра обнаруживают определенную конструктивную связь с сооружениями Гавры и Элама, что также вряд ли является случайным[39].

Необходимо подчеркнуть, что предполагаемое родство культовых построек Южного Туркменистана и Месопотамии носит преимущественно формальный характер. Храмовые сооружения Месопотамии убейдского и урукского времени уже выполняют хозяйственные функции, связанные с накоплением достаточно большого прибавочного продукта. Они отличаются внушительными размерами и особой архитектурой стоят на специальных платформах и чаще всего занимают центральное положение в общем комплексе построек. Упомянутые выше святилища анауской культуры (правда, все пока происходящие с очень небольших поселений) не имеют специальных платформ, по своей архитектуре почти ничем не отличаются от жилых комнат и далеко не всегда располагаются в центре поселений[40]. Их значение вряд ли выходило за рамки специальных мест, связанных преимущественно с совершением культовых обрядов, посвященных главному божеству плодородия — богине-матери. Именно в таких помещениях могли стоять сравнительно большие по размерам женские статуи в противоположность небольшим домашним идолам[41]. Впредь до раскопок культовых сооружений на крупных поселениях анауской культуры многие принципиальные вопросы их общественно-хозяйственного назначения остаются открытыми. Однако отмеченные различия в культовых постройках Месопотамии и Туркмении не снимают тезиса об их культурно-историческом родстве. Они могут служить наглядной иллюстрацией к высказыванию Ф. Энгельса: «Первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп своеобразно развиваются у каждого отдельного народа, смотря по выпавшим на его долю жизненным условиям»[42].

Не менее интересен вопрос о конкретном назначении описанных святилищ. С. П. Толстов впервые высказал предположение, что «храмы огня» древнего Хорезма скорее всего явились «домами огня» зороастрийских храмов[43]. Пережитком зороастрийских «домов огня», по предположению С. П. Толстова, являются также «алау хона» современных горных таджиков, которые выполняют функции коллективных «мужских домов», своеобразных клубов. Такие «мужские дома» были распространены у многих народов — у индейцев Америки, эскимосов, меланезийцев, народов Индонезии и Индокитая, отчасти Индии и Центральной Африки, на определенном этапе исторического развития[44]. Нередко они превраща-

---

[38] В. М. Массон допускает существование храмов на Мундигаке и Тюренг-Тепе, однако судить о них определенно пока затруднительно (См. В. М. Массон. О культе женского божества у анауских племен. КСИИМК, вып. 73, 1959, стр. 16—17).

[39] В. И. Сарианиди. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, № 2, стр. 238.

[40] В пору Намазга III наивысшая точка большого холма Кара-Тепе была занята гражданской постройкой; аналогичное положение может быть отмечено и для огромного поселения Алтын-Тепе времени Намазга VI (поздняя бронза).

[41] Ср. В. М. Массон. О культе..., стр. 16, 17. Возможно, такого назначения была крупная статуэтка высотой 26,5 *см*, найденная на Яланган-Тепе.

[42] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Сб. К. Маркс и Ф. Энгельс. О религии. Госполитиздат, М., 1955, стр. 202.

[43] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 97—98.

[44] Там же, стр. 96.

ются в святилища — место культа предков, где постоянно поддерживается огонь [45].

В более позднее время во многих местностях, куда проникло мусульманство, эти «общественные дома» приспосабливались под мечети, в чем нельзя не видеть известную преемственность их функционального назначения в качестве культовых мест древнейших верований. Так, по Макдиси, соборная мечеть в г. Истахре была в древности храмом огня [46]. М. С. Андреев прямо указывает, что в Дарвазе только здания, при которых имеются «алау хана» (дома огня), называются мечетями [47].

Н. А. Кисляков, крупнейший знаток этнографии горных таджиков, отмечает, что мечетями «алау хана» стали в связи с распространением ислама и что «функция „алау хана" как общественного „дома огня" более древняя» [48]. Этот же автор дает подробное описание «алау хана» — большого помещения, внутри которого, в центре или около одной стены, находится прямоугольный очаг (чалак), занимающий иногда до $^1/_4$ части комнаты [49].

Здесь обычно собирается вся мужская часть селения, проходят угощения, съедание «худоев», т. е. умилостивительных жертв для удаления или предотвращения несчастий [50].

В аналогичных «общественных домах» (проммах» кафиров Гиндукуша, сохранивших до XIX в. свою первобытную культуру, по сведениям Д. Робертсона, «бывает ...небольшое святилище, содержащее своеобразно вырезанного идола какого-нибудь божества» [51].

Очевидно, в прошлом такие «общественные дома» служили также культовыми святилищами, выполняя двойную функцию [52]. Общественное назначение «алау хана» в пережиточном виде выступает настолько ясно, что не требует особого доказательства. О культовом назначении, помимо приведенных фактов из этнографии кафиров Гиндукуша, можно догадываться на основании того, что именно эти здания с распространением ислама приспосабливались под мечети. Из специальной литературы известно, что повсеместно именно старые культовые постройки с успехом использовались (даже без особой переделки) для нужд новой религии. Надо полагать, что «алау хана» до распространения ислама выполняли двойную функцию в качестве общественно-культовых зданий.

Святилища с «подиумами» геоксюрских холмов обнаруживают по своему устройству большую близость к «алау хана». Можно допустить, что в древности они также совмещали общественные функции, где собирались жители по определенному признаку (поло-возрастному и т. п.), возможно, именно этим обстоятельством вызваны сравнительно большие размеры геоксюрских святилищ.

На территории Средней Азии для античного и раннесредневекового периодов известны храмовые и общественные здания, связанные с местными культами [53]. На древнехорезмийских памятниках так называемые

---

[45] Г. Шурц. История первобытной культуры, вып. 1, М., 1923, стр. 131.

[46] К. А. Иностранцев. О домусульманской культуре Хивинского оазиса. ЖМНП, т. XXXI, февраль, СПб., 1911, стр. 300.

[47] М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 164, примеч. 19.

[48] Н. А. Кисляков. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу. СЭ, II, 1939, М.— Л., стр. 164.

[49] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков. Вахио Боло. М.— Л., 1936, стр. 116.

[50] М. С. Андреев. Ук. соч., стр. 163—165.

[51] Дж. С. Робертсон. Кафиры Гиндукуша. Ташкент, 1906, стр. 172—173.

[52] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 316—317.

[53] Полную сводку см. В. Л. Воронина. Доисламские культовые сооружения Средней Азии. СА, 1960, № 2, стр. 42—45; ее же. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии. СА. 1957, № 4, стр. 83—92.

«дома огня» отмечены для Джанбас-Кала, Топрак-Кала, Тешик-Кала, которые связываются с храмом огня в Шапуре[54]. Лучше всего изучен «дом огня» на Джанбас-Кала, где главную роль играет центральное возвышение внутри здания.

Очень похожую планировку дает «Красный зал» на городище Варахша и сходное здание на Балалык-Тепе, отличительной чертой которых является наличие центральной платформы со следами огня. Последнее обстоятельство, по мнению В. А. Шишкина, указывает именно на их культовое назначение[55]. Все эти здания объединяют два характерных признака: наличие центрального возвышения-жертвенника и несомненная связь с огнем, т. е. по существу те же моменты, которые прослежены в святилищах геоксюрских холмов.

К сожалению, подобные сооружения для более раннего времени пока неизвестны. Некоторые косвенные указания на их существование можно отметить для архаического Хорезма. Так, на городище Кюзели-Гыр (VI—V вв. до н. э.) найдены круглые и прямоугольные очажные сооружения в парадном (а не жилом) здании на предполагаемой цитадели. Особенно интересны для нашей темы двухчастные очаги, окруженные глиняным валиком, неизвестные ранее для Хорезма[56], но напоминающие геоксюрские «подиумы». Можно предполагать здесь пример позднего переживания древнейшей традиции устройства очагов-подиумов, возможно не случайно найденных в парадном помещении Кюзели-Гыр. Сходные сооружения встречаются в Хорезме вплоть до позднеантичного времени, нередко в помещениях особого назначения. Такой очаг-выкладка найден на городище Куня Уаз в парадном зале для приемов и церемоний[57]. Аналогичные очаги обнаружены еще в двух комнатах (с культурным слоем внутри), определенных как жилые, хотя не исключено и другое их толкование — в качестве помещений для коллективных трапез. Следует отметить сходное помещение (№ 4) рядом с «домом огня» на Джанбас-Кала, определенное С. П. Толстовым как комната для коллективных трапез[58]. Очаги-выкладки отмечены, кроме того, в помещениях, связанных с погребениями необычного типа (Куня-Уаз, Ангка-Кала)[59], что, вероятно, также не случайно.

Таким образом, мы наблюдаем довольно устойчивую древнюю, местную традицию устройства платформ-очагов в сооружениях на большей части территории Средней Азии. В этой связи интересно отметить, что «храм огня» в Сурх Котал (Афганистан) с квадратным возвышением в центре обнаруживает большую близость к храмам Пенджикента[60]. Хотя Шлюмберже связывает его с культовыми постройками ахеменидского и парфянского периодов, возможно, более прав А. М. Беленицкий, усматривающий местное происхождение этого храма[61].

Как показала В. Л. Воронина[62], домусульманские культовые здания большей части Средней Азии наряду с «храмами огня» имели и специальные обширные помещения общественного назначения, типа согдий-

---

[54] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 98.

[55] В. А. Шишкин. Варахша. СА, XXIII, 1955, стр. 118, рис. 9.

[56] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. ХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 148—150.

[57] Е. Е. Неразик. Археологическое обследование городища Куня Уаз. Тр. ХАЭЭ, т. II, стр. 375—378.

[58] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 98.

[59] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 124—125; его же. Работы хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 94.

[60] В. Л. Воронина. Доисламские культовые сооружения, стр. 51; А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища Древнего Пенджикента. МИА, № 66, 1958, стр. 112.

[61] Там же.

[62] В. Л. Воронина. К вопросу о типе..., стр. 83—84.

ских «домов сельских старост», упоминаемых аль-Бируни. На небольших поселениях обе функции могли совмещаться в одном помещении; для крупных городищ, как Джанбас-Кала (возможно, и Куня-Уаз), это могли быть отдельные здания — «храм огня» и комнаты для коллективных трапез [63].

Показательно, что в небольших кишлаках горных таджиков мечеть и «алау хана» устроены в одном помещении, в то время как в крупных селениях они состоят из двух комнат, соединенных дверью,— одна для молений, вторая собственно «алау хана» с очагом [64].

Заканчивая обзор древнеземледельческих культовых сооружений, следует отметить, что многие вопросы, связанные с ними, носят предварительный, дискуссионный характер и новый археологический материал еще внесет поправки в намеченную схему.

---

[63] Сомнения В. Л. Ворониной относительно конкретного назначения этих храмов представляются мало обоснованными (В. Л. Воронина. Доисламские культовые сооружения, стр. 50.)

[64] Н. А. Кисляков. Ук. соч., стр. 116.

И. Р. СЕЛИМХАНОВ

К ХИМИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НОЖЕЙ, ШИЛЬЕВ И БУСИН ИЗ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ III—II ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н. Э.

Химический анализ металлических предметов, происходящих из памятников III—II тысячелетий до н. э. на территории СССР (за исключением Кавказа), производился нерегулярно и в значительной мере бессистемно. Опубликованные до сих пор анализы отдельных металлических предметов из памятников этого времени, как правило, страдают неполнотой определения элементов, на что мне приходилось уже указывать в печати [1]. Отмечу, что и в недавно опубликованных работах мы наблюдаем те же недостатки. В качестве примера приведем анализ ножа из с. Лебяжье (Нижнее Поволжье; исследован в 1952 г. А. В. Королевым [2]), в составе которого отмечены всего два элемента — медь и сурьма. При этом меди указано 95,8%, а сурьмы — «остальное». Присутствие таких характерных примесей, как олово, свинец, цинк, мышьяк, серебро, золото, висмут, кобальт, никель и железо, не отмечено. Из этой работы видно, что тесло из раскопок В. А. Городцова 1924 г. в дер. Панфилово, датируемое второй четвертью II тысячелетия до н. э., состоит из 99,98% меди (другие примеси не указаны), а медный топор, найденный в Горбуновском торфянике (Восточный Урал), изготовлен из «чистой меди», что вызывает сомнение.

В настоящей работе приводятся результаты количественного спектрального анализа 30 металлических предметов: ножей, шильев, бусин и одной «бронзовой» привески, найденных в памятниках III—II тысячелетий до н. э. на территории Украины, Ростовской области и на Нижней Волге.

Эти предметы, хранящиеся в Гос. Историческом музее в Москве, в том числе «листовидные ножи», по предположению М. Эберта [3], относятся к «медному этапу ранней бронзы» и датированы им от 2200 до 1700 г. до н. э.

Их количественный спектральный анализ был проведен в лаборатории археологической технологии Института истории АН Азербайджанской ССР по разработанной автором методике [4]. Результаты этого анализа показывают, что все предметы по своему составу согласно ведущим эле-

---

[1] И. Р. Селимханов. О химическом исследовании древних металлических предметов из раскопок на территории Азербайджанской ССР, СА, 1957, № 3, стр. 105—113.

[2] А. В. Королев. О ранней культуре обработки металлов в России. Труды по истории техники, вып. VII, М., 1954, стр. 33.

[3] Max Ebert. Südrußland im Altertum. Leipzig, 1921, стр. 65.

[4] И. Р. Селимханов. К методике спектрального анализа археологических медных и бронзовых сплавов. Доклады Академии наук Азербайджанской ССР, т. XIII, № 9, 1957, стр. 967.

ментам могут быть разбиты на три основные группы: 1) медные изделия, содержащие ничтожные примеси других металлов; 2) медно-мышьяковые изделия, содержащие от 0,30% мышьяка и ничтожные примеси других металлов; 3) медно-оловянные (типично бронзовые изделия), содержащие более 1—2% олова и ничтожные примеси других металлов.

Результаты исследования и характеристика групп

1. Медные изделия (табл. 1; рис. 1), инв. № 76990

К этой группе относится всего лишь одна «бронзовая» привеска из раскопок Д. Я. Самоквасова в 1884 г. близ «Бесчастной Могилы» в с. Новогригорьевка в Запорожье. Очевидно, она была названа бронзовой без химического исследования, так как анализ показал, что в ней содержится всего 0,001% олова.

Таблица 1

Предмет	Содержание (в %)												
	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P
«Бронзовая» привеска	Основа	0,001	0,003	0	0	0	0,055	0	0,003	0,003	0	0,15	0,10

Присутствие 0,1% фосфора должно быть отнесено за счет его миграции из окружающей почвенной среды, так как привеска была сильно разрушена окислением. Мышьяк и сурьма отсутствуют совершено, содержание остальных примесей металлов ничтожное.

2. Медно-мышьяковые изделия

Из исследованых нами предметов 27 отнесены к медно-мышьяковым, не содержащим олова. Спектральный анализ показал, что все они изготовлены из сплавов меди с мышьяком без сурьмы, свинца и цинка (примеси последних настолько малы, что не могут приниматься во внимание). Все предметы по их назначению можно разбить на три подгруппы:

а) плоские ножи . . . . . 12 шт.
б) четырехгранные шилья . . . . 11 »
в) бусины . . . . . 4 »

Всего 27 предметов

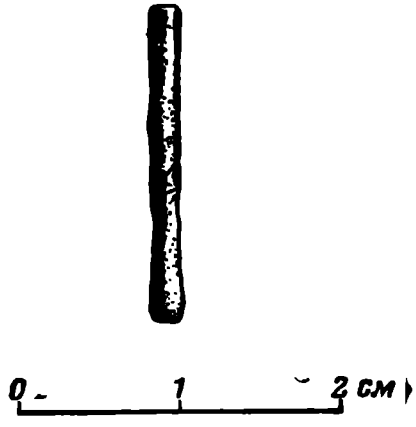


Рис. 1. «Бронзовая» привеска

Результаты анализа каждой подгруппы предметов отражены в таблицах, в которых они расположены в порядке увеличения в них содержания мышьяка.

а. Плоские ножи (см. табл. 2; рис. 2). При содержании мышьяка в этой подгруппе от 0,30 до 6,70% в них присутствует всего 0—0,05% олова, а свинца до — 0,015%. Присутствие остальных примесей ничтожное. Обращает на себя внимание отсутствие кобальта в большинстве предметов. Только в трех предметах он наблюдался в количестве 0,001—0,008%. Примесь цинка установлена только в одном случае. Следует также отметить отсутствие или ничтожную примесь сурьмы. Следовательно, для этой подгруппы предметов характерно присутствие мышьяка при очень низких содержаниях всех остальных металлов. Исключением служит

Таблица 2

Результаты анализа ножей (медно-мышьяковые сплавы)

Предмет и его данные	Рис. №	Содержание (в %)												
		Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P
Нож, инв. № 43937. Нижнеднепровье, с. Белозерка, кург. 5, погр. 19. Раскопки Ф. А. Брауна, 1898 г.	2, *1*	99,1	0	0	0	0,30	0	0,006	0	0,008	0,002	0	0,10	0
Нож; данные те же	2, *2*	98,8	0	0,001	0	0,63	0	0,02	0	0,001	0,002	0,001	0,06	0
Нож, инв. № 25612. Крымская обл. Симферопольский р-н. Раскопки Н. И. Веселовского, 1890 г.	2, *3*	98,0	0,001	0,001	0	1,40	0	0,013	0	0	0,002	0	0,07	0
Нож, инв. № 35218. Волгоградская обл. с. Норки, на р. Иловле. Раскопки А. А. Спицына, 1895 г.	2, *4*	97,8	0	0	0	1,55	0,002	0,03	0	0,003	0,003	0	0,07	0
Бронзовый нож, инв. № 45719. Мариупольский у. с. Каракуба. Раскопки В. А. Харламова	2, *5*	96,0	0	0,008	0	3,40	0,001	0,02	0	0,01	0,001	0	0,06	0
Нож, инв. № 54746. Ростовская обл. станица Аксайская, Гирева Могила. Раскопки В. Г. Тизенгаузена	2, *7*	95,4	0	0	0	4,0	0	0,01	0	0,001	0,002	0	0,05	0
Нож, инв. № 54746. Волгоградская обл. станица Нижне-Чирская. Раскопки В. Г. Тизенгаузена, 1865 г.	2, *6*	95,4	0	0	0	4,00	0,004	0,005	0	0,05	0,001	0	0,05	0
Нож, инв. № 40514 и 40520. Харьковская обл. дер. Селимовка, близ г. Изюм. Раскопки В. А. Городцова, 1901 г.	2, *8*	95,3	0,004	0,004	0	4,10	0	0,02	0	0,01	0,005	0	0,08	0
Нож, инв. № 35218. Волгоградская обл. с. Лебяжье, на р. Иловле. Раскопки А. А. Спицына, 1895 г.	2, *9*	94,8	0,005	0,003	0	4,60	0	0,015	0	0,003	0,003	0	0,10	0
Бронзовый нож, инв. № 28158. Ростовская обл. станица Константиновская, кург. «Баба», погр. 3. Раскопки Н. Е. Бранденбурга, 1891 г.	2, *10*	94,1	0,001	0,015	0,02	5,00	0	0,02	0	0,001	0,005	0	0,30	0
Бронзовый нож, инв. № 76999. Запорожская обл. с. Новогригорьевка («Бесчастная Могила»). Раскопки Д. Я. Самоквасова, 1884 г.	2, *11*	92,8	0,003	0,001	0	6,60	0	0,035	0	0	0,004	0,001	0,10	0
«Маленький нож», инв. № 25612. Крымская обл. Симферопольский р-н. Раскопки Н. И. Веселовского, 1890 г.	2, *12*	92,7	0,001	0,001	0	6,70	0	0,008	0	0	0,003	0,008	0,09	0

Таблица 3

Результаты анализа четырехгранных шильев (медно-мышьяковые сплавы)

Предмет и его данные	Рис. №	Содержание (в %)												
		Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P
Шило, инв. № 25612. Крымская обл. Симферопольский р-н, кург. 2, погр. 3. Раскопки Н. И. Веселовского, 1890 г.	3, *1*	99,2	0	0,001	0	0,30	0	0,009	0	0,001	0,001	0	0,03	0
Шило, инв. № 25612. Крымская обл. Симферопольский р-н, кург. 3, погр. 1. Раскопки Н. И. Веселовского, 1890 г.	3, *2*	98,9	0	0,006	0	0,50	0	0,05	0,001	0,001	0,004	0	0,07	0
Шило, инв. № 54746. Волгоградская обл. станица Нижне-Чирская. Раскопки В. Г. Тизенгаузена, 1865 г.	3, *3*	97,8	0	0	0	1,40	0,10	0,07	0	0,10	0,002	0	0,06	0
Шило, инв. № 43937. Нижнеднепровье, с. Белозерка, кург. 5, погр. 19. Раскопки Ф. А. Брауна, 1898 г.	3, *4*	98,0	0	0,001	0	1,40	0	0,01	0	0,003	0,001	0	0,08	0
Шило, инв. № 25612. Крымская обл. Симферопольский р-н, кург. «I», погр. 2. Раскопки Н. И. Веселовского, 1890 г.	3, *5*	97,8	0,001	0,003	0	1,55	0	0,055	0	0,01	0,001	0	0,05	0
Шило, инв. № 54746. Ростовская обл. станица Аксайская. «Гирева Могила». Раскопки В. Г. Тизенгаузена	3, *6*	97,0	0,001	0,001	0	2,45	0	0,004	0	0,001	0,003	0	0,07	0
Шило, инв. № 35218. Волгоградская обл. с. Норки на р. Иловле. Раскопки А. А. Спицына, 1895 г.	3, *7*	96,8	0	0,001	0	2,60	0	0,03	0	0,001	0,002	0	0,08	0
Шило, Харьковская обл. с. Ковалевка, близ г. Изюма. Раскопки Ю. В. Готье, 1901 г.	3, *8*	96,2	0,001	0,003	0	3,20	0,001	0,025	0	0,001	0,003	0	0,08	0
Шило, инв. № 43937. Нижнеднепровье, с. Белозерка, кург. 5, погр. 1. Раскопки Ф. А. Брауна, 1898 г.	3, *9*	96,2	0	0,003	0	3,20	0	0,005	0	0,01	0,002	0	0,07	0
Шило, инв. № 40514. Харьковская обл. дер. Селимовка, близ г. Изюма. Раскопки В. А. Городцова, 1901 г.	3, *10*	96,0	0,001	0,004	0	3,30	0	0,015	0	0	0,005	0	0,15	0
Шило, инв. № 28158. Ростовская обл. станица Константиновская, кург. «Баба», погр. 3. Раскопки Н. Е. Бранденбурга, 1891 г.	3, *11*	95,2	0	0	0	4,25	0	0,01	0	0,001	0,005	0	0,08	0

нож из станицы Нижне-Чирской (рис. 2, *6*), в котором 0,05% висмута, в то время как в других предметах его не более 0,01%, и нож из станицы Константиновской (рис. 2, *10*), в котором 0,02% цинка. При дальнейших исследованиях для выяснения центров производства ножей этого типа они должны быть выделены в отдельные группы по их характерным примесям.

б. Четырехгранные шилья (табл. 3; рис. 3). В четырехгранных шильях содержится от 0,30 до 4,25% мышьяка, почти так же как и в ножах.

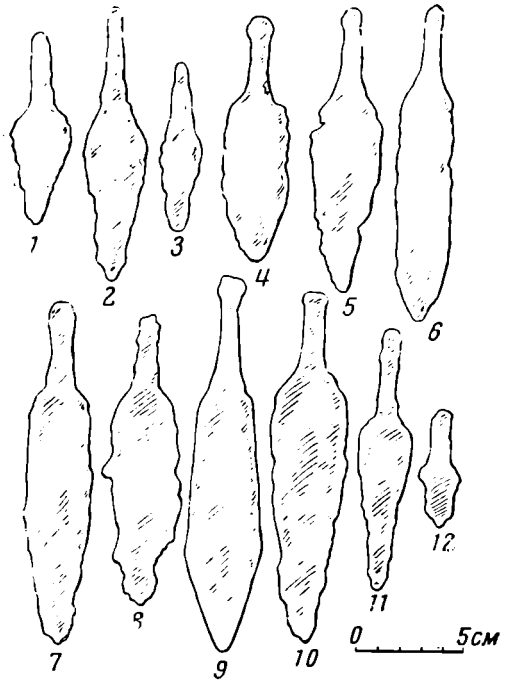


Рис. 2. Плоские ножи

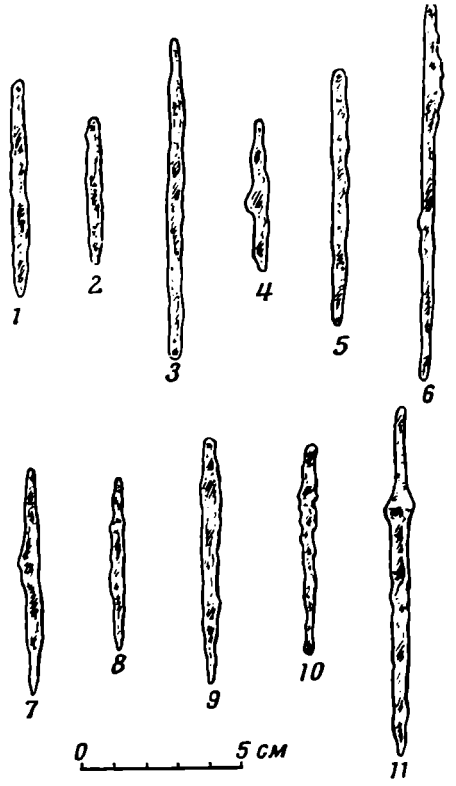


Рис. 3. Четырехгранные шилья

Очевидно, мышьяк вносили в таком небольшом количестве, чтобы изделия не получались хрупкими. Помимо мышьяка, в изделиях этой подгруппы содержится до 0,001% олова и 0,001% свинца, при полном отсутствии примесей кобальта. Повышенная примесь сурьмы — 0,10% — наблюдается только в одном шиле (рис. 3, *3*) из станицы Нижне-Чирской. Для него же характерна примесь 0,1% висмута. Если сравнить анализ этого шила с анализом ножа из той же станицы (табл. 2, рис. 2, *6*), то можно заметить некоторое сходство составов. Это еще раз подчеркивает значение дальнейших спектральных анализов ножей, шильев и других металлических предметов из памятников, ограниченных теми же географическими и хронологическими рамками.

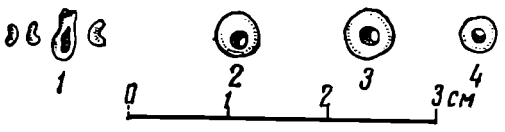


Рис. 4. Бусины

в. Бусины (табл. 4; рис. 4). Из исследованных четырех бусин две происходят из станицы Константиновской, Ростовской области. Все бусины содержат большую примесь мышьяка, а одна бусина из ст. Константиновской — даже 24,2% (рис. 4). При этом надо принять во внимание, что исследованные бусины были в сильно окисленном состоянии, поэтому приходится считаться с более высокой примесью мышьяка в первоначальном металле.

Такое высокое содержание мышьяка в бусинах объясняется желанием древних мастеров создать медный сплав светлого тона. Сравнивая состав

Таблица 4

Результаты анализа бусин (медно-мышьяковистые сплавы — окисленные предметы)

Предмет и его данные	Рис. №	Содержание (в %)												
		Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P
«Бронзовая бусина», инв. № 40514, Харьковская обл. дер. Селимовка. Раскопки В. А. Городцова, 1901 г.	4, *1*	Основа	0	0,008	0	14,2	0,05	0,032	0	0,003	0,003	0,01	0,10	0
Бусина, инв. № 28158. Ростовская обл. станица Константиновская, кург. «Баба». Раскопки Н. Е. Бранденбурга, 1891 г.	4, *2*	Основа	0,001	0,003	0	16,2	0,004	0,04	0	0,003	0,002	0,003	0,15	0,2
«Бронзовая бусина», Харьковская обл. с. Ковалевка. Раскопки Ю. В. Готье, 1901 г.	4, *3*	Основа	0,002	0,005	0	21,0	0,03	0,06	0	0,01	0,002	0,001	0,10	1,5
Бусина, инв. № 28158. Ростовская обл. станица Константиновская, кург. «Баба». Раскопки Н. Е. Бранденбурга, 1891 г.	4, *4*	Основа	0,002	0	0,006	24,2	0,03	0,042	0	0,003	0,004	0	0,20	0

Таблица 5

Результаты анализа ножей (медно-оловянные сплавы)

Предмет и его данные	Рис. №	Содержание (в %)												
		Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Bi	Ni	Co	Fe	P
«Бронзовый нож», инв. № 4064. Херсонская обл. с. Александровское	5, *1*	97,1	2,16	0,04	0	0,10	0,01	0,05	0,001	0,001	0,005	0,002	0,05	0
Нож, инв. № 35218. Волгоградская обл. с. Лебяжье на р. Иловле. Раскопки А. А. Спицына, 1895 г.	5, *2*	94,6	4,50	0,004	0	0	0	0,004	0	0,005	0,001	0	0,40	0

бусины из дер. Селимовка (табл. 4, рис. 4, *1*) с ножом (табл. 2, рис. 2, *8*) и шилом (табл. 3, рис. 3, *10*), происходящими из того же места, мы наблюдаем некоторое различие их состава. В бусине содержится 0,01% кобальта, который полностью отсутствует в ноже и шиле. Это указывает на их различное происхождение.

Результаты анализа бусин показывают, что в III—II тысячелетиях до н. э. изделия из медно-мышьяковых сплавов распространялись далеко за пределы Закавказья, на территории которого имеются богатые мышьяковые месторождения. Примечательно, что согласно данным Ф. Тавадзе и Т. Сакварелидзе[5], примесь мышьяка в грузинских предметах среднебронзового периода не превышает 18%, что они считают максимальным для всех известных до сих пор медно-мышьяковых предметов.

3. Медно-оловянные предметы (табл. 5, рис. 5)

К группе медно-оловянных предметов относятся всего два ножа. Нож из с. Александровки содержит 2,16% олова, другой нож из с. Лебяжье, на р. Иловле — 4,5%. Между собой они отличаются отсутствием во втором ноже мышьяка, сурьмы и кобальта при повышенном содержании железа (0,40%). Это указывает на разные источники руд, из которых была выплавлена медь и, возможно, олово, причем во втором ноже мы, безусловно, имеем дело с металлом, выплавленным из более чистых руд.

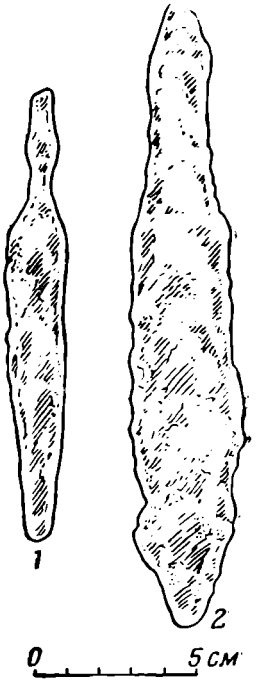


Рис. 5. Плоские ножи (медно-оловянные)

Если придерживаться общей схемы, предложенной нами[6], то оба эти ножа должны быть отнесены к бронзовому веку. В противном случае следовало бы считать, что оловянистая бронза проникает на территории Поволжья и юга Украины в III—II тысячелетиях до н. э., что нашими анализами остальных предметов не подтверждается. Однако для окончательного выяснения и уточнения этого вопроса необходимо дальнейшее исследование ножей этого типа.

Заключение

Результаты спектрального анализа ножей, шильев, бусин и одной «привески» из памятников III—II тысячелетий до н. э. на территории Украины, Ростовской области и Нижнего Поволжья показывают, что 27 из них могут быть классифицированы как медно-мышьяковые, одна «бронзовая» привеска оказалась изготовленной из меди с очень малыми примесями других металлов, два ножа оказались медно-оловянными (см. табл. 6). Один из медно-оловянных ножей обнаружен в. с Лебяжье, на р. Иловле в Волгоградской области. Отсюда же происходит другой нож, изготовленный из медно-мышьякового сплава, содержащего 4,60% мышьяка (табл. 3, рис. 2, *9*). По другим данным[7], найденный там же нож изготовлен из медно-сурьмяного сплава с содержанием около 4% сурьмы. Последнее, однако, должно быть проверено спектральным методом анализа.

---

[5] Ф. Тавадзе и Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 36.

[6] И. Р. Селимханов. К истории развития металлообработки и горнорудного дела в Азербайджане. ВАН СССР, № 9, 1958, стр. 56.

[7] А. В. Королев. Ук. соч., стр. 35.

Таблица 6

Исследованные предметы и распределение их по микрорайонам

Микрорайон	Наименование и количество отдельных предметов				Всего предметов	Сплавы — металл		
	Ножи	Шилья четырехгр.	Бусины	Привески		Медь	Медно-мышьяковые	Медно-оловянные
Ростовская область								
Станица Константиновская	2	—	2	—	4	—	4	—
Станица Аксайская	1	—	1	—	2	—	2	—
Волгоградская область								
Станица Нижне-Чирская	1	1	—	—	2	—	2	—
с. Норки на р. Иловле	1	1	—	—	2	—	2	—
с. Лебяжье »	2	—	—	—	2	—	1	1
Крымская область								
б. Симферопольский у.	2	3	—	—	5	—	5	—
Нижнее Поднепровье								
с. Белозерка	2	2	—	—	4	—	4	—
с. Новогригорьевка	1	—	—	1	2	1	1	—
с. Каракуба	1	—	—	—	1	—	1	—
с. Александровское	1	—	—	—	1	—	—	1
Харьковская область								
дер. Селимовка	1	1	1	—	3	—	3	—
с. Ковалевка	—	1	1	—	2	—	2	—
Всего предметов	15	9	5	1	30	1	27	2

Таблица 7

Предмет	Колич.	Пределы (в %)						
		As	Sb	Pb	Zn	Ag	Bi	Co
Ножи	12	0,3—6,7	0—0,004	0—0,015	0—0,02	0,005—0,02	0—0,05	0—0,008
Четырехгранные шилья	11	0,3—4,25	0—0,10	0—0,006	0	0,004—0,07	0—0,10	0
Бусины	4	14,2—24,2	0,001—0,05	0—0,008	0—0,006	0,032 0,042	0,003—0,01	0—0,003

Наличие медно-оловянных изделий в рассматриваемых памятниках говорит за принадлежность самих памятников к эпохе бронзы, когда наряду с медно-мышьяковыми, сурьмяными и другими сплавами широко применялась оловянистая бронза.

К медно-мышьяковым нами отнесены изделия, содержащие мышьяк начиная от 0,3%, что может быть также отнесено за счет его примеси в исходных медных рудах. Несомненно, однако, что древние металлурги уже умели подбирать такие медные руды, плавкой которых при более низкой температуре получался металл, обладающий лучшими литейными свойствами по сравнению с чистой медью (даже при малой примеси мышьяка). Примеси мышьяка и некоторых других элементов в исследованных нами подгруппах медно-мышьяковых предметов находятся в пределах, отраженных на табл. 7.

Ведущим элементом примесей является мышьяк, причем максимум его содержания — 14,2—24,2% — в бусинах, затем идут ножи и шилья. Это становится понятным в связи с назначением предметов. Бусины, например, при большой примеси мышьяка приобретают светлый оттенок, но становятся хрупкими, что в данном случае не имеет значения. Наоборот, в колющих и режущих предметах содержание мышьяка не превышает 7%, чтобы ножи и шилья не были ломкими. Примечательно, что в ножах и шильях из памятников III—II тысячелетий до н. э. на Кавказе и в Краснодарском крае, согласно ранее проведенным нами исследованиям[8], примесь мышьяка к меди составляет 1,64—6,49% и только в одном случае достигает 8,07%. Следовательно, уже на значительной территории южной части СССР древние металлурги умели путем добавления мышьяка улучшать качество медных отливок и увеличивать твердость выделываемых орудий, которые при наклепке становились не хуже, чем оловянистые бронзы.

Очевидно, дальнейшее спектральное исследование однотипных предметов из памятников Кавказа и других районов СССР даст возможность дифференцировать их на отдельные группы по характерным примесям. Далее, путем статистического сопоставления данных состава каждой группы с рудными анализами можно будет подойти к установлению центров распространения металлических изделий каждого типа. Однако такого рода исследование невозможно без более широкого привлечения археологического материала.

Наличие медно-мышьяковых изделий в отдельных памятниках (при полном отсутствии в них медно-оловянных и других изделий из медных сплавов) указывает на ранний этап культуры металла, характеризующийся использованием медно-мышьяковых сплавов, датировка которого падает на III—II тысячелетия до н. э.

---

[8] И. Р. Селимханов. Спектральное исследование металлических предметов из археологических памятников Кавказа и установление их эпохи (III и II тыс. до н. э.). ИАН АзССР, сер. геолого-географ., Баку, 1960 г., № 1.

Н. А. ОНАЙКО

АНТИЧНЫЙ ИМПОРТ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИДНЕПРОВЬЯ (IV—II вв. до н. э.)

Как известно, IV—III вв. до н. э. были временем экономического и культурного расцвета греческих городов Северного Причерноморья, чему в известной мере способствовало успешное развитие торгового обмена между рабовладельцами этих городов и местной племенной знатью. В истории торговых взаимоотношений греков с варварским миром Северного Понта это был новый этап, тесно связанный с теми политическими и экономическими изменениями, которые происходили в это время в жизни Средиземноморья и других областей античного мира.

При определении античного импорта IV—II вв. до н. э. на территории лесостепного Приднепровья мы сталкиваемся в основном с теми же категориями находок, что и в материалах предыдущего периода [1]. Это — амфоры из-под вина и масла, художественная и простая посуда и художественные изделия из металла (рис. 1), которые и в IV—II вв. до н. э. продолжали ввозить в большом количестве.

Основная масса предметов античного импорта, коллекция которых значительно пополнилась за последние годы, не подвергалась специальным исследованиям. Исключением являются лишь золотые и серебряные изделия из богатых царских курганов Приднепровья, своеобразие и неповторимость которых постоянно привлекают внимание исследователей. Ввоз продуктов в амфорах (а это было, по-видимому, чаще вино) в этот период значительно увеличился. Несколько расширились и районы сбыта внутри изучаемой территории. Местами наибольшего скопления амфорной тары являются районы Журовских курганов — Каневский на правом берегу Днепра и Роменский на Левобережье.

В IV в. до н. э. население Правобережья еще потребляло хиосское [2] и фасосское [3] вино. Во второй половине IV в. до н. э. здесь появляется вино в амфорах типа «Солоха I» [4], а с IV—II вв. до н. э. начинается ввоз

[1] См. Н. А. Онайко. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (VII—V вв. до н. э.). СА, 1960, № 2, стр. 25.

[2] Раскопки М. Ю. Брайчевского на Пастырском городище в 1949 г.; ИА АН УССР, инв. № 2, 2018 и др. См. И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, 1951, стр. 110, рис. 1, *3*.

[3] Раскопки И. В. Фабрициус на Шарповском городище в 1946 г.; ИА АН УССР, инв. № 456 и др. См. И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 114, рис. 3, *1*.

[4] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, СПб., 1894, стр. 139, рис. 18; Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 139. (Гос. Эрмитаж, инв. № ДН, 1932, 72/14); A. Bydlowski. Mogily w Nowosiółce pow. Lipowieckim, gub. Kijowskiej... Swiatovit, т. V, 1904, стр. 70, рис. 99; ДП, вып. II, Киев, 1899, табл. XXXV, *781*. Раскопки М. Ю. Брайчевского на Пастырском городище в 1949 г. (инв. № 786) и разведка Е. В. Максимова в с. Завадовка, Черкасской обл., в 1952 г.; материалы хранятся в ИА АН УССР. Производство этой группы амфор теперь связывают с островами Эгейского моря. см. И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 111, рис. 2, *3*; ее же. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, тр. 94.

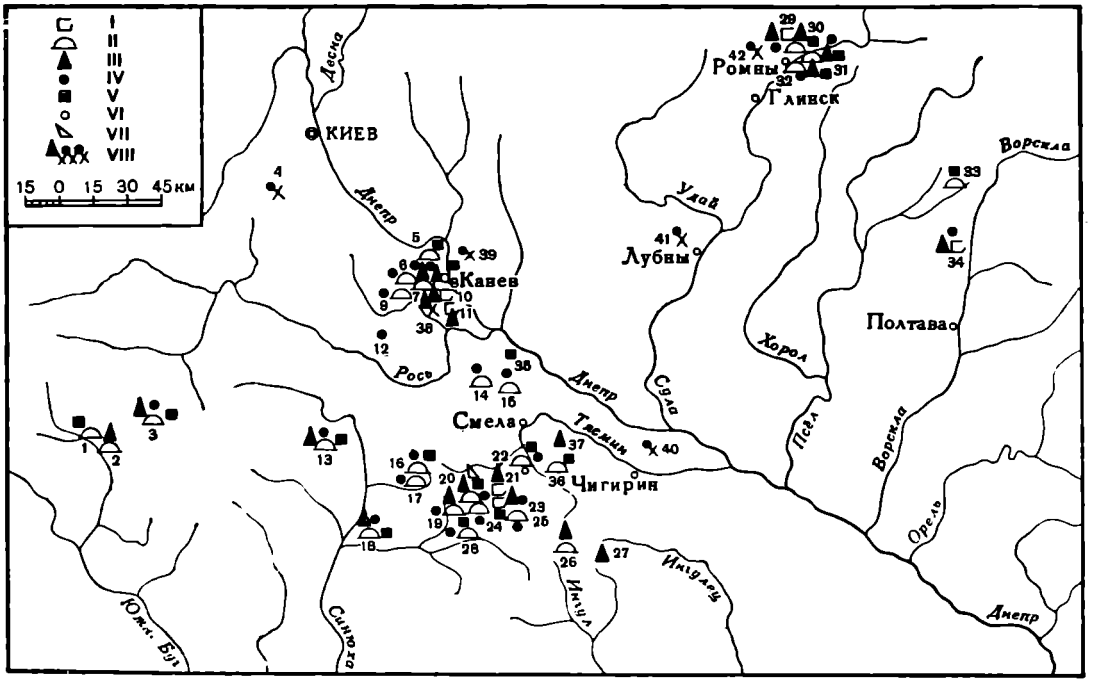


Рис. 1. Карта распространения предметов импорта (вино, посуда, предметы торевтики) IV—II вв. до н. э. на территории Среднего Приднепровья

I — городище; II — курган; III — амфорная тара; IV — художественная керамика; V — металлические изделия; VI — костяные изделия; VII — стеклянные изделия; VIII — случайная находка. *1* — с. Ильинцы; *2* — с. Парневка; *3* — с. Новоселки; *4* — Васильковский район; *5* — с. Букрин; *6* — с. Берестняги; *7* — с. Грищенцы; *8* — с. Бобрица; *9* — с. Шандры; *10* — г. Канев; *11* — Пелипенкова гора; *12* — с. Мироновка; *13* — с. Рыжановка; *14* — с. Староселье; *15* — с. Ирдынь; *16* — ур. Дарьевка; *17* — с. Шпола; *18* — сс. Ромейковка и Петраковка; *19* — с. Журовка; *20* — ур. Криворуково; *21* — с. Шарповское; *22* — с. Холодный Яр; *23* — с. Пастырское; *24* — с. Капитоновка; *25* — с. Оситняжка; *26* — с. Богдановка; *27* — Черный лес; *28* — с. Турья; *29* — с. Басовка; *30* — с. Будки; *31* — с. Волковцы; *32* — с. Аксютинцы; *33* — с. Осняги; *34* — с. Бельси; *35* — с. Мошны; *36* — с. Пруссы; *37* — с. Завадовка; *38—39* — Каневский район; *40* — Чигиринский район; *41* — Лубянский район; *42* — Роменский район.

гераклейского[5], боспорского[6] и, может быть, ольвийского[7] вина. К этому же времени относятся недавно обнаруженные фрагменты амфор с «рюмкообразной»[8] и «колпачковой»[9] ножками. Вариантом фасосской ам-

[5] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Калитоновки (Чигиринского у. Киевской губ.) в 1904 г. ИАК, вып. 17, СПб., 1905, стр. 89, рис. 22; его же. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г. ИАК, вып. 35 1910, стр. 58, рис. 10; стр. 71, рис. 12; стр. 72, рис. 13; его же. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 3, (Киевский музей, инв. № 8064); A. Bydlowski. Ук. соч., стр. 71, рис. 100; ДП, вып. II, табл. XXXV, *785*. Разведка В. Г. Петренко у сс. Грищенцы и Потапцы Каневского района, в 1958 г. Материалы хранятся в ИА АН СССР. См. И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 48.

[6] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки..., стр. 79, рис. 4. A. Bydlowski. Ук. соч., стр. 79; И. Фундуклей. Обозрение могил, валов и городищ Киевской губ. Киев, 1948, рис. XI; О. І. Тереножкін. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 126, рис. 8, *3*. См. И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией, стр. 111, рис. 2, *2* и *4*.

[7] Амфоры этого центра еще не изучены. Мы предположительно (по глине) относим амфору из Чернолесского могильника, напоминающую по форме боспорские амфоры IV—III вв. до н. э. (раскопки А. И. Тереножкина в 1949 г., материал хранится в ИА АН УССР), к ольвийским. Сообщение Страбона об отсутствии около Борисфена виноградной лозы, по-видимому, относится не к Ольвии, а к скифской территории, что согласуется с изречением Анахарсиса. Ср. В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 83.

[8] Разведка В. Г. Петренко в Каневском районе в 1958 г.; материалы хранятся в ИА АН СССР. См. И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией, стр. 111, рис. 2, *6*.

[9] Разведка В. Г. Петренко в Каневском районе в 1958 г.; материалы хранятся в ИА АН СССР. См. И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией, стр. 111, рис. 2, *5*.

форы III в. до н. э. или подражанием амфорным формам этого центра является случайно найденный сосуд у с. Грищенцы, Каневского района [10]. К III—II вв. до н. э., видимо, относятся обломки косских амфор [11].

Находки амфорной тары на Левобережье представлены исключительно фрагментами. Они позволяют судить о том, что сюда в IV в. до н. э. ввозилось хиосское вино [12]. IV—III вв. до н. э. представлены обломками боспорских амфор [13]. Для III в. до н. э. здесь, как и на Правобережье, зафиксирована фасосская тара [14], а для III—II вв. до н. э. — косская [15] и клейменая херсонесская (рис. 2) [16].

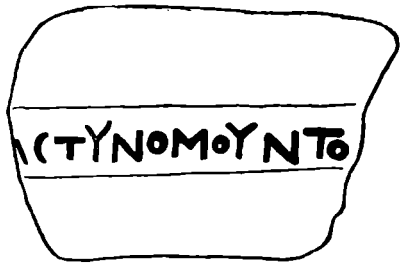


Рис. 2. Клеймо на ручке херсонесской амфоры; с. Басовка, Роменского района

Кроме того, мы располагаем значительным количеством амфор неизвестных нам центров производства, найденных на территории Среднего Приднепровья, но, безусловно, относящихся к эллинистическому периоду [17].

Характеризуя амфорный материал лесостепного Приднепровья, можно отметить, что в нем наиболее ярко (по количеству целых сосудов и количеству находок вообще) представлен IV в. до н. э., точнее — вторая его половина. На рубеже IV—III вв. до н. э. ввоз вина в Среднее Приднепровье, видимо, несколько уменьшился, а в III—II вв. до н. э. наблюдается резкое его сокращение. Все находки амфорной тары отмечены в пунктах, расположенных по речным магистралям, что указывает на широкое использование водных путей для перевозки продуктов в амфорах и в этот период.

Районами наибольшего распространения античной художественной керамики являются Каневский (сс. Бобрица, Грищенцы) и бассейн верхнего течения р. Тясмин (сс. Журовка, Капитоновка, Дарьевка, Пастырское) — на правом берегу Днепра и Роменский район (сс. Аксютинцы, Волковцы) — на Левобережье. Почти все целые художественные вазы, а также и обломки являются изделиями аттических мастерских.

Прекрасным образцом аттической вазописи позднего роскошного стиля может служить краснофигурный кратер из раскопок И. Фундуклея [18]. На нем изображены воинская пляска и вакхическая сцена. Форма сосуда и характер росписи позволяют датировать этот кратер ранним IV в. до

---

[10] Киевский музей, инв. № АС 12660. См. И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией II, стр. 114, рис. 3, *4*.

[11] В. А. Богусевич. Канівська археологічна експедиція. АП, т. III, Київ, 1952, табл. I, *3*.

[12] Раскопки В. А. Ильинской на Басовском городище в 1957 г.; ИА АН УССР, инв. № 31 и др.

[13] Раскопки В. А. Городцова на Бельском городище в 1906 г.; ГИМ, инв. № 45440.

[14] Раскопки В. А. Ильинской на Басовском городище в 1957 г.; материалы хранятся в ИА АН УССР.

[15] Разведка И. И. Ляпушкина на Бельском городище в 1948 г.; материалы хранятся в ЛОИА АН СССР, инв. № 215; раскопки В. А. Ильинской на Басовском городище в 1957 г.; материалы хранятся в ИА АН УССР.

[16] Н. Е. Макаренко. Отчеты об археологических исследованиях в Полтавской губ. в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907, стр. 78; Гос. Эрмитаж, инв. № 1309/130.

[17] А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, СПб., 1901, стр. 115, 127, 162; Отчет Российского Исторического музея за 1906 г. М., 1907, стр. 14; ДП, вып. II, стр. 6—8; В. А. Богусевич. Ук. соч., стр. 147, рис. 2; И. И. Ляпушкин. Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них СА. XV, 1951, стр. 23; В. Іллінська. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі в 1946 р. АП, т. II, Київ, 1949, стр. 136; Раскопки И. В. Фабрициус на Шарповском городище в 1939—1940 гг. и раскопки М. Ю. Брайчевского на Пастырском городище в 1949 г. Материалы хранятся в ИА АН УССР.

[18] И. Фундуклей. Ук. соч., рис. XII; Л. Стефани. Описание некоторых вещей, найденных в 1863 г. в Южной России. ОАК за 1864 г., стр. 230. Альбом ОАК за 1863 г., табл. VI, *5* и *6*. Л. Стефани неправильно датировал кратер концом III в. до н. э.

н. э.[19] Иную манеру росписи имеет краснофигурный кратер (Киевский музей), один из обломков которого издан у Б. Н. и В. И. Ханенко[20]. Эта ваза украшена сценой похищения Европы, исполненной в беглом стиле. К IV в. до н. э. относятся маленькая гидрия с изображением двух женских фигур в плащах[21] и краснофигурные лекифы с изображением сфинкса[22], лебедя[23] и женской головки вправо[24].

Сравнительно большое количество ваз аттического производства датируется второй половиной IV в. до н. э. Среди них имеются небольшие кратеры[25], пелики (рис. 3, *а*)[26], но чаще всего килики[27], канфары (рис. 4 и 5, *а*)[28], скифосы[29], лекифы (рис. 3, *б*)[30], блюда (рис. 6)[31] и солонки (рис. 5, *б*)[32]. Фрагменты простых чернолаковых сосудов IV—

Рис. 3.

а — чернолаковая пелика; *б* — чернолковый лекиф, с. Аксютинцы, б. Роменского уезда Полтавской губернии

[19] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 44, № 59.

[20] ДП, вып. II, табл. XXXVI, *809*; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 220 сл.

[21] Найдена в с. Грищенцы, Каневского района. Хранится в Киевском музее, инв. № Б 833. См. М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики. МИА, № 19, 1951, стр. 136 сл.

[22] Киевский музей, инв. № Б 893, с. Грищенцы, коллекция Н. Тарновского. См. G. E. Mylonas. Pre-Persian Pottery from Olynthus II. Excavations at Olynthus, ч. V. Oxford, 1933, стр. 117, табл. 82.

[23] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки..., стр. 89, рис. 20; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 55, № 122.

[24] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках близ с. Журовки..., стр. 86; Киевский музей, инв. № Б 674. См. G. E. Mylonas. Ук. соч., стр. 147, табл. 116, 251.

[25] А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, табл. XX, *5*; ср. E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Greiechen. München, 1923, т. III, рис. 425.

[26] A. Bydlowski. Ук. соч., стр. 76, рис. 123; см. М. М. Кобылина. Ук. соч., стр. 136 сл.; раскопки С. А. Мазараки в 1905 г.; ГИМ, инв. № 43108. См. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 40, № 33.

[27] ДП, вып. II, табл. XXXIV, *797*; табл. XXXVI, *799* и *800*; А. А. Бобринский. Курганы..., т. I, СПб., 1887, табл. XIV, *3*; его же. Курганы..., т. II, табл. VIII, *5*; его же. Курганы..., т. III, стр. 14; Киевский музей, инв. № Б 15—11; см. также случайные находки в Каневском и Чигиринском районах (Киевский музей, инв. №№ Б 878 и Б 43—36). См. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 47 сл.; М. М. Кобылина. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. МИА, № 19, стр. 244, рис. 2, *4*; M. Ebert. Ausgrabungen auf dem gute Maritzyn. PZ, т. V, 1913, стр. 29, рис. 32, *a*; стр. 46, рис. 48, *f*; стр. 49, рис. 52, *d*; стр. 52, рис. 54, *s*.

[28] А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. XIX, *2*; его же. Курганы..., т. III, стр. 110 и 127, Киевский музей, инв. №№ Б 769 и 150; G. Ossowski. Wielki Kurhan Ryzanowski. Cracovie, 1888, табл. IV, *4*; раскопки С. А. Мазараки в 1905 г.; ГИМ, инв. № 43 108. См. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 49, №№ 87 и 88.

[29] A. Bydlowski. Ук. соч., стр. 76, рис. 124. Скифос из окрестностей Шполы (Киевский музей, инв. № Б 697). См. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 145, рис. 19, *1*.

[30] A. Bydlowski. Ук. соч., стр. 76, рис. 126; А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, табл. XX, *4*; раскопки С. А. Мазараки в 1905 г.; ГИМ, инв. № 43108; а также лекиф из Лубенского района, ГИМ, инв. № 21038. См. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 225.

[31] Раскопки С. А. Мазараки в 1905 г.; ГИМ, инв. № 43108.

[32] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1905 г. ИАК, вып. 20, 1906, стр. 9 (Полтавский краеведческий музей, инв. № 1087);

III вв. до н. э. встречаются среди находок Бельского[33], Пастырского[34] и Немировского[35] городищ.

Последующий период — III—II вв. до н. э.— представлен значительно меньшим количеством греческой художественной керамики. Так, для III в. до н. э. отметим целый канфар из с. Капитоновки[36] и обломок такого же канфара из Басовского городища[37], горло флакона из с. Капитоновки[38] и чернолаковое блюдце[39] из кургана у с. Оситняжка. III—II веками до н. э. датируются малоазийская фрагментированная чашечка с рельефным изображением головки[40] и родосский кувшин[41].

Рис. 4. Чернолаковый канфар, с. Аксютинцы

Простая керамика (вероятно, ольвийского производства) состоит из красноглиняных одноручных кувшинов, сосудиков типа арибаллических лекифов, флаконов и др. Простые кувшины изданы у А. Быдловского[42]. Ранним вариантом эллинистического флакона является сосудик из Рыжановского кургана[43]. К этому же времени следует отнести кувшинчик типа арибаллического лекифа из кургана над Холодным Яром[44]. III—II веками до н. э. датируется одноручный кувшин из с. Витачев[45] и лагинос из с. Мироновки (рис. 7)[46]. Заметим, что художественные вазы больших размеров встречаются весьма редко. Среди них имеются вазы роскошного и беглого стиля, украшенные довольно редкими сюжетами (воинская пляска, похищение Европы). Отсутствие обломков краснофигурных ваз на городищах подтверждает их редкость и ценность. Большая часть художественной и

его же. Курганы..., т. II, табл. VIII, *4*, *6*, табл. XIX, *3*. Солонка из с. Онуфриевки (Киевский музей, инв. № АС 10715). См. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 52, № 103—104.

[33] Раскопки В. А. Городцова в 1906 г.; ГИМ, инв. № 45440.

[34] М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастырском городище в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 159, рис. 45, *8*.

[35] Раскопки М. И. Артамонова на Немировском городище. Гос. Эрмитаж, инв. № ЮП П, 115 и др.

[36] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г., стр. 65, рис. 1; Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. ИАК, вып. 8, 1903, стр. 36, рис. 23.

[37] В. А. Ілльінська. Верхньосульська експедиція 1947 р. АП, т. IV, 1952, стр. 38.

[38] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде, Киевской губ. в 1908 г., стр. 61; Киевский музей, инв. № Б 1621. Ср. Херсонесский сборник, вып. IV, Севастополь, 1948, стр. 60.

[39] Н. Е. Бранденбург. Ук соч., стр. 138; Гос. Эрмитаж, инв. № ДН 1932 69/4.

[40] Киевский музей, инв. № Б 38—51 (с. Берестняги). См. F. Courby. Les vases grecs à relief. Paris, 1922, табл. VIII.

[41] Киевский музей, инв. № 360 (курган «Трех братьев» в Васильковском районе).

[42] A. Bydlowski. Ук. соч., стр. 69, рис. 96; стр. 72, рис. 101; стр. 76, рис. 122.

[43] А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. XIX, *4*.

[44] А. А. Бобринский. Курганы..., т. I, табл. XIV; Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. ИАК, вып. 13, 1906, стр. 161, рис. 111.

[45] Киевский музей, инв. № Б 30. Ср. M. Ebert. Ук. соч., стр. 39, рис. 42, *в*.

[46] Киевский музей, инв. № Б 49—85. См. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 246.

Рис. 5.

а — чернолаковый канфар; *б* — чернолаковая солонка, с. Аксютинцы

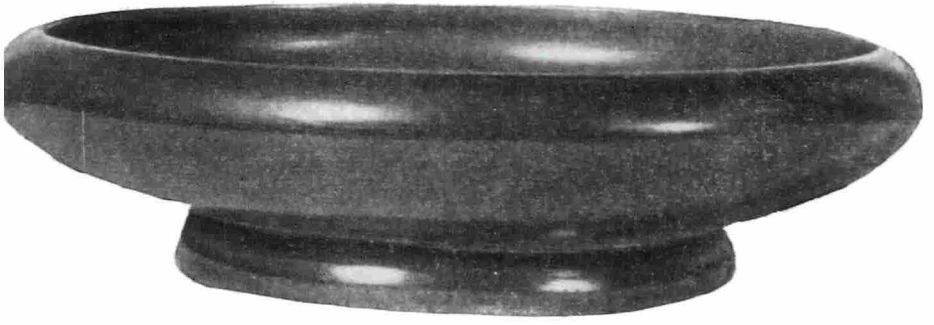


Рис. 6. Чернолаковое блюдце, с. Аксютинцы

Рис. 7. Простой лагинос, с. Мироновка, Каневского района

простой керамики происходит из курганов Правобережья. Здесь бытовала посуда различных центров и разнообразная по форме. Однако основные формы, получившие здесь распространение, встречаются на Левобережье. Это сосуды для питья и туалетные.

Металлические предметы импорта изучаемого периода составляют большую группу изделий городов Средиземноморья и Боспора [47]. К первым относится незначительное количество бронзового оборонительного оружия (шлем [48], поножи [49]), а также сосуды [50] и зеркала [51]. О некоторых из этих вещей можно предположительно сказать, что одни из них (шлем) [52], по-видимому, изготовлены в аттических, другие (ритон) [53] — в южноиталийских мастерских. Определить центры производства остальных предметов, получивших широкое распространение на большой территории Средиземноморья, труднее. Заметим, что характер их выработки и аналогии к ним исключают Северное Причерноморье, в частности Ольвию и Боспор.

Из боспорских мастерских выходили иные изделия, прославившие себя как оригинальные произведения, исполненные в своеобразном стиле, о чем не раз и, на наш взгляд, довольно убедительно писалось в нашей литературе. Новейшие исследования массового материала боспорского производства (в частности керамики из раскопок Фанагории и Пантикапея) дали возможность выделить локальные группы местной боспорской черепицы и посуды с рельефным изображением головы сатира [54]. Изображения сатира в боспорских керамических клеймах с надписями ФА, ПАN и ПАNTI идентичны изображениям сатиров на пантикапейских монетах, а те и другие находят себе прямые аналогии в художественных металлических изделиях, широко бытовавших на территории местных племен Северного Причерноморья. В связи с этим уместно вспомнить известные вещи с надписями: ПАI (куль-обский олень) и ПОРNАХО (ножны из Куль-Обы). Не могут ли эти сравнения служить также указанием на боспорское производство и последних?

Подобные примеры можно привести и при сравнении, например, некоторых мотивов декора боспорской архитектуры [55] с элементами укра-

---

[47] Предположение о фракийском происхождении некоторых предметов торевтики интересно, но этот вопрос в нашей литературе пока не разработан.

[48] ДП, вып. II, табл. IX, *218* и стр. 7.

[49] Отчет Российского исторического музея за 1960 г., стр. 14, рис. 23; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 141; Гос. Эрмитаж, инв. № ДН 1932, 72/1—2.

[50] А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. XVII, *4* и *8*; табл. XIX, *5—7*; его же. Курганы..., т. III, табл. XIX, *13*; его же. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г., стр. 71; ДП, вып. II, табл. X, *222*; G. Ossowski. Ук. соч., табл. VI, *5*; И. Фундуклей. Ук. соч., рис. XI. Обломки бронзовой ситулы из с. Тишково, Полтавской обл.; Гос. Эрмитаж, инв. № ДН 1887, 1/8 и 9. Ср. Die Antike, X, тетр. 1, Berlin, 1934, стр. 28, рис. 8; К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940, табл. 33.

[51] G. Ossowski. Ук. соч., табл. VI, *2*. Это зеркало аналогично куль-обскому зеркалу, которое в условиях Северного Причерноморья получило дополнительное оформление — золотой чехол, украшенный в стиле орнаментов рукояток известных скифских мечей. Гравированный рисунок — пальметты на обоих зеркалах указывают на более раннюю дату этих изделий, чем IV в. до н. э. Подобные пальметты характерны для орнаментики аттических ваз строгого стиля. Тр. P. Vacobsthal. Ornamente griechischer Vasen. Berlin, 127, табл. 71, *a*, *b* и др.

[52] В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 45, рис. 25.

[53] B. Svoboda, D. Concev. Neue Denkmäler antiker Toreutik. Praha, 1956, стр. 53.

[54] И. Т. Кругликова. К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 25.

[55] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914, табл. VII, *3*; В. Д. Блаватский. Фанагорийская стенная роспись. МИА, № 57, 1956, стр. 168; ДБК, альбом, табл. LXXXII, *2*; И. Д. Марченко. О терракотовых антефиксах Пантикапея. Сб. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 167; ОАК за 1889 г., стр. 10, рис. 4

шений на многих металлических изделиях различного назначения, найденных как в боспорских гробницах, так и в погребениях скифской знати. В основе такого орнамента лежат виды аканфа (цветок арацеи и лотоса, цветы в виде колокольчиков и др.[56]).

Стоит ли доказывать эллинское происхождение рассматриваемых сюжетов, увлечение которыми в это время, по-видимому, было связано с появлением в античном зодчестве коринфского ордера с его нарядной капителью в виде чаши из стилизованных листьев и завитков аканфа? Именно в греческом архитектурном декоре, как нам кажется, следует искать источник этого орнамента, повторенного, как и многие другие, с таким же мастерством и в памятниках искусства Северного Причерноморья и, особенно, на Боспоре.

Очевидно, только в этом центре, имевшем высокоразвитое металлическое производство в IV в. до н. э., могло осуществляться изготовление первоклассных образцов торевтики. Эпоху расцвета столицы Боспора — Пантикапея этого времени отражает богатство его некрополя[57]. Интенсивному производству предметов торевтики способствовала оживленная деятельность монетного двора Боспора. Торевты широко использовали монетные типы изображений, особенно этнографические. Появление в Северном Причерноморье огромного количества художественных металлических вещей совпадает с началом золотой чеканки монет на Боспоре, с периодом его высокого экономического благосостояния и широкой торговли с окружающими племенами.

К племенам лесостепного Приднепровья в изучаемый период поступали следующие металлические изделия: предметы вооружения, конской сбруи, женского головного убора и мужского костюма, различные бляшки, кольца, посуда и др.

К предметам вооружения относятся известные рукоятки мечей и обивки налучий. К первым принадлежат золотые рукоятки мечей из курганов у сс. Аксютинцы[58], Осняги[59] и Капитоновки[60]. Они украшены такими же стилизованными животными, как и упомянутое куль-обское зеркало, что является признаком изделий местных ремесленников, работавших, по-видимому, в боспорских мастерских в традиционной технике скифского звериного стиля.

Обивки налучий представлены золотой пластинкой из Ильинецкого кургана. Эта и аналогичная ей пластинка из Чертомлыцкого кургана послужили предметом специального исследования, в котором Б. В. Фармаковский[61] затронул ряд важных вопросов, связанных с определением сюжета и стиля рельефных украшений пластинок, а также места и времени их изготовления. Значительно позднее были открыты еще две такие пластинки[62]. Находки подтвердили то предположение Б. В. Фармаковского, от которого он в свое время отказался, а именно, что все пластинки изготовлены по одной форме и вышли из одной мастерской, о чем на-

---

[56] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. I, СПб., 1889, стр. 46, рис. 56; вып. II, СПб., 1889, стр. 89, рис. 70, стр. 111, рис. 98; М. И. Ростовцев и П. К. Степанов. Эллино-скифский головной убор. ИАК, вып. 63, 1917, табл. VII, VIII, IX, *1*, XI, *2* и др.

[57] Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, № 19, стр. 63.

[58] А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. XXII, *4*.

[59] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском у. Полтавской губ. в 1906 г. Тр. XIV АС, т. 3, табл. 3, *4*.

[60] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. 1908 г., стр. 70, рис. 8, 8а.

[61] Б. В. Фармаковский. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. Сб. археологических статей, поднесенный А. А. Бобринскому. СПб., 1911, стр. 45.

[62] Е. Ф. Покровская. Мелитопольский скифский курган. ВДИ, 1955, № 2, стр. 193, рис. 2; В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 1, стр. 158—161, 165—166.

глядно свидетельствуют технические приемы их изготовления. Что касается последующей их обработки, то, как верно подметил указанный исследователь, она свидетельствует о вкусах различных мастеров, один из которых проявил большое умение и тонкий вкус, другой же — наоборот. Форма и функциональное назначение этих пластинок не имеют себе аналогий в Греции. На обивках изображены сцены из жизни Ахилла, расположенные в двух параллельных фризах, оформленных растительным орнаментом. Стилистические особенности изображений на обивках и найденная здесь же греческая керамика дают нам повод датировать их второй половиной IV в. до н. э.[63]. Вряд ли города Ионии, в частности Милет (как это предполагал Б. В. Фармаковский), могли производить и экспортировать подобные предметы в большом количестве, так как в рассматриваемый период эти города еще не достигли того могущества, до которого удалось им подняться в эпоху расцвета эллинизма.

Обивкой горита, вероятно, служила и золотая пластина с изображением лежащего оленя из 2-го Аксютинского кургана[64]. Стиль ее исполнения напоминает работу греческих мастеров, стремившихся сочетать в своих произведениях реалистические тенденции с любимыми для обитателей Северного Причерноморья элементами скифского звериного стиля.

Из предметов конской сбруи упомянем золотой налобник с изображением трактованной в духе геометрического орнамента головы Медузы[65]. Подобные изображения, как и известное нам изображение орла на раннем налобнике, имели апотропеическое значение.

Торевтика, получившая большое распространение, включала и производство ваз, которые бытовали в парадной посуде эпохи эллинизма. Из боспорских мастерских, по мнению многих исследователей, вышли такие уникальные произведения искусства, как чертомлыцкая ваза, сосуды из Солохи, Куль-Обы и др. Аналогичные сосуды сферической формы обнаружены и в богатых погребениях Среднего Приднепровья. Это электровый сосуд из 4-го Рыжановского кургана[66] и сосуды, найденные у с. Волковцы[67]. Форма этих ваз подражает скифским глиняным сосудам с шаровидным туловом; рельефное оформление их выдает технику и художественные вкусы греческого мастера.

Другой формой металлических сосудов являются бронзовые закрытые сосуды в виде греческих лекифов. Такие сосуды известны из курганов около сс. Букрин[68] и Бобрица[69]. Они украшены (гравировка) рисунком в виде овов, розеток и ложчатым.

В богатых погребениях лесостепного Приднепровья обнаружены и детали женского головного убора (ленты, серьги, подвески), справедливо названного «эллино-скифским»[70]. Они встречены в курганах: Рыжановском[71], Аксютинском[72], Новоселках[73], Будках[74] и Дарьевке[75].

К убранству головного убора, как показал М. И. Ростовцев, относятся

---

[63] Б. В. Фармаковский неправильно датировал первые две пластинки II в. до н. э. по обломкам чернолакового канфара. Этот тип канфара относится ко второй половине IV в. до н. э., что подтверждается находкой такого же канфара с золотым боспорским статером в Рыжановском кургане. В этих же комплексах имеются и амфоры типа «Солоха I» IV в. до н. э.

[64] А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. XXI, *3*.

[65] ДП, вып. II, табл. XXIII, *403*.

[66] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 77, рис. 29.

[67] ДП, вып. II, табл. XXX, *451* и *452*.

[68] Киевский музей, инв. № Б 1875

[69] А. А. Бобринский. Курганы..., т. III, табл. XX, *7*.

[70] М. И. Ростовцев и П. К. Степанов. Эллино-скифский головной убор, стр. 69, табл. V—X.

[71] Там же, табл. VI, *8*.

[72] Отчет Российского Исторического музея за 1906 г., стр. 14.

[73] A Bydlowski. Ук. соч., стр. 61, рис. 61; стр. 66, рис. 74; стр. 67, рис. 73.

[74] ДП, вып. II. табл. XXV, *426*.

[75] А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. X, *3*

и некоторые бляшки. Они служили также украшением одежды, погребальных пологов, дорогих поясов и колчанов.

Бляшки Среднего Приднепровья по техническим и декоративным приемам оформления разнообразны. Среди этих бляшек имеются, видимо, бляшки боспорского производства, к которым относятся, например, чисто орнаментальные бляшки в форме цветка из Рыжановского кургана [76]. Этот мотив пользовался популярностью в орнаментике изделий боспорских торевтов, для которых характерны традиции эллинского искусства. Точно такие же бляшки мы находим среди погребального инвентаря склепа Б. Близница [77] и Александропольского кургана [78].

Однако бóльшая часть бляшек изготовлена не греческими мастерами, хотя в той или иной мере подражает античным сюжетом. Одни из них находят себе аналогии, другие — стоят особняком. К последним относятся бляшки с изображением сидящей мужской фигуры [79], с изображением мужской и женской головы в фас с длинными и пышными прическами [80]. Они могут быть истолкованы как бляшки религиозно-культового назначения, изображающие знатных людей или местные божества. Так, мужское бородатое лицо, возможно, передает божество типа Зевса, Асклепия или Посейдона, соответствующее скифскому Папаю.

Такой же характер (в смысле подражания античным сюжетам) имеют бляшки мифологического назначения, изображающие в местной трактовке сфинкса, грифа и др. [81]. Бляшки с орнаментальными и бытовыми сюжетами передают крайне упрощенную мужскую голову в фас [82], птицу, клюющую рыбу [83], пальметки [84], треугольники [85] и пр. Среди них мы узнаем мотивы украшений, известные по памятникам Боспора и Ольвии. Все эти бляшки, как и некоторые ленты головного убора, являются, очевидно, произведениями художников из местной среды. Технические приемы, которыми они выполнены, более примитивны, чем приемы греческих мастеров. Там рельеф отличается постепенными переходами, пластическая форма передается сложным чередованием выпуклостей и углублений. Здесь же мы наблюдаем значительно более резкие очертания рельефа, характерные для вещей скифского звериного стиля. В орнаментике нередко сочетаются античные сюжеты с местными мотивами. Появляются смелые попытки изображения человеческой фигуры, ее лица. Такие вещи могли изготовляться в тех же боспорских мастерских местными специалистами, которым были знакомы традиции высокоразвитой отрасли художественного ремесла — производства предметов звериного стиля. Не исключена возможность, что их изготавливали и местные ремесленные мастерские.

В комплексе находок 4-го Рыжановского кургана имеются и другие виды украшений. Это — кольца-печатки и золотые перстни [86]. Два перстня имеют щитки из золотых боспорских монет второй половины IV в. до н. э. [87].

---

[76] Д. Самоквасов. Ук. соч., стр. 76, рис. 28.

[77] ОАК за 1865 г., Альбом, табл. III, *34*.

[78] ДГС, табл. IX, *7*.

[79] Отчет Российского Исторического музея за 1906 г., стр. 14, рис. 3. Ср. изображение на перстне Афинада из Пантикапея (И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., т. I, стр. 64, рис. 88).

[80] ДП, вып. II, табл. XXIV, *408*; табл. XXV, *419*, *420*.

[81] Там же, табл. XXVI, *438*; табл. XXIV, *411* и *414*; А. Быдловский. Ук. соч., стр. 64.

[82] ДП, вып. II, табл. XXVII, *441*; А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. XI, *1*, *2*, *5*; табл. XXII, *2*; Тр. XIV АС, табл. III, *7* и *8*.

[83] ДП, вып. II, табл. XXVI, *439*.

[84] A. Bydlowski. Ук. соч., стр. 64; ДП, вып. II, табл. XXIV, *413*; А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. X, *4*, *5*; табл. XIII,*3*, *8*.

[85] А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. XVIII, *15*; табл. XIII, *2*.

[86] Там же, табл. XVIII, *5*, *9—11* и *13*.

[87] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XI, *9—11*.

Среди выделенных А. П. Манцевич золотых деталей богатого шейного мужского убора имеются характерные для жителей Северного Причерноморья подвески [88].

В III в. до н. э. наблюдается резкое сокращение притока изделий торевтики. Этим временем мы склонны датировать бронзовую позолоченную пластинку от колчана [89] с изображением, по-видимому, сцены охоты с фигурой Артемиды, убивающей лань.

В целом количество предметов торевтики IV—II вв. до н. э. значительно больше, чем в предшествующий период. При этом бронзовых и золотых вещей на Правобережье найдено больше, чем на левом берегу Днепра. Характер изделий в обоих районах почти однороден. И там и здесь встречаются бронзовое оборонительное оружие, золотые рукоятки мечей и обивки налучий, бронзовая и электровая посуда, золотые украшения женского головного убора и т. д. Но имеются некоторые различия. Торевтика Правобережья богаче и разнообразнее; там чаще встречаются античные сюжеты. Изображения на бляшках из погребальных комплексов Правобережья имеют только мифологические и орнаментально-бытовые мотивы, в то время как на Левобережье наряду с ними получили распространение и бляшки с религиозными сюжетами. Эти последние происходят из погребальных комплексов в верхнем течении Сулы.

Все драгоценные вещи рассматриваемого периода сосредоточены в тех же пунктах, что и амфоры, и художественная керамика. Среди них роскошью и разнообразием изделий торевтики выделяются курганы южной части лесостепной полосы Среднего Приднепровья (Рыжановский, у с. Новоселки, Ильинецкий и др.). На левом берегу Днепра тоже можно отметить курганы, содержащие большое количество золотых изделий (Аксютинские, у с. Волковцы и в Оснягах).

Подобных комплексов для III в. до н. э. мы не имеем. Значительное сокращение производства предметов роскоши в это время совпадает с денежным кризисом на Боспоре [90]. Нехватка золота и серебра в III в. до н. э. отразилась и на чеканке монет, и на производстве предметов быта из драгоценных металлов.

Из других предметов античного импорта отметим халцедоновую печать [91], стеклянный щиток фибулы [92], а также костяную головку льва [93], сосудик «финикийского» стекла [94] и большое количество бус [95]. Первые две вещи (очевидно, ионийского происхождения) следует датировать IV в. до н. э. [96]. Костяная головка льва, видимо, относится к изделиям мастерских Ольвии [97]. На территории местных племен подобных вещей, вероятно, значительно больше, чем мы их знаем, но костерезное дело Ольвии пока хорошо не изучено, и это затрудняет выделение предметов ее производства. Среди бус бытовали бусы из синей, зеленой и желтой

---

[88] А. П. Манцевич. Шейные уборы скифского периода. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 32.

[89] ДП, вып. II, табл. VIII, *217*.

[90] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 177—180; Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, 1954, стр. 58 сл.

[91] А. А. Бобринский. Курганы..., т. I, стр. 76—77.

[92] Там же, стр. 75.

[93] Там же, стр. 70.

[94] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г..., стр. 5, рис. 4.

[95] В. А. Іллінська. Городище скіфського часу на р. Сеймі. Археологія, т. VIII. Київ, 1953, стр. 118, табл. III, *2, 4, 5*; е е ж е. Верхньосульська експедиція 1947 р., стр. 37, табл. I, *14—16*; . Покровська. Розкопки коло с. Макіївкі. АП, т. II, стр. 135, табл. I, *7—14*. Раскопки В. А. Городцова в 1906 г. на Бельском городище и собрание И. А. Зарецкого. ГИМ, инв. № 18779.

[96] Є. Ф. Покровська. Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного яру поблизу м. Сміли. Археологія, т. X, Київ, 1957, стр. 65.

[97] С. И. Капошина. Памятники звериного стиля из Ольвии. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 50, рис. 13.

пасты с глазками, получившие широкое распространение в эпоху эллинизма. Нередко встречаются бусы пирамидальной формы из прозрачного темно-синего стекла.

В описаниях погребальных комплексов постоянно упоминаются и бусы из морских раковин.

Анализ предметов импорта, а также особенности экономического развития античных городов Северного Причерноморья позволяют нам утверждать, что все описанные товары проникали в изучаемый район из двух основных центров — Ольвии и Боспора.

В IV—II вв. до н. э. Ольвия продолжала выполнять роль как посредника, так и поставщика собственных товаров местным племенам. Она отправляла жителям Среднего Приднепровья, по-видимому, вино, художественную керамику и, возможно, некоторое количество металлических изделий, получаемых ею из различных торговых центров Средиземноморья и Причерноморья.

К сожалению, мы не имеем обобщающих, построенных на анализе всех известных нам источников работ об экономических связях Ольвии. Лишь отдельные статьи и отчеты характеризуют широкие международные связи Ольвии [98]. Денежный закон [99], которым в первой половине IV в. до н. э. был установлен порядок обмена иностранных денег на ольвийские, свидетельствует о сложности торговых операций, требующих законодательного их урегулирования.

В изучаемый период к обитателям лесостепного Приднепровья проникали значительно более разнообразные сорта греческого вина, чем прежде, что объясняется расширением экономических связей северопонтийских городов с Средиземноморьем, а также, возможно, организацией в них собственного производства вина.

Из всех упомянутых групп амфорной тары первое место по количеству занимает гераклейская. Известно, что Гераклея начала ввоз своего вина в Северное Причерноморье одновременно с Синопой [100]. И хотя импорт синопского вина уступал гераклейскому, синопские амфоры довольно часто встречаются в городах, а в Среднем Приднепровье их почти нет. Это обстоятельство можно было бы связать с тем, что эллинистическая Синопа, став одним из главных поставщиков вина и других товаров в Северное Причерноморье, сбывала их главным образом на Боспоре [101], а не в Ольвии.

С другой стороны, родосская тара, в большом количестве найденная в городах, в том числе и в Ольвии, тоже пока не известна в Среднем Приднепровье. Поэтому необходимо учесть и другое обстоятельство. Дело в том, что экспорт синопского и родосского вина в города Северного Причерноморья был интенсивным лишь в III—II вв. до н. э., т. е. в то время, когда торговые связи и Ольвии, и Боспора с племенами изучаемого района переживали период упадка. Сравнительно часто встречаются амфоры, происхождение которых, возможно, связано с одним из южных островных центров Эгейского моря. К числу довольно редких находок относятся обломки хиосских, фасосских и косских амфор.

Через Ольвию, видимо, иногда шло боспорское и херсонесское вино, так как довольно короткие речные пути от Боспора, существование которых можно предположить (р. Молочная), не могли обеспечить доставки товаров в глубь страны. Использование Ольвии Боспором как транзитно-

[98] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма. СА, XI, 1949, стр. 27; Е. И. Леви. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э., СА, XXVIII, 1958, стр. 234.

[99] В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 48; IOSPE, 1^2, 24.

[100] И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 106.

[101] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 67.

го центра, возможно, находит отражение в наличии большого количества пантикапейских монет в Ольвии [102].

Среди художественных керамических изделий в лесостепном Приднепровье преобладала аттическая посуда.

Из предметов собственно ольвийского производства туда направлялась простая керамика, изделия из кости. Сокращение производства металлических изделий Ольвии в IV—II вв. до н. э. отразилось и на ее импорте, который состоял из стрел, простых зеркал [103] и, возможно, мелких предметов конского снаряжения.

Роль поставщика предметов торевтики к племенам Северного Причерноморья в это время перешла к Боспору.

Сравнивая античную торевтику городов Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э. и IV—II вв. до н. э., нетрудно убедиться в том, что боспорские мастера существенно изменили характер металлических изделий — главной статьи своего экспорта в Среднее Поднепровье. Наряду с традиционным парадным оружием, конским снаряжением, предметами туалета (зеркала) и некоторыми украшениями теперь появляется большое количество новых типов вещей: обивки налучий, предметы женского головного убора, украшения женского и мужского костюмов, своеобразная посуда и др.

В быту местной знати получают широкое распространение, например, золотые ленты и бляшки. Это — новый тип вещей, в которых сочетается местное функциональное назначение предмета с чисто античным или смешанным со скифским декором. Среди них были популярны и такие мотивы, как изображения фигур вакхического круга, менад, присутствие которых обычно связывается с греческой загробной символикой [104].

Предметы VI—V в. до н. э. нередко украшены одними античными сюжетами или в сочетании с элементами раннего скифского «звериного» стиля. В них чувствуется в общем довольно случайный тематический подбор сюжетов оформления. Торевтика следующего периода характеризуется тематикой, как никогда близкой духу потребителя-варвара. Здесь все предусмотрено и рассчитано на особую заинтересованность в этих вещах, на их понимание. Для этого периода характерно смелое решение принципов изготовления художественных изделий из металла, а именно: сочетание форм, тематики и стиля греческого прикладного искусства с местными элементами культуры Северного Причерноморья, с одной стороны, и, с другой — подражание таким изделиям. Последние отличаются своеобразной техникой изготовления, в которой прослеживается эволюция звериного стиля и, в известной мере, его эллинизация. Таким образом, боспорские торевты IV—III вв. до н. э., как и ольвийские в VI—V вв. до н. э. [105], создали оригинальные художественные произведения, характерные для греко-варварской культуры.

Резкое сокращение экспорта ольвийской металлической продукции в район Среднего Приднепровья и появление с IV в. до н. э. в Нижнем Приднепровье большого количества греческого вина и посуды, в том числе и ольвийской, говорят об изменении характера импорта и рынков сбыта Ольвии. Поэтому нельзя, как нам кажется, согласиться с высказанным в нашей литературе мнением о том, что в IV—III вв. до н. э. ольвийские товары были окончательно вытеснены с рынков боспорской продукцией. Очевидно, Ольвия и в это время сохраняла экономические связи с племенами среднего Приднепровья, как непосредственно, так и через кочевников

---

[102] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 148.

[103] А. А. Бобринский. Курганы..., т. II, табл. XIV, *5*; ДП, вып. II, табл. XIII, *228*.

[104] М. И. Ростовцев и П. К. Степанов. Ук. соч., стр. 87.

[105] Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», т. I, М.—Л., 1955, стр. 329.

степи. Как показывает история экономического развития общества, «торговый дух» нередко бывает присущ и «кочевым народам» [106].

Геродот сообщает о том, что у скифских племен были купцы, которые совершали торговые операции с помощью переводчиков далеко за пределами своей территории [107]. Через кочевников степи по сухопутному пути шла боспорская торевтика. По другим (чаще водным) путям от «торжища боресфенитов» к племенам Среднего Приднепровья переправлялись видимо, продукты в амфорах, посуда и другие товары, требующие особых условий транспортировки. На территории лесостепного Приднепровья в IV—II вв. до н. э. были четыре городища, племенная знать которых держала в своих руках инициативу торговли с греческими городами. Это — Пастырское и Большое Каневское на Правобережье, Басовское и Бельское — на левом берегу Днепра. Шарповское городище в это время уже потеряло прежнее значение крупного экономического центра.

Основными статьями экспорта из Среднего Приднепровья в IV—II вв. до н. э. были, вероятно, хлеб, скот [108] и продукты животноводства. Вывоз рабов из Северного Причерноморья занимал и теперь все такое же незначительное место. Центром транзитной торговли хлебом, поступавшим из районов Приднепровья и Побужья, была Ольвия [109]. Этим еще раз подтверждается большое значение торговой деятельности Ольвии в экономической жизни племен Северного Причерноморья и в это время.

На Боспор из Среднего Приднепровья, возможно, вывозился скот и другие продукты, легко доставляемые по сухопутным дорогам [110].

В результате исторического развития античных городов и окружавших их племен, выросших в некоторых случаях до государственных образований, взаимоотношения между ними становились сложнее. По мнению многих исследователей, в IV—III вв. до н. э. государство было и у скифов. Возможно, что среди скотоводческо-земледельческих племен Северного Причерноморья, входивших в это государство, были и некоторые племена лесостепи [111]. Выделившаяся богатая верхушка у племен Среднего Приднепровья во второй половине IV в. до н. э. стремилась к известной независимости. Это стало возможным, очевидно, после смерти Атея (339 г. до н. э.), когда могло иметь место отпадение отдельных частей скифского государства [112].

В это время знать Среднего Приднепровья продолжала поддерживать экономические связи с Ольвией и вступила в торговый обмен с боспорским государством через кочевников степи. С изменением общественного строя у скифов нижнеднепровская знать получила более широкие возможности использовать свои права для накопления собственных богатств, что способствовало усилению ее политической власти. Она держала в своих руках инициативу в торговле с Боспором и, возможно, иногда контролировала торговые связи Ольвии со Средним Приднепровьем.

Таким образом, дальнейшее социально-экономическое развитие местных племен способствовало изменению отношений как между различными племенами Северного Причерноморья, так и между ними и античными городами. До III в. до н. э. взаимоотношения с греками носили, вероятно, чаще мирный характер. Особенно тесными они были во второй половине IV в. до н. э., что наиболее ярко выразилось в приобретении местной знатью предметов боспорской торевтики.

---

[106] К. Маркс. Капитал, т. III, 1955, стр. 344.

[107] Herod., IV, 24.

[108] Polib., IV, 38, 4; Strabo., VII, 4, 6; XI, 2, 3.

[109] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 9, 54.

[110] Там же, стр. 181.

[111] П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины. КСИИМК, вып. 30, стр. 103; А. И. Тереножкин. Некоторые актуальные вопросы скифоведения. Доклады VI Научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 140 сл.

[112] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 24.

С III в. до н. э. взаимоотношения, очевидно, были резко нарушены новой исторической обстановкой. В это время Ольвия и Боспор испытывают экономические затруднения, а передвижение сарматов к западу от Дона вызывает серию войн.

Для изучаемого периода свойственно более значительное проникновение античных культурных влияний в среду населения Среднего Приднепровья. Наиболее сильное воздействие, как и в предшествующий период, испытала скифская торевтика; на формах местной посуды это сказывалось значительно меньше [113]. Появляется значительное количество предметов украшения, подражающих античным изделиям. Еще раз хочется подчеркнуть большое значение традиций местного металлического производства, способствовавшего сравнительно быстрому освоению некоторых приемов художественного оформления, созданных боспорскими торевтами. Для этого времени характерно более тесное сотрудничество местных ремесленников по металлу с греческими мастерами. Но оно сказалось в основном в подражании форм и тематике оформления. Привлечение в боспорские и ольвийские мастерские рабочей силы из местной среды не внесло, видимо, коренных изменений в самобытную технику металлического производства. Ни деятельность купцов, ни распространение античного импорта на варварской территории никогда не совершали переворотов в технике местного производства [114].

Проникновение античных культурных влияний в духовную жизнь и быт местной знати в этот период в общем было более значительным, чем прежде. Однако у нас нет оснований рассматривать подобные явления как признаки эллинизации племен Среднего Приднепровья. В состав импорта не входили предметы широкого потребления, массовые изделия ремесла, орудия труда и т. д. Все рассмотренные нами античные вещи являются предметами роскоши, которыми пользовались главным образом богатые слои местного населения. Интересно отметить, что наблюдаются даже такие явления, когда обитатели Северного Причерноморья стремились украсить по-своему ту или иную вещь, приобретенную у греков. Так получила новое оформление ручка античного зеркала из Куль-Обы, что говорит о верности местным художественным вкусам даже среди богатой верхушки.

Более существенную роль торговый обмен сыграл в дальнейшем социально-экономическом развитии племен Среднего Приднепровья. Участие последних в вывозе товаров в греческие города способствовало расширению хозяйств местных владельцев, что вызывало закабаление и порабощение непосредственных производителей материальных благ.

В изучаемый период племена Среднего Приднепровья должны были производить значительно больше, чем раньше, продуктов обмена, что повлекло за собой увеличение масштаба торговли, а также широкой сети посредников. Обработка земли, наличие большого количества скота, а также усилившийся торговый обмен обусловили накопление богатств в руках отдельных семей. Роскошные погребения типа царских курганов на территории лесостепного Приднепровья свидетельствуют о больших доходах, получаемых в результате эксплуатации зависимого населения.

Необходимо отметить, что в это время племенная знать лесостепного Приднепровья стремилась не уступать в богатстве кочевникам степи. И те и другие оказались в состоянии скупить у боспорских купцов, например, всю продукцию из драгоценных металлов, не допуская широкого ее распространения далеко за пределы своих владений, как это было раньше с ольвийскими металлическими изделиями. Вся основная

---

[113] Є. Покровська. Розкопки коло с. Макіївкі. АП, т. II, Київ, 1949, табл. II, 2; В. А. Богусевич. Ук. соч., стр. 147, табл. I, *1*.

[114] А. Я. Брюсов. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе. СА, XXVII, 1957, стр. 22.

масса этих предметов роскоши оказалась сосредоточенной в руках племен, обитавших в бассейнах рек Днепра, Дона и отчасти Южного Буга.

Обмен и теперь был безденежным и, конечно, неравным. Львиная доля доходов от эксплуатации местных ресурсов попадала в руки к представителям экономически более развитого общества, к греческим рабовладельцам.

Характерной особенностью торгового обмена между племенами Среднего Приднепровья и греками является установление контакта еще в период возникновения факторий, когда другие обитатели Северного Причерноморья в силу тех или иных причин еще не проявляли к этому такой заинтересованности. С тех пор масштабы торговли между обеими сторонами неуклонно росли, проходя в своем развитии периоды расцвета и упадка. Заметим, что этому нисколько не препятствовала известная территориальная отдаленность обитателей Среднего Приднепровья, в то время как, например, племена степного Приднепровья, жившие ближе к городам, начали торговать с греками только с конца VI в. до н. э.[115] Поэтому нельзя говорить о том, что только в IV—III вв. до н. э. «в товарообмен с античными центрами втягивались все более отдаленные районы», в том числе и Среднее Приднепровье[116]. Анализ античного импорта из этого района и сравнительные данные побуждают нас отказаться от подобного схематизма в представлениях об истории развития торгового обмена на территории Северного Причерноморья.

Район Среднего Приднепровья был втянут в торговлю очень рано. В этом отношении его можно сравнить скорее с такими областями, как низовья Днепра и Буга и Прикубанье. Вместе с тем население лесостепного Приднепровья, сумевшее наладить и поддержать товарообмен с греками на протяжении многих столетий, не было эллинизовано, как племена скифо-меотов и каллипидов. В этом отражена еще одна особенность торговых связей обитателей лесостепи с греческими купцами. В данном случае большое значение, наряду с крепкими устоями местной культуры, имело отсутствие у этих племен постоянного тесного контакта с греческими переселенцами. Торговля изучаемого района с рабовладельческими государствами, непосредственно затрагивая экономику местных племен, оказывала большое влияние на рост имущественной дифференциации и лишь в известной мере на другие стороны жизни.

Таким образом, развитие обмена представляет собой сложный процесс, зависящий от социально-экономического уклада отдельных племен. Такие племена должны были обладать прочной базой производства товаров не только для собственного потребления, но и для продажи. У оседлого населения Среднего Приднепровья такой базой были плодородные земли, стада и богатства лесов. При безденежном обмене они составляли их единственные сокровища, игравшие роль денег.

Все сказанное заставляет нас поставить вопрос о необходимости дальнейшего изучения античного импорта и на остальной территории Северного Причерноморья. Это даст возможность выявить особенности развития торгового обмена и у других племен, а также наметить историю развития торговли с греческими городами всего Северного Причерноморья в целом, сравнив ее с историей распространения и ролью импорта в других областях античного мира. Для изучения экономических связей греческих государств с племенами Северного Причерноморья

---

[115] И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, стр. 106.

[116] Н. И. Сокольский и Д. Б. Шелов. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 56.

археологический материал приобретает особенно важное значение, поскольку сообщения письменных источников отрывочны.

Необходимость изучения античного импорта подтверждается и новыми находками греческого импорта [117]. Они свидетельствуют об обширности территорий, втянутых в товарообмен с греческими городами. Это диктовалось жизненной потребностью и самих городов, что выражалось в стремлении проникнуть к источникам дешевых продуктов питания и сырья. В свою очередь экспорт их товаров способствовал расширению собственного производства и обогащению греческих купцов. Эксплуатация природных богатств Северного Причерноморья способствовала достижению высокого благосостояния Ольвии и Боспора в IV—III вв. до н. э., а также сыграла большую роль в экономической жизни Средиземноморья. Для IV в. до н. э. характерно сближение Боспора с Афинами, а с III в. до н. э. с северопонтийскими государствами торгуют острова Эгейского бассейна и города Южного Причерноморья.

[117] А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина гора. СА, 1958, № 3, стр. 199, рис. 2.

С. А. ПЛЕТНЕВА

О СВЯЗЯХ АЛАНО-БОЛГАРСКИХ ПЛЕМЕН ПОДОНЬЯ СО СЛАВЯНАМИ в VIII—IX вв.

Взаимоотношения кочевых алано-болгарских племен Подонья с оседлыми земледельцами-славянами является одним из частных вопросов большой и важной проблемы перехода кочевых народов к оседлому или полуоседлому образу жизни и земледелию.

Как известно, два основных фактора способствовали переходу кочевников к оседлому образу жизни: это, во-первых, активная феодализация общества и, во-вторых, близость оседлых земледельческих народов [1].

Социально-экономическая организация алано-болгарских племен, входивших в состав феодального полукочевого Хазарского государства, была, по-видимому, феодальной или полуфеодальной, находящейся на стадии перехода от военной демократии [2]. Основными археологическими доказательствами феодализации алано-болгарских племен Подонья является резкое имущественное расслоение (что особенно хорошо прослеживается при анализе могильного инвентаря), а также возникновение укрепленных феодальных замков типа Правобережного Цимлянского городища [3].

Ближайшими земледельческими соседями алано-болгарских племен в VIII — IX вв. с севера и северо-запада были славяне, с юга — армяне и грузины, с запада — византийцы и алано-готское население Крыма и Тамани. В результате интенсивных торговых и хозяйственных связей с этими народами уже к началу VIII в. в Волго-Донецком междуречье сложилась единая, богатая и яркая салтово-маяцкая культура, создателем и носителем которой было население, административно объединенное Хазарским каганатом.

Мы не будем в настоящей работе останавливаться на влиянии южных и западных соседей. Этот вопрос требует дополнительного исследования. Отметим только, что земледелие (в частности, виноградарство), а также многочисленные ремесла (великолепно развитое гончарное, ювелирное, кузнечное), несомненно, были заимствованы кочевниками из высоко развитых в экономическом отношении областей Закавказья и Крыма. Влияние славян с наибольшей силой сказалось на северо-западной и северной периферии Хазарского каганата — в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона. Очевидно, некоторое своеобразие салтово-маяцкой культуры этих земель во многом зависело от близкого соседства славянских племен. Чем же отличается северный (аланский) вариант салтово-маяцкой культуры от южного (болгарского)? И. И. Ляпушкин отмечает три

---

[1] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 19; А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 53; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 188—189.

[2] М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 159.

[3] С. А. Плетнева. Отчет о раскопках на Правобережном Цимлянском городище в 1958—1959 гг. Архив ИА АН СССР, д. №№ 1742 и 1907.

основные особенности северного варианта: а) небольшие укрепленные городища, б) жилища-полуземлянки, в) катакомбные могильники [4]. Если обряд погребения действительно позволяет говорить об этническом различии северных и южных жителей Волго-Донецкого междуречья, то два первых признака (а именно сооружение небольших укрепленных городищ и полуземлянок) не отвечают этому назначению, поскольку появились они у салтовцев под непосредственным воздействием славян.

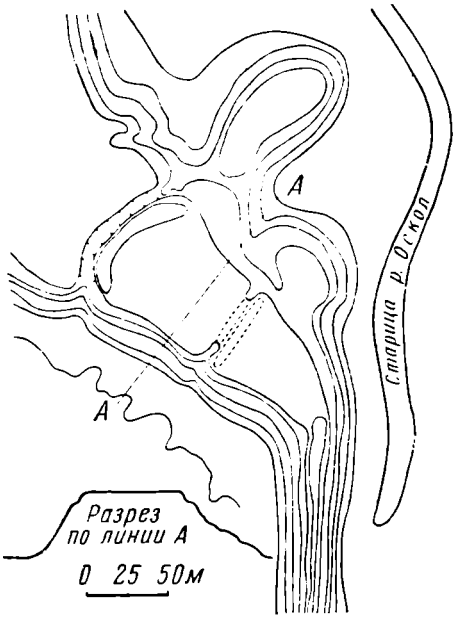


Рис. 1. План и разрез городища у с. Подлысенки на Осколе

Следует оговориться, что изучение салтово-маяцкой культуры, особенно ее поселений, находится в настоящее время в зачаточном состоянии. Однако неправ был И. И. Ляпушкин, считавший, что мы не можем даже ставить вопроса о связях славяно-русского населения с салтово-маяцкими племенами [5]. Нам кажется, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют уже сейчас наметить те области материальной культуры, на которых отразилось взаимодействие славянской и алано-болгарской культур.

Прежде всего влияние славян сказалось, как мы уже отмечали, в появлении у салтовцев северных районов нового типа городищ. Мы хорошо знаем основной тип салтово-маяцких поселений: это большие открытые селища, расположенные нередко на низких берегах в непосредственной близости от воды [6]. Размеры селищ колеблются от 300 до 1500 *м* вдоль берега реки и от 30 до 250 *м* в ширину. Лишь иногда поселения укреплялись земляным валом и рвом. К этому типу укрепленных поселений можно отнести также городища Саркел и Семикаракорское [7]. Большие, широко раскинувшиеся на берегах поселки распространены по всей территории салтово-маяцкой культуры. Однако в верховьях Северского Донца, Оскола и Дона селища группируются вокруг городищ нового типа, имеющих ряд характерных, сближающих их со славянскими черт [8].

Эти городища располагались на высоких мысах правого берега реки, причем часто на бывших скифских городищах (рис. 1). Как и славяне, новое население не пользовалось скифскими укреплениями, а сооружало заново мощные рвы, валы и стены. При этом оно использовало прием, хорошо известный нам по синхронным славянским памятникам (например, на Битицком городище). Строители подчищали верхнюю часть склонов, делая их почти отвесными. Срытая земля образовывала при этом своеобразную ступень (рис. 2, *1, 2*). Валы на городищах возводились

---

[4] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62.

[5] Там же, стр. 148.

[6] В свою очередь большие неукрепленные салтово-маяцкие поселения делятся на различные виды, что, возможно, связано с различной этнической принадлежностью оставивших их народов.

[7] Отличается от них только одно городище, расположенное в низовьях Дона, а именно Правобережное Цимлянское. Оно представляет собой небольшой феодальный замок, укрепленный белокаменными стенами. По строительным приемам оно приближается к находящимся в том же районе городищам Саркелу и Семикаракорскому с их кирпичными стенами.

[8] С. А. Плетнева. Средневековые поселения в верховьях Северского Донца. КСИИМК, вып. 79, 1960.

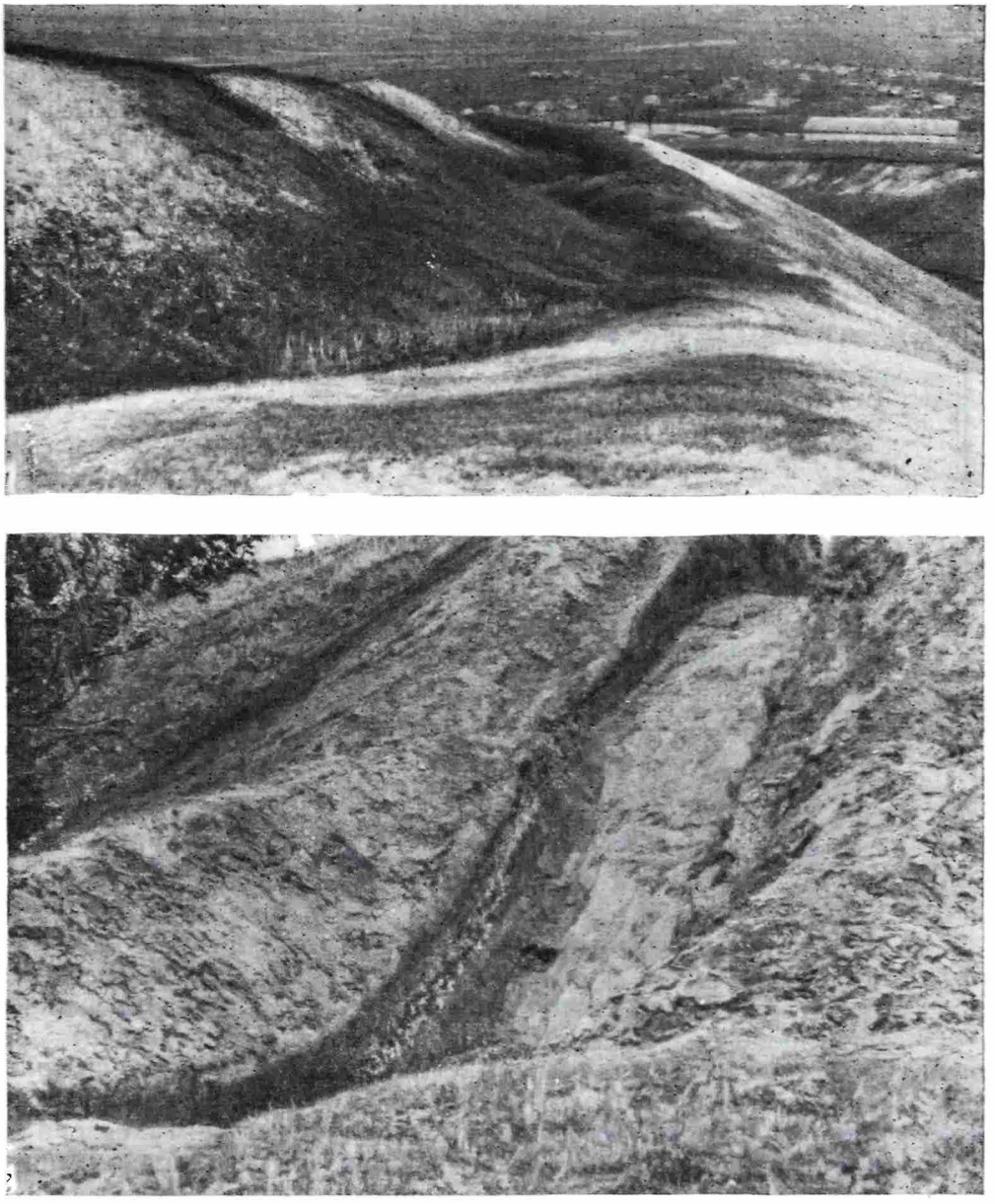


Рис. 2.

1 — вид склона городища у с. Подлысенки; *2* — подчистка склона городища у с. Дмитровского (р. Короча)

из камня и щебня, что является оригинальной особенностью салтово-маяцких городищ, которая отличала их от окружающих славянских поселений и связывала с древними болгарскими укреплениями Дона и Дуная (Саркелом, Правобережным Цимлянским, Плиской и др.).

Ни одно из «каменных» городищ не исследовано настолько полно, чтобы можно было судить об их внутренней планировке. Тем не менее, подъемный материал и шурфовка позволяют сказать, что на большинстве этих городищ средневековый культурный слой отсутствует. По-видимому, салтовцы сооружали эти укрепления по примеру славян, но не жили на них и пользовались ими только как убежищами или убежищами-святилищами [9]. Селились же они по-прежнему на открытых селищах, окружавших городища или примыкавших к ним в виде посадов.

[9] Аналогичное болгарское святилище было раскопано Г. А. Федоровым-Давыдовым у дер. Тигашево в Поволжье. См. Г. А. Федоров-Давыдов. Болгарское городище-святилище X—XI вв. СА, 1960, № 4.

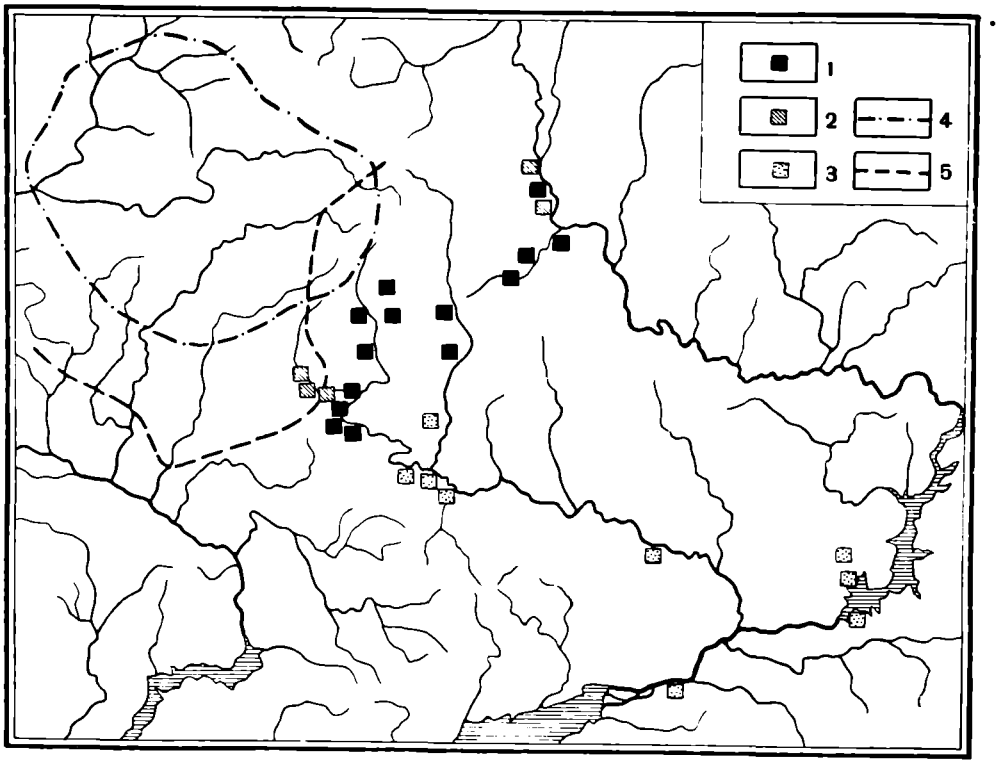


Рис. 3. Карта салтово-маяцких и славянских городищ в бассейне Дона

1 — салтово-маяцкие городища 2-го типа; *2* — славянские городища; *3* — салтово-маяцкие городища 1-го типа; *4* — границы северянской земли (по Б. А. Рыбакову); *5* — границы распространения памятников роменско-боршевского типа (по И. И. Ляпушкину)

В настоящее время известно 14 городищ этого типа: в верховьях Северского Донца — 8 (Дмитровское на Короче, Архангельское — напротив устья Нежеголи, Волчанское — на р. Волчьей; Салтовское, Кабаново, Мохначево, Коробово, Сухая Гомольша на р. Северский Донец); в верховьях р. Оскола — 2 (Подлысенки и Ютановка); на Дону и его притоке Тихой Сосне — 4 (Сторожевое, Маяцкое, Алексеевское, Ольшанское), (рис. 3). Славянские памятники вплотную подходят к ним с севера и северо-запада. В верховьях Северского Донца, на его правом притоке р. Удах, находятся три славянских городища (Донецкое, Хорошево, Водяное), причем самое восточное, Водяное, расположено всего в 10 *км* от салтовского Кабанова городища и в 15 км от Мохначева, на территории, занятой салтовскими селищами. На Дону городище Сторожевое окружено одновременными славянскими поселениями [10].

Таким образом, селившиеся рядом со славянами салтовцы неизбежно должны были перенять у соседей некоторые строительные приемы, что они и сделали, помещая свои крепости-убежища на небольших высоких мысах, укрепленных искусственно вертикальной подчисткой верхней части склонов.

Еще более существенные изменения под влиянием славян произошли в строительстве жилищ. Типичным кочевническим жилищем является юрта. С устройством ее мы хорошо знакомы благодаря описаниям средневековых авторов [11] и на основании этнографических материалов [12].

---

[10] И. И. Ляпушкин. Ук. соч., рис. 26.

[11] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957, стр. 27—28, 91—92.

[12] Я. Р. Винников. Современное жилище колхозников туркмен. СЭ, № 2, 1950.

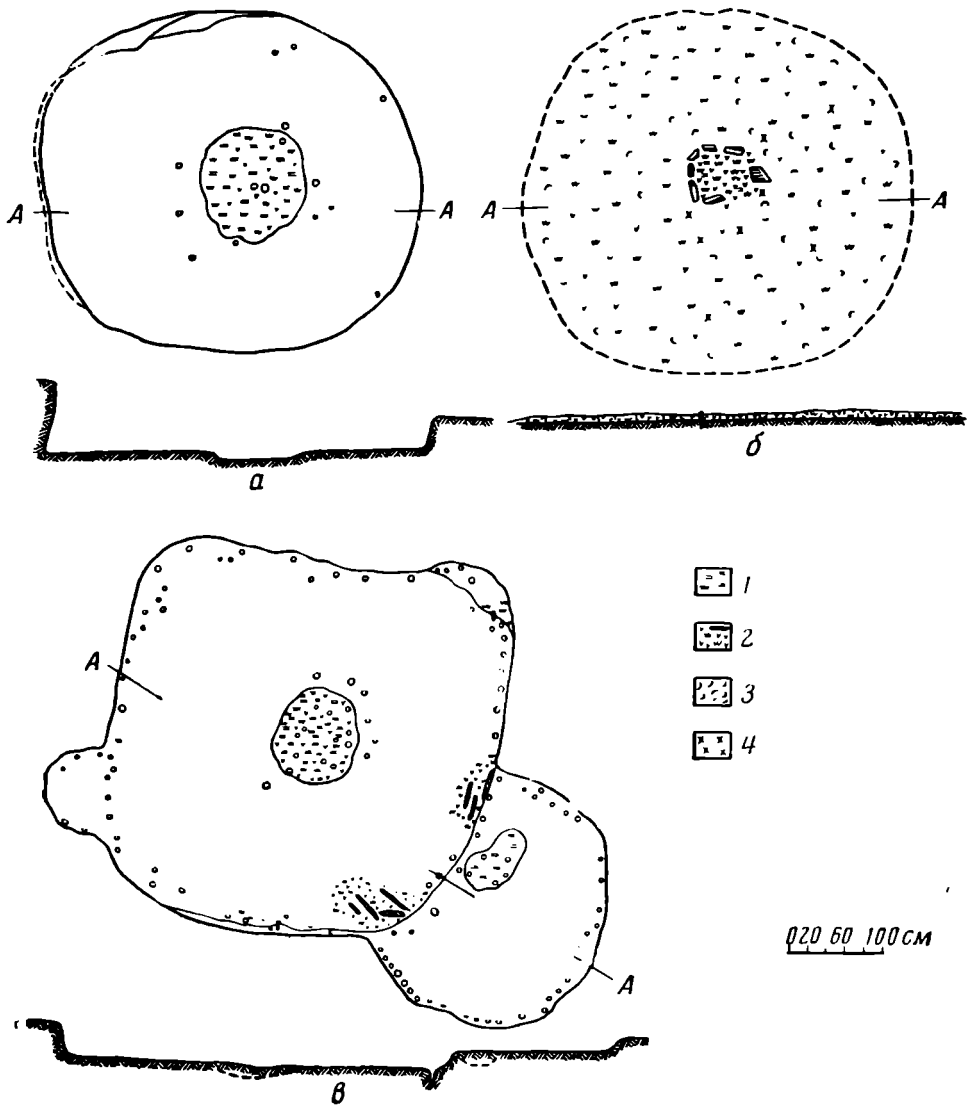


Рис. 4.

а — план юрты с селища у с. Дмитровского; *б* — план юрты с селища № 6 на Белой Калитве; *в* — план юрты с Правобережного Цимлянского городища
1 — обожженная глина; *2* — угли и зола; *3* — ракушки; *4* — обломки керамики

Археологически юрты прослеживаются с большим трудом, обычно в тех случаях, если основания их несколько углублены в землю (рис. 4, *в*). Только на некоторых селищах, обнаруженных нами в песчаных дюнах на р. Белой Калитве (приток Северского Донца), в песке выделились остатки юрт в виде округлых в плане золистых пятен, насыщенных находками (костями, ракушками, обломками керамики, рис. 4, *б*).

Вторым видом жилищ на салтовских селищах являются наземные жилища со стенами из плетня, обмазанного глиной. Несколько таких жилищ было обнаружено на Карнауховском поселении, частично раскопанном И. И. Ляпушкиным. Остатки близкого к ним жилища были раскрыты Д. Я. Телегиным на селище в уроч. Бондариха под Изюмом [13]. Вполне возможно, что именно жилища этого типа упоминались арабскими авторами при описании хазарских городов: «Жилища семендерцев из дерева, переплетенного камышом...» [14] или — «постройки этого города — войлоч-

[13] Д. Я. Телегин. Находки раннеславянского времени на Северном Донце. КСИИМК, вып. 68, 1957, рис. 50.
[14] Ал-Мукаддеси. СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 5.

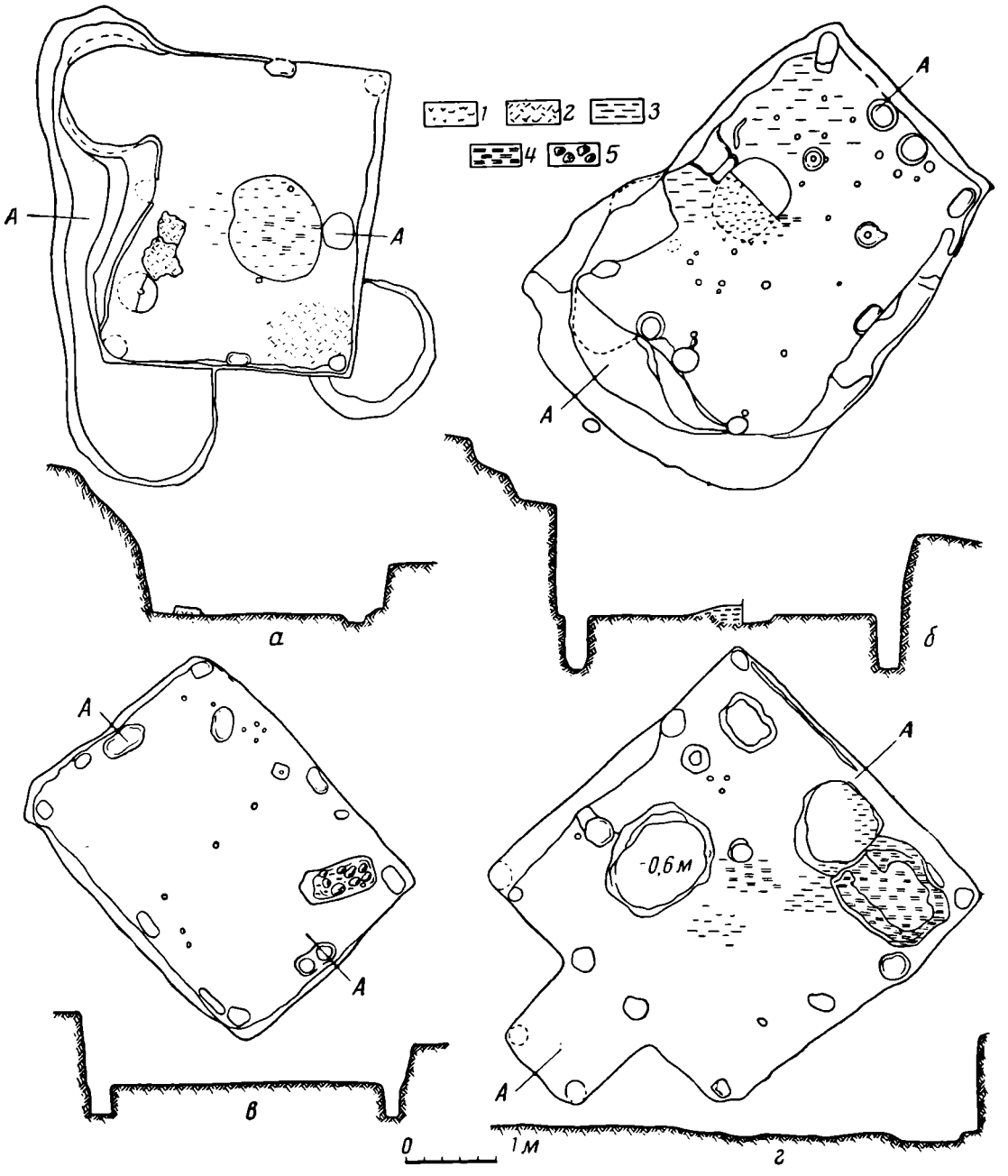


Рис. 5. Жилища-полуземлянки салтово-маяцкой культуры

а — с очагом в центре; *б* — с очагом у стенки; *в* — очаг с камнями в углу; *г* — жилище с печью
1 — зола и угли; *2* — глина, замешанная с шамотом; *3* — глина; *4* — обожженная глина; *5* — камни

ные палатки, за исключением некоторых жилищ, выстроенных из глины...» [15]. Оба эти вида жилищ встречаются в основном на памятниках южного варианта салтово-маяцкой культуры — в низовьях Дона и Северского Донца (рис. 5).

Однако преобладающим видом жилищ на всей территории салтово-маяцкой культуры (от низовьев Дона до верхнего течения Северского Донца) является третий вид жилища — полуземлянки, углубленные в материк на 0,4—1 *м* (рис. 6). Форма их основания в плане прямоугольная или квадратная, стенки и пол ровные, размеры — 9—16 $м^2$. Изредка полуземлянки имеют вход в виде неглубокого выступа, врезающегося в

[15] Ал-Истахри. СМОМПК, вып. 29, Тифлис 1901, стр. 41.

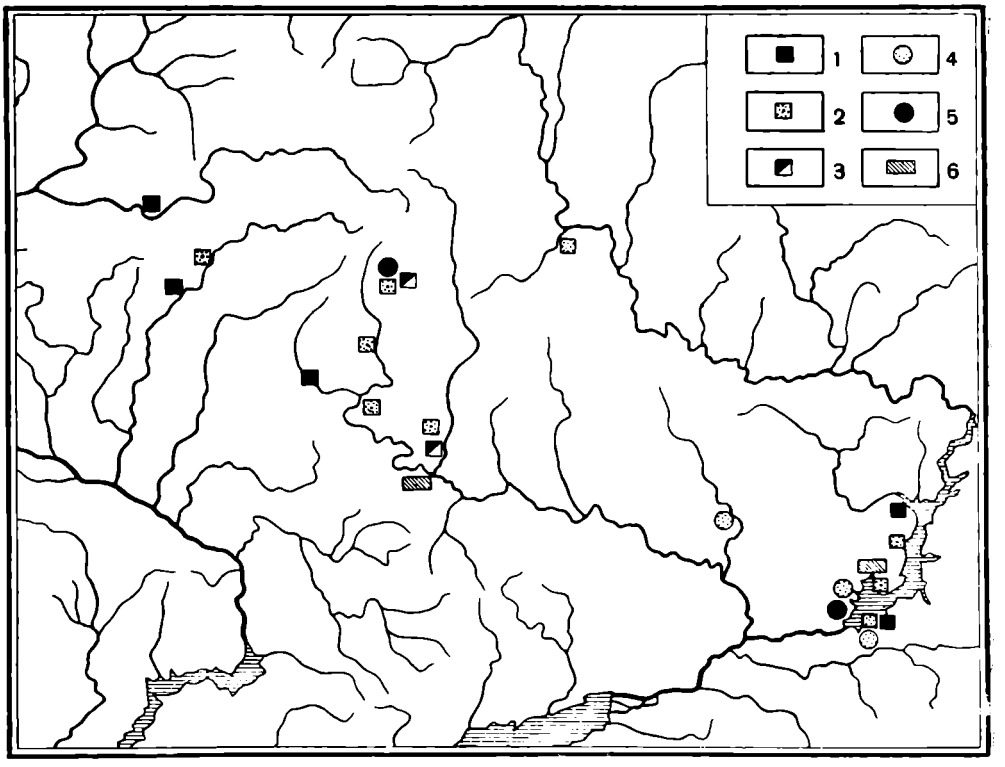


Рис. 6. Карта распространения славянских и салтово-маяцких жилищ в бассейне р. Дона и на левобережье Днепра

1 — славянские жилища; *2* — жилища с очагами; *3* — жилища с печами; *4* — наземные юрты; *5* — юрты, углубленные в землю; *6* — наземные жилища с очагами

материк на 5—10 *см*. Над входом строилось столбовое перекрытие. В полу, в углах жилища и на средине длины двух противоположных сторон прослеживаются ямки от столбов, поддерживавших конек крыши и облицовку стен. Облицовка, судя по дошедшим до нас материалам, была горизонтальная, дощатая. К этому же виду жилищ мы должны отнести и почти наземное жилище, обнаруженное нами при раскопках Дмитровского селища. Оно расположено на сравнительно крутом склоне и потому один его край врыт в материк на 0,4—0,6 *м*, а другой сливается с поверхностью материка. Все остальное, т. е. столбовая конструкция, столбовой вход те же, что и у обычных полуземлянок.

Необходимо отметить, что кочевнические юрты не только просто уступили место полуземлянкам, но и сами подверглись весьма существенным изменениям. Так, на Правобережном Цимлянском городище, наряду с обычными наземными юртами, мы наблюдаем юрты-полуземлянки, углубленные в землю на 0,4—0,8 *м*. Такие же юрты-полуземлянки обнаружены были при раскопках Саркела [16] и самого северного из раскапываемых памятников — Дмитровского селища (рис. 4, *а*). Массовое изменение форм жилищ объясняется, очевидно, суровыми климатическими условиями. Постоянная оседлая жизнь в легких наземных жилищах из войлока или камыша была невозможна в степях Подонья, где морозы зимой достигают 30—35°.

Сходство полуземлянок салтово-маяцкой культуры с полуземлянками славян было отмечено еще И. И. Ляпушкиным в статье о салтово-маяцкой культуре Подонья [17]. Он писал, что основным отличием первых от вторых

[16] В. Д. Белецкий. Жилища Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 42—46.

[17] И. И. Ляпушкин. Ук. соч.

является наличие в салтовских полуземлянках открытых очагов, а в славянских — глинобитных или каменных печей.

Очаги в салтовских жилищах всех трех типов (юртах, жилищах с глиняными стенами и полуземлянками) имеют устойчивую характерную форму — это круглые в плане чашевидные углубления (глубина — 0,05 *м*, диаметр — 0,5—1 *м*). Вокруг очага находится несколько ямок от вбитых в пол столбиков, причем два из них, расположенные на противоположных сторонах очага, обычно наиболее массивные. Иногда очаги совсем не углублены в пол; в жилищах на одном из селищ у Белой Калитвы неуглубленные очаги окружены каменными кольцами (рис. 4, *б*). Наряду с очажками, в салтово-маяцких жилищах Нижнего Дона нередко устраивались обогревательные конусовидные ямки, наполнявшиеся углями и изредка накаленными камнями. В жилищах у с. Дмитровского накаленные камни укладывались вокруг очага. Форма очагов с камнями также немного изменяется: это продолговатые ямки, углубленные в пол на 0,1—0,15 *м*. Характерно расположение очагов внутри жилищ: в подавляющем большинстве случаев они находятся в центре пола, что свойственно всем кочевническим жилищам. Только в жилищах Дмитровского селища очаги иногда помещались у стены или в одном из углов. Расположение очагов в центре пола объясняется прежде всего устройством кровли кочевнического жилища, представлявшей собой конус с отверстием для дыма на его вершине. Имело также значение и та магическая очистительная сила, которая приписывалась огню и очагу как символу единства семьи [18].

Та же планировка, обусловившая помещение в центр главного, объединяющего начала, наблюдается у кочевников и в построении их лагеря — вежи. Юрта князя или предводителя похода ставилась всегда в центр круга, образованного кибитками воинов, что хорошо известно по письменным и археологическим данным [19]. Отклонение от этой традиционной планировки означало, видимо, крупные изменения в быте оседающего народа.

Еще большее значение имело для кочевников изменение типа очага, замена его печью. Раскопки последних лет на нескольких салтово-маяцких памятниках в верховьях Северского Донца и на Нижнем Осколе позволили установить тот факт, что в жилищах с типичным салтовским инвентарем попадаются не только очаги, но и печи (глинобитные и вырезанные в грунте) [20].

Таким образом, мы должны внести некоторые изменения в тезис И. И. Ляпушкина об основном различии салтовских и славянских полуземлянок, а именно: в жилищах салтовцев иногда сооружались печи. В то же время чрезвычайно интересным представляется то, что на Битицком славянском поселении И. И. Лапушкиным было обнаружено почти наземное жилище с типичным салтовским очагом в центре пола [21]. То обстоятельство, что очаги в салтовских жилищах остались преобладаю-

---

[18] См. Доржи Банзаров. Собрание сочинений. М., 1955, стр. 72—76. Археологически вера в очищение огнем прослеживается во многих сарматских, аланских и болгарских погребениях взрослых воинов и женщин, осыпанных горячим углем или уложенных на подстилку из угля (детей, как правило, углем не посыпали).

[19] См. Рашид-эд-дин. История монголов, т. I, пер. М. Н. Березина. СПб., 1858; С. А. Плетнева. Отчет о раскопках на Правобережном Цимлянском городище в 1958 г. Архив ИА АН СССР, д. № 1742.

[20] Жилища с печами были обнаружены на Дмитровском селище (жил. №№ 6, 9). (См. С. А. Плетнева. Отчет о работах Северо-Донецкого отряда в 1958 и 1960 гг. Архив ИА АН СССР, № 1742). Кроме того, в нижнем течении Оскола, на селище у с. Жовтнево, большинство раскопанных жилищ было с печами (за сообщение приношу благодарность автору раскопок Д. Т. Березовцу).

[21] И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 71, рис. 9.

щей формой отопительного устройства, очевидно, подтверждает высказанное выше мнение о символическом значении очага, являвшегося олицетворением семейного духа-покровителя. Весьма существенным фактором, задерживавшим проникновение в алано-болгарский быт печей, было приготовление привычной, ставшей традиционной мясной пищи, сваренной в котлах или изжаренной на вертеле над очагом. С появлением печей в хозяйстве должен был измениться ассортимент кушаний [22].

Широкое распространение полуземляночных жилищ в Подонье, появление жилищ с печами в поселках верхнего и среднего течения Северского Донца объясняется, по-видимому, проникновением славян на территорию алано-болгарских племен. Археологические материалы позволяют говорить, что отдельные славянские отряды продвинулись на Нижний Дон и даже Тамань в конце IX в. Одно из их поселений, сооруженное по примеру салтовцев на открытой большой площадке, было обнаружено И. И. Ляпушкиным на правом берегу р. Чира (хут. Ближняя Мельница) [23]. Славянские жилища и керамика встречаются, наряду с типичными салтовскими, в слое Саркела конца IX — начала X в. [24], а также в Тамани в слое начала X в. Продвижение славян шло вниз по течению основных рек Подонья: Дону, Осколу, Северскому Донцу. Отсюда и эпитет «Северский», полученный, вероятно, именно в эти десятилетия активного движения славян на юг, а также русский уменьшительный суффикс-ец в самом названии реки. Археологически прослеживаются несомненные связи части северянской земли, занятой памятниками волынцевской культуры, с салтовцами [25]. Прежде всего бросается в глаза сооружение на волынцевских поселениях жилищ с открытыми очагами и замена обычных для славян курганов бескурганными могильниками. Кроме того, на волынцевских памятниках появляются весьма своеобразные формы керамики, возникшие, очевидно, под влиянием салтовского гончарного ремесла. На всех обнаруженных в настоящее время волынцевских поселениях и могильниках одной из наиболее частых и характерных находок являются горшки с высоким вертикальным венчиком, крутыми плечиками и небольшим дном. Изготовлены они на круге, из прекрасно отмученного теста. Обжиг сосудов преимущественно черный, поверхность лощеная (вертикальная или с пересекающимися полосками), (рис. 7, *а*). Форма горшков этого типа совершенно славянская (IV тип — по классификации Ляпушкина) [26], однако техника исполнения, тесто, орнаментация, обжиг — типично салтовские. Очевидно, что этот тип посуды возник в результате взаимодействия двух культур. Поскольку распространен он только в одном районе славянской территории, можно предположить, что население именно этого района было наиболее тесно связано с салтовцами. На салтовски памятниках лощеные горшки этого типа встречаются очень редко (один — на Дмитровском могильнике и несколько — на поселении Жовтнево, на Нижнем Осколе), (рис. 7, *б*). Вероятно, производство их было налажено в славянских поселках волынцевской культуры, и оттуда сосуды изредка попадали к салтовцам в ближайшие поселения и на Оскол, где следы славянского влияния про-

---

[22] Именно тогда в аланский язык могло проникнуть славянское слово «каша» (kasa), приготовление которой на открытом очаге было затруднительно. См. Ю. Немет. Список слов на языке яссов, венгерских алан. Перевод с немецкого и примечания В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960.

[23] И. И. Ляпушкин. Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. МИА, № 62.

[24] В. Д. Белецкий. Ук. соч.; С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75.

[25] Границы северянской земли проведены по статье Б. А. Рыбакова. (См. Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. Сб. СЭ, VI—VII, 1947).

[26] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 38—39.

слеживаются очень отчетливо и по другим данным (в частности, по наличию в жилищах печей).

Керамическое ремесло салтовцев стояло на очень высоком уровне. Тем не менее салтовцы пограничных районов, близко соприкасавшиеся со славянами, заимствовали некоторые производственные приемы у соседей. Описание салтово-маяцкой керамики различных районов было

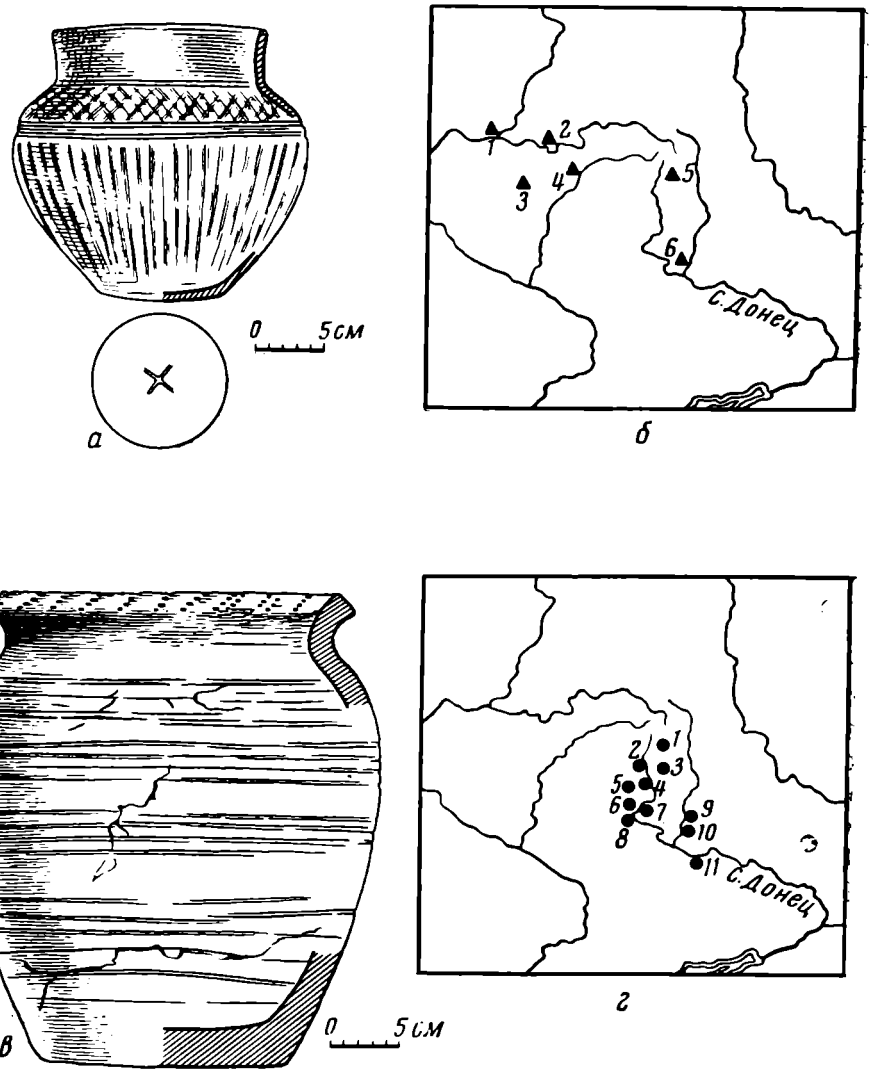


Рис. 7

а — лощеный горшок волынцевского типа; *б* — карта распространения лощеных горшков (*1*—*4* — памятники волынцевской культуры, *5* — Дмитровский могильник, *6* — селище Жовтнево); *в* —лепной правленый горшок с шамотом в тесте; *г* — карта распространения салтово-маяцких горшков с шамотом в тесте (*1* — с. Дмитровское, *2* — с. Архангельское, *3* — г. Волчанск, *4* — с. Салтово, *5* — д. Пятницкое, *6*, *7* — с. Мохнач, *8* — дер. Сух. Гомольша, *9*— дер. Шведовка, *10* — Пятихатка, *11* — с. Маяки)

сделано уже несколько раз в работах советских археологов [27]. В основном она делится на три группы: кухонную, столовую и тарную. Каждая из этих групп объединяет большое количество различных типов и видов. Изменения коснулись только первой группы — кухонной керамики. В ней наряду с обычными, характерными для салтовцев горшками, появляются горшки, сделанные из грубого теста с примесью шамота или

[27] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры, стр. 108—116; Б. А. Шрамко. Кераміка салтівської культури. Труди історичного факультету ХГУ, т. 7, вып. X, Харків, 1959; С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи; ее же. Средневековые поселения в верховьях Северского Донца.

крупнодробленой дресвы. Как правило, они изготовлялись на гончарном круге, в редких случаях — от руки, с последующей правкой на круге. Обжиг этих горшков неровный — печной или очажный. Толщина стенок доходит до 2,5 *см*, а у дна — до 3,5 *см*. Форма горшков яйцевидная (дно плоское), венчик отогнут слабо, срезан и по срезу орнаментирован насечками или штампом. Тулово покрыто линейным, линейно-пересеченным орнаментом — зональным и сплошным (рис. 7, *в*). Черепок этих сосудов совершенно аналогичен по качеству теста и общему облику черепкам славянских горшков роменско-боршевского типа. Целые горшки отличаются от славянских большей яйцевидностью формы, применением некоторых не свойственных славянам элементов орнамента (в частности, зубчатого штампа) и формой венчика. Однако сходство этих горшков со славянскими значительно большее, чем с салтовской кухонной посудой. Употреблялись они в качестве тарной посуды для хранения сухих продуктов. Только в лучших из них, возможно, варили пищу. Делались эти грубые с пористым тестом сосуды на месте, самими хозяйками. При расчистке одного из жилищ Дмитровского селища на полу был обнаружен запас глины, замешанной с крупнодробленым шамотом, и рядом с ним — раздавленный необожженный сосуд из этой глины.

Район распространения этой керамики очень невелик — в основном верховья Северского Донца, где общение со славянами было очень активным (рис. 7, *г*). На некоторых салтовских городищах и селищах этого района (Мохнач, Коробовы хутора), наряду с салтовской керамикой, попадались в небольшом количестве обломки лепных славянских горшков, нередко украшенных типичным веревочным орнаментом. Обломки грубостенных горшков составляют значительный процент среди находок на городище у с. Маяки, Славянского района, Донецкой области, а также на селище Бондариха у г. Изюма [28], т. е. на землях, находившихся под несомненным воздействием славянского населения.

Таким образом, в результате тесных экономических связей пограничного славянского населения с алано-болгарами и те и другие приобрели ряд новых навыков в гончарном производстве. Благодаря салтовцам на славянских волынцевских поселениях появился гончарный круг. Возможно, что ремесленники, изготовлявшие лощеные горшки, были не славяне, а салтовцы, поскольку способ приготовления теста и орнаментация сосудов совершенно салтовские. В то же время остальные виды роменской посуды по-прежнему изготовлялись от руки из теста с примесью шамота. Приемы изготовления этой характерной, распространенной на огромных пространствах, занятых славянами, посуды были усвоены окраинными салтовцами, начавшими по славянскому образцу изготовление домашних кухонных грубых горшков.

Что касается произведений ювелирного и кузнечного ремесел, то мы можем привести весьма незначительный список предметов явно салтовского происхождения на юго-восточных славянских памятниках VIII—IX вв. Это — мотыжки, обломки сабель, стремена с выделенной петлей, серьги с подвеской, перстни со вставкой и некоторые виды бус. Поскольку все перечисленные предметы встречаются на славянских памятниках не сериями, а единичными находками, можно думать, что в VIII—IX вв. славянские ремесленники их не изготовляли [29]. Вещи попадали к славянам в результате развитой торговли и обмена вместе с амфорами, наполненными вином и южными пряностями [30]. Обратное явление, т. е. переход славянских вещей к салтовцам, проследить пока не удается. Следует отметить, что влияние вкусов салтовских ремесленников, несмотря на

[28] Д. Я. Телегин. Ук. соч., рис. 51.

[29] Другие соседние племена со слабо развитым ремеслом (в частности, мордовские) заимствовали у салтовцев значительно больше — по существу почти все вооружение и многочисленные типы украшений.

[30] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, стр. 46.

разгром их поселений печенегами в начале X в., сказываются в изделиях киевских ремесленников вплоть до XI в. Вполне вероятно, что часть салтовцев отступила в начале X в. к северу. Этим обстоятельством и объясняется такая устойчивость на Руси некоторых типичных для салтовцев форм поясных наборных бляшек, перстней, стремян.

Антропологические связи славян и салтовцев не выявлены [31]. Однако на территории, где салтовские и славянские поселения располагались особенно тесно, в верховьях Северского Донца был обнаружен могильник, в котором прослеживаются черты, свидетельствующие о смешении двух культур и обрядов. Это — могильник, раскопанный И. Ф. Левицким и Ю. В. Кухаренко у с. Ново-Покровского (на Удах, напротив Каганова городища) [32]. Его характерными признаками являются: 1) отсутствие погребальных насыпей, 2) отсутствие урн, 3) тайнички для вещей рядом с погребальными ямками, 4) большое количество типичных салтово-маяцких вещей. В двух случаях в этих тайничках найдено полное вооружение всадника-воина. Автор раскопок, Ю. В. Кухаренко полагает, что эти комплексы не относились к близлежащим погребениям, а являлись какими-то специальными погребальными сооружениями. Вполне вероятно, что это были кенотафы (оружие было зарыто в память о погибших воинах). Отсутствие могильных насыпей и урн, а также набор вещей, обнаруженных в погребениях, делают могильник совершенно нетипичным в ряду синхронных с ним славянских курганных могильников и сближают его с салтовскими памятниками. Помимо этого могильника, комплекс вещей, состоящий из вооружения всадника, был обнаружен на Нижнем Осколе у с. Тополи, т. е. в районе, который, судя по остальному материалу, был значительно больше связан со славянами, чем окружающие его земли. Там же, на селище Бондариха, близ Изюма, было найдено погребение, аналогичное ново-покровским (ямка в материке с кремированным захоронением взрослого и ребенка). Поскольку салтовцы не сжигали своих мертвых, можно думать, что кремированные погребения оставлены славянами, поселившимися в непосредственной близости к салтовским укреплениям, под их защитой.

Таким образом, изучение вопроса о связях алано-болгарских племен со славянами позволяет установить, что влияние оседлого населения проникало глубоко в быт соседних народов. У последних появились новые типы поселков, жилищ, очагов. В то же время и у славян в результате тесного общения с «салтовцами» на некоторых юго-восточных памятниках появились новые, выделившие их из ряда славянских, черты. Эти памятники были объединены исследователями в особый «волынцевский», или «битицкий», вариант славянской культуры [33]. На пограничных землях выделились славянская прослойка, воспринявшая многие обычаи и культуру салтово-маяцких племен.

На протяжении VIII—IX вв. происходило смешение двух совершенно различных по складу культур. Процесс слияния их был прерван в начале X в. новой волной кочевников, хлынувшей в южнорусские степи. Авангардом этой волны были печенеги, разгромившие и разграбившие не только алано-болгарские, но и многие славянские поселения лесостепи. Жизнь на них, за редкими исключениями, уже не возобновилась.

---

[31] Из 40 определенных антропологически черепов из катакомбного Дмитровского могильника не было ни одного славянского. (Определения сделаны Т. С. Кондукторовой).

[32] Ю. В Кухаренко. О некоторых археологических находках на Харьковщине. КСИИМК, вып. XLI, 1951.

[33] Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльского району, Сумьскої області. АП, т. III, 1952; его же. Археологические памятники летописных северян. Доклады VI Научной конференции Института археологии АН УССР, Киев, 1953; его же. До питання про літописних сіверян. Археологія, т. VIII, 1953; И. И. Ляпушкин К вопросу о памятниках волынцевского типа.

В. Е. ВИХРОВ, Б. А. КОЛЧИН

ОСНОВЫ И МЕТОД ДЕНДРОХРОНОЛОГИИ

Среди методов естественных и технических наук, внедряемых в последнее время в археологию для датировки древностей, наиболее перспективными являются радиоуглеродный, археомагнитный и дендрохронологический. Дендрохронологический метод может дать невиданные до сих пор в археологии даты, с точностью до одного года.

В основе дендрохронологии лежит особенность деревьев умеренного и холодного климата изменять под действием различных причин ширину годичных колец прироста.

У древесных растении, произрастающих в умеренных и холодных широтах земного шара, где происходит более или менее четкое чередование времен года — весна, лето, осень и зима,— ежегодно, в вегетационный период (весной и летом) происходит образование древесины в виде сплошного чехла, охватывающего все растение. На поперечных срезах ствола, ветвей и корней многолетних растений годичные слои-кольца прироста ясно заметны, и по числу их можно судить о продолжительности жизни растения или его органов.

Годичные кольца большинства пород, особенно хвойных и некоторых лиственных (кольцесосудистых), различаются на всех разрезах древесины. Это обусловлено тем, что древесина годичного слоя, отложенная камбиальными клетками весной и в первые дни лета, у хвойных хорошо, а иногда и резко отличается по цвету, блеску и структуре от прироста, возникающего во вторую половину лета и в начале осени. Принято внутреннюю рыхлую и светлую, появившуюся весной часть годичного слоя называть ранней древесиной, наружную его часть, темную и плотную,— поздней.

В одном и том же годичном слое переход от ранней древесины к поздней у большинства пород постепенный, как бы растушеванный, а переход от поздней к ранней (в центробежном направлении органов) резкий. Этот резкий переход указывает границу, отделяющую одно кольцо прироста от другого.

Далеко не у всех древесных пород умеренного и холодного климата годичные слои хорошо отличаются. У хвойных они бывают хорошо заметны на всех разрезах древесины, у лиственницы и сосны лучше, у кедра, ели и можжевельника несколько хуже. У лиственных пород с кольцесосудистой древесиной (дуба, каштана, ясеня, белой акации и некоторых других) заметны хуже, а у большинства рассеянно-сосудистых (береза, осина, липа, клен, граб, груша) — плохо или даже очень плохо.

Наилучшей группой пород для дендрохронологических целей являются хвойные, среди которых предпочтение должно быть отдано сосне, а в Сибири — сосне и лиственнице. Их отличают четкость годичных слоев, большая стойкость древесины против гниения, относительная однородность и простота в строении древесины и отсутствие резко выраженных различий в структуре у разных видов и экологических форм.

На рост годичного слоя у древесных пород влияют, с одной стороны, биологические, внутренние свойства растения, сформировавшегося в результате исторических процессов развития того или иного вида, а с другой — экологические факторы: беспрестанно изменяющаяся среда обитания, способствующая или тормозящая обмен веществ, рост и развитие растения.

Среди внутренних факторов большое значение имеют возраст растения, периодичность и обилие плодоношения растения, местоположение древесины в стволе, интенсивность ассимиляции и транспирации, а также индивидуальные особенности тех или иных особей. Экологические факторы многообразны. Они с большим трудом поддаются учету. Однако при внимательном анализе условий произрастания всегда можно выделить главные из них и раскрыть характер их влияния на скрытые процессы формирования колец прироста. Наиболее важными являются метеорологические особенности того или другого года, избыток или недостаток осадков, низкие и высокие температуры, а также нападение вредителей, затенение деревьв и ряд других факторов.

Исторически сложившимся фактором, от которого в значительной степени зависит ширина годичных слоев, является возраст. Влияние возраста может быть прослежено по характеру изменения величины ежегодного прироста, по радиусу и высоте ствола деревьев. При более или менее благоприятных условиях роста от сердцевины к периферии ствола ширина годичных слоев вначале возрастает до известного максимума, а затем постепенно уменьшается. Кульминация прироста обычно совпадает со стадией жердняка и началом плодоношения деревьев. У древесных растений можно выделить три возрастных этапа (стадий развития): юношеский или восходящий, зрелость и старение.

Юношеский этап начинается с момента прорастания семян и продолжается до плодоношения. Этот этап жизни характеризуется большой пластичностью признаков и физиологических свойств организма, широкой его приспособляемостью к окружающей среде и отсутствием плодоношения. У большинства пород, в том числе и у сосны, он продолжается до 20, а иногда до 30 лет. Ширина годичных слоев в этот период роста бывает подвержена особенно большим колебаниям, причем эти колебания иногда могут носить индивидуальный для каждой особи характер.

Второй этап — половая зрелость растении — характеризуется интенсивным плодоношением, стабилизацией динамики роста, полной сформированностью внешних признаков и физиологических свойств растений. В этот период роста, обычно продолжающийся у сосны до 120—150 лет, появляются характерные и наиболее тождественные (синхронные) для массы деревьев колебания в величине прироста, вызываемые действием внеших факторов. В это время бывают наиболее частые и обильные урожаи семян, возникающие одновременно у большинства деревьев той или иной породы и приводящие к резкому падению величины прироста. Годичные слои, образованные в период возмужалости растений и известной стабилизации процессов обмена веществ, являются наиболее подходящими объектами для дендрохронологических изысканий.

И, наконец, третий этап — этап старения. В этот период интенсивность роста и по радиусу, и, особенно, по высоте ствола падает, уменьшается интенсивность физиологических процессов, а также падает сопротивляемость организма неблагоприятным условиям и различным заболеваниям. У древесных растений при старении отмирают вначале мелкие, а затем крупные сучья и, наконец, ствол дерева. При старении деревьев образуются очень узкие годичные слои, которые можно измерить лишь при значительном увеличении. В этом возрасте нередко наблюдается поражение дерева различными болезнями, что еще силь-

нее снижает величину прироста. Постепенное падение ширины годичных слоев к старости деревьев объясняется не только уменьшением активности обмена веществ, но также и тем, что у старых деревьев годичные слои хотя и тоньше, чем у молодых, но общий объем прироста древесины значительно больше, так как у старого дерева по сравнению с молодым диаметр и высота ствола значительно больше.

Такой характер изменения ширины годичных слоев по радиусу ствола наблюдается у подавляющего числа деревьев, растущих более или менее в нормальных условиях. Однако в отдельных случаях, под влиянием особых условий роста, описанных выше, онтогенез годичных слоев по радиусу ствола нарушается. У деревьев, растущих под сильным затенением (под пологом леса), а также у деревьев, произрастающих на сильно переувлажненных или сухих почвах, кульминация прироста или не возникает, или же появляется лишь при улучшении условий обитания (вырубка затеняющих деревьев, осушение заболоченной почвы и т. п.). Такие деревья, которые под влиянием специфических свойств среды имеют индивидуальный цикл развития, деревья, на которые метеорологические особенности того или иного года (особенно обилие или недостаток осадков) воздействуют иначе, чем на большинство особей того же вида, и, наконец, деревья, у которых обильное плодоношение в лесу обычно не совпадает с урожайным годом подавляющего большинства других деревьев той же породы, должны быть исключены из числа сопоставляемых моделей дендрохронологического исследования.

По высоте ствола ширина годичных слоев также не остается постоянной. У одиноко стоящих деревьев ширина годичных слоев уменьшается от основания к вершине, а у растущих в насаждении с большой или средней полнотой, наоборот, в нижней части ствола годичные слои уже, а к вершине шире.

Возрастные колебания ширины годичных колец достигают значительных перепадов и варьируют в пределах так называемой биологической кривой роста. Поэтому годичные кольца, образовавшиеся в один и тот же год у молодых и старых деревьев, по своим абсолютным размерам будут различны и часто довольно значительно. Отсюда возможно, что угнетенное, т. е. узкое годичное кольцо, которое образовалось у молодого дерева, будет шире не только угнетенного кольца у старого дерева (образовавшегося в этот же год), но и превысит ширину кольца, которое образуется у старого дерева в благоприятные годы.

Перед нами встает вопрос, можно ли сравнивать кольца, образовавшиеся в один и тот же год у молодого и старого дерева. В абсолютных величинах сравнивать нельзя. Но изменения ширины слоев у разных деревьев будут относительно сопоставимыми и наглядными, если их сравнивать с рядом лежащими годичными слоями — предшествующими и последующими. На рис. 1 приведена микрофотография среза группы колец, где очень хорошо видны широкие и узкие кольца.

Судить о степени угнетенности и развитии годичного слоя мы можем только путем сравнения с соседними слоями данного образца, а не со средней шириной слоев, полученных в результате массовых измерений и как-либо обработанных методами вариационной статистики.

Большое влияние на изменение годичного прироста оказывает плодоношение, которое обычно вспыхивает одновременно через более или менее определенные периоды у большинства деревьев, растущих на довольно обширных площадях. У сосны в центральной части СССР урожайные годы повторяются в среднем через каждые шесть—восемь—десять лет, а, например, на Кольском полуострове — через 15—20 лет. Периодичность плодоношения объясняется, помимо ряда других причин, в частности и тем, что для образования массы плодов необходима затрата большого количества пластических веществ. Эти затраты вызывают сильное изменение текущего прироста по высоте и снижение ши-

рины годичных слоев в урожайные годы и, отчасти, в последующие два года. В урожайный год у обильно плодоносящих деревьев ширина годичных слоев уменьшается на 30—40% [1]. Особенно слабо в урожайные годы развивается поздняя часть годичного слоя. По характеру уменьшения ширины годичных слоев (резкое падение в год плодоношения и менее резкое — в первые два года после урожая) и по особенностям сложения «урожайного слоя» можно с некоторой долей достоверности установить годы обильного плодоношения.

Перейдем к одному из интереснейших вопросов, относящихся к экологической анатомии — влиянию на структуру древесины внешних факторов. Рассмотрим вначале один из главным вопросов — степень тождественности влияния различных факторов на формирование годичных слоев. Мнение о том, что структура древесины (и особенно сложение годичных слоев) представляет собой точную метеорологическую запись и запись «событий», которые пришлось пережить, сложилось еще в XIX в. Однако, несмотря на многочисленные и обширные исследования этого вопроса, проведенные и в Германии (в XIX в. целой плеядой ботаников и лесоводов во главе с Робертом Гартигом), и в США, и в Норвегии, и в России, до сих пор фактически еще не научились расшифровывать эти иероглифы [2]. Это объясняется тем, что ряд совершенно различных по своей природе факторов, угнетающих рост растений, вызывают одинаковые структурные изменения в сложении колец прироста.

Так, например, частое объедание листьев насекомыми, побивание их морозами, опаливание лесными пожарами вызывают такой же эффект, как и отрицательное действие климатических факторов. Интересно, что нарушение благоприятных условий роста, обусловленное приближением тех или иных внешних стимулов его к максимуму или минимуму, для того или иного вида всегда приводит к резкому уменьшению прироста. Причем модификации в изменении структуры в том и другом случае бывают подобными. Поэтому климатические заключения дендрохронологов вызывают у ряда ботаников справедливые критические замечания.

Что же касается использования структуры древесины в целях дендрохронологии для датировки деревянных сооружений и иных предметов, то вопрос этот решается значительно проще. В последнем случае исследователю нет необходимости устанавливать, какой именно фактор оказал угнетающее действие на рост, а важно, чтобы этот фактор имел не частное влияние на одно растение, а наиболее общее, широкое и в то же время тождественное на большинство деревьев. Так, недостаток воды, возникающий в некоторые годы при летней засухе, особенно сильно сказывается, конечно, на жизни деревьев, растущих в ксерофитных условиях. Однако сильная засуха может нарушить водный режим и у деревьев, растущих обычно в весьма благоприятных в этом отношении условиях. Характер и степень этих нарушений очень сильно зависят от почвы, подстилающей породы и рельефа. Недостаток воды в почве может быть вызван разными причинами. Самым распространенным и наиболее легко фиксируемым является небольшое количество осадков, выпавших в вегетационный период. Резкое снижение прироста может быть вызвано временным сильным повышением транспирации, превосходящей подачу воды из почвы к листьям. Такое явление можно наблюдать при кратковременной, но большой сухости воздуха, высокой

---

[1] Д. Н. Данилов. Влияние плодоношения на структуру годичного слоя у ели. Ботанический журнал, т. 38, № 3, 1953, стр. 367.

[2] W. Glock. Principles and Methods of Tree-Ring Analysis, Washington, 1937; O. A. Høeg. Growth-Ring Research in Norway. Tree-Ring Bulletin. 1956, т. 21, стр. 2; В. Е. Рудаков. Метод изучения влияния колебаний климата на толщину годичных колец деревьев. ДАН АрмССР. 1951, т. XIII, № 3.

его температуре и значительном ветре. В этом случае общее количество осадков, выпавших в течение года, может и не отличаться от осадков не суховейного года. Интенсивная транспирация нарушает водообмен между поступлением воды и ее расходованием, что обычно вызывает образование узких годичных слоев с хорошо развитой ранней древесиной и плохо развитой поздней. И, наконец, уменьшение уровня грунтовых вод, наступающее после продолжительной засухи, может привести к довольно длительному водному голоданию, в два—четыре, а иногда и большему числу лет. В последнем случае в стволе деревьев, если они сохранят свою жизнь, образуется довольно широкая зона узких годичных слоев, со слабо развитой поздней древесиной.

Влажность и температура воздуха — климатические факторы, имеющие весьма важное значение. Их действие на растения рассматривается обычно совместно. Говоря о влиянии низких температур почвы на деятельность камбия, следует различать сухие и влажные почвы. Влажные почвы оттаивают и прогреваются медленнее, чем сухие, и корни, обитающие в них, не только позднее пробуждаются, но и хуже поглощают воду, даже при ее избытке. Между тем известно, что пробуждение камбия связано не только с началом пробуждения почек, но и корней. Низкие температуры почвы приводят к сравительно более позднему началу образования древесины в вегетационный период и к более раннему прекращению камбиальной деятельности. Все это вызывает появление узких годичных слоев у деревьев, растущих на переувлажненных почвах.

Более существенное влияние оказывают иногда очень низкие, действующие продолжительное время температуры воздуха в зимнее время. При наступлении резких похолоданий деревья страдают от зимней засухи, вызываемой повышенной транспирацией. Влияние морозов может быть настолько значительным, что деревья не только уменьшают прирост по высоте и диаметру, но иногда даже и гибнут.

Неблагоприятно влияют на деревья поздневесенние внезапные заморозки, возникающие после потепления. Они особенно вредны тогда, когда растения после зимы уже тронулись в рост. Заморозки сильно уменьшают прирост или же иногда приводят к образованию двойных колец.

Нормальное годичное кольцо от удвоенного отличается тем, что последнее обычно развивается не по всей окружности ствола, а лишь на каком-либо участке. В отличие от настоящих, они имеют неясно выраженную границу. Такие удвоенные слои прироста иногда называют ложными годичными слоями. Помимо удвоения годичных слоев, иногда наблюдается их выпадение. Это явление встречается у угнетенных деревьев, получающих недостаточное воздушное или почвенное питание.

Для более полного освещения особенностей формирования структуры следует специально подчеркнуть, что на деятельность камбия (а значит и на сложение годичных слоев) оказывают влияние метеорологические условия не только вегетационного периода, в котором произошло образование древесины, но также и условия ряда предшествующих лет. Это вызывается тем, что деятельность камбия обусловливается не только ассимиляционной продуктивностью текущего года, но также количеством запасов, отложенных в предшествующие годы. Так, например, после холодного лета у деревьев, растущих во влажном климате, на следующий год могут образоваться узкие годичные слои даже в том случае, если метеорологические условия во время их отложения были вполне благоприятными. Аналогичное явление можно наблюдать и у деревьев, растущих на сухих или засоленных почвах. У деревьев, растущих на севере, оказывает влияние на прирост главным образом величина и характер изменений температуры воздуха и почвы, а у деревьев,

произрастающих на юге в ксерофитных условиях,— количество и распределение осадков.

Приведенные выше факты указывают на те трудности, которые приходится преодолевать дендроклиматологам при чтении летописи годичных колец для разгадки «истории» погоды и климата.

Что касается дендрохронологии, то, не пытаясь найти полностью причины, вызывающие появление тех или иных особенностей спектра годичных слоев, эта отрасль знаний разрешает сравнительно простую задачу. Однако и здесь все отклонения от нормы реакции, вызываемые различными причинами, иногда могут сужать объем достоверного материала и требуют тщательного изучения каждой модели для установления ее пригодности в построении дендрохронологических спектров и для определения границы района, в пределах которого можно пользоваться тем или иным спектром.

Кроме метеорологических факторов, воздействующих на сложение годичных слоев древесины, следует указать еще и на влияние затенения. Молодые деревья, развиваясь под пологом леса, испытывают угнетение, вызываемое недостатком света и питательных веществ почвы. В этот период жизни, который иногда может длиться несколько десятков лет, в стволе деревьев образуется зона очень узких годичных колец, а кульминация прироста возникает лишь тогда, когда происходит отмирание деревьев, создающих затенение.

Однако по характеру сложения годичных слоев, образованных в этот период, всегда можно отличить угнетение, вызванное затенением, от воздействий метеорологических особенностей того или иного года. Отличие заключается в том, что отрицательное влияние метеорологических факторов в благоприятных условиях роста носит сравнительно кратковременный характер и небольшая, в два-три слоя зона узких годичных колец чередуется с более или менее широкими периодами зон широких слоев. При затенении образуется широкая полоса, слагающаяся из узких слоев, затем наступает период кульминации прироста, т. е. ширина годичных слоев резко увеличивается, а затем с возрастом происходит постепенное падение их ширины.

Основными метеорологическими факторами, воздействующими на рост дерева, являются тепло, свет и влага. Климатические особенности того или иного года — обильные осадки или длительные засухи, сильные морозы или теплые зимы, низкие или высокие летние температуры — имеют не местное значение, а распространяются на довольно значительных территориях.

Как известно, климат и погода непосредственно связаны с солнечной активностью и циркуляцией атмосферы, и поэтому более или менее одинаковые метеорологические условия складываются на больших пространствах земного шара. Их влияние распространяется на значительные массивы лесов и широко фиксируется структурой древесины в тех или иных вариантах, в зависимости от других особенностей среды и биологических свойств того или иного дерева.

У деревьев, независимо от их возраста, т. е. и у старого, и у молодого, под воздействием прежде всего особенностей погоды ежегодно образуются или узкие, или средние, или широкие годичные слои. Эти понятия становятся относительно сопоставимыми, если годичные кольца данного дерева сравнивать с предшествующими и последующими слоями, а так как экологические и биологические факторы, и прежде всего условия, угнетающие дерево, действуют на значительных площадях, то у разных деревьев, произраставших какой-то период в одно и то же время, колебания роста за этот отрезок времени будут совпадать. Действие условий, угнетающих рост растения, бывает более универсальным и более всеобщим по сравнению с факторами, благоприятствующими ему. Поэтому для дендрохронологических исследований особенно важно фик-

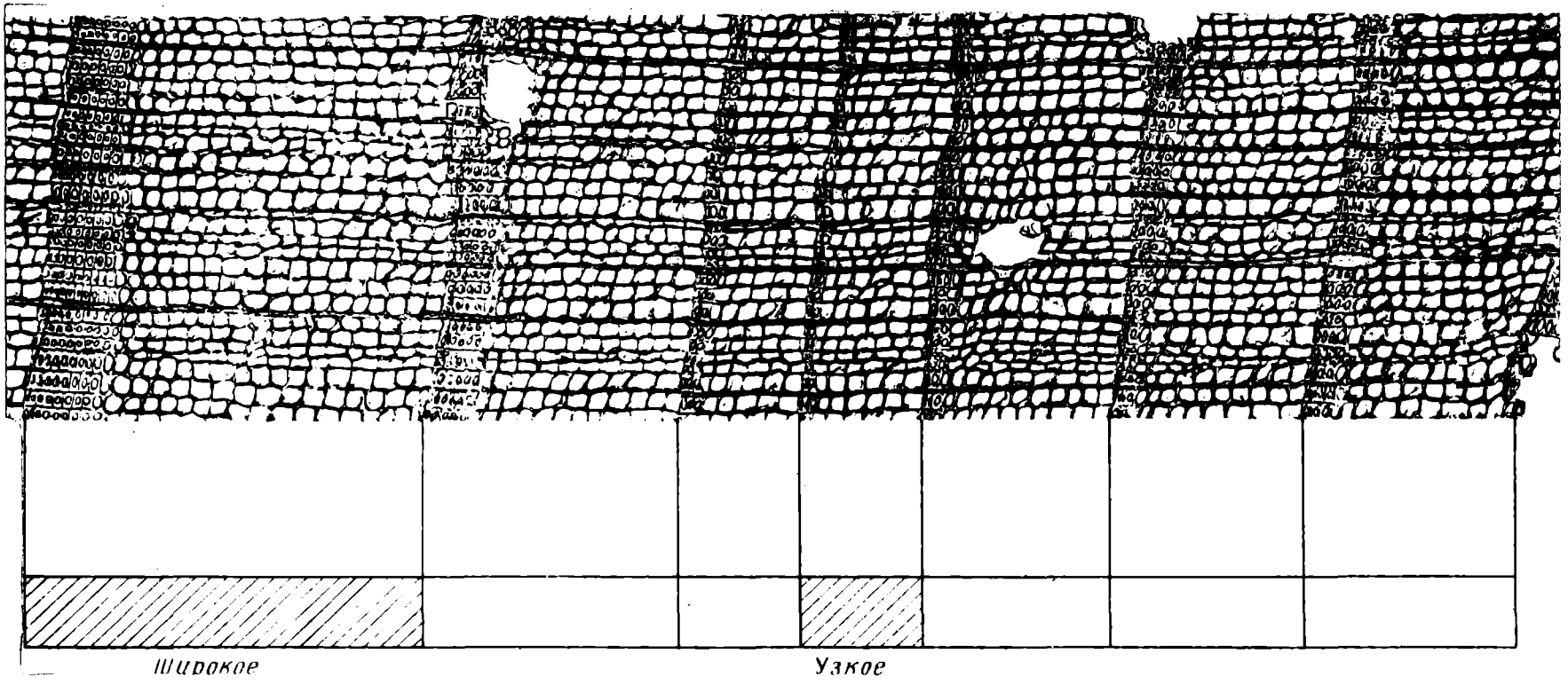


Рис. 1. Микроструктура годичных колец сосны XIV в. (Увеличение ×80)

сировать действие наиболее всеобщих факторов, вызывающих угнетение роста, т. е. образование более узких годичных слоев.

В дальнейшем мы должны исследовать и учитывать в кривых роста только тонкие угнетенные кольца. Эти кольца в жизни дерева, а следовательно, и на графике роста повторяются с разной степенью значимости (очень узкие, узкие, и т. д.), через какие-то интервалы времени и составляют определенные циклы с разными ритмами тонких колец для данного дерева, для группы деревьев и для значительных массивов леса на довольно широкой площади. Над цикличностью угнетений, т. е. ритмом колебаний графиков годичных колец, работали и работают в настоящее время довольно большое количество дендрохронологов, которые в основном решают вопросы климатологии [3].

Стараясь расшифровать несомненно существующую связь между ростом годичных слоев и климатом (в основном осадками и температурой), а также и циклами солнечной радиации (т. е. циклами пятен на солнце), дендрохронологи выделяют на стандартных осредненных кривых роста циклы в 11,4, 14, 20, 35 лет и т. п. [4] и пытаются их связать с циклами пятен на солнце, которые колеблются в пределах от 5,6 до 19,9 лет, а в среднем — около 11,4 года. На разборе этих исследований мы в настоящем очерке останавливаться не будем, так как это — тема большой специальной работы, заметим лишь, что какой-либо закономерности повторения циклов с одинаковым ритмом не существует. Всегда в том или ином цикле, большом или малом (а в Новгороде [5], например, они будут составлять периоды в 63, 56, 29 и другие ряды лет) появляются внутри цикла какие-то локальные значительные варианты, которые делают их непохожими друг на друга, и которые ни через 100, ни даже через 500 лет не повторяются.

В связи с этим необходимо остановиться на вопросе надежности сопоставлений циклов, т. е. их тождественности на разных деревьях. Если мы сравниваем два разных дерева совершенно неизвестного происхождения, то нам необходимо, чтобы сопоставимая часть кривой или спектра имела интервал времени не менее 50—60 лет. Тогда мы можем сказать определенно, что эти деревья синхронны или нет (мы исключаем случай очень редких аномалий, при которых вообще какие-либо сопоставления невозможны). Если мы накладываем образец на существующий многовековый график роста колец и нам нужно определить время его рубки, то и в таком случае возраст образца тоже должен быть не менее 50—60 лет, а чем больше, тем лучше. Но если этот образец найден в группе с другими синхронными ему деревьями, тогда этот период времени для накладывания можно сократить до 20—30 лет. Случаи такого сопоставления, и очень убедительные, мы увидим ниже.

Метод дендрохронологического сопоставления очень прост и всегда выражается наглядно — графиками или спектрами. Мы покажем это на рис. 2 и 3.

На рис. 2 приведен пример последовательного сопоставления трех моделей — *А*, *Б* и *В*. На модель *В* мы накладываем модель *Б*. График роста годичных колец *Б* (о принципах построения графиков мы скажем ниже) очень убедительно накладывается на график *В*. Между внешними кольцами (они располагаются в левой части графиков) *В* и *Б* выявляется разница в 21 кольцо, т. е. в 21 год. То же самое можно проделать и с графиком модели *А*. Он также убедительно наложился на график

---

[3] Douglass. Climatic Cycles and Tree Growth, тт. I, III, Washington, 1919—1936; E. Schulman. Dendrochronologies in Southwestern Canada. Tree-Ring Bulletin, 1947, т. 13; О. А. Høeg. Ук. соч., стр. 14; A. Ording. Arringanalyser pa gran og furu. Meddelelser Norske Skogforsoksvesen, 1941, N 7 (25), Oslo, стр. 227.

[4] W. Glock. Ук. соч., стр. 78.

[5] См. статью Б. А. Колчина «Дендрохронология Новгорода» в настоящем номере журнала, стр. 113—138.

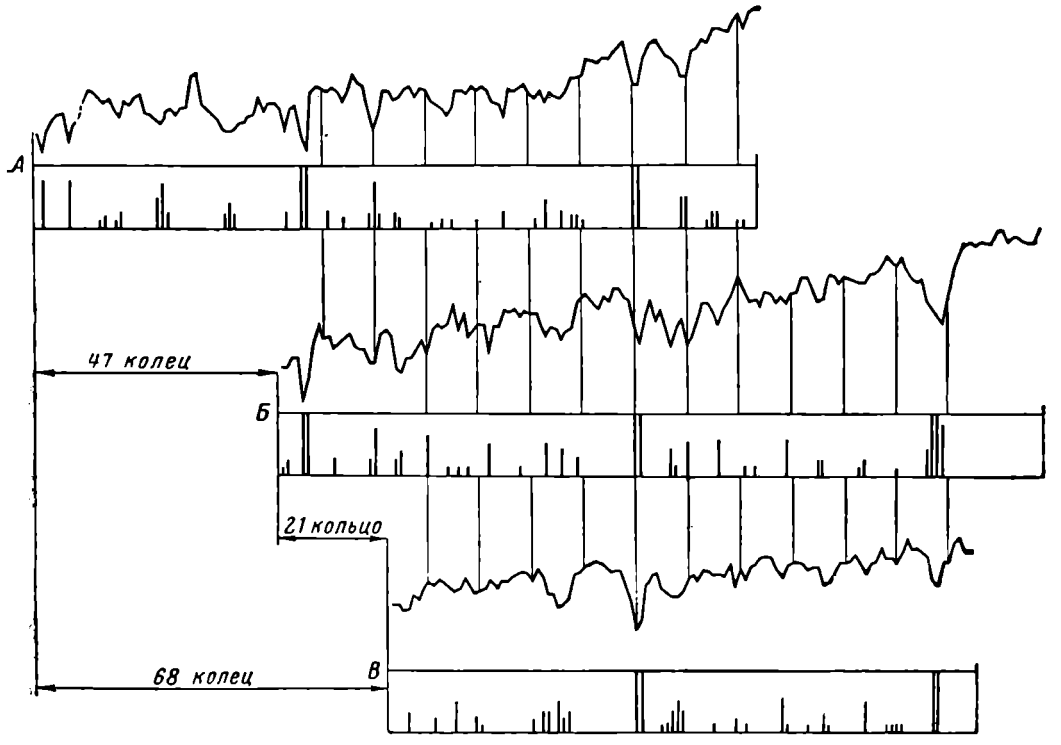


Рис. 2. Сопоставление графиков роста и определение относительного возраста

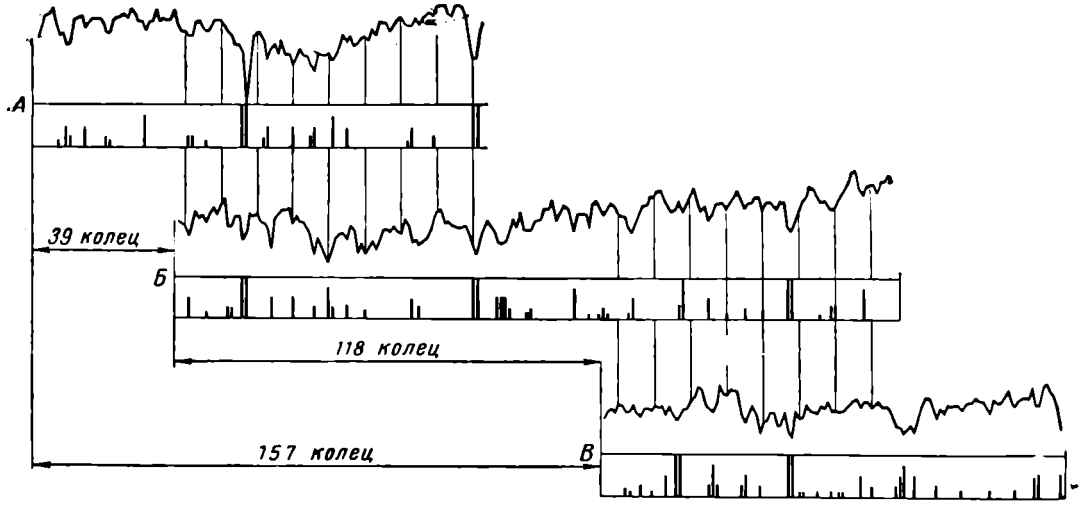


Рис. 3. Сопоставление графиков роста и определение относительного возраста. (Дерево А выросло после дерева В)

и дал разницу лет в 47 колец, т. е. дерево *А* было срублено позже дерева *Б* на 47 лет, а дерево *В* — на 68 лет. На рис. 3 приведен случай сопоставления моделей *А* и *В*, которые хронологически не накладываются друг на друга. Используем промежуточную модель *Б*. Сопряжение в 70 лет между моделями *В* и *Б* вполне достаточно, чтобы надежно привязать *В* к внешнему кольцу *Б*. Разница в годах рана 118 лет. Сопоставление *Б* с *А* также дало наглядный ритм одинаковых угнетений и тем самым привязку *А* к *Б*. Разница в годах составила 39 колец. Таким образом, мы можем сказать, что образец *А* рубился после образца *В* через 157 лет. Разобранный нами пример дает относительную

хронологию. В том же случае, если бы одна из изученных моделей имела календарную дату рубки, то другие модели получили бы абсолютные даты рубки.

При дендрохронологических сопоставлениях и определении года рубки данного бревна решающее значение имеют выявление последнего, наружного годичного слоя, слоя, возникающего в последний вегетационный период жизни растения. Если дендроклиматологи, имеющие дело со свежесрубленными отрезками ствола, в своей работе не испытывают в этом отношении затруднения, то археологам часто придется решать трудную задачу. При неправильном определении последнего слоя в хронологической дате может возникнуть ошибка.

К наружному годичному слою древесины у каждого дерева примыкает очень тонкий, нежный, незаметный простым глазом слой камбия, а последний — к коре. Если кора у бревен опадает (что происходит при разрушении камбия), то создается весьма характерная гладкая боковая поверхность бревен или их части и четкая окружность последнего годичного слоя на торцовом разрезе. Если такая поверхность занимает большую долю окружности ствола и нет признаков отлупа, то можно с большой уверенностью считать, что именно эта поверхность является поверхностью последнего годичного слоя.

При хорошей сохранности древесины возможно определить и время (период) года рубок деревьев. Если последний годичный слой сформирован из ранней и поздней древесины, то рубка дерева была произведена после окончания годичного прироста — поздней осенью, зимой или ранней весной. Если же годичный слой обрывается лишь ранней древесиной, то дерево рубили весной или в первую половину лета.

Однако у деревьев, пролежавших длительное время в земле или подвергшихся некоторому разрушению, не всегда сразу возможно точно определить присутствие действительно последнего слоя, образованного в последний вегетационный период. В этом отношении могут оказать помощь некоторые побочные признаки. К таким признакам можно отнести поражение древесины короедами и жуками-дровосеками, которые создают весьма характерные признаки на боковой поверхности бревен.

Обычно большинство видов короедов и личинок жуков развиваются под корой срубленной древесины или больных (ослабленных) деревьев, сухостоев. Короеды протачивают ходы в лубе и частично нарушают целостность последнего годичного слоя (рис. 4.). Рисунки на поверхности древесины бревен, оставленные короедами, являются верным признаком последнего годичного слоя. Короеды, как правило, заселяют бревна в первое лето после рубки деревьев.

К аналогичным признакам возможно отнести также и поражение древесины некоторыми личинками жуков-дровосеков. Самки жуков после спаривания откладывают под кору срубленных, ослабленных или погибших деревьев яички, из которых образуются личинки. Личинки большинства жуков первое время развиваются под корой выедая крупные участки коры и древесины, а затем к зиме углубляются в ствол. Там они проделывают глубокие ходы круглого или овального сечения, различной формы в зависимости от вида жуков и положения дерева (стоячее, лежачее). Личинки крупных жуков развиваются в древесине в течение двух, трех, иногда четырех-пяти лет. Рисунок, образуемый на поверхности бревен ходами личинок, может также служить критерием для определения наружного годичного слоя.

В дендрохронологии при датировке сооружений иногда приходится решать вопрос, сколько времени пролежало бревно после рубки, прежде чем оно было использовано для постройки.

В том случае, если отсутствует поражение древесины насекомыми, можно сказать, что бревна на летний период не оставлялись в лесу или ином месте, а шли в употребление или же окаривались.

Отсутствие повреждений личинками жуков дает основание предполагать, что древесина для построек использовалась в год ее рубок, во всяком случае не лежала в коре в летнее время.

Некоторые жуки-дровосеки повреждают окоренную древесину и древесину в постройках. Однако характер повреждений, нанесенных этими жуками, отличается от повреждений древесины жуками, личинки которых вначале развиваются под корой. Специалист-энтомолог по виду повреждения всегда может определить его характер.

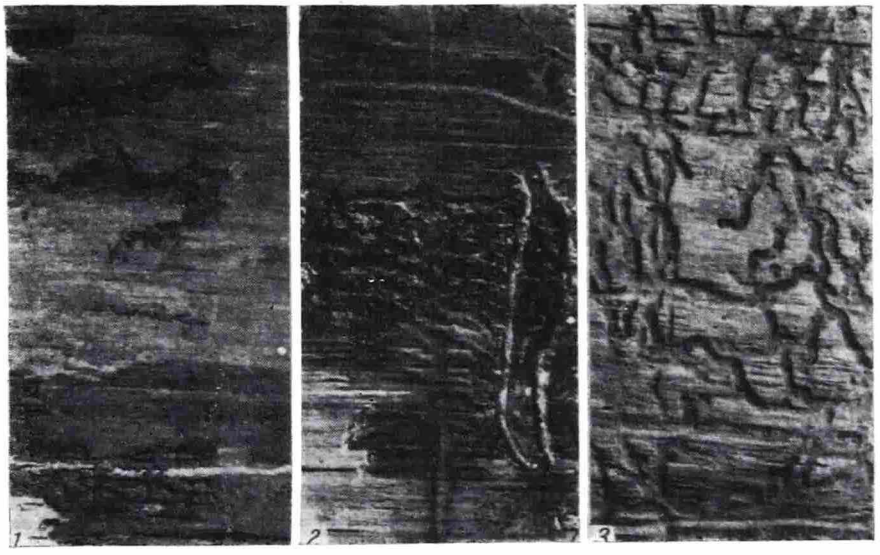


Рис. 4. Вид внешнего последнего годичного кольца

1 — гладкая поверхность после опадения коры; *2*, *3* — ходы короедов

Методику дендрохронологического анализа лучше всего изложить в ее лабораторной последовательности. Для замера ширины годичного слоя поверхность образца-модели необходимо соответственно подготовить, т. е. на ней сделать торцовую гладкую, с чистым срезом площадку. Поверхность археологического образца лучше обрабатывать во влажном состоянии специальным рубанком. Рубанок должен иметь угол резания примерно в 30° и специальное косое лезвие. Срез получается достаточно чистый, на нем хорошо видны кольца. Иногда, в особенности в заболони, хороший срез может не удасться и поэтому приходится его доводить бритвой (лезвием от безопасной бритвы). Иногда, если кольца плохо читаются, в особенности в заболони, на поверхность нужно наносить воду, керосин или белую краску. После смазывания образца краской она тотчас стирается, но некоторая ее часть остается в клетках и делает их более четкими.

Замеры колец лучше всего выполнять на стереоскопическом микроскопе МБС-2. Работу вести при увеличении ×20. На шкале окуляра имеются деления с ценой в 50 микрон. Замеры ширины кольца на одной модели необходимо проводить по двум радиусам, расположенным в диаметральном направлении. Заметим, что по двум радиусам делают замеры большинство дендрохронологов мира. Это необходимо, во-первых, потому, что измерение по двум радиусам дает более достоверную ширину годичного прироста, исключая возможные аномалии в тех или иных участках кольца, и, во-вторых, два ряда замеров обеспечивают возможность сравнения и взаимной проверки, когда размеры сильно разнятся. При замерах нужно выбирать ту часть поверхности шлифа, на которой спокойно располагаются наиболее характерные для этого образца слои. Замер начинается с внешнего кольца и идет от периферии к ядру. Кольцом № 1 всегда будет последнее внешнее кольцо. В связи с этим

у графиков роста и спектров угнетений древняя часть, т. е. начало роста дерева, находится справа, а более молодая часть — слева.

Данные замеры лучше всего наносить в таблицу, которая имеет следующие графы (табл.).

На каждый образец составляется одна такая таблица. Строк в ней столько, сколько будет колец на образце.

Таблица

№№ кольца	Радиус 1		Радиус 2		Сумма двух радиусов
	Кол-во делений на шкале	Размер (в *мм*)	Кол-во делений на шкале	Размер (в *мм*)	
1	19	0,95	18	0,90	1,85
2	10	0,50	11	0,55	1,05
3	3	0,15	4	0,20	0,35
4	6	0,30	6	0,30	0,60
5	14	0,70	13	0,65	1,35

Следующим этапом дендрохронологического исследования является составление графика роста, на котором должны быть показаны последовательно, по годам, колебания ширины годичных слоев. В этой области дендрохронологии нет еще единого общепринятого метода и почти каждый ищет свой способ составления наиболее целесообразного выражения закономерностей этих колебаний. Для целей климатологии (а почти все дендрохронологи работают над вопросами климатологии) в кривых роста необходимо, во-первых, освободиться от влияния на ширину кольца возраста дерева и, во-вторых, создать серии усредненных кривых роста, которые показывали бы общие закономерности колебаний климата. Поэтому были предложены десятки методов по внесению поправок на возраст и выработки стандартов серий. Историографией этих методов мы заниматься не будем, так как это заняло бы многие десятки страниц, но заметим, что при поисках метода мы применяли многие из них, и в особенности методы по внесению поправок в кривые в связи с возрастом. Сначала мы применили наиболее старый, но используемый сейчас многими климатологами метод, впервые предложенный А. Дугласом [6]. Он заключается в том, что данные измерений наносятся на график, затем через среднюю линию кривой проводят стандартную линию (она всегда кривая), которая затем выпрямляется, после чего график становится прямым и горизонтальным. Этот метод — наиболее простой, но содержит все же множество субъективных элементов и довольно трудоемок.

Особенно много методов было предложено норвежскими дендрохронологами А. Ордингом [7], Т. Руденом [8] и Н. Эйдемом [9]. В основном эти методы, взятые из вычислительной математики в разных вариантах, давали численную оценку кольца в сравнении с серией в 10, 30 и даже всей суммы колец данного образца. Значения вычислялись по сложным формулам и для массовых работ практически были неприемлемыми.

В поисках сложных формул для возрастных поправок участвовали и советские климатологи, работающие в области дендрохронологии. Несколько математических способов вычисления значения годичного кольца было предложено В. Е. Рудаковым. В последней своей работе

---

[6] A. Douglass. Ук. соч., т. I, стр. 136.

[7] A. Ording. Ук. соч.

[8] T. Ruden. En vurdering av anvendte arbeidsmetoderinen trekronologi og arringanalyse. Meddelelser Norske Skogforsoksvesen. Oslo, 1945, N 9, 231.

[9] P. Eidem. Om svingninger i tikkelsestilveksten... Meddelelser Norske Skogforseksveseri, Oslo, 1953, N 12, стр. 85.

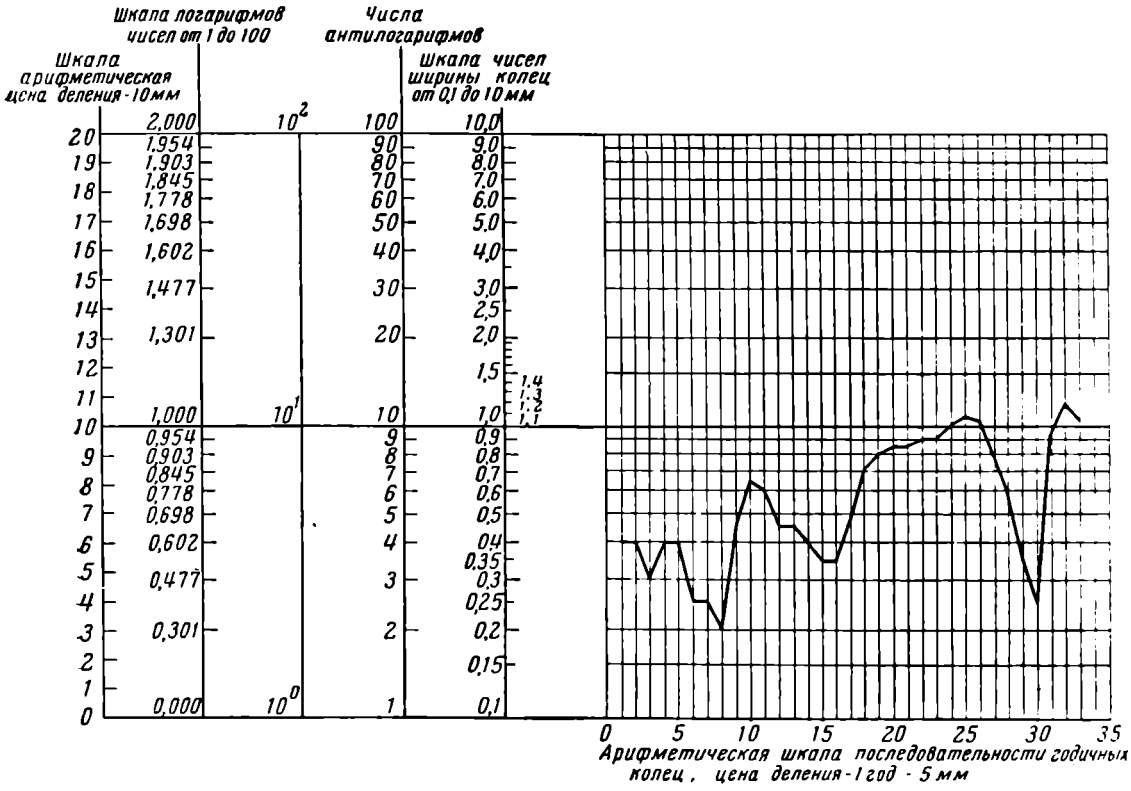


Рис. 5. Полулогарифмическая диаграмма

он предложил модульный коэффициент годичного прироста определить по формуле.

$$M = \frac{a}{b} \cdot 100$$

где a — величина текущего годичного прироста; b — величина вычисляемого скользящего и среднего периодического прироста за 100 лет, охватываемых формулой, примененной для его вычисления [10]. Эта сложная и очень трудоемкая методика вычисления возрастных поправок нами также принята не была.

В итоге поисков мы остановились на методе, предложенном еще в 1942 г. немецким ботаником Б. Хубером [11]. Этот метод, хорошо известный в номографии, заключался в применении полулогарифмических диаграмм. В номографии считается, что полулогарифмическая диаграмма является наилучшей для изображения относительного изменения величин и сопоставления значений, трудно сравнимых или даже несравнимых, когда они выражены абсолютными величинами.

Полулогарифмическая диаграмма строится следующим путем (рис. 5). На ось абсцисс наносятся в обычной арифметической последовательности слева направо годы (в наших диаграммах на каждый год мы отводили 5 *мм*), а на ось ординат наносятся логарифмы толщин колец, выраженных в миллиметрах. Замер толщин колец начинался, как мы говорили, с внешнего, хронологически более молодого кольца бревна, поэтому на диаграмме старшие кольца располагаются справа, а младшие — слева.

Полулогарифмические графики оказались для нас очень удобными, так как в графическом выражении мы стали независимыми от абсолютной

[10] В. Е. Рудаков. О методе изучения влияния колебаний климата на ширину годичных колец дерева. Ботанический журнал, т. 43, 1958, № 12, стр. 1708.

[11] B. Huber und W. Holdheide. Jahrringchronologische Untersuchungen an Holzern der bronzezeitlichen Berichte Deutscher Botanischen Gesellschaft, т. X, тетр. 5, 1942.

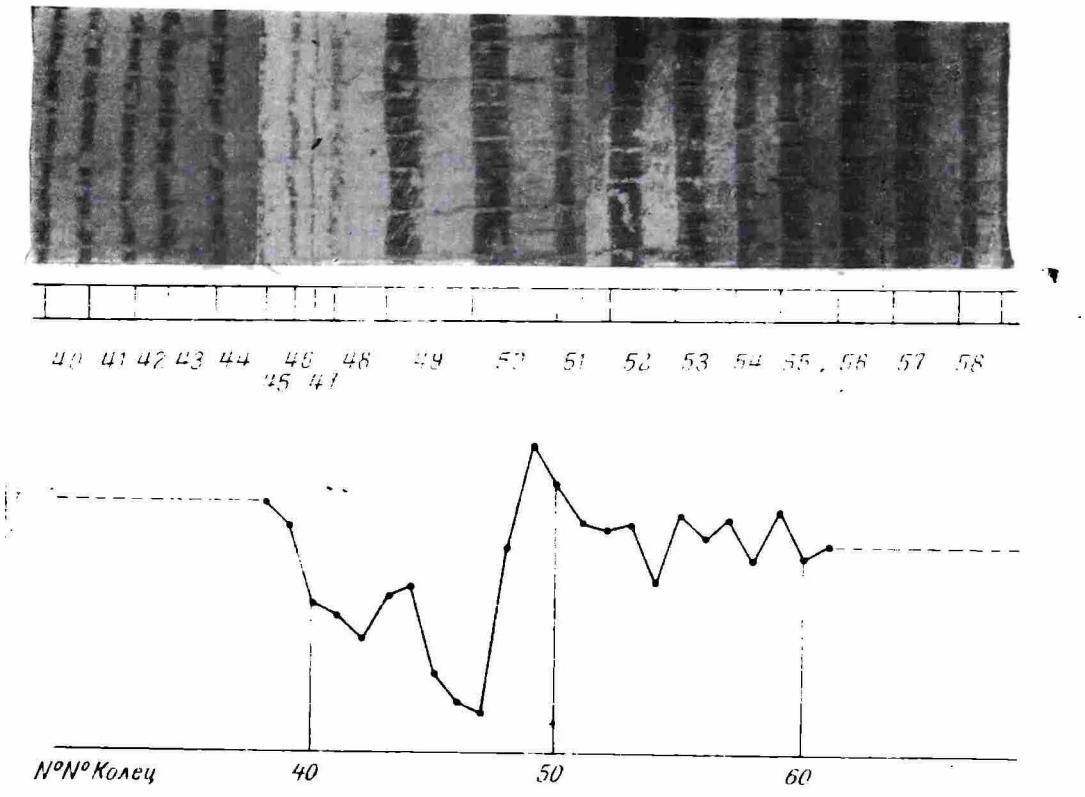


Рис. 6. Макрофотография годичных колец сосны XIII в. и график роста этих же колец (Сильно выделяются угнетенные кольца №№ 46 и 47)

величины кольца, а в то же время кольца остались относительно сопоставимыми. Кроме того, очень важно то, что для наших сопоставлений определяющими являются угнетенные кольца, т. е. минимальные значения, и именно они-то на полулогарифмических кривых выделяются энергично, а широкие кольца, т. е. максимумы, сжимаются (рис. 6). Кроме этого, полулогарифмические диаграммы нам почти выпрямляли биологическую кривую роста, а это особенно важно тогда, когда приходится сопоставлять отрезки колец старого и молодого дерева (рис. 7).

Кроме того, полулогарифмические графики удобны в исполнении. Для графических работ предварительно вычерчивается болванка, у которой на оси ординат нанесена шкала чисел ширины колец в абсолютных миллиметровых выражениях. Беря соответствующий год на оси абсцисс, мы сразу получаем по абсолютному размеру кольца уже логарифм, а следовательно, и точку на кривой.

Для проверки методической универсальности полулогарифмического графика мы после того, как была установлена абсолютная шкала, собрали на одной таблице графические выражения довольно энергичного угнетения 1283 и 1284 гг. Угнетение этих двух лет было отмечено на всех деревьях (в Новгородской коллекции их 162) независимо от их возраста. т. е. у молодых и старых. На рис. 8 мы видим, что кривая колебаний колец у деревьев в 10, 20, 30 лет и у старых деревьев, в возрасте свыше 100 лет, выражена одноти пно и сопоставимо. Это в дендрохронологии очень важно.

Попутно следует отметить и другой важный вывод, вытекающий из этого рисунка. Он подтверждает наше положение о всеобщем действии факторов, угнетающих рост растений не только независимо от территории, но и независимо от возраста дерева.

Отдельные графики роста годичных колец для дальнейшей с ними работы в любой области необходимо как-то выразить более обобщенно.

Климатологи для этого создают стандартные кривые (получается кривая роста не существовавшего в природе дерева), используя для создания этих усредненных показателей методы корреляции [12].

Такие стандартные кривые роста (они составляются по сериям и районам) для наших целей не нужны. Но нам все же нужен какой-то эталон угнетений, с которым мы могли бы сравнивать угнетение всех изученных нами деревьев.

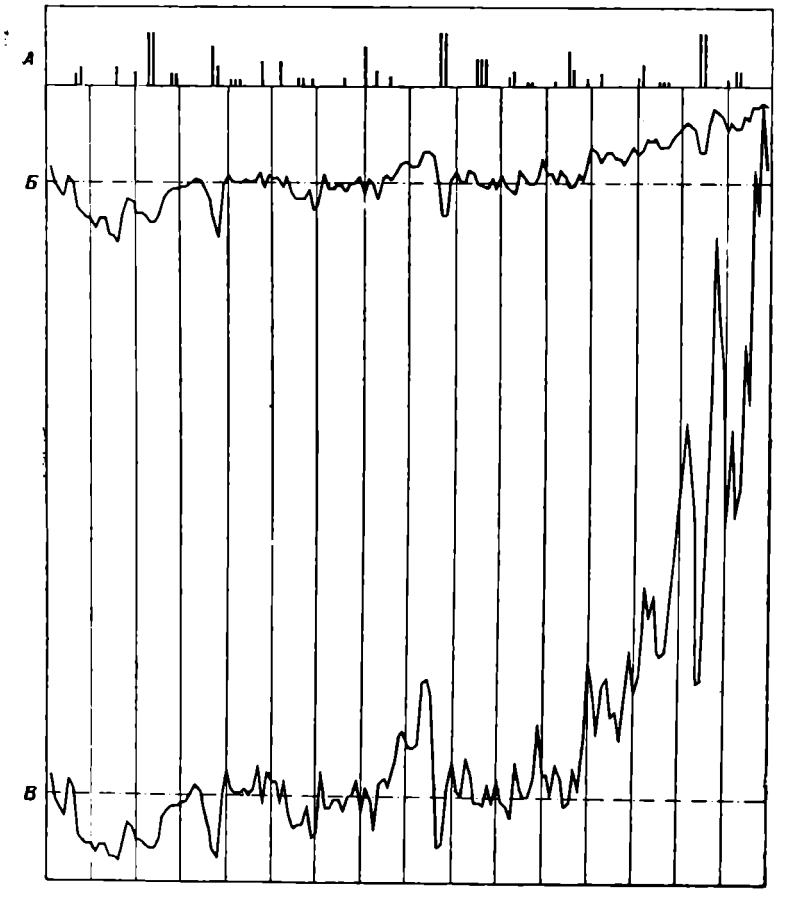


Рис. 7. Сопоставление спектра и графиков роста

А — спектр угнетений; *Б* — график колебаний годичных колец полулогарифмический; *В* — тот же график в абсолютных величинах

Наиболее выразительным, универсальным и простым для нашей цели мы выбрали спектр угнетений. Такой спектр был предложен В. Глоком в его книге «Принципы и методы анализа годовых колец» [13]. Глок, назвав этот спектр скелетным графиком, предложил его применять вместо кривых роста колец. Непосредственно, по числовым таблицам составляется такой спектр, в котором отмечаются на соответствующих графах лет узкие кольца в виде линий в относительных масштабах — чем у́же кольцо, тем длиннее линия.

Подобный скелетный график мы взяли в основу нашего спектра угнетений. Но, в отличие от Глока, этот спектр должен составляться на основании всех изучаемых графиков роста, и в нем должны фиксироваться лишь угнетения, которые повторяются десятки и сотни раз на всех графиках. Масштаб линий в спектре должен отражать два значения: пер-

[12] O. A. Høeg. Ук. соч., стр. 6; T. Slastad. Tree-Ring Analyses in Gudbrandsdalen, Meddelelser Norske Skogforsoksvesen, Oslo, 1957, N 48, стр. 577.

[13] W. Glock, Ук. соч., стр. 16.

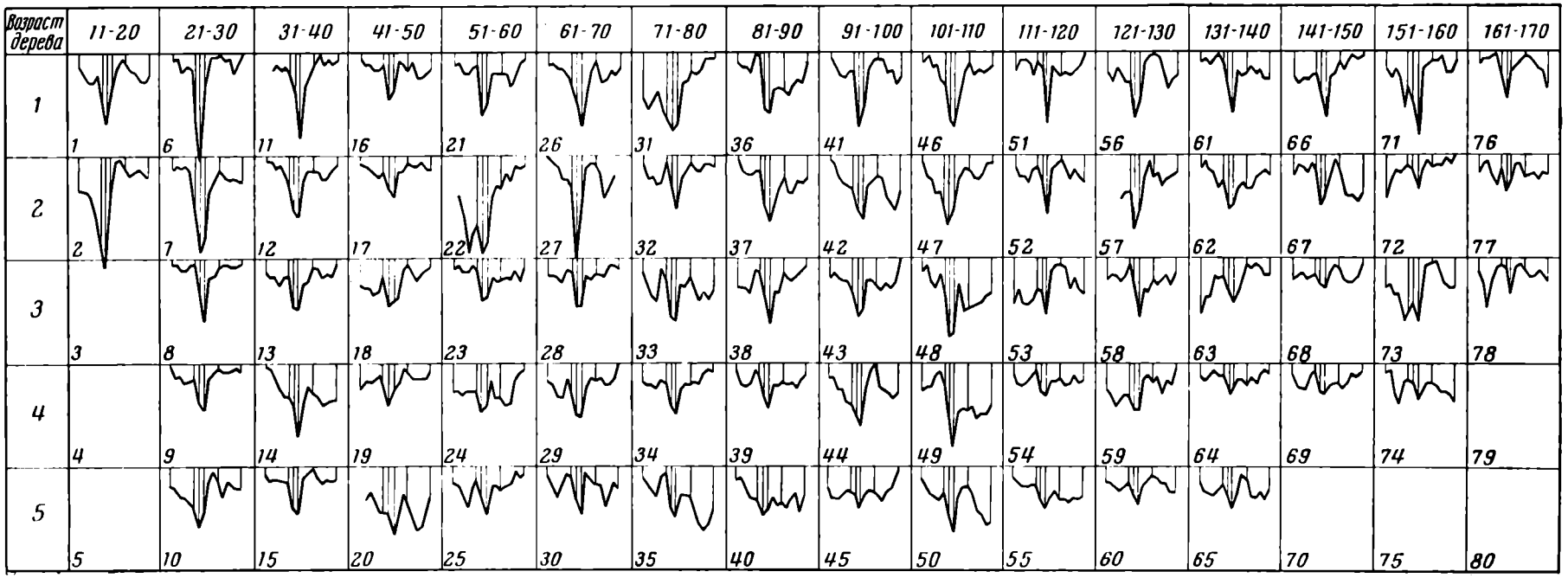


Рис. 8. Сопоставление угнетений в разные возрасты дерева. (Дано одно угнетение 1283 и 1284 гг.)

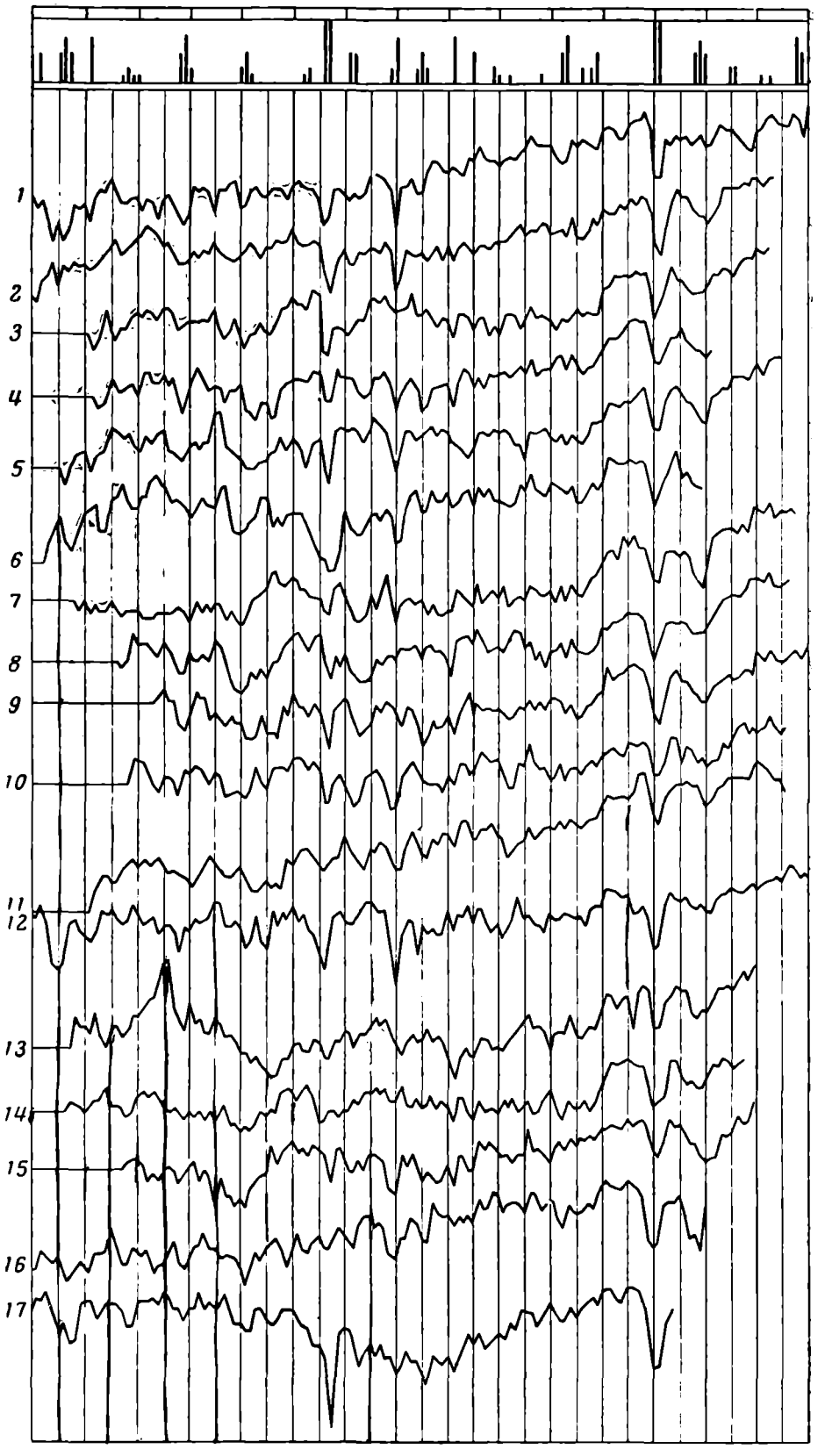


Рис. 9. Таблица графиков роста разных деревьев с разным возрастом (XIII в.) и спектр угнетений этих графиков

вое — это повторяемость данного угнетения и второе — относительная величина этого угнетения. При максимальном сочетании этих значений, т. е. большое угнетение и наличие его абсолютно на всех соответствующих графиках, на спектр наносилась 100%-ная жирная линия. В зависимости от изменений этих значений линия спектра уменьшалась в пропорциях $^3/_4$, $^1/_2$, $^1/_4$ и $^1/_8$.

Как показала наша последующая работа с помощью такого спектра определение года рубки любого бревна, на которое составлен график роста, занимает несколько минут. Такой спектр может явиться универсальным шаблоном для быстрого определения календарной даты рубки любого бревна, после замера на нем величины колец. Связь спектра угнетений с графиком роста колец можно проследить на рис. 9.

Важным методическим вопросом является возможность фиксации у образца двойных колец (или иначе — ложных), а также фиксация выпавших колец. Подобные кольца встречаются чаще у лиственных пород, но иногда, очень редко, и у хвойных. Двойные кольца могут образоваться у деревьев, у которых в течение вегетационного периода совершенно приостановится на некоторое время рост. Наиболее типичным случаем являются сильные весенние заморозки. Выпадение годичных слоев встречается у угнетенных деревьев, которые получают недостаточное почвенное или воздушное питание. Это чаще всего бывает у подроста. Удвоение и выпадение годичных слоев реже встречается в стволе деревьев, а чаще — в корнях и ветвях. Об этом нужно всегда помнить, когда дендрохронолог работает на единичных моделях, и при этом на одном срезе. В таком случае не исключена возможность ошибки. Можно принять двойное кольцо за кольца двух лет, а выпавшее кольцо просто пропустить, не засчитав года. Все это легко преодолевается, когда исследователь имеет дело с массовым материалом. При десятках моделей, не говоря о сотнях и тысячах, при перекрестной привязке образцов эти кольца очень легко выявляются.

Археологи имеют дело с очень сухим или с очень мокрым деревом. Коллекция дерева, с которой мы работали, была на раскопе вскрыта мокрой. В течение нескольких месяцев она естественным путем высыхала. Дендрохронологи за время работы лаборатории делали замеры и на мокрой, и на сухой древесине. Вполне естественно возник вопрос, деформируется ли и каким образом за время сушки древесина образцов. Поставленные нами несколько опытов, а именно замеры образца в мокром состоянии, когда его только что вынули из раскопа, и замеры этого же образца через год, когда он стал совершенно сухим, показали, что относительная величина всех годичных слоев сохранилась и графики роста обоих замеров абсолютно совпали.

Итак, наш метод дендрохронологического анализа, значительно упрощенный по сравнению с многими методами дендроклиматологов, может обеспечить нам составление надежной дендрохронологической шкалы.

Б. А. КОЛЧИН

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ НОВГОРОДА

Наше исследование дендрохронологии Новгорода проведено на образцах (моделях) археологической коллекции дерева, собранной Новгородской экспедицией на Неревском раскопе в 1959—1960 гг. Частично в эту коллекцию вошли и находки предшествующих лет.

В Новгородской земле прекрасно сохранились до наших дней деревянные дома и иные постройки X—XV вв., предметы и вещи, сделанные из дерева, кожи, тканей, войлока, а также плоды, злаки и т. п. Дерево сохраняется в таком хорошем состоянии, что многими изделиями из него можно пользоваться и сейчас. А древесина больших сооружений, например, мостовых улиц или домов, сделанных из сосны или ели, даже сохраняет цвет и запах. Хорошая сохранность органических остатков в новгородском культурном слое объясняется повышенной влажностью почвы. Влажность дерева в зависимости от глубины залегания колеблется от 200 до 400%.

В раскопочные сезоны 1959 и 1960 гг. лаборатория дендрохронологии [1] провела сплошной сбор образцов от всех деревянных сооружений, вскрытых на раскопах XXVIII, XXIX, и XXX. Кроме того, были заложены специальные дендрохронологические раскопы на объектах, которые территориально не входили в площади раскопов (рис. 1). Это были южный участок Великой улицы (раскоп В), восточный участок Кузьмодемьянской улицы (раскоп К), северо-западный участок Холопьей улицы (раскоп Х).

Кроме того, были взяты спилы с плах мостовых Кузьмодемьянской улицы в котловане строительства здания универмага (шурф Б). Место взятия спилов отстояло на восток от перекрестка Кузьмодемьянской улицы с Великой на расстоянии 40 *м*.

Раскопы XXVIII, XXIX и XXX Неревского конца, вскрывавшиеся в 1959—1960 гг., представляли собой участок, размером по линии восток — запад 26 *м* и по линии север — юг — 40 *м* (на раскопе XXVIII — 42 *м*). Таким образом, вскрывалась площадь в 1060 $м^2$. В северной стороне участка располагалась мостовая Кузьмодемьянской улицы, протяженностью 25 *м*. На этой площади была вскрыта большая масса деревянных сооружений в виде домов, служебных построек, деревянных настилов улицы, заборов, дворовых вымосток и других деревянных конструкций.

Раскоп В был заложен в 1959 г. специально для получения образцов древесины настила мостовой Великой улицы. Он примыкал к южному участку Великой улицы и имел размеры по линии восток — запад 8 *м* и по линии север — юг 2 *м*. Культурный слой вскрывался поярусно, и настилы мостовых улицы легко привязывались к ярусам настилов Вели-

[1] В работе лаборатории дендрохронологии Института археологии АН СССР, созданной весной 1959 г., приняли участие дендролог Л. Н. Солнцева, археолог Н. Б. Черных, анатомы высших растений Е. В. Гончарова и В. Т. Крутчинский. Пользуюсь случаем принести им всем глубокую благодарность.

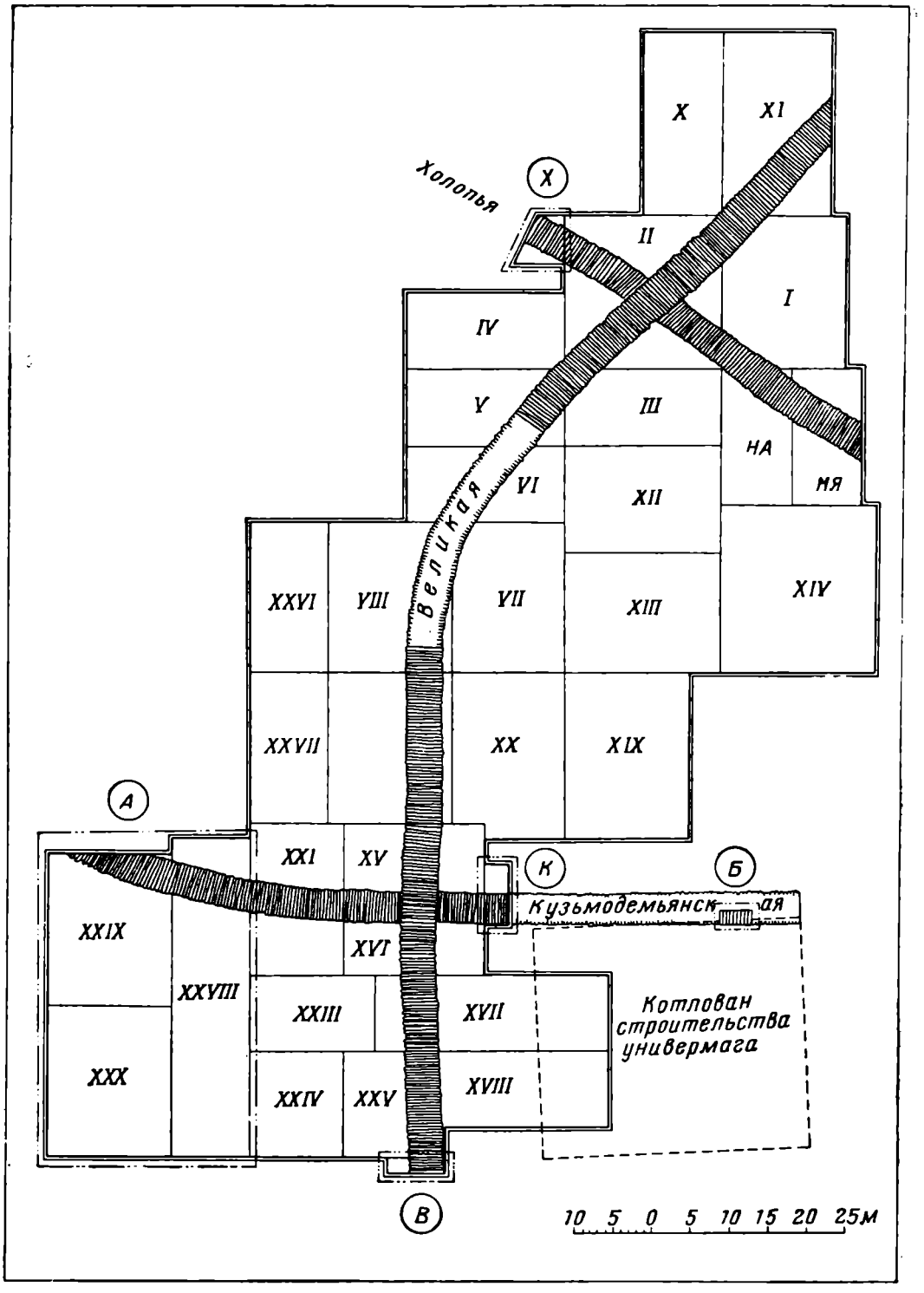


Рис. 1. План Неревского раскопа (буквами обозначены раскопы, с которых взяты образцы для дендрохронологического исследования)

кой улицы, вскрытой на раскопе XXV. Вскрытие раскопа В велось до материка.

Раскоп К захватывал участок Кузьмодемьянской улицы, расположенный на восток от перекрестка, и примыкал непосредственно к торцу мостовых улицы. Размеры раскопа 8 × 3 *м*. Задача заключалась в получении образцов дерева от мостовой участка Кузьмодемьянской улицы, идущего

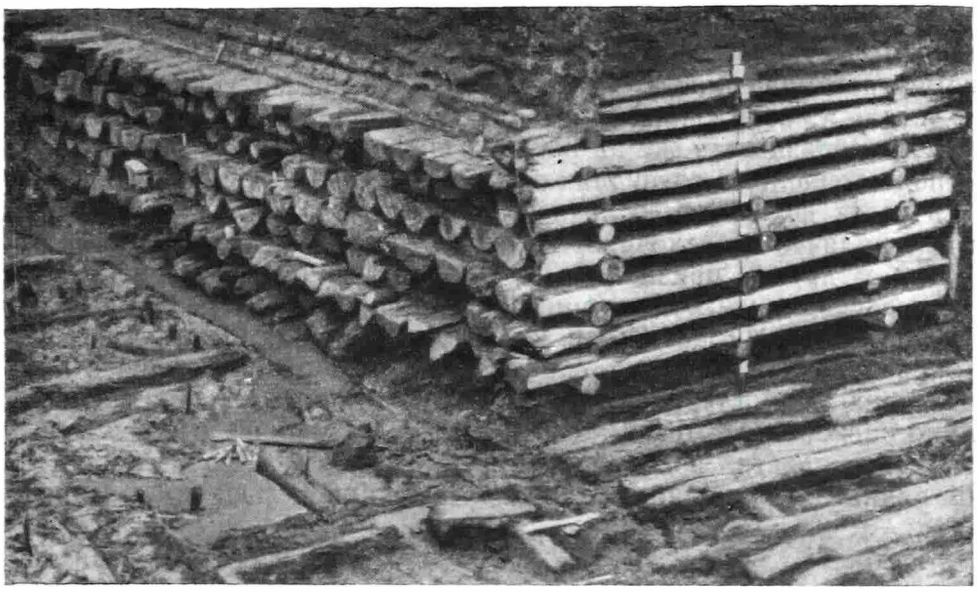


Рис. 2. Профили торца и разреза мостовой Великой улицы. Видны настилы мостовых, лежащих одна непосредственно на другой

от перекрестка с Великой улицей к р. Волхов. Культурный слой вскрывался поярусно. Вскрытие слоя велось до материка. Мостовые улицы по отметкам и другим признакам очень легко привязывались к тем или иным ярусам Кузьмодемьянской улицы раскопа XVI.

Раскоп X примыкал к северо-западному углу раскопа II и захватил участок продолжения Холопьей улицы. Его задача заключалась в получении образцов плах и лаг настила Холопьей улицы. Привязаться к ярусам мостовых раскопа II было довольно легко. Размеры этого раскопа были 4 × 4 *м*. Вскрытие велось поярусно, до материка. Основную массу спилов от бревен и плах дали раскопы XXVIII, XXIX и XXX. Для нижних ярусов много древесины дали раскопы К и X.

В нашей статье мы рассмотрим только абсолютную хронологию мостовых улиц, т. е. календарные даты их последовательной смены, что необходимо нам для установления хронологии ярусов. Но при составлении относительной дендрохронологической шкалы мы учтем и используем абсолютно все образцы дерева от всех сооружений, вскрытых на раскопках.

Необходимо заметить, что все ярусы настилов мостовых на всех улицах, т. е. Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской, всегда лежали непосредственно один на другом (рис. 2). Например, настил 5-го яруса лежал на настиле 6-го яруса, и, следовательно, был сооружен позже настила 6-го яруса на какой-то промежуток времени. Таких настилов на Неревском раскопе было вскрыто 32. Первые настилы, начиная сверху, имеющие номера 0000,000,00,1,2 и т. д., были в очень плохом состоянии. От них остались только прослойки коричневой древесной трухи или куски целиком сгнившего дерева.

Образцы дерева с хорошей сохранностью древесины удалось взять только лишь начиная с 5-го яруса. Много дерева отличной сохранности дали настилы мостовых 5—13 ярусов. Начиная с 14-го яруса, сохранность древесины резко ухудшается, и в массовом количестве удается собирать лишь только лаги мостовых. Исключение составил 16-й ярус, давший большое количество (63 экз.) плах и лаг со всех улиц.

От каждого бревна или плахи, вскрытых в составе настила мостовой (или иного сооружения) или лежащих отдельно, делались два или три спила, толщиной по 5—10 *см*. Спилы делались в местах наибольшего сечения и наилучшей сохранности древесины. Один спил являлся рабочим, другие — контрольными.

Тут же на раскопе сотрудники лаборатории дендрохронологии вели специальный журнал с чертежами, в котором записывались данные образца: номер раскопа, пласта, яруса и квадрата, номер и вид сооружения, какая деталь в сооружении, место взятия спила. Сооружение наносилось на чертеж. Образцы тут же на раскопе шифровались. Кроме того, специально подготовленный сотрудник осматривал всю поверхность бревна или плахи в целях фиксации последнего наружного кольца на образце, т. е. указывал наличие остатков коры, ходов короедов, следов механической обработки и другие признаки.

Всего экспедицией был собран 1431 образец. В подавляющей массе это была сосна, очень редко ель. Из них на раскопах было всего собрано 1389 образцов (как уже говорилось, каждый образец брался в двух, а иногда в трех экземплярах — спилах). Остальные 42 образца были получены вне раскопа. Это были лежни и связи из церквей и бревна из котлована строительства водокачки.

По видам сооружений коллекция образцов с раскопа распределялась так:

А. Мостовые улицы	— всего 788	образцов
1. Кузьмодемьянская улица	343	образца
2. Великая улица	134	»
3. Холопья улица	119	»
4. Восточный участок Кузьмодемьянской улицы	143	»
5. Кузьмодемьянская улица в котловане	49	»
Б. Разные настилы и частоколы	223	»
В. Дома и разные постройки	305	»
Г. Отдельно лежащие бревна и плахи	73	»

Среди этой массы образцов 393 модели оказались в плохом состоянии. У некоторых не сохранилась полностью заболонь, т. е. не хватало того или иного количества внешних колец, у других была в некоторых местах большая гнилость, что затрудняло изготовление и чтение шлифа, а также ряд других недостатков. Многие из этих образцов были дендрохронологически обработаны и дали некоторые материалы к контрольным графикам, но в публикуемое исследование не включены. Наша работа построена на основе здоровых, надежных, хорошо читаемых образцов. Таких образцов всего оказалось 1038 экз.

Это количество образцов по ярусам и векам распределялось неравномерно. Наибольшее количество дали слои XIII—XIV вв., наименьшее — слои X—XI вв. Объясняется это тем, что в этих слоях, как мы уже говорили выше, древесина часто находилась в довольно плохом состоянии, а кроме того, в этих слоях было и меньше сооружений. Распределение образцов по векам и ярусам показано на рис. 3.

Очень важным условием при дендрохронологическом исследовании является возраст изучаемого образца. Чем больше возраст дерева, тем более сопоставимым и убедительным становится график колебания ширины колец. Такой график захватывает наибольшее количество циклов угнетенных колец и является поэтому более надежным и всеобщим во времени.

По возрасту наши образцы в слоях раскопа были распределены неравномерно. Наиболее многолетние деревья в возрасте 200 лет встречаются в основном в слоях второй половины XIII в., в XIV в. и частично XV в. В XV в. наравне с ними встречаются даже деревья в возрасте более 200 лет. В слоях XI и XII вв. преобладали образцы в 40—100 лет.

Из самых многолетних мощных и толстых деревьев в основном делались плахи мостовых улиц, фундаменты (опоры) печей и домов Из деревьев среднего возраста (60—100 лет) возводились дома и большие постройки. Служебные помещения — амбары, сараи, хлева — делались из молодого леса (30—60 лет). На заборы (частоколы), лаги мостовых и подобные сооружения шел лес 25—50 лет. Наибольшее количество образцов

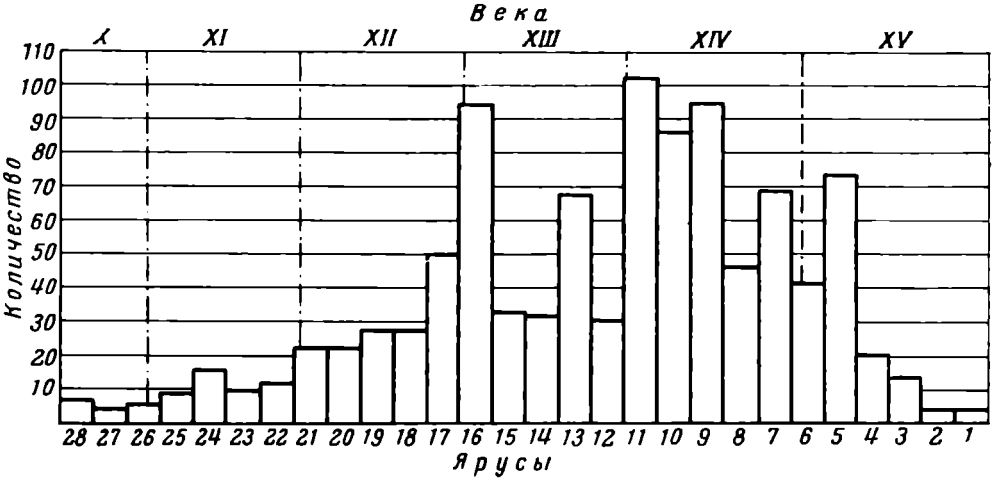


Рис. 3. Распределение образцов дерева по векам и ярусам

к нашей коллекции падает на возраст в 51—100 лет затем идет возраст в 101—150 лет, а потом уже молодой лес (до 50 лет. В нашей коллекции имеется 31 образец дерева в возрасте выше 200 лет.

В нашем распоряжении оказалось 1038 образцов — модели от деревьев, которые были срублены в течение X—XV вв. В результате лабораторных измерений годичных колец, по двум радиусам на каждом образце, было составлено такое же количество таблиц со значением для каждого кольца суммы двух замеров. По этим таблицам было составлено 1038 графиков изменений ширины годичных колец и составлено столько же спектров угнетений. Кстати, можно заметить, что при этом было сделано более 220 000 замеров годичных колец.

Составление дендрохронологической шкалы началось с сопоставления графиков однотипных хронологических групп, т. е. групп, одинаковых по времени рубки дерева и близких между собой по возрасту. Вполне естественно было взять в первую очередь модели с деревьев одной и той же мостовой какой-либо улицы. Такими настилами, в первую очередь, явились настилы улиц 11-го, 10-го, 9-го, 8-го и 7-го ярусов. Эти настилы дали нам каждый довольно большое количество образцов. Подавляющее число деревьев в этих настилах имело возраст не менее 150 лет, часто приближаясь к 200 годам.

На длинных широких полосах прозрачной кальки, специально разлинованной на вертикальные графы по одному году (5 *мм*), в каждой графе мы наносили один под другим сопоставимые между собой графики каждой мостовой. Калька была удобна тем, что хорошо были видны подложенные под нее индивидуальные графики тех или иных моделей и при совпадении их с графиками на таблице можно было быстро скопировать кривую. Это очень ускорило нашу работу, так как вычерчивание заново графиков потребовало бы во много раз больше времени.

Как мы уже говорили в предыдущей статье [2], за основу сопоставления были взяты тонкие угнетенные кольца и их взаимные циклы последовательности. Это очень наглядно выражалось в рисунке графика. Такие рабочие таблицы мы составили по каждому ярусу. Кроме графиков деревьев мостовых улиц, на эти таблицы мы наносили и графики деревьев иных сооружений однотипных хронологически групп. Было составлено более 40 рабочих сводных таблиц графиков по 20—30 кривых в каждой [3]. Примером подобных таблиц является, например, рис. 10.

---

[2] См. В. Е. Вихров и Б. А. Колчин. Основы и метод дендрохронологии. Статья опубликована в этом же номере журнала, стр. 95—112.

[3] Эти таблицы хранятся в лаборатории дендрохронологии ИА АН СССР.

Следующим этапом исследования явилось сопоставление этих таблиц уже в хронологической последовательности, т. е. наложение графиков более молодых деревьев (по времени рубки) на более старшие, т. е., например, сопоставление графиков 7-го яруса с графиками 8-го яруса. Эти таблицы хорошо сопрягались между собой по рисунку графиков, т. е. угнетенным кольцам и их циклам последовательности. Таким образом, мы начали расширять хронологически наши графики вправо (т. е. удревнять) и влево (омолаживать). Надежным контролем при этом всегда являлось то обстоятельство, что мы стратиграфически хорошо знали, какая мостовая (а следовательно, и деревья) следует во времени за данной мостовой или ей предшествует.

Таким путем мы от образцов XIV в., наиболее здоровых и сохранных с точки зрения дендрохронологии и давших более 400 графиков, пошли в глубь веков до 28-го яруса и вверх до 1-го яруса включительно. Сопредельные графики, как правило, накладывались довольно надежно и убедительно, так как разница перекрытия в годах более древнего образца молодым или наоборот колебалась в пределах 10—30 лет и никогда не превышала 30 лет. Поэтому всегда большая часть сопрягаемого графика накладывалась на график или группу графиков, к которым мы привязывались.

Таким путем каждое годичное кольцо на наших графиках получило относительное местоположение в сравнении с другими графиками, а следовательно, определенный во времени год, пока еще нам календарно неизвестный.

Для обозначения и сопоставления отдельных колец или их ряда необходимо было дать каждому кольцу какой-то индекс, номер или другое условное обозначение. В начальный период работы с графиками у нас были условные буквенные обозначения тех или иных очень тонких колец, т. е. больших угнетений (например, угнетение А, угнетение Б), а другие соседние кольца мы привязывали к этим угнетениям. Эту громоздкую систему (например, кольцо обозначалось А + 15 или Б + 8 и т. п.) в настоящей работе мы заменяем порядковым номерным обозначением каждого кольца. Так как нумерацию колец мы проделали уже после того, когда нам стала известна абсолютная хронология, т. е. календарные даты каждого кольца, мы нашли целесообразным присвоить первый номер кольцу, которое образовалось в 1001 г. Таким образом, например, кольцо, образовавшееся в 1355 г., получило номер 355, а кольцо, образовавшееся в 1265 г., получило номер 265, и т. д. Итак, на наших графиках теперь все кольца стали иметь порядковый номер. К кольцам до 1000 г. мы перед значением сотен, десятков и единиц, ставили 0, т. е., например, кольцо, образовавшееся за 100 лет до кольца 1, будет иметь номер 0901. После того, как мы пронумеровали все последовательно расположенные кольца наших графиков, мы получили их номера с 0884 до 462, т. е. 579 номеров на 579 колец. Отсюда видно, что наша дендрохронологическая шкала охватывает 579 лет, т. е. почти шесть столетий.

Единые сопряженные графики на весь этот период для всех 1038 образцов практически сделать невозможно. Стоит вспомнить, что только отдельных рабочих таблиц графиков, выполненных на огромных полотнах кальки, составлено было более 40 экз. Единственно возможным и практически необходимым для наших исследований является единый спектр угнетенных колец.

О принципах построения спектра угнетений уже говорилось в предыдущей статье В. Е. Вихрова и Б. А. Колчина. Составлять спектр мы начали так же, как и графики, с образцов деревьев XIV в., где их всего больше. Потом спектр мы расширили вправо — до кольца 0884 и влево — до кольца 462. Сводный спектр изображен на рис. 4. На этом же рисунке мы в качестве иллюстрации привели сопряженный график, который составлен только лишь из 31 образца-графика (а всего их 1038). На этом графике

очень хорошо видны наложения отдельных групп угнетенных колец у разных по возрасту и времени рубки деревьев.

Сводный спектр угнетений составлен на основе индивидуальных спектров угнетений всех исследованных образцов. На сводном спектре учтены только те тонкие кольца угнетения, которые являлись всеобщими по повторяемости на всех графиках и были довольно выразительными в сопоставлении с соседними кольцами по силе угнетения.

Спектр угнетений становится массовым, а следовательно и убедительным, примерно с 50-го кольца. Энергичные угнетения дают кольца 32, 55, 75, 85, 86, 102, 103, 111, 112, 120, 132, 133, 155, 162, 163, 176, 191, 192, 210, 211, 212, 219, 220, 231, 237, 259, 264, 270, 278, 279, 283, 284, 299, 311, 322, 329, 334, 351, 354, 359, 360, 380, 392, 406, 424. Среди этих угнетений следует выделить несколько двойных характерных угнетений, т. е. угнетений по два тонких кольца, которые, как мы уже говорили, проходят через все графики. Такие угнетения являются узловыми при решении варианта наложения графиков и взаимного их сопряжения. На нашем спектре можно выделить четыре четких больших двойных угнетения. Первое угнетение мы обозначаем буквой «А». Оно проходит через кольца 283 и 284. Это угнетение ярко выражено на 162 графиках, всех графиках, на которые попали эти кольца. Второе угнетение, «Б», проходит через кольца 219 и 220. Это угнетение зафиксировано с сильным утонением колец на 249 образцах. Третье угнетение, «В», проходит через кольца 162 и 163. Оно также зафиксировано на всех графиках, которые по возрасту накладываются на эти кольца. Четвертое угнетение, «Г», проходит через кольца 132 и 133. Оно зафиксировано также на всех соответствующих графиках.

Цикличность всех этих угнетений разная. Угнетение «В» следовало за угнетением «Г» через 29 лет. Угнетение «Б» произошло после угнетения «В» через 56 лет, а угнетение «А» случилось после угнетения «Б» через 63 года. Кроме того, каждое угнетение имеет свой собственный рисунок, или, иначе говоря, микроцикл. У каждого двойного угнетения имеется постоянная свита своих угнетений своеобразных микроциклов. Например, угнетению «А» всегда, без исключения, предшествовало менее значительное угнетение 278 и 279 кольца (рис. 4), а угнетению «Б» обязательно предшествовало угнетение колец 210, 211 и 212. То же можно сказать и про угнетения «В» и «Г».

Следует заметить, что упомянутые мною двойные угнетения с микроциклами не только облегчали работу по сопоставлению и сопряжению графиков и делали эти привязки убедительными, они еще очень легко выявляли на отдельных конкретных графиках, когда это имело место, двойные или так называемые ложные кольца, или указывали на годы с выпавшими кольцами, т. е. отсутствующими или слабо развитыми, у которых границы почти не заметны и сливаются с соседними кольцами. Но вообще двойных колец и выпавших колец на наших образцах довольно мало.

Составленный на 579 годичных колец спектр угнетений и график колебаний годичных колец позволяет нам при желании уже сейчас составить любую относительную хронологию каких-либо образцов, срубленных в период жизни этих колец. Фактически это захватывает период более чем в 500 лет. Но Новгород нам сохранил и такие образцы дерева, которые позволяют нашу относительную дендрохронологическую шкалу сделать абсолютной.

Для того чтобы составить абсолютную дендрохронологическую шкалу одного или группы образцов, необходимо знать календарное время (с точностью до года) рубки данных образцов. При этом условии, отсчитывая годичные кольца, а следовательно и годы от последнего внешнего кольца, мы можем определить абсолютные даты образования всех годичных колец данного образца. Возможны два пути.

Первый вариант, основной и абсолютно достоверный, применим при изучении современных деревьев, когда мы можем знать календарную дату

рубки данного образца. В этом случае дерево рубится непосредственно исследователем, или ученый получает дерево с сопровождающим паспортом, в котором указана дата его рубки.

Второй вариант определения времени последнего кольца возможен при изучении деревьев, взятых из каких-либо построек, календарное время сооружения которых нам известно. Но он менее надежен, чем первый, так как здесь мы не всегда можем быть уверены, когда рубились данные деревья — в год постройки или в предшествующий год, или за два-три года и т. п. Еще более усложняется вопрос, если на строительство данного сооружения брались бревна из старых разобранных построек. Для решения вопроса достоверности определения даты здесь необходим количественный фактор, т. е. наличие как можно большего числа образцов от одной постройки, а также взаимная хронологическая связь дат рубки деревьев от нескольких датированных сооружений. Для определения года рубки деревьев новгородских построек X—XV вв. первый путь неприемлем, так как ни в Европейской России ни в Северной Европе мы не можем практически найти и срубить серию хвойных деревьев в возрасте, значительно превышающем 500 лет (как выше говорилось, лиственные породы для этого не годятся).

Возможен только второй путь. И здесь нам сопутствовала удача. В Новгороде сохранилось большое количество древних кирпичных зданий от XI в. и позже. В основном это церкви, большинство из которых имеют календарные летописные даты их постройки. В этих церквах дошли до нас и деревянные конструкции. В основном это лежни фундаментов и связи стен.

Для наших исследований мы получили образцы лежней от трех церквей и образцы связей от двух церквей. Спилы лежней получены от церкви Михаила Архангела, церкви Саввы на Кузьмодемьянской улице и церкви Спас-Преображения на Розваже улице (последние две церкви нами обнаружены при земляных работах). Спилы от связей получены от церкви Михаила Сковоротского монастыря и церкви Иоанна Богослова на Витке.

Церковь Михаила Архангела была построена в Славенском конце на древней Михайловской улице (сейчас церковь выходит на Московскую улицу) и сохранилась до настоящего времени. В 1959—1960 гг. она была отремонтирована. Неоднократно упоминается в Новгородских летописях. Церковь была заложена осенью 1300 г., а ее строительство окончено в 1302 г.[4].

В церкви Михаила Архангела были взяты спилы от трех лежней из-под фундамента южной стены[5]. Два лежня шли вдоль стены, а один лежал поперек (рис. 5). Дерево (даже его кора) хорошо сохранилось во влажном состоянии.

Церковь Михаила в Сковоротском монастыре была построена в 1355 г. новгородским архиепископом Моисеем[6]. Она расположена на правом берегу р. Волхов в 4-х *км* на юг от города. Во время Великой Отечественной войны она была разрушена. В ее руинах была взята одна связь длиной около 1 *м*, которая сохранилась в северной стене[7]. Связь шла через западные столбы (рис. 5). Дерево сохранилось в сухом состоянии. Хотя связь была обтесана на брус, т. е. ей придали прямоугольное сечение, на углах бруса хорошо сохранились внешние кольца. Состояние древесины хорошее.

---

[4] НПЛ, стр. 330—331.

[5] Работы по вскрытию фундамента и выпиливанию образцов велись под руководством архитектора Л. Е. Красноречьева, автора реставрации этой церкви. За большую помощь, оказанную нам, я выражаю ему глубокую благодарность.

[6] НПЛ, стр. 364.

[7] О сохранности связи в стене и ее месте экспедиции сообщила архитектор Л. М. Шуляк. За оказанную нам помощь я выражаю Л. М. Шуляк глубокую благодарность.

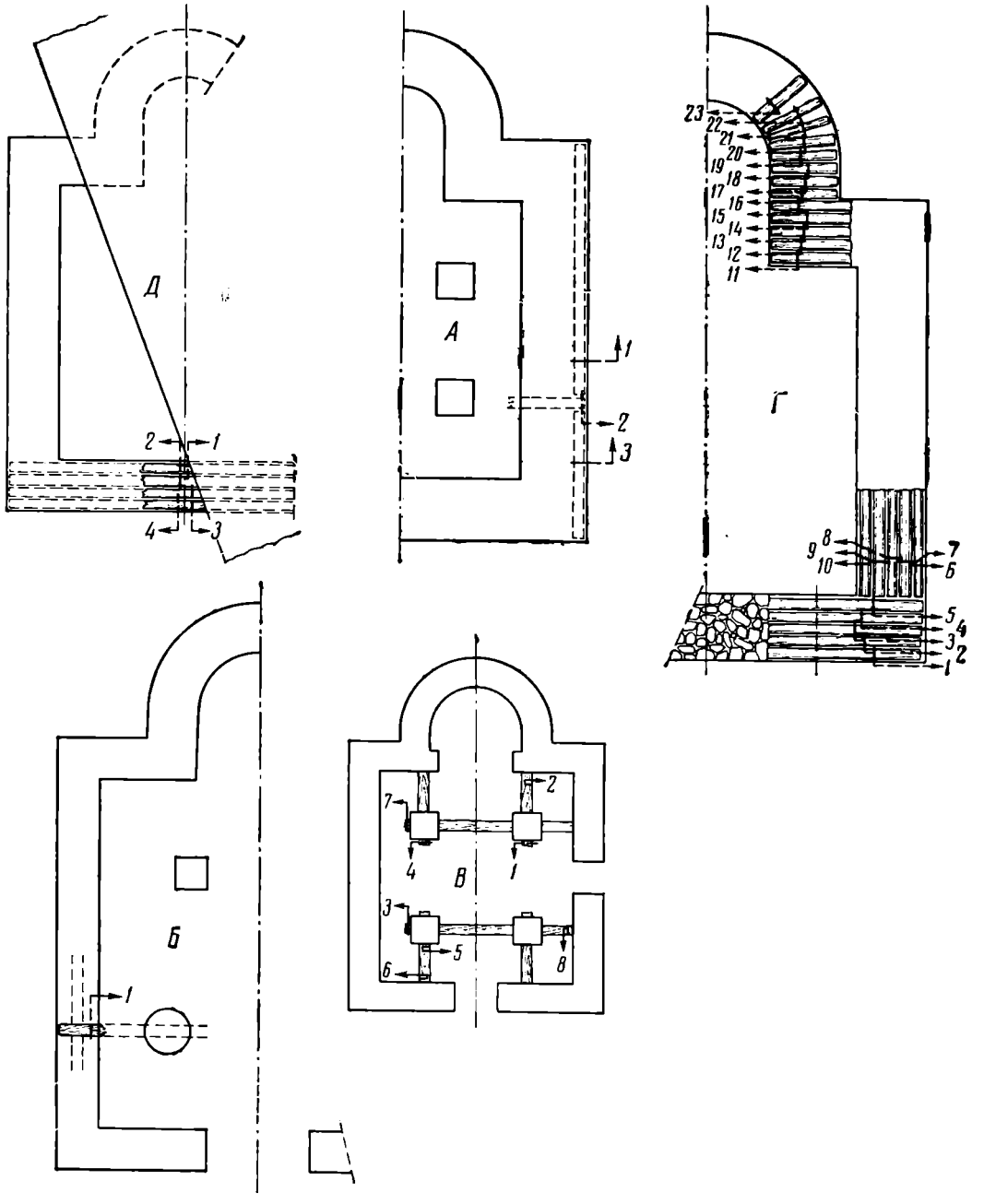


Рис. 5. Планы церквей с указанием мест, где были взяты образцы дерева

А — церковь Михаила Архангела, *1* — Н-60/С-294, *2* — Н-60/С-269, *3* — Н-60/С-270; *Б* — церковь Сковоротского монастыря, *1* — Н-60/С-702; *В* — церковь Иоанна Богослова, *1* — Н-60/С-703, *2* — Н-60/С-704, *3* — Н-60/С-705, *4* — Н-60/С-706, *5* — Н-60/С-707, *6* — Н-60/С-708, *7* — Н-60/С-709, *8* — Н-60/С-710; *Г* — церковь Саввы, *1* — Н-60/С-610, *2* — Н-60/С-611, *3* — Н-60/С-612, *4* — Н-60/С-613, *5* — Н-60/С-614, *6* — Н-60/С-615, *7* — Н-60/С-616, *8* — Н-60/С-617, *9* — Н-60/С-618, *10* — Н-60/С-619, *11* — Н-60/С-622, *12* — Н-60/С-627, *13* — Н-60/С-628, *14* — Н-60/С-629, *15* — Н-60/С-630, *16* — Н-60/С-631, *17* — Н-60/С-632, *18* — Н-60/С-633, *19* — Н-60/С-634, *20* — Н-60/635, *21* — Н-60/С-636, *22* — Н-60/С-637, *23* — Н-60/С-638; *Д* — церковь Спас Преображения, *1* — Н-59/С-293, *2* — Н-59/С-294, *3* — Н-59/С-295, *4* — Н-59/С-296

Церковь Иоанна Богослова на Витке, построенная в 1384 г., хорошо сохранилась до настоящего времени [8].

В этой церкви было взято восемь образцов от столбовых связей на уровне 1-го и 2-го ярусов [9]. Задача получения спила или части сечения бруса была для нас облегчена тем, что все связи между западными и восточными столбами в неизвестное нам время были обрублены топором

[8] НПЛ, стр. 379—380.

[9] Работу консультировала архитектор Л. М. Шуляк.

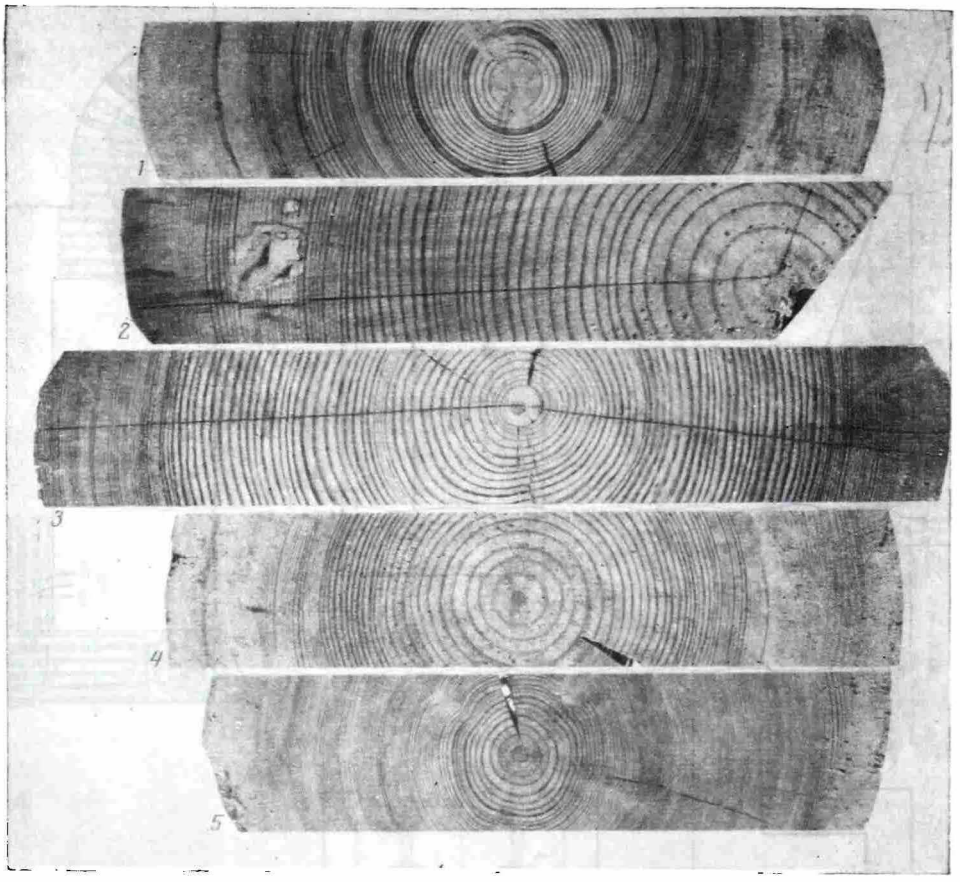


Рис. 6

1 — спил от лежня фундамента церкви Михаила Архангела; *2* — спил от связи церкви Сковоротского монастыря; *3* — спил от связи церкви Иоанна Богослова; *4* — спил от лежня церкви Саввы; *5* — спил от лежня церкви Спас Преображения

и из столбов выступали лишь их торцы. С этих торцов мы сделали тонкие спилы (рис. 6). Из связей 2-го яруса, расположенных между столбами и стенами церкви, были взяты узкие секторовидные образцы, не разрушившие целостности связи. Дерево связей сохранилось в сухом состоянии. Сохранность древесины очень хорошая.

Церквей Саввы и Спас Преображения в настоящее время не существует, и вскрыты они нами были археологически. Они расположены рядом с Неревским раскопом. Церковь Саввы находилась в середине современной Тихвинской улицы, а церковь Спас Преображения — на углу Тихвинской и Садовой улиц. Мощный булыжный фундамент церкви Саввы был обнаружен при рытье траншеи для канализации вдоль Тихвинской улицы. Фундамент церкви Спас Преображения был частично вскрыт при рытье котлована для дома, построенного на Садовой улице.

На месте церкви Саввы Новгородской экспедицией в 1960 г. был заложен раскоп. Вскрыта была лишь южная часть фундамента, так как над северной его стороной росли деревья, которые нам не разрешили срубить. Под мощным булыжным фундаментом церкви, имевшим высоту в 2,0 *м*, во время раскопок были вскрыты толстые деревянные лежни очень хорошей сохранности. Спилы были сделаны от 23 лежней. На юг от раскопа фундамента церкви была проложена разведочная траншея, которая на расстоянии 12 *м* от южной стены церкви вскрыла настилы мостовой Кузьмодемьянской улицы.

Фундамент церкви Спас Преображения был вскрыт при рытье котлована экскавтором и поэтому археологи смогли лишь зафиксировать

фундамент в профиле котлована и очертить ориентировочный план северной половины церкви. Булыжный фундамент церкви покоился на толстых деревянных лежнях. К моменту прихода археологов на строительство лежни фундамента оставались нетронутыми только на месте выхода их из профиля стены котлована. Удалось взять лишь четыре лежня, с которых и были сделаны спилы. Сохранность древесины очень хорошая.

Для решения вопроса, каким церквам принадлежат обнаруженные фундаменты, кроме довольно определенных летописных сведений по топографии церквей, мы еще располагаем описью Софийской стороны 1632 г. Опись гласит: «А от тое церкви от Преображения Господня до пустых до каменные церкви Козмы и Демяна пустого места 26 сажен. А от пустые церкви Козмы и Демяна через пустую улицу Кузьмодемьянскую до каменные церкви Савы отца священного 11 сажен. А у Савы отце связенного пенье есть. У той же церкви дворишко поповское. А от пустые церкви Савы освященного до пустые до каменные церкви Козмы и Демяна, что на Холопей улице по пустым по огородним местам 35 сажен»[10].

Нанесенные на наш план упомянутые в описи расстояния между этими церквами абсолютно совпали с теми расстояниями, которые мы зафиксировали при вскрытии фундаментов церквей в котловане и в раскопе, а также и с ныне стоящим зданием бывшей Тихвинской церкви. На этом месте до 1711 г. стояла церковь Кузьмы и Демьяна на Холопьей улице. Необходимо сказать, что канализационная траншея по Тихвинской улице южнее церкви Саввы вскрыла еще каменное сооружение, которое оказалось северо-восточным углом фундамента церкви Кузьмы и Демьяна на Кузьмодемьянской улице. Вскрыть фундамент церкви нам не удалось, так как он уходил под асфальтовую мостовую современной Тихвинской улицы.

Следует обратить внимание, что упомянутая в описи 1632 г. Кузьмодемьянская улица, расположенная между церквами Кузьмы и Демьяна и Саввинской, была нами также вскрыта раскопочной траншеей, о чем упоминалось выше.

Итак, церкви, от лежней фундаментов которых мы взяли образцы, были церковью святого Саввы на Кузьмодемьянской улице и церковью Спас Преображения на Розваже улице.

Принадлежность вскрытых фундаментов упомянутым церквам подтверждается и дендрохронологически, но об этом мы будем говорить ниже. Церковь Саввы была построена в 1418 г.[11], а церковь Спас Преображения в 1421 г.

Теперь мы перейдем к дендрохронологическому рассмотрению наших образцов.

Церковь Михаила Архангела. Все три образца лежней имеют полное сечение круга. Сохранность древесины ядра и заболони отличная. Очень хорошо сохранились последние внешние кольца вместе с корой. Образцы имеют возраст: модели Н — 60/С 270—118 лет, Н — 60/С 294—106 лет и модель Н — 60/С 269—96 лет. Все три графика роста годичных колец указанных моделей имеют очень схожие между собой колебания (рис. 7, *1*) и хорошо накладываются на другие графики и общий спектр угнетений в зоне 200—300 колец.

Последнее кольцо у моделей Н — 60/С270 и Н — 60/С294 совпало с кольцом 300. Последнее кольцо у модели Н — 60/С269 совпало с кольцом 299. Следует заметить, что внешнее кольцо (№ 300) у моделей

---

[10] Центральный Государственный архив древних актов, ф. 141, д. 20. Приказные дела старых лет, л. 181. На эту опись мне указал С. Н. Орлов, за что приношу ему глубокую благодарность.

[11] НПЛ, стр. 410—411.

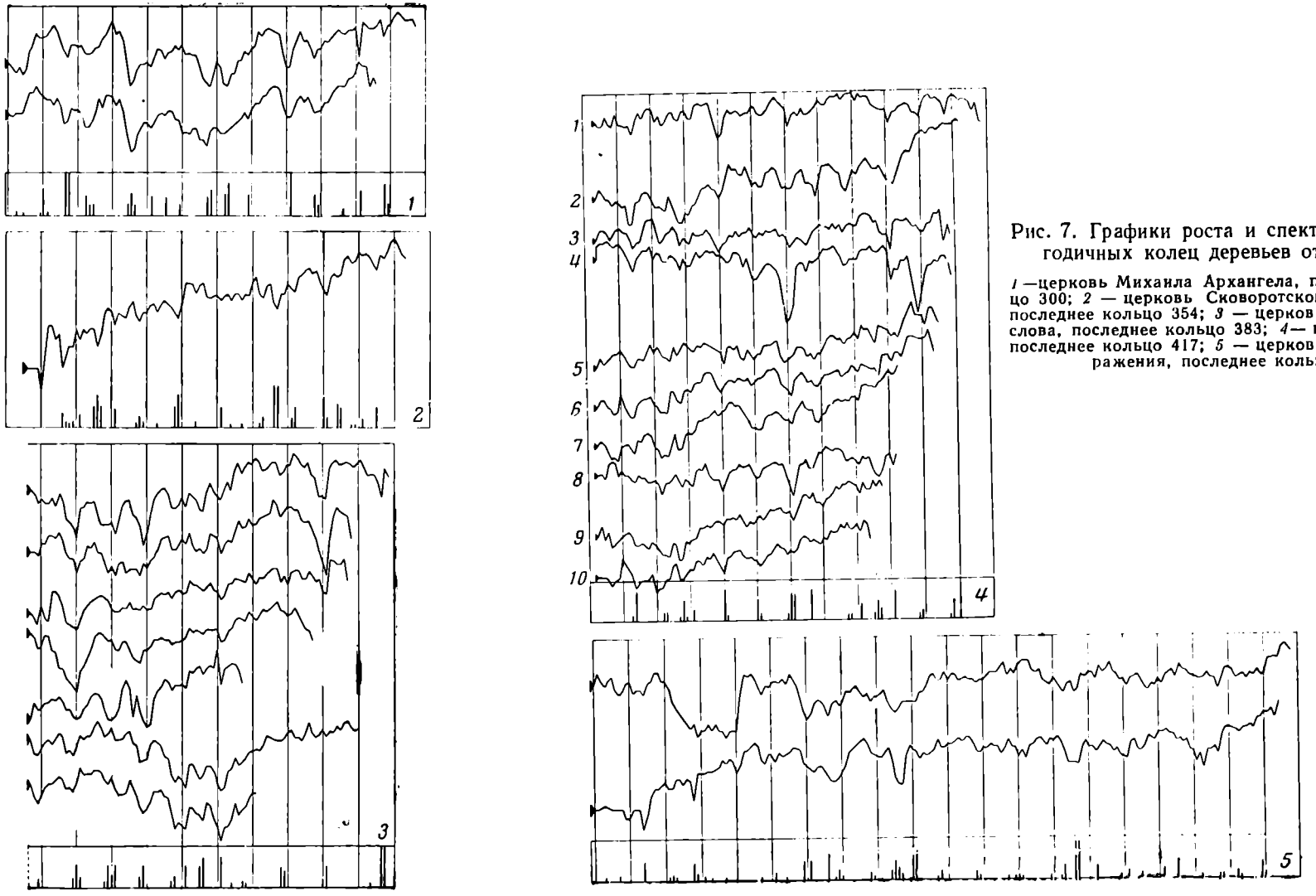


Рис. 7. Графики роста и спектры угнетений годичных колец деревьев от церквей

1 —церковь Михаила Архангела, последнее кольцо 300; *2* — церковь Сковоротского монастыря, последнее кольцо 354; *3* — церковь Иоанна Богослова, последнее кольцо 383; *4*— церковь Саввы, последнее кольцо 417; *5* — церковь Спас Преображения, последнее кольцо 420

Н — 60/С270 и Н — 60/С294 имеет тонкий слой поздней древесины, который вероятно полностью еще не сформировался.

Церковь Сковоротского монастыря. У образца (модель Н — 60/С702), взятого от связи стены, заболонь в четырех местах была стесана (отсутствовало 40—60 колец), но полное сечение до последнего внешнего кольца хорошо сохранилось в двух местах, в углах сечения бруса. Признаки внешнего кольца были хорошо выражены. Возраст образца — 108 лет. График образца хорошо наложился на общий график и спектр угнетений в зоне 250—350 колец. Последнее кольцо совпало с кольцом 354.

Церковь Иоанна Богослова на Витке. У всех восьми образцов, взятых от столбовых связей второго и частично 1-го яруса, большая часть заболони отсутствует. Бревно при строительстве церкви было обтесано на брус. Но у семи образцов та или иная часть внешнего кольца сохранилась хорошо, с надежными признаками. Сохранность древесины ядра и заболони у всех образцов отличная. Образцы имеют следующий возраст: от 103 до 61 года.

Все семь графиков этих моделей (рис. 7, *3*) хорошо и убедительно совпадают между собой и хорошо накладываются на другие графики и общий спектр угнетений в зоне 280—380 колец. Последнее кольцо у всех моделей совпало с кольцом 383.

Церковь святого Саввы. Лежни сохранились во влажном состоянии. Все 23 образца имеют полное сечение. Сохранность древесины ядра и заболони отличная. На большинстве образцов хорошо сохранились внешние кольца с надежными признаками. На некоторых образцах сохранилась кора. Возраст образцов колебался от 117 лет до 56 лет. Все графики колебаний годичных колец хорошо совпадали между собой. Графики и спектр годичных колец образцов от церкви Саввы хорошо накладываются на сводные графики и общий спектр угнетений в зоне 300—400 колец. Последнее внешнее кольцо на 20 образцах совпало с кольцом 417.

Церковь Спас Преображения. Лежни фундамента церкви находились во влажном состоянии. Сохранность древесины ядра и заболони очень хорошая. На двух образцах (модель Н — 59/С296 и модель Н — 59/С295) по всей окружности хорошо сохранилось внешнее кольцо с четко выраженными признаками. У двух других образцов часть заболони была повреждена. Возраст образцов довольно значительный и достигает 199 лет. Все четыре графика годичных колец очень схожи между собой и хорошо накладываются на другие графики и общий спектр угнетений в зоне 230—420 колец (рис. 7, *5*). Последнее кольцо у модели Н — 59/С296 и Н — 59/С295 совпадает с кольцом 420 общего графика.

Выше мы говорили, что графики годичных колец лежней и связей упомянутых нами церквей хорошо накладываются на общий сводный график и спектр угнетений. Кроме того, мы еще сделали сопоставление этих графиков между собой. Все они также по циклам тонких угнетенных колец совпали хорошо.

Итак, нам известны даты постройки церквей, а именно — Михаил Архангел — 1300—1302 гг., Сковоротский монастырь — 1355 г., Иоанн Богослов — 1383—1384 гг., Савва — 1418 г. и Спас Преображения — 1421 г. Кроме этого, мы знаем порядковый номер последнего внешнего кольца соответствующих лежней или связей по нашей относительной дендрохронологической шкале. Он соответственно равен номерам: 299—300, 354, 383, 417 и 420.

Теперь, определив, когда рубилось дерево для лежней и связей соответствующей церкви, мы сможем наложить календарные абсолютные даты на наш сводный график или спектр угнетений и получить таким образом абсолютную шкалу.

Для выбора наиболее вероятной и убедительной даты рубки деревьев мы приведем несколько доводов.

Таблица 1

№ п/п	Церкви	Дата	Церкви				
			1	2	3	4	5
1	Михаила Архангела	1300	0	—	—	—	—
2	Сковоротского монастыря	1355	55	0	—	—	—
3	Иоанна Богослова	1384	84	29	0	—	—
4	Саввы	1418	118	63	34	0	—
5	Спас Преображения	1421	121	66	37	3	0

Сначала определим разницу в годах между датами постройки церквей. Церковь Михаила Архангела начала строиться осенью 1300 г. Церковь Сковоротского монастыря возводилась один строительный сезон, это был 1355 г. Церковь Иоанна Богослова строилась два года. Наши образцы взяты от связей второго и первого ярусов, они находились выше хор, в верхней части здания, сооружение которой нужно отнести ко второму этапу строительства, т. е. к 1384 г. Церковь Саввы возводилась один год. Это был 1418 г. Один год строился Спас Преображения, это был 1421 г. На табл. 1 приведена разница между годами строительства церквей.

Теперь составим такую же таблицу разностей между относительными номерами внешних колец у наших образцов. У образцов церкви Михаила Архангела было два совпадения внешних колец: у двух моделей с кольцом 300 и у одной с кольцом 299. Чтобы определить кольцо для сопоставления с кольцами других образцов, мы должны учесть, что при строительстве этой церкви осенью деревья в лесу могли быть срублены в конце лета или непосредственно осенью, т. е. тогда, когда у этих деревьев уже успело образоваться текущее годичное кольцо. Кстати, напомним, что у последнего кольца двух наших образцов слой поздней древесины был тонким, вероятно еще полностью не сформировавшимся. Деревья прочих образцов рубились, судя по строению внешнего кольца, как обычно, зимой, т. е. в течение декабря, января, февраля и части марта. Следовательно, у них последнее кольцо является кольцом, образовавшимся в вегетационный период предшествующего года. Поэтому для последнего кольца образцов церкви Михаила Архангела мы должны выбрать порядковый номер 299.

В табл. 2 приведены разности между номерами внешних колец наших образцов. Все они абсолютно совпали с разностями предшествующей таблицы во всех сопоставлениях.

Такое совпадение позволяет нам говорить, что у всех церквей бревна, шедшие на постройку, рубились по отношению к календарным датам строительства в одно и то же время, т. е. или предшествующей зимой, или за две зимы, т. е. за два года или за три года и т. п. Но, повторяем, все они рубились в один и тот же срок по отношению к дате строительства.

Таблица 2

№ п/п	Церкви	№№ колец	Церкви				
			1	2	3	4	5
1	Михаила Архангела	299	0	—	—	—	—
2	Сковоротского монастыря	354	55	0	—	—	—
3	Иоанна Богослова	383	84	29	0	—	—
4	Саввы	417	118	63	34	0	—
5	Спас Преображения	420	121	66	37	3	0

И так продолжалось более 100 лет, т. е. с 1300 до 1421 г. Предположить, что все они срублены за два года или все за три года, нельзя. Это было бы невероятным совпадением.

На строительство таких общественных зданий, как церкви, шел отборный, здоровый, свежесрубленный лес, т. е. лес, который рубили и заготовляли предшествующей зимой. Внешнее годичное кольцо на таком дереве образовывалось в вегетационный период года, предшествующего году строительства.

Таким образом, деревья, использованные на строительстве церквей, рубились: у церкви Михаила Архангела — в 1300 г., у церкви Сковоротского монастыря — зимой 1355 г., у церкви Иоанна Богослова — зимой 1384 г., у церкви Саввы — в 1418 г., и у Спас Преображения — в 1421 г.

На рис. 8 показано наложение спектров угнетений деревьев от лежней и связей церквей на сводный спектр угнетений. На этом рисунке мы еще раз показали, но уже графически, взаимосвязь между годами рубки деревьев от наших церквей. Год рубки деревьев Михаила Архангела мы обозначили n + 1 неполное кольцо (смотри об этом выше), год рубки деревьев церкви Сковоротского монастыря n + 55, Иоанна Богослова n + 84, святого Саввы n + 118 и Спас Преображения n + 121. Разности в годах получились те же, что и на таблицах.

Теперь, условившись, что лес заготовлялся зимой, мы получим значение для n, равное 1300 году. Затем очень легко определить даты рубки деревьев. Они обозначены на рисунке.

Получив абсолютные даты соответствующих линий годичных колец на спектре угнетений, мы тем самым сразу же получили календарные даты и всем остальным линиям колец на этом спектре.

О рубке деревьев в год постройки сооружения может говорить еще одно наблюдение. В Новгороде несколько раз случались большие пожары, во время которых сгорало довольно большое количество церквей, домов и иных строений. Несколько таких пожаров было и в Неревском конце. Как мы увидим ниже, при рассмотрении хронологии Неревского раскопа многие довольно крупные перестройки и настил новых мостовых улиц совершались сразу же после больших пожаров. Некоторые из них упомянуты в летописи. Во всех случаях (когда мы знаем дату пожара) мы наблюдали, что деревья, которые шли на настил мостовых, рубились в год пожара или в следующие годы. Если же мы условимся считать временем рубки деревьев не предшествующую зиму, а зиму на год раньше, то вся наша хронологическая шкала удревнится на один год. Тогда у некоторых ярусов рубка всех деревьев для мостовой улицы будет свершаться регулярно на год раньше пожара, уничтожившего постройки Неревского конца. Такое предположение маловероятно. Но, повторяю, приведенное наблюдение является лишь косвенным подтверждением нашего положения.

Мы получили календарные даты всех годичных колец нашего сводного графика и спектра угнетений. Следует обратить внимание, что номера годичных колец, которые мы им условно присвоили на относительном сводном графике, получают выражение в годах со значением сотен, десятков и единиц лет. Например, кольцо № 219 образовалось в 1219 г., или кольцо № 299 образовалось в 1299 г.

Основой стратиграфии культурного слоя в Новгороде является ярус. «Ярусом» мы называем культурный слой, точнее его прослойку, которая выросла на древней территории нашего раскопа за время существования какой-либо одной деревянной мостовой (вернее одного ее уровня), проходящей по данному раскопу. Дома и иные сооружения, построенные за этот период на этой территории, относятся к данному ярусу. Другие дома и иные сооружения, уже существовавшие до постройки мостовой и продолжающие существовать, мы также относим к этому же ярусу. Естественно, что в разных местах территории толщина культурного слоя

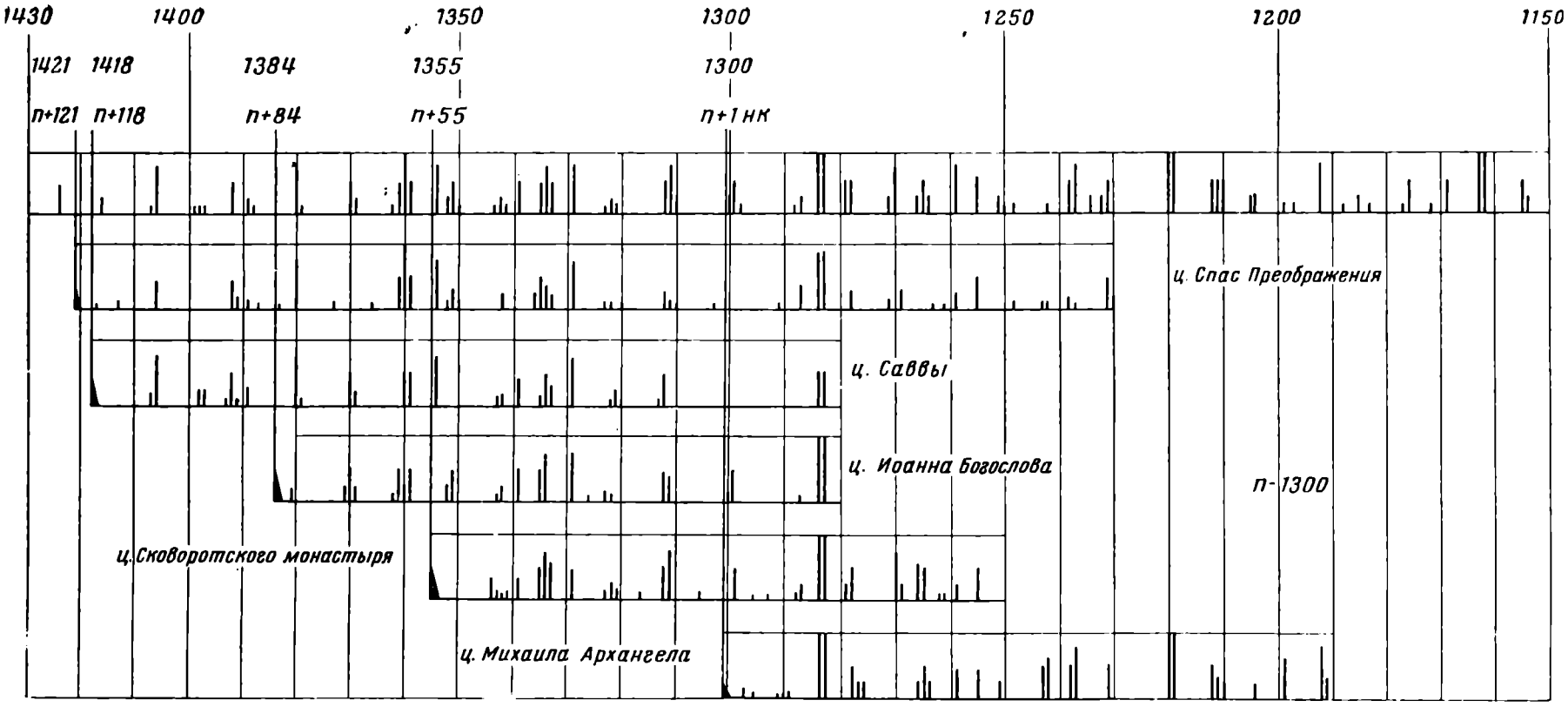


Рис. 8. Сопоставление спектров угнетений деревьев от пяти новгородских церквей

ярусов в абсолютных мерах будет разной и различие может быть довольно значительным. После настила следующей мостовой начинается стратиграфически рост нового яруса.

Вполне естественно, что членение культурного слоя по настилам улиц мостовых является до некоторой степени искусственным приемом, так как довольно часто жизнь, а следовательно, и рост культурного слоя на отдельных усадьбах (а их на всем Неревском раскопе насчитывается уже 16) протекали независимо от смены настилов мостовых на улице и могли длиться периоды, в два-четыре раза превышающие время бытования одного настила. Поэтому наши ярусы иногда как бы разрезают единый период жизни какой-либо усадьбы, а в других случаях — объединяют конец одного комплекса, одного строительного периода данной застройки с началом другого. Но для того, чтобы хронологически объединить и сопоставить культурный слой на различных усадьбах, стоявших на трех улицах, на довольно значительных расстояниях друг от друга, достигавших 100 и более метров, необходим какой-то единый показатель, к которому можно было бы привязывать все явления, происходившие на прилегающих усадьбах. Таким универсальным средством для привязки, на наш взгляд, является деревянный настил улицы, бытовавший в неизменном состоянии (а это очень важно) какой-то период времени, после чего на него настилали новый настил.

Определяя время постройки мостовой улицы того или иного яруса, мы устанавливаем начальную дату соответствующего яруса.

Дендрохронология позволяет нам определить абсолютную дату времени рубки почти любого куска дерева (бревна или плахи при наличии у них последнего внешнего кольца), взятого из раскопа и в том числе из настила мостовой. Зная время рубки массовых образцов от того или иного сооружения, мы можем определить и время его постройки.

Для определения дат рубки деревьев от настилов мостовых нет необходимости проводить подробный анализ всех графиков годичных колец сплошь от всех плах и лаг мостовых. Такая работа была нами проделана в лаборатории при составлении общей дендрохронологической шкалы, в которой представлены все 788 образцов от мостовых улиц. Поэтому, рассматривая хронологию настилов мостовых улиц по ярусам с 28-го по 1-й, мы возьмем из общего дендрохронологического графика лишь даты последних внешних колец всех образцов от той или иной конкретной мостовой.

Но в качестве примера такого анализа, который проделан нами в лаборатории дендрохронологии, мы приведем полностью материалы по одному из ярусов, например, 11-му ярусу.

На мостовых всех улиц 11-го яруса было собрано 65 образцов (рис. 9). С Кузьмодемьянской улицы на раскопах XXVIII и XXIX взяты образцы от 31 плахи и 10 лаг, на раскопе К — образцы от восьми плах и одной лаги. Великая улица дала три лаги и Холопья улица — десять плах и две лаги. Всего собрано 49 плах и 16 лаг.

На рис. 10 мы приводим графики большей части этих образцов. На этих графиках в качестве примера взята лишь 31 кривая (из 53) от мостовых Кузьмодемьянской и Великой улиц. Остальные 22 графика образцов этих мостовых являются по рисунку аналогичными этим и довольно надежно определяют год рубки дерева.

Теперь проанализируем приведенные на рисунках графики. Мы их будем рассматривать в порядке, указанном на рисунках.

1. Модель Н—60/К284. Плаха. Возраст 147 лет. На графике энергично выделились угнетения «В» (1162 и 1163), «Б» (1219—1220), «А» (1283, 1284) и большинство остальных, особенно 1176, 1210, 1211 и 1212, 1264 гг. Год рубки 1299.

2. Модель Н—60/К285. Плаха. Возраст 132 года. Очень энергично выделяются угнетения «Б», 1191 и 1192 гг. Год рубки 1299.

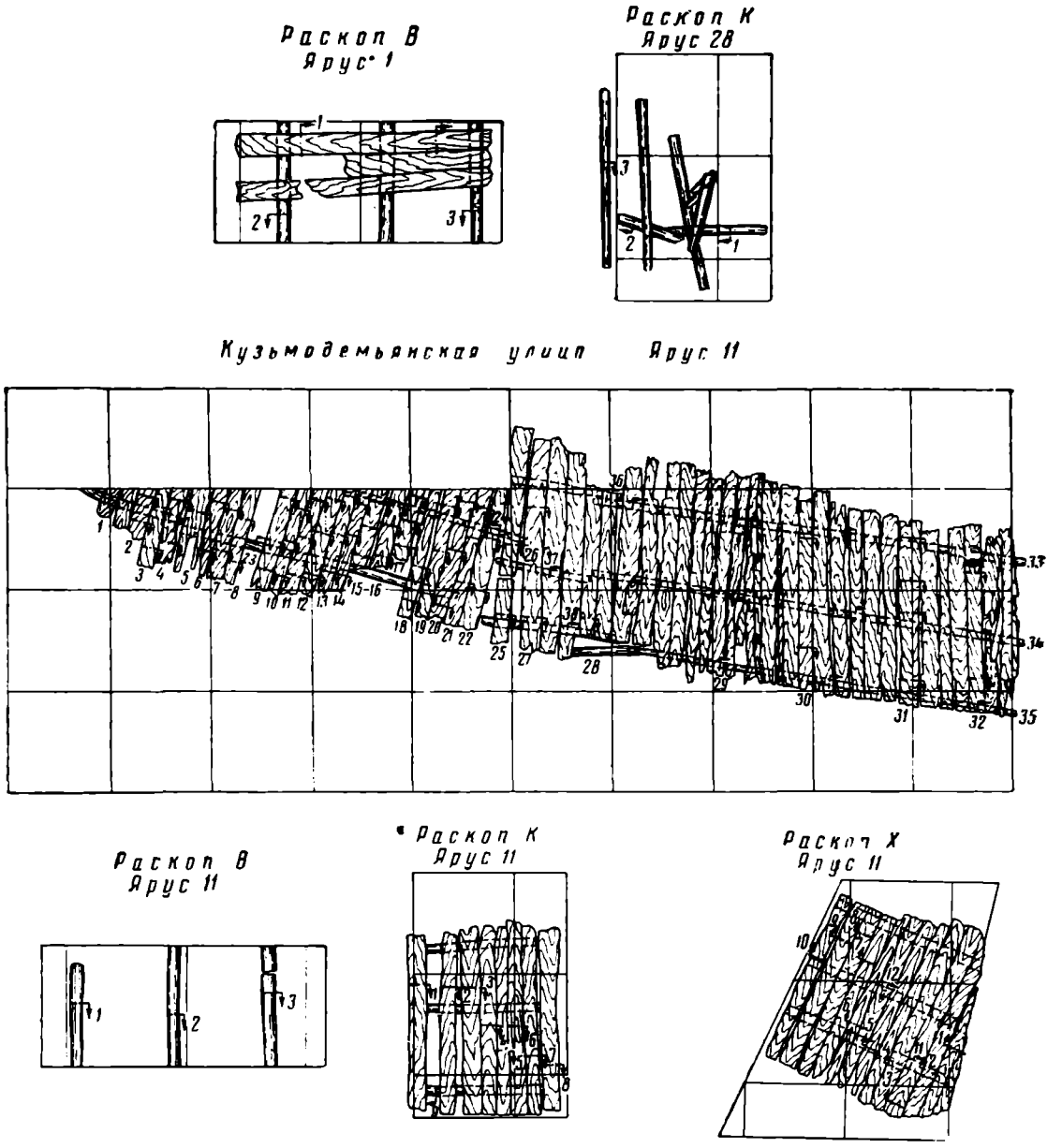


Рис. 9. Планы настилов мостовых:

I — Великая улица, ярус I, *1* — Н-59/В-1, *2* — Н-59/В-2, *3* — Н-59/В-3; II — Кузьмодемьянская, Великая и Холопья улицы, ярус II; Кузьмодемьянская улица; *1* — Н-59/К-264, *2* — Н-59/К-263, *3* — Н-59/К-261, *4* — Н-59/К-259, *5* — Н-59/К-257, *6* — Н-59/К-256, *7* — Н-59/К-255, *8* — Н-59/К-253, *9* — Н-59/К-266, *10* — Н-59/К-268, *11* — Н-59/К-271, *12* — Н-59/К-273, *13* — Н-59/К-276, *14* — Н-59/К-275, *15* — Н-59/К-274, *16* — Н-59/К-272, *17* — Н-59/К-270, *18* — Н-59/К-269, *19* — Н-59/К-267, *20* — Н-59/К-265, *21* — Н-59/К-262, *22* — Н-59/К-260, *23* — Н-59/К-277, *24* — Н-59/К-297, *25* — Н-59/К-254, *26* — Н-59/К-258, *27* — Н-59/К-22, *28* — Н-59/К-17, *29* — Н-59/К-18, *30* — Н-59/К-19, *31* — Н-59/К-20, *32* — Н-59/К-16, *33* — Н-59/К-31, *34* — Н-59/К-33, *35* — Н-59/К-35, *36* — Н-59/К-32, *37* — Н-59/К-34, *38* — Н-59/К-36; раскоп В: *1* — Н-59/В-62, *2* — Н-59/В-63, *3* — Н-59/В-64; раскоп К: *1* — Н-60/К-281, *2* — Н-60/К-282, *3* — Н-60/К-283, *4* — Н-60/К-284, *5* — Н-60/285, *6* — Н-60/К-285, *7* — Н-60/К-287, *8* — Н-60/К-288, *9* — Н-60/К-295; Раскоп Х: *1* — Н-60/Х-95, *2* — Н-60/Х-96, *3* — Н-60/Х-97, *4* — Н-60/Х-98, *5* — Н-60/Х-99, *6* — Н-60/Х-100, *7* — Н-60/Х-101, *8* — Н-60/Х-102, *9* — Н-60/Х-103, *10* — Н-60/Х-104, *11* — Н-60/Х-105, *12* — Н-60/Х-106, III — Кузьмодемьянская улица, ярус 28, *1* — Н-60/К-548, *2* — Н-60/К-549, *3* — Н-60/К-550

3. Модель Н—60/К288. Плаха. Возраст 186 лет. На графике этого образца отмечены с разной степенью все угнетения и особенно «А» и «Б». Год рубки 1299.

4. Модель Н—59/К17. Плаха. Возраст 97 лет. Очень четко выделяются угнетения «А» и «Б». Год рубки 1299.

5. Модель Н—60/К660. Плаха. Возраст 140 лет. Выделяются угнетения «А» и «Б», а также 1191 и 1192. Год рубки 1299.

6. Модель Н—59/К20. Плаха. Возраст 118. Очень четки угнетения «А» и «Б». Год рубки 1299.

7. Модель Н—59/К22. Плаха. Возраст 95 лет. Оба угнетения «А» и «Б» выделяются хорошо. Год рубки 1299.

8. Модель Н—59/К272. Плаха. Возраст 77 лет. Угнетения обычные. Год рубки 1299.

9. Модель Н—59/К268. Плаха. Возраст 78 лет. Рисунок графика хорошо совпадает с остальными. Год рубки 1299.

10. Модель Н—59/К37. Лага. Возраст 49 лет. Очень энергично угнетение «А». Год рубки 1299.

11. Модель Н—59/К35. Лага. Возраст 48 лет. Энергично угнетение «А». Год рубки 1299.

12. Модель Н—59/К37А. Лага. Возраст 45 лет. Энергично угнетение «А». Год рубки 1299.

13. Модель Н—59/К277. Лага. Возраст 48 лет. Энергично выражено угнетение «А», а также угнетение 1264, 1265, 1266 и 1278. Год рубки 1299.

14. Модель Н—59/К34. Лага. Возраст 47 лет. Хорошо выражены угнетения «А» и 1264, 1265, 1266. Год рубки 1299.

15. Модель Н—59/К36. Лага. Возраст 36 лет. Хорошо выражено угнетение «А». Год рубки 1299.

16. Модель Н—59/К279. Лага. Возраст 46 лет. Хорошо выражены угнетения 1265, 1283 и 1284 гг. Год рубки 1299.

17. Модель Н—60/К665. Плаха. Возраст 108 лет. Хорошо выражены все угнетения, в том числе «Б» и «А». Год рубки 1298.

18. Модель Н—60/К282. Плаха. Возраст 139 лет. Хорошо выражены угнетения 1210 и 1211, Б, 1264, «А» и другие. Год рубки 1297.

19. Модель Н—59/К260. Плаха. Возраст 82 года. Угнетения выражены все и особенно «Б» и «А». Год рубки 1297.

20. Модель Н—59/К259. Плаха. Возраст 102 года. График аналогичен предыдущему. Год рубки 1297.

21. Модель Н—60/К295. Плаха. Возраст 91 год. Угнетения отмечены все. Особенно ярко показано угнетение «Б». Год рубки 1297.

22. Модель Н—60/К287. Плаха. Возраст 138 лет. Отражены все угнетения, «В» и «Б», но особенно сильное было в 1264 и 1265 гг. Год рубки 1292.

23. Модель Н—59/К266. Плаха. Возраст 172 года. Выражены угнетения «В» и «Б» и наряду с другими энергично — 1264. Год рубки 1289.

24. Модель Н—59/К273. Плаха. Возраст 93 года. По рисунку угнетения график похож на график 21. Год рубки 1292.

25. Модель Н—59/К275. Плаха. Возраст 112 лет. Все угнетения выражены хорошо. Год рубки 1292.

26. Модель Н—59/К252. Плаха. Возраст 139 лет. Хорошо выражены угнетения «В», «Б», «А». Год рубки 1289.

27. Модель Н—59/К255. Возраст 106 лет. Все угнетения выражены очень энергично. Год рубки 1289.

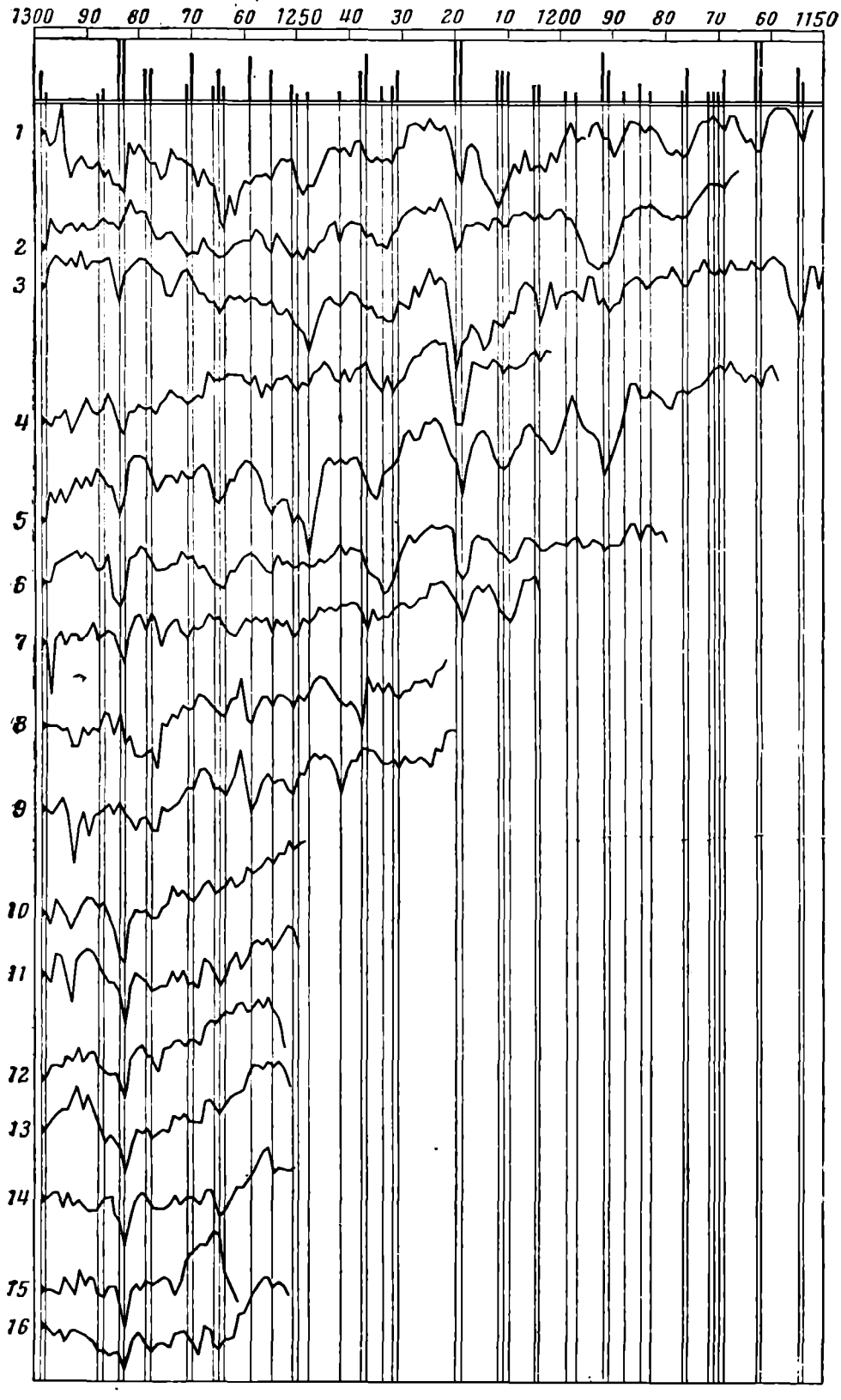
28. Модель Н—59/К19. Плаха. Возраст 117. лет. График более спокоен, но все угнетения отмечены. Год рубки 1289.

29. Модель Н—59/К261. Плаха. Возраст 110 лет. График похож на 27. Год рубки 1289.

30. Модель Н—60/К281. Плаха. Возраст 160 лет. Рисунок графика типичен для данной группы. Год рубки 1291.

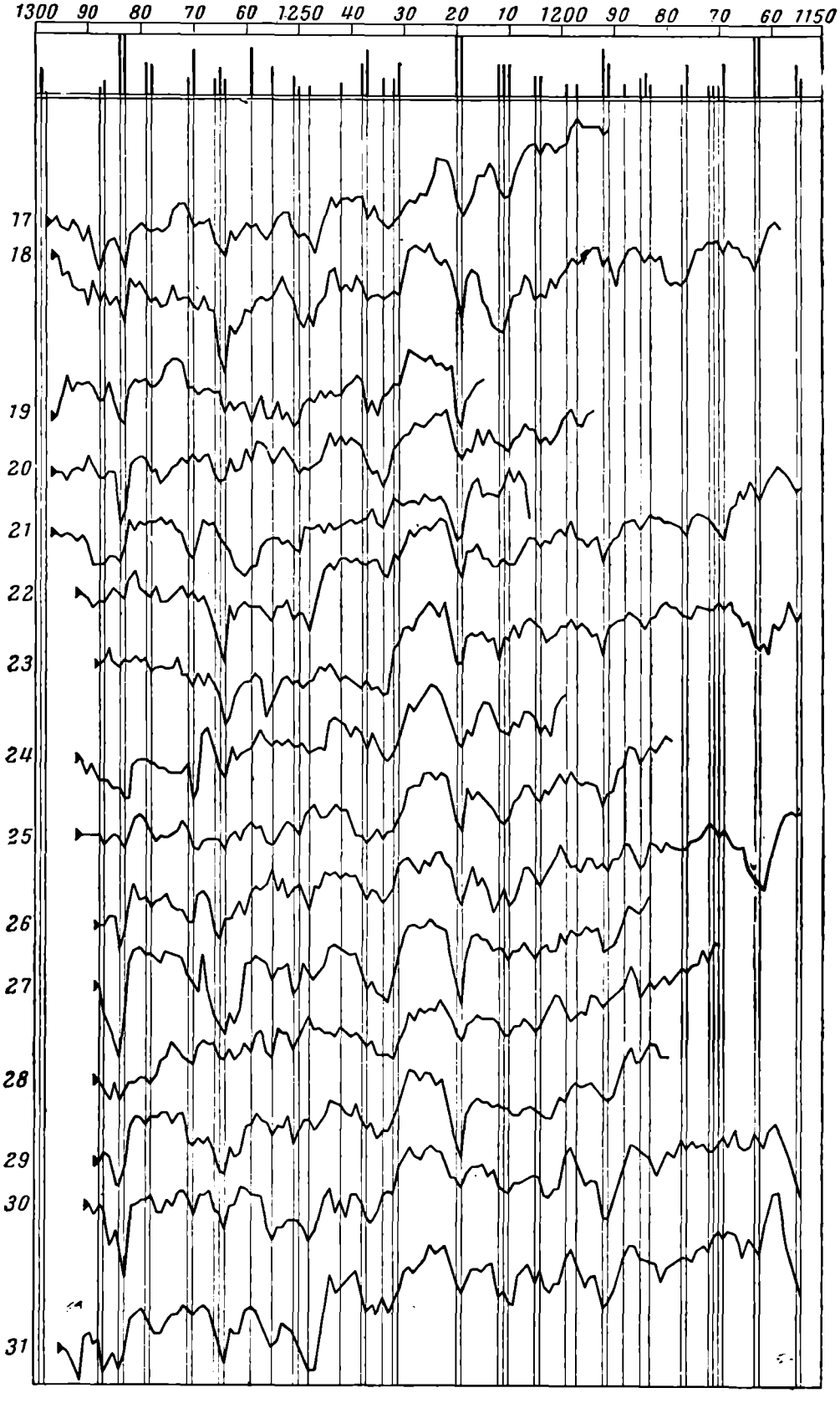
31. Модель Н—60/К664. Плаха. Возраст 165 лет. Все угнетения выражены энергично. Год рубки 1296.

Остальные 22 графика дали следующие годы рубки: плахи — из них 15 образцов 1299 г., 1—1298 г., 2—1292 г., 2—1291 г. и 2—1290 г. Лаги — 4 экз. рубились в 1299 г. и 1 экз.— в 1297 г. Если мы суммируем все



а

Рис. 10 *а* и *б*. Графики роста и спектр угнетений деревьев настила Кузьмо демьянской улицы 11-го яруса


1300 90 80 70 60 1250 40 30 20 10 1200 90 80 70 60 1150
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31

наши образцы 11-го яруса по годам рубки деревьев, то получим, что 22 плахи были срублены в 1299 г., 2 плахи в 1298 г., 6 плах — в 1297 г., 5 плах — в 1292 г., 3 плахи — в 1291 г., 2 плахи — в 1290 г. и 5 плах — в 1289 г. Лаги распределялись так: 13 были срублены в 1299 г. и одна — в 1297 г. (и то это была лишь маленькая подкладка).

Теперь, на основании этих данных лет рубки деревьев мостовых, мы построим гистограммы (рис. 11). Из гистограммы видно, что на постройку настила мостовой улицы 11-го яруса были употреблены две партии деревьев: одна — это деревья, срубленные в 1289—1292 гг. и другая — деревья, срубленные в 1297—1299 гг. Если бы мы имели дело только с плахами, т. е. верхней частью конструкции мостовых, можно было бы сделать несколько предположений о времени постройки: например, что мостовая была построена в 1292 г., а затем ремонтировалась в 1299 г. Возможны и другие предположения.

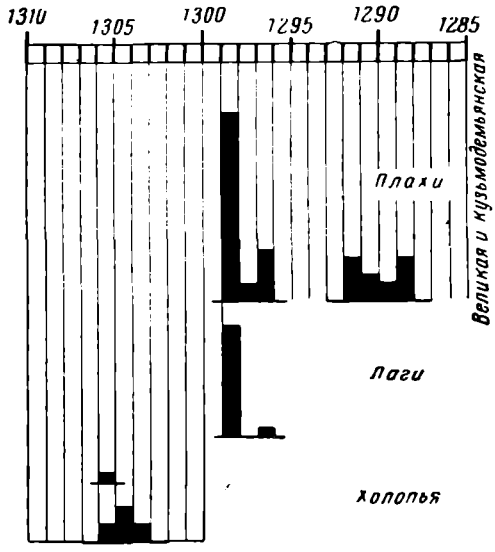


Рис. 11. Гистограммы годов рубки деревьев настила мостовых всех улиц 11-го яруса

Но решить задачу с наибольшей вероятностью нам позволяют лаги. Лаги — это длинные тонкие бревна, которые клали под плахи, как их опоры, вдоль мостовой в три ряда. Каждая лага имела всегда длину 5—7 *м* и всегда заходила немного одна за другую. Во время ремонта мостовых лаги, как правило, оставляли на месте по двум причинам. Во-первых, они всегда были в лучшем состоянии, чем плахи (плахи значительно скорее изнашивались, сгнивали, обгорали и пр.), и заменять их не было необходимости, так как древесина лаг в Новгороде хорошо сохранялась не только 10—30 лет, но, как мы знаем, она сохранилась в прекрасном состоянии, и очень часто совершенно здоровой, до наших дней. Если в каком-то месте нужно было лагу укрепить, то сменить ее всю было бы очень трудно, так как на всей ее длине лежали мощные плахи. Поэтому легче было в месте, где наблюдался износ, дополнительно подложить короткую подкладку под плаху, чем менять всю лагу. Кстати, такие дополнительные подкладки в мостовых встречаются неоднократно.

Построить мостовую раньше, чем срубят в лесу для нее лаги, нельзя. Следовательно, время постройки мостовой может быть только в год рубки лаг или позже. Сравнение времени рубки плах и лаг на настилах мостовых всех ярусов показало, что после лаг в течение ближайших лет почти никогда не рубили деревья для плах. Рубили их, как правило, в год рубки лаг. Но мы встретим в настилах нескольких улиц группы плах, срубленных после основной массы деревьев настила, через определенный значительный промежуток лет (16, 15, 5 и 3). Во всех этих случаях имел место ремонт мостовых, в чем легко можно было убедиться.

Наиболее вероятным годом постройки данного настила можно считать год рубки лаг для этой мостовой.

Кстати, о времени постройки сооружений и датах рубки деревьев. Дендрохронология нам устанавливает лишь дату рубки деревьев. Как мы уже говорили выше, в России и во всех северных странах заготовка леса всегда производилась в зимние месяцы — в декабре, январе, феврале и части марта месяца. Это было связано со многими факторами экономического и биологического характера (качество древесины, вывоз

и сплав леса, рабочая сила и др.). В начале года лес срубали и сразу же по снегу вывозили или же весной, где это удобно, сплавляли по реке.

В апреле — мае срубленный лес мог уже находиться у потребителя или на каком-то временном складе. С началом строительного сезона лес мог идти в дело. В этот же год, т. е. год его рубки, из него, вероятнее всего, могли возводить те или другие сооружения. Возможно, были и иные варианты, т. е. лес мог лежать один-два года и даже более, пока его владелец не соберет необходимого количества для того или иного строительства, например, строительства дома. Но для таких общественных построек, как церкви или мостовые, наиболее вероятным являлось употребление свежего леса. Хотя и здесь при постройке мостовых, на которые требовались сотни кубометров леса, не обходились без запасов предшествующих лет, что мы и видели на гистограмме.

Итак, мы с какой-то долей вероятности считаем, что мостовые делались в те же годы, когда рубилась основная масса леса, идущего на лаги и плахи, но не раньше года, когда рубилась самая поздняя лага.

Для мостовой одиннадцатого яруса это был 1299 год. Следует заметить, что в апреле месяце этого года большой пожар, разразившийся в Неревском конце в районе Холопьей улицы [12], сжег большое количество построек. Настил мостовой 12-го яруса на всех улицах имел следы пожара. После этого пожара вместе с другим строительством пришлось вновь сооружать новый настил мостовой Великой и Кузьмодемьянской улиц.

Теперь мы, последовательно, но очень коротко, рассмотрим хронологию настилов мостовых улиц Кузьмодемьянской, Великой и Холопьей с 28-го до 1-го яруса. Сводная таблица дендрохронологического спектра с гистограммами распределения образцов по годам приведена на рисунке 12. Масштабы гистограмм разные, они объединены по группам, ярусы 1—4, 5—13 и 14—28.

28-й ярус. Убедительные и наглядные графики дали образцы с Кузьмодемьянской улицы раскопа К (рис. 9). Все три графика от двух лаг и одного круглого бревна настила мостовой дали время рубки 953 г. Следовательно, первая, самая древняя мостовая Кузьмодемьянской улицы была построена в 953 г.

27-й ярус. Очень хороший график и спектр дали две лаги Кузьмодемьянской улицы. Год их рубки 972.

26-й ярус. Три лаги. Дата рубки 989 год.

25-й ярус. Модели дали дату рубки 1006 г. Кроме того, другие круглые бревна развала на Великой улице дали даты 1005 и 1003 гг.

24-й ярус. Очень хорошей сохранности лаги и настил Холопьей улицы. Год рубки 1023. Два круглых бревна Великой улицы имеют дату рубки 1025 г. Этот год мы принимаем за начало 24-го яруса.

23-й ярус. Ярус представлен хорошими образцами. В основном это лаги, но есть и плахи. Лаги и плахи рублены в 1055 г.

22-й ярус. Сохранность образцов хуже, чем в 23-м ярусе. Надежную дату дает плаха Холопьей улицы. Год ее рубки 1074. Лага Великой улицы дает дату 1076 г.

21-й ярус. Представлен множеством хороших образцов лаг и плах. Лаги рублены в 1096 г.

20-й ярус. Образцы плах этого яруса дали довольно большой разброс, но лаги Холопьей и Кузьмодемьянской улиц дали твердую дату рубки 1116 г.

19-й ярус. Большинство плах и лаги настилов Кузьмодемьянской улицы дали дату рубки 1134 г.

---

[12] НПЛ, стр. 329.

18-й ярус. Все лаги и плахи Кузьмодемьянской мостовой датируются 1161 г.

17-й ярус. Разброс дат в настиле Кузьмодемьянской и Великой улиц составляет семь лет, но лаги дали твердую дату — 1177 г.

16-й ярус. Это эффектный с точки зрения дендрохронологии ярус. Огромное количество образцов позволило сделать очень надежный и выразительный спектр угнетений более 50 образцов. Эти графики и спектры дали убедительные даты рубки плах и лаг настила Кузьмодемьянской улицы и переулка. Мостовые улицы и переулка были уложены в один и тот же год, а именно — в 1197 г. В 1212 г. мостовая ремонтировалась.

15-й ярус. Четкую дату строительства мостовой дают образцы с восточного участка Кузьмодемьянской улицы. Все шесть образцов настила имеют дату 1224 г.

14-й ярус. Время настила мостовой этого яруса определяют лаги. Дата их рубки 1238 г. Несколько плах настила датируются 1254 г. Перед нами опять (как и в 16-м ярусе) случай ремонта настила мостовой улицы.

13-й ярус. Настилы всех улиц дали более 50 образцов. Плахи настилов Великой и Кузьмодемьянской улиц имеют даты рубки 1268, 1267 и 1266 гг. Наибольшее число моделей (14 экз.) дали 1268 г. Лаги срублены в 1268 г. Следует обратить внимание, что мостовая Великой и Кузьмодемьянской улиц мостилась заново после грандиозного пожара в Неревском конце города в 1267 г. Мостовая Холопьей улицы строилась позже, в 1275 г.

12-й ярус. Хорошо представлен множеством плах и лаг. Плахи дают разброс даты рубки на 1280 и 1281 гг. Лаги дают дату рубки 1281 г. Холопья улица, как и в 13-м ярусе, мостилась позднее, в 1287 г.

11-й ярус. Великая и Кузьмодемьянская улицы мостились в 1299 г. Холопья улица мостилась в 1306 г.

10-й ярус. Большинство лаг дает дату рубки в 1313 г.

9-й ярус. Настил мостовых всех улиц строился из двух партий леса. 12 лаг из 16 рубились в 1340 г. Следовательно, мостовая была построена в 1340 г. В настиле этого яруса было встречено семь плах, у которых дата рубки дерева была 1342 и 1343 гг. Вспомним, что в 1340 году мостовые Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улиц настилались заново после пожара. Но в 1342 г. летопись сообщает о новом пожаре в Неревском конце [13]. После этого пожара мостовую ремонтируют, т. е. меняют некоторые плахи настила, вероятно сильно погоревшие.

8-й ярус. Здесь мы видим такую же картину строительства мостовой, как и в 9-м ярусе. Мостовая строилась из двух партий леса, но определяющими дату явились лаги, которые рубились в 1369 г.

7-й ярус. Мостовая строилась в 1382 г.

6-й ярус. Мостовая яруса строилась из леса двух партий. Лаги 6-го яруса дали тоже две даты. Это единственный случай для всех 28 ярусов. Часть лаг рубилась в 1390 г., а другая часть — в 1396 г. Такое различие дали Великая и Кузьмодемьянская улицы. Лаг с Холопьей улицы не было. Итак, время постройки 6-го яруса — 1396 г.

5-й ярус. Мостовая яруса была построена в 1409 г. Но в настиле были вскрыты плахи рубки 1414 и 1415 гг. Это ремонт после пожара 1414 г. [14].

4-й ярус. Возраст плах настила приходится на 1420, 1421 и 1422 гг Лаги дают дату постройки мостовой — 1422 г.

3-й ярус. Плахи и лаги, правда, в небольшом количестве, датируют сооружение мостовой 1429 годом.

[13] НПЛ, стр. 355.
[14] НПЛ, стр. 405.

2-й ярус. Три плахи мостовой Великой улицы определяют сооружение настила 1446 годом.

1-й ярус. Одна плаха и две лаги настила Великой улицы дали очень хорошие графики. Особенно выразителен график плахи. Это была широкая плаха со здоровой древесиной, в возрасте 205 лет (рис. 9). Год рубки плахи — 1462, тот же год рубки дали лаги. Следовательно, 1-й ярус мостовой Великой улицы, первый сохранившийся настил на Неревском раскопе, был сооружен в 1462 г.

Итак, на основе дендрохронологического анализа более 1000 образцов деревьев от настилов мостовых и иных сооружений Неревского раскопа нам удалось установить календарные даты сооружения настилов мостовых Великой, Холопьей и Кузьмодемьянской улиц.

Эти даты будут следующими:

Мостовая 28-го яруса строилась в 953 г.
» 27-го » » » 972 г.
» 26-го » » » 989 »
» 25-го » » » 1006 »
» 24-го » » » 1025 »
» 23-го » » » 1055 »
» 22-го » » » 1076 »
» 21-го » » » 1096 »
» 20-го » » » 1116 »
» 19-го » » » 1134 »
» 18-го » » » 1161 »
» 17-го » » » 1177 »

Мостовая 16-го яруса строилась в 1197 году. Эта мостовая в 1212 году ремонтировалась.

Мостовая 15-го яруса строилась в 1224 г.

Мостовая 14-го яруса строилась в 1238 г. Эта мостовая в 1254 г. ремонтировалась.

Мостовая 13-го яруса строилась в 1268 г. Мостовую Холопьей улицы этого яруса настилали в 1275 г.

Мостовая 12-го яруса строилась в 1281 г. Мостовая Холопьей улицы этого яруса настилалась в 1287 г.

Мостовая 11-го яруса строилась в 1299 г. Мостовую Холопьей улицы этого яруса настилали в 1306 г.

Мостовая 10-го яруса строилась в 1313 г.

Мостовая 9-го яруса строилась в 1340 г. Эта мостовая в 1343 г. ремонтировалась.

Мостовая 8-го яруса строилась в 1369 г.
» 7-го » » » 1382 »
» 6-го » » » 1396 »

Мостовая 5-го яруса строилась в 1409 году. Эта мостовая в 1414 г. ремонтировалась.

Мостовая 4-го яруса строилась в 1422 г.
» 3-го » » » 1429 »
» 2-го » » » 1446 »
» 1-го » » » 1462 »

Эта хронология и созданная нами дендрохронологическая шкала позволят теперь перейти к изучению хронологии ярусов Неревского раскопа в целом. Это тема нашего дальнейшего исследования.

Хронологическая шкала, установленная дендрохронологическим методом, несколько отличается от той хронологии, которую я предложил в работе 1956 г. «Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа» [15]. Дендрохронологическая шкала большинства ярусов

[15] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. I, МИА, № 55, 1956, стр. 44.

(вплоть до XIV в. включительно) их несколько омолодила. Совпали ярусы 28-й, 27-й, 26-й, 25-й, 24-й, 7-й, 6-й и 5-й, а верхние ярусы, начиная с 1-го до 4-го, удревнились и все перешли в XV в. Омолодились ярусы в некоторых случаях на 5 лет, максимально на 25 лет.

Новые методы естественных наук позволили уточнить Новгородскую хронологию, установленную ранее только на основе обычных методов исторического исследования. Научная дискуссия, проходившая в последние годы по вопросам новгородской хронологии, подняла ряд принципиально важных методических вопросов[16]. В первой статье, опубликованной в 1959 г., Б. А. Рыбаков писал: «Создание дендрохронологической шкалы диапазоном в 600 лет на основе нескольких тысяч бревен Неревского раскопа не только решит все споры между археологами и лингвистами, но и позволит пользоваться этой шкалой во всех других районах Новгорода» (стр. 83).

Теперь, после создания такой шкалы, можно сделать оценку некоторым положениям, выдвинутым в этой дискуссии.

Дендрохронологический анализ показал, что Б. А. Рыбаков был прав в следующих отношениях: 1) длительность существования ярусов мостовых настилов оказалась очень неравномерной; 2) хронология настилов мостовых на улицах и построек внутри усадеб не соотносится непосредственно и требует специального исследования[17]; 3) пожарные прослойки могут быть точно датированы и сопоставлены с летописью. В частности, пожар 1340 г., на котором настаивал Б. А. Рыбаков, действительно был в расположении Неревского раскопа; 4) дендрохронологическая абсолютная хронология вносит поправки в старый вариант шкалы Арциховского — Колчина, проходя между этой шкалой и шкалой Рыбакова и дважды сближаясь с последней для ярусов 15-го, 16-го и 10-го.

В некоторых других местах она сближается с нашим старым вариантом, а для всех ярусов X в. и первой половины XI в. совпадает с ним.

Дендрохронология, определившая календарные даты постройки всех настилов улиц, показала, что, хотя продолжительность некоторых ярусов по старой хронологии Б. А. Колчина не совпала с новой дендрохронологической, стратиграфическое размещение ярусов по векам, установленное на основе массового археологического материала, осталось прежним, т. е. по 5—5½ ярусов на столетие.

Дендрохронологическая шкала подтвердила правомерность положения Б. А. Колчина о том, что привлекать летописные упоминания о пожарах можно лишь тогда, когда уже определена каким-либо путем абсолютная хронология и ее лишь надо уточнить.

Дендрохронологическая шкала подтвердила положение А. В. Арциховского о том, что нельзя подряд все пожарища, вскрытые на раскопе, сравнивать со всеми летописными упоминаниями о пожарах в Неревском конце. Дендрохронология показала, что настилы двух ярусов — 20-го и 10-го строились вскоре после пожаров 1113 и 1311 гг., т. е. можно предположить, что 21-й и 11-й ярусы горели, но на раскопе следов пожарищ 21-го и 11-го ярусов не вскрыто. Отсутствие археологических следов пожаров 1113 и 1311 гг. можно объяснить двояко: или эти пожары не коснулись района раскопок, или следы их были устранены при планировании местности. Кроме того, на раскопе вскрыто шесть

---

[16] Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4, стр. 82; А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. СА, 1959, № 4, стр. 107; Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»?, СА, 1961, № 2, стр. 114; А. В. Арциховский. Ответ Б. А. Рыбакову, СА, 1961, № 3, стр. 122—136.

[17] Дендрохронологический анализ только бревен настилов мостовых этого вопроса еще не решил. Над анализом бревен всех прочих сооружений лаборатория работает в настоящее время.

пожарищ (ярусы 20-й, 15-й, 8-й, 5-й, 4-й и 3-й); эти пожары (а после них настилались новые мостовые) в 1134, 1238, 1382, 1422, 1429 и 1446 гг. не отмечены летописью.

Наши перспективы в области дендрохронологии достаточно заманчивы. В ближайшие годы мы намечаем собрать материалы и хронологически их обрабатывать по другим древним городам Руси, таким, как Псков, Ладога, Москва, Минск, Смоленск, Витебск и др. Большая работа предстоит в самом Новгороде на раскопках, в новгородских церквах и на строительных котлованах, где вскрывается много дерева.

На основе староладожских материалов мы постараемся удревнить нашу шкалу на два-три столетия. Необходимо будет собрать и более поздние материалы XVI—XIX вв. для того, чтобы продлить нашу шкалу до современности.

Большие возможности дендрохронология открывает в области изучения русского деревянного зодчества. Десятки изумительных памятников архитектуры датируются сейчас в пределах целых столетий, а то и более. Изучение образцов от этих зданий позволит датировать их с точностью до года. Образцы можно брать, не разрушая целостности бревен зданий специальными бурами.

Лаборатория дендрохронологии Института археологии АН СССР продолжает свои работы.

Н. Н. ВОРОНИН

О НЕКОТОРЫХ РЕЛЬЕФАХ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА В ЮРЬЕВЕ-ПОЛЬСКОМ

1. О первоначальном виде и смысле «Святославова креста»

Северный фасад Георгиевского собора — его главный фасад, лицо здания, обращенное к городской площади. Система резного убора северного фасада является поэтому ключом для раскрытия всей системы убранства храма в целом. К счастью, эта сторона собора при его крушении в XV в. сохранилась лучше остальных, что дает возможность подойти к реконструкции системы в целом и идейного замысла ее первоначального резного убора. Эту задачу блестяще решил Г. К. Вагнер, доказавший, что основной идеей декоративной системы фасада являлась выраженная в церковно-символических образах мысль о богоизбранности владимирской княжеской династии и ее прав на общерусское господство. Изображения святых патронов владимирских князей, образовавших «шеренгу героев» в колончатом поясе, осенялись помещенными в закомарах охранительными композициями: в боковых помещались «Три отрока в пещи» и «Даниил во рву львином», в средней — Распятие, так называемый «Святославов крест» [1].

Эта последняя композиция, занимая центральное место на главном фасаде здания, была основной во всем уборе собора. Ей придавали особое значение и заказчик — князь Святослав, и мастера: это самая крупная резная композиция, именно ее князь Святослав сопроводил специальной надписью, обрамленной первоначально резными полуколонками, о том, что «поставлен крест сь Святославъмь Всеволодичемь...».

Чтобы подойти к раскрытию смысла «Святославова креста», мы должны проделать кружной путь и надолго отвлечься от Георгиевского собора.

Крест занимал особое место в церковно-политической идеологии Владимирской династии. Напомним некоторые факты, идя от XIII в. вглубь. Брат Святослава Константин в 1218 г. построил на владимирском торговище каменный храм Воздвиженья креста [2]. Отправляя в 1205 г. на новгородское княжение сына Константина (явно названного в честь «равноапостольного» царя Константина), Всеволод III дал ему «крест честны и мечь, река: «се (т. е. крест) буди охраньник и помощник, а мечь прещенье и опасенье, иже ныне даю ти пасти люди своя от противных»» [3]. Здесь крест явно входит в обряд инвеституры рядом с мечом — симво-

[1] Г. К. Вагнер. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.). СА, 1961, № 3; его же. К вопросу о первоначальном оформлении фасадов Георгиевского собора. Рукопись. Архив ИА АН СССР, ф. I, разд. 2, инв. № 1724.

[2] ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стб. 441.

[3] Там же, стб. 422.

лом военной защиты подданных от внешнего врага, «от противных». В этом рассказе крест не только символ небесной помощи и защиты, он связывается и с мыслью о «старейшинстве» князя: «Бог положил на тебе старейшиньство в братьи твоей, но и въ всей Русской земли, и аз ти даю старейшьньство»,— говорит Всеволод [4]. Этот текст, как нельзя лучше, раскрывает идейный смысл «Святославова креста» Георгиевского собора как символа не только особого покровительства неба Владимирской династии, но и ее «старейшинства» в Русской земле. При ремонте Суздальского собора в 1194 г. в его стену была вставлена высеченная крестообразно на нескольких камнях надпись «похвалы кресту», утверждавшая его охранительные функции и в том числе, что «крест царем держава, крест верным утверждение» [5]. Во Всеволодовой росписи владимирского Успенского собора 1189 г. на видном месте, на западных гранях восточных подкупольных столбов, обращенных к молящимся, были изображены большие розовато-коричневые, украшенные «жемчугом», четырехконечные кресты с подвесками на концах перекрестья и изображениями «древа жизни» по сторонам. Над крестами были монументальные фигуры царя Константина и царицы Елены [6].Изображения крестов с «равноапостольным» византийским базилевсом и императрицей хорошо выражали идею «равноправия» с ними владимирской династии, которую пропагандировали как Всеволод, так и Андрей Боголюбский. Вспомним, что на устье Нерли Андрей поставил белокаменный крест с резной надписью той же «похвалы кресту», что и надпись 1194 г. Суздальского собора [7].

Особый интерес для нашей темы представляет текст «Сказания о чудесах Владимирской иконы богоматери» — памятника, созданного во Владимире до 1164 г. и дошедшего до нас в почти неприкосновенном древнем виде в списке XVII в. [8]. Это заключение издателя «Сказания» В. О. Ключевского теперь еще более упрочилось новыми археологическими данными, а анализ «Сказания» в сопоставлении с другими владимирскими литературными памятниками 60-х годов XII в. позволяет определить и его авторов — соборян Лазаря и Нестора во главе с княжеским духовником и старейшиной капитула владимирского Успенского собора — вышгородцем Микулой [9]. К «Сказанию» присоединен обширный рассказ о «чуде новом» Владимирской иконы, участвовавшей в походе на болгар 1164 г. и принесшей владимирскому оружию блестящую победу. Согласно этому тексту Андрей взял в поход не только Владимирскую икону, но и «крест». (Далее крест не упоминается, а говорится об иконе Спаса.) От иконы Спаса якобы «просияли» огненные лучи — сигнал к сожжению болгарских городов. Подобное видение в тот же день, 1 августа, будто бы имел византийский император Мануил, одержавший победу над «срацинами». Текст подчеркивает равенство византийскому кесарю «царя нашего и князя Андрея». Последний якобы по предложению Мануила и устанавливает праздник Спаса 1 августа [10]. Перед нами, следовательно, вымышленная «историческая» справка, объясняющая новый важный церковно-политический шаг Андрея Боголюбского и его церковников: рядом с культом Владимирской богоматери выдвигался патронат самого Спаса над Владимирской землей и ее князем.

О прочности этого, имеющего явно княжеский характер культа во Владимирском княжестве свидетельствует посвящение ряда храмов. Цер-

---

[4] Там же.

[5] Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в. СА, VI, 1940, стр. 311—313.

[6] Описание этих фресковых фрагментов мне сообщено В. Г. Брюсовой.

[7] Н. Н. Воронин. Новые памятники..., стр. 309—311.

[8] «Сказание о чудесах Владимирской иконы божией матери» (с предисловием В. О. Ключевского). СПб., 1878.

[9] Памятники владимирской литературы XII в. исследованы мною в особой работе.

[10] Сказание..., стр. 21—28.

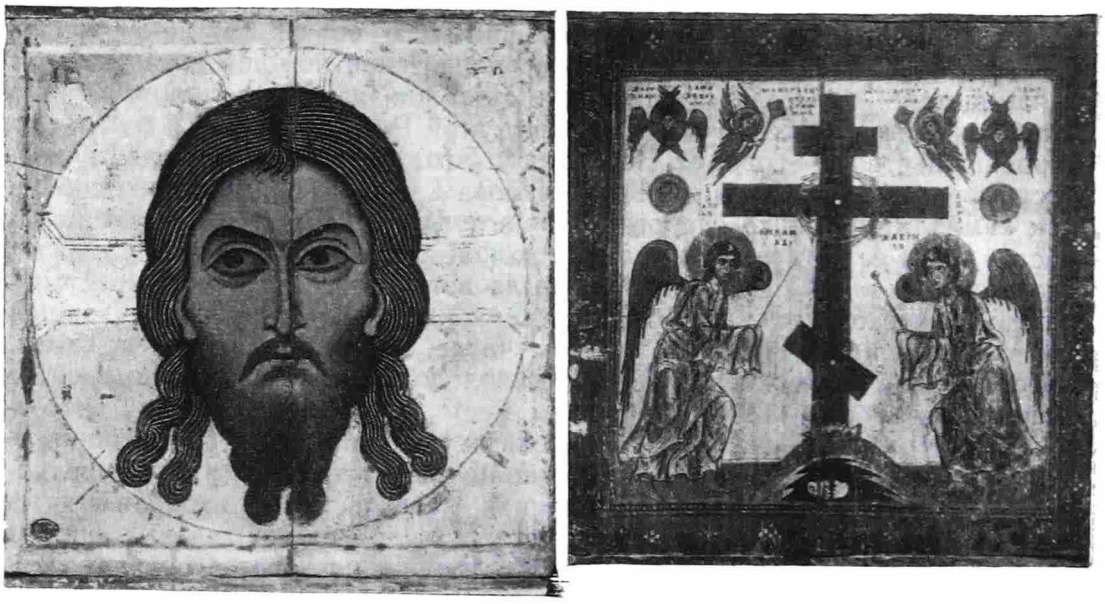


Рис. 1. Двусторонняя икона из Московского Успенского собора. XII в.

ковь Спаса (первую каменную во Владимире) ставит в 1108—1110 гг. Владимир Мономах; Спасские церкви строит в 1152—1157 гг. Юрий Долгорукий в Суздале и Переславле-Залесском; Андрей сооружает в 1162—1164 гг. на своем владимирском дворе вторую в городе церковь Спаса — она современница болгарской победы. Теперь князь учреждает специальный праздник Спасу. Это не была владимирская новинка. Празднование Спасу в Византии было установлено, как полагает Н. П. Кондаков, Мануилом, видимо, в 1152 г., после победы над персами. Праздник был соединен с празднованием Креста [11]. В византийской иконографии также наблюдалось сочетание Спаса и креста, уходящее, по мнению Н. П. Кондакова, ко временам признания христианства государственной религией при Константине Великом. Его эмблемой и было изображение креста с предстоящими ангелами и головы Христа в медальоне над крестом. Эта композиция называлась «никитирион», т. е. победный крест [12].

Так почему же в «Сказании о чудесах», имевшем целью прославление Владимирской иконы, вошло двойственное освещение болгарской победы как чуда то ли «креста», то ли Спаса? Специально заинтересовавшаяся этим сюжетом В. И. Антонова выдвинула в своей диссертации хорошо аргументированное положение, что «двойственности» в «Сказании» нет, что в поход была взята выносная двухсторонняя икона, на которой был представлен на лицевой стороне Спас, а на обороте — Поклонение кресту [13].

Такая икона дошла до нас в составе художественных сокровищ московского Успенского собора (ныне хранится в Третьяковской галерее, рис. 1) [14]. По своему стилю оба изображения иконы резко различны. Автор «Спаса» следовал византийскому образцу, давал строгий возвышенный образ Христа, моделируя лик в мягкой «сплавленной» манере

[11] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II, Птгр., 1915, стр. 374—375, прим. 3.

[12] Н. П. Кондаков. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1902, стр. 292—293.

[13] В. И. Антонова. Памятники живописи Ростова-Великого. Кандидатская диссертация, защищенная в Московском Гос. Университете в 1947 г. Рукопись хранится в фонде диссертаций Гос. библиотеки им. В. И. Ленина. Приношу В. И. Антоновой сердечную благодарность за разрешение сослаться на выводы ее неопубликованного труда.

[14] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. История русского искусства, т. II, М., 1954, стр. 115—116.

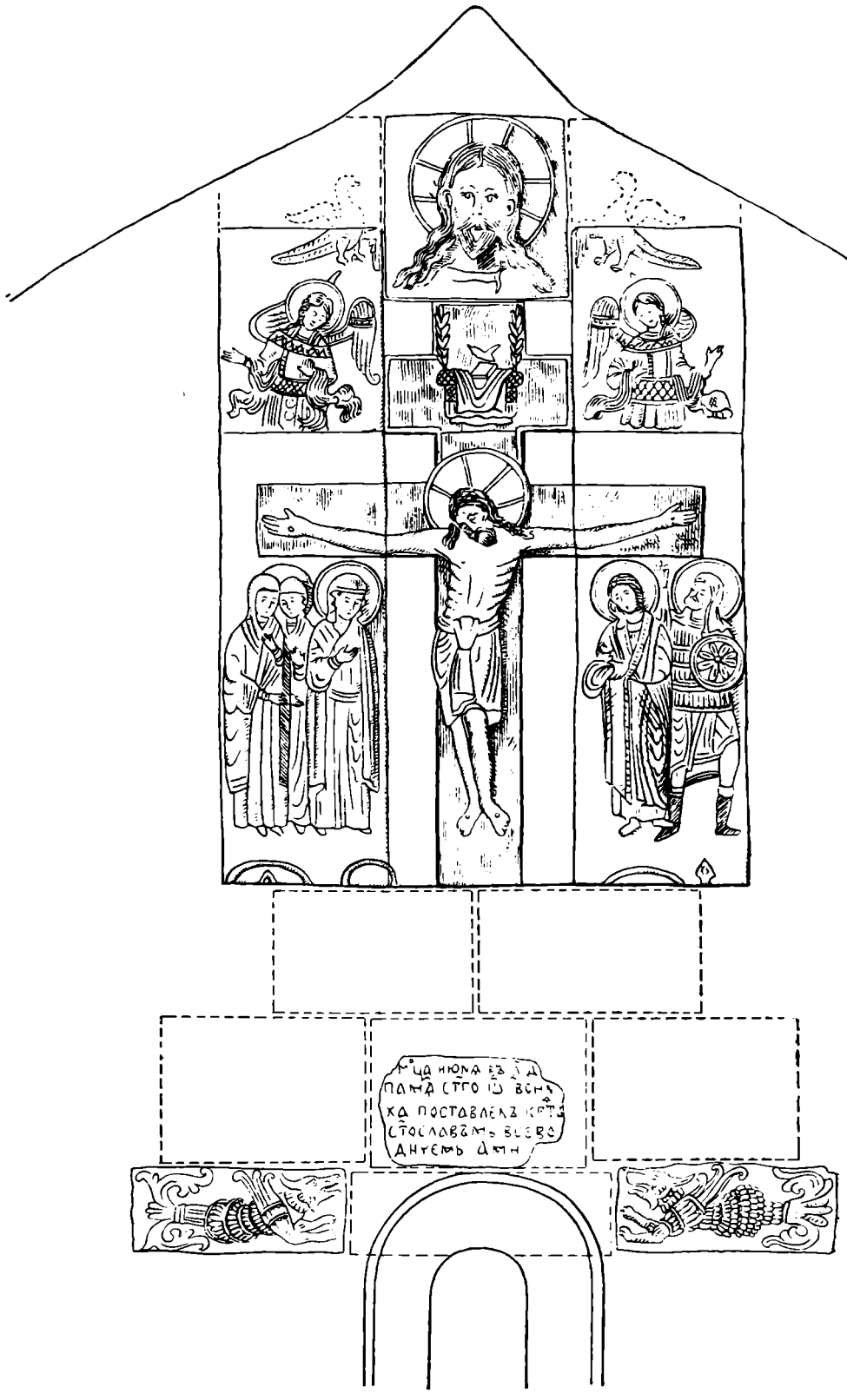


Рис. 2. «Святославов крест» (реконструкция)

свето-теневой лепки, пользуясь сдержанной цветовой гаммой, применив тонкие ювелирные золотые нити в передаче волос. Автор «Поклонения кресту» во всем противоположен первому. Он пишет в свободной энергичной манере, с резким противопоставлением света и тени, пользуется многокрасочной, хотя и несколько сумрачной, палитрой. Близость стиля к росписи Нередицы и фигур ангелов — к ангелам в ее куполе, характерная замена в надписях буквы *ч* и *ц* — позволили определить мастера как новгородца, «современника росписей Нередицы». К этому же времени было отнесено и изображение Спаса. Дополнительным аргументом этой датировки и новгородского приурочения иконы является заставка новгородского «Захарьевского пролога» 1262 г., где, по мнению исследователя, миниатюрист совместил в одной композиции обе стороны иконы, изобразив в центре Спаса, а по бокам ангелов и херувимов оборотной стороны иконы, что должно свидетельствовать о популярности иконы в Новгороде [15]. Здесь следует отметить, что в заставке представлен «Нерукотворный Спас» на плате, тогда как в иконе это просто голова Христа. Противоречие стиля «Спаса» и «Поклонения кресту» определяет отнесение их к двум различным мастерским: «Спас» выполнялся, видимо, княжеской мастерской, где была сильна приверженность византийской традиции, может быть мастерской «гречина Петровича», расписавшего в 1196 г. новгородскую церковь Положения ризы и пояса богородицы [16].

Столь ли, однако, неизбежна и неоспорима новгородская атрибуция и поздняя дата памятника? Его первый издатель, А. И. Анисимов, относил его к XII в. [17]. В. И. Антонова высказывается более решительно за середину XII в. и владимирское происхождение иконы [18]. Добавим несколько дополнительных соображений в пользу последнего мнения, начав с некоторых общих методологических вопросов.

В атрибуции памятников древнерусской станковой живописи, определении их даты и школы, важнейшим спутником стилистического анализа являются письменные или устные сведения о происхождении той или иной иконы из определенного города, монастыря или храма. Если эти историко-географические данные о «биографии» иконы совпадают с показателями ее стилистического анализа, то это упрочивает включение данного памятника в круг определенной художественной школы. Однако нельзя не признать, что даже сочетание и совпадение обоих источников атрибуции не дает ей бесспорных оснований. Известно, что артели средневековых живописцев и отдельные художники работали не только на своей родине; они могли создавать произведения в своем местном областном «стиле» в другом, часто отдаленном княжестве. С другой стороны, происхождение иконы из определенного пункта далеко не всегда определяет ее действительную родину. В иконной «казне» больших городских соборов, крупных монастырей могли объединяться иконы различных школ и центров, попадавшие туда путем вклада, военной добычи, вывоза местных «святынь» в главный храм княжества для поновления икон столичными мастерами и т. д. Подобную пестроту и разнородность состава икон мы прежде всего можем предполагать там и тогда, где и когда реализовались объединительные политические тенденции, например во Владимире XII — XIII вв., где работали «из всех земель мастеры», или в Москве — в пору образования Русского централизованного государства XV—XVI вв. Следовательно, обе основы атрибуции памятника станковой живописи являются основами относительными, дающими приближенное решение вопроса о родине той или иной иконы, допускающие коррективы в свете других источников.

[15] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. История русского искусства, т. II, М., 1954, стр. 114—115.

[16] Там же, стр. 122—124.

[17] А. И. Анисимов. Домонгольский период древнерусской живописи. «Вопросы реставрации», т. II., М., 1928, стр. 125.

[18] В. И. Антонова. Ук. соч., стр. 65.

Что касается датировки памятников иконописи, то следует помнить, что до нас дошли лишь редкие и случайные звенья больших эволюционных рядов и их вынужденная датировка по стилистической близости с точно датированными фресковыми росписями (которые также не дают полного эволюционного ряда) может сильно искажать дату иконы.

Особой настороженности исследователя требуют памятники, происходящие из таких сокровищниц искусства, как московский Успенский собор, где они накапливались в течение столетий и особенно обогатились в пору возвышения Москвы, ставшей раньше общерусской церковной столицей, стольным городом «митрополита всея Руси», и лишь позднее ее политическим центром. Важнейшим слагаемым в составе художественных и книжных богатств московского митрополичьего собора были ценности, унаследованные им от его предшественника — Успенского собора во Владимире и других владимирских храмов. Так, в московском соборе оказался великолепный большой сион из утвари владимирского Успенского собора. Здесь же сохранились попавшие сюда из Владимира два оглавных деисуса XII—XIII вв.[19]. Отсюда же в числе других книг попал в библиотеку московского Успенского собора знаменитый сборник XII в.[20], на переплете которого уцелела (в виде своеобразного «экслибриса») медная круглая накладка-фигура льва, живо напоминающая белокаменных зверей владимирских храмов XII—XIII вв. Следовательно, значительная доля ценностей московского Успенского собора происходит из великокняжеского Владимира, откуда может происходить с наибольшей вероятностью, и интересующая нас двусторонняя икона ГТГ.

Но как быть с «новгородским» оборотом иконы, как будто незыблемо связанным со стилем фресок Нередицы и концом XII в.? Известно, что этот стиль сложился не сразу, вырабатывался постепенно и не только в Новгороде. Такова, например, роспись крещальни Киевской Софии XII в., по заключению Н. Окунева «ближе всего подходящая» к росписи Нередицы[21]. С еще большим основанием, анализируя роспись церкви Кирилловского монастыря в Киеве, В. Н. Лазарев видит в ней «киевскую параллель к несколько более поздним новгородским фрескам»[22]. Вопрос о дате Кирилловской росписи не ясен, но едва ли храм, созданный в середине XII в.[23], долго оставался нерасписанным. Следовательно, роспись может быть сближена с серединой XII в. Автор «Поклонения кресту», судя по особенностям фонетики надписей, был новгородцем. Он мог попасть во Владимир в числе мастеров различных отраслей искусств, призванных Андреем для строительства 1158—65 гг. и украшения храмов.

Мастер же лицевой стороны иконы, создавший великолепный образ Спаса, по своему искусству, более строгому и близкому к византийскому, мог быть и непосредственно греком или владимирцем — учеником греческого мастера. В распоряжении Андрея были «искуснейшие изографы», собранные «из разных земель»[24]. Ясность и строгая красота образа роднят его с архитектурой андреевской поры.

---

[19] В. Н. Лазарев. Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII вв. (к истории иконостаса). КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 67.

[20] А. А. Шахматов и П. А. Лавров. Сборник XII века московского Успенского собора. ЧОИДР, М., 1899, кн. II, вып. 1.

[21] Н. Окунев. Крещальня Софийского собора в Киеве. ЗОРСА, т. X, Пгр., 1915, стр. 131; В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Киевской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 220.

[22] В. Н. Лазарев. Ук. соч., стр. 218. От кирилловских фресок «можно вести начало русской художественной школы, перешедшей на север и оставившей фрески в Нередицкой церкви в Новгороде, в Мирожском монастыре во Пскове и во Владимире» (К. Шероцкий. Киев (путеводитель), Киев, 1917, стр. 213).

[23] Ю. С. Асеев. Архітектура Кирилівського заповідника. Архітектурні пам'ятники, Київ, 1950, стр. 85.

[24] Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1770 год, составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767—1769 гг. ЧОИДР, М., 1878, кн. I, стр. 4.

Сказанное подтверждает данную В. И. Антоновой датировку иконы и ее отнесение к Владимиру. Весьма вероятно, что она была заказана для Спасской церкви нового Андреева двора (1162—1164). Как резонно заключает В. И. Антонова, об этой иконе и рассказывает «Сказание» как об участнице болгарского похода 1164 г. Она была знаменем-лабарумом князя, подобно тому, как Спас был изображен на знамени Донского в Куликовской битве и на «большом государевом стяге» Казанского похода Ивана Грозного [25]. «Брови Спаса изогнуты, грозные глаза устремлены влево, рот сурово сжат, упругие золотые пряди волос подобны перегородкам эмали... порожденный этим изобразительным языком воинственный характер иконы соответствовал ее назначению...» [26]. И совершенно закономерна связь этой иконы с иконографической темой «победного креста» — «никитирион». Во владимирской иконе эта композиция оказалась размещенной на двух ее сторонах. Икона участвовала в большом походе, победа была приписана ей. Таковы исторические корни культа Спаса и «Победного креста» во Владимирской земле.

Возвращаясь к нашей теме о «Святославовом кресте» Георгиевского собора, уместно задать вопрос, не имела ли эта композиция того же значения «победного креста»? Здесь нужно вспомнить, что в военной биографии самого строителя собора князя Святослава также был победоносный поход на болгар 1220 г., совершенный им по распоряжению брата и великого князя владимирского Юрия, и по возвращении из которого Святослав был встречен Юрием как триумфатор, ему и его воинам Юрий воздал великую честь и дал великие дары [27].

Есть основание думать, что «Святославов крест», снабженный столь торжественной записью князя о его изготовлении и введении в убор храма, не был обычным по своей композиции Распятием. Дополненное в своей верхней части симметричными фигурами ангелов, оно остается как бы незаконченным, со странной пустотой над вершиной креста. На южном фасаде собора среди разрозненных рельефов, над западным окном есть отдельный камень с головой Христа в крестчатом нимбе [28], очень напоминающий Спаса андреевского лаоарума. По размерам этот камень точно соответствует ширине среднего камня «Святославова креста». К. К. Романов отметил, что Спас близок по манере и приемам резьбы голове Христа в Распятии, т. е. что ее, видимо, резал тот же мастер [29]. Соединяя камень со Спасом с Распятием мы получаем в сущности композицию «Победного креста» — никитирион в своеобразном изводе, где место простого креста заняло Распятие с предстоящими (рис. 2). Композиция приобретает при этом законченный характер, фигуры ангелов и птиц связываются с их славословием Спасу.

Предлагаемую нами реконструкцию можно подтвердить еще одним сопоставлением, которое, на наш взгляд, является решающим и переводящим высказанную нами гипотезу в разряд действительных фактов. На северном и южном фасадах Успенского собора в Дмитрове в средних закомарах помещены две большие изразцовые композиции Распятия (рис. 3), а в нижней части южной стены — круглое изразцовое панно, изображающее конного Георгия (хотя собор посвящен Успению). Вопрос о дате этих выдающихся произведений русского прикладного искусства остается не до конца ясным. Однако наиболее убедительной является аргументация первых издателей памятника, полагавших, что эти панно принадлежат к концу XV в. и связаны с первоначальным собором, первые сведения о котором относятся к 1472 г.; эту дату поддерживает и ав-

[25] В. И. Антонова. Ук. соч., стр. 56.
[26] Там же, стр. 65.
[27] ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 126—128.
[28] А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. I, М., 1916, табл. 37, *3*.
[29] К. К. Романов. Святославов крест в г. Юрьеве-Польском. Сборник археологических статей в честь А. А. Бобринского. СПб., 1911, стр. 206.

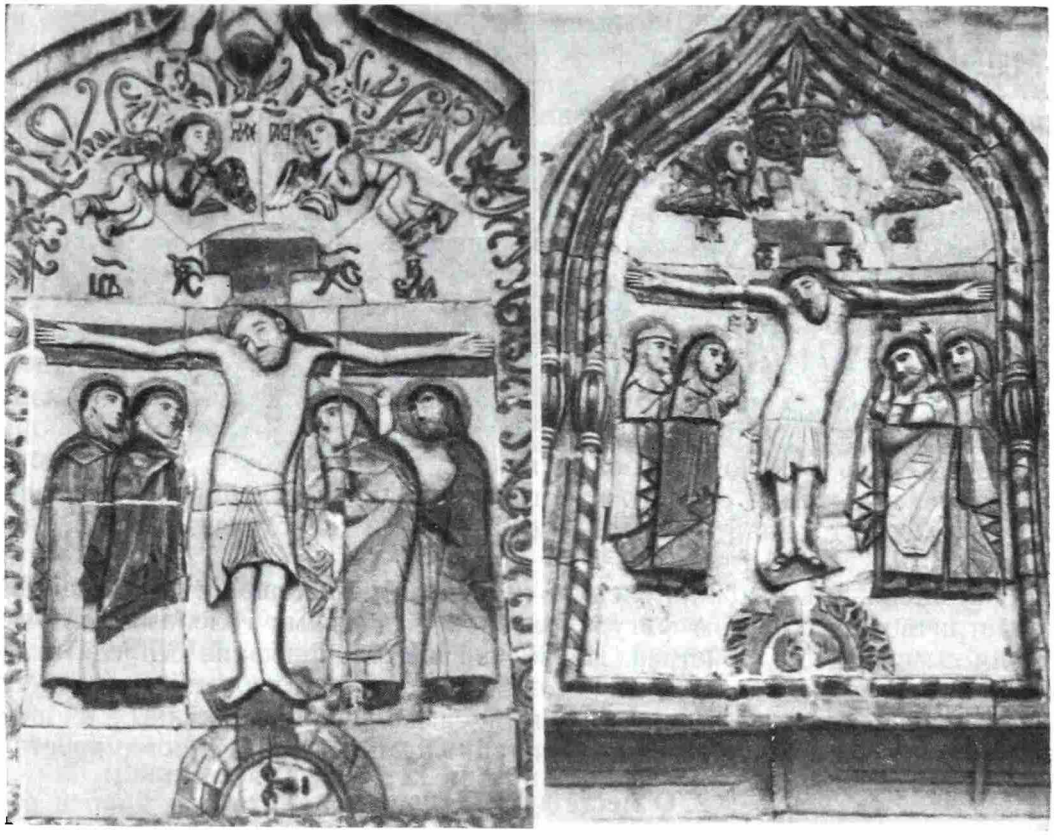


Рис. 3. Изразцовые Распятия Успенского собора в г. Дмитрове (слева— северное, справа— южное)

торитетное заключение В. Н. Щепкина о палеографии надписей [30]. В недавнее время Ю. И. Аренковой было высказано очень убедительное предположение, что дмитровские монументальные рельефы связаны с деятельностью В. Д. Ермолина, во владениях которого в Дмитровском уезде было гончарное производство [31]. Вспомним, что В. Д. Ермолин делал или заказывал статуи Георгия и Димитрия для ворот Московского Кремля [32]. Он же «собирал» в 1471 г. рухнувший Георгиевский собор. Можно с уверенностью полагать, что сама идея сборных монументальных композиций, украшающих закомары храма, была подсказана этой системой Георгиевского собора, где лучше других сохранилась главная композиция северной стены «Святославов крест». Изразцовые Распятия и заняли средние закомары Дмитровского собора. Иконографически дмитровские Распятия не повторяют «Святославов крест». Существенно, однако, что оба Распятия помещены в килевидных киотах, как бы напоминающих килевидное обрамление закомары над «Святославовым крестом». Оба распятия сохранили и более отчетливые следы своей зависимости от юрьево-польского «образца». В верхней части южного Распятия фон занят плоским растительным орнаментом, как бы напоминающим о ковровом фоне «Святославова креста». На северном же Распятии над древком креста и ангелами помещена крупная голова Спаса, явно повторяющая юрьевскую композицию «Победного креста» — никитирион. Случайно

[30] М. Э. Воронец и В. Воронов. Изразцовые Распятия Успенского собора в Дмитрове. Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 94—96. А. В. Филиппов датировал дмитровские панно серединой XVI в. См. А. В. Филиппов. Древнерусские изразцы, вып. 1, М., 1938, стр. 26.

[31] Приношу Ю. И. Аренковой сердечную благодарность за разрешение сослаться на ее неопубликованную работу.

[32] Н. Н. Соболев. Русский зодчий XV века В. Д. Ермолин. Сб. «Старая Москва», вып. II, М., 1914.

или нет, но этот вариант Распятия помещен так же, как в Юрьеве, на северном фасаде [33]. Так, в пору строительства «царственной Москвы», когда ясно было подчеркнуто значение владимирской архитектурной традиции, проявился интерес и к владимирской пластике.

Таким образом, центральная композиция северного фасада Георгиевского собора была не обычным Распятием, а монументальным воспроизведением в своеобразной редакции композиции «Победного креста», что расширяло и самый смысл этой главной композиции северного фасада. Крест выступал не только как охранительный символ, своего рода династический «оберег». «Победный крест», будучи знаменем-лабарумом похода на болгар 1164 г., был поставлен на стене Георгиевского собора вторым победителем болгар, вождем похода 1220 г. князем Святославом, обретая широкий «внешнеполитический» смысл, Владимирские князья, чьи патроны выстроились грозной шеренгой в колончатом поясе собора, представлялись как победоносные вожди, и, в частности, как «христианнейшие» участники единого крестоносного фронта в борьбе с «неверными» вместе с византийскими императорами и королями Западной Европы.

В этой связи, возможно, следует изменить и толкование поставленных симметрично под крестом фигур драконов с волчьими головами. Думаю, что их смысл здесь двойствен. Их волчья ипостась связана с представлением о волках как предсказателях победы [34], а их озлобленно напряженное и скрученное тело может отвечать символике поверженных иноверных врагов, демонической силы, попранной силой «Победного креста».

2. О месте двух Деисусов

В составе резных камней Георгиевского собора обращает на себя внимание наличие нескольких композиций Деисуса. Большой 11-фигурный Деисус занимал колончатый фриз торцового фасада западного притвора, как это с полной ясностью доказано Г. К. Вагнером [35]. Второй Деисус, из пяти фигур, был поставлен на стену новой колокольни, а затем перенесен в верхнюю часть западного притвора (рис. 4) [36]. Третий, «малый» Деисус, в отличие от двух первых полнофигурных, поясной. Два камня из его состава были вставлены Ермолиным в восточную стену собора [37].

Обилие Деисусов в резном уборе собора подтверждает высказанное ранее наблюдение, что эта композиция была особенно популярна во Владимирской Руси [38]. Но в то же время возникает вопрос: где же помеща-

[33] По-видимому, Дмитровское северное Распятие послужило «образцом» или поводом для помещения подобного же монументального изразцового Распятия на фасаде Борисо-Глебского шатрового собора в Старице, построенного в 1558—1561 гг. Этот памятник, как и Покровский собор «на рву» в Москве, видимо, связан с «казанской победой». Старицкое распятие также входило в композицию «Победного креста» (кроме фрагментов Распятия, сохранился и Спас). См. А. В. Филиппов. Ук. соч., стр. 26.

[34] Г. К. Вагнер. К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. СА, 1960, № 1, стр. 108.

[35] Г. К. Вагнер. Аркатурно-колончатый фриз..., стр. 86 сл.

[36] А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 39, *6—7*.

[37] Там же, табл. 31, *4*.

[38] В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства, т. I, стр. 470; его же. Два новых памятника..., стр. 74. На наличие уже в середине XII в. развернутой композиции Деисуса во владимирском искусстве косвенно указывает текст «Сказания о празднике Спаса», составленный во Владимире после 1164 г., где в обращении к Спасу говорится о молении ему за род человеческий богоматери и святых (Сказание о чудесах..., стр. 25—26). О том же говорит текст «Повести об убийстве Андрея Боголюбского», составленный попом Микулой, где рассказывается, как князь ходил по ночам в свой дворцовый собор «и видя образ божий на иконах написан, взирая яко на самого творця и вси святее написаны на иконах». (ПСРЛ, т. II, СПб., 1908, стб. 583). Иконы могли помещаться только на алтарной преграде. Видимо, это был многофигурный Деисус («творец» и по сторонам «вси святее»). На наличие в храмах середины XII в. развернутых ростовых Деису-

Рис. 4. Второй Деисус Георгиевского собора

лись эти Деисусы? Можно, кажется, не сомневаться, что вряд ли, при наличии большого 11-фигурного Деисуса в поясе собора, этот сюжет дублировался в его наружном, фасадном убранстве, а тем более был помещен и третий раз. Мы не разделяем высказываний Н. П. Кондакова и К. К. Романова о наличии в XIII в. рядом с собором второго храма или иного убранного резным камнем здания. Следовательно, единственно возможным ответом на поставленный вопрос является признание, что второй и третий Деисусы относились к внутреннему убранству собора.

В недавнее время С. Г. Щербовым была высказана мысль, что крупные культовые композиции, оказавшиеся ныне в виде разрозненных частей на переложенных В. Д. Ермолиным фасадах собора, первоначально представляли собой части большого резного иконостаса, а частью располагались на столбах и стенах собора [39]. Гипотеза эта, видимо, была продиктована стремлением автора «освободить» фасады собора от церковных сюжетов и усилить «светский» характер их убранства. Если совершенно невероятна мысль о резных композициях на столбах и стенах храма, то нельзя согласиться и с предположением о развитом «резном иконостасе»: оно противоречит установленному в науке достаточно точному представлению о сложении иконостаса в гораздо более позднее время [40]. Однако также ясно, что первоначальным ядром иконостаса был Деисус; его иконы ставились над «царскими вратами» алтарной преграды [41].

Вероятнее всего, преграда Георгиевского собора была белокаменной, как это мы знаем, например, относительно Боголюбовского собора [42]. При пышной «узорчатости» фасадов Георгиевского собора и смелом переводе в скульптуру церковных композиций, оплетенных побегами растительного орнамента, можно вполне допустить, что и алтарная преграда была богато украшена резьбой. При этом не будет смелым предположение, что Деисус над входом в алтарь представлял собой совокупность

сов указывает изображение 7-фигурного Деисуса, сделанного русским эмальером на знаменитой золотой диадеме из клада 1889 г. из усадьбы Гребеновского в Киеве (см. Н. П. Кондаков. Русские клады. СПб., 1896, табл. VIII, стр. 145—153). Раньше, чем эта композиция вошла в обиход прикладного искусства, она, несомненно, должна была укорениться в храмовой живописи и иконописи.

[39] С. Г. Щербов. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском XIII в. Кандидатская диссертация. Рукопись хранится в фонде ГБЛ, стр. 121—144 (автореферат, М., 1955).

[40] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. История русского искусства, т. II, стр. 162—164.

[41] В. Н. Лазарев. Два новых памятника..., стр. 71 сл.

[42] Н. Н. Воронин. Зодчество северо-восточной Руси XII—XV вв., т. I. М.—Л., 1961, стр. 223—225.

резных каменных икон. Именно такой характер имеет второй 5-фигурный Деисус в рост (рис. 4). Размеры камней, одинаковых по высоте (60—61 *см*), несколько разнятся по ширине: наиболее крупны камни с изображениями ширококрылых архангелов — Михаила (31 *см*), Гавриила (27 *см*) и центральной фигуры Христа (28—29 *см*); два остальных камня — самые узкие: с изображением Марии — 22 *см* и Иоанна Предтечи — 21 *см*. Фигуры этого Деисуса деталированы мельче: они рассчитаны на рассмотрение с небольшого расстояния; резьба носит «станковый» характер. Существенно, что тыльные стороны резных камней гладко отесаны с расчетом на их видимость, тогда как резные камни, предназначенные

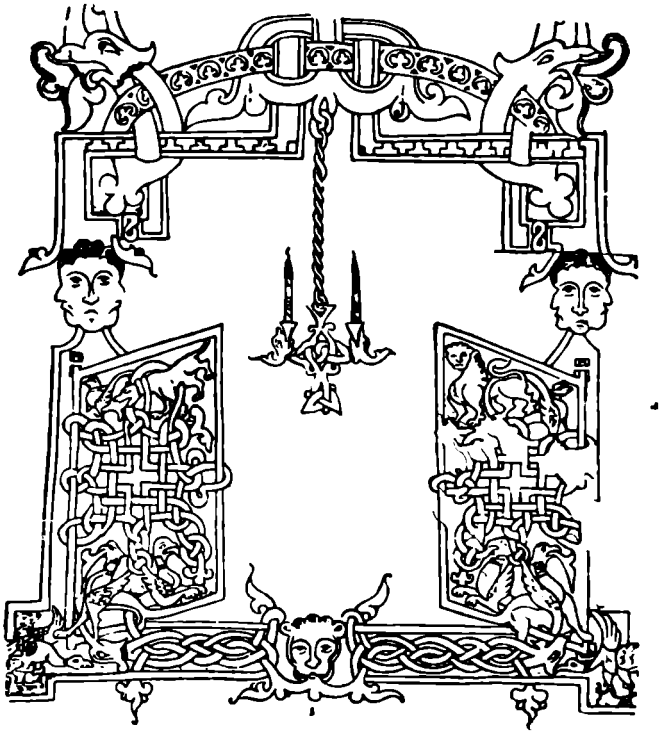


Рис. 5. Резные царские врата (миниатюра XIV в.)

для укладки в стену, имеют необработанную поверхность, рассчитанную на лучшее сцепление с раствором забутки. Кроме того, тыльные стороны камней частично сохранили боковые пазы (камни с Христом и Михаилом архангелом) или боковые срезы под 45° (камни с Богородицей и Предтечей). По-видимому, камни включались в резное обрамление типа киота из сборных частей. Общая протяженность пяти камней равна 1,3 *м*; вместе с резными тягами меж ними и по бокам она могла составлять около 1,7—1,8 *м*. Все это позволяет с большим основанием считать, что полнофигурный Деисус помещался в среднем звене алтарной преграды над ее «царскими вратами». Резные камни заменили иконы.

Где же находился третий, поясной Деисус, достаточно монументальный по своим размерам и формам? При вышине 34—39 *см* фигуры очень широки — от 31 до 41 *см*. Общее протяжение пяти камней больше, чем второго Деисуса,—1,77 *м*. Тыльные стороны камней оставлены необработанными, следовательно, камни предназначались для стенной кладки. Снаружи дублирование Деисуса, как говорилось, мало вероятно. Единственное закономерное место третьего Деисуса — в тимпане над проемом апсиды Троицкого придела-усыпальницы, по данным раскопок К. К. Романова, очень незначительного по площади. Особую алтарную преграду при затесненности погребальной капеллы трудно предположить

Деисусный чин и был, видимо, размещен в кладке над проемом апсиды. Его размер (1,77 *м*) подходит для данного места (ширина проема — около 2 *м*).

Таким образом, следует признать, что резной камень применялся и в интерьере Георгиевского собора. Можно думать, что, кроме «резных икон» над входом главного алтаря, и сама алтарная преграда была богато украшена резьбой. Возможно, что столбики «царских врат» завершались подобными фасадным трехликими капителями, как это представлено на миниатюре псалтыри XIV в. (рис. 5).

Следует в заключение отметить, что описанный полнофигурный Деисус очень не обычен Христос изображен здесь с поднятыми руками в виде «оранта», т. е. в позе моления, что подчеркнуто молитвенным двоеперстием обеих рук (эта деталь известна по изображению Спаса — Эммануила на «ярославской» иконе Оранты). Отмеченная особенность Деисуса алтарной преграды хорошо согласуется с общим замыслом всего резного убранства собора, развивавшего тему покровительства небесных сил Владимирской земле и ее княжеской династии.

Публикации

В. Ф. КАХОВСКИЙ

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЧУВАШИИ

Разведывательные работы и археологические раскопки, произведенные за последние годы Чувашской археологической экспедицией Института археологии АН СССР под руководством А. П. Смирнова, увенчались открытием поселений эпохи бронзы. Разведками 1958 и 1959 гг. в северных районах (Мариинско-посадском и Чебоксарском) Чувашской АССР открыты 16 поселений. Одна группа поселений открыта в западной части Чебоксарского района, в 15 *км* южнее р. Волги: три поселения близ дер. Шоркино, одно у дер. Тохмеева и два — близ с. Синьял-Ойкасы. Все они находятся, как правило, по соседству с курганными могильниками. Другая группа, состоящая из десяти поселений, выявлена близ с. Яндашево, на нижнем течении р. Цивиль, в 20 *км* восточнее г. Чебоксары (рис. 1).

Поселения Тохмеевско-Шоркинской группы расположены на возвышенных местах, вблизи лесов, небольших водоемов и лугов (рис. 1). Селище № 1 открыто в 700 *м* западнее дер. Тохмеево, на возвышенном месте поля, рядом с песчаным карьером. С распахиваемой поверхности селища собран подъемный материал.

В 1958 г. на этом селище были заложены два раскопа площадью в 48 $м^2$. Супесчаный почвенный слой незначительной толщины — до 0,2 *м*. Ниже залегает более темный, слегка гуммированный супесчаный слой толщиной до 0,15—0,2 *м*. Под ним залегает материк — супесчаный и местами суглинистый.

Раскопками 1959 г. на селище были открыты остатки четырех полуземлянок размером 10—12 $м^2$ и глубиной до 0,4 *м*. В них найдены обломки глиняной посуды, кремневый нож, пряслице и остатки очага.

Глиняная посуда делится на две группы: к одной группе относятся толстостенные двухслойные сосуды плохого обжига, к другой, — тонкостенная, плотная посуда хорошего обжига. Численно преобладают двухслойные сосуды, имеющие в тесте примеси дресвы, шамота и мелкозернистого песка. Поверхность сосудов хорошо сглажена, в некоторых случаях они залощены. Среди находок имеются венчики и стенки, днища отсутствуют, есть несколько венчиков с утолщенным краем. Орнамент, как правило, резной и мелкозубчатый, покрывает верхнюю часть сосудов в виде ромбов, заполненных мелким гребенчатым штампом, зигзагов, угольников, наклонных линий и елки (рис. 2, *1*).

Часть посуды по фактуре, форме и мотивам орнамента близка сосудам фатьяновского типа из курганов Атли-Касы, раскопанных П. Н. Третьяковым [1], и из кургана близ дер. Кумак-Касы, раскопанного нами в 1957 г. По сходству в посуде Тохмеевское селище можно отнести к группе поселений, выделенных П. Д. Степановым в число фатьяновских [2]. Однако некоторая часть сосудов с Тохмеевского селища идентична сосудам аба-

[1] П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 26.

[2] П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях. СА, 1958, № 2, стр. 124—133.

шевского типа из могильника, расположенного рядом с поселением, в лесу, в 1 *км* юго-западнее дер. Тохмеево.

Тохмеевский курганный могильник является самым крупным из обследованных до сих пор могильников эпохи бронзы в Чувашии: в нем насчитывается 48 курганов, преимущественно круглых в плане, диаметром от 6 до 20 *м*, высотой от 0,3 до 2 *м*. Курганы мелкие группируются вокруг крупных. Нами было раскопано шесть курганов. На уровне материка открывались могильные ямы прямоугольной формы, ориентированные на восток и северо-восток (в кург. № 1, 2, 3 и 10 — по три могилы, в кург. № 4 — одна и в № 2 — две могилы). Могильные ямы были заполнены черной землей с многочисленными вкраплениями угольков. На поверхности погребенной почвы и выкида вокруг могильных ям обнаружены темные пятна, содержащие остатки тризны (угольки и золу).

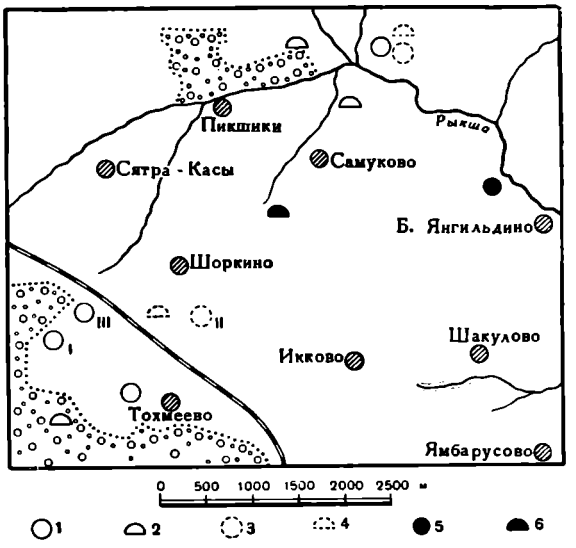


Рис. 1. Карта расположения археологических памятников в Юго-западной части Чебоксарского района

1 — поселение; *2* — курганы; *3* — поселение сильно распаханное; *4* — распаханный курган; *5* — болгарские селища; *6* — место жертвоприношений (кереметь)

В могилах найдены абашевские сосуды трех типов. В кург. № 1 (погр. 1) находился остроребериый сосуд без орнамента (высота — 6,5 *см*, диаметр горла — 8 *см*, диаметр тулова — 9 *см*, диаметр основания — 7 *см*, толщина стенки — 0,9 *см*). Сосуды второго типа были найдены в круг. №№ 1 (погр. 1), 2 (погр. 1), 3 (погр. 1) и 28 (погр. 1 и 2); они колоколовидной формы без орнамента, или с орнаментом в виде насечки и оттисков веревочного штампа по венчику. К третьему типу относится найденный в кург. № 2 (погр. 1) тонкостенный баночный сосуд черного цвета, хорошего обжига (его размеры: высота — 5,5 *см*, диаметр тулова — 6 *см*, диаметр основания — 5,5 *см*), поверхность сосуда покрыта заштрихованными зигзагами (рис. 2, II). Кроме того в кург. № 10, в юго-восточном углу могильной ямы № 2 было прослежено скопление серой массы — содержимое деревянного сосуда, следы которого в виде древесного тлена темно-коричневого цвета хорошо сохранились.

Все типы абашевских сосудов из Тохмеевского могильника имеют сходство с частью сосудов Тохмеевского селища.

К тохмеевскому комплексу примывают поселения Шоркино I и III, расположенные на возвышенной местности «Патри теми» («близкий холм»), на опушке леса 3-го квартала Икковского лесничества. На распахиваемой поверхности поселений собраны обломки глиняных сосудов.

В 1958 и 1959 гг. производились раскопки селища Шоркино I. В 1958 г. на участках 1, 2, 5 и 6, раскопа I при зачистке второго штыка были открыты параллельные полосы древесного тлена (всего 14 полос) на площади 12 × 14 *м*. Мы тогда высказали предположение, что полосы древесного тлена являются остатками бревенчатого настила под жилым помещением.

В 1959 г. на селище Шоркино I было заложено восемь раскопов общей площадью 1496 $м^2$.

Стратиграфия культурного слоя следующая: 1) верхний слой — распаханный культурный слой, мощностью в 0,18—0,25 *м*, состоит из

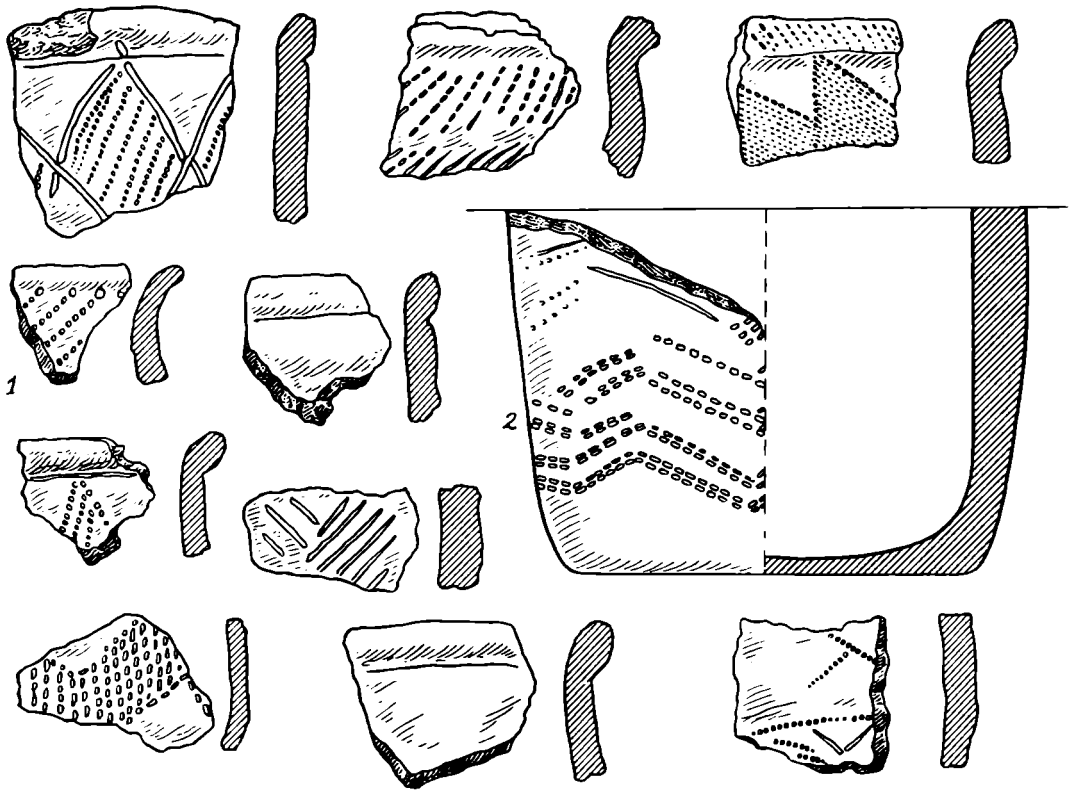


Рис. 2

1 — керамика с поселения Тохмеево I; *2* — сосуд из кург. № 2 Тохмеевского могильника

слабо гуммированного песка; 2) нераспаханная часть культурного слоя, толщиной от 0,1 до 0,25 *м*, состоящая из более гуммированного песка темного цвета; 3) в основании этого слоя прослежены линзы древесного тлена в виде прямоугольников или полуовалов шириной 0,1—0,2 *м*, толщиной до 0,08 *м*; эти линзы выделяются своим коричневым цветом и содержат остатки хорошо прослеживаемого древесного тлена и угольки; в двух случаях найдены куски обуглившейся коры дуба; 4) ниже песчаного нераспаханного слоя, непосредственно под слоем настила, открыты сооружения (землянки и хозяйственные ямы), относящиеся к более раннему времени; культурный слой, связанный с ними, при сооружении настила был уничтожен; 5) подзол (погребенная почва) прослежен главным образом в северной и юго-западной части настила, а на остальной части раскопов — в виде отдельных пятен; 6) материк значительной влажности, состоит из желтого песка и (местами) глины; по оси раскопов в материке прослежена узкая полоса охры.

При вскрытии культурного слоя были найдены обломки сосудов того же типа, что и обнаруженный в раскопках 1959 г. на Тохмеевском селище, а также на площади открытого разведками поселения рядом с Шоркино I, в 0,5 *км* южнее ж.-д. разъезда Шоркино.

Посуда представлена двумя группами: 1) рыхлые сосуды с примесью в глиняном тесте шамота и дресвы, плохого обжига и, как правило, более толстостенные; эта группа составляет 75% находок от общего количества; 2) плотные тонкостенные сосуды черного цвета, плохого обжига с примесью мелкозернистого песка, со сглаженной, иногда слегка лощеной поверхностью, составляют остальные 25% находок. Среди обломков посуды в значительном количестве встречены плоские днища и в меньшем количестве обломки круглодонных сосу-

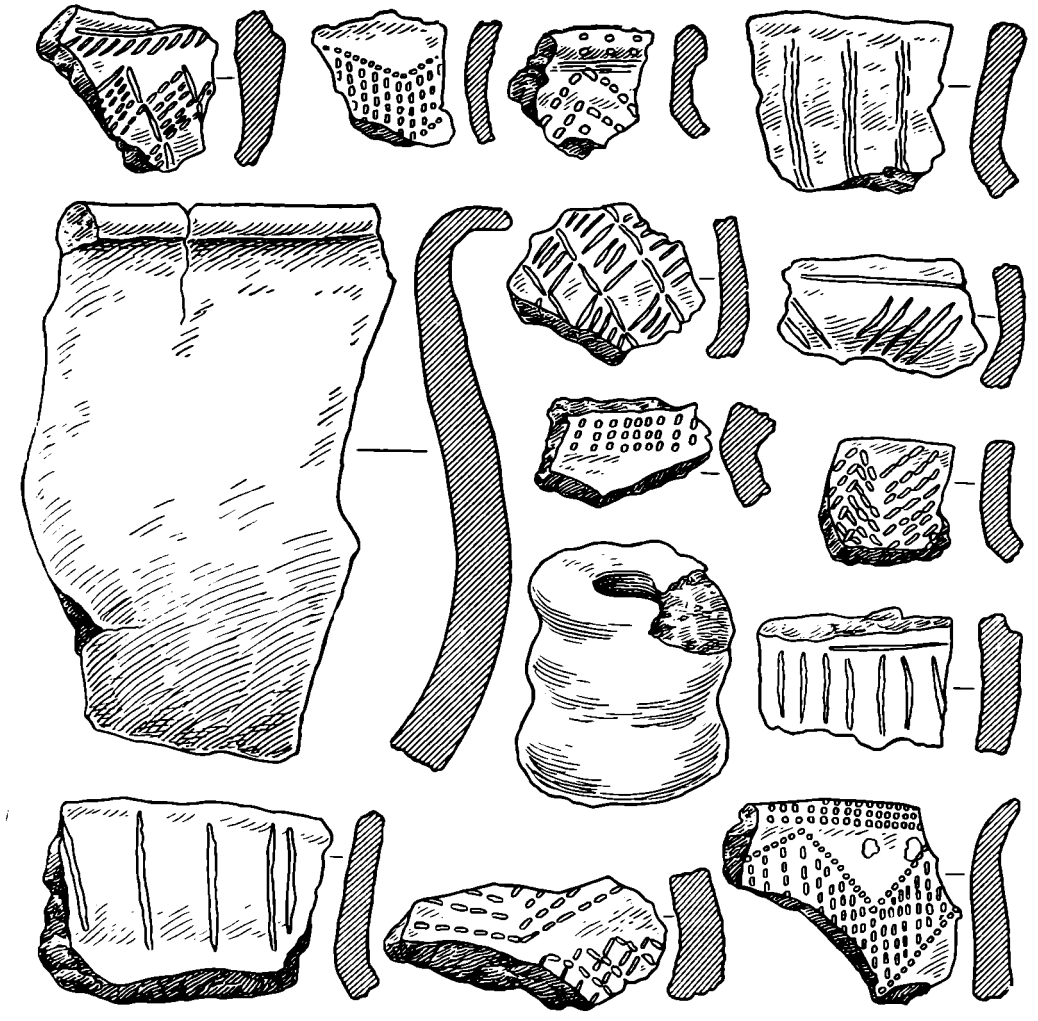


Рис. 3. Керамика с поселения Шоркино I

лов. Венчики прямые и отогнутые. Есть бомбовидные сосуды. Толщина стенок сосудов составляет от 3 до 10 *мм*, чаще — 6—8 *мм*.

Орнаментированная посуда немногочисленна. Найдены обломки сосудов с мелкозубчатым (и более крупным) орнаментом, нанесенным штампом в виде коротких линий, заштрихованных зигзагов, углов и треугольников. Имеется нарезной орнамент в виде коротких линий, елок, решетки, желобчатой прямой и волнистой линии; косые наклонные штрихи образуют ромбы, расположенные в шахматном порядке (рис. 3).

В раскопе V (кв. 1) на уровне материка обнаружен раздавленный толстостенный плоскодонный сосуд, сходный с абашевскими, плохого обжига, без орнамента.

Часть посуды с селища Шоркино I по фактуре, форме и орнаменту сходна с керамикой Тохмеевского поселения и сближается с сосудами атли-кассинского типа и фатьяновских поселений [3]. Другая часть посуды аналогична сосудам абашевского типа из курганов Тохмеевского могильника.

На поселении найдены также два обломка точила и пряслице; крайне редки находки кремневых отщепов; в единичных экземплярах найдены кости животных.

В нераспаханной части культурного слоя почти на всей площади раскопов были обнаружены остатки деревянного настила, состоящие

[3] См. П. Л. Степанов. Ук. соч., стр. 134, рис. 12 и стр. 135, рис. 13.

из полос древесного тлена, залегающие в направлении с юго-запада на северо-восток. В ряде мест лежащие сверху перпендикулярные полосы древесного тлена образуют как бы сетку.

В поперечных разрезах эти остатки настила имели форму овальных линз, прямоугольников, трапеций и полуовалов.

Доказательством того, что вскрытые полосы представляют собой остатки деревянного настила, служит следующее: 1) в большинстве мест полосы древесного тлена лежат в основании нераспаханной части культурного слоя; 2) полосы расположены в виде клеток; 3) ширина и толщина полос неодинаковы на концах; 4) форма полос неправильная, часто изогнутая; 5) при стыках полосы на различных участках не совпадают; 6) поперечные разрезы полос имеют различные размеры и разнообразны по форме; 7) отдельные полосы тлена содержат угольки и куски обуглившейся коры дуба.

Рис. 4. Поселение Шоркино I. Полосы древесного тлена

Все сказанное подтверждает наш вывод о том, что нами вскрыты остатки древесного настила (а не следы распашки, как это предполагали некоторые исследователи).

Полосы древесного тлена довольно хорошо прослеживаются как в подзоле, так и в песке (рис. 4). Ширина полос колеблется от 10 до 30 *см*, толщина их — 10—15 *см*, длина в большинстве случаев — 6—8 *м*. Промежутки между полосами древесного тлена равны 15—20 *см*. Бревна были положены в настиле, по-видимому, поочередно, то комлем, то верхушкой, чем достигалось плотное и равномерное их расположение.

Как видно на плане поселения (рис. 5), расположение древесного настила, имея общую длину до 52 *м* и ширину до 28 *м*, не образует единой и правильной системы, в нем имеются перерывы, рядом лежащие полосы соприкасаются друг с другом. По всей вероятности, они являются остатками помоста, сооруженного под бревенчатым жилищем, построенным в начале второго этапа существования поселения.

На площади настила открыты более десяти очажных ям округлой формы, диаметром 20—30 *см*, заполненные золой и углем.

Настил, очевидно, был сооружен в целях предохранения наземных жилищ от почвенных вод, стоящих довольно высоко, так как рядом с поселением, в 0,5 *км* к северу, находится болото, а многочисленные родники вытекают из склонов оврага возле самого поселения.

По всей вероятности в начале заселения поселка были сооружены полуземлянки, остатки которых обнаружены в южной его части, в двух

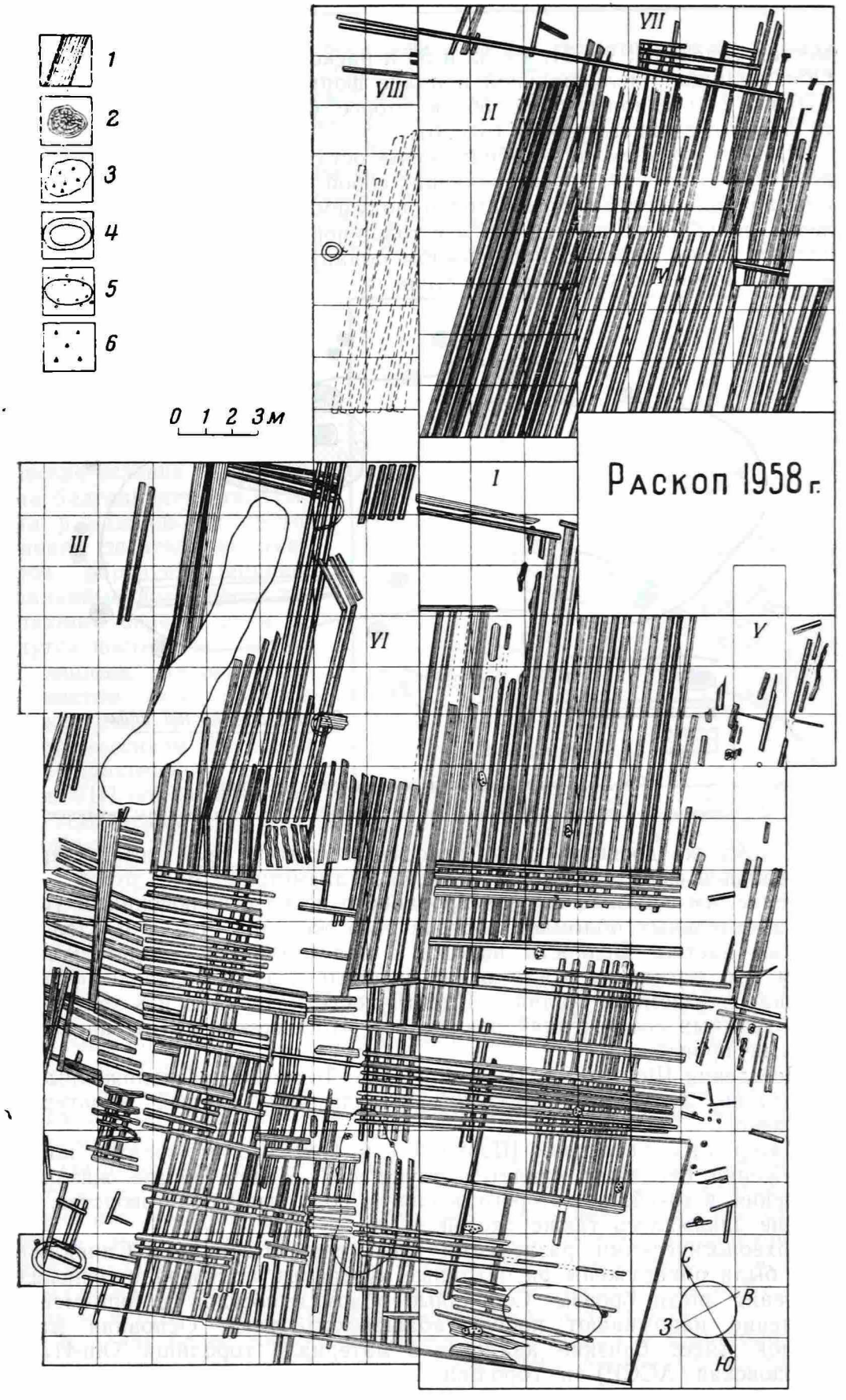


Рис. 5. Общий план раскопа на поселении Шоркино I

1 — древесный тлен; *2* — столбы; *3* — очаг; *4* — хозяйственные ямы; *5* — землянка; *6* — уголь

местах (раскоп I, уч. 31, 49, 32 и 56 и раскоп VI, уч. 15, 16, 32 и 33). Оба жилища — полуовальной в плане формы, имели размеры: первое 3,56 *м* ×2,10 *м*, при глубине 56 *см*; второе 6,20 *м*×2,20 *м*, при глубине до 0,44 *м* от дневного уровня (рис. 6).

Вокруг полуземлянок обнаружены остатки вертикальных бревен различного сечения, представляющих собой остатки наземных конструкций жилищ. При зачистке второй полуземлянки (раскоп VI) прослежены полубревна длиной 2,3 *м* и толщиной 0,12 *м*. В восточной части полуземлянки, рядом с полубревном обнаружены остатки бревен, служивших возможно, столбами для стола.

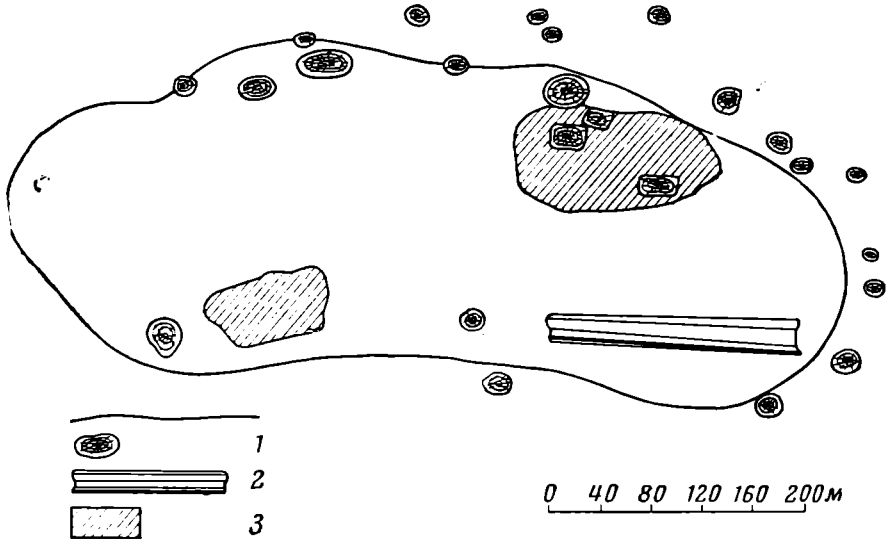


Рис. 6. План землянки на поселении Шоркино I

1 — столбы; *2* — плаха; *3* — темные пятна. Линией обозначены границы землянки

К тому же древнему слою относятся остатки семи хозяйственных ям овальной формы глубиной до 0,45 *м*, диаметром от 1 до 1,5 *м*. Заполнение ям состояло из гуммированного песка с включениями угольков и отдельных обломков сосудов того же типа, что и в слое, где залегал настил. Бедность находок в полуземлянках свидетельствует о том, что население жило в них недолго и из-за большой сырости перешло в наземные жилища. Идентичность материала и в землянках, и в наземных сооружениях показывает, что никакой смены населения здесь не произошло.

Поселения Шоркино I, III и близ дер. Тохмеево, расположенные на территории 2 × 3 *км*, образуют, по-видимому, единый культурный комплекс.

Материал с поселений Шоркино I и Тохмеево и характер жилых сооружений, бесспорно, свидетельствуют об оседлом образе жизни их населения, в хозяйстве которого основную роль играло скотоводство. Население занималось также охотой.

Археологическими разведками близ дер. Шоркино и Синьял-Ойкасы были обнаружены распаханные курганные поля и рядом с ними — поселения эпохи бронзы. Собранные обломки сосудов с орнаментом отдаленно напоминают посуду абашевского типа. Основная масса находок имеет близкие аналогии в материале городища Ош-Пандо (Мордовская АССР) и городищ II тысячелетия до н. э., открытых П. Д. Степановым в западной части Чувашии.

Таким образом, Шоркинско-Тохмеевская группа поселений относится к поздним этапам фатьяновской культуры, к началу половины II тысячелетия до н. э. Наличие же на этих поселениях посуды

абашевского облика, по всей вероятности, свидетельствует о начале процесса формирования абашевской культуры в результате взаимодействия пришлых срубных племен с фатьяновскими. По-видимому, начало земледелия вынудило абашевцев переселиться на более удобные для этого места и поэтому старые поселения были оставлены.

Другая группа поселений (в количестве до десяти) обнаружена близ с. Яндашево, в нижнем течении р. Цивиль, недалеко от впадения ее в Волгу (рис. 7). Поселения обычно занимают небольшие дюнные всхолмления вдоль левого берега реки. Яндашевские поселения находятся в центре расположения абашевских курганов.

Этот край являлся удобным местом для заселения и продолжительной жизни значительных по численности коллективов людей, так как географические условия были весьма благоприятными. Пойма р. Цивиль на протяжении десятков километров образует широкие заливные луга, вдоль западного берега реки тянутся постепенно возвышающиеся широкие черноземные поля, правобережье реки покрыто лесным массивом. Недалеко от Яндашевского поселения VIII обнаружено место скопления кремневых желваков, где, очевидно, добывался материал для производства каменных орудий.

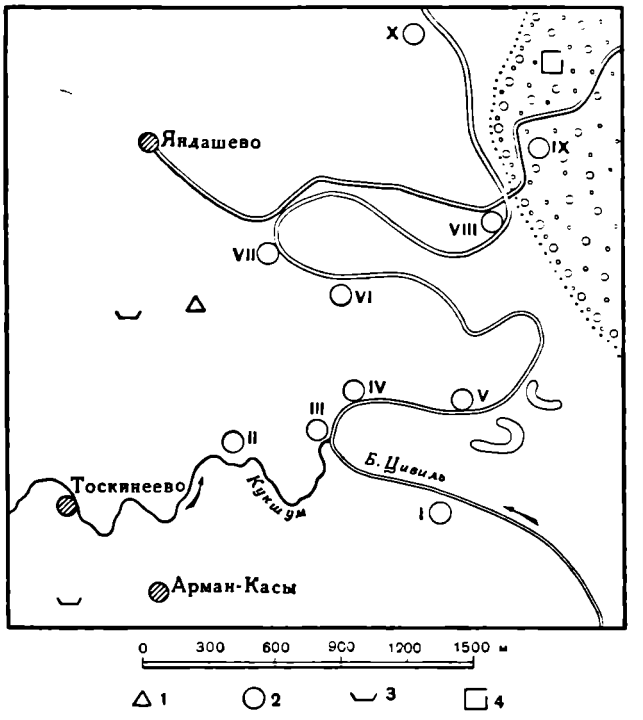


Рис. 7. Карта расположения археологических памятников близ с. Яндашево

1 — стоянка; *2* — поселение; *3* — старое кладбище; *4* — городище

Тщательному обследованию была подвергнута стоянка Яндашево I, расположенная на левом берегу р. Цивиль, в 700 *м* выше устья р. Кукшум. Она занимает невысокий холм овальной формы, возвышающийся на 1,5 *м* над поймой реки, и имеет размеры: 57 *м* в длину и 38 *м* в ширину.

Местное население это возвышение называет курганом («Улăп тăпри» или «Карман тюби»). По своим очертаниям холм действительно напоминает расплывшуюся насыпь кургана.

На поселении в течение двух лет (1958 и 1959) раскопками вскрыто 836 $м^2$. Культурный слой достигает мощности 0,7 *м* и делится на два горизонта: верхний, довольно аморфный, залегает на глубине от 12 до 32 *см*, пронизан корнями растений; нижний, более гуммированный, на склоне холма имеет толщину 6—8 *см*, в центре доходит до 50 *см*, в полуземлянке мощность его до 0,7 *м*. Ниже следует предматериковый слой толщиной до 0,10—0,15 *м*. Материк состоит из красной глины.

В целях более точного расчленения материала и культурного слоя по хронологическим этапам, раскопки в 1959 г. производились пластами (штыками) толщиной до 0,1 *м*.

В северо-западной части стоянки, в раскопах XVI, XVII, XXI и XXII открыта полуземлянка размером 5 × 8 $м^2$. В северной половине полуземлянки прослежен глинобитный пол, вдоль ее западной стенки были

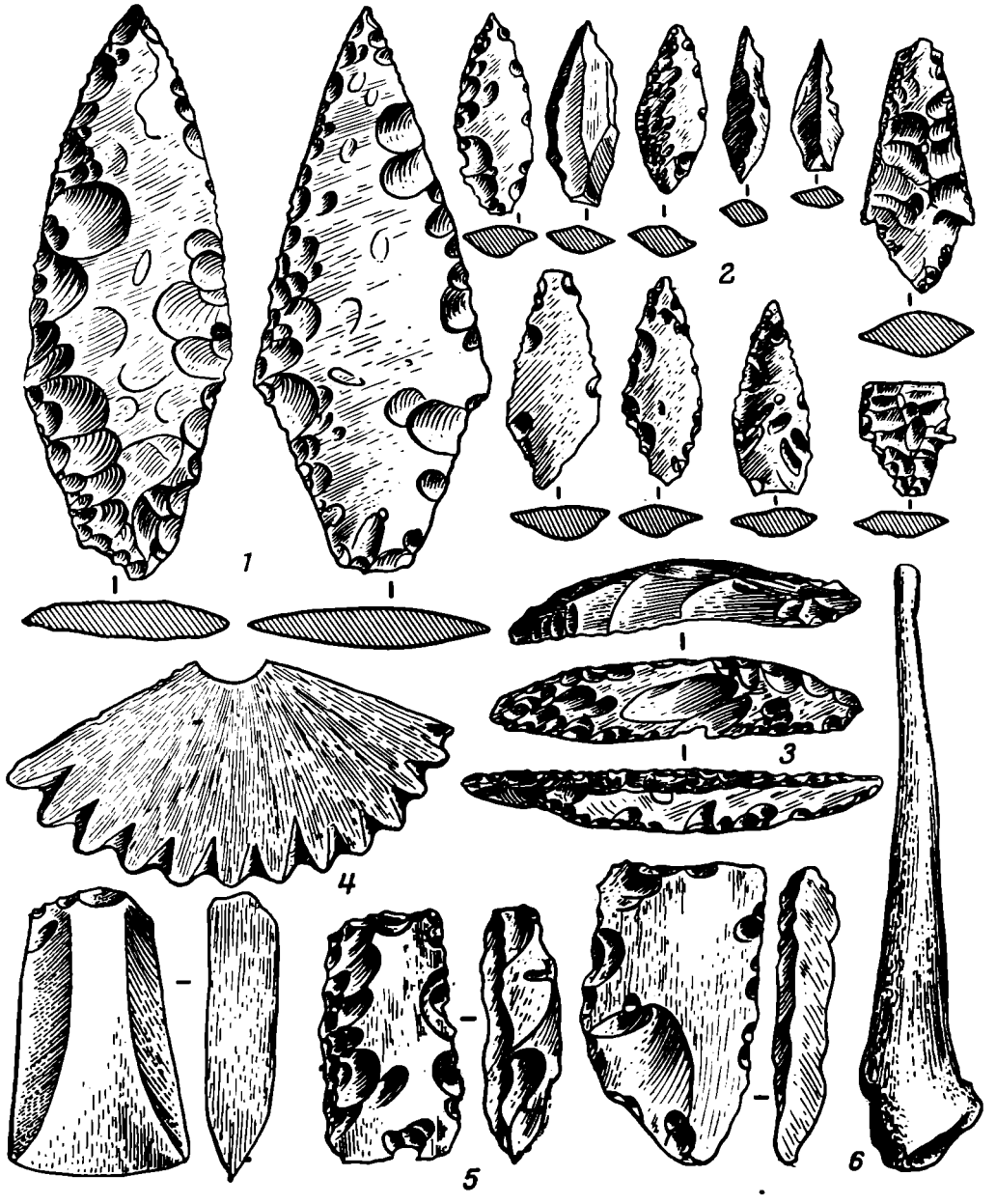


Рис. 8. Находки с поселения Яндашево I

1 — кремневые наконечники копий; *2* — кремневые наконечники стрел; *3* — кремневые ножи; *4* — керамический штамп; *5* — кремневые долота; *6* — костяное шило

врыты деревянные столбы диаметром до 0,25 *см*, углубленные в материк до 0,75 *см*. На площади полуземлянки открыты четыре очажных ямы и многочисленные зольные пятна, расположенные вдоль центральной линии. Очажные ямы, диаметром от 0,6 до 1,2 *м*, при глубине до 0,3 *м* были заполнены золой и углем.

В раскопе VI открыта полуземлянка малого размера (2 × 3 *м*) с очажной ямой в центре.

Анализ находок из раскопок 1959 г. на площади 452 $м^2$ показывает, что содержание культурного слоя на глубине до 20 *см* довольно смешанное; в нем имеются болгарские материалы X—XI вв. (железная стрела, обломки сосудов и бусы). Большинство обломков болгарских сосудов желтого цвета (43 экз.); серых и красных 11 экз. из довольно рыхлого теста (они не похожи на золотоордынскую посуду). В верхнем же горизонте культурного слоя найдены славянский бронзовый браслет, плетеный из трех проволок, и бусины. Этот материал позволяет датировать

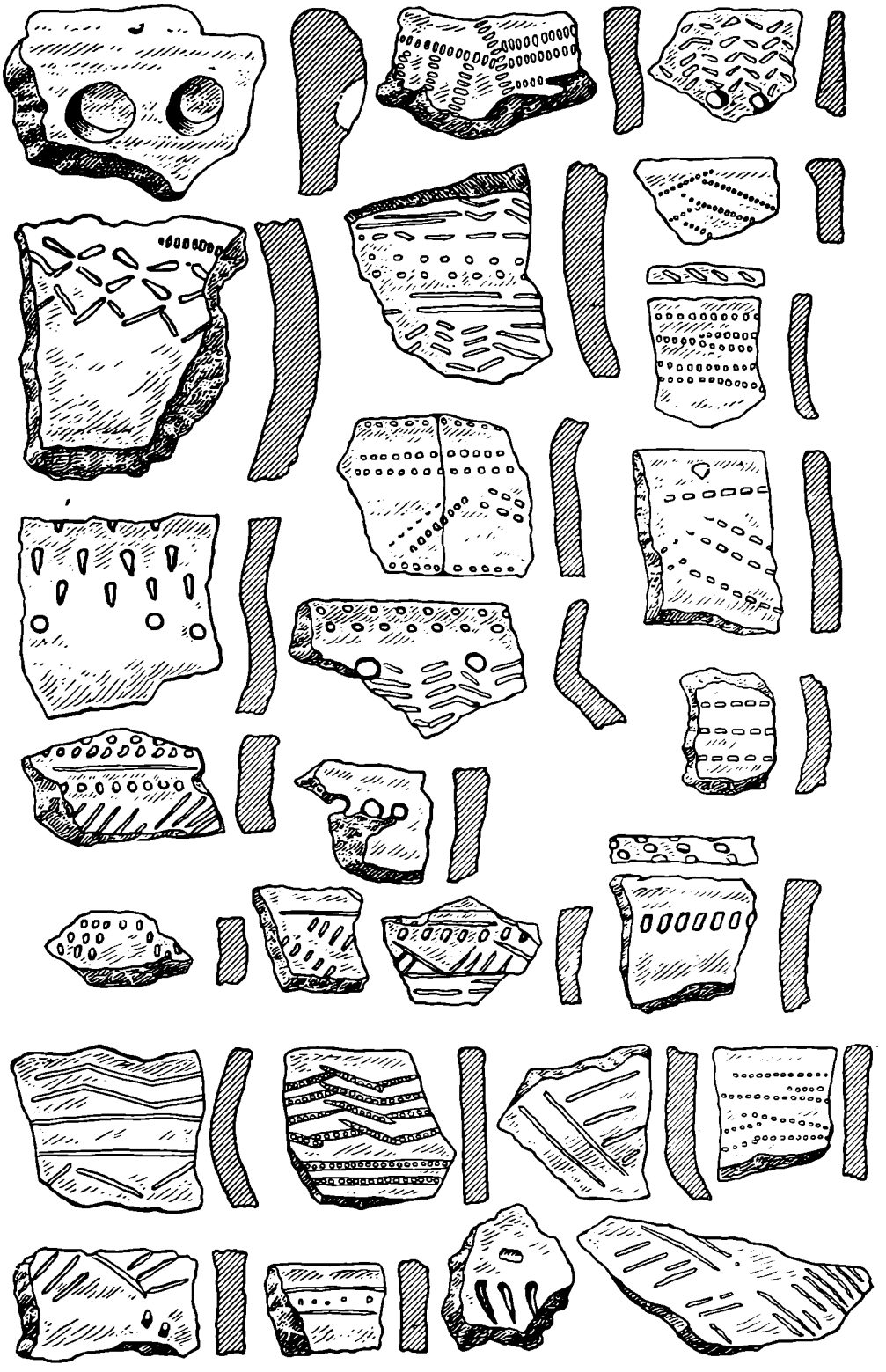


Рис. 9. Обломки глиняных сосудов с поселения Яндашево I

верхний горизонт культурного слоя болгарским временем (X—XII вв.). В этих же слоях встречается сетчатая керамика эпохи бронзы.

Ниже этого горизонта, до глубины 0,5—0,7 *м*, найдены обломки сосудов, напоминающие по своей фактуре находки с поселений Шоркино I и Тохмеево. Сосуды из этого горизонта в изломе двуслойные, (до 70%), плохо обожженные, толстостенные, сделаны из плохо промешанной глины, многие из них орнаментированы.

В среднем горизонте культурного слоя найдено большое количество кремневых отщепов, отходов кремневого производства, кремневые орудия (ромбовидные наконечники стрел с трехгранным черешком, наконечники копий, скребки для очистки шкур от мездры), орудия для обработки дерева (долота, ножи и топоры), каменные грузила от сетей и другие (рис. 8). Кремневый материал датирует наконечник стрелы с шипами сейминского типа, относящийся к XIV в. до н. э.

В нижнем горизонте культурного слоя найдены обломки сосудов с сетчатым узором, напоминающим зубчатый орнамент (50—80%). Ниже сетчатая керамика исчезает. Здесь же встречаются обломки сосудов срубной культуры без орнамента и с зубчатым орнаментом [4]. По выделке эта посуда напоминает посуду шоркинского типа; в нижнем горизонте значительную часть составляют обломки сосудов с орнаментом, напоминающим абашевский. Найдены также стенки и венчики сосудов абашевского типа (рис. 9).

Весь материал позволяет датировать средние горизонты культурного слоя Яндашевского поселения I серединой II тысячелетия до н. э.

На поселении найдены также кости домашних животных (коровы, лошади, овцы и свиньи) и диких (кабана и лося) [5]. В нижнем горизонте найдены обломки толстостенной посуды неолитического времени, свидетельствующие о том, что здесь, по-видимому, первоначально была расположена неолитическая стоянка конца III тысячелетия до н. э.

Находки в культурном слое Яндашевских поселений II—VIII относятся к тому же времени, что и Яндашевское поселение I; на них преобладают сосуды желтого и серого цветов, украшенные горизонтальными и зигзаговыми линиями, характерными для абашевских сосудов.

На поселении Яндашево VIII обнаружено большое количество кремня, обломков посуды, костей животных, дичи и рыб.

Найденные здесь полуфабрикаты кремневых орудий (наконечников, стрел, ножей, скребков и т. п.) и скопление огромного количества кремневых отщепов, образовавшихся при производстве орудий, свидетельствует о том, что на этом поселении имелась кремневая мастерская. Посуда среднего горизонта культурного слоя этого поселения идентична посуде с Яндашевского поселения I. В 1959 г. рядом с поселением Яндашево VIII были открыты еще два поселения.

Добытый раскопками археологический материал позволяет сделать предварительное заключение о том, что на территории Чувашии в эпоху бронзы в период сложения и развития абашевской культуры в XIV—XIII вв., до н. э. появились поселения двух типов: 1) шоркинского типа, расположенные на возвышенных и ровных местах, вблизи лесов, с большими наземными бревенчатыми жилыми сооружениями на настилах; в экономике этих поселений основное значение имело скотоводство, возникло мотыжное земледелие; 2) яндашевского типа, расположенные вблизи больших водоемов, занимали небольшие холмы и мысы у берегов рек и по краям лугов; для них характерны жилища в виде землянок и полуземлянок; в хозяйстве ведущее место занимало скотоводство, охота, рыболовство.

[4] См. О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46. 1955, рис. 6.

[5] Кости определены в лаборатории Института археологии АН СССР В. И. Цалкиным.

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

МОГИЛЬНИК МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДЕР. ГОРОШКОВ В ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ

До последнего времени существенным пробелом в изучении памятников милоградской культуры являлось недостаточно полное исследование могильников. Несмотря на то, что в некоторых пунктах были раскопаны погребения, для характеристики погребального обряда материала все же недостаточно [1]. В связи с этим в 1959—1960 гг. нами были продолжены раскопки могильника дер. Горошков, Речицкого района. При работах 1954 г., несмотря на значительную вскрытую площадь, четких следов остатков погребений было мало. Как показали раскопки последних лет, для выявления погребений нужны более совершенные приемы их исследования. Тогда были обнаружены следы многочисленных столбов, преимущественно поздних, одно четкое трупосожжение в длинной яме и ямы с разбитыми сосудами или скоплениями керамики, иногда с отдельными пережженными косточками в заполнении.

Могильник в дер. Горошков располагается на высоком правом берегу Днепра, непосредственно за жилой частью городища, занимая всю его дополнительную площадку, заключенную между наружным и внутренним валами, а также участок за наружным валом городища [2] (рис. 1). Площадь его сравнительно недавно была покрыта березняком, сейчас частично распахивается. Грунт представляет собой до глубины 0,2—0,25 *м* серый оподзоленный песок, ниже — темно-желтый песок, постепенно переходящий (с глубины 0,3—0,4 *м*) в светло-желтый песок. На глубине 0,6—1 *м* (в зависимости от участка могильника) песок сменяется плотной материковой глиной. Слой глины ни в одном случае не был нарушен погребением. Четко выраженного окрашенного культурного слоя на могильнике нет. В верхних горизонтах встречаются отдельные черепки милоградской посуды и кальцинированные косточки.

Для выявления следов погребений применена та же методика, что и при работе по раскопкам культурного слоя: грунт снимался тонкими наклонными срезами на глубину 0,2 *м* с внимательным просмотром земли. Так как пятна ям в песке плохо видны (ямы засыпаны тем же песком), то составлялись топографические планы на все найденное на раскопе, на каждый штык отдельно. Каждый осколок кости наносился на план с указанием глубины. При наложении друг на друга планов с отмеченными находками удавалось довольно точно проследить место погребения, горизонт, с которого была вырыта яма (0,2—0,25 *м*), и глубину могилы, а иногда определить и форму ямы, если она не выделяется

---

[1] Мы имеем в виду могильники при городищах в дер. Горошков (раскопки которого были начаты в 1954 г.), в дер. Чаплине, в дер. Асаревичи, Комаринского района, Гомельской области (раскопки и сборы 1955 г. и последующих лет), и в дер. Мохов, при Моховском I городище (1955—1956 гг.), в Лоевском районе, Гомельской области. См. О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 38—39.

[2] В 100 *м* на север от наружного вала располагается зарубинецкое поле погребений, связанное с поздним периодом жизни на городище.

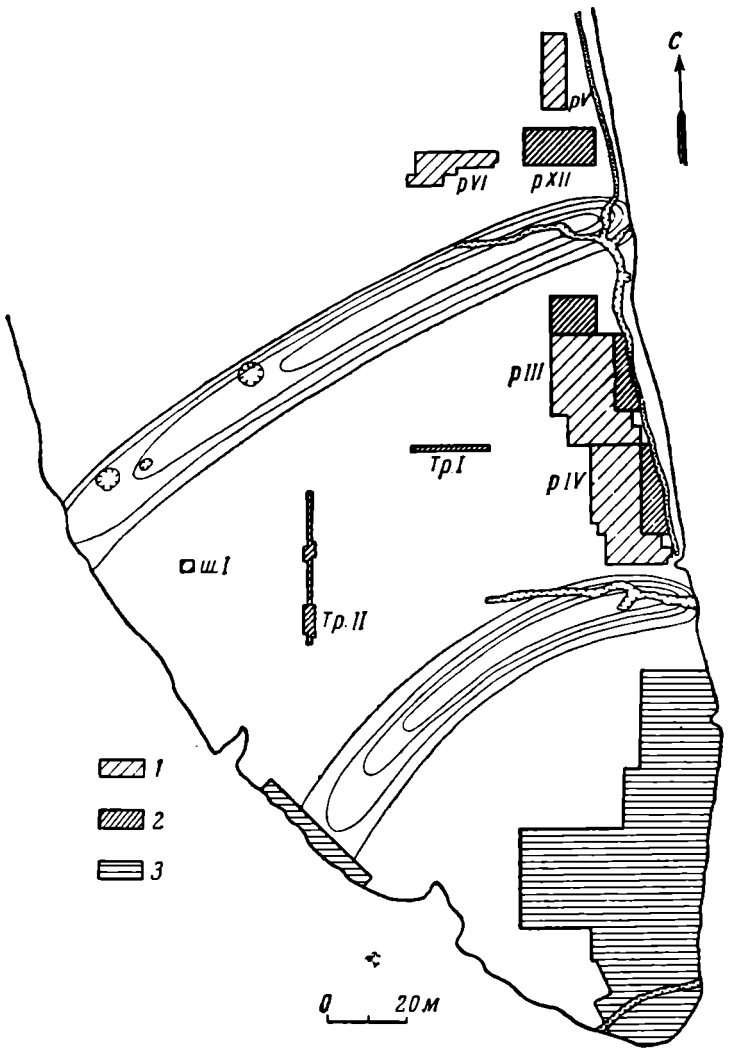


Рис. 1. Схематический план городища и могильника у дер. Горошков

1 — раскопы на могильнике 1954—1955 гг.; 2—раскопы на могильнике 1959—1960 гг.; *3* — раскопанный участок на жилой части городища

в плане. Большинство пятен могильных ям заметны. В одном случае на зачистке, проведенной на глубине 0,4 *м* после обильного дождя, на светлом песке, при мягком утреннем освещении пятна ям были хорошо видны. Нанесение их на план показало, что многие скопления обломков костей и керамики с верхних пластов при наложении планов приходятся на места расположения ям. В то же время есть погребения в виде скоплений костей и связанных с ними находок, ямы которых проследить не удалось, несмотря на самые тщательные поиски[3]. Пятна ям на фоне желтого песка выделяются более темным сероватым оттенком или же иногда, наоборот, они выделяются более светлым цветом, что объясняется наличием золы в их заполнении. Заполнение верхних частей ям обычно более светлое, внизу оно темнее, грунт плотнее, со следами действия огня.

Раскопками 1959—1960 гг. на площади 580 $м^2$ обнаружено не менее 70 погребений, хотя некоторые из них и недостаточно выразительны.

[3] При раскопках соседнего зарубинецкого могильника из пяти вскрытых погребений яма прослежена только у одного. Та же картина наблюдалась и на Чаплинском могильнике (см. Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 156).

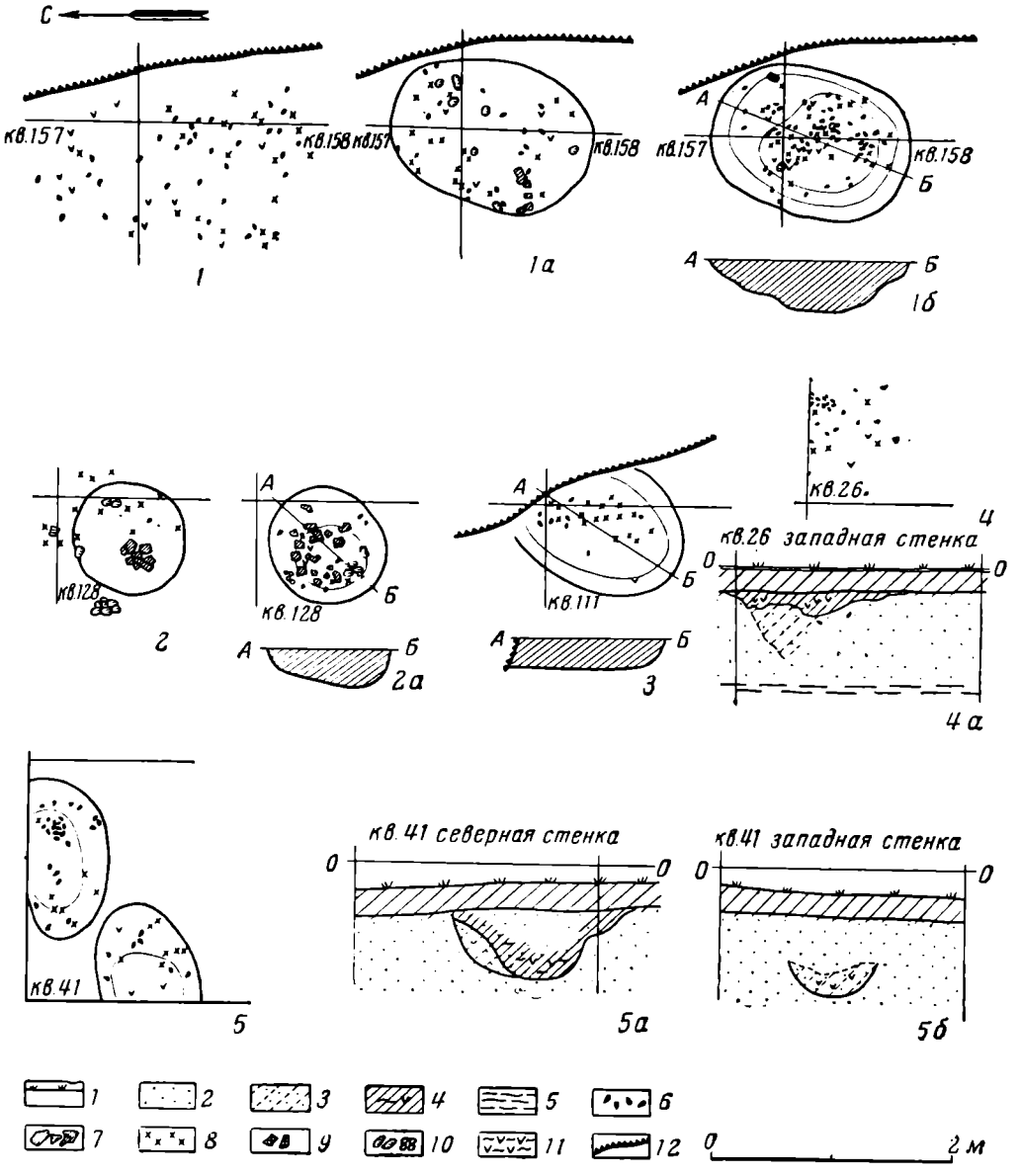


Рис. 2. Планы и профили погребений

1 — серый оподзоленный песок; *2* — светло-желтый песок; *3* — серо-желтый песок; *4* — серый песок с включениями золы и угля; *5* — материковая глина; *6* — кальцинированные кости; *7* — скопление керамики; *8* — отдельные фрагменты керамики; *9* — куски обожженной глины; *10* — камни *11* — уголь и зола; *12* — край раскопа

Погребения представляют собой остатки трупосожжений, помещенные в неглубокие ямы (в среднем — 0,6 *м*). Бо́льшая густота погребений наблюдается на участке между валами городища, меньшая — за наружным валом, на плато. Значительная частота расположения погребений исключает их перекрытие в древности насыпями типа курганных. В то же время отмечен только один случай перекрывания одного погребения другим, в нескольких случаях ямы задевали друг друга краями. По-видимому, могилы имели какие-то внешние признаки; может быть, об этом свидетельствуют углубления в виде столбовых ямок в дне некоторых могильных ям [4].

[4] На всех участках могильника на глубине 0,2 *м* и ниже прослежены ямки, похожие на столбовые. Некоторые из них, с темным углистым заполнением, безусловно, позднего происхождения, так как содержат в себе иногда остатки не совсем сгнившего дерева. С ними связана находка кованого гвоздя. О времени происхождения других ям судить трудно; не исключена возможность их связи с погребениями.

Ямы с остатками трупосожжений бывают или круглые, диаметром от 0,5 до 1,5 *м*, или широкие овальные, в рост человека и меньше (рис. 2). Овальную форму имели 17 могильных ям, остальные ямы или круглые, или форму их нельзя определить, так как ямы уходят под стенки раскопа [5]; в некоторых случаях форма ямы не прослежена. Из 17 погребений в овальных ямах 10 были ориентированы северо-востоко-восток — юго-западо-запад или северо-восток — юго-запад, 4 — запад — восток, 1 — север — юг и 2 — северо-запад — юго-восток. Никаких закономерностей в расположении ям на могильнике пока не наблюдается.

Ямы содержат незначительное количество мелких обломков сильно пережженных костей (от единиц до нескольких десятков); как правило, количество костей не превышало горсти. Кости, очищенные от углей, ссыпались в могильную яму горячими, о чем свидетельствует плотный прокаленный песок на дне некоторых ям. Место сожжения трупов находилось где-то рядом с могилами.

Костные остатки слишком малы для антропологических определений [6]. В одном погребении (раскоп XII, кв. 41—42, яма № 1) в овальной яме, ориентированной северо-восток — юго-запад, наряду с пережженными костями человека, найдено несколько необожженных обломков человеческого черепа [7].

Никаких указаний на наличие обряда трупоположения в погребениях на территории могильника пока нет. На жилой части городища в 1959 г. было найдено погребение, частично перекрытое ямой с милоградской керамикой. Дно ямы достигало уровня костей нижних конечностей. Костяк лежал в слое чистого песка, ориентирован головой на северо-востоко-восток, правая рука лежала под тазом [8]. Ориентировка погребения соответствует ориентировке погребений большинства овальных ям на могильнике. Между ног прослежена ямка от столба, возможно связанная с погребением. Принадлежность погребения к милоградской культуре определяется бортиком сосуда, лежавшим на левой ключице. Условия, в которых обнаружено погребение, говорят о том, что оно относится к начальному периоду жизни на городище. Второе трупоположение на городище найдено в 1955 г. при разрезе внутреннего вала, отделяющего жилую часть его площади от могильника. Костяк лежал на древней поверхности вала, на его вершине, был ориентирован головой на запад, на спине, на костях — немного угля. Сохранность костей очень плохая. О времени погребения судить трудно.

Часть погребений могильника сопровождалась вещами. Это были разбитые глиняные сосуды, один или несколько (рис. 3 и 4) и отдельные обломки от сосудов (последние встречены почти во всех погребениях). Совсем редки в могилах бронзовые и железные вещи, куски шлакированного железа, пряслица (рис. 5.) Отметим здесь железный плоский наконечник стрелы (раскоп III, яма № 13, рис. 5, *3*), бронзовую булавку с S-овидно закрученной головкой (раскоп XII, яма № 1, рис. 5, *5*), бронзовое колечко с выступами (раскоп IV, яма № 18), (рис. 5, *1*) железную спиралевидную пронизку (раскоп XII, яма № 1), вне погребения — обломок бронзовой гривны (?) (рис. 5, *4*). Из 70 погребений только в 15 были найдены вещи и части сосудов; в 10 могилах находились небольшие скопления обломков сосудов. Разбитые сосуды и скопления керамики расположены обычно выше уровня костей. Очевидно, они были брошены на

[5] Общее количество ям — 85, но не во всех из них прослежены следы погребений.

[6] Определено в одном случае детское погребение. Иногда определимы отдельные кости скелета. Материал обработан И. М. Золотаревой.

[7] При раскопках городища в нескольких случаях черепные кости человека найдены в ямах с обломками посуды и костями животных. Иногда они, как и кости животных, бывают обожжены и закопчены.

[8] По определению Т. С. Кондукторовой, скелет принадлежал мужчине средних лет с долихокефальным черепом.

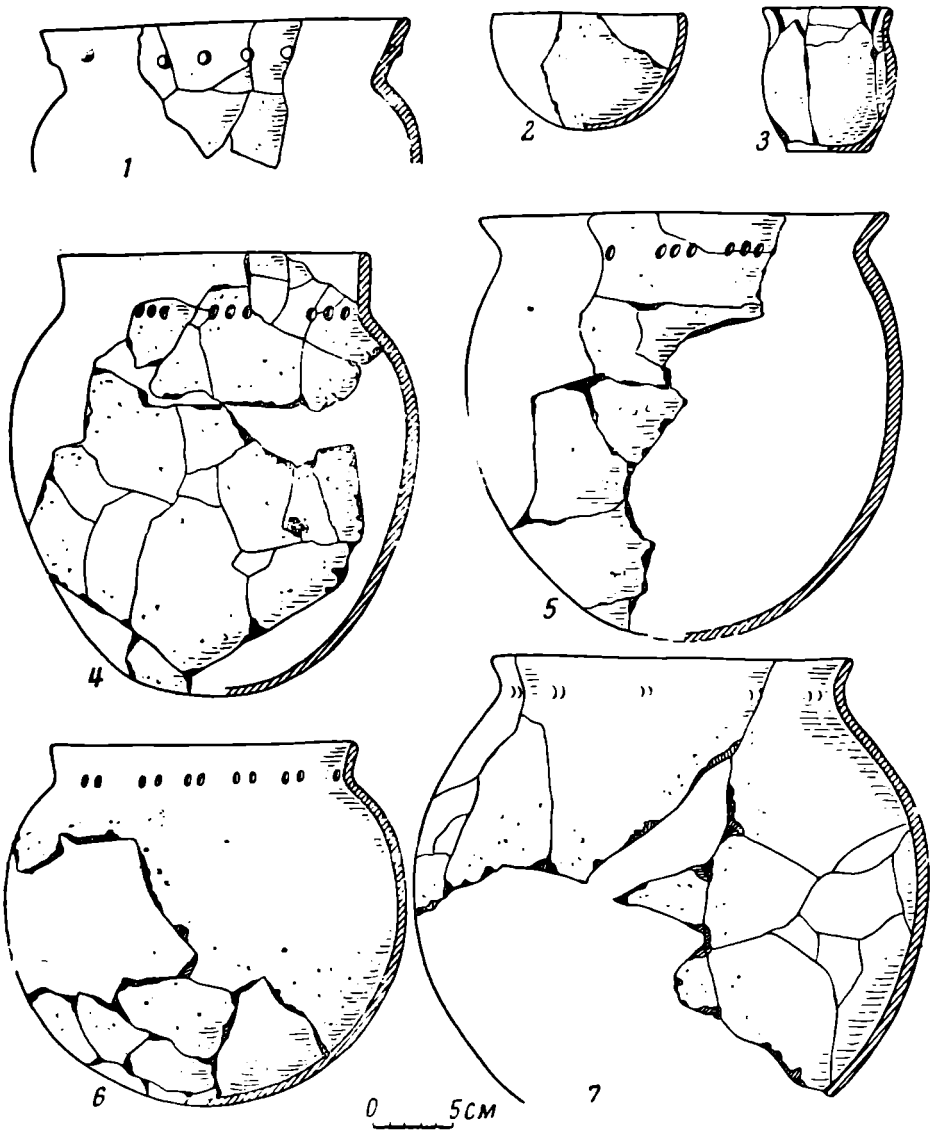


Рис. 3. Сосуды из погребений

кости. Возможно, эти обломки сосудов являются остатками тризны по погребенному. По-видимому, элементами погребального обряда следует считать и положенные в некоторые могилы камни (или несколько средних размеров, или кучка мелких). В нескольких погребениях или рядом с ними найдено по одному необожженному зубу от крупного рогатого скота (раскоп XII, ямы №№ 1 и 3; раскоп III, яма № 19; раскоп VI, 1954 г.). В могилах, кроме того, встречаются куски охры — желтой и красной [9].

Весь керамический материал могильника относится к милоградской культуре, за исключением двух обломков — днища лощеной зарубинецкой миски и бортика зарубинецкого горшка с вдавлениями по краю (связь последних с милоградскими погребениями не выяснена).

На могильнике есть ямы с милоградской керамикой в заполнении, не содержавшие остатков трупосожжений. Не исключено, что эти ямы связаны с тризной по погребенному. При раскопках 1954 г. в двух ямах, расположенных в нескольких метрах одна от другой и не содержавших как будто следов сожжения, найдены две половины одного сосуда

[9] С одним из упомянутых обломков черепа человека на городище также связаны находки охры.

(рис. 3, *б*). След тризны или жертвоприношения, очевидно, следует видеть и в скоплении необожженных костей животных (лопатки и кости конечностей свиньи и поросенка, найденных на могильнике, раскоп XII, кв. 16) [10].

При раскопках на части могильника, расположенной за наружным валом городища (раскоп XII) было обнаружено погребение, совершенное в необычных условиях — в глубокой канаве, входящей в систему укреплений вала. Значительное количество кальцинированных костей

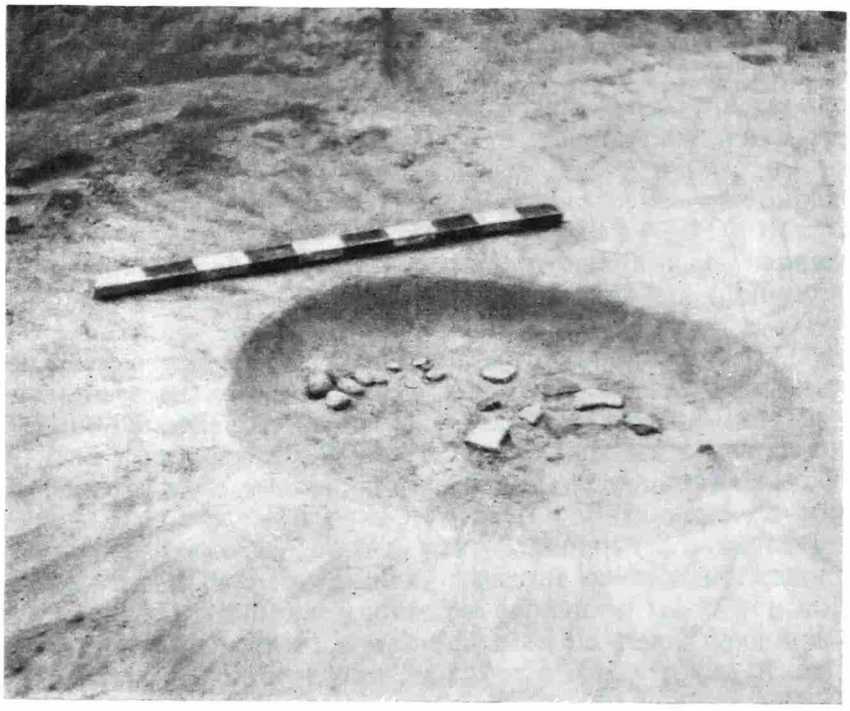


Рис. 4. Погребение на раскопе IV—1960 г., кв. 128

находилось на дне канавы (шириной 0,4 *м*), на глубине 1 *м* от поверхности. Весь керамический материал из заполнения канавы относится только к милоградской культуре. На других участках канавы также были найдены небольшие скопления костей.

Судя по тому, что канава сооружена в милоградский период существования городища, к этому времени можно отнести сооружение наружного вала [11]. Факт погребения в канаве, не относящейся к могильнику, говорит о явлении социального порядка, возможно — неравноправии похороненного здесь члена родового коллектива или принадлежности его к чужому роду.

В связи с тем, что характеристика могильников милоградского типа дается впервые, приведем здесь описание нескольких погребений.

1. Раскоп III. Квадраты 157—158, яма № 30. На участке, где ниже было зафиксировано погребение, с глубины 0,2 *м* начали встречаться черепки и косточки. На глубине 0,25—0,45 *м* найдено скопление крупных фрагментов сосуда. На этой же глубине найдено несколько камней. Контуры ямы проявились при зачистке на глубине 0,4 *м*. Могильное пятно

[10] Определение костей произведено В. И. Цалкиным.

[11] Приведенные факты являются одним из доказательств того, что дополнительные площадки на южнобелорусских городищах относятся к первому этапу существования их. Площадь городища (включая укрепления) в Горошкове достигала 20 000 *м*², что ставит его в особое положение по сравнению со многими другими родовыми укрепленными поселениями в Южной Белоруссии, размеры которых обычно не превышают 6000—8000 *м*².

имело серый цвет и форму широкого овала, ориентировано север — юг, с небольшим отклонением к востоку. По мере углубления заполнение ямы становилось более темным и плотным, с зольно-углистыми включениями. На дне ямы грунт с трудом поддавался выборке ножом. Глубина ямы — 0,45 *м* от уровня зачистки второго штыка (0,4 *м*). Стенки пологие, дно в центральной части плоское. В заполнении найдено более 30 мелких обломков кальцинированных костей (и примерно столько же отмечено до выявления контуров ямы), а также около 20 обломков сосудов, в том

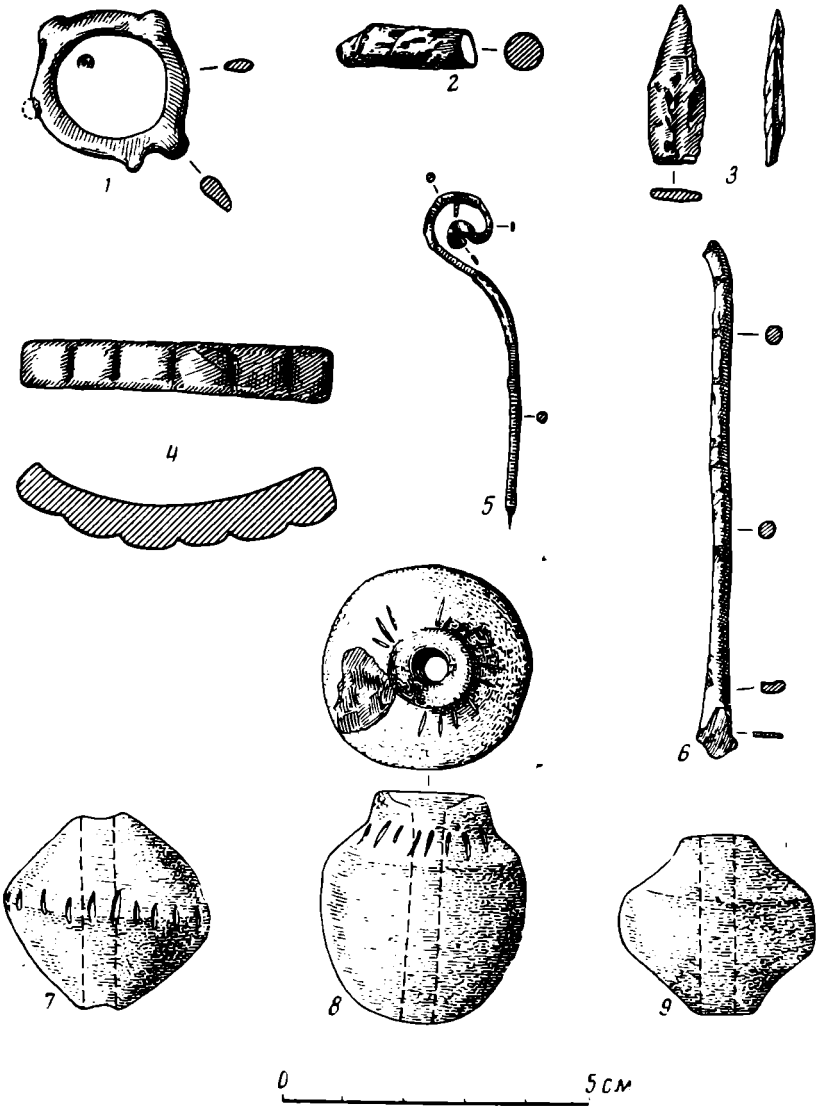


Рис. 5. Вещи из погребений

числе венчики от трех разных сосудов. Кроме того, в яме были найдены кусок обожженной глины, два кусочка желтой охры и отдельные угольки (рис. 2, *1*, *1а*, *1б*).

2. Раскоп IV. Квадрат 128, яма № 32 (рис. 2, *2* и *2а*). На глубине 0,35 *м* над расположенной ниже ямой отмечены черепки и несколько камней. Круглое пятно могильной ямы, обнаруженное при зачистке на глубине 0,35 *м*, было серого цвета (диаметр 0,9 *м*). На этом уровне найден раздавленный сосуд (рис. 4). Нижние горизонты заполнения ямы — темного цвета но без угольков. Глубина ямы от уровня зачистки второго (0,4 *м*) штыка — 0,32 *м*, стенки отлогие, дно округлое, в юго-западной части яма

немного глубже. В ней найдены восемь косточек, четыре камня средней величины, лежащих кучкой, и несколько более мелких. Профиль сосуда реконструирован. Он имел яйцевидной формы тулово, невысокий, резко отогнутый наружу бортик и орнамент по шейке в виде пальцевых вдавлений, сгруппированных по три (рис. 3, *5*).

3. Как пример одного из немногочисленных погребений с металлической вещью можно привести погребение на квадрате II (раскоп IV, яма № 18). До уровня зачистки на 0,35 *м* находок на месте погребения не было, затем выявилось пятно ямы, частично срезанное окопом. Насколько можно судить, оно было овальной формы и было ориентировано северо-восток — юго-запад (рис. 2, *3*). Яма имела отлогие стенки и плоское дно, глубина ее от зачистки — 0,25 *м*; заполнение серо-желтого цвета; в нем найдено 7 косточек, 17 обломков сосудов (в том числе бортики от трех сосудов) и бронзовое колечко латенского типа с пятью выступами (рис. 5, *1*).

В нескольких случаях удалось проследить в профиле следы погребений.

4. Раскоп XII. Квадрат 26 (рис. 2, *4* и *4а*). С 0,2 до 0,46 *м* в песке попадались отдельные косточки (22) и черепки (5), залегавшие кучно на небольшом участке. Часть погребения была закрыта стенкой раскопа, что дало возможность снять профиль. Сразу же под почвенным слоем, с глубины 0,2—0,23 *м*, залегает серая прослойка с углисто-золистыми включениями, углубляющаяся местами в светлый песок. Она свидетельствует о древнем дневном уровне погребения. Четких следов ямы не было обнаружено ни в плане, ни в профиле раскопа. В зачистке первого штыка грунт в плане был темнее, но пятно не имело четких контуров.

5—6. Раскоп XII. Квадрат 41 (северо-западный угол раскопа), ямы №№ 9, 10 (рис. 2, *5, 5а, 5б*). На квадрате были обнаружены два погребения, частично закрытых стенкой раскопа. Отдельные косточки и черепки на месте погребений выявлены с глубины 0,45—0,5 *м*, основное количество их приходится на четвертый штык (0,6—0,8 *м*). Примерно с этой же глубины (0,65 *м*) прослеживаются контуры ям. В одной яме найдено 6, в другой — 16 косточек, в обеих — по нескольку черепков. Профили обоих погребений достаточно характерны: в профиле северной стенки видно, что яма № 10 была вырыта с глубины 0,2—0,25 *м*, глубина ее доходила до 0,8 *м*, дно было округлым. Нижние горизонты заполнения представляют собой серый песок с зольно-углистыми включениями. Яма засыпана чистым светлым песком, не отличающимся от окружающего грунта (рис. 2, *5а*). В западном профиле заметно только дно могильной ямы (яма № 9) полукруглой формы, слабо выделяющееся на светло-желтом песке более темным желтым цветом заполнения, с незначительными включениями золы и угольной крошки (рис. 2, *5б*).

Материала для датировки Горошковского могильника в настоящее время еще недостаточно. Наличие погребения с керамикой, украшенной так называемым жемчужным орнаментом, который характерен для ранних милоградских памятников в Белоруссии, позволяет предположить, что нижней датой могильника является V в. до н. э., т. е. время возникновения городища или период, непосредственно предшествующий его возникновению. К этому периоду относится раскопанная в 1954—1955 гг на месте могильника длинная и узкая, углубленная в материк постройка за наружным валом. Посуда из ее заполнения, несколько отличающаяся от комплекса городища, в частности характеризуется «жемчужным» орнаментом. Край постройки перекрыт милоградским трупосожжением в овальной яме, ориентированной северо-востоко-восток — юго-западо-запад,— так же, как у большинства овальных ям на могильнике и как ориентировано описанное выше раннемилоградское погребение на городище.

Сложнее обстоит вопрос с верхней, более для нас важной датой могильника. На основании исследований на городище определить ее труд-

но. Можно только с уверенностью сказать, что на городище есть поздние милоградские комплексы находок, дата которых определяется зарубинецкими включениями в их составе. Именно работы на могильнике помогут в дальнейшем более точно определить позднюю дату городища.

Изучение расположенных при городище в Горошкове двух полей погребений — милоградского и зарубинецкого, связанных с двумя этапами жизни на городище, даст дополнительные данные для решения вопроса о взаимоотношении этих двух групп населения. Пока, судя по имеющимся у нас материалам, как милоградский, так и зарубинецкий могильник отличает чистота инвентарей, отсутствие следов воздействия материальной культуры одной группы населения на другую. То же явление наблюдается в погребениях и других могильников Верхнего Поднепровья. Следует отметить, что на поселениях позднемилоградского времени присутствие зарубинецких материалов характерно и объясняется сосуществованием в течение некоторого времени милоградского и зарубинецкого населения. Естественно, что при обычной консервативности погребального обряда на составе могильного инвентаря это явление (по имеющимся пока данным) не отразилось. В самом погребальном обряде, несмотря на некоторые объединяющие признаки (обряд трупосожжения, погребения в круглых и овальных ямах), различия достаточно велики. В частности, преобладающая ориентировка длинных могильных ям в зарубинецких могильниках (северо-запад — юго-восток) противоположна ориентировке большинства милоградских ям [12].

Благодаря раскопкам раннего поля погребений в Горошкове впервые на массовом материале решен вопрос о могильниках милоградской культуры в Белоруссии и получена возможность характеризовать погребальный обряд в его основных элементах. Исследование Горошковского могильника позволяет правильно интерпретировать подобную же картину, обнаруженную за валами других городищ [13], в частности Асаревичского, откуда известны сосуды и большое количество хорошо датирующих металлических находок, иногда связанных с трупосожжениями.

При сравнении белорусских материалов из могильников с украинскими более четко определяется характер отдельных известных погребений подгорцевского типа, расположенных на дюнах и потому обычно сильно разрушенных [14]. Так, например, погребения с трупосожжениями были обнаружены у с. Плитовище близ устья Припяти А. П. Савчуком при разведках в 1953 г. и Э. А. Сымоновичем в 1960 г. [15]. Последним было доследовано погребение в круглой яме с остатками трупосожжения и разбитым милоградским сосудом. Рядом с ямой погребения, в 0,3 *м* от нее, имелся след от сожженного столба.

К несколько более раннему времени на Киевщине относятся разрушенные погребения в Погребах, Бобрице и других пунктах [16]. Так в дер. Погребы найдено трупосожжение в овальной ямке, ориентированной северо-восток— юго-запад, а также трупосожжения в круглых ямах [17]. Погребения сопровождаются керамикой или близкой к милоградской, или типично милоградских форм. По-видимому, керамический комплекс в Гостомеле, относящийся к началу железного века, также связан с по-

---

[12] Ю. В. Кухаренко, Ук. соч., стр. 156.

[13] О. Н. Мельниковская. Древнейшие городища Южной Белоруссии, стр. 38—39.

[14] В. М. Даниленко. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 г. АП, т. VI, 1956, стр. 12.

[15] А. П. Савчук. Звіт про археологічні розвідки експедиції «Великий Київ» в 1953 г. Архив ИА АН УССР. (Благодарю автора за любезное разрешение упомянуть о его работах). Э. А. Сымонович. Отчёт Средне-Днепровской экспедиции Института археологии АН СССР за 1960 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 2047.

[16] В. М. Даниленко. Ук. соч., стр. 14—16.

[17] В. І. Канівець. Звіт про розвідкові розкопки біля с. Погребы в 1952 г. Архив ИА АН УССР, ф. екс. № 1995. Благодарю автора за любезное разрешение сослаться на его работу.

гребением [18]. Гостомель, Погребы и одновременные им другие памятники интересны также тем, что позволяют наметить связь сосудов милоградско-подгорцевских типов с керамикой эпохи бронзы. Распространенная на сосудах орнаментация зубчатым штампом [19] встречена в единичных случаях, как пережиточное явление в ранних милоградских материалах в Горошкове (в «длинном доме» на территории могильника).

Группе милоградско-подгорцевских могильников предшествуют погребальные памятники Житомирщины и Северной Волыни. Основным отличием их является то обстоятельство, что над погребениями насыпаны невысокие курганные насыпи. Трупосожжения сопровождаются кремневым инвентарем, бронзовыми вещами и круглодонной глиняной посудой, часто украшенной «жемчужным» орнаментом [20]. Сосуды эти аналогичны не только украинским, но и сосудам Моховского I городища на Гомельщине — самого раннего из известных пока городищ милоградского типа.

На территории распространения памятников милоградской культуры и ее локального варианта — подгорцевских памятников — известны также случаи захоронения по обряду трупоположения [21] под курганными насыпями и без них. На Киевщине упомянем погребение в дер. Рудяки, сопровождавшееся металлическим инвентарем [22]. В верховьях Южного Буга, в Куриловской курганной группе, Е. Ф. Лагодовской раскопано несколько небольших курганных насыпей круглой и овальной формы; некоторые из них содержали намеренно разбитые круглодонные сосуды с «жемчужным» орнаментом и другие типичные виды [23]. В устье Горыни Ю. В. Кухаренко у дер. Дубой раскопал курганный могильник с трупоположениями и трупосожжениями, которые он датирует VI—V вв. до н. э. [24]. Сосуды из погребений этого могильника милоградских форм, а также форм, характерных для высоцкой культуры. Отметим, что единственное достоверное милоградское трупоположение на городище в Горошкове также относится к раннему времени. По-видимому, на ранних этапах развития культуры обряд трупосожжения сочетался с обрядом трупоположения, что, может быть, связано не только с окраинным положением большинства перечисленных пунктов, но, возможно, имеет и генетические основания. Характерно, что в юго-западных областях распространения памятников милоградского типа до сих пор нет поздних находок, в то время как в Южной Белоруссии нет памятников раньше VI, а может быть, и V в. до н. э. Единство материальной культуры Волыни и Южной Белоруссии, общие черты в погребальном обряде, совпадение хронологических данных с данными письменных источников позволяют нам повторить высказанное ранее мнение [25] о передвижении одной из племенных групп в раннем железном веке с территории Волыни и Южного Полесья в пределы Южной Белоруссии и видеть в этом указание Геродота на переселение невров [26].

[18] Н. Т. Евстропов. Стоянка периода поздней бронзы в районе с. Гостомель. КСИА, вып. 9, Киев, 1959, стр. 73—76.

[19] В. М. Даниленко. Ук. соч., стр. 15, рис. 1.

[20] С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований на Волыни (1919—1923 гг.). Житомир, 1925 (рукопись). Архив ИА АН УССР, ф. 3, р. 1, № 24; І. Ф. Левицький. Археологічні досліди в Коростенській і Житомирській округах, року 1926 (коротке подання). Архив Житомирского Краеведческого музея, №№ 54, 57, 58: Є. В. Махно. Звіт за Житомирську розвідкову експедицію 1945 р. Науковий Архів Інституту археології АН УРСР, Київ.

[21] В. М. Даниленко. Ук. соч., стр. 11.

[22] А. П. Савчук. Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине. КСИА, вып. I, Київ, 1952, стр. 56—58.

[23] О. Ф. Лагодовська, Р. І. Виезжев, Ф. Б. Копилов. Кургани скіфського часу в с. Курилівці. АП, т. VI, 1956, стр. 17—20.

[24] Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961.

[25] Тезисы доклада, прочитанного автором на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК АН СССР в 1955 г., «Милоградская культура». Архив ИА АН СССР, р-2, № 1415, стр. 162—163.

[26] Геродот, кн. IV, 105.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

ГРАФФИТИ НА СТЕНАХ ЗДАНИЯ В НЕАПОЛЕ СКИФСКОМ

В 1955—1957 гг. Скифским отрядом Крымской экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ под руководством А. Н. Карасева на северном участке городища Неаполя скифского было открыто большое каменное здание, стены которого оказались внутри оштукатуренными и украшенными фресковой росписью [1]. Здание это уникально для Северного Причерноморья античной эпохи как по сохранности штукатурки, частично уцелевшей на стенах, частично найденной в обломках [2], что позволило дать почти полную реконструкцию декоративной росписи стен [3], так и по наличию на штукатурке множества разнообразных граффити.

Здание А имело два помещения: первое — небольшое помещение, наподобие сеней, плохо сохранившееся, и второе — большое, основное помещение, от которого остались нижние части всех четырех стен, что позволило в плане восстановить его полностью. Здание ориентировано с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Общие размеры здания — 19×9 *м*, площадь основного помещения 13×6,5 *м*. Стены обоих помещений были оштукатурены. Как фрески, так и граффити обнаружены только в основном помещении.

Стены помещения сохранились в высоту в среднем на 0,60—0,75 *м*, и соответственно уцелела покрывавшая их штукатурка, положенная на слой глины. Дошедший до нас in situ нижний ярус декоративной фресковой росписи стен представляет собой своего рода цоколь, состоящий из чередующихся вертикальных красных и черных прямоугольников, оставленное между которыми белое поле расписано наклонными коричневыми полосами. Этот ярус ограничен сверху горизонтальной черной полосой, выше идет узкий пояс белой штукатурки, обрамленный сверху горизонтальной красной полосой, над которой начинается второй пояс белой штукатурки. Высота от пола до верхнего края красной полосы — 0,54 *м* [4]. На этом штукатурка обрывается, и вся остальная часть росписи стен стала известна лишь после изучения обвалившихся фрагментов.

Интересующие нас граффити были нанесены на стены только на высоту цоколя, включая промежуток между черной и красной полосами, а также на белое поле выше красной полосы. Граффити начинаются иногда очень близко от пола — на высоте 0,20 *м*; больше всего их расположено

---

[1] А. Н. Карасев. Отчеты о работах Скифского отряда Крымской экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ за 1955—1957 гг. Архив ИА АН СССР, №№ 1182, 1364, 1667. Приношу глубокую благодарность А. Н. Карасеву, передавшему мне для опубликования все материалы экспедиции по граффити.

[2] Основной материал хранится в ГИМ; небольшая часть — в Крымском областном краеведческом музее.

[3] И. В. Яценко. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском. СА, 1960, № 4.

[4] Подробное описание и размеры см. И. В. Яценко. Ук. соч., стр. 92—93, рис. 1—4

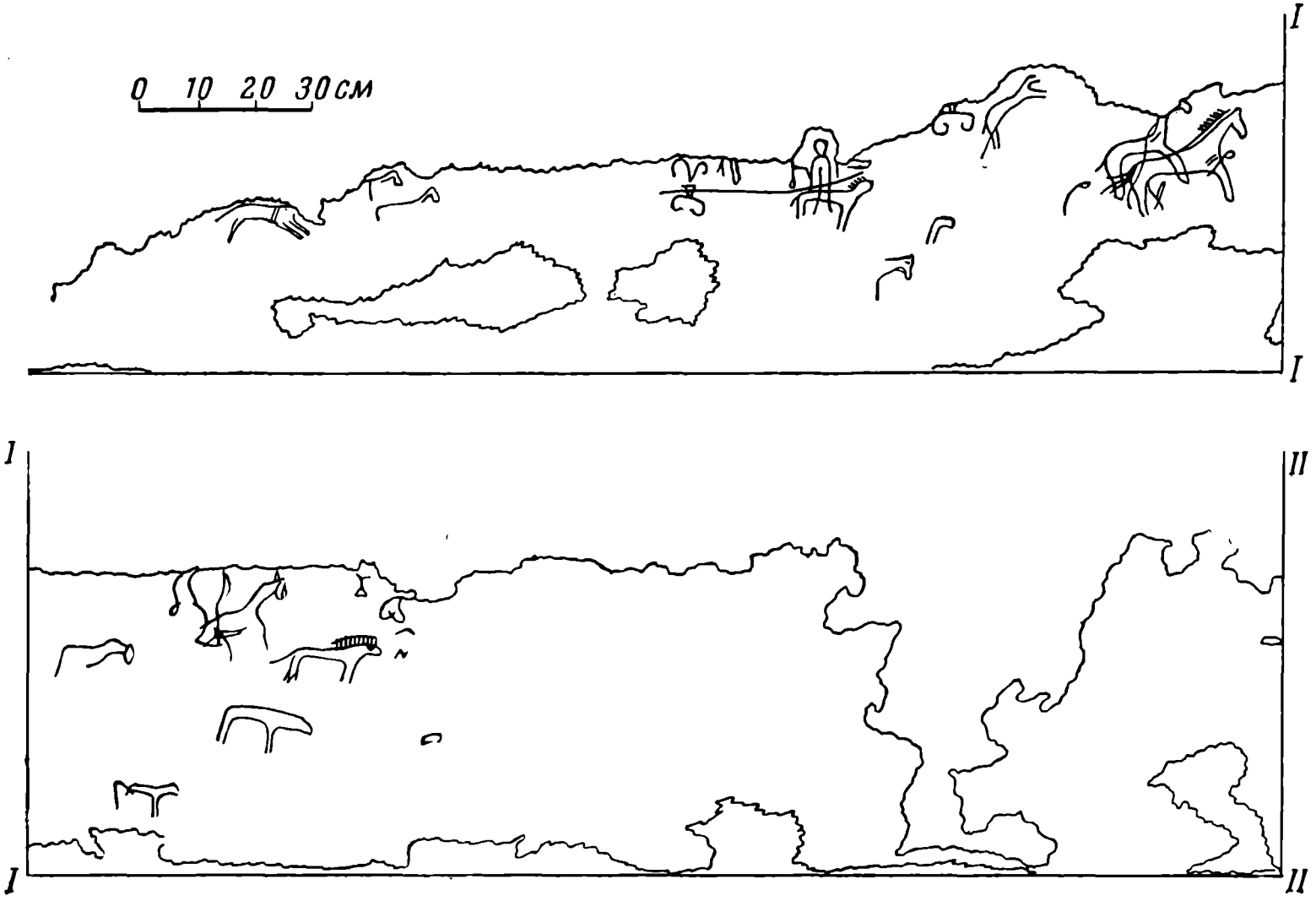

0 10 20 30 см
I
I
I
II
I
II

Рис. 1. Штукатурка с граффити на западной стене здания

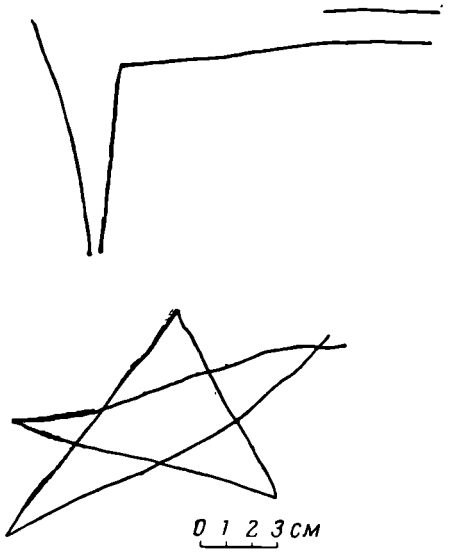


Рис. 5. Граффити на южной стене здания

на высоте 0,40—0,45 *м*. Просмотр всех фрагментов подтвердил, что граффити встречаются только на цоколе и на белой штукатурке; на цветной же штукатурке от верхних частей стен граффити не оказалось.

Большинство граффити сконцентрировано на западной стене (рис. 1—4). На восточной стене рисунков очень мало (см. ниже, рис. 7, *11;* рис. 8, *2—4*; рис. 18, *25*), но около стены найдены обломки штукатурки с граффити. От южной стены уцелела незначительная часть штукатурки, и там оказались два рисунка (рис. 5). На северной стене, где нижний ярус штукатурки сохранился довольно хорошо, нет ни одного граффити, однако они были обнаружены на обломках штукатурки, найденных у этой стены.

Граффити прочерчены по сухой штукатурке (по белому полю или поверх росписи) какими-то острыми орудиями (надо полагать, железными). Судя по различной толщине линий, здесь применялись разные острия.

Среди граффити различаются следующие категории изображений: 1) человеческие фигуры; 2) животные и их части; 3) повозка; 4) сапоги; 5) пятиконечная звезда; 6) непонятные изображения; 7) непонятные фрагменты рисунков; 8) знаки, сходные с буквами греческого алфавита; 9) так называемые сарматские загадочные знаки; 10) простые геометрические рисунки — возможно, также знаки.

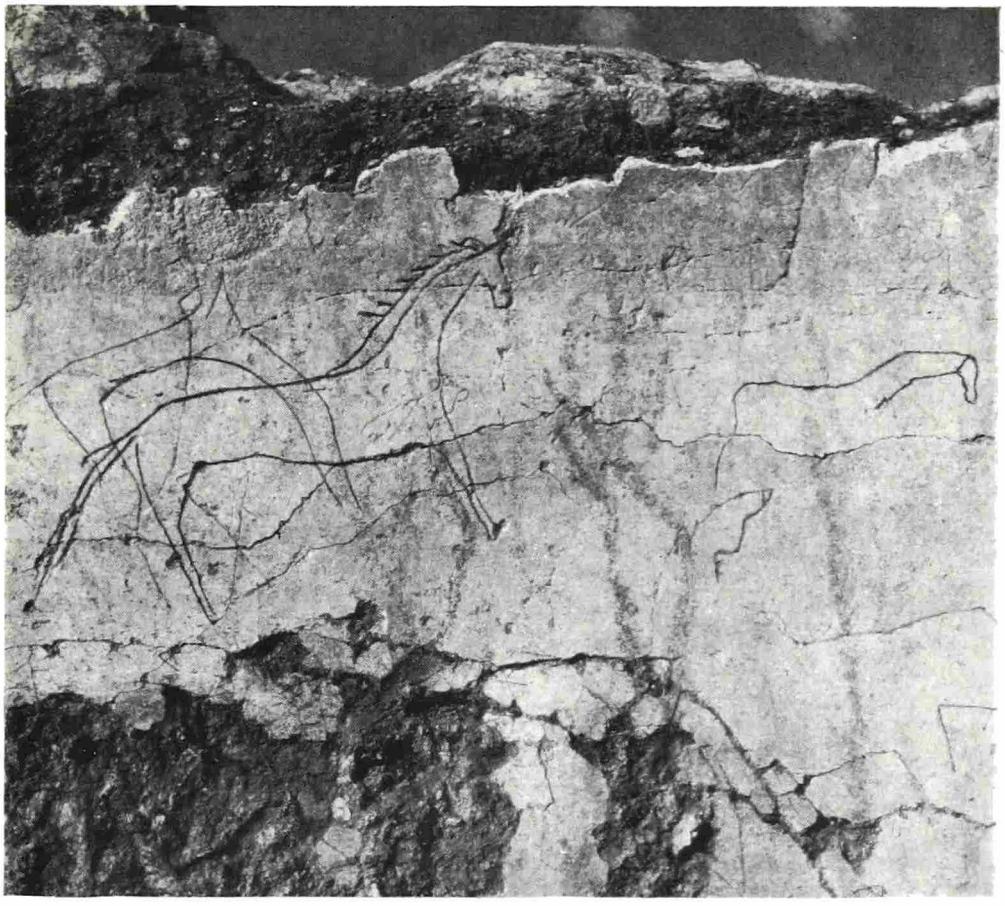
Изображения людей (рис. 6) представлены фигурами одного всадника и трех пеших. Все они крайне примитивны.

Всадник (рис. 6, *1*) выполнен несколькими линиями, обозначающими контур торса, ноги и руки; простой кружок изображает голову на короткой шее. В правой руке — копье, опущенное вниз широким овальным заостренным наконечником. Пальцы руки переданы тремя черточками. В левой руке всадник держит какой-то большой широкий предмет, направленный горизонтально, — возможно, палицу (изображение повреждено).

Все фигуры пеших людей сконцентрированы на северной половине западной стены. Одна из них (рис. 6, *2*), расположенная несколько в стороне от других, на красном прямоугольнике, вооружена двумя копьями, причем одно копье выше человеческого роста; наконечники копий изображены широкими, овальными, незаостренными. Верхняя часть туловища имеет вид треугольника, обращенного вершиной вниз; нижняя часть повреждена; ноги прочерчены простыми прямыми линиями. Голова — в виде кружка на длинной шее, с обращенным влево носом.

Две другие человеческие фигуры (рис. 6, *3*) начерчены столь же схематично — каждая в виде двух треугольников, соединенных вершинами. Ноги изображены линиями, причем у одной из фигур эти линии загнуты под прямым углом влево. Головы не сохранились (у одной из фигур уцелела лишь нижняя часть головы). Линия, отходящая вверх от туловища у левой фигуры, изображала, вероятно, поднятую руку. Не вполне ясные линии, начерченные между фигурами, могли изображать копья. Таким образом, все или почти все люди, нарисованные на штукатурке, представляли собой вооруженных воинов.

Способ изображения человеческих фигур в виде двух составленных вершинами треугольников находит ближайшие аналогии в живописи,



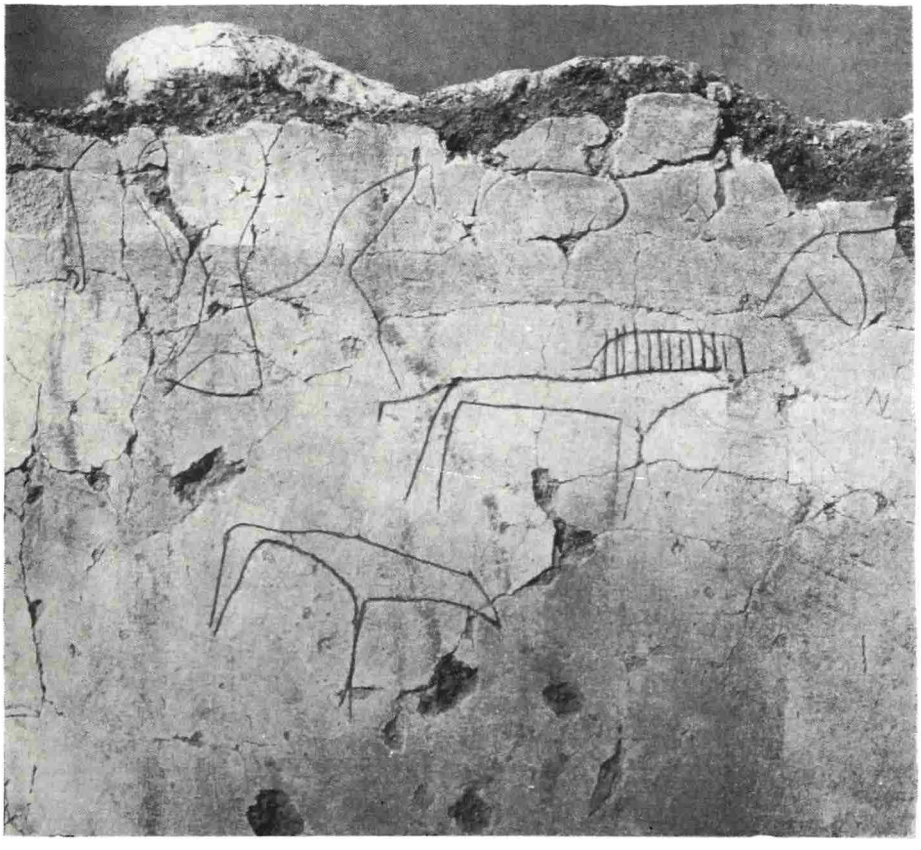


Рис. 2 и 3. Штукатурка с граффити на западной стене здания

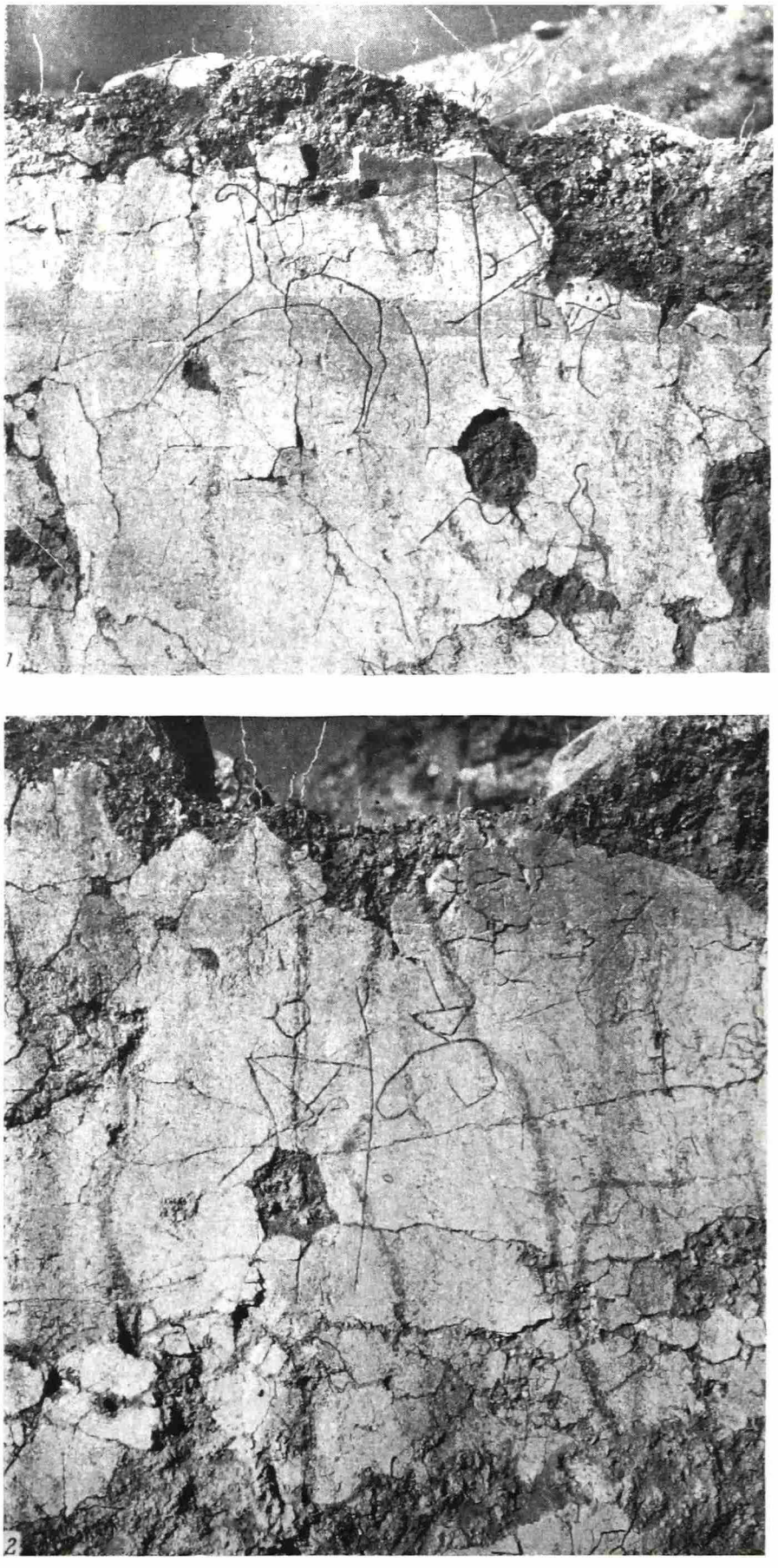


Рис. 4. Штукатурка с граффити на западной стене здания

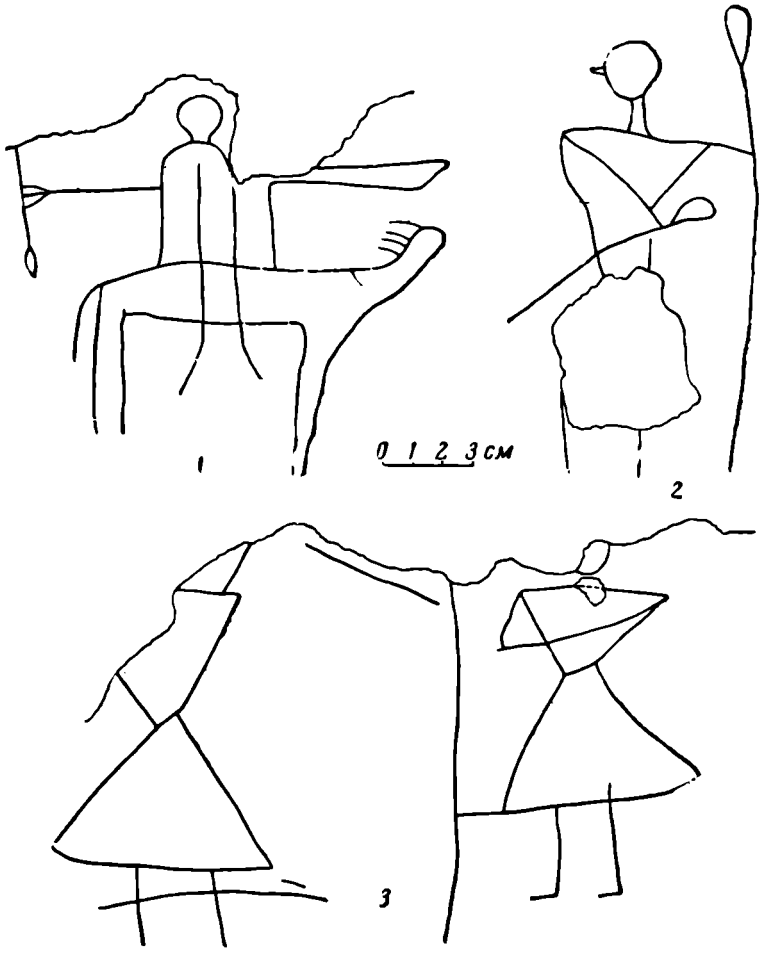


Рис. 6. Изображения людей

украшавшей стены одного из склепов Неаполя, высеченных в скале (склеп № 8) [5]. Сходство последней со схематизированными росписями керченских склепов сабазиастов [6] отмечалось П. Н. Шульцем, усматривавшим здесь проявление сармато-аланского влияния на культуру поздних скифов [7]. Однако В. П. Бабенчиков справедливо указывает, что в условных и геометризованных рисунках склепа № 8 нельзя видеть полной аналогии с росписью керченских склепов; разве что в геометрической трактовке человеческих и лошадиных туловищ [8].

Изображения животных на стенах здания А (рис. 7 и 8) также примитивны, схематичны. Большинство их расположено на западной стене (см. рис. 7); несколько рисунков зафиксировано на восточной стене (рис. 7, *11;* рис. 8, *2—4*) и на обломках штукатурки около нее (рис. 7, *13*). Преобладают изображения лошадей и их частей; имеются также осел (рис. 8, *1;* ср. также рис. 9, *5*), хищник (рис. 8, *6;* см. также лапы на рис. 9, *22*, *23*) и, возможно, собака (рис. 8, *7*, *9*).

Изображения лошадей (рис. 6, *1*; рис. 7; рис. 8, *2—5*) разнообразны: среди почти двух десятков рисунков не найдется двух одинаковых. Одни лошади показаны стоящими, другие — бегущими. Большинство

[5] См. В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя скифского. ИАДК, стр. 106 сл., рис. 10 и 11.

[6] АДЖ, стр. 401—434, табл. XCVIII — С.

[7] П. Н. Шульц. Работы Тавро-скифской экспедиции (1945—1946 гг.). Бюллетень ГМИИ «Памятники искусства», № 2, 1947, стр. 26.

[8] В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 113.

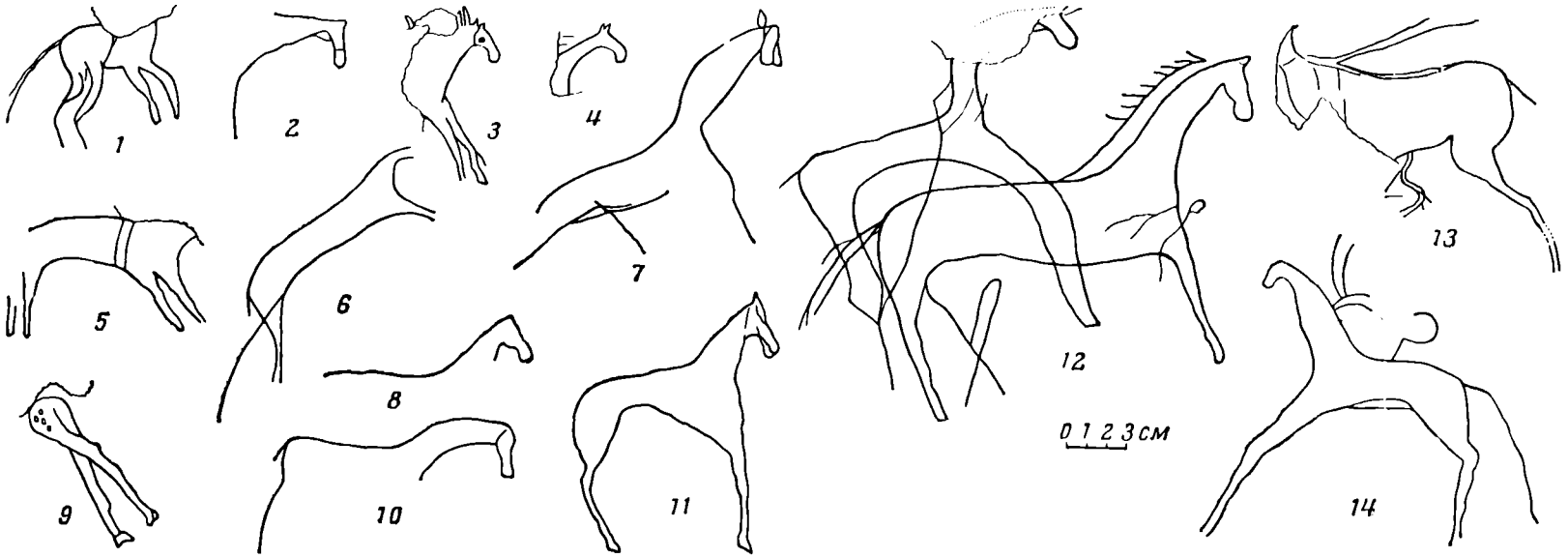


Рис. 7. Изображения лошадей и их частей

1, 2, 5—14 — на сохранившейся in situ штукатурке; *3, 4* — на обломках штукатурки

лошадей изображено без гривы, некоторые — настолько схематичны, что не имеют даже ушей. У некоторых лошадей шеи преувеличенно длинные (рис. 7, *7*, *12*, *14*). Общие черты имеют лошадь под всадником (рис. 6, *1*) и лошадь на рис. 8, *5*: у обеих есть гривы, уши не обозначены, морды овальные, не имеющие характерного для лошади контура, круп изображен почти параллельными прямыми линиями, под

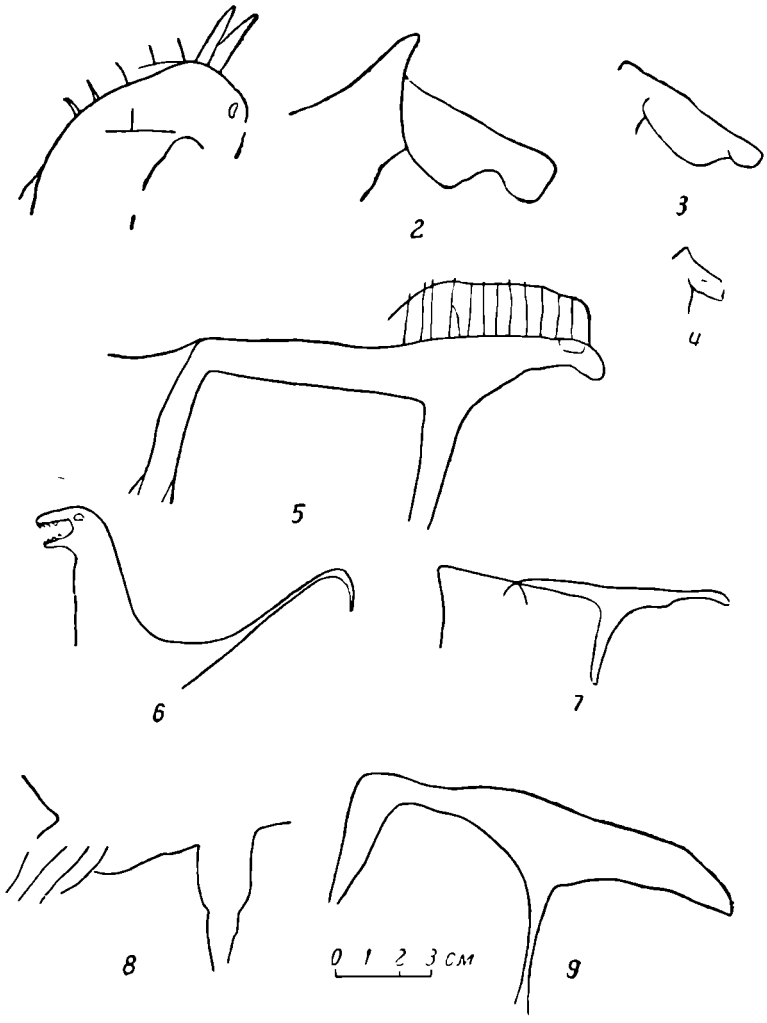


Рис. 8. Изображения животных на западной (*1*, *5—9*) и восточной (*2—4*) стенах

1 — голова осла; *2—4* — головы лошадей; *5* — лошадь; *6* — хищник или грифон; *7—9* — неопределенные животные

прямым углом соединяющимися с ногами; ноги изображены четырьмя одинарными линиями (у лошади на рис. 8, *5* линии задних ног внизу раздвоены). У других лошадей показаны только две ноги — одна передняя и одна задняя,— причем нарисованы они двойными линиями (рис. 7, *6*, *11—14*); у некоторых все четыре ноги нарисованы двойными линиями (рис. 7, *1*, *3*, *5*, *9*). Имеется также свыше двадцати обломков штукатурки, на которых уцелели только изображения лошадиных ног в виде двойных линий (рис. 9, *11—21*, *24—31*), иногда с копытами.

Некоторые рисунки, зафиксированные in situ и тем самым дошедшие до нас в целом виде, представляют лишь отдельные части лошадей: голову (рис. 8, *1—5*), голову и часть туловища (рис. 7, *2*, *7*, *8*, *10*), туловище без головы, не имеющее, впрочем, никаких характерных признаков

лошади (рис. 7, *6*; рис. 8, *8*). На одном из рисунков изображены только задние ноги лошади.

Общее впечатление от этих рисунков таково, что они сделаны наскоро, иногда настолько условно, что фигуры лошадей не дорисованы. Рисунки выполнены руками разных людей, причем явно не профессио-

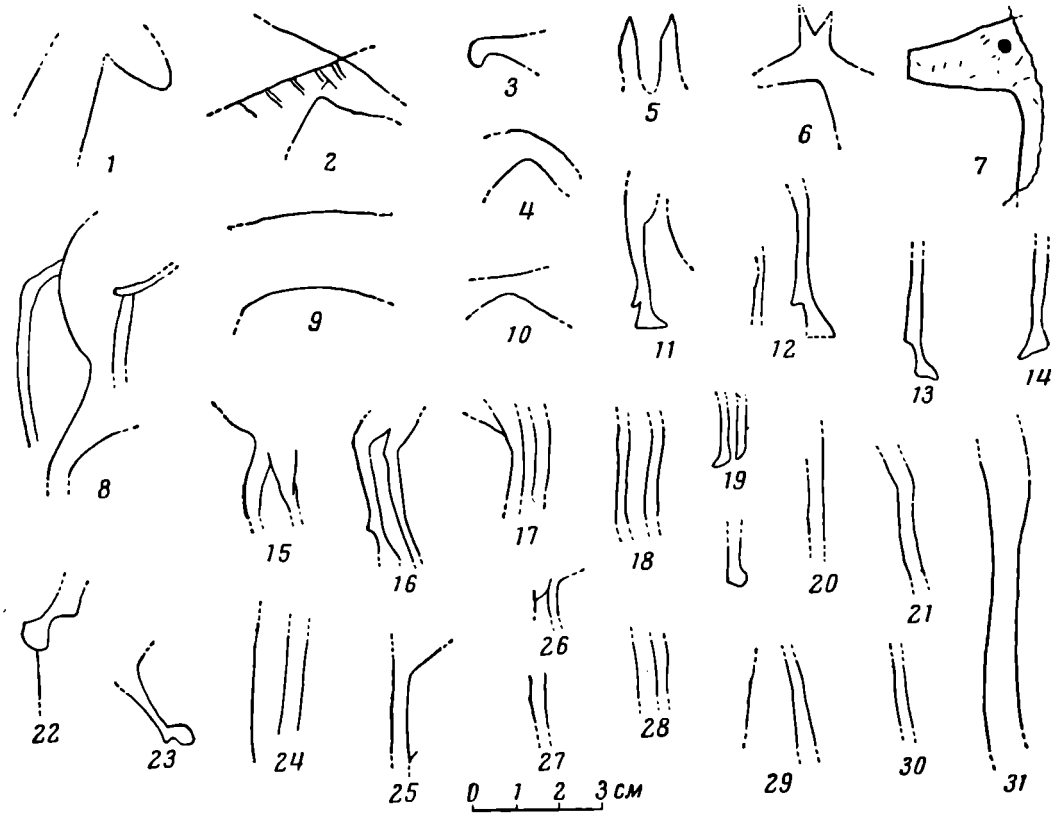


Рис. 9. Фрагменты изображений лошадей на обломках штукатурки

нальных художников. В некоторых рисунках (рис. 7, *3, 11, 13*) чувствуется несколько большее умение, чем в других. Следует отметить, что на лошадях, даже на лошади со всадником, не показаны ни уздечки, ни седла.

Исключением, пожалуй, является рис. 7, *2*, где можно усмотреть подобие уздечки. Лошадь на рис. 7, *5* опоясана двойной линией.

Рассматриваемые нами изображения животных на штукатурке по характеру рисунка могут быть сопоставлены с различными наскальными рисунками, известными на широкой территории у разных народов и в разное время (Сибирь, Кавказ, Алтай, Приазовье и пр.) [9]. Некоторые рисунки (рис. 8, *9*) напоминают изображения со средневековых городищ Нижнего Дона — на камнях Маяцкого городища [10] и на кирпичах левобережного Цимлянского городища [11].

Однако даже наиболее сходные с нашими из всех этих рисунков имеют свои отличительные черты, и сходство по существу заключается в примитивности рисунка, общей для многих древних народов. Судя по

[9] Ср., например: История Азербайджана. Баку, 1958, рис. на стр. 21; П. П. Хорошиx. Наскальные рисунки на горе Манхай II. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, рис. 58 и 59.

[10] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, рис. 29, 30; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935, рис. 42.

[11] М. И. Артамонов. Ук. соч., рис. 40, *5*.

рассматриваемым граффити здания А, по упоминавшимся уже схематичным изображениям людей и животных в неапольских склепах, а также по приводимым ниже изображениям животных на современных нашим граффити и территориально близких им памятниках (часть которых принадлежит скифам), схематизм изображения был характерен и для

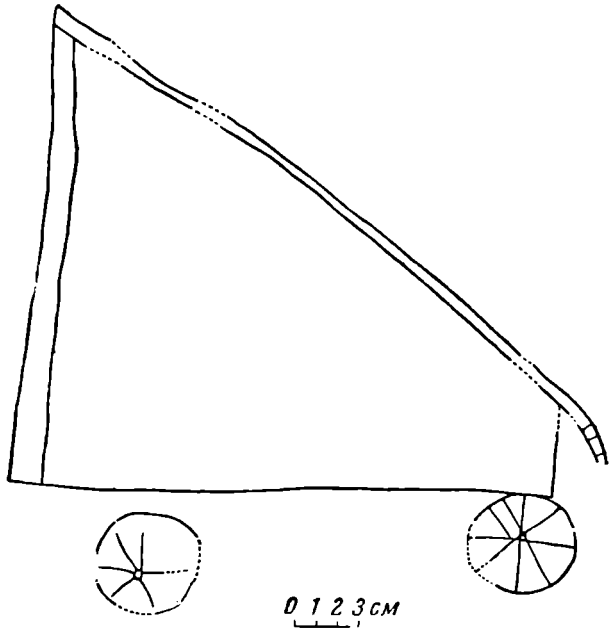


Рис. 10. Изображение повозки или тарана

рисунков поздних скифов. Но не следует забывать, что неапольские граффити сделаны не профессиональными художниками, а неумелыми людьми, по-разному, индивидуально, и что наряду с такого рода рисунками поздние скифы оставили нам и реалистическую живопись (известный склеп № 9 Неаполя скифского).

Из круга памятников Северного Причерноморья античной эпохи в качестве аналогии нашим граффити по приемам изображения животных можно привести граффити на краснолаковом сосуде из Херсонеса [12]. Нам известны среди крымских памятников также схематические контурные изображения животных (лошадей, коров, оленей) на пряслице из могильника у с. Заветное близ Бахчисарая [13], и на пряслице из восточного могильника Неаполя скифского [14]. Примитивное изображение лошади, напоминающее по рисунку наши граффити, имеется в росписи керченского склепа сабазиастов 1901 г.[15]. Отдаленную аналогию к рассматриваемым изображениям животных можно видеть в граффити Стасовского склепа 1872 г. [16], где, как и в Неаполе, изображения животных начертаны вместе с загадочными знаками. Наконец, наиболее близкие к неапольским изображения двух лошадей мы находим на одной из пантикапейских надгробных стел (надгробии Теолики) [17], где также осо-

---

[12] Н. В. Пятышева. Скифы и Херсонес. ИАДК, стр. 260—261, рис. 6.

[13] Экспозиция Бахчисарайского историко-археологического музея, инв. № 5814/п. о. 112.

[14] Э. А. Сымонович. Отчет о работах на восточном участке некрополя Неаполя скифского в 1957 г. Архив ИА АН СССР, № 1545, стр. 49 и табл. XXI, *5*.

[15] АДЖ, табл. XCVII.

[16] Там же, табл. LXXXIII.

[17] IOSPE, II, № 232; G. Kieseritzky, C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, стр. 34, № 192.

бенно интересно для нас сочетание этих рисунков с загадочными знаками. Имеющаяся на надгробии греческая надпись датируется I в. н. э., рисунки же нанесены позже, при вторичном использовании плиты [18].

Из прочих рисунков на штукатурке в здании А Неаполя скифского наиболее интересно изображение повозки (рис. 10). Повозка имеет односкатную крышу, которая, как и передняя стенка, изображена двойной линией; сзади имеется подобие лесенки; видны два колеса со спицами. Есть предположение, что здесь изображено стенобитное орудие (таран?) [19]. Это предположение заслуживает внимания. Действительно, древние авторы первых веков нашей эры дают описание и чертежи таранов [20], из которых некоторые по схеме сходны с неапольским рисунком: есть прямое упоминание о таранах, ударявших стены по наклонной линии снизу вверх, что давало большой разрушительный эффект [21]. Над тараном делался навес для защиты от падавших со стены камней — так называемая черепаха; кроме того, существовали и другие разного рода «черепахи», в том числе и подкопные, иногда—с односкатной крышей [22].

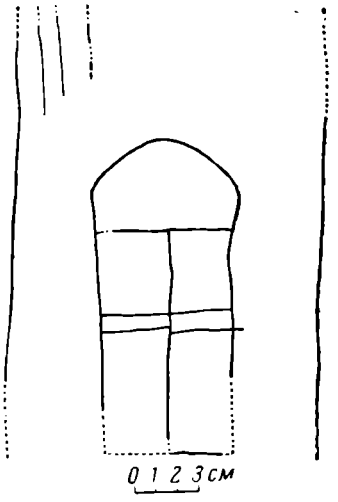


Рис. 11. Изображение башни (?)

Перед повозкой на стене в здании А расположен большой, не вполне понятный рисунок (рис. 11). Возможно, что это какое-то здание. может быть, башня; посредине рисунка, скорее всего, изображена дверь [23].

Два рисунка сохранились на южной стене (рис. 5) — знак в виде «корня квадратного» и пятиконечная звезда, начертанная пересекающимися линиями. Это — пока единственное изображение пятиконечной звезды, известное у скифов. Звезда встречается среди рисунков других народов в значительно более древние времена: так, совершенно аналогичная звезда вырезана на сосуде из Арин-Берда (Армения), относящемся к VII в. до н. э. [24].

На одном из обломков штукатурки изображен сапог (рис. 12, *1*). Имеется несколько рисунков в виде неправильного кружка с отходящей от него волнистой линией — возможно, изображения змей (рис. 12, *3—6*). В одном случае такой рисунок пересекает изображение лошади (рис. 7, *12*). Подобные «змейки», но сдвоенные, есть и в Стасовском склепе [25].

Остальные рисунки не поддаются никакому объяснению. Одни из них имеют вид «лесенок» (рис. 12, *10, 12*), другие — кривых линий (рис. 12, *7, 8*), некоторые представляют собой довольно крупные рисунки причудливой формы (рис. 12, *9, 13*).

Наконец, на обломках штукатурки имеется ряд фрагментов различных геометрических фигур (рис. 13).

---

[18] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 99—100, № 44.

[19] Это мнение было высказано Н. И. Сокольским и поддержано Н. П. Шульцем.

[20] Аполлодор. Полиоркетика, § 159 сл. ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 399—400; Афиней. О машинах, § 9 сл. ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 415—417.

[21] Аноним Византийский. Инструкции по полиоркетике, § 228. ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 435.

[22] Там же, § 214 сл., стр. 430, 433—434.

[23] Ср. в Неаполе скифском дверь мавзолея: П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, рис. 5 и 7; ср. также изображение двери на краснофигурной гидрии: Г. Дильс. Античная техника. М.— Л., 1934, рис. 14.

[24] И. М. Лосева. Новые археологические исследования отряда ГМИИ им. А. С. Пушкина на холме Арин-Берд. СА, 1958, № 2, рис. 7, *5*.

[25] АДЖ, табл. LXXXIII

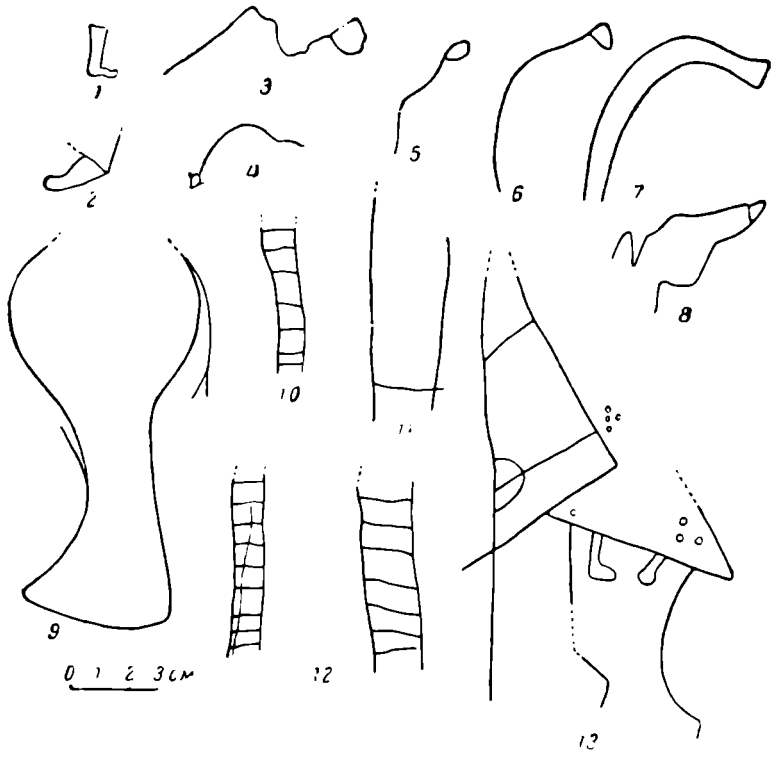


Рис. 12

1, 2 — изображения сапожков (?); *3—6* — «змейки»; *7—13* — непонятные изображения на западной стене

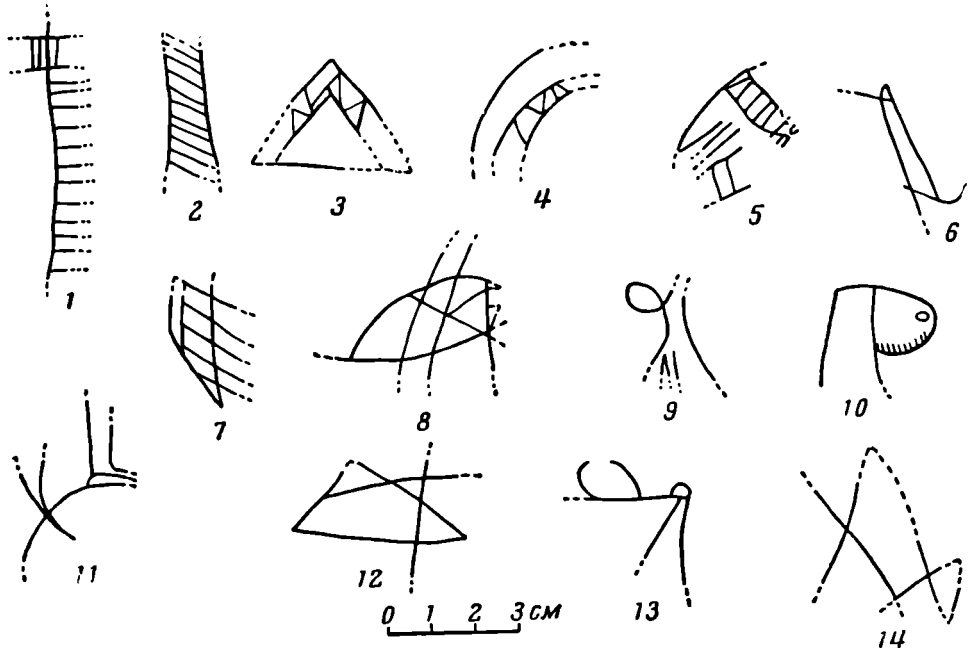


Рис. 13. Непонятные изображения на обломках штукатурки

Несколько граффити напоминают греческие буквы (рис. 14). Здесь можно усмотреть такие буквы, как XI (рис. 9, *1*), N (рис. 14, *2*), NO (рис. 14, *3*), IΛI или IAI (рис. 14, *4*), B (рис. 14, *5*), OC (рис. 14, *6*). Однако перечисленные граффити очень просты и небрежны по своему рисунку; не случайно, очевидно, то совпадение, что среди этих «букв»

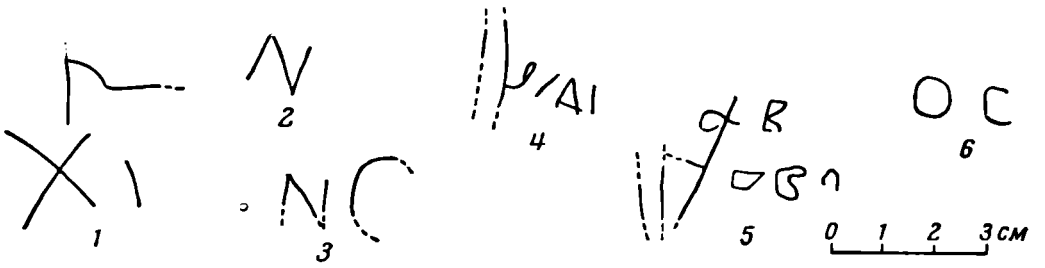


Рис. 14. Знаки, напоминающие буквы греческого алфавита

имеются лишь наиболее геометричные по начертанию: крестик, палочка, зигзаг, кружок, треугольник. Единственный среди них более сложный рисунок, напоминающий букву В, начертан неровно и имеет незамкнутую нижнюю линию, так что скорее близок к латинскому R. В сочетании NO оба знака фрагментированы, так что на них основываться нельзя, и притом второй знак намного крупнее первого, что говорит не в пользу

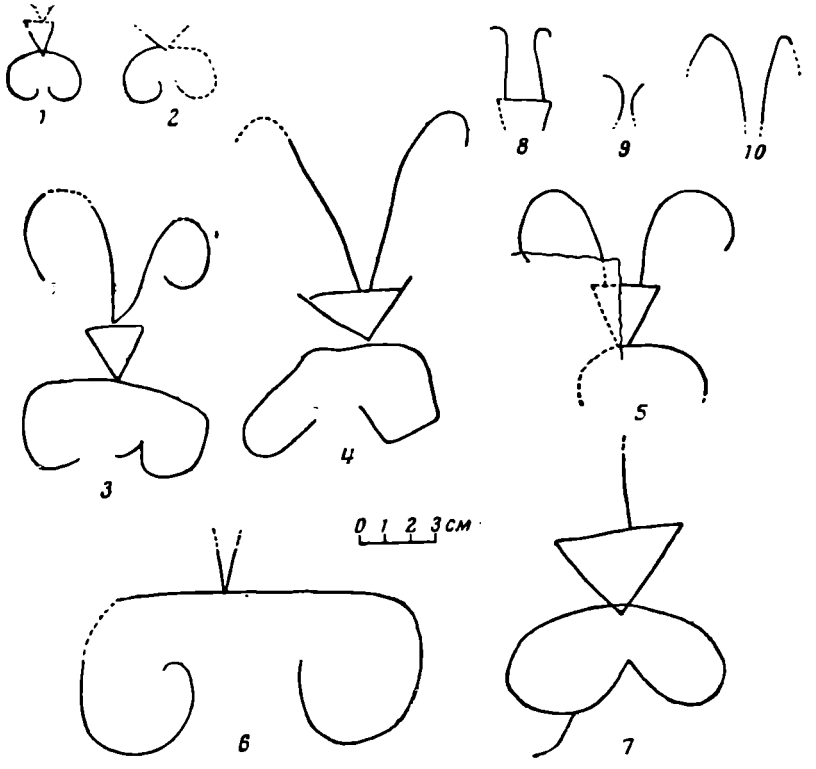


Рис. 15. Загадочные знаки

1, 2, 8—10 — на обломках штукатурки; *3—7* — на сохранившейся на стене штукатурке

понимания их как букв. Знаки XI также разной величины, к тому же над ними сверху начертан еще один знак, который никак не может являться греческой буквой. Знаки ОС приводим лишь условно, потому что они не врезаны в штукатурку, как остальные граффити, а лишь слабо вдавлены, так что могут быть и случайными; С имеет угловатые очертания.

Таким образом, нельзя утверждать, что среди наших граффити имеются греческие буквы, как это делает Э. И. Соломоник[26]. Сходство указанных граффити с греческими буквами скорее случайно.

Большую группу граффити составляют так называемые загадочные знаки (рис. 15—17).

[26] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 109.

Общее количество тамгообразных загадочных знаков, обнаруженных на штукатурке, составляет 27. 11 знаков зафиксированы in situ [27], остальные же 16 — на обломках штукатурки, собранных нами в земле. Все эти знаки несомненно относятся к числу так называемых сарматских загадочных знаков Северного Причерноморья и имеют точные или приблизительные аналогии среди этого рода памятников. Кроме того, нами выделены еще 34 простых геометрических рисунка, возможно, также игравших роль знаков, но не имеющих аналогий среди уже известных загадочных знаков или же, наоборот, настолько простых и широко распространенных (например, косой крестик, треугольник), что принадлежность их к сарматским знакам была бы сомнительна, если бы не сходство их со знаками, несомненно являющимися таковыми по своему положению на предметах.

Знаки начертаны на штукатурке иногда группой, иногда поодиночке (рис. 1). Преобладает сложный трехчленный знак (рис. 15), нижнюю часть которого составляет фигура в виде положенной загнутыми концами вниз буквы С, среднюю — треугольник вершиной вниз, а верхнюю — две

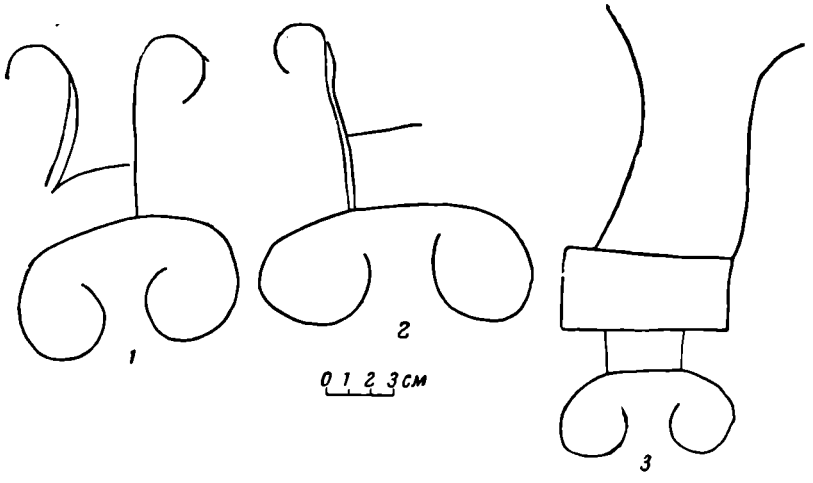


Рис. 16. Загадочные знаки, обнаруженные на сохранившейся in situ штукатурке

линии, отходящие вверх от треугольника и загибающиеся на концах в разные стороны в виде рогов; эти линии или расходятся из одной точки — середины перевернутого основания треугольника (рис. 15, *3*), или же отходят от двух точек основания, более или менее близких к его краям (рис. 15, *4*, *5*, *8*).

Этот знак встречен в целом виде три раза — на штукатурке, сохранившейся in situ (рис. 15, *3—5*). Кроме того, нижняя часть такого или подобного фрагментированного знака зафиксирована на стене (рис. 15, *6*), а на обломках штукатурки обнаружены две нижние части таких знаков (рис. 15, *1*, *2*) и три верхние (рис. 15, *8—10*). Судя по фрагментам, можно предполагать, что данный знак в весьма близких вариантах был повторен на штукатурке не менее девяти раз. Следует отметить, что перечисленные знаки значительно различаются между собой по размерам.

Разновидностью того же типа знаков можно считать знак, в нижней части которого концы волют смыкаются, а в верхней вместо двух линий имеется одна (рис. 15, *7*); эта линия обрывается, и мы не знаем, как она кончалась.

---

[27] Из них четыре знака (рис. 5, *3*, *4*; рис. 6, *1*, *3*) вошли в монографию Э. И. Соломоник (см. там же, № 53).

Три раза, в близких вариантах, встречен (на обломках) другой трехчленный знак (рис. 17, *1—3*), нижний и верхний элементы которого аналогичны вышеописанным (с той разницей, что здесь концы «рогов» не загибаются), а средний представляет собой круг. Средняя часть соединяется с верхней и нижней посредством одной или двух вертикальных линий.

Имеется один особый трехчленный знак (рис. 16, *3*), нижний и верхний элементы которого совпадают с соответствующими элементами знаков двух вышеописанных типов (причем здесь «рога» выходят из двух отда-

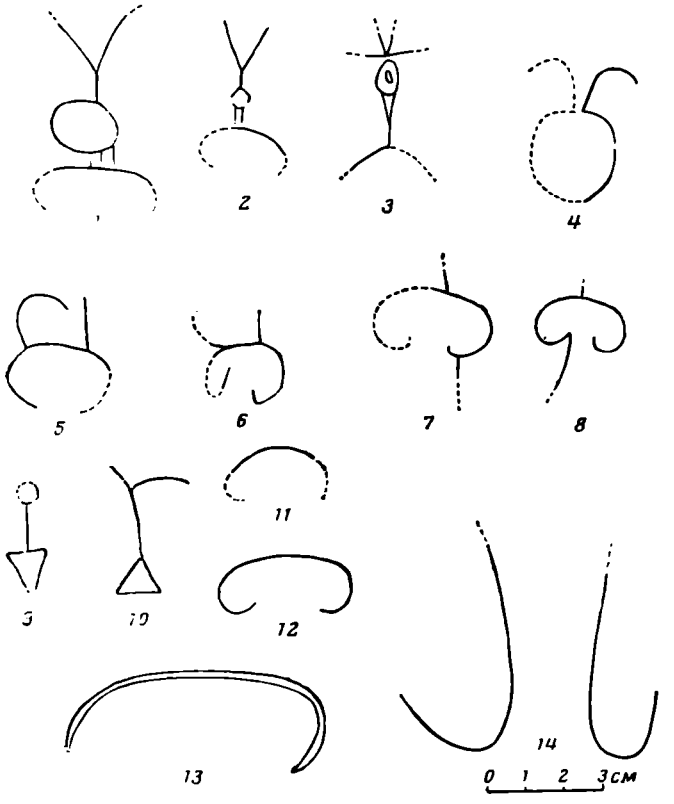


Рис. 17. Загадочные знаки, имеющие аналогии среди памятников Северного Причерноморья

1—9, 11 — на обломках штукатурки; *10, 12—14* — на сохранившейся in situ штукатурке

ленных друг от друга точек), а средний представляет собой горизонтально поставленный прямоугольник. Средний элемент соединяется с нижним при помощи двух вертикалей, значительно отстоящих друг от друга, так что между ними, нижней стороной прямоугольника и верхней частью дуги, образуется еще один, меньший, прямоугольник, в силу чего данный знак можно рассматривать и как четырехчленный. Отметим сразу, что, в отличие от остальных, этот знак не находит себе аналогий среди загадочных знаков Северного Причерноморья.

Есть несколько различных двучленных знаков, нижняя часть которых, как и у всех рассмотренных выше знаков, представляет собой дугу, положенную загнутыми концами вниз, верхняя же образована одной или двумя отходящими от этой дуги линиями, прямыми или загнутыми различным образом; в одном случае вторая линия отходит не от самой дуги, а начинается несколько выше и соединяется с первой линией горизонтальной перекладиной (рис. 16, *1, 2;* рис. 17, *5, 6*). Та же дуга лежит в

основе еще двух знаков (рис. 17, *7, 8*), у которых одна вертикальная линия идет вверх от середины дуги, а другая — вниз от одного из концов дуги; окончания линий ни на одном из знаков не сохранились. Наконец, имеются два или три простейших знака в виде одной только дуги (рис. 17, *11—13*).

Остальные загадочные знаки встречены по одному разу: круг с двумя отходящими вверх, загнутыми в разные стороны «рогами» (рис. 17, *4*);

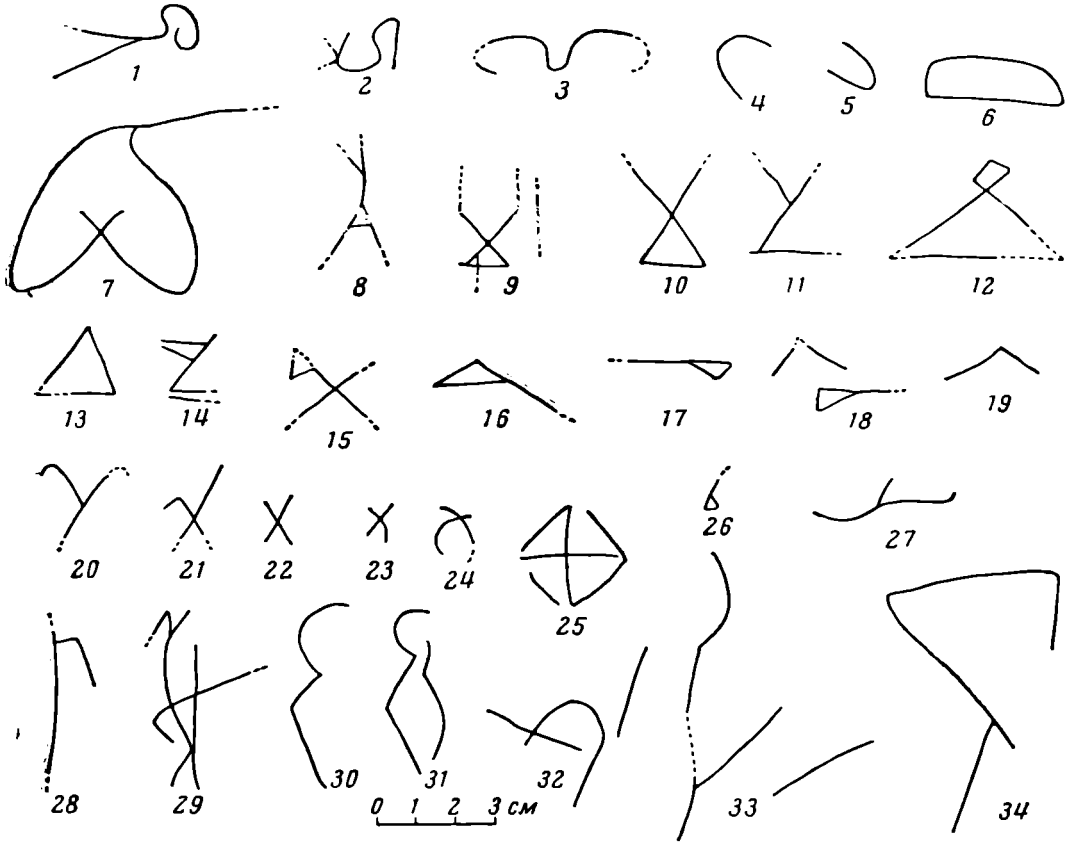


Рис. 18. Простейшие рисунки, возможно служившие знаками

1—7, 19, 25, 30—34 — на сохранившейся in situ штукатурке; *2, 3, 8—18, 20—24, 26—29* — на обломках штукатурки

круг и треугольник, соединенные прямой линией (рис. 17, 9); «рога» и треугольник, соединенные прямой линией (рис. 17, *10*).

Простой геометрический рисунок в виде косого крестика, несколько раз встреченный среди граффити (рис. 18, *21—24*; рис. 14, *1*), также может быть отнесен к числу загадочных знаков, тем более что он имеет аналогии среди сарматских знаков Северного Причерноморья.

В числе простых геометрических рисунков на штукатурке, не имеющих пока аналогий среди известных нам загадочных знаков, но, по всей вероятности, являющихся также такого рода знаками, отметим двойную дугу (рис. 18, *3*), треугольник (рис. 18, *13*). треугольник с ромбом на вершине (рис. 18, *12*), ромб со вписанным в него крестом — типа солярных знаков (рис. 18, *25*) и др. (см. рис. 18).

Наиболее сложные из загадочных знаков, начертанных на штукатурке здания А, по своей структуре являются характерными для сарматских загадочных знаков Северного Причерноморья и почти все находят себе прямые или очень близкие аналогии среди последних. Некоторые простые знаки, как отмечалось выше, также имеют аналогии. Памятники с аналогичными нашим знаками приведены в таблице.

Таблица

Аналогии к загадочным знакам, начерченным на штукатурке

Рис. в статье	Степень аналогии	Место находки аналогичного знака	Вид памятника	№ памятника по Соломоник или др. издание	№ знака в общей табл. Соломоник	Датировка памятника (н. э.)
15, *5*	Полная	Керчь	Стасовский склеп	52	31	II в.
15, *3*, *4*	Очень близкая	»	» »	52	31	» »
15, *3—5*	Неполная	»	» »	52	23	» »
То же	»	»	» »	52	32	» »
» »	»	»	Плита известняковая	50	24	Первые века
» »	»	»	Пряжки бронзовые, 9 шт.	83—86	24	То же
» »	Очень близкая	»	Грузило глиняное	МИА 25, стр. 411, табл. 1, *7*	—	» »
» »	Неполная	Ольвия	Лев мраморный со множеством знаков	42	25	» »
» »	»	Кривой Рог	Плита со множеством знаков и лошадиной головой	43	29	» »
15, *7*	»	Керчь	Плита-надгробие Сосия с греч. надписью и множеством знаков	46	26	II—III вв. (надпись)
16, *1*	Очень близкая	Красногорское Крым. обл.	Бляха серебряная конская	92	71	Первые века
16, *2*; 17, *5*, *6*	Неполная	То же	То же	92	71	То же
16, *1*, *2*; 17, *5*, *6*	»	Кривой Рог	Плита со множеством знаков и лошадиной головой	43	70	» »
То же	»	Керчь	Плита со множеством знаков	47	68	» »
» »	»	»	Бычок глиняный (игрушка)	143	27	» »
16, *3*	—	—	—	—	—	—
17, *1*, *2*	Очень близкая	Керчь	Грузило глиняное	148	77	Первые века
То же	То же	Ольвия	Лев мраморный со множеством знаков	42	—	То же
» »	» »	»	То же	41	76	» »
17, *1—3*	Неполная	Ольв. чекан	Монеты Иненсимея	155	78	I—II вв.
17, *4*	Полная	Ольвия	Гривна золотая	69	85	III в.
17, *7*	Неполная	Кривой Рог	Плита со множеством знаков и лошадиной головой	43	213	Первые века
То же	Очень близкая	Ак-Кая, Крым. обл.	Пещера № 1	57	216	То же
17, *8*; 18, *1*	То же	Ольвия	Плита известняковая	59	214	» »
То же	» »	Кривой Рог	Плита со множеством знаков и лошадиной головой	43	215	» »
17, *9*	Полная	» »	То же	43	104	» »
17, *11—13*	»	» »	» »	43	43	» »
То же	»	Ольвия	Лев мраморный со множеством знаков	42	43	» »

Продолжение

Рис. в статье	Степень аналогии	Место находки аналогичного знака	Вид памятника	№ памятника по Соломоник или др. издание	№ знака в общей табл. Соломоник	Датировка памятника (н. э.)
17, *11—13*	Полная	Ольвия	Плита известняковая	61	43	I в.
То же	»	Ст. Еланская на Дону	Котел бронзовый	137	43	Первые века
» »	»	Керчь	Стасовский склеп	52	43	II в.
17, *14*	Возможная	»	» »	52	140	» »
То же	»	Ак-Кая, Крым. обл.	Пещера № 1	57	129	Первые века
17, *10*	Очень близкая	Керчь	Плита со множеством знаков	47	157	II в.
18, *9*	Возможная	Ольвия	Плита мраморная с двумя греч. надписями	29	135	—
18, *13*	Полная	»	Лев мраморный со множеством знаков	42	146	Первые века
18, *27*; 18, *20* (возм.)	Неполная	»	То же	41	178	То же
То же	»	Керчь (?)	Плита известняковая	18	177	» »
» »	»	»	То же	49	178	» »
» »	»	Керчь	Бляха конская бронзовая, покрытая золотом	91	178	Начало III в.
» »	»	»	То же	91	179	То же
18, *22*, *23*; 4, *1* (нижний левый)	Полная	»	Плита-надгробие Макария с греч. надписью	27	171	II в. (надпись)
То же	»	»	Плита-надгробие Теоники с греч. надписью, знаками и рисунками	44	171	После I в. (надпись)
» »	»	Ярошевка, Киев. обл.	Котел медный сарматский	142	171	Первые века
14, *2*, *3* (левый)	»	Керчь	Грузило глиняное	МИА 25, стр. 411, табл. 1, *3*	—	То же

Из таблицы видно, что подавляющее большинство знаков, встреченных в здании на Неаполе, известно на памятниках из Керчи и Ольвии — пунктов, где вообще засвидетельствовано наибольшее количество загадочных знаков. При этом иногда на одном и том же памятнике (Стасовский склеп; плита со множеством знаков из Керчи — № 47 по Э. И. Соломоник; ольвийские львы) среди других знаков имеется не по одному из наших знаков, а по два или даже более. Кроме керченских и ольвийских памятников, сюда же относится известная плита со знаками и лошадиной мордой, найденная близ Кривого Рога, на которой мы находим аналогии пяти из наших знаков. В пределах территории царства крымских скифов аналогичные нашим знаки мы находим (по одному) в пещере Ак-Кая № 1 (Белогорский район) и на пряжке из склепа у с. Красногорское (Зуйский район). Кроме того, на стене Красногорского склепа (по форме и инвентарю совершенно аналогичного вырубным

склепам Неаполя) вырезаны два загадочных знака[28], один из которых сходен со знаком из наших граффити (рис. 17, *10*) [29].

Загадочные знаки Северного Причерноморья принято считать скифо-сарматскими[30] или сарматскими[31]. В сарматском мире тамгообразные знаки в первые века нашей эры распространяются повсеместно и встречаются на характерных предметах сарматской культуры (котлы, зеркала, пряжки и т. п.). Наиболее широкое распространение и наиболее развитой вид они получили в сарматизованных городах Боспора во II—III вв. н. э.[32].

Для более убедительного доказательства сарматского происхождения северопричерноморских знаков было бы, разумеется, чрезвычайно важно, при отсутствии их у ранних скифов, проследить знаки на ранних сарматских памятниках, что и попыталась сделать Э. И. Соломоник[33]. Однако фактов, приведенных ею, явно недостаточно. Нет оснований датировать сарматские котлы со знаками временем ранее I в. н. э. На сосудах же из сарматских погребений Поволжья[34] знаки крайне примитивны, иногда носят орнаментальный характер, и нельзя полностью отождествлять их с тамгообразными загадочными знаками. Поэтому пока преждевременно говорить о появлении загадочных знаков у сарматов ранее I в. н. э.

Публикуемые граффити значительно пополняют количество знаков, известных у поздних крымских скифов. На территории их царства наиболее интересный памятник со знаками — Ак-Кая. Здесь, около г. Белогорска, в отвесной скале имеются две пещеры со множеством характерных загадочных знаков. П. Н. Шульц отмечает наличие в пещерах позднескифского культурного слоя[35].

Два знака высечены в типично скифском Красногорском склепе (третий знак обнаружен там же, на пряжке) [36]. Один знак вырезан на антропоморфной стеле, найденной на скифском городище Красном (Кермен-Кыр), одновременном Неаполю[37].

В самом Неаполе до последнего времени знаки не были известны: знаки на сарматских зеркалах из некрополя[38] не относятся к скифским памятникам; опубликованный П. Н. Шульцем рисунок из росписи склепа № 1[39] не является типичным знаком (поэтому, очевидно, он не вошел в корпус Э. И. Соломоник). Несомненный загадочный знак был засвидетельствован лишь на обломке дна каменного сосуда[40]. Кроме того, с трудом различимый знак Y можно усмотреть на задней стороне опубликованного нами мраморного постамента с надписью Посидея[41];

---

[28] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 78—79, № 34.

[29] Различие заключается в том, что у нашего знака (зафиксированного in situ) треугольник расположен внизу и линия восходит от его вершины, а у красногорского — треугольник вверху и линия опускается от его основания.

[30] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.). ИАДК, стр. 85—87.

[31] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 16—19.

[32] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 430.

[33] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 17.

[34] Там же, № 145 и 146.

[35] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского, стр. 86—87; Э. И. Соломоник. Ук. соч., №№ 57, 58.

[36] Там же, №№ 34 и 92.

[37] Там же, № 22.

[38] Там же, № 118.

[39] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского, стр. 86, рис. 14, *б*.

[40] Раскопки П. Н. Шульца в 1957 г. Материал не опубликован, хранится в ОАСА ИА АН УССР в Симферополе.

[41] О. Д. Дашевская. Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского. СА, 1960, № 1, рис. 2, *2* (см. середину правого края рисунка). Аналогичный знак см. H. Jänichen. Die Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern. Bonn, 1956, табл. 11. Автор ошибочно указывает, что данные знаки находятся на стене склепа в Керчи, тогда как в действительности они нанесены на известняковой плите из Керчи — см. Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 47. К сожалению, на фотографии плиты в книге

может быть, не случайно вторично использованный скифами для рисунков постамент оказался найденным на городище рядом с общественным зданием А, стены которого, как мы видим, были покрыты многочисленными рисунками.

Предварительный вывод о применении скифами загадочных знаков был сделан несколько лет назад П. Н. Шульцем [42]. Наши материалы существенным образом подтверждают этот вывод.

Если простейшие знаки могли возникнуть на определенном этапе развития у разных народов независимо друг от друга, то наличие одинаковых сложных знаков, безусловно, говорит о заимствовании. Э. И. Соломоник справедливо отмечает, что в результате заимствования к сарматам могли попасть некоторые знаки из Сибири, Алтая и Средней Азии [43]. Интересно, что один из знаков, на котором в этой связи специально останавливает свое внимание Э. И. Соломоник, встречающийся как в Северном Причерноморье, так и в Хорезме (что было отмечено С. П. Толстовым) [44] и в Казахстане, оказался среди наших граффити (рис. 17, *8*).

Наличие у крымских скифов ряда сложных знаков, совпадающих со знаками на памятниках сарматской или сарматизованной культуры, свидетельствует о заимствовании скифами сарматских знаков. Вместе с тем, здесь, как и в некоторых других материалах из Неаполя, находит свое отражение сарматизация культуры поздних скифов, не потерявшей, однако, своей самобытности.

Наши материалы позволяют предполагать, что знаки, заимствованные от сарматов, получают у скифов новые варианты. Таков, например, трехчленный знак с прямоугольником посредине (рис. 16, *3*).

Вопрос о назначении загадочных знаков крайне труден и пока не нашел своего окончательного разрешения. Как убедительно показала в своей монографии Э. И. Соломоник, знаки в различных случаях имели разное назначение: во многих случаях они служат знаками собственности — родовыми или личными (в том числе и царскими) [45], причем иногда прямо используются как тавро [46]; в других случаях они имеют магическое значение. Последнее более всего относится к памятникам со множеством знаков, в частности к тем, на которых знаки сочетаются с рисунками. Такого рода памятники имеют коллективный характер, а именно — культовый [47]. К этой группе памятников и принадлежат наши граффити.

Э. И. Соломоник обращает внимание на повторение на таких памятниках одинаковых знаков, что, по ее мнению, не имело бы смысла при нанесении знаков собственности [48]. Это явление весьма интересно и наблюдается довольно редко. Так, например, И. И. Мещанинову ни разу не удалось заметить одинаковых знаков на одном и том же памятнике, что он с достаточным основанием использовал как аргумент против понимания знаков в качестве письма [49]. В этой связи отметим, что различия между некоторыми из наших знаков (рис. 15, *3*—*5*) настолько невелики, что знаки эти можно рассматривать как одинаковые; с другой стороны, не исключен и определенный смысл этих различий. Но так или иначе, одинаковые или очень близкие знаки, нанесенные на одном и том

Э. И. Соломоник интересующий нас знак плохо виден и в общую таблицу знаков ею не включен; близкие по форме знаки есть в таблице: 191, 192 (см. №№ 43, 44).

[42] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского, стр. 87.

[43] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 19.

[44] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 185 (вверху).

[45] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 16 и 22 сл.

[46] Там же, стр. 26—27; H. Jānichen. Ук. соч., табл. 30.

[47] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 28—30; ср. И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, вып. 62, 1933, стр. 84.

[48] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 29.

[49] И. И. Мещанинов. Ук. соч., стр. 84.

же памятнике, скорее всего надо понимать как знаки лиц, принадлежавших к одному роду.

Преобладание среди рисунков на штукатурке изображений лошадей и их голов также говорит в пользу культового значения рассматриваемых нами граффити: имеются археологические данные о существовании у скифов и сарматов культа коня, причем в культовых изображениях часто фигурируют только конские головы [50]. Судя по сюжету остальных рисунков (вооруженные люди, всадник с копьем и палицей, таран), здесь мог иметь место военный культ, связанный с культом коня. Один из знаков (рис. 18, *25*) по своей форме очень близок к солярным, обычно относимым к культу солнца; целый ряд таких знаков известен в Крыму начиная с эпохи бронзы [51]. Может быть, связь культа солнца с культом коня отражена в том, что этот знак помещен на восточной стене здания, где других знаков нет, а имеется лишь несколько рисунков — лошадей и их голов (рис. 7, *11*; рис. 8, *2—4*).

Уже сама архитектура здания А (его планировка, большие размеры зала, толщина стен) не оставляла сомнений в том, что перед нами — сооружение общественного назначения [52]. Реконструкция декоративной росписи стен большого зала показала красоту и богатство внутренней отделки здания, выполненной, несомненно, мастером-профессионалом, специально приглашенным из Боспорского царства или из какого-либо другого греческого центра Северного Причерноморья [53]. Это также свидетельствует об особо важном значении здания А.

Наконец, многочисленные граффити, которыми были испещрены нижние части стен здания (особенно — западная стена), указывают на то, что во время происходивших здесь собраний производились какие-то культовые, магические действия.

Как мы упоминали при описании, все граффити были нанесены на стенах очень низко от пола здания. Следовательно, скифы рисовали сидя или даже лежа на полу, и в то же время рисунки были рассчитаны на осмотр их сидевшими людьми, причем сидевшими прямо на полу, без каких-либо скамеек [54].

Возникает вопрос, не следует ли видеть в этих граффити какую-то общую композицию — например, не изображают ли лошади табун, не связан ли последний непосредственно с человеческими фигурами и т. п. Однако то наблюдение, что все рисунки выполнены в разной манере, т. е. разными людьми, исключает возможность предполагать здесь единую картину. Это подтверждается и тем, что некоторые рисунки нанесены поверх других (рис. 7, *12*).

Если можно все же в отношении западной стены говорить о какой-то композиции, то лишь в смысле некоторого подчинения рисунков правой и левой половин стены центру (см. рис. 1). Так, лошади, сконцентрированные на левой половине стены, обращены вправо. На правой же половине стены хищник, ближайшая к центру лошадь, люди, повозка направлены влево, однако здесь же (дальше от центра) мы видим осла и лошадь, идущих вправо; впрочем, эти животные тяготеют

---

[50] В. А. Городцов. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, вып. 1, 1926, стр. 7 сл.; И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 77; П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского, стр. 89—93.

[51] А. А. Щепинский. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма. СА, 1961, № 2.

[52] А. Н. Карасев. Ук. соч.

[53] И. В. Яценко. Ук. соч., стр. 99—100.

[54] Пол здания А был тщательно обмазан известковым раствором. Вскрытие пола показало, что под ним, на скале, был специально насыпан тонкий зольный слой. Такие зольные слои применялись скифами для утепления и гидроизоляции зданий. См. А. П. Припусков. О зольных подстилках под основаниями скифских построек. ИАДК, стр. 327—329.

к большой группе расположенных здесь знаков. Вероятно, не случайно то обстоятельство, что самая середина стены, на протяжении около 3 *м*, оставлена без граффити. Это могло быть связано с происходившими здесь церемониями: ведь в центре зала находился круглый открытый очаг-жаровня.

В связи с вопросом о толковании наших граффити как культовых заметим, что с древнейших времен магическим обрядам разных народов было свойственно нанесение на скалы и стены пещер рисунков в сочетании со знаками. Целый ряд памятников такого рода известен, начиная с эпохи неолита, в Сибири, на Кавказе, в Приазовье и в других местах [55].

Среди известных нам немногочисленных памятников Северного Причерноморья, сочетающих в себе характерные сарматские загадочные знаки с рисунками, прежде всего должен быть назван керченский Стасовский склеп 1872 г., датирующийся II в. н. э. [56]. Общее с нашими граффити здесь заключается и в большом количестве знаков и изображений животных, и в типе некоторых знаков (см. таблицу), и в том, что в обоих случаях рисунки нанесены на штукатурке. Стасовский склеп является погребальным памятником; следовательно, находящиеся в нем рисунки по своему содержанию должны были быть связаны с заупокойным культом. Несмотря на различный характер рассматриваемых памятников, сходство граффити Стасовского склепа с неапольскими наводит на мысль об известной общности между заупокойным культом и тем культом, который отражен в Неаполе. Эта общность и выражалась в сходных знаках. Трудно сказать, заключалось ли в этих знаках имя божества, связанного одновременно с обоими культами, или же, может быть, знаки в обоих случаях являлись тамгами людей, живых или мертвых, объединенных между собой принадлежностью к одному и тому же роду; если даже сходство знаков в данном случае объясняется просто заимствованием их неапольскими скифами, все же смысловое значение сходных граффити Стасовского склепа и неапольских должно было быть близким. Эта параллель еще раз подтверждает наше предположение о культовом характере исследуемого памятника.

Сочетание изображений животных со знаками мы находим еще на одном боспорском погребальном памятнике — на уже упоминавшемся надгробии Теоники [57], где знаки нанесены при вторичном использовании плиты. Кроме сходства изображений лошадей с нашими граффити, здесь надо также отметить и совпадение некоторых знаков (см. таблицу). Морда животного (скорее всего — лошади) имеется среди множества знаков на известной плите из Кривого Рога [58]. И здесь мы находим целый ряд знаков, совпадающих с нашими (см. таблицу).

Интересно, что на всех этих памятниках, где знаки сочетаются с рисунками, встречаются знаки, совпадающие с неапольскими.

Особый интерес исследуемые граффити приобретают еще и потому, что это единственный пока известный в Северном Причерноморье античной эпохи случай, когда рисунки, и в частности загадочные знаки, на-

---

[55] См., например, В. Ф. Генинг. Наскальные изображения писаного камня на р. Вишере. СА, XXI, 1954; В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА, 1958, № 1; О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА, № 2, 1941; В. М. Даниленко. Про наскельні зображення Кам'яної Могили. Археологія, т. IV, 1950.

[56] АДЖ, стр. 298—299, табл. LXXXIII.

[57] Э. И. Соломоник. Ук. соч., № 44.

[58] Там же, № 43. Э. И. Соломоник усматривает рисунки еще на одном памятнике — плите из Керченского музея; однако те рисунки, которые Э. И. Соломоник считает изображениями овощей или фруктов, имеют характерные для знаков «рога» и скорее всего также являются знаками. См. там же, стр. 104—105, № 48.

несены на стенах здания. Известны граффити на оштукатуренных стенах ольвийской пекарни II—III вв. н. э., но там это — греческие надписи[59].

Здания с граффити на штукатурке можно было бы указать в отдаленных областях античного мира. Так, например, в Дура-Европос на стенах храма Адониса (II в. н. э.) по штукатурке прочерчены граффити, изображающие воинов с жезлом и копьем, а также птиц и животных. Этим рисункам, хотя и гораздо более совершенным, чем неапольские, также свойственна примитивность; здесь, в отличие от неапольских, все рисунки связаны между собой общим сюжетом[60].

На территории Крыма в качестве своего рода параллели нашему памятнику можно привести граффити на фресках херсонесской базилики 1935 г., относящиеся уже к более поздней эпохе[61]. Сопоставление неапольских граффити на штукатурке с херсонесской базиликой для нас интересно в том отношении, что в обоих случаях фресковая роспись — с одной стороны и граффити — с другой являются отражением в одном памятнике разнородных культурных или религиозных представлений. В неапольском здании А фресковая роспись является несомненным произведением античного искусства, граффити же, нанесенные поверх росписи, без всякой орнаментальной связи с нею, сделаны скифами и выражают скифские культовые представления; в херсонесской базилике фресковая роспись имеет черты позднеантичного искусства, граффити же по своему характеру и содержанию резко контрастируют с росписью[62].

Для определения времени неапольских граффити обратимся прежде всего к археологическим данным, позволяющим датировать здание А. Нижняя дата здесь мало что даст, так как здание было основано значительно раньше, чем сделаны граффити. Здание было покрыто желобчатой черепицей, датируемой I—II вв. н. э. Верхняя дата, на основании находок в перекрывающем слое позднеримских амфор, определяется концом II—III в. н. э. Исследование стиля фресок позволило определенно датировать их первой половиной II в. н. э.[63]. Граффити могли быть нанесены несколько позже, но, безусловно, в пределах II в. н. э.

Приведенное выше (см. таблицу) сравнение загадочных знаков, имеющихся среди наших граффити, с аналогичными им знаками, известными на других памятниках Северного Причерноморья, наилучшим образом подтверждает эту датировку. При этом следует учитывать, что некоторые из памятников с загадочными знаками беспаспортны, многие же имеют такой характер, что точная датировка их затруднительна. Находка хорошо датированного комплекса знаков в Неаполе делает этот комплекс своего рода эталоном для датировки целого ряда загадочных знаков Северного Причерноморья.

---

[59] См. Л. М. Славин. Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период. ВДИ, 1940, № 1, стр. 201.

[60] M. I. Rostovtzeff, F. E. Brown, C. B. Welles. The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Seventh and Eight Seasons of Work 1933—1934 and 1934—1935. New Haven. Yale University Press, 1939, стр. 177—180, табл. LVII.

[61] О. И. Домбровский. Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935 г. Херсонесский сборник, вып. V, 1959, стр. 225, рис. 10.

[62] Там же, стр. 223—225.

[63] И. В. Яценко. Ук. соч., стр. 100—101.

А. И. МЕЛЮКОВА

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУРГАНА у с. ОЛОНЕШТЫ (Молдавская ССР)

В 1960 г. в кургане эпохи бронзы, раскопанном у с. Олонешты, Каушанского района Молдавской ССР, было обнаружено впускное сарматское погребение с разнообразным и довольно богатым инвентарем[1].

Покойник был положен в могилу с подбоем, которая находилась в западной поле кургана. Входная яма в виде узкого, не совсем правильного прямоугольника с закругленными углами ориентирована с севера на юг. Длина ее — 2,17 *м*, ширина — 0,80 *м*. Стенки ямы вертикальные, дно ровное. Яма была углублена в материк на 0,7 *м*. Глубина ее от вершины курганной насыпи — 2,17 *м*. Заполнение ямы составлял светло-желтый материковый суглинок.

Подбой, в котором помещалось погребение, был устроен в продольной западной стене входной ямы. В плане он имел форму, приближающуюся к овалу и был ориентирован так же, как входная яма,— с севера на юг. Длина его — 2,8 *м*, ширина в центре — 1,6 *м*, у северной стены — 1,2 *м*, у южной — 0,9 *м*. Дно подбоя на 0,1 *м* глубже дна входной ямы.

Вход в подбой был плотно закрыт деревом — вертикально поставленными в один ряд нетолстыми брусьями и горизонтально лежащими тонкими досками. Высота деревянного заклада — 0,6 *м*, толщина его — около 0,2 *м*.

Плотный заклад помешал земле, заполнявшей входную яму, проникнуть в подбой. Подбой был заполнен землей от обвалившегося свода и находившимся над сводом черноземом.

На дне подбоя, почти в центре его, лежал скелет взрослого мужчины на спине, головой на север (рис. 1). Руки вытянуты вдоль тела, ноги первоначально были поставлены коленами вверх, а затем распались в стороны, образовав фигуру в виде широкого ромба.

Инвентарь, сопровождавший погребенного, был положен вдоль стен подбоя, у головы и возле ног (рис. 1). К северо-западу от головы стоял глиняный фигурный сосуд в виде барана, около него — деревянная чашечка. К северу от черепа, касаясь краем стены подбоя, находилось большое деревянное блюдо, на котором лежали две деревянные чаши для питья, вложенные одна в другую и накрытые сверху бронзовым ситечком. Около блюда, слева, в беспорядке было сложено железное оружие, сохранившееся в мелких обломках. Вместе с остатками оружия найдены каменные оселок, брусок и халцедоновая бусина. У северо-восточной стены подбоя стояла на боку бронзовая чаша, а под ней — деревянная коробочка-пиксида.

К северу от черепа, между черепом и деревянным блюдом, обнаружены бронзовая фибула и пронизка. В ногах погребенного, у юго-запад-

[1] Кург. № 4, погр. 4.

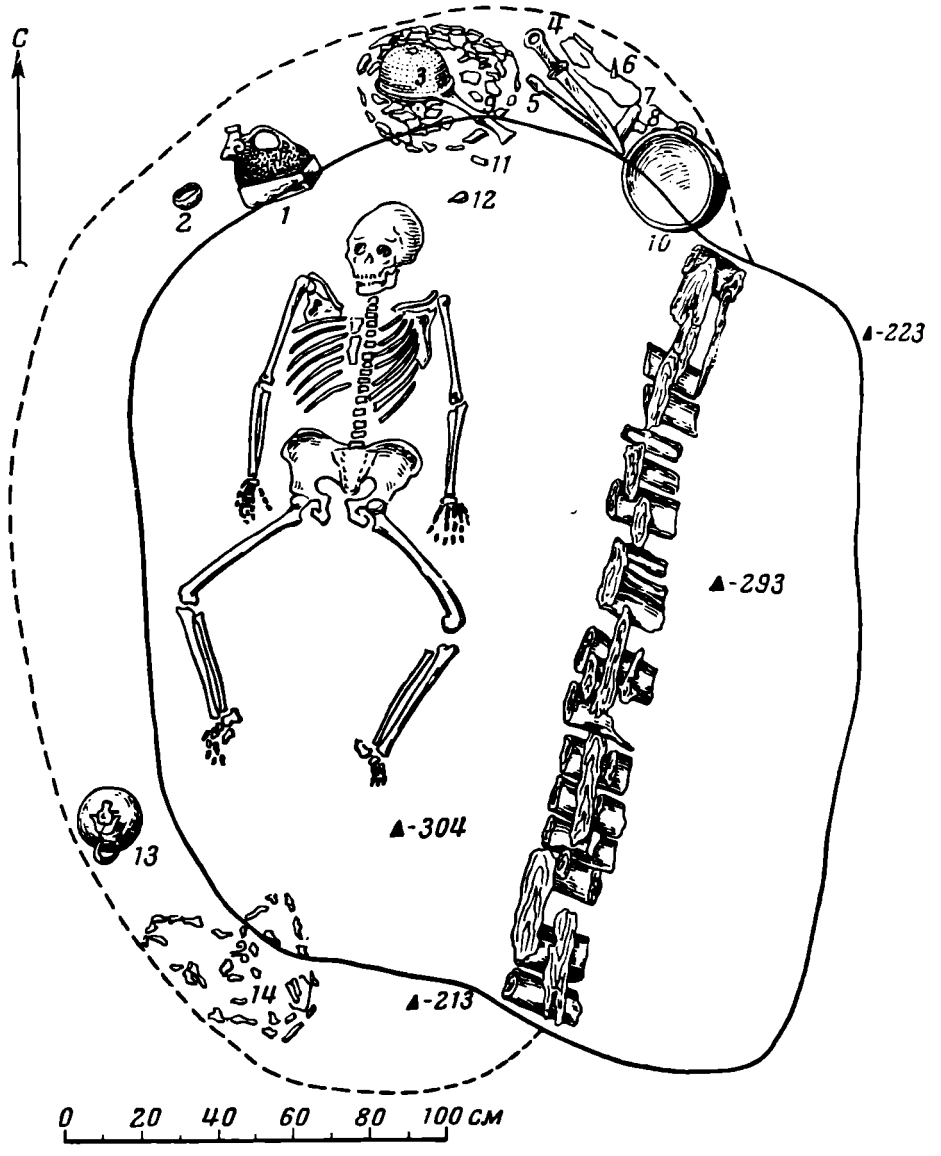


Рис. 1. План погребения у с. Олонешты

1 — фигурный глиняный сосуд; *2* — деревянная чашечка; *3* — бронзовое ситечко; *4—8* — остатки железного оружия; *9* — деревянное блюдо; *10* — бронзовая чаша; *11* — бронзовая пронизка; *12* — бронзовая фибула; *13* — бронзовый кувшин; *14* —остатки конского убора

ной стены подбоя, стоял бронзовый кувшин, а к югу от него — плохо сохранившиеся железные обломки от конского убора. Среди них имеются часть конских пут в виде цепи из железных колец, обломки железных пряжек, бронзовое кольцо и железные пластинки. Некоторые из пластинок покрыты тонким золотым листом. Здесь же находились обрывки кожаных ремней.

После совершения погребения и засыпки входной ямы остатки могильного выкида были разбросаны по той части насыпи кургана, под которой находилось погребение. Курган был досыпан, но центр его оставили на прежнем месте, т. е. там, где была вершина кургана в эпоху бронзы.

Узкие подбойные могилы, ориентированные с севера на юг, по форме и размерам весьма близкие к исследованной в кургане у с. Олонешты, хорошо известны в сарматских памятниках: в Поволжье и Приуралье, Прику-

банье и на Украине они широко распростаняются со II в. н. э.[2]. В ряде случаев встречается такой же способ заделывания входа в подбой деревянными брусьями и досками[3].

Покойники, погребенные в подбойных могилах с меридиональной ориентировкой, обычно лежат головой на север, реже на юг.

В сарматских памятниках разного времени известно (правда, в небольшом количестве случаев) сходное с описанным положение костей ног, образующих фигуру в виде ромба[4].

Безусловно сарматскими являются и другие черты погребального обряда — положение вместе с покойником его оружия, принадлежностей конского убора и посуды. Последняя, однако, чаще всего бывает глиняной.

Несколько необычным для сарматских погребений в узких подбойных могилах следует признать отсутствие здесь густой меловой посыпки дна могилы, а также то обстоятельство, что череп погребенного не имеет признаков деформации.

Что касается самых вещей, то одни из них типично сарматские, другие — привозные, но относятся к числу предметов, известных в сарматском мире. Только бронзовые фибула и пронизка не имеют аналогий среди вещей, происходящих из сарматских памятников.

Бронзовые сосуды следующие: 1) Чаша или миска (рис. 2, *2*) литая, а затем точеная на токарном станке, имеет профилированный край шириной около 1 *см*, украшена узкой горизонтальной рельефной полосой, проходящей на расстоянии 1,7 *см* от края. Чаша имеет кольцевой поддон. На дне, снаружи, имеются три концентрических выпуклых кольца (следы от токарного станка). У чаши было две ручки, одна из которых не сохранилась. Ручка омегообразной формы, утолщена посередине и украшена тремя рельефными поясками. Концы ее оформлены в виде птичьих или змеиных головок. Ручки были отлиты отдельно от чаши и затем припаяны к ней.

Чаши, совершенно аналогичные описанной, происходят из раскопок Н. И. Веселовского на Кубани. В ГИМ хранятся пять чаш из этих курганов, но только две из них имеют определенные паспорта: одна — из кург. № 9, вторая — из кург. № 15 у ст. Тифлисской[5]. Фрагменты еще трех чаш из Прикубанья хранятся в Гос. Эрмитаже.

Сходная чаша была найдена в составе Ахтиальского клада в Прикамье[6]. А. М. Волкович сравнивает эту чашу с чашами из Помпей и на основании этого относит ее к кругу италийского и, в частности, быть может, капуанского производства I в. н. э.[7] То же самое может относиться и к описанной нами чаше.

Однако следует иметь в виду, что находки совершенно аналогичных чаш известны в Паннонии, Северной Германии, Скандинавии, Дании и других местах Западной Европы[8].

---

[2] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1952, стр. 204; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 456 и 492; М. І. Вязьмітіна. Вивчення сарматів на території Української РСР. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 62.

[3] К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Чкаловской археологической экспедиции, ИИМК АН СССР и Чкаловского областного музея в 1956 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, № 1255; М. І. Вязьмітіна. Ук. соч., стр. 62, рис. 1, 2.

[4] См., например, погр. 5 в кург. № 6 Калиновского могильника. В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 342.

[5] Н. И. Веселовский. Отчет о раскопках в Кубанской области в 1902 г. ОАК за 1902, стр. 70. Хранятся в ГИМ, Хр. А. 74/I, 48478.

[6] А. М. Волкович. К южным связям Прикамья в последние века до х. э. и в первые века х. э. Тр. ОИПК ГЭ, т. I, 1941, Л., стр. 229, табл. IV, *1*.

[7] Там же, стр. 230.

[8] H. J. Egers. Der Römische Import in freien Germanien. Hamburg, 1931, стр. 169.

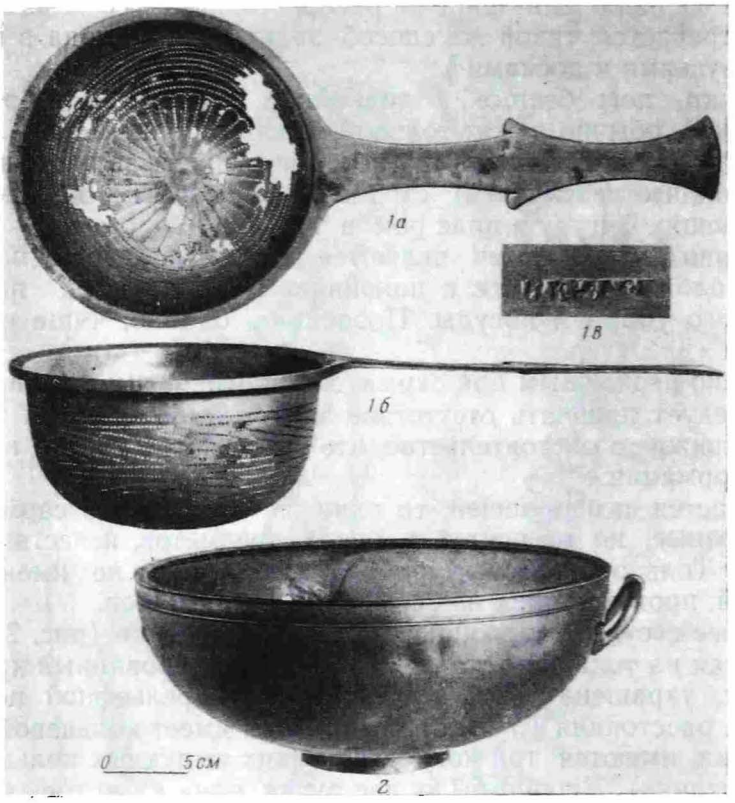


Рис. 2. Бронзовые сосуды
1а, б — ситечко; *1в* — латинское клеймо; *2* — чаша

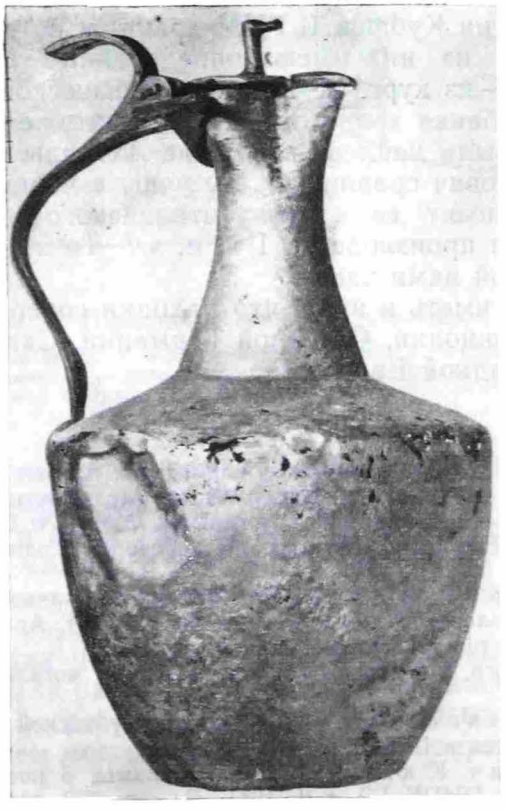


Рис. 3. Бронзовый кувшин

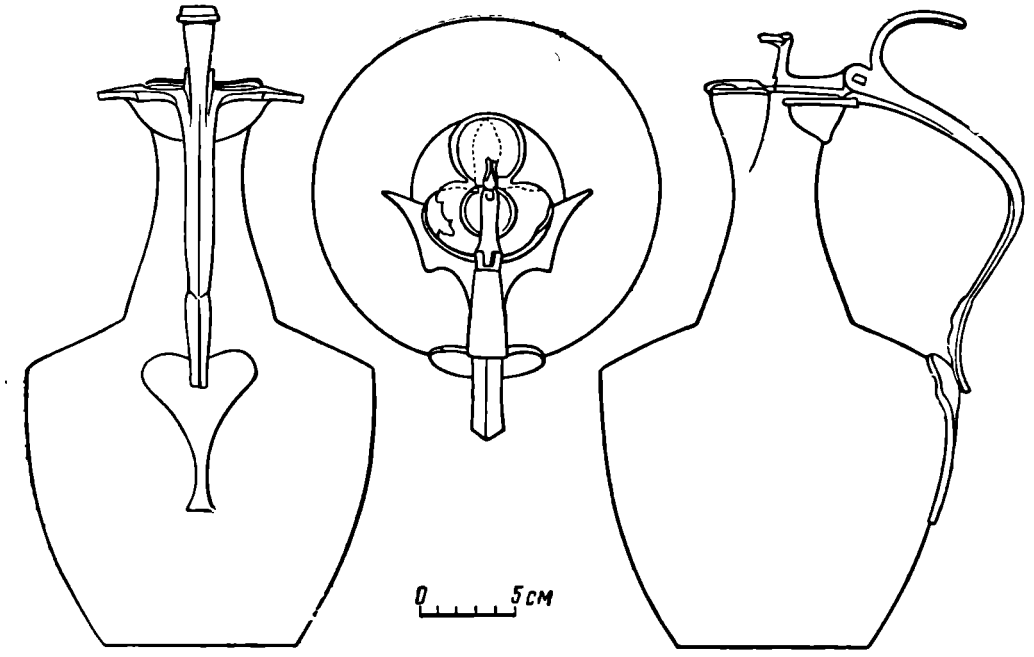


Рис. 4. Бронзовый кувшин

По типологии Г. Эггерса, чаша из Олонешт и все сходные с нею относятся к типу 102 и датируются концом раннеимператорского периода [9]. А. Радноти отмечает, что Паннония и Аквилея играли активную роль в распространении этих чаш в другие районы, главным образом во II в. н. э. [10].

2) Ситечко имеет полусферическое тулово и плоскую ручку (рис. 2, *1а, б*). На поверхности его сделаны круглые отверстия, образующие орнамент: в центре на дне — розетка, кругом нее полоски из прямых, косых и волнистых линий; ручка несколько скруглена на конце, в средней части сделаны треугольные или лепесткообразные выступы. На наружной поверхности ручки, ближе к ее концу, есть плохо сохранившееся латинское клеймо. Б. Н. Граков читает шесть букв этого клейма как BRISAC. Ситечко вместе с ручкой отлито в форме.

Совершенно аналогичное ситечко было найдено в кург. № 41 у станицы Усть-Лабинской Н. И. Веселовским [11]. На ручке этого ситечка также имеется клеймо мастера, но его латинские буквы сильно стерты. Серебряное позолоченное ситечко, очень близкое по форме и расположению отверстий, образующих орнамент, происходит из сарматского кург. № 96 у с. Большая Дмитриевка Саратовской области [12], но оно отличается от нашего формой ручки и техникой ее изготовления. Как пишет Е. К. Максимов, ручка этого ситечка раскована из толстой серебряной проволоки. Конец ручки плоский, прямоугольной формы.

Бронзовые ситечки, аналогичные олонештскому и усть-лабинскому, хорошо известны в Западной Европе. По Эггерсу, они принадлежат к типу 160, который датируется главным образом концом раннеимераторской эпохи [13], лишь некоторые экземпляры доживают до позднеимператорского времени.

---

[9] Там же, стр. 169, примечание 38, табл. 10.

[10] A. Radnóti. Die Römischen Bronzegefässe von Pannonien. Budapest, 1938, стр. 127 сл.

[11] Н. И. Веселовский. Ук. соч., стр. 82—83, рис. 182. Хранится в Гос. Эрмитаже.

[12] Е. К. Максимов. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской обл. СА, № 4, 1957, стр. 157, рис. 3, *1*.

[13] H. J. Eggers. Ук. соч., стр. 174, примеч. 68.

А. Радноти указывает, что первоначально ситечки с округлым туловом и прямой ручкой появились в середине I в. н. э. в Помпеях, но в это время они не распространились по Европе. Широкое их распространение приходится на II—III вв. н. э. В Паннонии они относятся главным образом ко II в., в Северной Германии, Скандинавии и Польше — ко II—III вв. н. э.[14].

В Польше из погребения первой половины IV в. н. э. известно ситечко, очень близкое к олонештскому по форме и расположению отверстий [15].

Говоря о месте производства ситечек, А. Радноти отмечает, что первоначально они производились только в Италии, но затем их стали изготовлять местные мастера в римских провинциях [16]. К тому же выводу пришел и Эггерс. Этот вывод основывается на том, что среди клейм на ситечках имеются имена не только римских, но и галльских мастеров. В. Ондрух [17] приводит два из таких имен, нанесенных на ситечках, найденных в Паннонии.

Имя BRISAC, имеющееся на найденном нами ситечке, неизвестно среди имен мастеров, помещенных на бронзовых сосудах италийского производства, собранных Г. Виллерсом [18]. Не знаем мы такого имени и на бронзовых предметах римского производства, найденных на территории СССР, что лишает нас возможности определить, в какой мастерской было изготовлено описанное ситечко.

3) Кувшин, кованный из тонкого листа бронзы красноватого оттенка, имеет высокое узкое горло ойнохойного типа, грушевидное тулово и плоское дно без поддона (рис. 3 и 4). Ручка литая, очень массивная, отлита из золотистой бронзы вместе с обоймой, плотно охватывающей горло кувшина. Сверху на ней имеется выступ. Ручка соединена с горлом при помощи заклепок, сделанных из той же бронзы, из которой выкован кувшин. Нижний ее конец припаян к стенке сосуда. Устье кувшина закрывается тонкой крышкой, сделанной из бронзового листа и имеющей форму трехлистника. Сверху к крышке приклепана литая фигурка животного (гиппокампа?) или птицы (утки?). Крышка подвижно соединяется с ручкой при помощи шарнира, сделанного из листовой красноватой бронзы.

Наиболее близкими к описанному являются следующие бронзовые кувшины, происходящие из раскопанного в 1875 г. царского погребения первой половины III в. н. э. на Глинище в Керчи [19]; из Ново-Черкасского клада (курган Хохлач) [20] и случайная находка в Керчи [21].

Бронзовая «ойнохоя» по форме почти такая же, как кувшин из Олонешт, но с железной, плохо сохранившейся ручкой, найдена раскопками Е. В. Веймарна [22] в подбойной могиле № 6 Чернореченского могильника Крыма.

Производство кованых кувшинов с литыми ручками известно в римских провинциях, в частности на Дунае, особенно в Паннонии [23].

Кувшин из Олонешт может быть отнесен к этой группе сосудов; следует заметить, однако, что последние отличаются менее стройными про-

---

[14] A. Radnóti. Ук. соч., стр. 175 сл.; V. Ondrouch. Bohaté hroby z doby rímskej na Slovensku. Bratislava, 1957, стр. 135, рис. 31.

[15] Materialy starozytne, т. VI, Warszawa, 1960, стр. 266, рис. 66 и 67.

[16] A. Radnóti. Ук. соч., стр. 75 сл.

[17] V. Ondrouch. Ук. соч., стр. 136.

[18] H. Willers. Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien. Hannover und Leipzig, 1907.

[19] ДБК, атлас, табл. XLIV, *12*.

[20] Эрмитаж, ОИПК, кол. 3213/37.

[21] Эрмитаж, Античный отдел, 1322/46.

[22] Е. В. Веймарн. Отчет о работах археологической экспедиции в 1950 г. ч. II. Архив ИА АН СССР, д. № 557, табл. 34.

[23] A. Radnóti. Ук. соч., стр. 151.

порциями, тулово их более приземистое. То же отличие характерно для кувшинов, найденных на территории Германии, которые Эггерс называет галлоримскими[24]. Близок к ним также бронзовый кувшин, найденный в погребении Страже II в Словакии[25]. Кувшины, найденные в Паннонии, датируются главным образом II, отчасти III в. н. э. В Германии Эггерс относит тот вариант кувшинов, который ближе всего к кувшину из Олонешт (тип 128), к ступени B_2, т. е. к концу раннеимператорского периода.

Тонкостенные кувшины с литой ручкой принадлежат, по А. Радноти и В. Ондруху, к числу изделий провинциально-римского производства II—III вв. н. э., хотя прототип для них был известен по находкам в Помпеях в Италии. Из числа кувшинов, происходящих из Помпей, ближе всего к описанному те, которые изданы Г. Виллерсом[26].

Рис. 5. Глиняный фигурный сосуд в виде барана

Все три бронзовых сосуда из Олонешт относятся к числу находок, редко встречающихся в Северном Причерноморье и широко распространенных в римских провинциях Западной Европы. Однако мы не можем установить, в какой именно мастерской (италийской или провинциально-римской) они были изготовлены. Не исключено, что все три сосуда или, по крайней мере, два из них — ситечко и кувшин — были сделаны в одной из западноевропейских римских провинций, может быть, в Паннонии.

Поскольку большинство находок подобных сосудов в Западной Европе датируется II или III в. н. э., следует отнести к этому же времени и сосуды из Олонешт. Более точная их датировка пока невозможна.

Фигурный сосуд из красной глины сделан в виде барана (рис. 5) с непропорционально короткими и тонкими подогнутыми ногами, лежащего на массивной четырехугольной подставке. Горло помещено на голове барана. Сосуд был оттиснут в двустворчатой форме. Шов, проходящий посередине шеи и по хвосту, был сглажен. Ручки и горло, сделанные отдельно, прикреплены к сосуду после формовки. Поверхность покрыта тонким слоем красного лака плохого качества (имеются пятна оливкового цвета).

Совершенно такой же сосуд в виде лежащего барана был найден в кургане № 9 у ст. Тифлисской в Кубанской области Н. И. Веселовским[27].

Пять фигурных сосудов в виде барана на четырехугольном пьедестале известны по публикациям материалов, происходящих из Ольвии[28]. Следует заметить, однако, что только один из пяти сосудов, происходящих

---

[24] H. J. Eggers. Ук. соч.

[25] V. Ondrouch. Ук. соч., стр. 133, рис. 30.

[26] H. Willers. Ук. соч., рис. 41, *12, 13*.

[27] Н. И. Веселовский. Ук. соч., стр. 67, рис. 136. Хранится в ГИМ.

[28] Три из них опубликованы в книге Л. М. Славина (см. Л. М. Славин. Древний город Ольвия. Киев, 1951). Один случайно найден крестьянином с. Парутино (ОАК за 1896 г., стр. 139, рис. 489). Один происходит из могилы 105 некрополя Ольвии из раскопок Б. В. Фармаковского (ОАК за 1902 г., стр. 11, рис. 14, или ИАК, вып. 13, 1906, стр. 142, рис. 89).

из Ольвии, абсолютно тождествен сосудам из Олонешт и из кург. № 9 у ст. Тифлисской [29]. Остальные отличаются от них рядом деталей — формой ручки, способом изображения шерсти барана и т. д. Б. В. Фармаковским в Ольвии в 1909 г. был найден обломок еще одного фигурного сосуда в виде барана (задняя часть фигуры с прямоугольной подставкой) [30]. По глине, лаку и способу передачи шерсти он не отличается от олонештского. Н. Н. Лосева указывает, что несколько сосудов, подобных найденному в кург. № 9 у ст. Тифлисской, хранится в отделе древнего Рима в Эрмитаже [31], но неизвестно, откуда они происходят. Сосуд в виде барана был найден также в окрестностях Керчи [32]. В ГИМ хранится обломок еще одного сосуда, весьма близкого к олонештскому, без указания места находки [33].

Фигурные сосуды римского времени до сих пор слабо изучены; в частности, нам неизвестны работы, в которых имелась бы типолого-хронологическая классификация фигурных сосудов в виде баранов. Малочисленность хорошо документированных находок лишает нас возможности установить время памятников Северного Причерноморья, в которых обычно встречаются эти сосуды. Различия в деталях между сосудами, найденными в Ольвии, заставляют предполагать, что они могут относиться к разному времени. Могила 105, в которой найдена одна фигурная ваза в виде барана (отличающаяся по деталям от олонештской), ошибочно датирована Б. В. Фармаковским I в. до н. э. [34]. По фибуле и краснолаковой чаше эту могилу следует датировать II—III вв. н. э. [35].

Относительно времени сосуда из кург. № 9 у ст. Тифлисской, совершенно тождественного олонештскому, в литературе нет единого мнения. М. И. Ростовцев относит его ко II в. н. э., не приводя, однако, при этом никакого обоснования [36]. Н. М. Лосева считает, что он принадлежит к первой половине I в. н. э. [37], ссылаясь при этом на обломок краснолаковой тарелки с клеймом, якобы найденный вместе с сосудом. Однако Н. И. Веселовский в своем дневнике об этой находке не упоминает, нет такого фрагмента и в фондах ГИМ.

Датировку М. И. Ростовцева как будто подтверждают бронзовые проволочные фибулы, происходящие из того же погребения. По определению А. К. Амброза, эти фибулы являются типичными для сарматских памятников II в. н. э. Хранящиеся в Гос. Эрмитаже фигурные сосуды в виде барана, по мнению Н. М. Лосевой, относятся к I—II вв. н. э. [38].

Место производства фигурной керамики римского времени пока не установлено. Н. М. Лосева предполагает, что фигурные вазы происходят из малоазийских центров, импортировавших и другие виды краснолаковой керамики в Пантикапей и другие колонии Северного Причерноморья [39].

Олонештская бронзовая фибула с гнездом для эмали на приемнике (эмаль утеряна) имеет пластинчатую высокую дужку, украшенную рельефным шнуровым орнаментом. Игла ее вращалась на шарнире (рис. 6,*1*).

Фибула принадлежит к числу дужковых шарнирных фибул с эмалью, провинциально-римского, вернее галльского происхождения. В сармат-

---

[29] Один из трех, опубликованных Л. М. Славиным.

[30] Эрмитаж. Ол. 14797.

[31] Н. М. Лосева. Краснолаковая керамика Боспора (по материалам Фанагории I в. до н. э.— IV в. н. э.). Кандидатская диссертация, М., 1950.

[32] Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 32, 1902, л. 82, 84.

[33] ГИМ, П 67/3а.

[34] Б. В. Фармаковский. Отчет о раскопках на Ольвийском некрополе в 1902 г. ИАК, вып. 13, стр. 142.

[35] А. І. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, стр. 85, табл. V, *6*.

[36] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Птрг., 1918, стр. 142.

[37] Н. М. Лосева. Ук. соч., стр. 66—68.

[38] Там же.

[39] Там же.

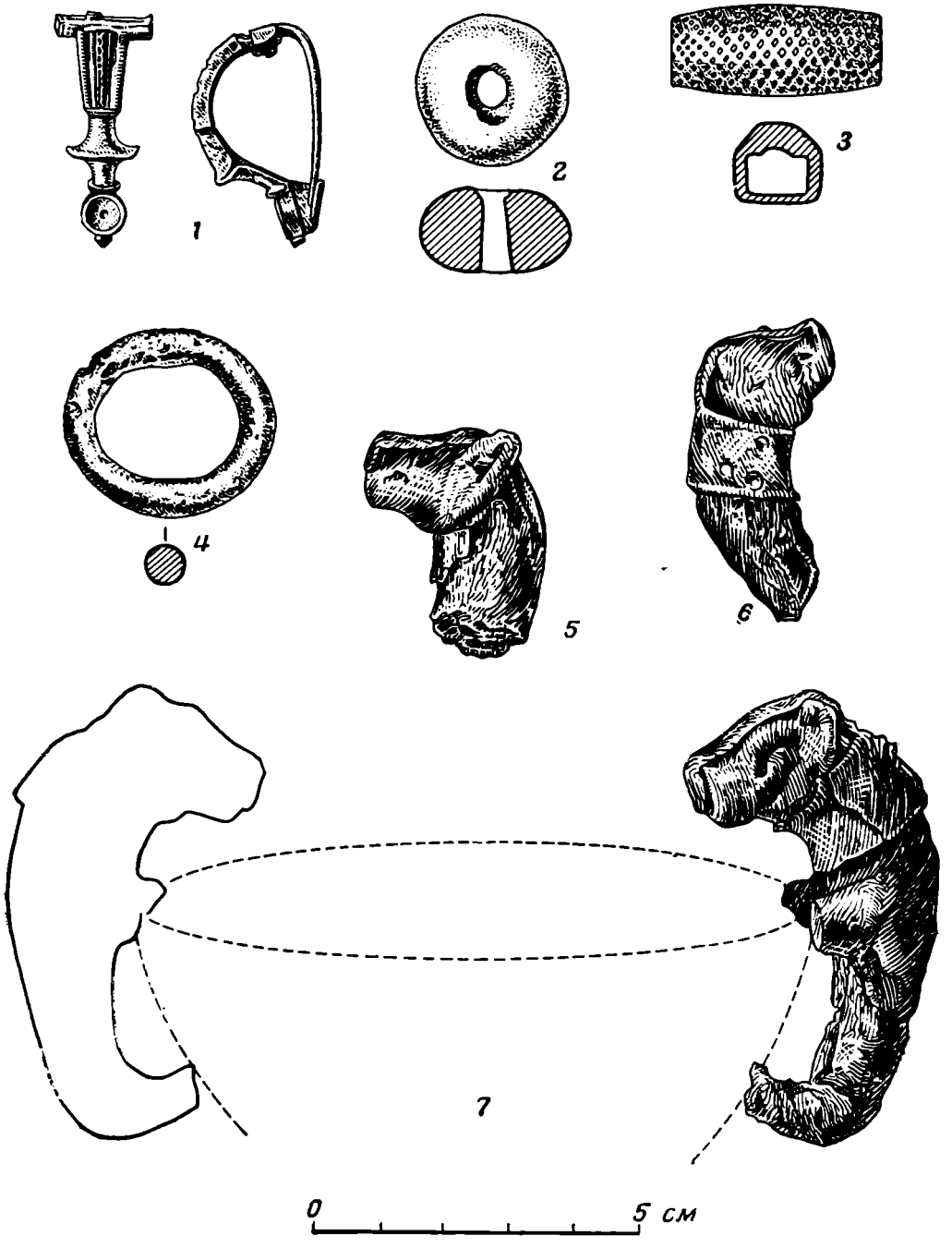


Рис. 6. Вещи из погребения

1 — бронзовая фибула; *2* — бронзовая пронизка с серебряной инкрустацией; *3* — халцедоновая бусина; *4* — бронзовое кольцо; *5—6* — остатки деревянных ручек чарок; *7* — реконструкция деревянной чарки

ских памятниках фибулы этого типа нам неизвестны. Галльские бронзовые дужковые фибулы с шарниром, близкой, но не совсем аналогичной формы, без эмали, найдены в Ольвии [40], Фанагории [41], Пантикапее [42]. Много их было найдено и на территории Паннонии [43]. Е. Патек, изучавшая

[40] А. І. Фурманська. Ук. соч., стр. 81, табл. VII, *10, 11, 12.*

[41] И. Д. Марченко. Раскопки восточного некрополя Фанагории. МИА, № 54, 1956, стр. 122, рис. 4, *21.*

[42] ОАК, 1894, СПб., 1896, стр. 90, рис. 154.

[43] Erzebét Patek. A Pannoniai fubulatipusok Elter-jedése es Erdete. Budapest, 1942, табл. XII, *11—16.*

дужковые галльские фибулы из Паннонии, пришла к выводу, что Паннония играла роль посредника в распространении их на восток[44]. Дужковые галльские фибулы с шарниром (с эмалью и без нее), по Е. Патек, датируются преимущественно II в. н. э.; Е. Патек считает, что к III в. вывоз этих фибул как будто прекращается[45].

По Г. Ульберту, расцвет производства бронзовых фибул с профилированной дужкой и шарниром относится ко времени существования династии Флавиев, т. е. к I в. н. э. Ко II в. н. э. относятся лишь наиболее поздние экземпляры[46].

Находка дужковой галльской фибулы с шарниром в Пантикапее по сопровождавшей ее монете датируется второй половиной III в. н. э.[47].

По-видимому, также западной по происхождению следует считать массивную бронзовую пронизку, инкрустированную по наружной поверхности косой серебряной сеткой (рис. 6,*2*). Аналогичные предметы в памятниках Северного Причерноморья нам не известны.

Деревянные сосуды — блюдо, чашка, две чарки и туалетная коробочка-пиксида плохо сохранились, по их обломкам с трудом восстанавливается их форма.

Деревянное блюдо, выточенное на токарном станке, было очень близким по форме к бронзовой чаше, описанной выше: его край слегка загнут внутрь, стенки округлые, дно совсем не сохранилось. Диаметр устья блюда — 35 *см*, высота — 10 *см*, ширина края — 1 *см*, толщина стенок — 0,4 *см*.

Обе чарки, лежавшие на блюде под ситечком, имели полусферическую форму, тонкий, слегка округленный край. Стенки одной из чарок были прошиты серебряной нитью, вероятно при починке. Чарки были выточены на станке, а ручки к ним вырезаны из отдельных кусков дерева и затем вставлены в стенки чаш. У каждого сосуда было по две ручки, представлявших собой фигурки медведей (рис. 6, *5, 7*). Они выполнены в реалистической манере, хотя и весьма обобщенно[48]. На каждую из четырех головок животных были надеты намордники, сделанные из тонкой серебряной пластинки. Фигурки-ручки были прикреплены к сосудам в вертикальном положении так, что передние лапы находились у края чарки, а задние — у дна. Головки медведей возвышались над краем сосуда.

Наиболее близкими аналогиями деревянным чаркам являются небольшие мраморные и алебастровые сосудики с двумя или одной зооморфными ручками, хорошо известные из сарматских погребений в Поволжье, Приуралье и на Украине[49]; правда у этих сосудов нет ручек в виде медведей. Мраморные и алебастровые чаши с зооморфными ручками встречаются в сарматских погребениях разного времени, но большинство находок относится как будто к I в. до н. э.— II в. н. э. По назначению эти сосуды были культовыми. Может быть, культовыми же были и олонештские деревянные чарки с зооморфными ручками.

Четвертый деревянный сосуд — небольшая чаша для питья (стояла возле сосуда в виде барана) без ручек, имела округлые стенки, срезанный край и низкий кольцевой поддон. Диаметр устья чаши — 10 *см*, высота — 5 *см*, диаметр дна — 5 *см*. Так же как все остальные деревянные сосуды из рассматриваемого погребения, эта чаша выточена на станке.

---

[44] Там же, стр. 123.

[45] Erzebét Patek. Ук. соч., стр. 123.

[46] Günter Ulbert. Die römischen Donau-Kastelle Aislingen und Burghöfe. Berlin, 1959, стр. 68.

[47] А. І. Фурманська. Ук. соч., стр. 81.

[48] Одна из фигурок-ручек сохранилась целиком, остальные в обломках.

[49] И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78, 1960, стр. 35, рис. 11, *8*, стр. 101, рис. 38, *3*, стр. 161; М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Є. Ф. Покровська и др. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Акмень». АП, т. VIII, Київ, 1960, стр. 26, рис. 5.

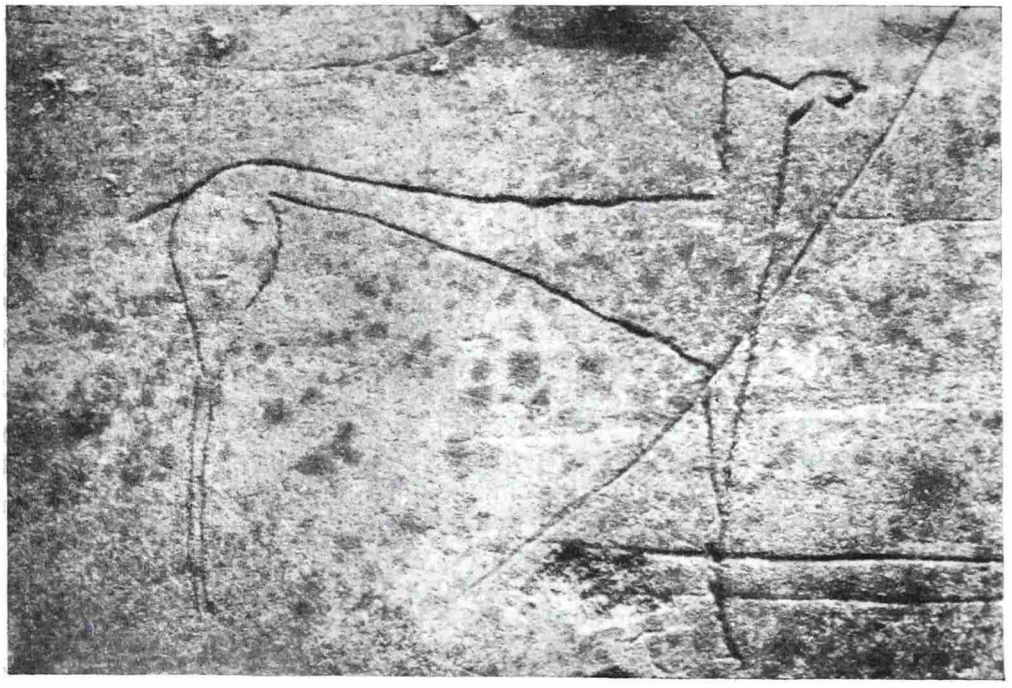


Рис. 7. Рисунок на каменном бруске

Небольшая туалетная коробочка-пиксида была цилиндрической формы и накрывалась сверху тонкой, плоской крышкой, украшенной резным орнаментом в виде двух концентрических окружностей. Две параллельные резные полоски были вырезаны на поверхности коробочки у краев. Орнамент был нанесен от руки.

По форме и орнаменту эта коробочка аналогична костяной пиксиде из сарматского погребения в кургане близ совхоза Аккермень [50]. М. И. Вязьмитина считает ее боспорской по происхождению [51]. На территории Боспора известны и деревянные пиксиды, весьма близкие к описанной; одну из них А. П. Иванова датирует I в. н. э.[52].

Поскольку все деревянные сосуды, найденные в погребении, выточены на станке, они не могли быть изготовлены сарматскими мастерами. Очевидно, эти сосуды происходят из ремесленной мастерской одного из античных городов Северного Причерноморья. В настоящее время деревоотделочные мастерские римской эпохи лучше всего известны на Боспоре.

Железное оружие и предметы конского убора, найденные в олонештском кургане, оказались такой плохой сохранности, что формы многих из них восстановить уже невозможно. Из оружия лучше других сохранились короткий меч (или кинжал) и железный топор.

Меч имел кольцевидное навершие и прямое перекрестье, клинок его подтреугольной формы. На поверхности клинка имеются следы дерева от ножен. Длина меча — 45 *см*. Короткие мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем обычно встречаются в памятниках среднесарматского периода, но вместе с тем они известны и в погребениях позднесарматских [53].

---

[50] М. І. Вязьмітіна. Ук. соч., стр. 69, рис. 6, *8*.

[51] Там же, стр. 70.

[52] А. П. Иванова. Художественные изделия из дерева и кости. Сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.— Л., 1955, стр. 407, рис. 2.

[53] См., например, И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78, стр. 85 (кург. № 84, II Бережновский могильник).

От второго меча остались только обломки клинка, позволяющие судить о том, что и этот меч имел двулезвийный клинок подтреугольной формы, но был длиннее первого.

Топор проушной, с прямым довольно массивным обухом и небольшим лезвием. Среди сарматского вооружения топоры встречаются редко. Подобный (но не совсем такой) топор известен мне лишь из погребения II в. до н. э. (кургане № 4, погр. 2) в местности Мечет-Сай в Приуралье [54].

Три ножа, найденные в обломках, имели горбатую спинку и черешок для насадки рукоятки, их размеры выяснить не удалось, по форме они принадлежат к числу предметов, обычно встречающихся в сарматских могилах разного времени на широкой территории.

От копья сохранились лишь обломки втулки.

Халцедоновая шарообразная бусина (рис. 6, *3*), служившая, вероятно, для украшения меча, и каменный оселок с отверстием для подвешивания также находят себе многочисленные аналогии в сарматских памятниках. По форме не является уникальным и каменный точильный брусок, но от известных экземпляров он отличается наличием на его поверхности процарапанного рисунка животного (рис. 7). Брусок четырехгранный, один конец его обломан. Длина — 25,5 *см*, ширина — 5,5 *см*, толщина — 2,5 *см*. С боковых сторон брусок сточен. К его поверхности прикипели обломки железа от оружия.

Рисунок на бруске сильно схематизирован: животное (возможно лось?) передано в профиль, голова маленькая на довольно длинной и толстой шее, туловище продолговатое с подобранным животом, хорошо выделен круп. Передние и задние ноги тонкие и стройные; одной чертой передан короткий хвост. Изображение выполнено не специалистом, поэтому очень трудно проследить связь его с какой-либо определенной художественной традицией. И все же по характеру стилизации рисунок больше всего напоминает граффити, открытые на стенах здания с фресками в Неаполе скифском, относящиеся ко II в. н. э.[55].

Еще хуже, чем оружие, сохранились предметы конского убора. Среди многочисленных бесформенных обломков железа были обнаружены конские путы, пять железных пронизок с остатками в них ремней, несколько железных пластинок, часть которых была обтянута тонким золотым листом.

Уцелевшая часть железных пут состоит из пяти соединенных друг с другом почти круглых колец, диаметром 4 *см*. Не относясь к числу широко распространенных предметов в сарматских памятниках, конские путы в виде цепи из трех-пяти звеньев железных колец известны из нескольких сарматских погребений. В ГИМ хранятся железные путы из кург. № 17 у ст. Казанской на Кубани из раскопок Н. И. Веселовского [56].

Узкие железные пластины (ширина их — 1,5 *см*), обтянутые золотым листом, вероятно, покрывали кожаные ремни узды. Среди них имеются наконечники ремней с округлым концом. Железные пластинки набивались на ремни при помощи медных гвоздиков с круглыми шляпками. Поверхность золотого листа покрыта точечным орнаментом, сделанным очень небрежно. К уздечному набору относятся обломки небольших железных пряжек с подвижным язычком и бронзовое кольцо (рис. 6, *4*). При помощи пряжек и колец ремни узды соединялись друг с другом.

Не ясно, на каких ремнях помещались пять железных пронизок. Может быть они были надеты на повод? По форме они аналогичные бронзо-

[54] К. Ф. Смирнов. Отчет о работе Чкаловской экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. Архив ИА АН СССР, д. № 1686. Топор зарегистрирован под № 252.

[55] О. Д. Дашевская. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском. СА 1962, № 1.

[56] Инв. № 42380—82.

вой пронизке, найденной у черепа погребенного и описанной выше. Пронизки сделаны из железного листа и, так же как бронзовая, были инкрустированы серебряной сеткой.

Фрагментарность вещей конского убора лишает нас возможности произвести сколько-нибудь детальное сопоставление их с известными памятниками. Отмечу лишь, что описанные обивки ремней напоминают украшения узды из позднесарматских погребений с трупосожжениями, описанные Т. М. Минаевой [57].

Рассмотренные предметы и их аналогии позволяют относить исследованное нами погребение ко II или III в. н. э.

Характер погребального сооружения, погребальный обряд и комплекс погребального инвентаря свидетельствуют о том, что в этом кургане был похоронен конный сарматский воин. Судя по тому, что его сопровождали дорогие импортные вещи, можно думать, что погребенный при жизни был богатым человеком, представителем сарматской аристократии. На территории Молдавии и в прилегающих к ней районах Украинской ССР подобные памятники пока не известны. В курганах, раскопанных Д. Я. Самоквасовым у с. Шабалат [58] и Т. Г. Оболдуевой на р. Когыльник [59], были похоронены рядовые члены сарматского общества. То же самое можно сказать и относительно погребения, исследованного Г. Б. Федоровым у с. Боканы [60].

Неизвестны столь богатые сарматские погребения и на Днепре и в Приазовье. Только памятники Прикубанья, отражающие тесную связь местного сарматского населения с боспорскими городами, дают римские импортные изделия, весьма близкие к найденным нами. Эта близость к Прикубанью и отсутствие сходства с инвентарем сарматских памятников Украины может быть объяснено, с одной стороны, простой случайностью, тем обстоятельством, что курганы сарматской знати еще плохо изучены в Северном Причерноморье. С другой стороны, допустимо и второе предположение: раскопанное нами погребение могло принадлежать богатому члену племени, которое ранее обитало в Прикубанье, а затем переселилось в западные районы Северного Причерноморья. Но мы пока не располагаем данными для доказательства этого предположения, так как, помимо близких к прикубанским импортных предметов, в погребении у с. Олонешты нет никаких других черт, свойственных сарматским памятникам только Прикубанья. Погребальное сооружение и погребальный обряд, предметы вооружения и конского убора относятся к числу признаков, которыми характеризуется сарматская культура на широкой территории.

Установлено, что дорогие импортные металлические и глиняные изделия ввозились в Прикубанье с Боспора и, вероятнее всего, распространялись через Фанагорию. Однако невозможно доказать, что к обитателю степного Поднестровья римские сосуды попали также с Боспора. Ведь Ольвия и даже Тира, хотя и не регулярно, но все же торговали с теми центрами и провинциями римской империи, с которыми был связан Боспор. Известно, что эти города, так же как боспорские, находились в тесных торговых взаимоотношениях с местными племенами. Подтверждением предположения о том, что по крайней мере глиняный фигурный сосуд в виде барана мог попасть в Поднестровье из Ольвии, являются находки таких же сосудов в этом городе.

---

[57] Т. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. Уч. зап. педагогического факультета Саратовского университета. Саратов, 1927, стр. 91 сл.

[58] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 131—132.

[59] Т. Г. Оболдуева. Курган эпохи бронзы на р. Когыльник. Изв. Молдавского филиала АН СССР, № 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 38.

[60] Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Изв. Молд. ФАН СССР, № 4 (31), 1956, стр. 49 сл.

Но откуда бы ни были ввезены в Поднестровье импортные бронзовые и глиняные сосуды, они указывают на проникновение в быт сарматской знати этого района утвари, которая употреблялась городской аристократией, знакомой с римским бытом. Следовательно, связь сарматов степного Поднестровья с античными городами во II или III в. н. э. была не менее тесной, чем в Прикубанье. На это же указывают находки деревянной, точенной на станке, посуды, сделанной в одной из городских мастерских Северного Причерноморья.

Слабая изученность сарматских памятников к западу от Днепра лишает нас возможности установить, какое именно сарматское племя на Нижнем Днестре оставило погребение в кургане у с. Олонешты. По данным письменных источников известно, что после язигов, прошедших через земли даков и занявших земли между средним Дунаем и р. Тиссой, на запад в I в. н. э. продвинулись роксоланы. В первой половине II в. н. э. язиги были западными соседями римской провинции Дакии, а роксоланы — восточными. В конце II в. н. э., вероятно, под нажимом готов, на запад продвинулись и аланы[61]. М. И. Вязьмитина на Украине связывает с аланами погребения в подбойных могилах с северной ориентировкой, где появляются признаки деформации черепа и обычай скрещивания ног[62]. Скорее всего, что и описанное нами погребение следует считать аланским, хотя два последних признака, отмеченных М. И. Вязьмитиной, в нем отсутствуют.

---

[61] Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 15.

[62] М. І. Вязьмітіна. Ук. соч., стр. 62.

Д. А. ХАЛИЛОВ

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ХЫНЫСЛЫ, ПАМЯТНИКЕ ДРЕВНЕЙ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

В последние годы археологи и историки Азербайджана стали уделять большое внимание изучению древней Кавказской Албании. Развернулись археологические обследования и раскопки на территории Кавказской Албании, в частности близ с. Хыныслы, расположенного рядом с г. Шемаха (Азербайджанская ССР). В Хыныслы выявлено обширное древнее поселение (свыше 60 *га*), на котором еще в 1939 г. Е. А. Пахомов раскопал могилу первых веков нашей эры [1]. Там же в 1946 г. во время пахоты трактористом была извлечена из земли массивная человеческая статуя, высеченная из камня, а З. И. Ямпольский произвел предварительное обследование места этой находки [2].

В 1958 г. во время посадки виноградника местными колхозниками были обнаружены на глубине приблизительно 0,6 *м* неподалеку друг от друга два клада серебряных монет, заключенных в глиняные горшочки. Часть монет этих кладов удалось собрать у местных жителей. Судя по собранным монетам, клады состояли из трех основных групп [3]: крупных тетрадрахм, большого количества драхм и несколько десятков подражаний драхмам Александра Македонского очень грубой выделки. В числе монет кладов оказался римский республиканский денарий К. Лициния, чеканенный около 82 г. до н. э.

Тетрадрахмы принадлежат: городу Афины — 5 экз., Лисимаху Фракийскому (321—281 гг. до н. э.) — 3 экз., Митридату VI Понтийскому (121—63 гг. до н. э.) — 1 экз., Никодему II Вифинскому (149—91 гг. до н. э.) — 3 экз., Селевкидам — от Деметрия I (162—150 гг. до н. э.) до Филиппа I (92—82 гг. до н. э.) — около трети серебряной части кладов. В их составе, кроме того, монеты размера драхмы, составляющие также около трети кладов чеканенные аршакидами, начиная от Фраата I (176—171 гг. до н. э.) до Митридата III (57—54 гг. до н. э.).

Подражания драхмам Александра Македонского биты одной и той же парой штампов, что, по мнению Е. А. Пахомова, может быть, указывает на местное происхождение. Монеты такого типа известны только на территории Кавказской Албании.

Таким образом, монеты кладов охватывают период с конца IV в. до второй половины I в. до н. э., что позволяет предполагать время их зарытия за несколько десятков лет до н. э.

Эти клады позволяют пересмотреть сообщения Страбона о том, что древние албанцы «по большей части не употребляют даже монет и не знают счета дальше сотни, а производят мену товарами» [4]. Как спра-

[1] Е. А. Пахомов. Крепость Гюлистан (Кыз-Каласы) близ Шемахи. Изв. Аз. ФАН СССР, 1944, № 3, стр. 44—49.

[2] З. И. Ямпольский. О статуе, найденной на территории Кавказской Албании. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 155—156.

[3] Монеты определены профессором Е. А. Пахомовым.

[4] Страбон, кн. XI, гл. 4, § 4.

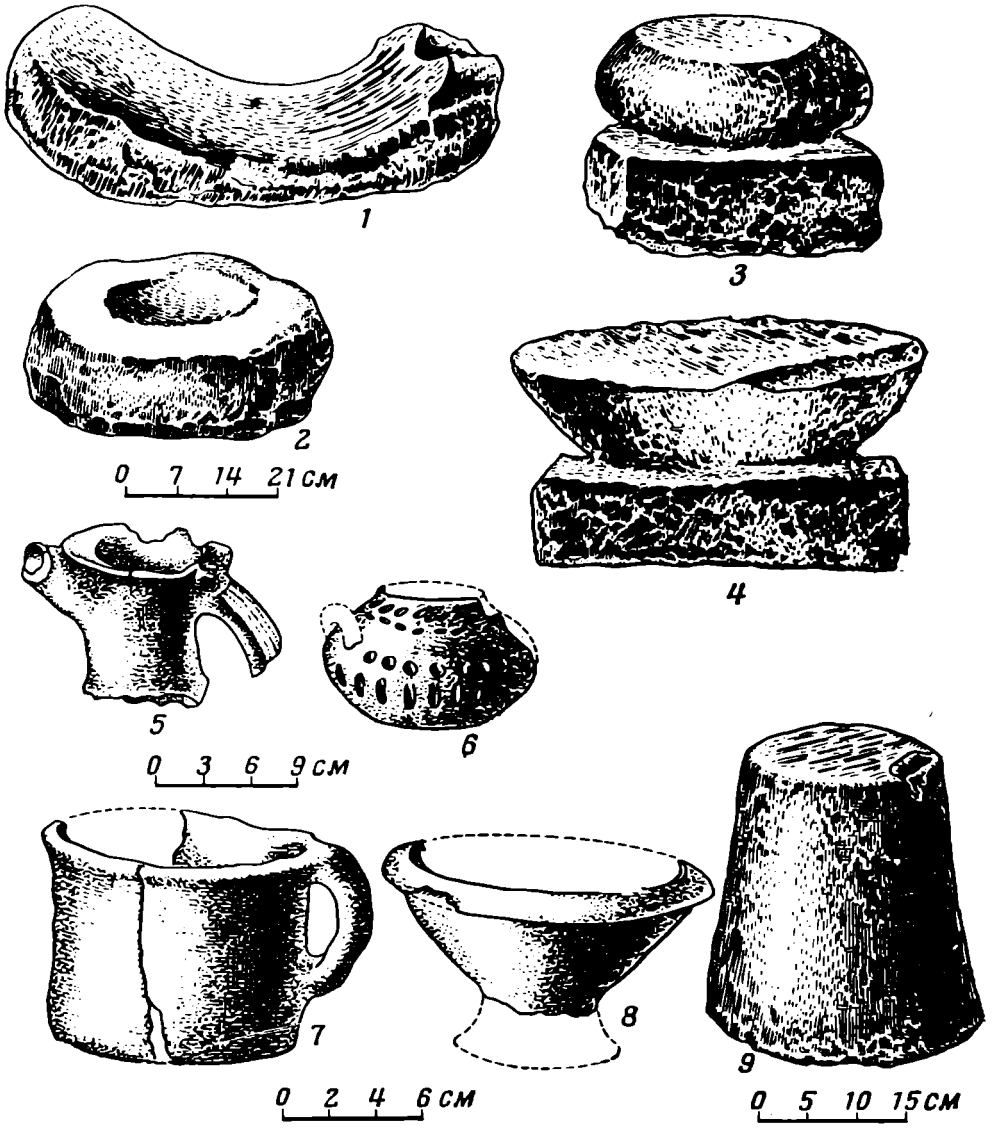


Рис. 1. Подъемный материал с городища Хыныслы

1 — зернотерка; *2* — ступка; *3, 4, 9* — каменные базы колонн; *5, 6, 7, 8* — глиняные сосуды

ведливо указывает Е. А. Пахомов [5], за несколько десятилетий до нашей эры в руках жителя Албании могли скопиться крупные денежные суммы и была потребность в местном чекане монет. Обнаруженные в кладах подражания драхмам Александра Македонского, вероятно, и представляют этот чекан.

С 1958 г. экспедицией Института истории АН АзССР под руководством автора статьи в течение двух лет проводились раскопки. Выявлены остатки домов, открыты десятки разнотипных и разновременных древних погребений и собран многочисленный подъемный материал.

Подъемный материал дает возможность создать некоторые представления о внешних чертах этого древнего поселения. Глиняные сосуды относятся к различным типам, в основном они красного и серого цвета; некоторые из них с красноватой окраской (рис. 1, *5*, *8*).

Зернотерки встречаются ладьевидные и плоские различной величины (рис. 1, *1*), так же как и ступки (рис. 1, *2*), много обломков камен

[5] Газета «Бакинский рабочий» от 27 марта 1958 г.

ных ванн (для отжима винограда) и различных камней со сквозными отверстиями. Реставрация одной из ванн показала, что она достигала 0,7 *м* высоты, 1,7 *м* длины и 1 *м* ширины. Ванна имеет круглое сквозное сточное отверстие; ребристые выступы на дне ванны ускоряли процесс отжима.

Каменные базы колонн (рис. 1, *3, 4, 9*) свидетельствуют о существовании значительных архитектурных памятников. Это дополнительно подтверждается фрагментами глиняной черепицы, имеющейся среди подъемного материала.

Раскопочные работы проводились на двух участках. Первый из них раскопан до материка, а на втором раскопки пока не закончены. Культурный слой первого участка достигает 2 *м*, в нем и в материке открыты разнотипные могилы.

Пока самыми древними из открытых в Хыныслы являются шесть грунтовых ямных погребений, они имеют расширяющуюся книзу овальную или круглую форму. Глубина этих могил 1,3—1,8 *м*, верхний диаметр — 1,2—2,2 *м*, диаметр дна — 1,6—2,2 *м*. В каждом из них — одиночное скорченное захоронение. Во всех погребениях костяк лежал на обломках глиняных сосудов.

Инвентарь этих могил состоит из глиняных сосудов, железного оружия и различных украшений. В большинстве случаев в головной части могилы стоял большой глиняный сосуд, покрытый обломками других сосудов.

Для более четкого представления даем полное описание одного из этих погребений. Могила имела 1,39 *м* глубины; 1,85 *м* — верхний диаметр и 2,2 *м* — нижний. Костяк лежал на обломках разных глиняных сосудов, в скорченном положении, на правом боку, головой на север. Около головы стоял большой красноглиняный кувшин с трехлепестковым венчиком (рис. 2, *1*). Кувшин был покрыт обломком другого глиняного сосуда. По диаметру могилы в один ряд стояли три кувшина красноватой окраски (рис. 2, *2, 3, 5*). В могиле обнаружена гончарная глиняная фигура оленя, такой же окраски (рис. 2, *4*), на его спине помещена «вазочка». Кроме того, в могиле были серебряные серьги (рис. 2, *6, 8*), железная фибула (рис. 2, *7*), бронзовое кольцо (рис. 2, *9*), свыше двухсот штук различных пастовых, сердоликовых, хрустальных и стеклянных бус (рис. 2, *10*).

Остальные погребения этого типа дали однородные с этой могилой материалы. Но в ориентировке костяков наблюдались различия, и в некоторых, кроме человеческих костей, были кости животных, в большинстве случаев — мелкого рогатого скота. Погребения подобного типа в Азербайджане обнаружены впервые, хотя наличие здесь таких погребений упоминалось в литературе на основании устных сообщений [6].

Инвентарь этих хыныслинских погребений имеет сходство с материалами ялойлутепинской культуры, известной в Азербайджане [7] и в Грузии в долине р. Алазань [8], они датируются последней четвертью I тысячелетия до н. э. На этом основании, учитывая их стратиграфию, ямные погребения Хыныслы следует отнести к последней четверти I тысячелетия до н. э.

Над погребениями в Хыныслы расположен почти двухметровый культурный слой с остатками построек и других сооружений, насыщенный обломками глиняных сосудов, каменных орудий труда, костями животных, золой и другими остатками повседневной жизни.

[6] И. М. Джафарзаде. Археологические разведки на Апшероне. Изв. АН АзССР, 1948, № 6, стр. 92—93.

[7] О. Ш. Исмизаде. Ялойлутапинская культура. Баку, 1956; Г. М. Ахмедов. Еще одна находка по Ялойлутапинской культуре. ДАН АзССР, т. VIII, № 10, 1952, стр. 571—575 (на азербайджанском яз.).

[8] Г. Ниорадзе. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940 (на груз. яз., резюме на русск.).

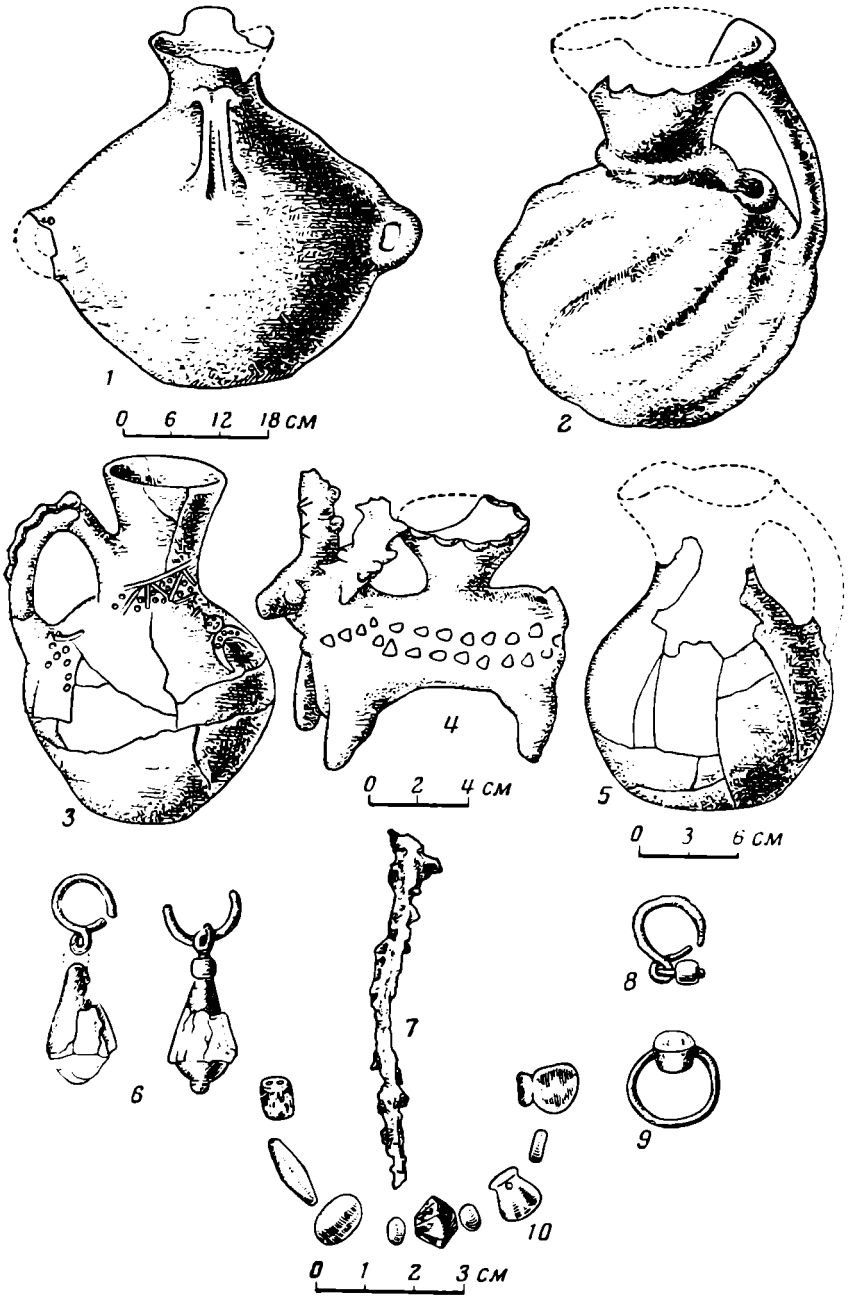


Рис. 2. Инвентарь одного из погребений в Хыныслы

1, 2, 3, 5 — глиняные кувшины; *4* — глиняная фигура оленя; *6, 8* — серебряные серьги; *7* — обломок железной фибулы; *9* — бронзовое кольцо; *10* — бусы

В двух раскопах открыты остатки построек. На первом раскопе стены появились на глубине 0,8 *м* и продолжались до 1,8 *м*.

На глубине 1,2—1,5 *м* в первом раскопе обнаружены утрамбованные, обмазанные глиной, иногда — выложенные плоскими камнями — полы помещений. Стены построек выложены булыжником, скрепленным глиной. Верхние части этих стен, вероятно, были сооружены из сырцовых кирпичей.

В этом же раскопе часть пола была выложена плоскими камнями. Они были покрыты слоем золы и угля толщиной 0,15—0,20 *м*. Недалеко от каменного пола обнаружены куски сильно проржавевшего железа.

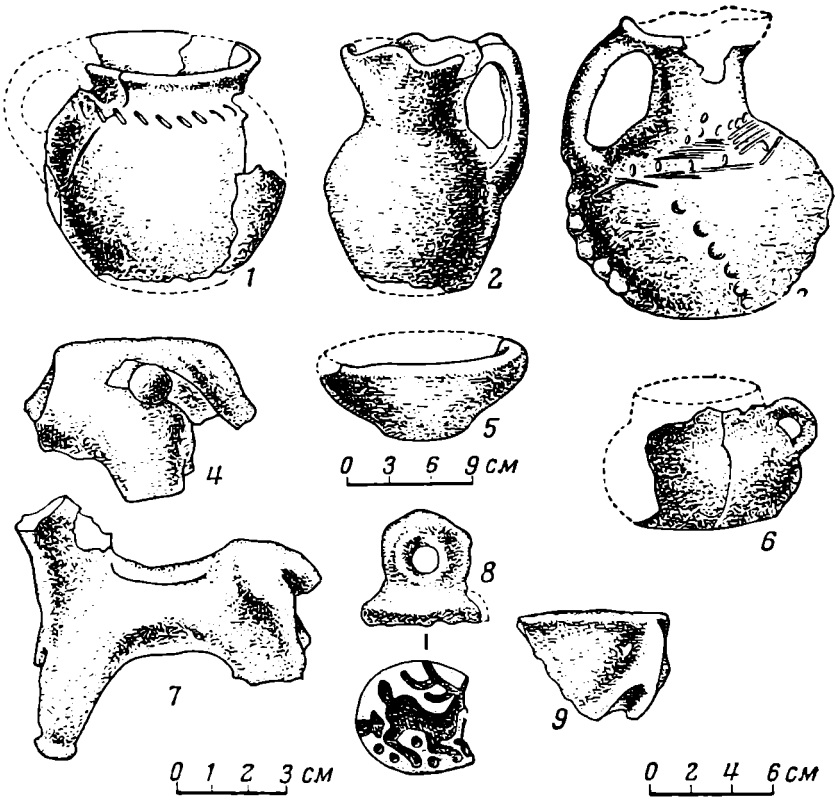


Рис. 3. Материал из первого раскопа в Хыныслы

1, 6 — глиняные горшки; *2—3* — глиняные кувшины; *4, 7* — обломки глиняных фигур животных; *5* — каменный сосуд; *8* — глиняная печать; *9* — обломок глиняного сосуда с ручкой

На полу найдено много обломков глиняных сосудов. Там же в землю был врыт большой, оказавшийся раздавленным, глиняный кувшин. Все это дает возможность предварительно предположить, что здесь вскрыто производственное помещение.

Рядом с ним открыты полы других помещений, где также были врыты в землю три больших глиняных кувшина. Наиболее крупный из них был покрыт плоским камнем; на внутренней части кувшина сохранился след какой-то жидкости, вероятно вина.

На первом раскопе расчищено также несколько хозяйственных ям. Глиняные сосуды первого раскопа изготовлены без применения гончарного круга. Часть сосудов имеет красноватую окраску, нанесенную, вероятно, растительным красителем.

Большое место среди глиняных сосудов этого раскопа занимают горшки. Они представлены целыми сосудами без ручек, ручками и обломками. Среди горшков нет крашеных, и они грубой выделки (рис. 3, *1*). В числе сосудов кувшины с трехлепестковым (рис. 3, *2, 3*) или круглым венчиком. Большей частью они покрыты красноватой краской.

Часто встречаются глиняные кружки (рис. 3, *1*), в основном — серого обжига. Там же найдены мискообразные грубовыделанные сосуды с петлеобразными ручками или ушками с отверстием (рис. 3, *9*), различные крышки, пряслица и обломки грубых блюдец.

Наряду с сосудами были обнаружены и другие поделки из глины: грубые фигурки животных (рис. 3, *4, 7*) и глиняная печать (рис. 3, *8*). Одна из фигур с отломанной головой изображает вьючное животное (вероятно, лошадь). На глиняной печати — врезное изображение оленя. Печать предназначалась для гончара, так как обнаружен обломок ручки сосуда с оттиском подобной печати.

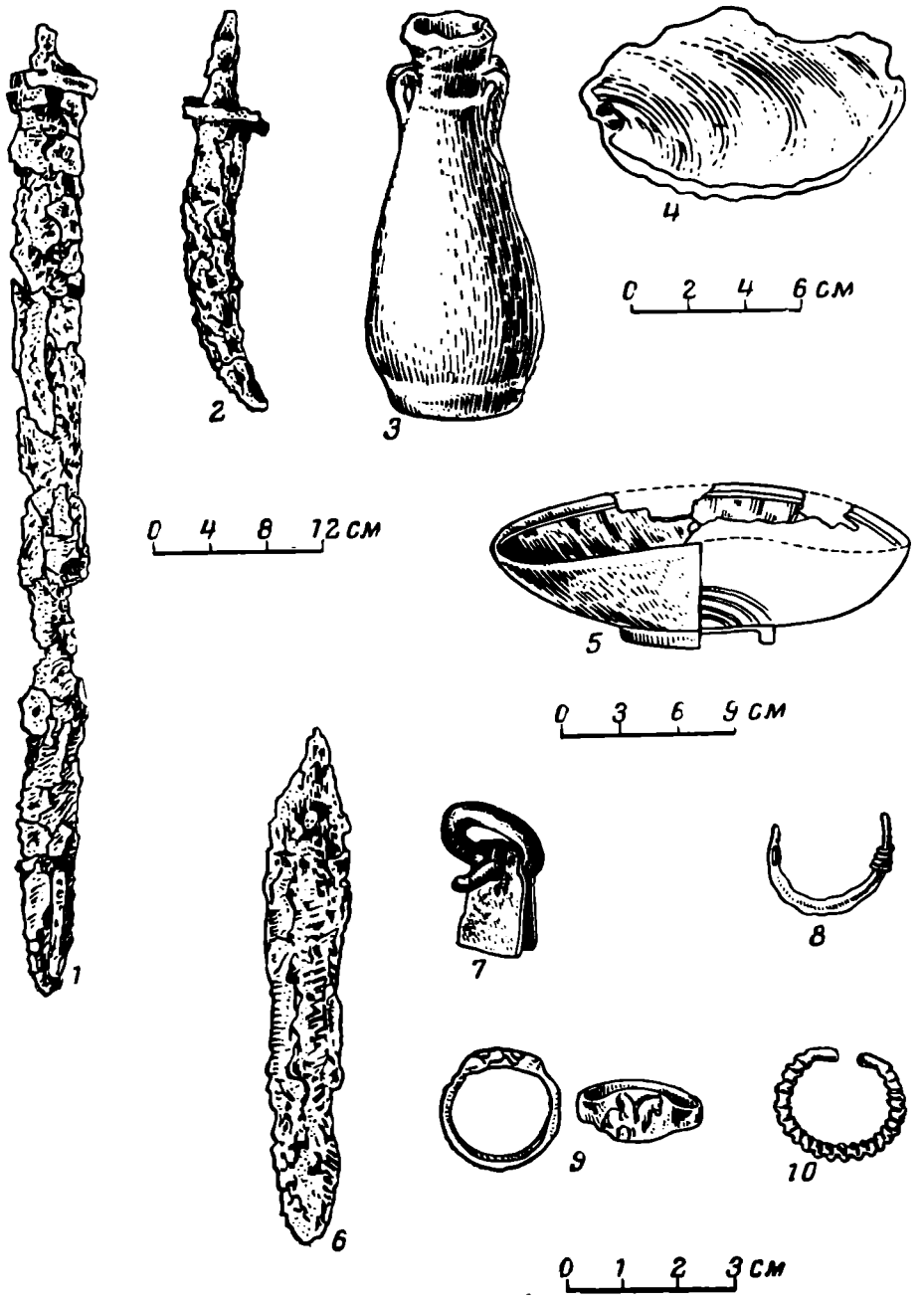


Рис. 4. Инвентарь кувшинного погребения в Хыныслы

1 — железный меч; *2* — железный нож; *3* — глазурованный сосуд; *4* — раковина; *5* — серебряная миска; *6* — железный кинжал; *7* — бронзовая пряжка; *8, 9, 10* — мелкие украшения

Каменные изделия этого раскопа представлены тарелкообразными сосудами (рис. 3, *5*) и точильными камнями.

Следующими по возрасту являются обнаруженные в первом раскопе, как в культурном слое, так и в грунте, кувшинные погребения. Всего в Хыныслы пока исследованы четыре кувшинных погребения — два детских и два взрослых. Особую ценность для датировки культурного слоя представляет кувшинное погребение, обнаруженное в первом раскопе; оно прорезает пол одного из помещений.

Погребальный кувшин этого погребения, оказавшийся раздавленным, находился на глубине 2 *м*; погребенный был ориентирован головой на северо-восток. Сохранность костей была плохая. Череп лежал на серебряной миске (рис. 4, *5*), на нем сохранились остатки кожи

и обрывки материи, с мелкими слегка выпуклыми золотыми пуговицами. Высота миски 4,5 *см*, диаметр — 21 *см*. Внутри она орнаментирована четырьмя параллельными врезными линиями и имеет невысокий припаянный поддон. В этом же погребении около костяка обнаружены железные меч (длина — 72 *см*; рис. 4, *1*), нож (рис. 4, *2*) и кинжал (длина — 28 *см*; рис. 4, *6*), бронзовая пряжка (рис. 4, *7*), глазурованный удлиненный сосуд с плохо выраженными петлеобразными ручками (рис. 4, *3*), большая раковина (рис. 4, *4*) и другие мелкие украшения (рис. 4, *8, 9*). Датировка этого погребения несколько уточняется найденной при нем серебряной драхмой Аршакида Готарса (40—51) [9].

Из приведенных материалов ясно, что культурный слой первого раскопа относится к периоду не раньше ямных могил с инвентарем ялойлутепинского типа и не позднее времени Готарса.

Раскопки Хыныслы расширяют ареал распространения кувшинных погребений и вносят поправку к высказываниям К. В. Тревер, полагавшей, что «...кувшинные погребения обнаружены на обоих берегах Куры, но преимущественно на правом берегу и главным образом в западной части страны (их нет в пришемахинском и прикаспийских районах от Апшерона до Дагестана») [10].

Во втором раскопе отдельные элементы материала верхнего горизонта культурного слоя имеют сходство с материалом описанного кувшинного погребения. Этот слой прорезают грунтовые могилы, каменные ящики и типично поздние кувшинные погребения. В ненарушенной погребениями части этого раскопа были открыты остатки большого помещения, вероятно имевшего перегородку. В его южной части преобладают предметы бытового назначения, а в северной — таких остатков мало, но там имеются остатки длинной печи и, на глубине 1,5 *м*,— сложенный из плоских камней пол, который был покрыт слоем золы и угля толщиной около 0,5 *м;* южная часть пола земляная. Западная стена сохранилась по высоте до 0,7 *м;* от остальных частей стен, сложенных также из речного булыжника, скрепленного глиной, сохранились один-два ряда камней. На стенах сохранились следы глиняной штукатурки, перемешанной с соломой. На всей площади помещения остались следы сильного пожара. Печь сложена из сырцового кирпича [11] на глиняном растворе и обмазана глиной, смешанной с соломой; вокруг нее обнаружены обломки глиняных сосудов.

В южной части помещения основное место занимали глиняные сосуды, поставленные вдоль стен в специальных углублениях или на плоских камнях. Один из последних оказался верхним камнем ручной мельницы диаметром 40 *см* и толщиной 10 *см*, он имеет отверстия для ручки и большое отверстие с выступающими краями для подсыпки зерна (рис. 5, *7*). В этом же помещении найдены обломки нижнего камня ручной мельницы.

Вдоль западной стены помещения находилось возвышение, на котором стояли сосуды с различными продуктами.

Все большие сосуды оказались разбитыми, но часть мелких сосудов осталась цела. Среди сосудов, разнообразных по форме и объему,— сероглиняные кувшины с круглым веничком (рис. 5, *8*), кувшины с круглым венчиком (рис. 5, *2, 3*), горшки (рис. 5, *4*), миски (рис. 5, *6*), бочкообразные сосуды (рис. 5, *5*) с петлеобразными ручками, имеющие на венчике желобки для крышки.

На полу этого помещения обнаружены точильные камни, шаровидный камень, назначение которого трудно определить, железный нож,

---

[9] Определение Е. А. Пахомова.

[10] К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, стр. 62.

[11] Высота печи — 0,6 *м*, длина — 2,7 *м*, ширина — 1,3 *м*, длина камеры — 1,5 *м*, ширина — 0,4 *м*, глубина — 0,5 *м*.

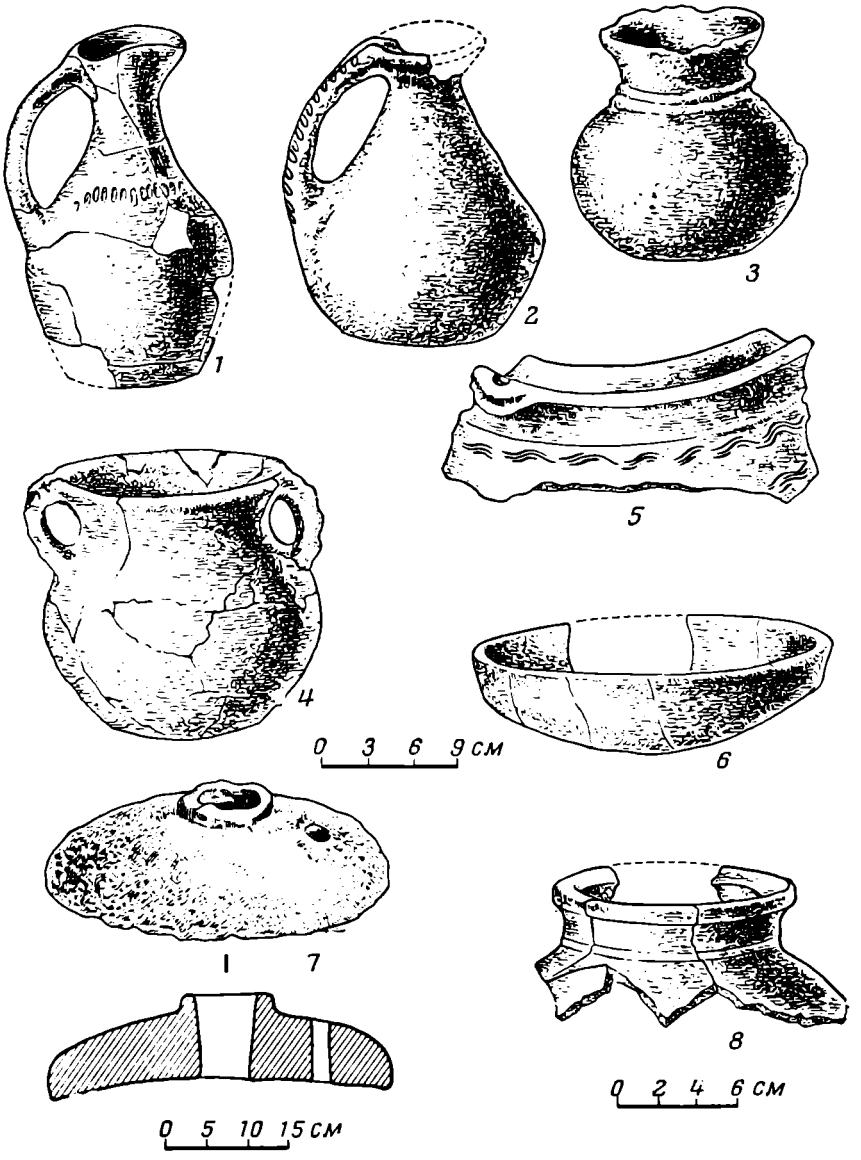


Рис. 5. Вещи из второго раскопа в Хыныслы

1, 2, 3, 4, 6 — глиняные сосуды; *5* — фрагмент сосуда; *7* — верхний камень ручной мельницы; *8* — обломок горшка

сердоликовые бусы. Среди находок в этом месте следует выделить часть глазурованного продолговатого сосуда, подобного обнаруженному в кувшинном погребении с монетой Готарса. Этот фрагмент сосуда может служить дополнительным фактом при датировке изученной части культурного слоя.

В том же помещении обнаружены кости животных[12], обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя, грецкие орехи, оливки (?). Пшеница мягких и твердых сортов; ячмень шестирядный[13].

Другие части раскопа дали такую же картину и аналогичный материал.

Погребения различного типа этого слоя имеют решающее значение для датировки его памятников. Наиболее древними из этих погребений

[12] Пока не определены.

[13] Определены академиком АН Груз. ССР В. Л. Менабде и кандидатом биологических наук С. Г. Муфти-заде, за что приношу им свою благодарность.

являются грунтовые, их обнаружено два. В одном из них (разрушенном) обнаружен лощеный глиняный водолей в виде петушка черного цвета и сосуд с одной ручкой, красноватой окраски.

Во втором погребении находился скорченный костяк на правом боку, головой на юг; погребальный инвентарь состоял из глиняного кувшина с трехлепестковым венчиком, глиняной миски, стеклянных, пастовых, сердоликовых шаровидных, кубковидных, спиралевидных бус, железного и стеклянного колец и железной фибулы.

В этом же культурном слое обнаружено еще типичное позднее детское кувшинное погребение без вещей.

Массовым типом могил в этом культурном слое являются погребения в каменных ящиках, из которых исследованы 26. Все они по технике сооружения одинаковы; разница заключается лишь в размере гробниц. Они построены из известняка без пола. Высота их стен достигает 0,9 *м*, длина внутренней части гробницы от 2,6 до 0,6 *м*; ширина — от 0,4 до 0,9 *м*; глубина обычно равна ширине. Сверху эти гробницы перекрыты массивными каменными плитами.

Такие погребения встречаются на различных глубинах,— от 0,4 до 2 *м*; более глубокие погребения обычно богаче остальных. Инвентарь последних состоит только из украшений — фибул, браслетов или бус. В таких погребениях глиняные сосуды очень редки. В глубоких могилах при погребениях, кроме украшений и глиняных сосудов, встречаются стеклянные сосуды, оружие из железа, перстни-печати, различные украшения. Ориентировка погребений различна. Захоронения в них одиночные, парные; в одном были обнаружены три человеческих костяка. Положение костяков — скорченное на боку или вытянутое на спине, имеются деформированные черепа. В некоторых погребениях обнаружены следы огня, прослойки золы и угля. В двух случаях с человеком была погребена собака.

Приведем полное описание результатов раскопок одной из самых богатых гробниц этого типа.

На глубине 2 *м* могилу перекрывали три большие плиты, внутри нее земли не оказалось. Погребение ориентировано с юго-востока на северо-запад. Стены гробницы сооружены из необтесанных грубых камней без скрепляющего раствора, ее длина — 2 *м*, ширина и глубина — по 0,9 *м*. Костяк лежал на правом боку, в слабо скорченном положении, сохранность его плохая. Инвентарь этой могилы состоял из глиняных и стеклянных сосудов, железного оружия, печати, перстня-печати, различных украшений и сасанидской монеты.

Вдоль северной стенки внутри каменного ящика были установлены шесть глиняных сосудов, покрытых плоскими камнями и обломками глиняных сосудов (рис. 6, *1*, *3*). Некоторые сосуды в этой гробнице были разбиты. Цвет сосудов красный и черный, причем верхний слой последних отслаивается.

В головной части могилы находился стеклянный бокал (рис. 6, *4*) на круглом невысоком поддоне. Поверхность бокала имеет ребристые выступы.

В поясной части костяка обнаружен железный палаш (однолезвийный меч), с остатками на лезвии кожи и дерева от ножен и с бронзовым наконечником (рис. 6, *7*) и два железных ножа (рис. 6, *5*, *6*).

В том же погребении обнаружены бронзовая печать с изображением лошади (рис. 6 *10*), бронзовый перстень-печать с изображением, скомбинированным из полумесяцев (рис. 6, *8*), пряжки (рис. 6, *12*), поясные украшения (рис. 6, *11*), серебряное кольцо, арбалетная фибула (рис. 6, *9*), железное колечко, различные бусы, бронзовые гвозди и серебряная драхма сасанидского царя Фируза (457—483) [14].

[14] Определение профессора Е. А. Пахомова.

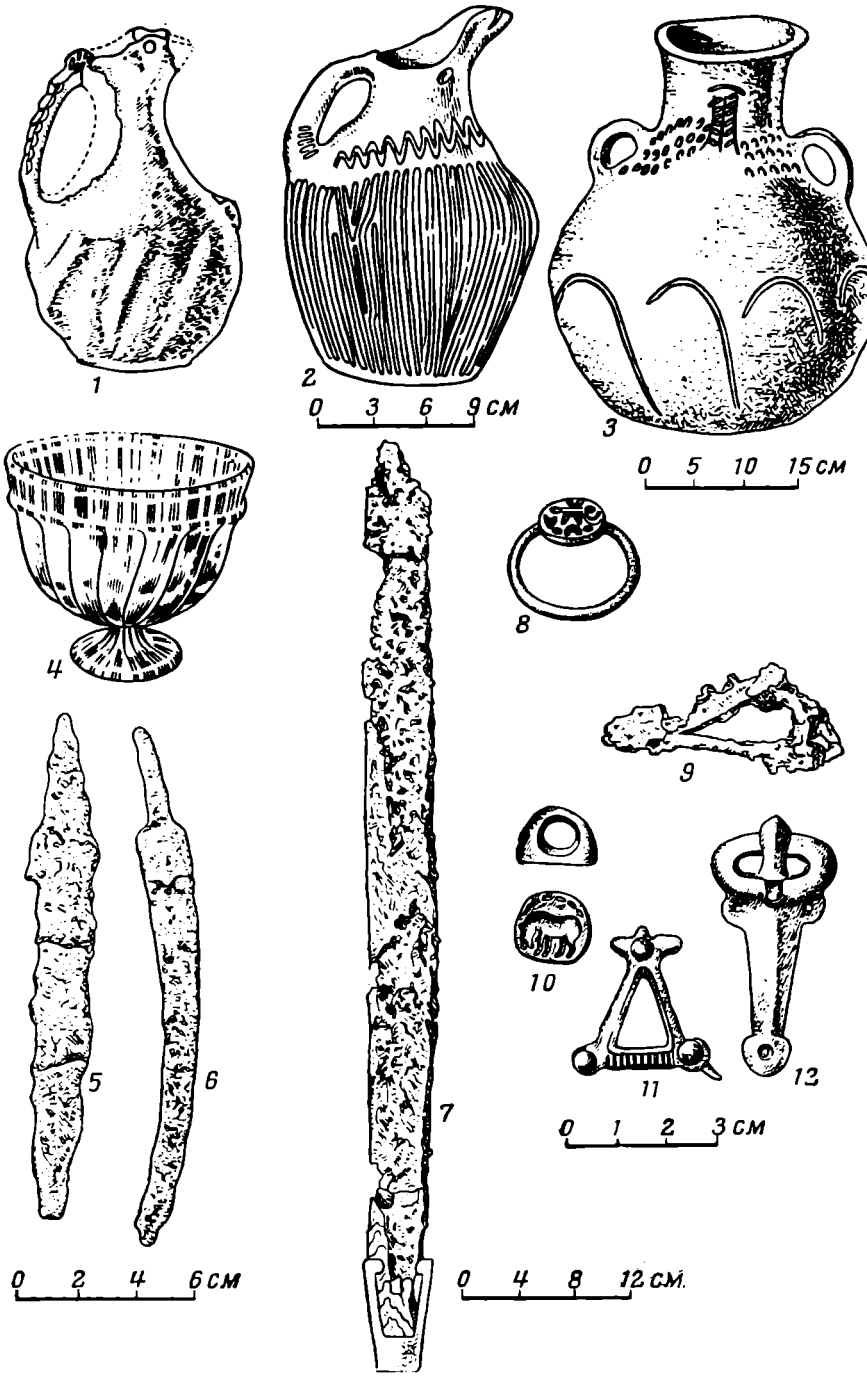


Рис. 6. Инвентарь одной из каменных гробниц в Хыныслы

1, 2, 3 — глиняные сосуды; *4* — стеклянный бокал; *5, 6* — железные ножи; *7* — железный меч; *8* — бронзовый перстень - печать; *9* — фибула; *10* — бронзовая печать; *11* — украшение пояса; *12* — пряжка

Это погребение по глубине залегания является наиболее ранним по сравнению с остальными каменными ящиками этого слоя. Стратиграфия и обнаруженная монета позволяют отнести его к V в. Исходя из этой датировки, каменные ящики в Хыныслы можно отнести примерно к V—VI вв.

Таким образом, исследованные памятники двух раскопов в Хыныслы охватывают время от последней четверти I тысячелетия до н. э. до VII в. н. э.

Проведенные раскопки показывают, что в течение почти тысячелетнего периода на изучаемом поселении несколько раз сменялась и снова

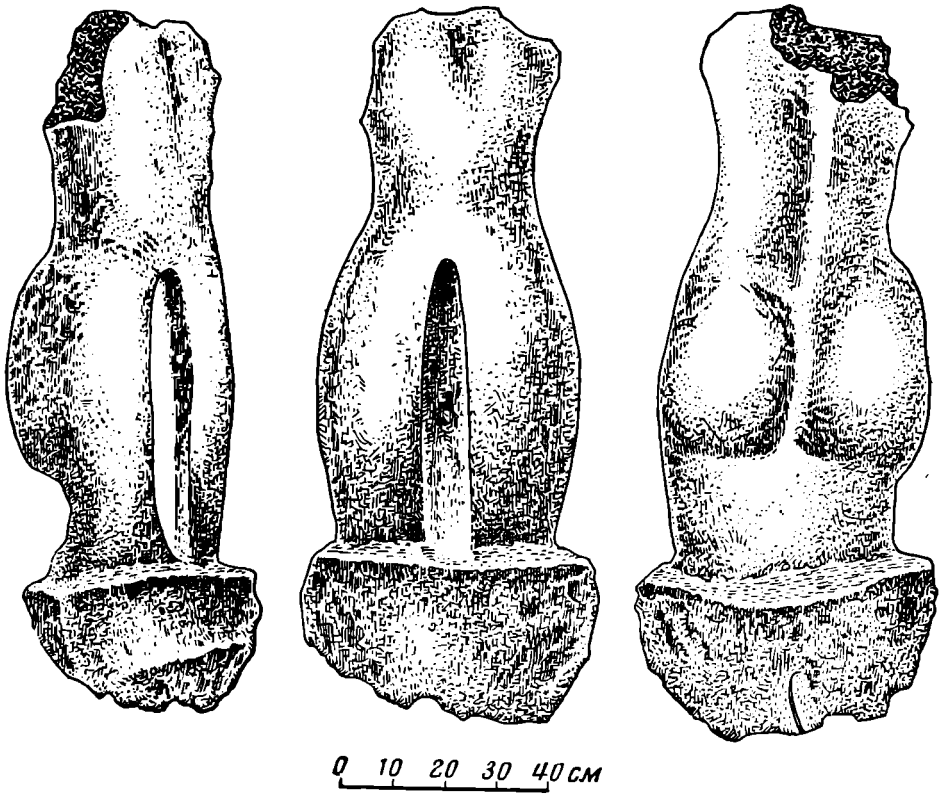


Рис. 7. Каменная статуя из Хыныслы

восстанавливалась жизнь. Иногда прежде жилая часть поселения становилась местом могильников и, наоборот, на месте старых погребений возникали здания.

Изменения затрагивали культ древних жителей поселения. Различные по типу погребения указывают на это довольно определенно. Древнее население Албании знало астральную религию с поклонением изваяниям божеств. Албанская летопись сообщает: «После мученической смерти Григориса, католикоса агванского, варварский народ стран восточных снова впал в языческое идолопоклонство» [15]. Археологические памятники отчасти подтверждают это. В Хыныслы недалеко друг от друга обнаружены две большие каменные статуи. Одна из них была извлечена из земли еще в 1946 г., а другая — при раскопках 1959 г. Первая статуя обнаружена в вертикальном положении. Вторая перекрывала один из каменных ящиков. Обе статуи грубо высечены из местного известняка. Голова первой статуи как бы стесана, у второй статуи отсутствует верхняя часть от середины груди (рис. 7).

Первая статуя описана в археологической литературе [16]. Вторая статуя сохранилась до высоты 1,35 *м* и имеет постамент высотой в 3,5 *см*. Пока бесспорно, что обе эти статуи имели культовое назначение и относятся примерно к последним векам до нашей эры. В III—IV вв. в Албании вместе с распространением сасанидского маздаизма и христианства старые албанские культы теряли свое значение и преследовались.

Изменение в обрядах погребения подтверждает эти политические и религиозные перемены. Сасанидские цари стремились насильно навя-

[15] Моисей Каганкатваци. История Агван. СПб., 1861, стр. 70.

[16] См. З. И. Ямпольский. Ук. соч.; С. Б. Ашурбейли. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневекового. Тр. Музея истории Азербайджана, т. I, Баку, 1956, стр. 87.

зать маздеистскую религию, и албанские цари иногда официально принимали ее. Во время правления сасанидского царя Фируза (Пероза) и царя Албании Вече эта борьба обострилась. У М. Каганкатваци мы читаем: «... царь агванский (Вече — *Д. Х.*) не захотел далее подчиняться игу его (Фируза.— *Д. Х.*): он завалил проход Чога и перевел на ту сторону войска Маскутекие. Соединив с собой 11 горских царей, он войной пошел на народ арийский и нанес большой вред войскам царя, который дважды и трижды писал к нему умоляющие грамоты и не мог убедить его. Вече, письмом и через переговорщиков, укорял его за напрасное разорение Армении, за смерть вельмож и мучения пленных: «Вместо того, чтобы наградить их за труды и любовь, вы убиваете их. Мне будет лучше умереть в мучениях, чем жить в отступничестве». Когда Пероз (Фируз.— *Д. Х.*) увидел, что ни насильство, ни любовь не в силах убедить его... в продолжение одного года воевал с царем агванским»[17]. Война закончилась победой албанского царя.

Таковы первые итоги раскопок Хыныслы — древнего населенного пункта Кавказской Албании.

---

[17] Моисей Каганкатваци. Ук. соч., гл. X, стр. 11, 12.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

ГОРОДИЩЕ У ДЕР. НИКОЛО-ЛЕНИВЕЦ

(Раскопки 1954—1958 гг.)

С 1954 по 1958 г. проводились раскопки на городище у дер. Николо-Ленивец (Калужская область), площадка которого теперь исследована полностью [1].

Впервые это городище было обследовано экспедицией ИИМК АН СССР в 1932 г. [2]. Оно расположено на мысу левого коренного берега р. Угры, примерно в 700 *м* южнее деревни, ограничено двумя оврагами и течением р. Стройки, впадающей в Угру выше городища, за оврагом.

Площадка городища имеет форму овала, вытянутого с запада на восток (длина большой оси — 60 *м*, меньшей — 50 *м*), над уровнем рек Угры и Стройки она возвышается на 12—15 *м*. Склоны городища очень крутые (в некоторых местах — до 60°) и в большей части задернованы; западный и северо-западный склоны частично смыты во время весенних разливов р. Угры и осыпаются. Вся восточная, северная и северо-западная части городища поросли лесом (рис. 1, *1*). С восточной стороны площадку городища окаймлял сильно оплывший и, по-видимому, распаханный вал, соединяющий вершины оврагов. В результате раскопок вала (траншея шириной 4 *м* и длиной 12 *м*) выявлено, что его внешний склон спускался в неглубокий ров, который теперь заплыл.

Почти по всей площадке городища залегал однородный культурный слой мощностью 0,4—0,5 *м*, состоящий из почвенного слоя в верхней части и рыхлого чернозема в нижней. В северной части, где площадка сплошь покрыта лесом, имелся слабо окрашенный серый культурный слой, едва достигавший 0,1—0,2 *м* и почти не содержащий культурных остатков; это свидетельствует о том, что данная часть городища не являлась жилой. В западной и южной частях городища, на склонах, мощность слоя увеличивается до 1—1,4 *м*, а там, где обнаружены сооружения,— до 1,6 *м*.

В местах расположения древних построек культурные отложения более сложны по своему составу: в них встречаются линзы сырой или обожженной глины, суглинка, угольно-зольные прослойки, прослойки сгоревшего дерева, ямы от столбов, канавки от стен и т. д. (рис. 1, *2*).

---

[1] Раскопки велись Верхнеокским отрядом Славянской археологический экспедиции Ин-та археологии АН СССР при участии Калужского обл. музея и Калужского пединститута. Приношу свою благодарность постоянным сотрудникам экспедиции: Н. Н. Хомчук, М. Г. Шуриге, Н. В. Мартышкину, Р. Н. Хомчук и др. В 1954 г. на городище был заложен раскоп площадью 120 *м*². Основная площадь поселения — 2000 *м*² вскрыта в 1955—1957 гг., в 1958 г. докопан небольшой участок — 140 *м*². Невскрытым остался небольшой участок в северной части городища, сплошь покрытый густым лесом и почти не имевший культурного слоя.

[2] Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 40.

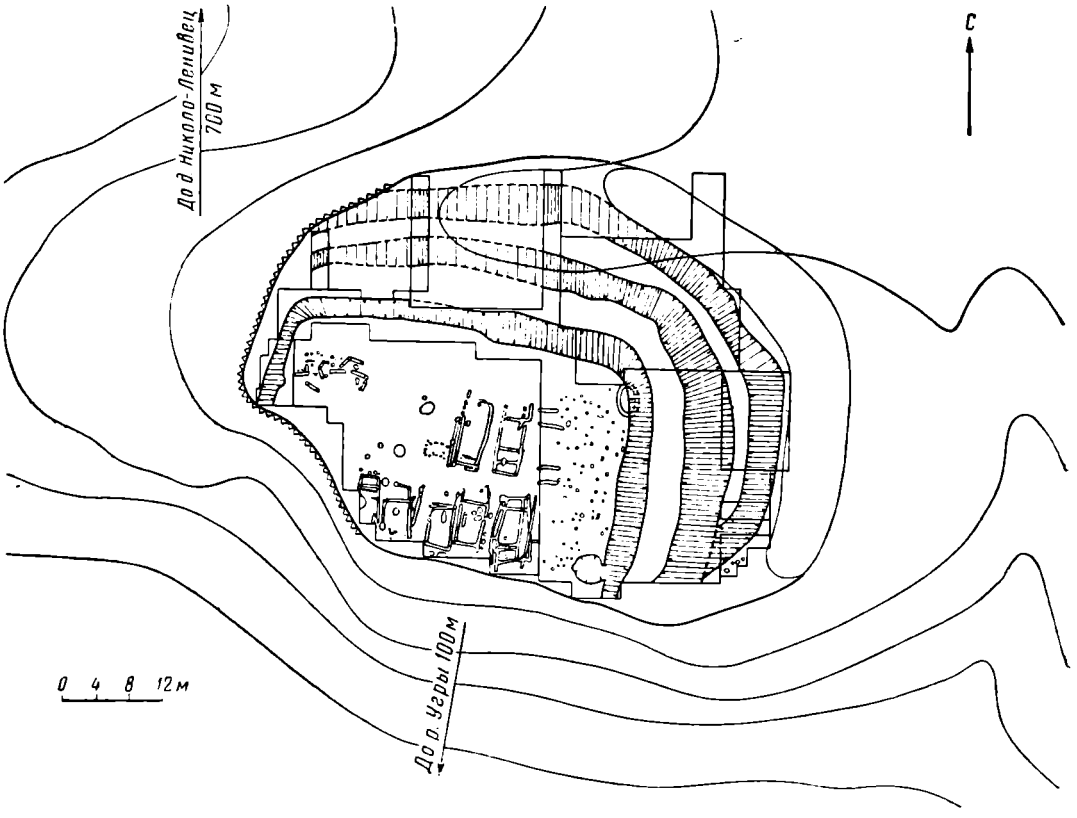


Рис. 1. План городища у дер. Николо-Ленивец и сооружений, вскрытых на его площадке

Ниже культурного слоя залегает тонкий светло-серый слой предматерикового суглинка, который затем переходит в материк — плотную оранжевую глину.

Культурный слой городища содержит отложения нескольких разновременных эпох, которые не расчленяются стратиграфически. В 30-х — 40-х годах нашего столетия площадь городища систематически распахивалась, что не могло не отразиться на сохранности культурного слоя. Правда, изучение памятника несколько облегчается тем, что древнейшие сооружения располагались преимущественно в центральной и западной частях городища, а более поздние — в ее восточной и южной частях. Случалось и так, что ранние сооружения перекрывались более поздними (рис. 2, *1—3*).

В нижнем культурном слое найдено наибольшее количество остатков сооружений, предметов быта, костей диких и домашних животных. Особенно многочисленны изделия из кости: разнообразные наконечники стрел, гарпуны, иглы, шилья (рис. 3, *1—6*). Много глиняных поделок: пряслица, грузики, литейные формочки, рогатые кирпичи, обломки посуды. Металлические предметы, бронзовые и железные, насчитываются единицами; первые представлены украшениями — обломки браслетов (рис. 3, *7*), шейной гривны, бляшками, вторые — маленькими ножами (рис. 3, *8*) и обломками серпов.

Для определения времени древнего культурного слоя служат обломки бронзовых пластинчатых браслетов времени Латена II (III—II вв. до н. э.; рис. 3, *11*). Однако нам представляется, что верхнюю границу нижнего культурного слоя можно провести приблизительно на рубеже нашей эры. Весь найденный инвентарь (изделия из кости, глины, железа, посуда) не противоречит указанному времени.

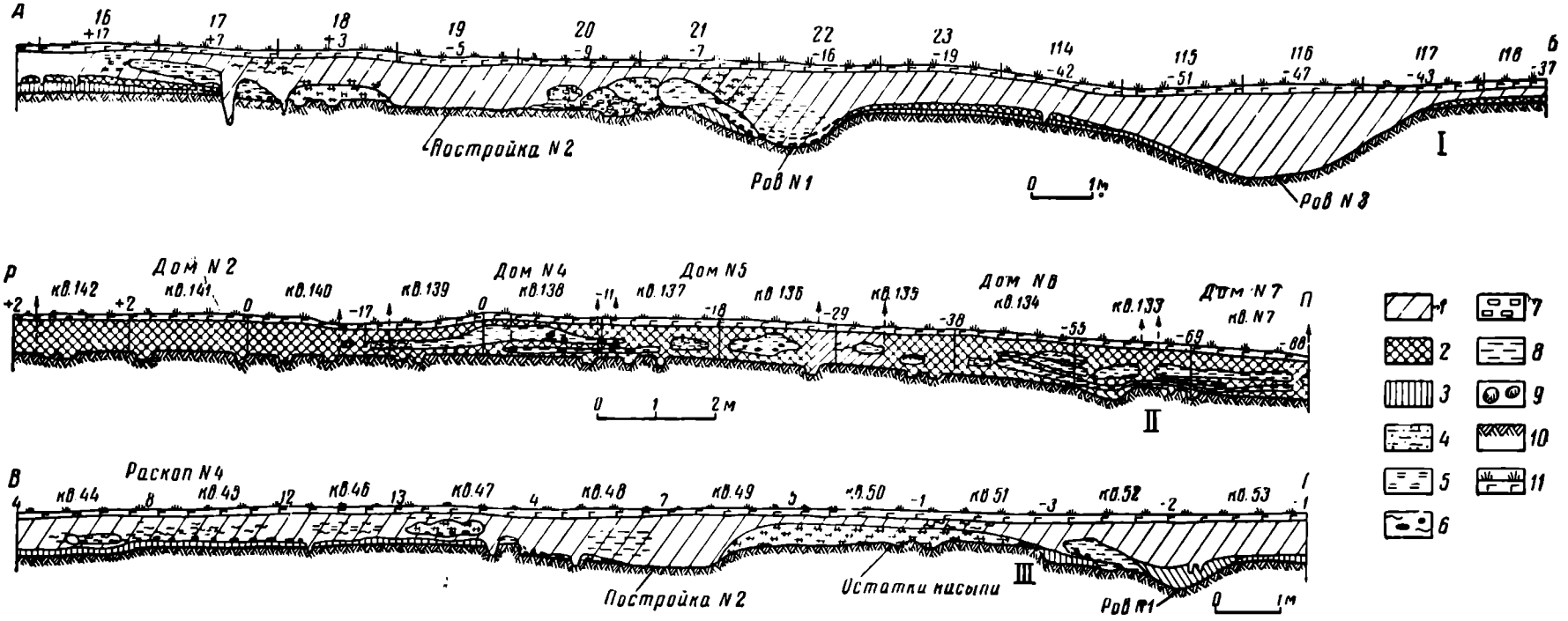


Рис. 2. Разрезы площадки городища.

I — часть профиля западной стенки траншеи (разрез по линии север — юг); *II* — часть продольного разреза городища (разрез по линии запад — восток); *III* — поперечный разрез постройки № 2; *1* — черный культурный слой; *2* — погребенная почва; *3* — предматерик; *4* — суглинок; *5* — обожженная глина; *6* — уголь, зола; *7* — остатки гончарного горна; *8* — глина; *9* — камни; *10* — материк; *11* — почвенный слой

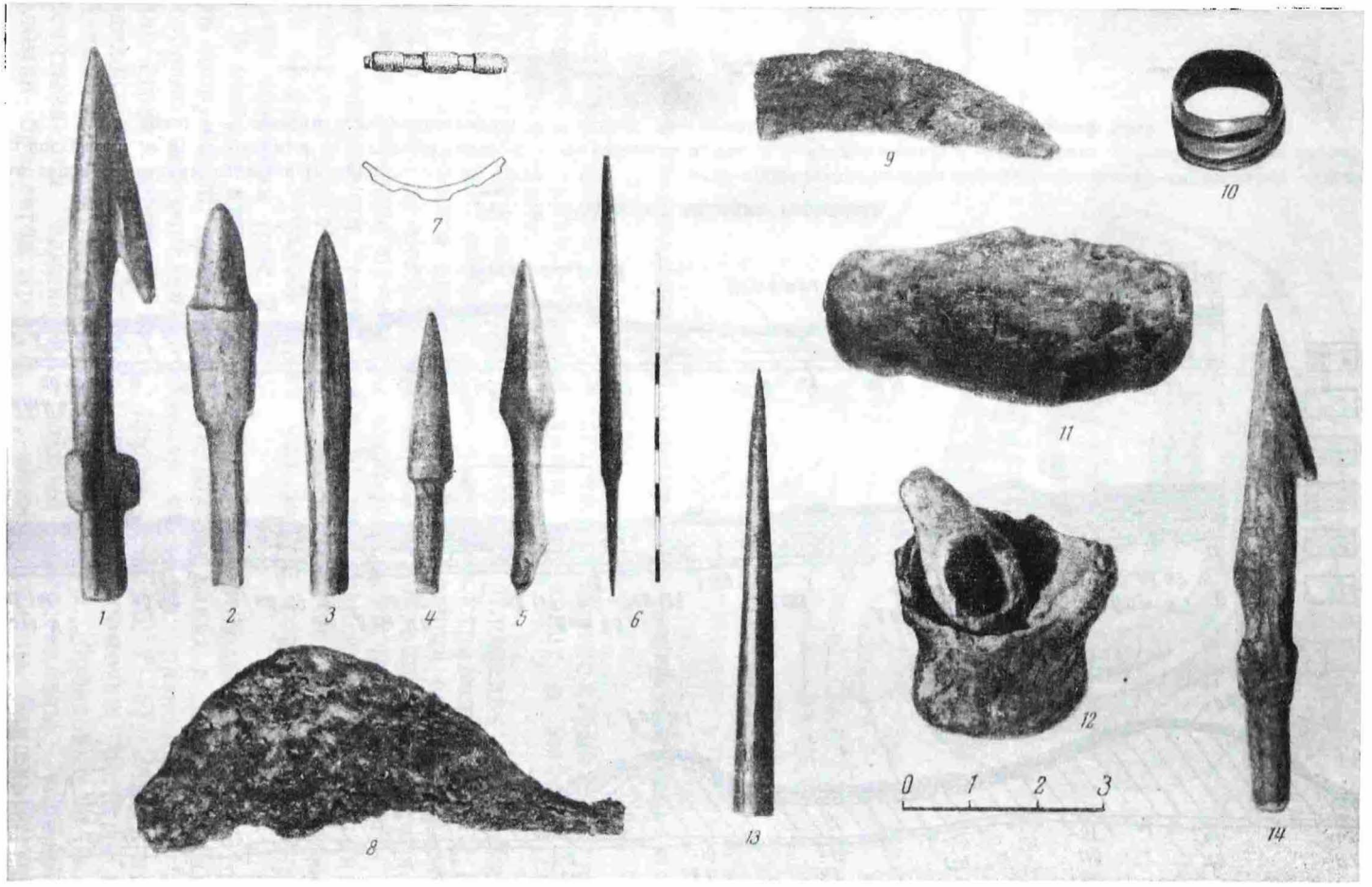


Рис. 3. Изделия из кости, глины, железа и бронзы нижнего культурного слоя (*1—8*), наземных построек (*9—12*) и столбовой постройки № 2 (*13*, *14*)

1, *14* — гарпуны; *2—6*, *13* — стрелы; *7* — обломок браслета; *8* — нож; *9* — обломок серпа; *10* —перстень; *11* — погремушки; *12* — сосудик с ложечкой

Глиняная посуда нижнего культурного слоя лишена орнамента; ее можно разделить на две группы — «А» и «Б».

Группа «А». Массивные невысокие сосуды (толщина стенки — 5—7 *мм*), почти баночной формы, изготовленные из серой глины с примесью дресвы (найдены в обломках). Венчик сосудов представляет собой некоторое утоньшение края, шейка только намечена и слегка вогнута, плечики имеют едва заметную округлость. Диаметр горла

Рис. 4. *1* — сосуд группы «А»; *2* — сосуд группы «Б»

сосудов варьирует от 14 до 18 *см*, днищ — 12—15 *см*, высота сосудов — 24—26 *см*; у самого дна стенка сосудов вогнута, линии стенки и дна составляют острый угол. Обжиг сосудов, как правило, слабый, неравномерный и поверхностный, черепок в изломе хрупкий.

Посуда данной группы почти никогда не орнаментирована. Поверхность таких сосудов обычно шероховата, изредка заглажена (рис. 4, *1*).

Группа «Б». Сосуды более вытянуты и имеют более узкое дно. Они более тонкостенные (толщина стенок — 3—5 *мм*). Тесто сосудов изготовлено из серой глины с примесью мелкой дресвы и песка, поверхность часто заглажена. Сосуды данной группы обожжены также слабо, черепок в изломе хрупкий (рис. 4, *2*).

В целом предметы быта, украшения и посуда, бывшие в обиходе населения городка у дер. Николо-Ленивец, в этот период сходны с инвентарем некоторых синхронных ему поселений бассейна Верхней Оки [3]. Вместе с тем в культуре обитателей этого поселения так же, как и многих других верхнеокских памятников последних веков I тысячелетия до н. э., можно найти много общих черт с культурой племен бассейна Верхнего Днепра [4].

Площадь древнейшего поселения на городище, судя по данным раскопок, первоначально была невелика. Первые оборонительные сооружения на городке, очевидно, представляли собой обыкновенный частокол. Поскольку подобного рода укрепления были непрочными, они довольно часто обновлялись и перестраивались. Следы этих сооружений были обнаружены на светло-сером слое суглинка в виде темных узких полос, оказавшихся канавками, внутри которых проступали более темные пятна ямок от столбов небольшого диаметра (рис. 5). Как

[3] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, гл. 1.

[4] П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4.

видно на представленном плане, остатки этих укреплений сохранились не везде одинаково: они совсем исчезают в центральной части площадки городища, где, может быть, были уничтожены самими древними обитателями поселения в более позднее время при подчистке или выравнивании данного участка. Подобные укрепления по материалам других верхнеокских памятников пока не известны, но на некоторых городищах более южной территории, например, по р. Сейм, они открыты [5].

Достаточно определенное представление можно составить о жилищах древнейшего поселения. Их довольно четкие планы как бы отпечатались на светлом предматериковом слое в виде темных полос и пятен — следов сгнившего и сгоревшего дерева. Это были прямоугольные в плане наземные постройки, довольно больших размеров (в среднем — 9 × 3 или 6 × 3 *м*), разделенные на две или три камеры; в одной или двух из них находился очаг. Постройки были ориентированы по длинной оси с северо-востока на юго-запад и располагались в два ряда, вытянутых вдоль большой оси площадки городища (с запада на восток), образуя улицу. Расстояние между отдельными домами было небольшим, иногда менее 1 *м*, между рядами — около 3 *м* (рис. 5) [6].

На основании рассмотренных планов можно заключить, что все вскрытые постройки были столбовыми; каркас дома сооружался из бревен (толщиной 0,2—0,3 *м*), поставленных по углам и в середине стен, в вертикальные пазы которых входили менее толстые бревна, положенные горизонтально. Стены домов для утепления обильно смазывались глиной толстые слои которой обнаружены в верхних пластах раскопа, где они как бы обрисовывали контуры постройки. Возможно, что глиной утеплялся и потолок. Частично стены делались из плетня — встречаются куски глиняной обмазки со следами прутьев. Очаг жилища был открытым и представлял собой небольшое углубление в глинобитном полу.

Для реконструкции внутреннего устройства домов данных у нас очень мало; можно предположить, что необходимой принадлежностью их являлись нары. Следы этих нар можно кое-где уловить по ямкам от столбов или узким канавкам, расположенным вдоль некоторых стен жилища, иногда вблизи от очага [7].

Культурный слой внутри построек состоял из чернозема с прослойками угля, золы и глины и содержал значительное количество находок отдельных предметов и обломков лепной посуды, сосредоточенных главным образом вокруг очагов. Среди находок — костяные наконечники стрел, гарпуны, шилья, глиняные пряслица, погремушки, каменные грузила сетей, обломки рогатых кирпичей, обломки железных ножей, серпов, бронзовые колечки, точильные бруски и т. д. (рис. 3, 9—*12*; рис. 6, *1, 3, 5, 7, 8, 12*).

Несомненно,что не все постройки данного типа, существовавшие на городище, относились к одному времени. На профилях некоторых попе-

[5] А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина гора. СА, 1958, № 3, стр. 198, рис. 1.

[6] Подробную характеристику этих построек см. Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 33—34.

[7] Способ горизонтальной закладки бревен в вертикальные пазы, выдолбленные в столбах или стояках, с древнейших времен был распространен в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы (см. П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 126). В настоящее время эта техника применяется на Украине для строительства дворов, а иногда и жилых построек (Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 84, 86).

Любопытно, что нары вдоль стены, примыкающей к печи или противоположной ей, сооружаются в некоторых деревнях Калужской и Орловской областей и в настоящее время.

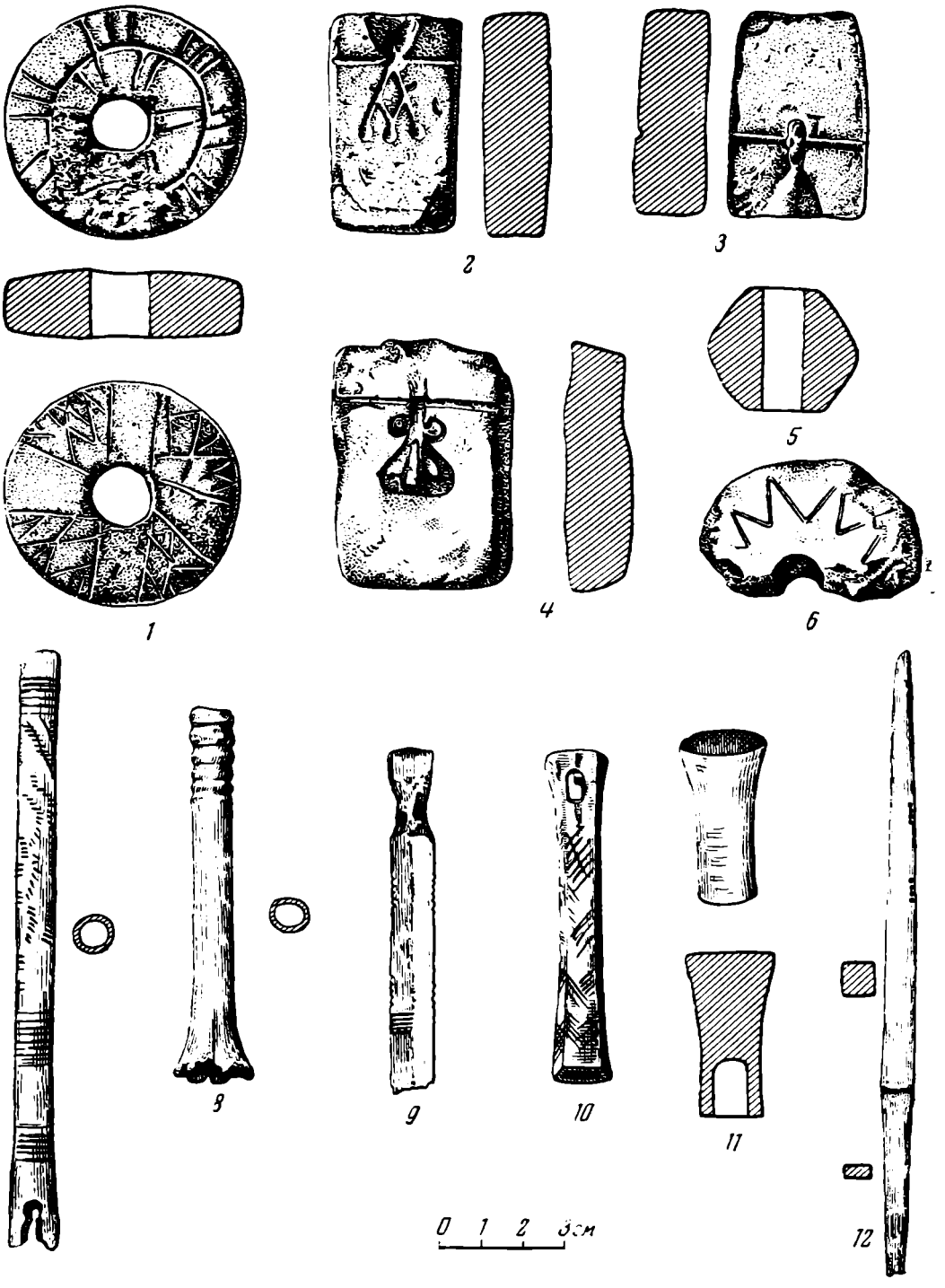


Рис. 6. Предметы из заполнения наземных построек и столбовой постройки № 2:

1, 6 — грузики; *2, 3, 4* — литейные формочки; *5* — пряслице; *7* — игольник; *8* — ручка от шила; *9, 10* — свистульки; *11, 12* — стрелы (*1, 6* — известняк, *2—5* — глина, *7—12* — кость)

речных и продольных разрезов культурного слоя в заполнении домов, а иногда и на плане раскопа можно проследить два и даже три горизонта разновременных сооружений. Нам удалось проследить более или менее четкие планы только семи домов, относящихся к одному горизонту; но, очевидно, их было значительно больше.

Вся центральная часть площадки городища была занята большим количеством ям от столбов разного диаметра (от 7—10 до 20—25 *см*); некоторые из этих ям были значительно углублены в материк. Иногда

встречаются и канавки от горизонтально лежащих бревен. Здесь же обнаружены большие кострища — скопления золы и угля. Кроме того, на этом участке было найдено много отдельных предметов быта, украшений и обломков посуды, сконцентрированных в определенных местах. Все это свидетельствует о том, что эта часть площадки городища не пустовала, а, напротив, являлась местом интенсивной жизни человека. Именно потому, что эти сооружения занимали центральную часть поселения, они прежде всего пострадали в последующий период жизни.

Кроме жилых построек, здесь могли существовать и сооружения, имеющие хозяйственное значение, несколько отличающиеся по конструкции от жилых домов. Так, около одного из жилищ (дом № 3, раскоп № 5, уч. II) обнаружены следы небольшой столбовой постройки легкого типа (ямки от столбиков малого диаметра, расположенные по сторонам прямоугольника 2 × 1,6 *м*), в юго-западном углу которой был вход (две пары сдвоенных столбов большего диаметра). По-видимому, это был сарай, поставленный на высокие ножки (рис. 5).

Очень вероятно, что некоторые из обнаруженных нами ямок от столбов в центре площадки принадлежали именно таким сооружениям. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ямки от столбов были расположены как бы отдельными гнездами. Не противоречат нашему предположению и многочисленные находки предметов быта, обнаруженные на этом участке[8]. К нижнему культурному слою относятся в центральной и северной частях городища остатки большого строения подковообразной формы. Границы этого сооружения четко обозначились на глубине 25—50 *см*, когда на прилегавших к нему участках раскопа культурный слой был снят и темная полоса нижней его части ярко выделялась на светлом предматериковом слое. Наибольшая ширина строения (4 *м*) была именно на этой глубине (25—50 *см*), книзу оно несколько суживалось; ширина дна постройки составляла всего 3,5—2,5 *м* (рис. 5, *2*).

Углубление для этого сооружения было вырыто в подстилающей культурный слой материковой глине ярко-коричневого цвета (глубина котлована от современного горизонта — 0,8—1 *м*; в материк он углублен на 0,1—0,2 *м*). Прослойки суглинка или глины у его границ (выброс из углубления) иногда видны в профилях поперечных или продольных разрезов заполнения сооружения (см. рис. 2, *3*). Основание постройки на всем ее протяжении было глинобитным; стены почти отвесны.

Вскрытое нами подковообразное сооружение было расположено на юго-западном секторе площадки городища. Оба конца этого большого строения были обращены к югу. Общая длина строения — 80 *м*.

Заполнение этого углубления на всем его протяжении было более или менее одинаковым; оно состояло из рыхлого чернозема с большим содержанием угля и золы в верхней части, а также костного перегноя и древесного тлена — в нижней, вследствие чего цвет грунта, заполнявшего это сооружение в верхних пластах, был черным, а в нижних — темно-коричневым.

В заполнении постройки и на уровне ее дневной поверхности найдено значительное количество отдельных предметов и обломков посуды.

[8] В связи с этим небезынтересны сведения этнографов о быте некоторых современных народностей. Так, Н. Л. Гондатти, изучавший быт остяков, пишет, что у них обычно около дома находится один или два сарайчика на высоких (до 2 *м*) ножках, в которых хранятся все запасы и богатства их (см. Н. Л. Гондатти. Предварительный отчет о поездке в северо-западную Сибирь. М., 1877, стр. 127—128). Такие амбары на столбах встречаются, по словам Сорокина, и у вогулов. Н. В. Сорокин. Путешествие к вогулам. Тр. Об-ва естествоиспытателей при Казан. унив., т. III, кн. 4. Август Алквист, характеризуя древнейшее жилище западных финнов, также отмечает широкое распространение у них амбаров на столбах. (См. Н. Н. Харузин. Очерк истории развития жилища у финнов. Этнографическое обозрение 1895 г., № 1, 1895, стр. 77).

Большое место занимают поделки из кости — наконечники стрел и гарпунов, шилья, иглы, свистульки, игольники; имеются глиняные и каменные (известняк) пряслица и грузики, некоторые из которых орнаментированы (рис. 6, *6*), рогатые кирпичи, точильные бруски, железные ножи и др. (рис. 6, *4, 6, 9—11*).

Из бронзовых предметов представляют интерес обломки круглопроволочной бронзовой шейной гривны и бронзовых браслетов. Найдены также и орудия меднолитейного производства — глиняная литейная формочка для изготовления подвесок лировидной формы (рис. 6, *4*) и глиняные тигельки. Следует отметить, что подавляющее большинство находок было обнаружено в центральной и северной частях сооружения (в раскопах №№ 1 и 4) и на глубине от 50 до 75 *см*.

Как видно на представленном здесь сводном плане сооружений на уровне материка (см. рис. 5, *2*), по дну котлована вдоль стен постройки шли ямки от столбов, диаметром 0,15—0,2 *м*. У западной стенки расстояние между столбами — от 0,4 до 1 *м* (рис. 5), у восточной — столбы были расположены значительно реже, причем в центральной части этой стенки следы ям от столбов не улавливаются вовсе.

Обращают на себя внимание также небольшие ямки от столбов (диаметром 0,1—0,15 *м*), обнаруженные внутри северной части постройки и идущие вдоль ее средней линии с интервалом около 4 *м* (рис. 5). В одном месте можно видеть даже канавки от тонких слег или бревнышек, расположенных перпендикулярно стенам сооружения. Создается впечатление, что здесь существовали какие-то поперечные перегородки, разделявшие эту огромную постройку на отдельные небольшие части.

На глинобитном полу сооружения встречались вкрапления угля, а иногда и довольно четко выраженные угольно-зольные пятна, под которыми глина была сильно обожжена. Местами обнаружены скопления крупных обожженных камней, между которыми лежали груды мелких камешков, уголь, зола, скопления обломков сосудов и обломки рогатых кирпичей. Нам представляется, что эти кострища с полным основанием можно считать остатками разрушенных очагов открытого типа. Любопытно, что очаги имелись почти в каждой отдельной «камере» постройки. Характерно, что именно в этой части сооружения, около очагов, были обнаружены почти все находки.

Остатки большого кострища, может быть являвшегося разрушенным жертвенником, вскрыты и в центральной части постройки. На глубине около 50 *см* (от уровня современного нам горизонта) обнаружен развал довольно крупных булыжников, занимавших площадь около 4 $м^2$. Ниже этих камней, в небольшой западинке (глубина от горизонта — 83 *см*), на слое угля и золы лежала груда костей животных — целый череп быка, три конские челюсти и большое количество астрагалов (рис. 5, *7*). Любопытно, что кости как бы укладывались в пределах равностороннего треугольника (длина сторон — 1,3 и 1,2 *м*), углы которого отмечены ямками от столбов. Очевидно, в ямки были врыты столбики, служившие подставками для вертелов, на которых сжигались жертвенные животные[9] (рис. 5).

В южной части постройки была обнаружена неглубокая яма (глубина от уровня современного горизонта — 0,95 *м*), заполненная углем и золой, около которой было найдено много костей животных, в том числе челюстей лося.

Для реконструкции этой постройки мы не располагаем никакими данными, кроме многочисленных ямок от столбов, расположенных

[9] Остатки разрушенных каменных жертвенников известны и на некоторых других памятниках бассейна Верхней Оки, например, на городище у с. Супруты. См. С. А. Изюмова. Отчет о раскопках Супрутского городища Тульской обл. в 1955 г. Архив ИА АН СССР, д. № 1197, стр. 4.

вдоль стен на значительном расстоянии друг от друга. Это обстоятельство свидетельствует о том, что данное строение имело столбовую конструкцию, однако стены его не составляли сплошного ряда вертикально поставленных столбов; основу их составляли вкопанные в землю бревна, в пазы которых, по-видимому, входили нетолстые горизонтальные слеги.

Судя по тому, что котлован постройки почти не углублен в материк, стены ее должны были значительно возвышаться над поверхностью. Следует отметить, что остатков глиняной обмазки ни в сооружении, ни за его пределами не найдено [10].

Стены нижней части сооружения, углубленной в грунт, могли также состоять из тонких пластин или жердей, укрепленных двумя рядами столбиков. В связи с тем, что вдоль внутренней (вогнутой) стены постройки иногда шло два ряда столбов, а вдоль внешней (выпуклой) — всего один, можно предположить, что крыша этого большого сооружения была односкатной.

Трудно реконструировать и вход в эту постройку. Нам представляется, что при таких больших ее размерах входов было несколько. Один из них располагается, очевидно, в центре; другой — в западной части сооружения; три больших столба, по углам и в центре широкой части строения, возможно, служили опорой для крыльца; третий вход мог быть на противоположном конце, в южной части сооружения (где его ширина — менее 2 *м*), и, подобно предыдущему, также выходил прямо к склону городища.

Мы рассмотрели два типа наземных сооружений, относящихся к нижнему культурному слою: прямоугольные в плане дома, являющиеся, безусловно, жилищами, и большую столбовую постройку подковообразной формы [11]. Предметы быта, керамика, найденные в этих постройках, убеждают нас в том, что они относятся к одному времени.

Однако вряд ли на таком небольшом поселении в одно и то же время могло существовать два различных типа жилищ. Очевидно, назначение большой подковообразной постройки было иным. Как видно на плане (рис. 5), этот большой столбовой дом был сооружен на месте сгоревшей оборонительной стены. Вполне вероятно, что он также представлял собой оборонительное сооружение, будучи более надежной защитой при обороне, чем обыкновенный частокол. Внешняя стена этой постройки по-видимому, опиралась на земляную насыпь, следы которой сохранились в виде толстого слоя светло-серого суглинка, лежащего на материке в средней части площадки городища и не содержащего культурных остатков (см. рис. 2, *3*). Этим же объясняется и тот факт, что вдоль внешней стены постройки ямы от столбов расположены очень редко; конструкция ее была отличной от внутренней стены, составлявшие ее бревна лежали, очевидно, горизонтально, примыкая к земляной насыпи, и только в некоторых местах были укреплены вертикальными стояками.

Сооружения, подобные открытому нами на городище у дер. Николо-Ленивец, известны и на некоторых других памятниках средней полосы Восточной Европы.

Наиболее близкой аналогией по конструкции является сооружение, открытое А. Ф. Дубыниным на Троицком городище; оно представляло собой столбовую постройку подковообразной формы (шириной — 4,25 *м*), к наружной стене которой также примыкала песчаная

[10] П. Н. Третьяков, исследовавший столбовые постройки на Чаплинском городище, также отмечает, что следов глиняной обмазки на городище не было обнаружено (см. П. Н. Третьяков. Чаплинское городище, стр. 128).

[11] Возможно, что эта постройка первоначально имела форму овала и шла по всему периметру площадки городища, но так как западный и южный склоны поселения осыпались, то утверждать это нельзя.

насыпь [12]. Интересно, что одновременно с этой постройкой на городище существовали небольшие, прямоугольные в плане наземные дома, служившие жилищами. А. Ф. Дубынин предполагает, что большой столбовой дом являлся оборонительным сооружением, предшествовавшим строительству внешнего вала и рва [13].

При раскопках А. Е. Алиховой на городище Кузина гора (р. Сейм), о котором упоминалось выше, была вскрыта постройка, также представлявшая собой большой подковообразный дом (шириной 4 *м*). Сооружение это, по предположению автора, также предшествовало строительству земляных валов и рвов на поселении [14].

На городище Тушемля, на левобережье Днепра, П. Н. Третьяков исследовал остатки большой столбовой постройки, имевшей форму почти замкнутого овала (повторявшей очертания площадки городища), к наружной стене которой некогда примыкала песчаная насыпь [15].

Некоторую параллель можно провести между нашей постройкой и большим столбовым домом, также примыкавшим к насыпи вала и реконструированным Б. А. Рыбаковым по раскопкам на городище Благовещенская гора [16].

В начале нашей эры поселение было оставлено, но не надолго. После перерыва, приблизительно в III—IV вв. н. э., жизнь здесь возобновилась. Однако культура населения, жившего на городке в это время, резко отличается от культуры населения предыдущей эпохи. Это можно видеть прежде всего по глиняной посуде, которая также найдена в массовом количестве. Находки отдельных предметов быта и украшений этого времени немногочисленны.

Обломки сосудов, обнаруженные в культурном слое и сооружениях, принадлежат довольно толстостенным (8—10 *мм*) широкогорлым горшкам (диаметр горла — 22—16 *см*), с высоким, иногда резко отогнутым венчиком, сравнительно выпуклыми плечами и суженной нижней частью (высота сосудов 23—25 *см*, диаметр дна —10—14 *см*). Сосуды изготовлены из серовато-желтой глины с примесью дресвы (тесто в изломе плотное), поверхность горшков чаще шероховатая, но иногда хорошо заглажена, обжиг придает ей розоватый цвет. Сосуды часто орнаментировались: по обрезу венчика — косой насечкой, защипами, круглыми углублениями, нанесенными пальцем; по шейке и плечикам — ямочными вдавлениями (круглыми, треугольными, в виде полумесяца и т. д.) (рис. 7, *1—4, 8*). По-видимому, сосуды эти иногда украшались и отпечатками веревочки — несколько обломков стенок с таким орнаментом найдено.

Вторую группу сосудов составляют горшки с прямым или слегка отогнутым, ровно срезанным высоким венчиком и менее выпуклыми плечами (рис. 7, *5—7*).

Наряду с такой посудой встречаются еще и сосуды с лощеной поверхностью (около 5% от общего количества обломков). Преобладают сосуды черного лощения, меньше — светло-коричневого, иногда почти желтого лощения.

Формы лощеной посуды разнообразнее, чем посуды без лощения, но в основном это горшки и миски. Горшки напоминают по форме лепные

[12] По любезному сообщению автора раскопок А. Ф. Дубынина. Материал не опубликован.

[13] Близкой аналогией нашему городищу является, по-видимому, и городище у дер. Наквасино, Смоленской области, где Е. А. Шмидтом были вскрыты наряду с прямоугольными в плане домами части построек, также имевших подковообразную форму. Сооружения, к сожалению, не доследованы. (По любезному сообщению Е. А. Шмидта).

[14] А. Е. Алихова. Ук. соч., стр. 198—199, рис. 1.

[15] П. Н. Третьяков. Городища-святилища..., стр. 178, рис. 7. Сооружение относится к VI—VII вв. н. э.

[16] Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 108—112.

нелощеные сосуды зарубинецкого типа [17]. Среди мисок можно выделить четыре основных вида. Преобладают миски, имеющие высокий цилиндрический верх, образующий ребро при переходе к нижней части сосуда, к небольшому поддону. Сходный вид имеют миски с расширяющимся наклонным верхом и сужением ко дну в нижней части сосуда, или миски со слегка вогнутым венчиком. Такая форма мисок встречается главным образом среди сосудов светло-коричневого лощения [18] (рис. 8, *4*).

Миски третьего вида по форме отличались от первых двух: они имели слегка отогнутый венчик, вогнутую шейку, сглаженное ребро в верхней части сосуда и округлую нижнюю часть [19]. Дно этих мисок плоское.

В четвертый вид входят вытянутые миски с узким донышком на поддоне (рис. 8, *5*).

Оба типа посуды — нелощеная и с лощеной поверхностью — обычны для многих городищ и курганов бассейна Верхней Оки середины и третьей четверти I тысячелетия н. э.[20]. Она напоминает посуду позднезарубинецких памятников бассейна Верхней Десны (раскопки Ф. М. Заверняева и А. К. Амброза) [21], а также некоторых городищ Верхнего Поднепровья [22].

Находки бытовых предметов этого времени состояли преимущественно из глиняных пряслиц, в том числе и чернолощеных (рис. 8, *3*), грузиков и железных ножей; кроме того, найдено два перстнеобразных височных колечка (рис. 8, *1*), два бронзовых навершия булавок (рис. 9, *1, 2*), глиняная статуэтка (рис. 8, *2*), два железных копья (рис. 8, *7*) и железные удила (в виде стержня с двумя загнутыми неподвижно кольцами; рис. 8, *6*).

Значительный интерес представляют остатки сооружений этого времени. В северной, северо-восточной и восточной частях площадки городища нами были вскрыты два широких рва (№№ 1 и 3), очертаниями напоминавших рассмотренную выше подковообразную столбовую постройку № 2.

К этому же времени, очевидно, относится и сооружение насыпи вала и неглубокого рва за его пределами в восточной части городища.

Насыпь вала, как показали раскопки (траншея шириной 4 *м* и длиной 12 *м*) была возведена непосредственно на материке и состояла из необожженной глины и местами суглинка (рис. 10, *1*). В основании насыпи встречаются очень крупные валуны и небольшие булыжники. По гребню вала так же, как по площадке городища, был выстроен тын, впоследствии сгоревший (о чем свидетельствуют обугленные бревна и крупные угли, обнаруженные в траншее, разрезавшей вал). Высота вала составляла всего 1,2 *м*, однако, несомненно, что первоначально он был значительно выше, так как вал сильно оплыл и частично распахан [23]. Как упоминалось, за валом был выкопан неглубокий ров (глубина — 1,5—1,6 *м*), теперь совершенно заплывший. Никаких находок, кроме обломков лепной посуды, характерной для нижнего слоя, в насыпи вала не обнаружено.

---

[17] И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. МИА, № 70, табл. II, *52*.

[18] Там же, табл. IV, *91, 93*.

[19] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 47, рис. 18, *2*.

[20] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1899; Т. Н. Никольская. Ук. соч., рис. 16—18.

[21] Ф. М. Заверняев. Отчет об археологических обследованиях в долине р. Судость в 1955 г. Архив ИИМК, д. № 1068; А. К. Амброз. Отчет о раскопках в пос. Белокаменка 1955 г. Архив ИА АН СССР, д. № 1250.

[22] А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научные известия Смоленского гос. университета, т. III, вып. 3, 1936. На городище Тушемля, полностью исследованном П. Н. Третьяковым, почти аналогичная керамика была найдена в нижнем горизонте верхнего культурного слоя, датированном автором первой половиной I тысячелетия н. э. (см. П. Н. Третьяков. Городища-святилища..., стр. 177; его же. Чаплинское городище, стр. 147, рис. 17, *1, 4, 6*).

[23] Высота насыпи вала над современной поверхностью городища составляла всего 0,2—0,3 *м*.

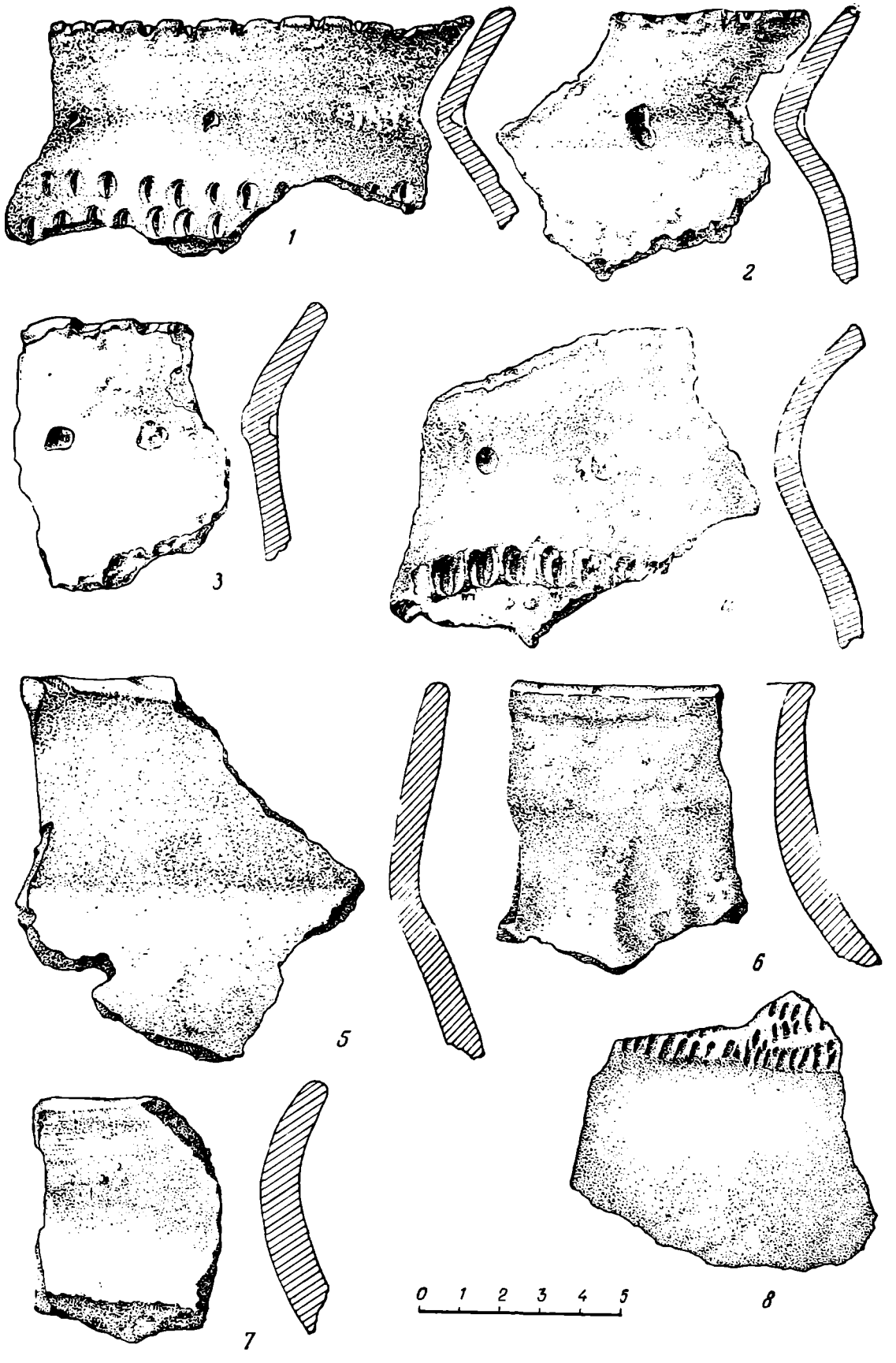


Рис. 7

1—4, 8 — фрагменты сосудов верхнего культурного слоя (1-я группа); *5—7* — фрагменты керамики верхнего культурного слоя (2-я группа)

Рис. 8. Предметы и лощеная керамика из заполнения рвов №№ 1 и 3 (верхний слой)

1 — серебряное височное кольцо; *2* — глиняная (женская) статуэтка; *3* — пряслице черно-лощеное; *4*, *5* — миски светлого лощения; *6* — железные удила; *7* — копье

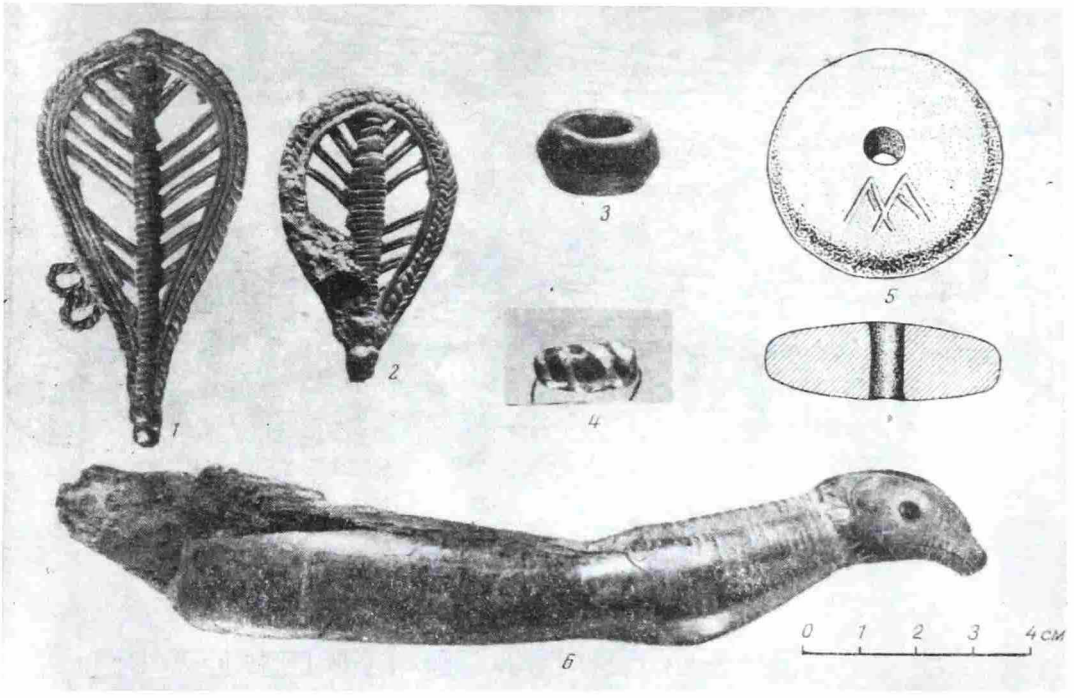


Рис. 9. Предметы, найденные около жертвенника

1, 2 — бронзовые навершия булавок; *3* — пряслице черного лощения; *4* — бусина пастовая коричневая с белыми разводами; *5* — каменный грузик с рисунками; *6* — костяная ручка железного ножа с частью лезвия и черенка

Под нею, среди сгоревших бревен частокола, были также обнаружены обломки сильно шлакированного и очень большого сосуда баночной формы.

Вскрытые нами рвы удалось проследить почти на всем их протяжении. Так же как и наземный столбовой дом подковообразной формы, оба рва берут свое начало у южного склона городища, затем описывают дугу в направлении север — северо-запад и направляются параллельно северному краю площадки городища, прямо на запад. Один из этих рвов (№ 3) вплотную примыкал к валу, другой (№ 1), параллельный ему, проходит на расстоянии 3—4 *м*.

Рассмотрим некоторые детали сооружений, вскрытых на городище.

Ров № 1. Внутренняя его граница, обращенная к центру площадки городища, проявилась четко уже в слое серовато-желтого суглинка (на глубине 25—40 *см*) и прослежена на всем протяжении (рис. 5, *3*). Местами она как бы очерчивалась полосой ярко-оранжевой (материковой) глины (ширина полоски 0,2—0,3 *см*); в центральной части сооружения, по границе котлована, обнаружены остатки обугленных бревен, прослойки углей и древесного тлена. В некоторых частях по границе рва находились ямки от столбов (диаметром 20—25 *см*), иногда сдвоенные и очень незначительно углубленные в материк. Внешняя граница рва, обращенная в сторону рва № 3, выявляется не везде одинаково четко. Так, в северной части площадки городища, где культурный слой был сильно нарушен корнями деревьев, позже перепахан, четкая граница между этими рвами обнаружилась только на глубине 0,6—0,8 *м*.

В самой юго-восточной части площадки городища граница между этими сооружениями стирается, и о ней можно судить только на основании ям от столбов или незначительной перемычке проявившихся в поперечных разрезах рва № 1 (см. профиль южной стенки раскопа № 4; рис. 10, *2*). Ширина верхней части рва была около 6 *м*; по мере его углу-

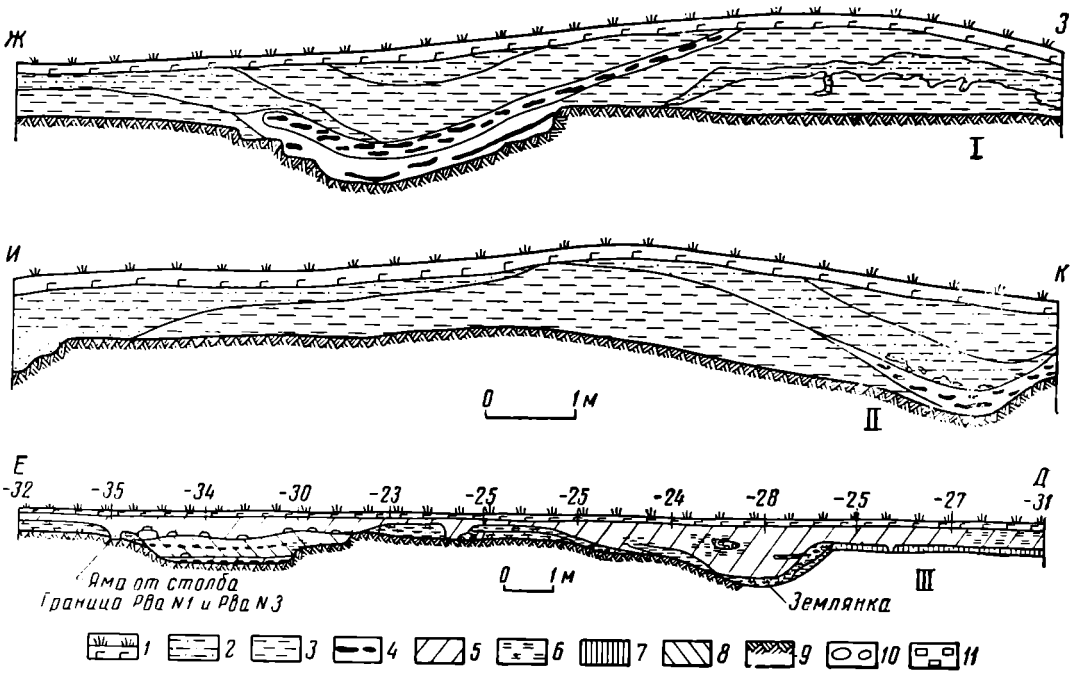


Рис. 10.

I — профиль восточной стенки раскопа № 3; *II* — профиль западной стенки (разрез вала); *III* — поперечный разрез рва № 1 и древнерусской землянки (по линии запад — восток — раскоп № 4) *1* — почвенный слой; *2* — суглинок; *3* — глина; *4* — уголь; *5* — культурный слой — чернозем; *6* — обожженная глина; *7* — предматерик; *8* — плотный бурый слой; *9* — материк; *10* — камни; *11* — обломки кирпича (развал печи)

бления она сократилась и в нижней части равна всего 2—4 *м;* таким образом, в разрезе ров напоминал форму чаши (рис. 2, *1*; рис. 9, *2*).

Заполнение этого большого рва (протяженность его сохранившейся части равна 84 *м*) состояло из чернозема в верхней части и плотного бурого слоя — в нижней. Создается впечатление, что сюда в ров сползла часть насыпи, примыкавшей к внешней стене древнего столбового дома (постройка № 2). По дну рва почти на всем его протяжении залегал слой сгоревшего дерева и углей.

Находки отдельных предметов были немногочисленны и сосредоточены в основном в центральной части рва. Кроме нескольких обломков медных предметов и глиняных грузиков, были найдены главным образом глиняные пряслица (9 экз.), причем среди них несколько экземпляров прекрасно сделанных, черного лощения, битрапециевидной формы. Любопытно, что последние группировались в том месте, где был обнаружен развал большого кострища (уголь, зола, камни), скопление костей животных и обломков посуды.

Из других находок можно отметить медное колечко с заходящими концами, железные удила в виде стержня с двумя загнутыми на концах неподвижными кольцами и железные ножи.

Обломки глиняных сосудов найдены в заполнении рва в значительном количестве, особенно в средней его части (раскоп № 2 и северная часть раскопа № 1). Все сосуды — лепные, двух типов — без лощения и лощеные. Последние также не одинаковы: преобладают сосуды глубокого черного лощения, меньше фрагментов принадлежит сосудам светло-коричневого, а иногда и желтого лощения. В центральной части городища, у внешней стены рва, был обнаружен целый большой чернолощеный горшок, стоявший кверху дном.

Почти в самом центре рва находился круглый в плане очаг, сложенный из довольно крупных булыжников. (Диаметр внешнего кольца очага равен 1 *м*, внутреннего — 0,4 *м*.)

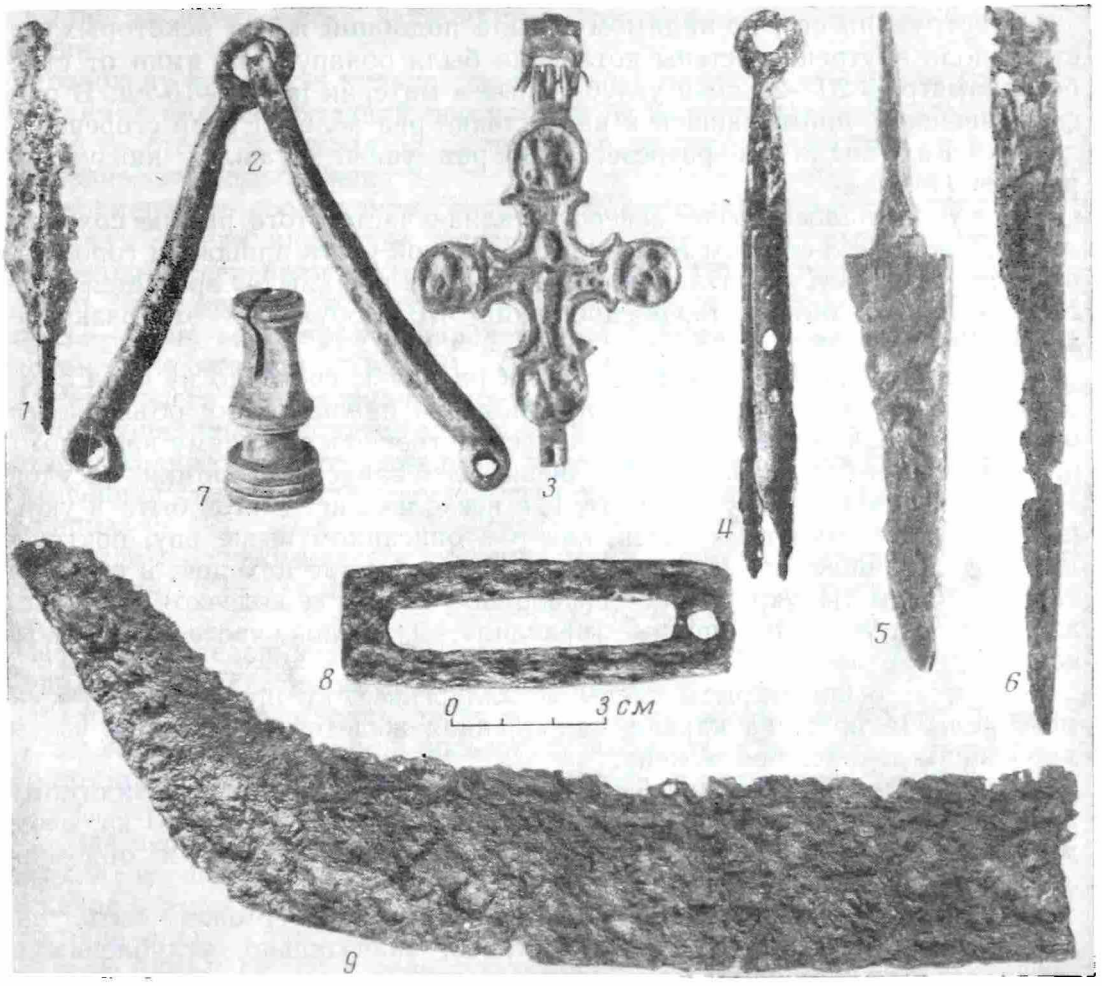


Рис. 11. Инвентарь древнерусской землянки

1 — стрела; *2* — удила; *3* — крест-складень; *4* — ключ; *5*, *6* — ножи; *7* — шахматная фигурка; *8* — кресало; *9* — часть косы-горбуши (*1*, *2*, *4* — *6*, *8*, *9* — железо, *3* — бронза, *7* — кость)

Внутри каменного кольца была яма, содержавшая угли, золу, обломки посуды (глубина ямы от уровня горизонта 1,3 *м*). Неподалеку от очага, на том же уровне, обнаружена небольшая яма, диаметром 0,8 *м*, углубленная в материк на 0,54 *м*. Заполнение ямы состояло из черного углистого грунта. В яме по линии ее диаметра лежала обугленная плаха (в направлении с северо-запада на юго-восток), а под ней — обломки лощеных сосудов: больших мисок светло-коричневого или черного лощения с высокой цилиндрической верхней частью и ребром в нижней части сосуда. Сосуды были сильно шлакированы и от прикосновения к ним распадались [24].

На том же уровне, в северной части сооружения, на площади около 4 $м^2$ обнаружено скопление камней, обломков посуды и нескольких коровьих челюстей, лежащих на слое угля и золы. Толщина слоя составляла 0,4—0,5 *м*. Именно в этом скоплении и найдены пряслица черного лощения.

Ров № 3. Данное сооружение в том виде, как оно дошло до нас, имело те же размеры, что и ров № 1 (длина — 84 *м*, ширина верхней части — 6,5 *м*, глубина от уровня горизонта — 1,6 *м*).

[24] Очень любопытно, что на святилище «Шолом» на Волге (Татарская АССР), ранняя дата которого относится к IV—V вв. н. э., был открыт целый ряд подобных ям с остатками жертвенных костров, из которых наиболее близкой аналогией исследованной нами яме была яма № 8 (см. Б. Б. Жиромский. Древнеродовое святилище Шолом. МИА, № 61, 1958, стр. 439).

Конструкция его, по-видимому, была подобной же: в некоторых местах вдоль внутренней стены котлована были обнаружены ямки от столбов диаметром 20—25 *см* и углубленные в материк на 10—15 *см*. В профиле внешней, примыкавшей к валу стенке рва залегал слой сгоревшего дерева. Как видно на разрезе, этот ров также сужался книзу (см. рис. 2, *1*).

Как упоминалось выше, северо-западная часть этого рва не сохранилась; граница его со рвом № 1 в юго-восточной части площадки городища не ясна: создается впечатление, что здесь этот ров как бы врезается в ров № 1, что легко объяснить, предположив, что сооружения эти разновременны.

Заполнение рва № 3, так же как и рва № 1, состояло из чернозема в верхней части и бурого плотного слоя — в нижней. Это объясняется, очевидно, тем, что ров примыкал непосредственно к внешнему валу, который постепенно оплывал. В заполнении его найдены обломки сосудов, аналогичные найденным во рву № 1, и несколько предметов быта и украшений. Костей животных здесь, как и в описанном выше рву, почти не найдено. Обращает на себя внимание расположение находок: в северной части — предметы украшений (серебряное височное колечко), глиняная женская статуэтка и глиняные пряслица, в южной части — железные копья и ножи.

Здесь же были открыты следы металлургического производства: у самого вала обнаружена канава, заполненная железным шлаком и углем, дно канавы докрасна обожжено.

В центральной части рва были вскрыты две ямы, также, по-видимому, производственного назначения; заполнение этих ям состояло из очень мелких, как бы раздробленных камней, железного шлака и обломков лепных сосудов.

Что же собой представляли вскрытые нами рвы? Может быть, они являлись котлованами больших построек, значительно углубленных в грунт? Однако их причудливые, в некоторых местах «волнообразные» края противоречат этому предположению. Скорее всего, это были именно рвы, сооруженные в целях обороны и когда-то опоясывавшие всю площадку городища.

Подобные «внутренние» рвы, окаймлявшие «жилую» часть площадки городища, хорошо известны, например, по раскопкам О. Н. Бадера на многих древних городищах Верхней Волги [25].

Подобный нашему внутренний ров был вскрыт и на Троицком городище при раскопках А. Ф. Дубынина.

Кроме рассмотренных рвов, к верхнему горизонту относится еще одно сооружение, вскрытое в центральной части площадки городища. Это овальная в плане, вытянутая с севера на юг, глинобитная площадка, докрасна обожженная и окаймленная глиняным же кольцом светло-желтого цвета (рис. 5, *8*). Длина большей оси — 3,6 *м*, меньшей — 2,6 *м*, ширина кольца — 0,2 *м*. Внутри этого кольца, так же как и вокруг всего сооружения (в радиусе 3—4 *м*), лежал толстый слой угля и золы, обнаружены скопления обожженных камней, обломков сосудов и костей животных [26].

Все это свидетельствует о том, что здесь в течение длительного времени горел большой костер, на котором сжигались, очевидно, жертвенные животные, а все сооружение является остатками жертвенника [27].

[25] О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 93, 94.

[26] Поскольку это сооружение находилось в самом центре площадки городища, вряд ли оно имело производственное назначение (да и никаких остатков производства здесь не найдено); для обычного же очага оно слишком велико.

[27] Плохая сохранность сооружения лишает нас возможности сделать его реконструкцию и сравнить в деталях с жертвенниками, открытыми на некоторых городищах конца I тысячелетия до нашей эры и начала нашей эры. Возможно, даже, что перед нами только нижний ярус, основание этого жертвенника, в то время как бо́льшая его

Какие же данные позволяют нам отнести жертвенник именно к этому времени?

Поскольку глиняное кольцо жертвенника перекрывает пространство, занимаемое подковообразной постройкой № 2, располагаясь на ямах от столбов ее стены и выходя за ее пределы, то несомненно, что жертвенник позднее этой постройки.

О времени его сооружения говорят и некоторые предметы, найденные поблизости. Среди них — два навершия булавок в форме древесного листа — одно серебряное (раскоп № 1, кв. 15), другое — бронзовое (раскоп № 4, кв. 27), встречавшееся и на других поселениях Верхней Оки III—V вв. н. э., коричневая пастовая бусина с белыми разводами пряслица, грузики и др. (рис. 9, *1—6*). Особый интерес представляет найденная здесь же костяная рукоять железного ножа или серпа в виде фигурки ящерицы, аналогию которой нам подыскать не удалось. В рукоятке сохранилась часть лезвия и черенок. Посуда, найденная около жертвенника, также характерна для позднего периода существования городища.

Итак, мы ознакомились с сооружениями времени последних веков I тысячелетия до н. э. и III—V вв. н. э.[28], вскрытыми на городище Николо-Ленивец.

История заселения исследованного нами городка у дер. Николо-Ленивец представляется нам в следующем виде.

В конце I тысячелетия до н. э. на мысу высокого левого берега р. Угры возникает небольшой поселок. Его обитатели начинают строительство прямоугольных в плане наземных жилищ, а площадку, занятую поселением, окружают частоколом.

После небольшого пожара, во время которого сгорела часть домов и частокол, на поселении возводится более надежное оборонительное сооружение в виде большой столбовой постройки подковообразной формы, некоторое время служившей, очевидно, и жилищем (остатки очагов, предметы быта). Новый пожар, разразившийся здесь около начала нашей эры и уничтоживший все поселение, заставил его обитателей покинуть городок.

Приблизительно в III—IV вв. н. э. здесь снова появляются люди, но они не живут здесь постоянно, а пользуются этим городком как убежищем. Вот тогда-то на площадке городища и происходит строительство нового типа укреплений, внутренних рвов, а затем внешнего вала и рва.

Вместе с тем в центре площадки городища (на месте древней постройки) сооружается большой жертвенник, к которому, очевидно, собиралась вся община для совершения религиозных церемоний. Где же обитало население, укрывавшееся на городке в момент опасности?

часть разрушена (верхний ярус). Этим, очевидно, и объясняется то обстоятельство, что в заполнении постройки № 2 на глубине 40 *см* (в северо-западной части раскопа № 1) встречаются пятна обожженной глины и большие скопления угля и золы.

При наличии общего сходства и ориентировки длинной оси с севера на юг наш «жертвенник» отличается значительно бо́льшими размерами от других подобных же сооружений. Так, жертвенник, открытый Л. А. Евтюховой на Барвихинском городище, имел вид сковороды эллиптической формы, с бортами; длина большей оси — 94 *см*, меньшей — 60 *см*. Сооружение было помещено в яму, вырытую в материковом песке. (См. Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 116). Близкое устройство имели жертвенники Ст. Каширского городища (см. В. А. Городцов. Старшее каширское городище. ИГАИМК, вып. 85. М.—Л., 1933, стр. 40—41), раскопанного В. А. Городцовым, и городища Топорок, раскопанного Ю. Г. Гендуне (см. Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Тверь, 1904).

[28] Следует отметить, что на поселении раскопаны и некоторые сооружения, относящиеся к эпохе древней Руси — XII—XIII вв., хозяйственные ямы, подполья наземных построек, следы которых почти не сохранились, а также остатки гончарного горна. В самой большой и глубокой из этих ям, округлой формы (диаметр ее — 6 *м*, глубина от уровня горизонта — 1,6 *м*), открытой в южной части площадки городища, найдено довольно много предметов быта (рис. 11, *1—9*) и обломков гончарных сосудов, в остальных содержались только обломки сосудов.

Нет никаких сомнений в том, что местом постоянного поселения в III—V вв. н. э. служил другой такой же высокий мыс берега Угры, лежащий по другую сторону ручья Стройки, на расстоянии 200—300 *м* от городища [29]. Доказательством этого служит обнаруженный здесь культурный слой интенсивно-черного цвета, мощностью 40—50 *см* и насыщенный лепной керамикой, в том числе и чернолощеной. К сожалению, культурный слой селища почти совершенно уничтожен при строительстве здесь поздней церкви.

Нам пока неизвестны другие аналогичные памятники в бассейне Верхней Оки, с которыми мы могли бы сравнить исследованное нами городище. Не открыты здесь еще и святилища. Возможно, что ими служили своеобразные круглые в плане городища, площадки которых не имеют валов, но ограничены от плато неглубоким рвом [30].

В свое время, раскопав Благовещенскую гору, Б. А. Рыбаков предположил, что исследованное им городище было древним славянским языческим святилищем и являлось религиозно-племенным центром целой округи [31].

Совсем недавно П. Н. Третьяковым в Смоленской области был изучен целый ряд однотипных городищ (Тушемля, Городок и др.), также названных автором раскопок городищами-святилищами. Однако толкование этих памятников дано несколько иное.

По мнению П. Н. Третьякова, эти хорошо укрепленные городки были обычными поселениями, каждое из которых принадлежало небольшой семейной общине, жившей в своеобразном длинном доме (расположенном по краю площадки городища) и поклонявшейся своему божеству (остатки культовых сооружений-святилищ) [32].

Исследованное нами городище у дер. Николо-Ленивец по своему характеру является своеобразным памятником, совмещавшим в себе одновременно функции городища-убежища и святилища.

---

[29] Очень вероятно, что поселение здесь возникло значительно раньше — после того как древний поселок был уничтожен пожаром.

[30] Пока известно два таких городища; одно из них исследовалось В. А. Городцовым на холме у дер. Береговой, на р. Оке, в Тульской области, но оставалось для него загадочным (см. В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. М., 1905, стр. 13—14). В. В. Седов сравнивает это сооружение со святилищем в Перыни (см. В. В. Седов. Древнерусское святилище в Перыни. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 102). Другое городище обследовалось нами у дер. Кирилловой, на левом берегу р. Борщевки (правого притока р. Брынь), в Сухиничском районе, Калужской области. Площадка городища, диаметром 50 *м*, возвышается над уровнем реки на 20 *м*; склоны его носят следы искусственной обработки и задернованы.

[31] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 112.

[32] П. Н. Третьяков. Городища-святилища..., стр. 184—185.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ОБ ОКОЛЬНОМ ГОРОДЕ ЛЕТОПИСНОГО НОВГОРОДКА X—XIII вв.

Достопримечательностью Новогрудка — районного центра Гродненской обл. (БССР) является его замковая гора с высящимися на ней развалинами башен XV—XVI вв. Эти руины более или менее подробно описаны в ряде историко-географических и историко-архитектурных работ [1].

Для историка древней Руси Новогрудок представляет интерес в качестве опорного пункта во взаимоотношениях Галицко-Волынской Руси и Литвы в XIII в. [2]

Город появляется на страницах летописи под именем Новгородка, Новгорода, Нового Городца с 30-х годов XIII в.; он оказывается сразу в центре бурных событий.

В 1238 г. Ипатьевская летопись упоминает Изяслава Новгородского, которого Даниил Галицкий вместе с Литвой и Миндовгом «возведе на Кондрата (Мазовецкого.— Ф. Г.)» [3]. В 1252 г. в Новгородке был коронован Миндовг — великий князь Литовский [4], но уже через год Даниил Галицкий «плениша всю землю Новгородскую» [5].

Находясь на границе Руси и Литвы, Новгородок в 50—70-х годах XIII в. является ареной столкновения волынских и литовских князей, нередко переходя из рук в руки [6]. Среди свидетельств летописца об этих столкновениях особый интерес представляет упоминание здесь под 1274 г. окольного города и детинца [7].

Археологические работы на территории Новогрудка никогда не производились, и время основания города оставалось неясным. В 1956—1958 гг. Славяно-литовский отряд Прибалтийской экспедиции обследовал город и его окрестности. Удалось установить, что Новогрудок окружен большим количеством древнерусских селищ и курганных могильников X—XII вв. Что касается собственно города, то оказалось, что он представляет собой сложный археологический комплекс — детинец, окольный город и примыкающий к нему холм, на котором находится церковь Бориса и Глеба. Проведенная на детинце зачистка стенки ямы на глубине более 3 *м* показала, что здесь имеется культурный слой

---

[1] Памятники старины. ИАК, прибавление к вып. 56, 1914, стр. 95; T. Remer. Architektura monumentalna w wojiwództwie nowogródzkiem. Nowogródzkie. Warszawa, 1926, стр. 45; Ю. А. Егоров. Градостроительство Белоруссии. М., 1954, стр. 23—24.

[2] В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 114—115; В. Б. Антонович. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев. 1885, стр. 26—35.

[3] ПСРЛ, т. II, СПб, 1843, стр. 175.

[4] Там же, стр. 342.

[5] Там же, стр. 188.

[6] Там же, стр. 203.

[7] Там же, стр. 207.

XIII—XV вв., а ниже обнаружились следы деревянных сооружений и находки, относящиеся к XI—XII вв. [8]

Выясненная нами интенсивность застройки территории окольного города побудила нас в 1957—1958 гг. произвести там раскопки, которые были сосредоточены в его северо-восточной части. За два года работ вскрыто 350 *м*² при мощности культурного слоя 1—1,2 *м*.

Весьма любопытны и необычны для той лесной зоны, где расположен Новогрудок, остатки четырех жилых комплексов, к сожалению, очень плохо сохранившихся. Эти наземные постройки, следы которых были обнаружены частично в материке, частично в культурном слое, были сооружены из глины с включением камня и кирпича. Найдено большое количество кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками дерева. Следы истлевшего дерева, которое в условиях сухой почвы окольного города почти не сохраняется, встреченные в жилищах № 1 и 2, позволяют предположить, что здесь были деревянные полы. В центре жилища № 1 обнаружен квадратный в плане обожженный деревянный сруб печи, сторона которого равна 1,5 *м*; его заполняли уголь, зола и большое количество костей животных. Иной вид имела печь жилища № 5. Здесь на глубине 0,8 *м* была открыта кладка 2 × 1,9 *м*, состоящая из камня, выложенного на глине, окаймленная по верху рядом кирпича (размеры кирпича: 30 × 15 × 4 *см*); на кирпиче сохранилось небольшое количество известнякового раствора. Аналогичная печь находилась в 2 *м* от вышеописанной.

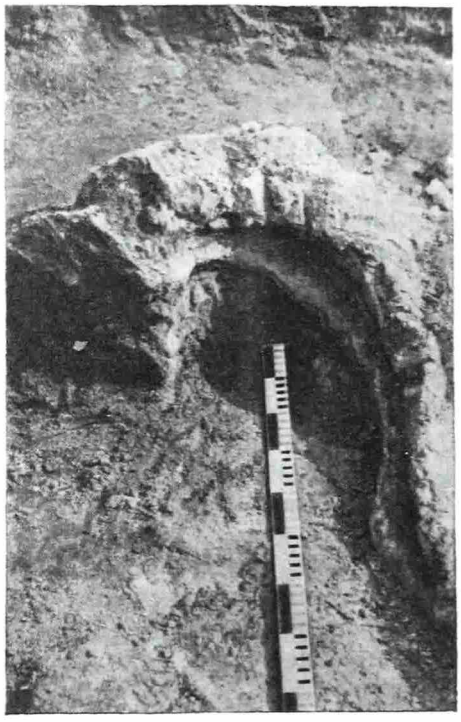


Рис. 1. Остатки оконного проема. Жилой комплекс № 1

Особенностью жилищ окольного города являются оконные стекла, обломки которых найдены в трех жилых комплексах. Они бесцветны, округлой формы, до 20 *см* диаметром и имеют бортик [9]. Подобные оконные стекла хорошо известны по находкам в древнерусских церквах, но в жилых помещениях встречаются впервые.

В жилище № 1 при раскопках были обнаружены остатки двух небольших арочек из глины с включением кирпича; одна лежала недалеко от печи (рис. 1), а другая рухнула на нее. Возможно они представляют собой остатки окон, в которые вставлялась рама, судя по находкам с двумя круглыми стеклами (рис. 2) [10].

Наряду с остатками вышеописанных жилищ, найдено несколько каменных печей, не связанных с какими-либо жилищами. Горизонт культурного слоя, в котором обнаружены жилища и отдельно стоящие каменные печи, отличается особым обилием находок.

Характерной особенностью посуды гончарной выделки, которая представлена преимущественно обычными горшками, является разно-

[8] Ф. Д. Гуревич. Работы Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 году. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 90.

[9] Анализ этих стекол, сделанный в лаборатории МГУ Ю. Л. Щаповой, показал, что по химическому составу они близки производившимся по калиево-свинцовому рецепту варки оконным стеклам из мастерских Киева.

[10] Реконструкция М. В. Малевской-Малевич.

образие орнаментации; наряду с обычным линейно-волнистым орнаментом орнамент наносился штампом. Встречаются кружки, квадраты и треугольные наколы; весьма распространен семечковидный орнамент.

Найдены сосуды с цилиндрической шейкой, орнаментированной волной и ямочными вдавлениями. На тулове их нередко имеется валик с насечками; встречаются также миски, кувшинчики, крынки и пр. Обращают на себя внимание два сосуда цилиндрической формы; внутренняя часть одного из них была покрыта зеленовато-коричневой поливой.

Характерной особенностью керамического комплекса являются амфоры разных размеров с бороздчатым яйцевидным туловом и высокими ручками. На некоторых из амфор сохранились метки и буквы. В частности, дважды встречена буква N, а на амфоре, найденной в жилище № 3, процарапано имя ОЛЂКЪСН.

Среди находок на окольном городе очень мало орудий труда или предметов, с ними непосредственно связанных, были найдены лишь лемех, две крицы и несколько обломков металлического шлака. Можно упомянуть также обломок литейной формочки и тигельки. Встречаются пряслица, преимущественно шиферные, реже глиняные, главное же количество находок составляют заготовки из кости.

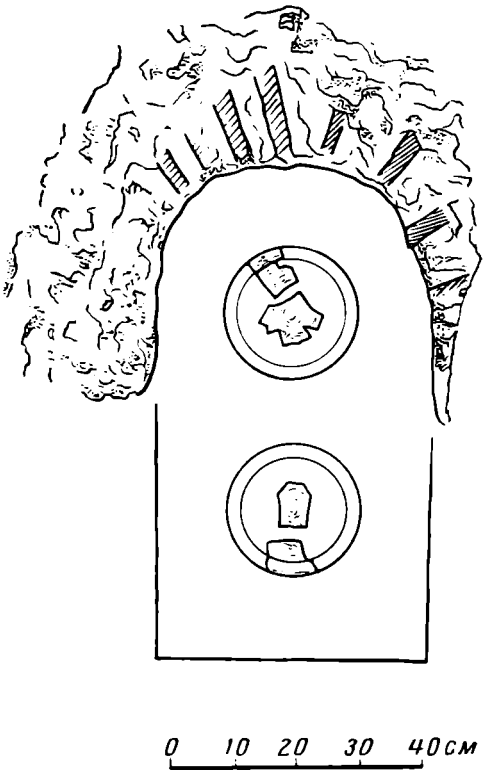


Рис. 2. Реконструкция окна

Значительную часть находок составляют изделия из стекла — украшения и посуда. Обращает на себя внимание большое количество стеклянных браслетов: за два года раскопок на площади в 350 $м^2$ их найдено свыше 1000 экземпляров. Довольно частыми находками являются обломки стеклянных сосудов (найдено свыше 25 шт.). Среди них выделяется один тонкостенный с росписью золотом. Остальные сосуды — это обломки белого, голубого и черного прозрачного или матового стекла. Среди других изделий из стекла упомянем перстни как гладкие, так и со щитком, фиолетового, голубого, желтого и зеленого цветов.

Найдены также бусы и вставки из стекла для металлических перстней и других украшений.

Разнообразны украшения и другие предметы из бронзы. Среди них перстни различных форм (рис. 3, *2, 5—7*), браслеты (рис. 3, *9, 10*), бубенчики, пуговицы (рис. 3, *3*), подвески (рис. 3, *8*), пряжки (рис. 3, *1*). Бронзой было отделано оружие — перекрестье сабли (рис. 4, *2*), накладка от ножен (рис. 4, *1*), шпора (рис. 4, *4*) и др.

Следы многочисленной починки свидетельствуют о долговременном употреблении найденной нами чаши из листовой бронзы (рис. 4, *5*).

Найдены украшения из благородных металлов: таковы перстни (рис. 5, *5, 6*), височное кольцо со спиральным завитком (рис. 5, *3*), цепочка (рис. 5, *4*) и завершение от крестовидной булавки (рис. 5, *7*), сделанные из серебра. Серьга и бусина (рис. 5, *1, 2*) изготовлены из золота; некоторые металлические бляшки были покрыты листовым золотом и вставками из зеленого стекла.

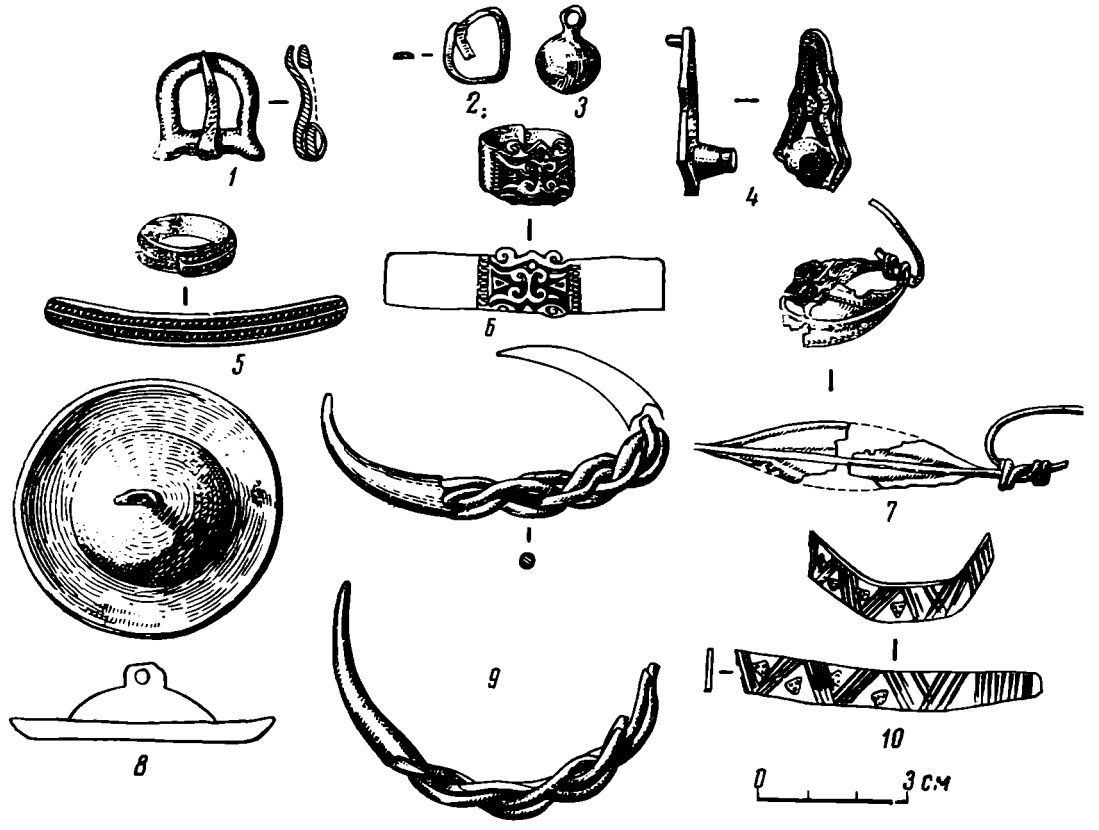


Рис. 3. Изделия из бронзы

1 — пряжка; *2, 5, 6, 7* — перстни; *3* — пуговица; *4* — накладка; *8* — подвеска; *9, 10* — браслеты

Изделия из кости представлены преимущественно двусторонними орнаментированными гребнями. Найдены также накладки с чешуйчатым и линейным орнаментом, булавка с орнаментом и другие предметы.

В окольном городе найдено очень много вещей из железа. Наряду с обычным, бытовым инвентарем и оружием (ножи, ножницы, замки, ключи, наконечники стрел и т. д.) выделяются художественно украшенные изделия: миниатюрные ножи с орнаментированной или инкрустированной бронзой спинками (рис. 6, *2*, *4*), ключи с платировкой и резным орнаментом (рис. 6, *6—8*), инкрустированная бронзой булавка (рис. 6, *1*), миниатюрный топорик с меткой (рис. 6, *3*) и др.

Из других находок можно упомянуть четыре металлические (рис. 7) стиля, а также предметы христианского культа, представленные разнообразными крестами. Найдены бронзовые кресты, покрытые желтой выемчатой эмалью (рис. 8, *3*), шиферный крестик (рис. 8, *2*) и несколько крестов-тельников из серого камня, в их числе орнаментированный плетенкой (рис. 8, *4*), а также бронзовый энколпион с чернью (рис. 8, *1*). Из немногих сохранившихся деревянных изделий упомянем обломки резных пластинок (рис. 9, *1*, *2*).

Таков неполный перечень находок, открытых в горизонте жилищ окольного города.

Обнаруженные в окольном городе остатки жилищ позволяют реконструировать их в виде наземных глинобитно-деревянных построек, для сооружения которых применяли камень и кирпич. Оконные стекла, без сомнения, свидетельствуют о принадлежности этих жилищ богатой части города, это же подтверждают и находки.

В настоящей работе нет возможности остановиться подробно на датировке каждой из групп находок, открытых в горизонте жилищ окольного города. Отметим лишь некоторые наиболее характерные из них.

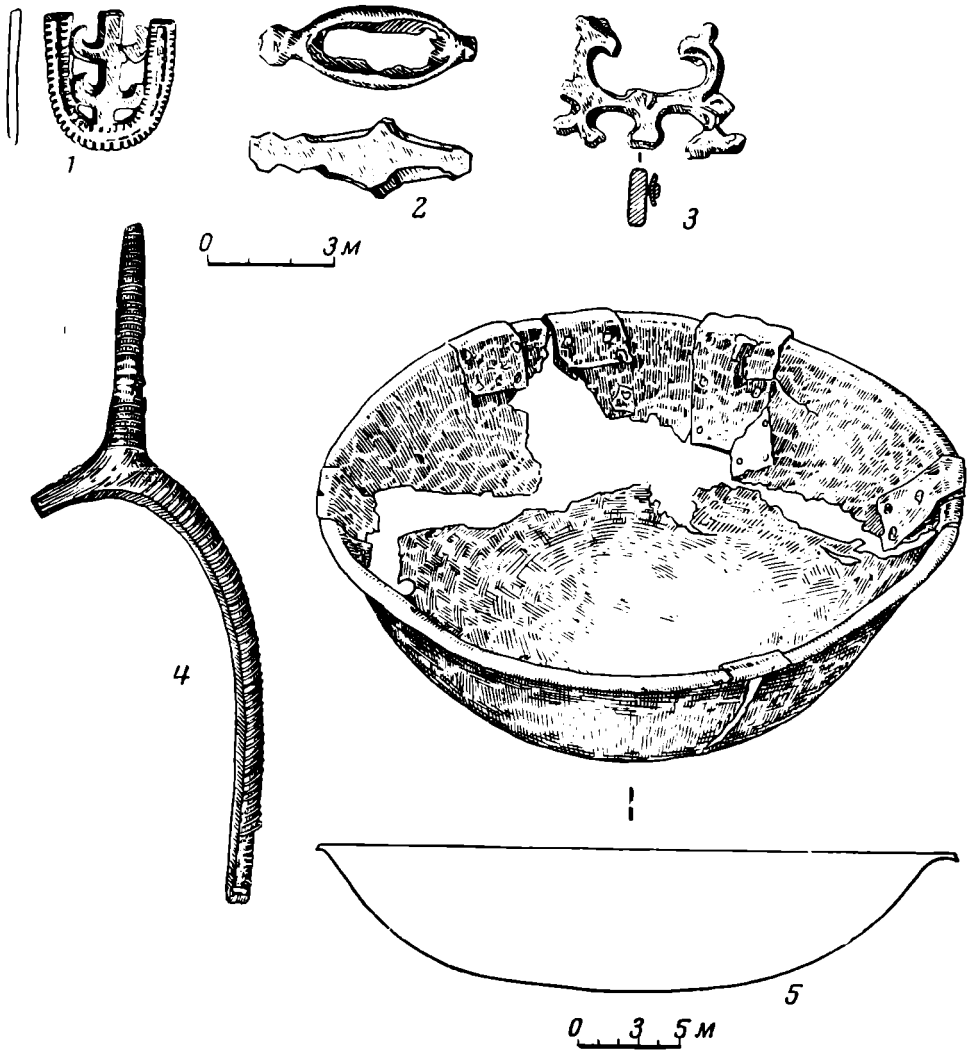


Рис. 4. Изделия из бронзы и железа

1 — накладка от ножен; *2* — перекрестье; *3* — поделка; *4* — шпора; *5* — чаша

Из числа керамических изделий своеобразная посуда местной выделки пока не может служить датирующим материалом, ибо сама нуждается в хронологическом определении. Установлению даты этого слоя помогают амфоры, которые в общем относятся к домонгольскому времени, а сосуды этого типа, встреченные в Новгородке (больше с бороздчатым корпусом, низким горлом и дугообразными ручками), датируются концом XII — первой половиной XIII в.[11].

XI—XIII веками этот горизонт позволяют также датировать шиферные пряслица[12]. Амфорам и шиферным пряслицам соответствуют стеклянные браслеты, которые, появляясь на грани XI—XII вв., бытуют в основном в домонгольское время. В отличие от завозных амфор и шиферных пряслиц, изготовлявшиеся на месте стеклянные браслеты могли бытовать и после монгольского нашествия в тех местах, которые не пострадали от разгрома. Следует вместе с тем заметить, что в территориально близком Гродно эти браслеты встречаются в слоях не позднее середины XIII в.[13]. До известной степени датирующим предметом может служить и бронзовая чаша. Чаши этого типа с гравировкой на внутренней сто-

[11] А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунских связей (XI—XII вв.). Византийский временник, т. XIV, 1958, стр. 123.

[12] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 372.

[13] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 67.

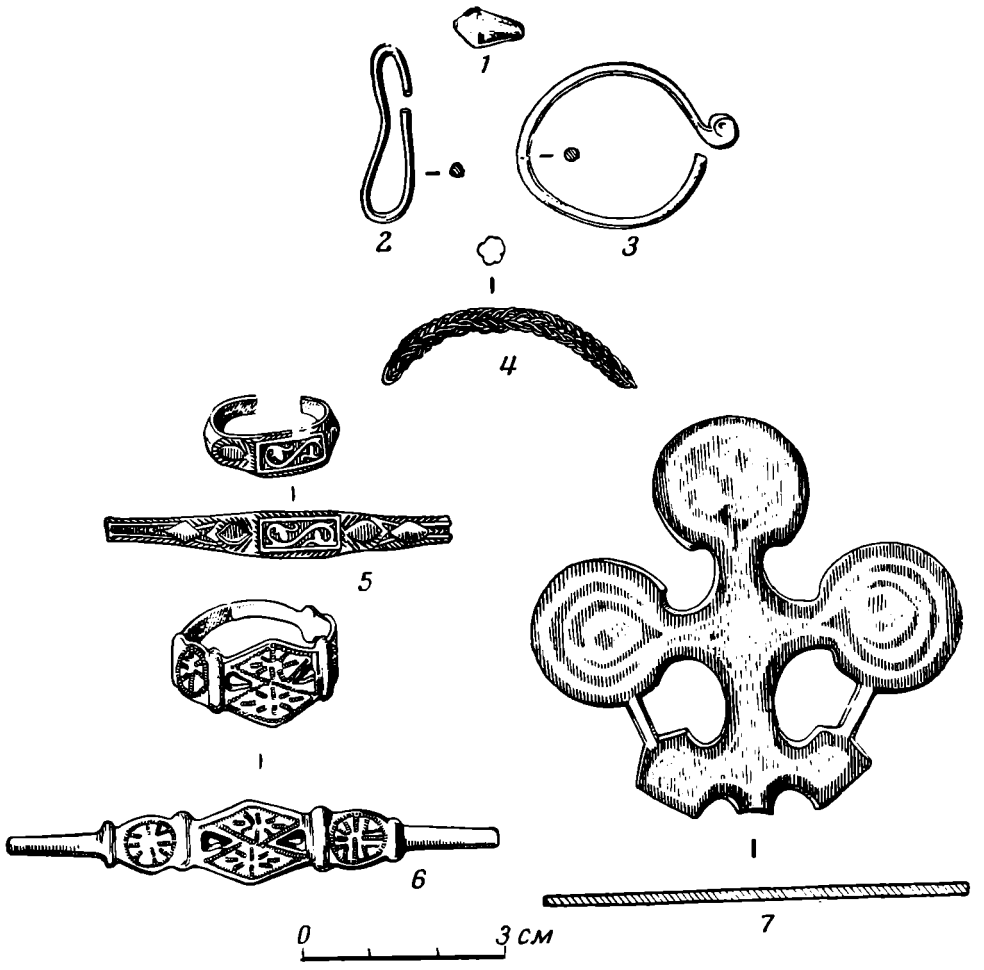


Рис. 5. Украшения из благородных металлов

1 — бусина; *2* — серьга; *3* — височное кольцо; *4* — цепочка; *5, 6* — перстни; *7* — булавка

роне хорошо известны в древностях Польши, Германии, Бельгии, в Финляндии и т. п. В 1842 г. в Эстонии был найден клад, состоящий из 35 чаш, четыре из которых имеют гравировку. На территории древней Руси бронзовые чаши найдены в Киеве и в Изяславле, при раскопках М. К. Каргера [14].

В могильниках Калининградской области аналогичные бронзовые чаши найдены с вещами XI—XII вв. [15]. Многочисленные следы починки на чаше из Новгородка свидетельствуют о длительном ее употреблении, возможно, что она могла употребляться еще в XIII в.

Типичными находками являются костяные двусторонние гребни; эти вещи в Гродно характерны для слоев XI—XIII вв. [16].

Разнообразны найденные нами ключи. Подобный нашему ключ в виде лопатки — довольно частая находка среди курганных древностей. В территориально близких Новгородку погребальных памятниках такой ключ найден в кургане XI—XII вв. у д. Коростово, а также в Черневичах Молодечненской обл. в погребальном инвентаре, тоже относящемся к

[14] F. Grempler. Mittelalterliche Bronzeschalen. Тр. X АС, т. 2, Рига, 1899, стр. 85—90; E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands, т. II, Helsinki, 1951, стр. 44, № 1189; И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 г., Киев, 1893, табл. VI, *20*. См. также материалы выставки к пленуму ЛОИИМК по итогам полевых работ 1957 г.

[15] W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 338, табл. XIV.

[16] Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 74, рис. 36, *9, 14, 15*.

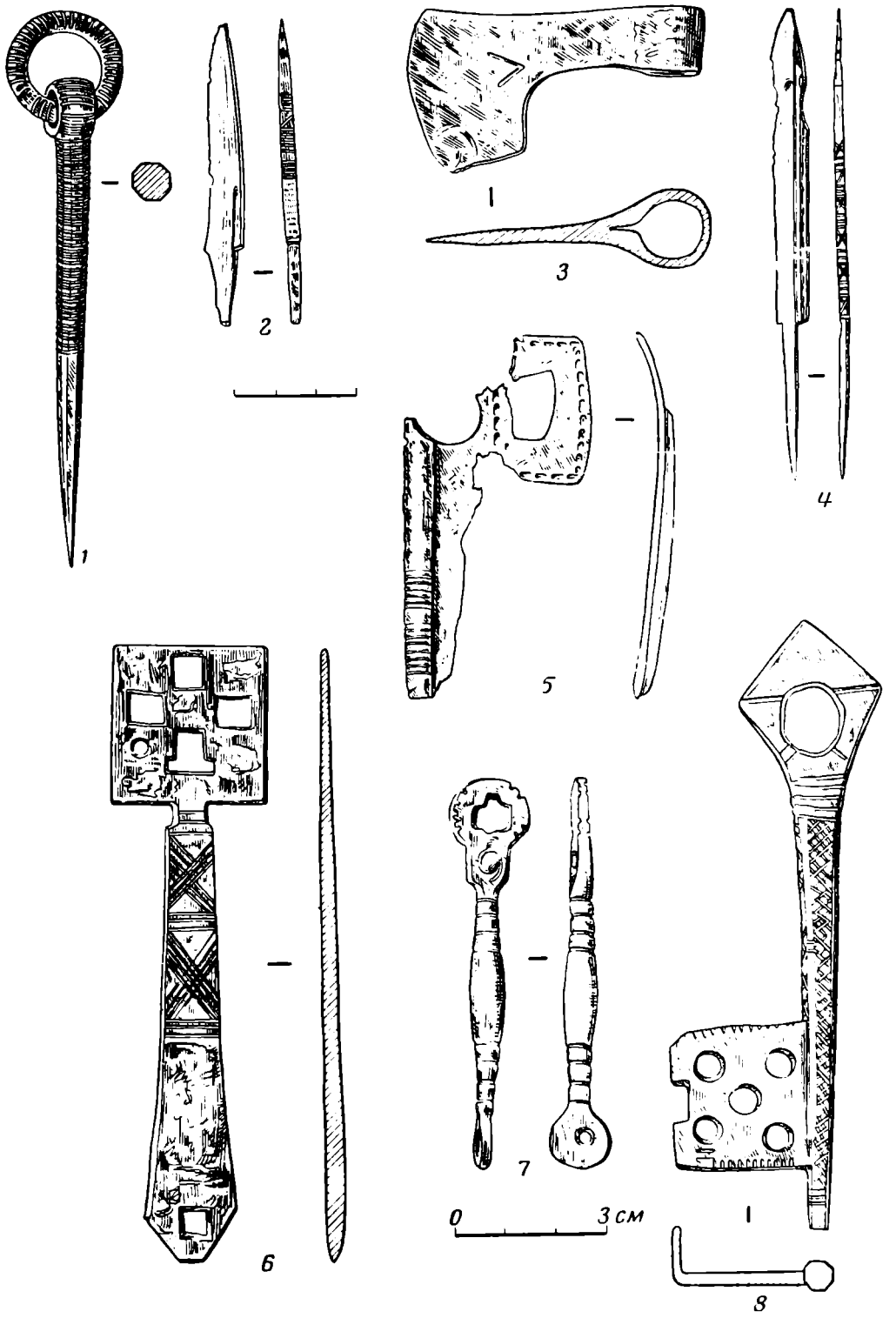


Рис. 6. Изделия из железа

1 — булавка; *2*, *4* — ножи; *3* — топорик; *5* — поделка; *6—8* — ключи

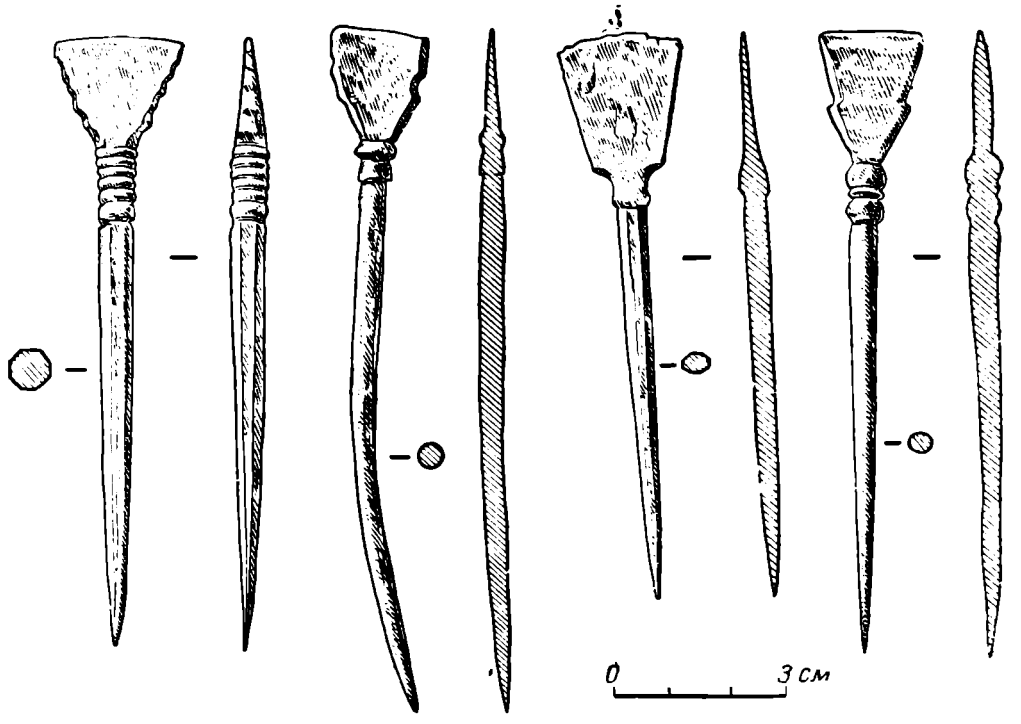


Рис. 7. Стили

этому же времени [17]. Совместно с этими ключами найдены ключи с ажурным ключевым отверстием. К XI—XII вв. Б. А. Колчин относит ключи от внутренних замков с ажурной бородкой; с начала XII в. в Новгороде появляются ключи, расщепленные по стержням [18], подобные тем, которые встречаются и в окольном городе Новгородка.

Бронзовая округлая подвеска с ушком, сходная с изделием из окольного города (рис. 3, *8*), найдена В. Завитневичем в кургане б. Бобруйского у. Минской губ. и относится к числу височных украшений [19]. Кресты, покрытые желтой эмалью, весьма близки находкам из Киева и Княжьей Горы XII—XIII вв.[20]. Верхней хронологической гранью для шиферного креста-тельника, как и для других находок из шифера, является середина XIII в.

Орнамент в виде плетенки, нанесенной на каменный крест из окольного города, весьма близок орнаменту на спине деревянного дракона, обнаруженного в Новгороде в слое XI в. [21].

Можно упомянуть еще, что и орнамент одной из деревянных пластинок из наших находок весьма напоминает орнамент на медных гравированных пластинах из зоны алтарной преграды нижней церкви Гродно XII в. [22]

Анализ находок окольного города позволяет нам отнести горизонт наземных жилищ ко времени XII — середине XIII в. Добытый материал позволяет выделить здесь, с одной стороны, находки XI—XII вв.— пери-

[17] Отчет Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции за 1956 г. Архив ИА АН СССР; H. Cehak-Hołubowiczówa. Słowiańskie Groby Kurhanowe koło Czerniewicz w pow. Dziśnieńskim. Wiadomości Archeologiczne, т. XVI, 1939, табл. LXXVIII, 5.

[18] Б. А. Колчин. Хронология Новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 94—96.

[19] ОАК за 1892 г., стр. 55, рис. 32.

[20] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 395, рис. 111 А.

[21] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского конца. МИА, № 55, 1956, стр. 107, рис. 39, *2*.

[22] Н. Н. Воронин. Ук. соч., рис. 62, *3*, рис. 63.

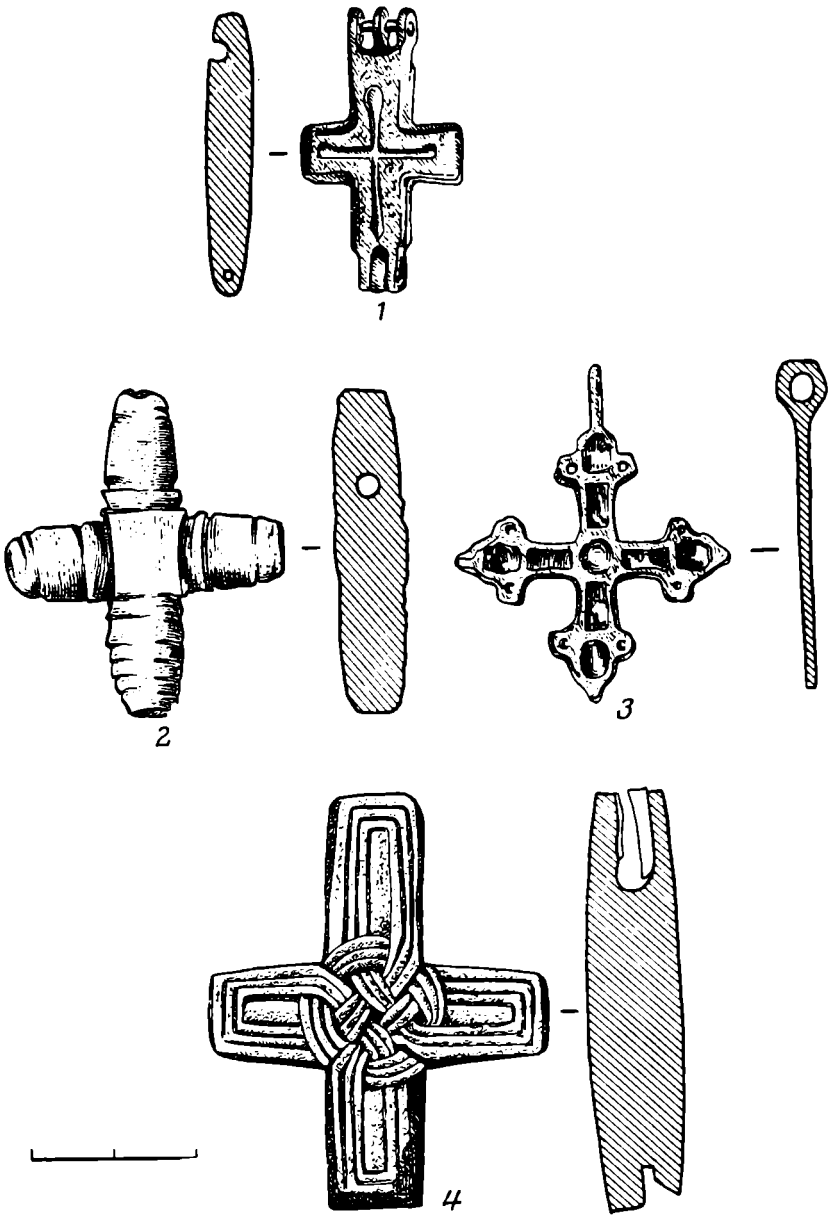


Рис. 8. Энколпион и кресты

1 — бронза с чернью; *2* — шифер; *3* — бронза, покрытая желтой эмалью; *4* — серый камень

ода, к которому относится большинство вещей. К XII—XIII вв. относится меньшее число предметов (амфоры, бронзовая чаша, бронзовые крестики с эмалью и пр.).

В более позднее время, в XIV—XV вв., судя по посуде и некоторым отдельным вещам, на территории окольного города продолжалась жизнь, но следы ее крайне незначительны.

Иную картину представляет собой нижний горизонт окольного города. На уровне материка в раскопе были открыты ямы до 0,7 *м* глубины, округлые и овальные в плане, а также грушевидные и неправильной геометрической формы. Размеры их невелики (округлые и овальные ямы — до 1,5 *м* в диаметре). Отдельные ямы заполнены обожженными камнями.

В восточной части раскопа в 1957 г. была обнаружена землянка прямоугольной в плане формы, размером 6 × 3 *м*, углубленная в материк на

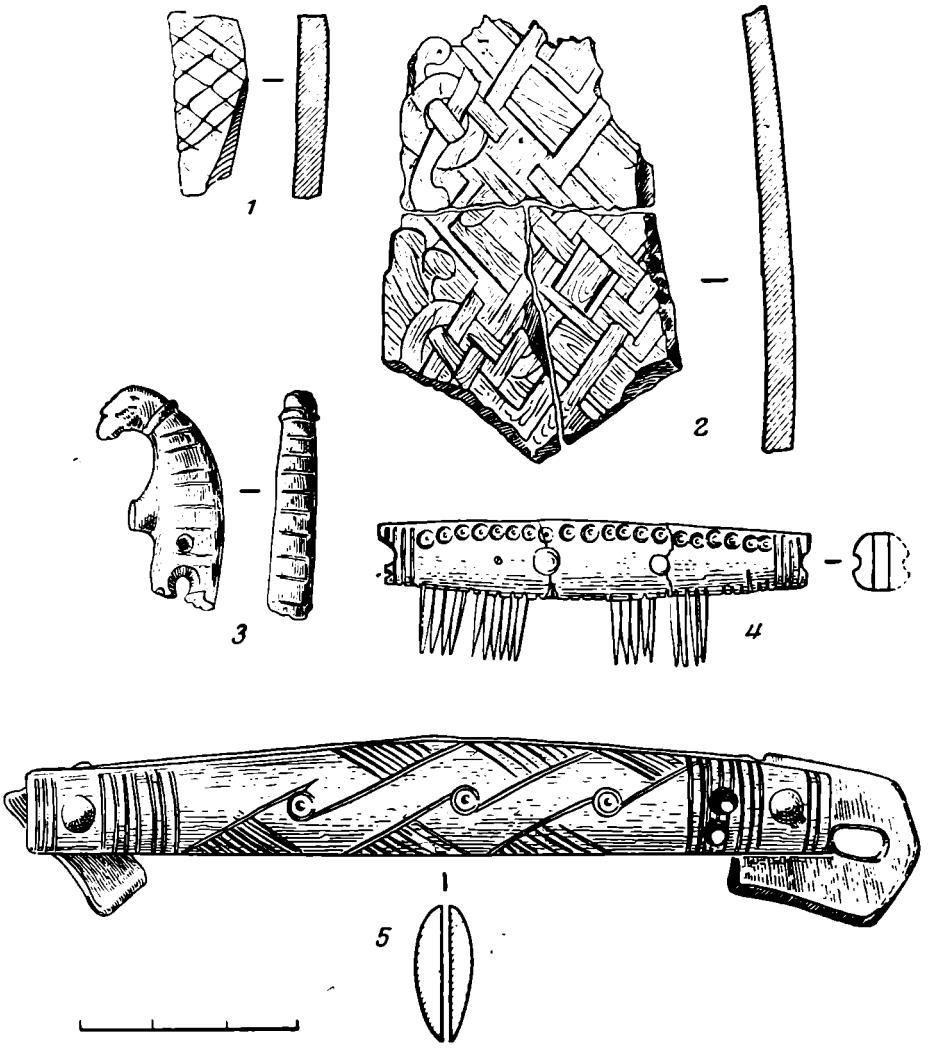


Рис. 9. Изделия из дерева и кости

1, 2 — деревянные пластинки; *3* — навершие гребня; *4* — односторонний гребень; *5* — футляр

0,7 *м*. Здесь сохранились следы обожженных камней, по-видимому, от печи. В юго-западном углу ее находилась яма овальной формы 0,4 *м* глубиной. Находок в слое ям и в землянке несравненно меньше, чем в вышележащем горизонте, и набор их однообразнее.

Посуда представлена глиняными горшками с отогнутым венчиком, их орнамент исключительно линейно-волнистый, причем рифление обычно покрывает все тулово сосуда; характерной особенностью орнаментации являтся волна на шейке сосуда. Специфической формой посуды являются выделанные на гончарном круге толстостенные сковородки, с примесью дресвы в глиняном тесте.

В горизонте ям и землянки найдены глиняные и каменные пряслица, костяные иглы, кочедык, односторонние гребни (рис. 9, *3, 4*) и футляр от них (рис. 9, *5*), а также некоторые изделия из железа (ножи, шилья и пр.). Украшения весьма немногочисленны: бронзовый перстень с широким щитком и отдельные бронзовые спиральки, железные и бронзовые подковообразные пряжки со спирально загнутыми концами.

Пряжки этого типа — обычное украшение, обнаруживаемое в могильниках Прибалтики и прилегающей к ней территории. Наиболее близкие новогрудским украшения обнаружены в кургане с трупосожжением у с.

Городиловка, где аналогичные пряжки, железная и бронзовая, найдены совместно с бипирамидальной сердоликовой бусиной X—XI вв.[23].

Традиции лепной посуды еще проявляются в форме горшков и, особенно, сковородок. Довольно типичны и другие предметы из нижнего горизонта, для него характерны односторонние гребни, хорошо известные по Гнездовскому, Михайловскому и Тимеревскому могильникам. Они были весьма распространены в поселениях и городах X—XI вв. (Старая Ладога, нижний горизонт Новгорода и др.)[24].

Из найденных в Нукшинском могильнике (Латвия) около 200 подковообразных пряжек абсолютное большинство составляют пряжки со спирально загнутыми концами, относящиеся к X—XI вв.[25]. Этим же временем датируются такие пряжки в Литве[26].

В итоге работ на окольном городе выяснилось, что в X—XI вв. здесь существовало поселение, от которого сохранились землянка и ямы. В XII в. это поселение резко меняет свой облик и перед нами в раскопках предстают остатки богатого города. Появляется новый тип жилищ, вероятно хором, с застекленными окнами, резко возрастает число богатых находок.

К середине XIII в., т. е. ко времени появления первых свидетельств летописи о Новгородке, жизнь в окольном городе замирает и, вероятно, переносится в хорошо укрепленный детинец, где сохранились четко выраженные слои XIV—XV вв.[27]. Это событие в жизни города позволительно сопоставить с теми непрерывными захватами Новгородка князьями Галицко-Волынской Руси и Литвы, о которых сообщает летопись[28]. Слабо укрепленный окольный город должен был в этих войнах страдать значительно больше, чем детинец, и естественно, что в дальнейшем знать города живет под прикрытием валов детинца.

Работы в окольном городе показали, что летописному Новгородку предшествует почти трехсотлетняя долетописная история, которая свидетельствует о существовании здесь очага яркой культуры, а материалы X—XI вв., обнаруженные раскопками, позволяют считать его наиболее древним городом Черной Руси.

Исследованный участок окольного города служил местопребыванием городской знати и того населения, которое, вероятно, непосредственно ее обслуживало; поэтому трудно охарактеризовать хозяйство города в целом. Здесь запечатлелись в первую очередь те отрасли производства, которые были рассчитаны на удовлетворение потребностей в предметах роскоши и быта (литье и обработка украшений и цветных металлов, выделка изделий из кости, прядение и ткачество). Вместе с тем находки лемеха, криц, металлических шлаков и других вещей могут свидетельствовать в пользу пребывания здесь определенных групп населения, связанных как с сельским хозяйством, так и с обработкой железа для повседневных нужд.

Любопытную картину дает анализ костных материалов, произведенный В. И. Цалкиным. Судя по этим данным, кости диких животных (благородного оленя, лося, косули, зубра, кабана и медведя) составляли

---

[23] Ф. Д. Гуревич. Отчет о работах Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 г. Архив ИА АН СССР. Ф. 1, р. 1, № 1290.

[24] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб, 1902, табл. VI, *4*; Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. МИА, № 6, 1941, табл. VII, *2, 3, 11;* В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, т. XI, 1949, рис. 34, *4;* Б. А. Колчин. Топография..., стр. 125—126; его же. Хронология Новгородских древностей, стр. 101—102.

[25] Нукшинский могильник. Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР, т. I, Рига, 1957, стр. 35, 56, 58, 61, 110.

[26] Lietuvių liaudies menas. Vilnius, 1958, № 433—435.

[27] Ф. Д. Гуревич. Работы Славяно-литовского отряда, стр. 90.

[28] ПСРЛ, т. II, стр. 187, 188, 191, 192, 202.

около одной трети всех костей, что свидетельствует о большом значении охоты для жителей окольного города Новгородка.

Весьма обширны внешние связи окольного города, о которых можно судить как по собственно завозным изделиям, так и вещам, возможно, изготовленным по иноземным образцам. Это посуда, близкая мазовецким формам Польши, украшения прибалтийского типа (подковообразные пряжки, крестовидная булавка), изделия из шифера, доставленного из Киевской Руси, амфоры из Причерноморья, бронзовая чаша с запада [29], стеклянные бокалы, изготовленные в странах Средиземноморья [30], и др.

Древнерусский характер культуры окольного города вряд ли может вызывать сомнение. Об этом весьма красноречиво свидетельствуют массовые находки и, в частности, древнерусская надпись на амфоре. Окружающие город селища и курганные могильники также представляют собой типичные древнерусские памятники.

Пограничное положение города с Литвой позволяет допустить возможность пребывания в нем и литовского населения, однако в целом древнерусский облик памятника для рассматриваемого периода совершенно очевиден [31].

Культура окольного города древнего Новгородка весьма близка культуре Гродно и Волковыска — двух других городов Черной Руси. Она близка также культуре соседнего Минска [32]. С Волковыском Новгородок объединяют также и жилища — землянки и наземные глинобитные сооружения, отличные от срубных построек северо-запада. Углубленные в землю жилища и наземные глинобитные дома могут свидетельствовать в пользу южной традиции в домостроительстве.

Следы богатой культуры древнерусского города, обнаруженные раскопками, возможно, могут объяснить наименование Новгородка главным городом Черной Руси [33]. Они делают понятным притязания на него князя Миндовга, которого здесь короновал кардинал Генрих Хелмский с благословения папы Иннокентия IV [34]. Литовский князь, привлеченный, по-видимому, богатством города, учреждает здесь свою первую столицу.

В окольном городе сохранились следы ограниченного по сравнению с детинцем исторического периода в истории Новгородка. Застроенная территория окольного города в значительной мере утрачена для исследования, тем более необходимыми становятся раскопки ее оставшейся части, которая, надо полагать, еще даст немало данных для характеристики культуры Черной Руси в домонгольский период.

[29] F. Grempler. Ук. соч., стр. 90.

[30] По мнению Р. М. Джанполадян и анализу стекла, проведенного в лаборатории МГУ Ю. Л. Щаповой.

[31] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 89—90.

[32] Н. Н. Воронин. Ук. соч., гл. 5; В. Р. Тарасенко. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957, стр. 258—278; его же. Древний Минск. Там же, стр. 232—250.

[33] В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 31; В. Т. Пашуто. Ук. соч., стр. 120.

[34] ПСРЛ, т. II, стр. 349.

Заметки

Р. В. ФЕДОРОВА

УНИЧТОЖЕНИЕ ЛЕСА И ПРИМИТИВНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ПО СОВРЕМЕННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТАМ И ПЫЛЬЦЕВЫМ АНАЛИЗАМ

Даже при очень тщательном изучении археологических памятников многие детали жизни первобытных людей не могут быть восстановлены полностью. До сих пор остается недостаточно ясным, мог ли человек, владея примитивными орудиями труда, оказывать сильное влияние на естественный растительный покров и уничтожать леса. Так же не всегда объяснимы находки в древних отложениях зернотерок и мотыг. В последние годы археологи с целью подтверждения теоретических выводов практическими примерами стали применять особый метод исследования: ученые на время ставят себя в условия, аналогичные тем, в которых жил первобытный человек. Такие опыты представляют большой интерес не только по своему замыслу, но и по полученным результатам. В настоящей статье мы остановимся на результатах, сообщенных И. Иверсеном [1]. Он описывает опыты, предпринятые в Дании и Финляндии. В Дании проводилась опытная вырубка леса, при которой археологи пользовались каменными топорами неолитического времени, взятыми из раскопок и хранящимися в музее (рис. 1). К ним были реконструированы топорища, как и у первобытных топоров, из древесины бука. Топоры, применяемые в рубке леса, не подтачивались. Вырубка деревьев производилась в смешанном дубовом лесу, примерно с таким же составом пород, какой был установлен для неолитического периода по пыльцевым анализам.

Работа велась двумя лесорубами. В процессе рубки выяснилось, что сильные удары топором, с большим размахом, неприемлемы, так как при этом способе раскалываются топоры. Рубка наиболее успешно шла в том случае, когда топором наносились короткие энергичные удары, при которых лесоруб действует преимущественно запястьем руки и локтем. Таким способом мелкие куски древесины скалываются довольно быстро (рис. 2). Чтобы деревья ложились в определенном порядке, их подрубали с двух сторон: с северной и южной. Упав в таком направлении по прямой линии, они будут лучше сохнуть. Оказалось, что лесоруб, вооруженный каменным топором, в течение получаса или часа мог срубить дуб с диаметром ствола около 30 *см*. На основании этого опыта археологи пришли к выводу, что неолитический человек без особых затруднений мог уничтожать вырубкой большие лесные массивы.

Второй опыт производили в Финляндии, где примитивная подсечная система земледелия существует до настоящего времени. Для опыта был отведен участок леса в 2 акра (518 *га*). Выжигание леса производилось на половине участка, вторая часть которого была вырублена и оставлена для контрольных наблюдений. Деревья на вырубленном участке остава-

[1] I. Iversen. Forest Clearance in the Stone Age. Scientific American, № 3—4, т. 194, 1956.

лись для подсушки на один год. Уничтожение их пожаром производилось в мае, когда еще чувствовалась весенняя сырость. Для того чтобы пламя распространилось быстрее, на деревья были набросаны хворост, ветви и кора березы. Вначале зажигалась полоса леса около 30 футов (10 *м*) шириной. Когда эта полоса была охвачена пожаром, горящие колоды деревьев растаскивались баграми на соседние участки, где в первую очередь загорался подсохший от огня травяной покров. Пожар продолжался около четырех дней, так как дуб горит медленно.

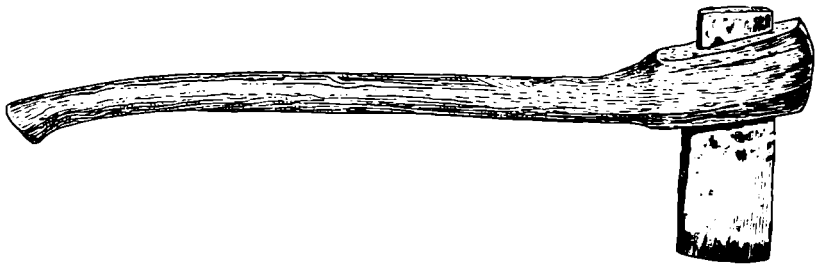


Рис. 1. Неолитический кремневый топор с реконструированным топорищем, применявшийся для опытной рубки леса

Какие же изменения в растительный покров внесло выжигание леса? Там, где не было пожара, стали развиваться те же виды растений, которые росли до вырубки леса, но благодаря влиянию солнечного света они пришли в прекрасное состояние. На выжженном же участке произошли чрезвычайно большие изменения. Здесь появилось большое количество садово-огородных растений: много подорожника (что также отмечено для неолитического времени в пыльцевых анализах), обилие сложноцветных (одуванчиков, маргариток, чертополоха) и др.

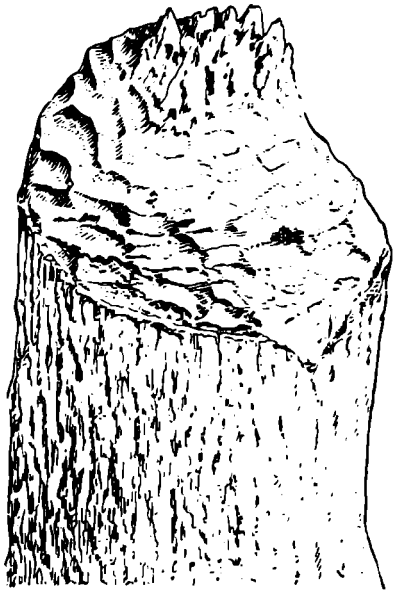
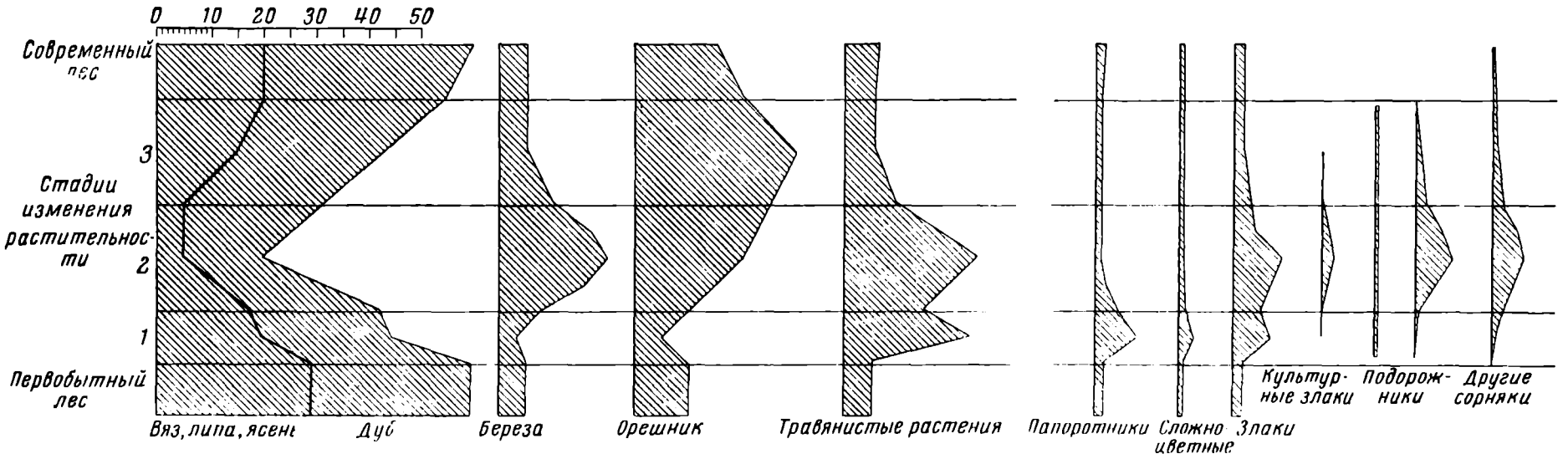


Рис. 2. Пень со следами рубки неолитическим топором

Для выжженной местности характерно также быстрое появление мхов — растений, которых до пожара на опытном участке не было. Многие из найденных мхов являются четкими показателями пожарищ. Их споры распространяются ветром и нет сомнений в том, что они появились на расчищенном месте именно этим путем. Так как в подобных условиях такие мхи существуют кратковременно, их споры, найденные в ископаемом состоянии, позволяют установить, когда были выжжены леса и сколько раз они подвергались пожару.

Наблюдения, проведенные в Дании, также показали, что немедленно после расчистки местности пожаром происходит быстрое появление мхов. Затем показываются первые деревья — начинается регенерация леса. Весной в изобилии появляются сеянцы березы. От корней, которые не были уничтожены огнем, возникают орешник, осина и ростки липы.

Изменения в растительном покрове для более длительного периода восстановлены по пыльцевым анализам (рис. 3). В Дании в конце последнего оледенения, когда местность еще была открытой, первобытные жители занимались охотой. С появлением лесов они переселились на побережье, где была возможна более легкая добыча, и стали заниматься



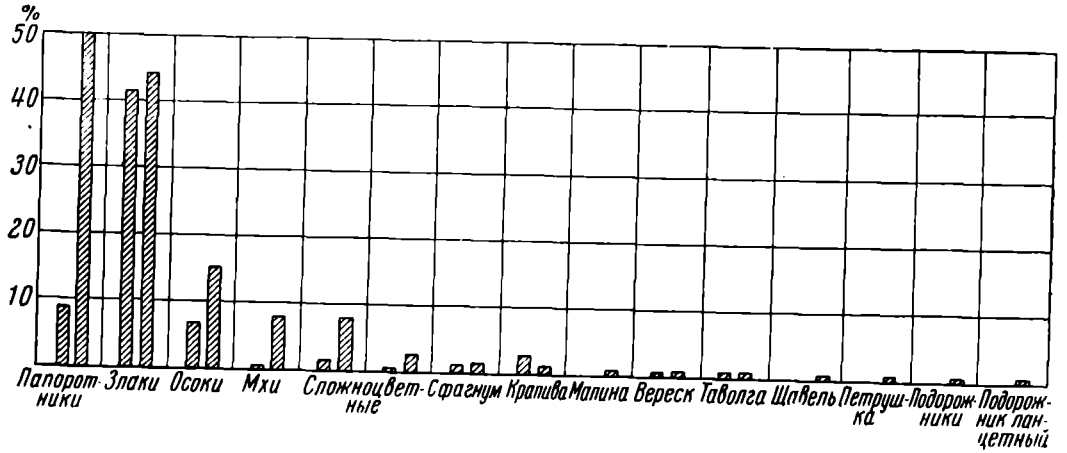


Рис. 3. Пыльцевые диаграммы голоцена Дании

Рис. 4. Соотношения пыльцы травянистых растений и спор мхов до выжигания леса (первая колонка) и после него (вторая колонка)

рыболовством и охотой на тюленей. Этот период был очень длительным. За это время появились обширные смешанные дубовые леса. Когда местность стала облесенной, наступил резкий переход к новому этапу — началу уничтожения леса; оно наиболее интенсивно происходило за 2500—2300 лет до н. э.

Изменения, происходящие под воздействием человека, отражаются в составе ископаемой пыльцы следующим образом: падает количество пыльцы древесных пород, резко возрастает пыльца травянистых растений и появляется пыльца культурных злаков и сорных растений, особенно подорожника (рис. 4). Затем уже происходит восстановление леса — возникают породы, характерные для вырубок и пожаров: береза, ольха,

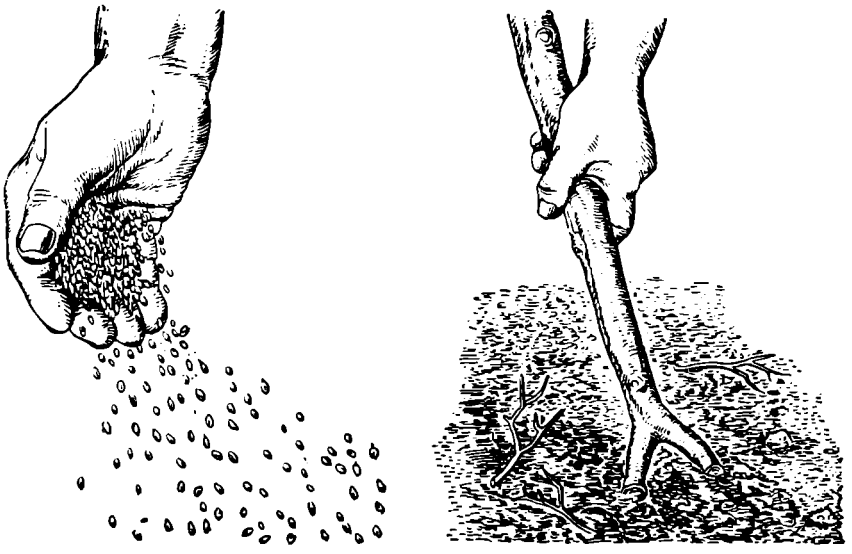


Рис. 5. Посев хлебных злаков в золу

осина и др. Для этого времени характерно развитие многих пастбищных трав, и среди них — белого клевера и овечьего щавеля. Обилие лужаек и кустарников создавало хорошие условия для пастьбы скота. Когда леса снова восстанавливались, люди уходили на новые места и осваивали их рубкой и пожаром. Примерно через пятьдесят лет (как об этом можно судить по пыльцевым анализам) они опять возвращались на старые места.

Чрезвычайно интересны поставленные в Финляндии эксперименты с посевом хлебных злаков. Посевы были произведены сразу же после пожара, семена высеивались руками в еще теплую золу и запахивались гребком — вилкой, сделанной из ветвей березы (рис. 5). В посеве применялись наиболее примитивные разновидности пшеницы и голый ячмень, которые, как установлено по отпечаткам зерен, возделывались в Дании в неолитический период. Зерна этих растений были взяты из ботанических коллекций. Для сравнения результатов посевы производились на двух участках — там, где был пожар, и там, где его не было, но земля была расчищена и удалены сорняки.

Урожай собирался тем же способом, что и в неолитическое время — кремневыми ножами и серпами. В урожаях получилось поразительно большое различие. На той земле, где не было пожара, злаки росли плохо. Вероятно, их росту не благоприятствовали кислые лесные почвы.

После пожара злаки дали прекрасный урожай, ячмень достиг своего полного развития за полтора месяца. Их успешное произрастание объясняется тем, что земля оказалась хорошо удобрена золою и, кроме того, здесь им не приходилось бороться с другими растениями. Возможно,

в этом имеют значение и другие, пока не известные причины. Однако, как бы ни был высок урожай, на второй год он уже резко снижается. А через два года после посева возобновляется рост естественной растительности в такой последовательности, как это уже нами изложено.

Остатки подобной примитивной системы земледелия наблюдались в дореволюционное время в бывш. Смоленской губернии (личное сообщение В. И. Долгошева). Здесь после выжигания леса высевались яровые хлебные злаки, преимущественно ячмень. Для посева избирались небольшие участки земель, примерно совпадающие с распространением крон деревьев. На этих участках получались особенно высокие урожаи.

И. Иверсен отмечает, что первый величайший прогресс в истории человечества — переход от охоты к земледелию — мог совершиться тем же путем, что и в Дании, но возможны и его вариации. Так, например, Троэльс-Смит нашел доказательства того, что на побережье Дании в середине каменного века существовало более примитивное земледелие, при котором человек не уничтожал леса, а практиковал, попутно с охотой и рыболовством, возделывание культурных растений на небольших необработанных участках. Этот же автор, по сообщению И. Иверсена, отмечает неожиданно быстрое возникновение земледельческой культуры, что стоит в связи с вторжением на территорию Дании пришельцев из других районов.

В заключение отметим, что сочетание археологического метода с пыльцевым анализом, о котором говорится в статье И. Иверсена, оказалось весьма эффективным для понимания условий, в которых вел свое хозяйство человек неолитического периода. Применение подобных исследований также способствует получению новых достижений в археологии.

Вместе с тем у нас возникают некоторые предположения, относящиеся к двум сторонам жизни неолитического общества. Первое заключается в том, что сильное и внезапное развитие в Дании земледелия могло быть обусловлено не вторжением пришлых народов, а совершенствованием техники труда, если, конечно, это подтверждается археологическими исследованиями; и второе — что, возможно, зачатки самого примитивного земледелия появились раньше, чем принято считать. Некоторое подтверждение этому мы находим в статье И. Иверсена.

В. И. КРАСКОВСКИЙ

РАЗВЕДКИ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА И ЭПИПАЛЕОЛИТА В ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Как известно, на территории Одесской области и прилегающих Николаевской и Херсонской областей древний палеолит представлен только спорными, хотя и очень интересными находками в карстовой пещере у с. Ильинка под Одессой [1]. Позднепалеолитические памятники здесь до последнего времени вовсе отсутствовали, а первая мезолитическая стоянка была обнаружена у с. Гребеники только в 1954 г. [2]. Чтобы заполнить эти пробелы, автором в 1955—1959 гг. производились систематические поиски памятников каменного века в Одесской области. Разведки привели к открытию в 1955 г. первой для всей этой территории позднепалеолитической стоянки Большая Аккаржа [3].

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. 3-е изд. Киев, 1953, стр. 231—232.

[2] П. И. Борисковский. Разведка памятников каменного века между Тирасполем и Раздельной. МАСП, вып. I, 1957, стр. 4; Г. Ф. Коробкова. Тарденуазская стоянка Гребенки в Нижнем Поднестровье. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 59.

[3] В. И. Красковский. Стоянка позднепалеолитического времени вблизи Одессы. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 5.

Большая Аккаржа расположена в 1,5 *км* к юго-востоку от с. Великодолинское, Овидиопольского района, на правом береговом склоне небольшого ручья, впадающего в Сухой лиман.

Геологическое строение места находок, записанное по обнажению стенки оврага, следующее: а) почвенный покров мощностью 0,73—0,79 *м*; б) лёссовидный суглинок, мощностью слоя 1,50—1,70 *м*; в) слой красно-бурой глины, мощностью до 0,75 *м*, содержащей в верхних слоях 0,30—0,40 *м* мергелистые конкреции; г) нижняя часть обнажения, мощностью до 2 *м*, состоит из потрескавшегося понтического известняка.

Стоянка не имеет четко выраженного культурного слоя; обработанные кремни, раздробленные кости животных (бык-бизон [4], причем сохранность костей очень плохая) и горелые косточки вкраплены в лёссовидный суглинок единичными экземплярами или небольшими скоплениями, распространяясь по вертикали от 0,70 до 1,35 *м*. Присутствие этого же материала в почвенном покрове объясняется деятельностью землеройющих животных, ходы которых глубоко проникают в суглинок.

Среди добытых кремней (рис. 1, *А*) преобладают отщепы и пластинки (больше фрагментированные); значительно меньше нуклеусов и законченных изделий. Сырьевым материалом для изделий служил темно-серый и светлый галечниковый кремень из днестровских отложений; первичное раскалывание кремня и изготовление орудий происходили на стоянке, о чем свидетельствуют отщепы, спинка которых сплошь покрыта коркой, и наличие в отходах множества мелких чешуек.

В коллекции имеются: нуклеусы призматические с одной, реже — двумя отбойными площадками; ядрища и куски кремня со следами сколов; сколы от оживления отбойной площадки; пластины среднего размера и мелкие, с двух- и трехскатной невысокой спинкой, причем меньшая часть из них имеет вторичную обработку и следы работы; овальные концевые скребки, изготовленные на массивных пластинах или отщепах; резцы боковые, срединные и многофасеточные; проколки с обработанным ретушью жальцем; пластинки с притупленным краем, типичные для памятников, относящихся к самому концу позднего палеолита. Последние, по-видимому, служили вкладышами в сложное орудие типа гарпуна. Основание для их закрепления пока не найдено; возможно, что оно было деревянным.

Пользуясь данными подъемного материала, Большую Аккаржу можно рассматривать как позднепалеолитическую стоянку открытого типа, с богатым по разнообразию форм и количеству инвентарем.

Целый ряд признаков сближает Большую Аккаржу с Амвросиевской позднепалеолитической стоянкой: 1) расположение в степной местности, 2) открытый тип стоянки; 3) отсутствие четко выраженного культурного слоя; 4) сходство форм и размеров кремневого инвентаря; 5) обработка орудий на стоянке; 6) наличие в составе инвентаря микролитических пластинок с притупленным краем; 7) фаунистические остатки, принадлежащие зубру.

Вполне естественно, что такой полноценный памятник, длительное время заселенный обитателями, не мог быть одиноким. Это подтвердилось результатами проведенного в 1957—1959 гг. обследования долины р. Барабой.

Следы пребывания позднепалеолитических обитателей долины р. Барабой наблюдаются на всем протяжении обследованной части ее в виде подъемного материала — патинизированных расколотых кремней, среди которых многие — со вторичной обработкой или следами работы. Подъемный материал обнаружен на трех местонахождениях, которые можно рассматривать как временные стоянки.

Местонахождение Барабой I обнаружено на мысу, что образовался при впадении левого притока в 1,5 *км* к югу от с. Добро-Александров-

[4] По определению И. Г. Пидопличко.

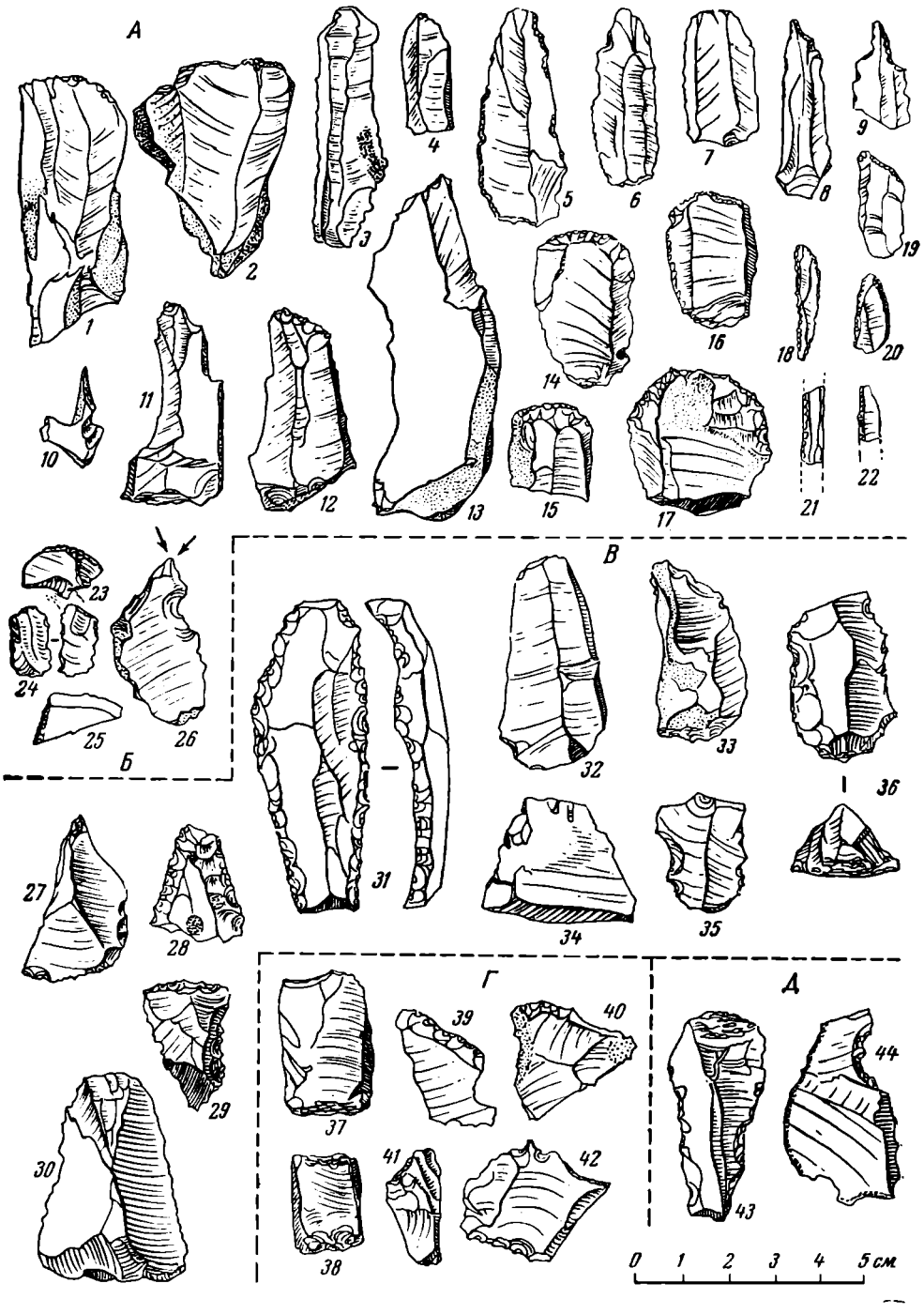


Рис. 1. Кремневые изделия из стоянок Большая Аккаржа (А), Барабой I (Б); Барабой II (В), Барабой III (Г), Барабой — следы (Д)

1, 2 — нуклеусы; *3—7* — пластины; *8, 9* — проколки; *10, 11* — резцовые сколы; *12* — боковой резец; *13* — нуклевидный резец; *14—17* — скребки; *18, 20—22* — пластинки и острия с затупленным краем; *19* — острие со скошенным концом; *23* — скребок; *24* — пластинка; *25* — обломок трапеции; *26, 27* — срединные резцы; *28* — обломок наконечника; *29* — скребок; *30* — тесло; *31* — пластинка с ретушью; *32—35* — пластинки и их обломки; *36* — скребок с высокой спинкой; *37, 38* — пластинки с подтеской нижней поверхности; *39—40* — скребки; *41* — обломок многофасеточного резца; *42* — проколка; *43, 44* — пластинки, ретушированные по краям

ка, Овидиопольского района. Мыс сложен из лёссовидного суглинка без выходов коренных пород. Маловыразительный инвентарь Барабоя I представлен 106 кремнями (рис. 1, *Б*) — главным образом отщепами и пластинками небольших размеров, а также отходами производства. Немногочисленные отщепы частично использовались в качестве так называемых

случайных орудий. Большинство пластинок имеет неправильные очертания и маленькую ударную площадку. Нуклеусы не найдены, однако скол от оживления отбойной площадки и мелкие отходы производства свидетельствуют о первичном расщеплении кремня на месте.

К орудиям можно отнести сильно окатанную маленькую ножевидную пластинку, ретушированную по краям; маленький овальный скребок на отщепе; комбинированное орудие — срединный резец и скребок; наконец, сломанную трапецию.

Разведочным шурфом определено залегание материала в лёссовидном суглинке. Отмеченных данных недостаточно для датировки памятника, но присутствие трапеции и маленького овального скребка позволяет ориентировочно отнести местонахождение к позднему эпипалеолиту.

Строительством насыпи был снят слой почвы и частично подстилающий ее лёссовидный суглинок правого берега р. Барабой, благодаря чему вскрылись патинизированные кремни местонахождения Барабой II (рис. 1, *В*). Все 82 кремня найдены в грунте, перемещенном строительными работами, и на пахоте.

Отщепы неправильных очертаний; меньшая часть из них имеет вторичную обработку либо следы работы. Немногочисленные пластины и фрагменты их представлены хорошими образцами.

Среди орудий Барабоя II — отбойник на нуклевидном куске кремня, тщательно отретушированная по краям пластина, обломок наконечника, скребок на пластине с двускатной высокой спинкой, тесло, срединный резец на отщепе. Изделия из Барабоя II более крупные, чем из Большой Аккаржи. Местонахождение это можно отнести к позднему палеолиту, но ко времени более раннему, чем Большая Аккаржа.

В самом устье р. Барабой, где русло подходит непосредственно к левому берегу, а долина ее расширяется до 1 *км*, на невысоком берегу (высота над поймой 2—3 *м*) в нижней части очень пологого склона собрана коллекция расщепленных патинизированных кремней (площадь распространения — 330 × 100 *м*). Контрольная зачистка берега подтвердила залегание культурных остатков в лёссовидном суглинке на глубине 0,76 *м*.

Количество добытого материала на местонахождении Барабой III — 162 экз. (рис. 1, *Г*). Сырьем служили кремневые гальки. Отщепы преобладают над пластинками; последних найдено пять, очень невыразительных. Нуклеусы имеют примитивно призматическую форму, негативы сколов — широкие, случайных очертаний — вполне соответствуют характеру отщепов. Отщепы использовались как случайные орудия без подправки или же ретушировались. Первые носят следы работы на острых краях, вторые дали серию скребковидных орудий. К орудиям можно отнести фрагмент отбойника, две пластинки с подтеской с нижней поверхности, три острия на отщепах; все они имеют небольшое жальце и употреблялись, по-видимому, как проколки. О присутствии резцов на местонахождении могут в какой-то мере свидетельствовать два резцовых скола и обломок рабочей части многофасеточного резца.

Местонахождение Барабой III производит впечатление позднепалеолитического временного стойбища, но это заключение может быть проверено только доследованием памятника.

Барабой I, Барабой II и Барабой III имеют много общего как между собой, так и с Большой Аккаржей. Настоящая группа памятников дает представление о заселенности этой территории, начиная с ранней поры позднего палеолита.

В 1957 г. началась также разведка территории, расположенной между Днестром и Дунаем (бывш. Измаильская область), ранее вообще мало изученной в археологическом отношении.

Возле с. Михайловка, Саратского района, в 100 *км* к юго-западу от Одессы, А. М. Кремер обнаружил эпипалеолитическую стоянку Михай-

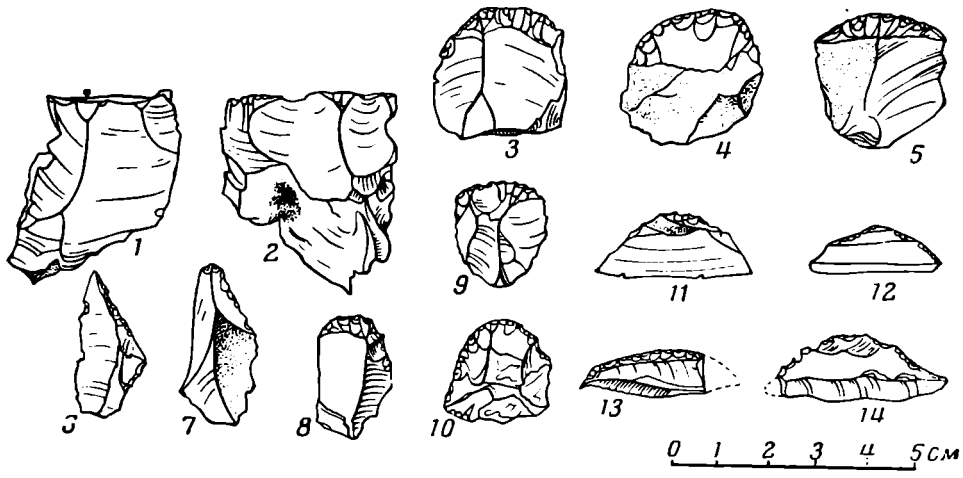


Рис. 2. Михайловка. Кремневые изделия

1, 2 — нуклеусы; *3—5, 8—10* — скребки; *6, 7* — проколки или острия; *11—14* — сегменты

ловка[5]. Все 162 патинизированных расщепленных кремня Михайловки (рис. 2) собраны в береговых обнажениях русла, в осыпях и на дневной поверхности участка дна долины р. Сараты, на площади 50 × 20 *м*.

Небольшая зачистка обнажения на месте сбора подтвердила залегание материала в лёссовидном суглинке, покрывающем дно долины, и позволила проследить геологические условия залегания культурных остатков. Почвенный покров мощностью 0,8 *м* переходит в лёссовидный суглинок, который в свою очередь на глубине около 2 *м* сменяется супесчаными тонкослоистыми отложениями палевого цвета (уходят под уровень дна русла). По вертикали культурные остатки распространяются от 0,49 до 0,71 *м*, т. е. в лёссовидном суглинке.

Сырьем для поделок служил темно-серый и светлый прозрачный галечниковый кремень, глубоко пронизанный раковистыми пустотами, что ограничивало размеры отщепов и оставляло следы желвачной корки на заготовках и изделиях.

Нуклеусов два (примитивно-конический и призматический), пластины мелкие, с неправильными очертаниями, у двух фрагментов — ретушь по краю, у остальных — следы работы.

Среди законченных орудий — скребки на коротких отщепах с полукруглым или овальным рабочим лезвием; сегменты на пластинах с крутым выпуклым краем, по очертаниям близкие к геометрическим; острие-проколка; сверлоподобное орудие.

Расположение стоянки у самой воды, малочисленность ее инвентаря, залегающего небольшими скоплениями на разной глубине, характеризуют Михайловку как сезонное стойбище бродячих групп эпипалеолитических охотников. Наличие сегментовидных орудий позволяет датировать стоянку поздним азилем.

Как сообщает А. М. Кремер, в верховьях пересыхающего притока правого берега р. Сараты обнаружен еще один памятник мезолитического времени. Он находится примерно в 4 *км* к северу от с. Кантемир, Саратского района, на правом склоне Кантемировской балки. В верхней части склона, где он переходит в плато, собрана коллекция, насчитывающая около 100 кремней.

Исходным материалом для поделок служил галечниковый кремень. Степень патинизации слабая, за исключением четырех экземпляров с

[5] В. Красковський, А. Кремер. Михайлівська епіпалеолітична стоянка. МАСП, вып. II, 1959, стр. 126.

интенсивной молочно-белой патиной, а около трети кремней лишено патины вовсе. В коллекции имеются: нуклеусы уплощенно-призматической формы; пластинки тонкие и узкие, хорошо ограненные; скребки на отщепах и пластинках круглой и овальной формы, рабочий край которых оформлен мелкой некрутой ретушью; резцы срединные и угловые на отщепах и пластинках; сверлоподобное орудие.

Можно с уверенностью сказать, что число обнаруженных палеолитических и мезолитических памятников на территории Одесской области будет увеличиваться, ибо разведкой до настоящего времени охвачена лишь небольшая ее часть.

Ю. А. КРАСНОВ

СЛЕДЫ МЕЗОЛИТА В ДОЛИНЕ МОСКВЫ-РЕКИ

В 1956 г. автором на небольшом, сильно разрушенном дюнообразном всхолмлении, на первой надпойменной террасе левого берега Москвы-реки, близ дер. Устье, в 10 *км* к западу от г. Звенигорода Московской области было собрано небольшое количество кремневых орудий, особенности которых позволяют отнести их к эпохе мезолита.

Все находки были сделаны на поверхности почвы, на сравнительно небольшой площади размером 20 × 20 *м*. Поверхность дюнообразного возвышения, где были сделаны находки, подвергалась неоднократной перепашке. Пробная шурфовка в этом месте не обнаружила здесь горизонта, содержащего находки: он, вероятно, давно разрушен в силу естественного разрушения холма и неоднократной перепашки.

Находки в этом месте представлены одним нуклеусом, восемью законченными орудиями, несколькими ножевидными пластинами и бесформенными обломками и отщепами кремня.

Все кремневые изделия изготовлены из желтоватого валунного кремня хорошего качества, в изобилии встречающегося в обнажениях долины Москвы-реки. Отщепы и обломки кремня, найденные здесь, в большинстве своем являются отбросами, получившимися при первичной обработке нуклеусов. Встречены сколы с площадки нуклеусов, отщепы с естественной кремневой коркой, краевые сколы.

Сколы с площадки нуклеусов указывают на весьма правильную призматическую форму последних. Единственный найденный нуклеус — шестигранный, имеет карандашевидную форму и чрезвычайно малые размеры. Его длина 2,5 *см*, ширина граней — около 0,5 *см* (рис. 1, *11*). Среди находок имеются и миниатюрные пластины, сколотые с близкого по размерам нуклеуса (рис. 1, *12*). Однако найденные здесь же пластины, боковые сколы и сколы с площадок нуклеусов говорят об использовании и более крупных нуклеусов.

Найденные пластины сравнительно тонки, правильно ограничены (рис. 1, *10, 12—15*). Некоторые из них имеют ретушь по одному из краев (рис. 1, *13, 14*). Ряд пластин имеет следы сработанности в виде заполированности края, что указывает на употребление их в качестве орудий.

Среди находок на описываемом местонахождении имеются три наконечника стрел (рис. 1, *1—3*). Они изготовлены из ножевидных пластин и имеют ярко выраженный черешок. Такие наконечники являются определяющими среди орудий эпохи мезолита в центральной части Восточно-Европейской равнины.

Один наконечник изготовлен из пластины с параллельными гранями. И острие, и черешок его сформованы ретушью (рис. 1, *2*). Два на-

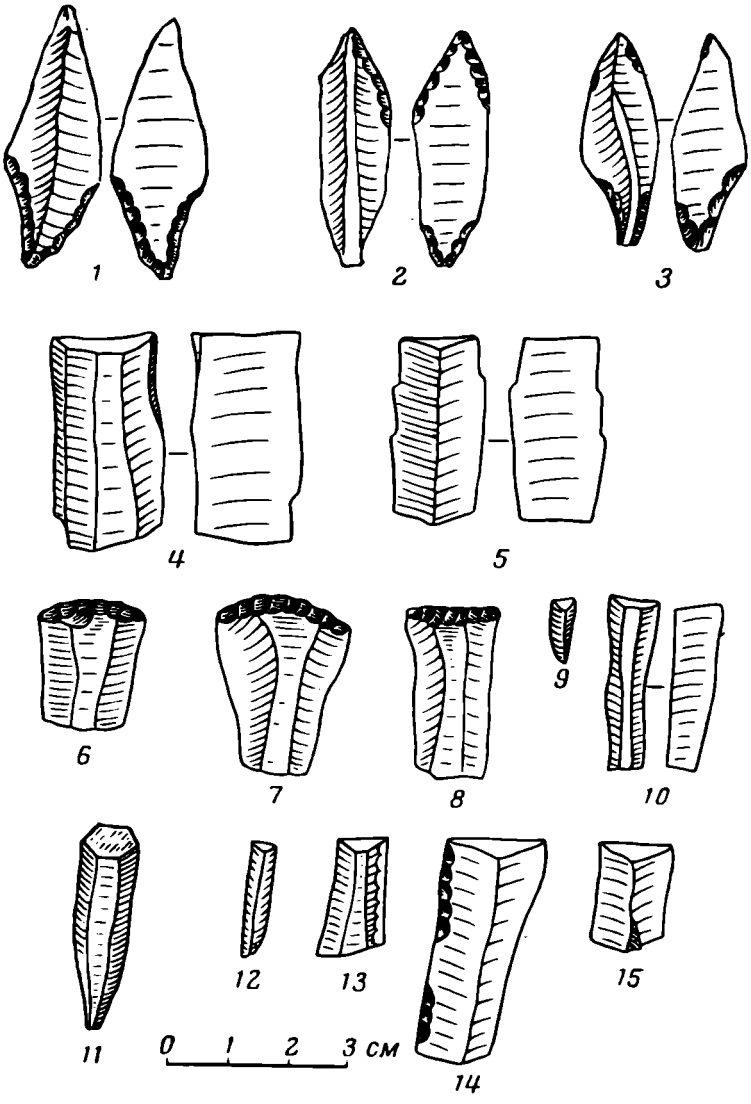


Рис. 1. Предметы из мезолитического местонахождения близ дер. Устье

конечника изготовлены из остроконечных пластин, благодаря чему их острие почти не обработано ретушью. Подретушовка наблюдается лишь на черешке (рис. 1, *1*, *3*).

Среди находок в этом пункте имеются три скребка. Они изготовлены из тонких пластин с отсеченным основанием. Рабочий край их в одном случае прямой, у двух скребков — округлый (рис. 1, *6*—*8*).

Резцов найдено два. Они принадлежат к типу резцов на углу сломанной пластины (рис. 1, *4*—*5*). Материал описываемого местонахождения весьма близок к материалам мезолитических памятников Верхнего Поволжья [1]. Его можно отнести к позднесвидерскому времени. В Подмосковье — это первая находка предметов эпохи мезолита.

[1] П. Н. Третьяков. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, 1950.

В. Б. КОРОЛЕВ

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ г. КИСЛОВОДСКА

В результате трехлетних археологических разведок в окрестностях г. Кисловодска членами исторического кружка средней школы № 8 под руководством Б. А. Королева был открыт и обследован ряд археологических памятников различных эпох, в основном уже разрушенных временем или людьми. Одним из таких памятников является открытый в 1952 г. грунтовой могильник, расположенный в 4 *км* к западу от г. Кисловодска, в 250 *м* от левого берега р. Подкумок. К сожалению, незадолго перед раскопками могильник подвергся частичному разрушению и ограблению. Впоследствии все же удалось разыскать часть вещей.

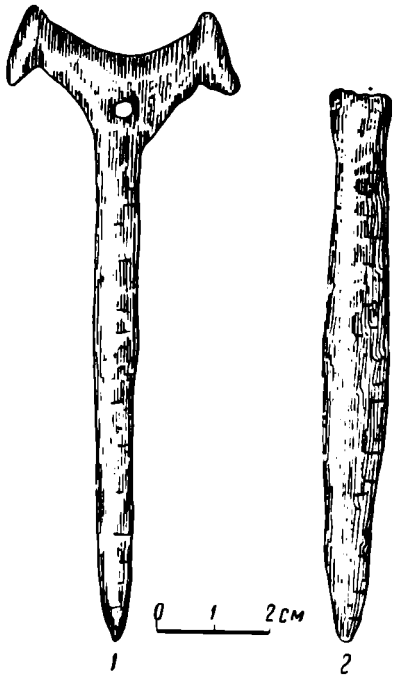


Рис. 1. Молоточкообразные булавки из могильника:

1 — медная молоточкообразная булавка из погребения № 7; *2* — обломок костяного изделия из погребения № 8 (сломанная булавка?)

С северо-запада к могильнику примыкают отроги Боргустанского хребта. Охранные археологические раскопки производились возле одной из скал хребта, называемой местным населением горой Косенькой.

Над могильником и вокруг него был собран костный и керамический материал с поселения аланского времени [1] (не позже IX в. н. э.), известного еще в 1929 г.[2].

Найденные здесь фрагменты керамики чаще черного цвета, с орнаментом в виде продольно прочерченных линий, иногда с лощеной поверхностью. В результате обследования был выявлен богатый, но полуразрушенный могильник эпохи бронзы.

При последовательном горизонтальном вскрытии на площади 6 × 7 *м* найдено восемь погребений. Костяки имели вытянутое положение и были обложены сверху характерной для Северного Кавказа каменной насыпью из булыжников [3]. Ориентировка костяков произвольная. По обряду захоронения (в каменных ящиках и с западной ориентировкой) выделяются два погребения — №№ 7 и 8, расположенные в юго-восточной части раскопа и оказавшиеся ранее разрушенными и ограбленными.

Сохранившиеся кости п о г р. № 7 окрашены в красный цвет. Кусочки охры обнаружены в западном углу раскопа, над головой погребения № 2. Погр. № 7, расположенное на глубине 2,5 *м* и ориентированное на запад, с наибольшей вероятностью можно считать центральным. Во-первых, сохранившиеся плиты стен каменного ящика дают ясное представление о погребальном сооружении длиной 1,8 *м* и шириной 0,8 *м*. Часть разграбленных вещей удалось найти, в том числе медную молоточкообразную булавку с опоясывающими верхнюю часть стержня несколькими параллельными полосками (рис. 1, *1*). Путем опроса была установлена при-

[1] Дата поселения определена археологами Пятигорского краеведческого музея.
[2] А. С. Федоровский. Следы доисторического поселения в окрестностях г. Кисловодска. Газета «Терек», № 188, от 18 августа 1929 г.
[3] В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, № 1, стр. 3.

надлежность булавки этому погребению. Костяные булавки подобного вида, типичные для соседних племен катакомбной культуры с начала II тысячелетия н. э., на Северном Кавказе найдены в единичных экземплярах. В двух случаях из восьми аналогичные молоточкообразные булавки с отверстием посредине головки были найдены именно в центральных погребениях [4].

Погр. № 8, ориентированное на запад-северо-запад, как бы продолжает в этом направлении погр. № 7, так что кости ног погр. № 8 касаются поперечной плиты погр. № 7, но первое несколько приподнято и расположено на глубине 1,7 *м* от поверхности. От каменного ящика погр. № 8 сохранились боковая северная стенка длиной 1,8 *м* и высотой 0,8 *м*, отстоящая на 0,4 *м* от левой руки, и поперечная западная стенка высотой 0,7 *м* и шириной 0, 8 *м*. Разрушение почти не коснулось скелета, имеющего довольно внушительные размеры.

Слева от головы, на уровне плеча, обнаружено сломанное костяное изделие (рис. 1, *2*) — возможно, часть молоточкообразной булавки. Случай совместной находки костяной и бронзовой булавок известен в кургане у с. Летницкое [5]. У левой ноги костяка лежал раздавленный сосуд (рис. 2, *3*). Его орнамент, сделанный штампом, представляет собой сочетание маленьких треугольных оттисков, обрамленных снизу и сверху двойным шнуром. Пять коротких вертикальных, тоже шнуровых, линий разрывают цепь треугольников с разными интервалами. Такой орнамент распространен еще на ранних памятниках северокавказской культуры [6]. Около сосуда находились медная пронизка и бараний астрагал. Вокруг находок был прослежен тонкий слой золы.

Значительная глубина захоронения обоих погребений, сооружение для них каменных ящиков, окрашенность костей погр. № 7 и находка в нем молоточкообразной булавки позволяют выделить их особо. Вряд ли данные погребения разновременны с остальными, скорее здесь можно видеть признаки имущественного неравенства.

Остальные шесть грунтовых погребений могильника образуют как бы второй ярус, глубина которого от поверхности не превышает 1,2 *м*. Кости этих погребений не окрашены, за исключением костей погр. № 2, над головой которого были обнаружены кусочки охры.

При снятии завала и расчистке грунта над погребениями на глубине 0,75 *м* в северо-западной части раскопа была извлечена плита из песчаника, высотой около 0,8 *м* и шириной не более 0,3 *м*. Сомнительные следы обработки ее поверхности позволили условно назвать эту находку «каменной бабой». Рядом была найдена другая плита, овальной формы, диаметром около 0,6 *м*, толщиной 0,19 *м*, на которой кое-где видна грубая оббивка, причем центр плиты углублен, как дно чаши.

Описание второго яруса можно начать с описания погр. № 1, которое возвышается над погр. № 7, будучи немного удалено от него в северном направлении. От костяка сохранились кусочки черепа и часть костей конечностей. Глубина залегания — 1,1 *м*; 0,4 *м* составляет слой чернозема. На нем ясно заметен след грубой шерстяной ткани серого цвета, присыпанной сверху красной охрой. Принято считать, что красная краска в погребениях имеет ритуальный смысл, олицетворяя огонь. Можно предположить, что красный цвет охры является также символом живого, крови. Находок в погребении не обнаружено.

В погр. № 2 на глубине 1,2 *м* была обнаружен костяк, ориентированный на юго-восток. Прослеживались не совсем четкие контуры погребения, выделяющиеся на материковой глине своими темными очертаниями. На костях ног лежала полукруглая плита. Возле нижней челюсти слева находился раздавленный сосуд с двумя маленькими

[4] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24, 1955, стр. 120.
[5] Там же, стр. 121.
[6] В. И. Маркович. Ук. соч., стр. 3.

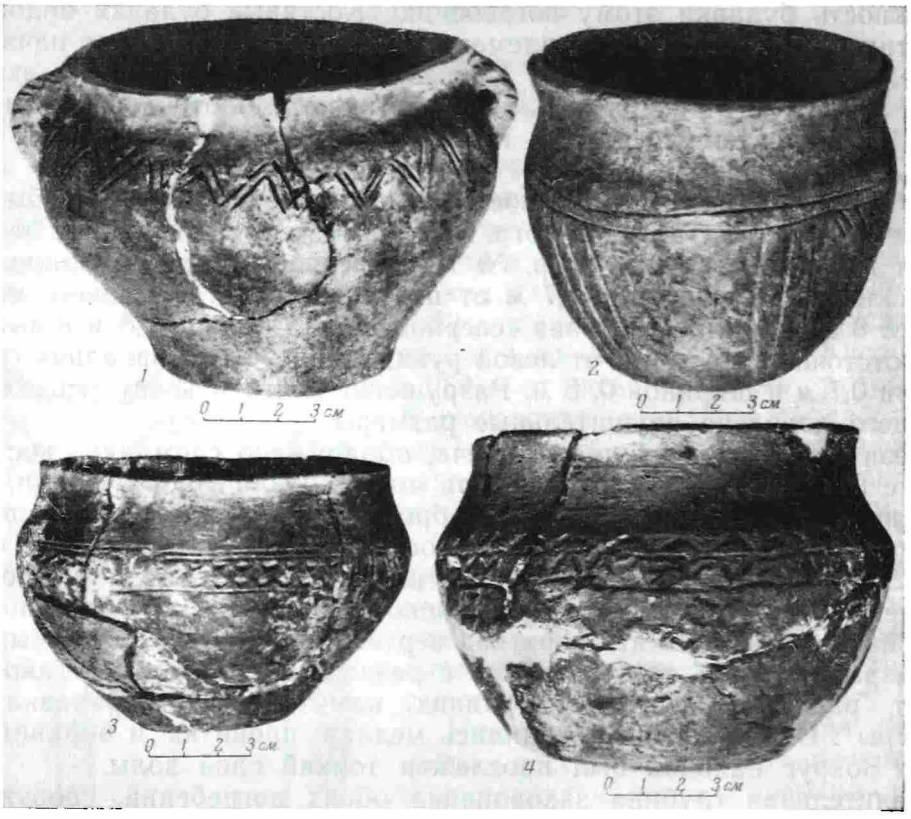


Рис. 2. Сосуды из могильника

1 — из погребения № 2; *2* — из погребения № 6; *3* — из погребения № *8*; *4* — из погребения № 5

ручками, имеющими небольшие сквозные отверстия и неглубокие насечки; в верхней части сосуд орнаментирован сдвоенными зигзагами (рис. 2, *1*). Он повторяет формы кабардино-пятигорских двуручных сосудов, бытующих с середины II тысячелетия до н. э. в северокавказской культуре [7].

С северо-западной стороны от погребения на глубине 1,66 *м* обнаружены разрушенные кости животных — вероятно, пища, положенная для умершего [8].

Погр. № 3 сохранилось настолько плохо, что лишь с трудом можно было определить его ориентировку: северо-запад — юго-восток. Глубина — 1,1 *м*. Вещей в погребении не найдено.

Погр. № 4 находится на глубине 1,1 *м*. Костяк лежал на спине, головой на северо-восток. Из костей менее других пострадал череп. У кисти правой руки найден медный кованый нож, длиной 10 *см*, с черешком, для прочности крепления слегка раскованным на конце (рис. 3, *1*). Форма ножа не совсем обычна для северокавказской культуры. С юго-восточной стороны, возле левого бедра, лежал медный плоский наконечник стрелы, длиной 6 *см* (рис. 3, *2*).

Погр. № 5 расположено рядом с погр. № 4, на глубине 1,1 *м*, ориентировано на восток. Сохранность костяка плохая. Из вещей найден раздавленный сосуд (рис. 2, *4*), с орнаментом из треугольников; внизу, у самого дна, прочерчено несколько линий.

---

[7] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, МИА, № 23, 1951, стр. 40.

[8] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 57—58.

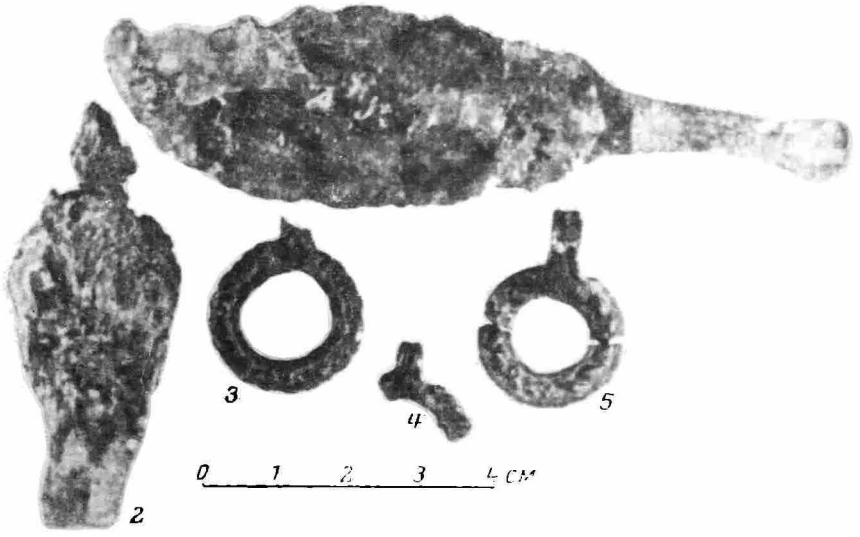


Рис. 3. Медные вещи из могильника

1, 2 — нож и наконечник стрелы из погребения № 4; *3* — подвеска из могильника (место находки не установлено); *4, 5* — подвески из погребения № 6

Погр. № 6 обнаружено в юго-восточной части раскопа, на глубине 1,1 *м* от поверхности. Из костей скелета сохранились позвоночник, лопатки и две берцовые кости. Ориентировка восточная. Необычно расположение головы покойного: череп повернут на 180°, что могло быть вызвано работой грызунов.

В погребении найден целый сосуд (рис. 2, *2*), прикрытый костями черепа. Сосуд имеет своеобразный орнамент из групп вертикальных линий, расчерчивающий поверхность сосуда на пропорциональные зоны. Завершение орнамента, как и у сосуда из погр. № 5, составляет несколько параллельных линий у самого дна. Рядом с сосудом находились две окаменелости белемнита. Возле локтя левой руки найдена сломанная медная кольцевидная подвеска (рис. 3, *4*), а ниже, на тазовой кости, лежала целая подвеска (рис. 3, *5*). Обе подвески имеют ушко с отверстием, с обеих сторон нанесен узор, имитирующий отпечаток шнура. Подобный вид украшений, изготовляемых по восковой модели, был распространен в северокавказской культуре во второй половине II тысячелетия до н. э.[9]

Шнуровой орнамент, имеющийся на одном из сосудов могильника и на подвесках, широко распространен среди различных культур эпохи бронзы. В. И. Марковин полагает, что этот узор проник на Северный Кавказ от катакомбных племен и служил сначала для украшения керамики, а затем и металлических изделий[10].

Нельзя не упомянуть о тех медных предметах, которые удалось разыскать после их похищения. Это третья подвеска (рис. 3, *3*), описанная выше молоточкообразная булавка (рис. 1, *1*), наконечник дротика с несоразмерно длинным квадратным в сечении стержнем и подвески в полтора оборота.

Рассмотренный памятник, территориально находясь на стыке северокавказской, майкопской и катакомбной культур, отражает в своем облике соответствующее влияние каждой из них, но большинство выделенных особенностей, а именно сооружение каменной насыпи, каменных ящиков, вытянутое положение костяков, употребление красной

[9] Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 98.

[10] В. И. Марковин. Ук. соч., стр. 14—15.

охры, форма сосудов, наличие подвесок со шнуровым орнаментом и подвесок в полтора оборота,— все это доказывает принадлежность могильника к северокавказской культуре периода ее наибольшего расцвета (середина II тысячелетия до н. э.).

Вполне вероятно, что произведенные работы не исчерпали могильник полностью. Дополнительные обследования могут привести к обнаружению новых погребений.

Е. В. ПУЗАКОВ

КАМЕННЫЕ СВЕРЛЕНЫЕ ТОПОРЫ-МОЛОТЫ В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ р. СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

К числу малоизученных периодов древней истории верхнего течения р. Северского Донца и его бассейна относится эпоха конца III тысячелетия и первой половины II тысячелетия до н. э. К этому времени следует отнести каменные сверленые топоры-молоты, о которых в литературе по данному району нет почти никаких данных. Интерес к изучению этой категории находок проявился еще на I Археологическом съезде в Москве в 1869 г.[1]. В 1879 г. Ю. И. Морозов на Антропологическом съезде в Москве представил вниманию специалистов три каменных сверленых молота, из которых два были обнаружены в г. Харькове[2]. Первой отечественной сводной работой по каменным сверленым топорам-молотам была работа А. С. Уварова, в которой были помещены данные о более чем 80 находках подобных орудий, но бассейн Донца в ней оставался белым пятном, так как находки Ю. И. Морозова в ней не были учтены[3].

В 80-х годах прошлого века вопросом сбора данных о каменных сверленых топорах Северского Донца занимался Д. И. Багалей[4]. И не случайно первым пунктом «Программы по собиранию древностей», разосланной Предварительным комитетом по устройству XII Археологического съезда в Харькове, значилось: «Не были ли находимы где-либо на пашне каменные молотки...»[5]. В период подготовки к XII Археологическому съезду В. А. Городцов[6] и А. М. Покровский[7] обнаружили каменные сверленые топоры-молоты в составе погребального инвентаря в комплексах катакомбной культуры эпохи бронзы.

В 1914 г. В. А. Городцов[8], изучая культуры бронзовой эпохи в Средней России, дал классификацию сверленых топоров-молотов фатьянов-

---

[1] Так, геологом Н. Д. Борисяком были представлены съезду «рисунки молота каменного века с берегов реки Большой Быстрой (на Дону), молоток из серпентина, вымытый рекою Окою в Спасском уезде». См. Тр. I АС, т. I, М., 1871, стр. LXXX.

[2] Ю. И. Морозов. Заметки и материалы по археологии. Тр. Харьковской комиссии по устройству XIII АС, Харьков, 1905, стр. 582.

[3] А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. II, М., 1881, стр. 83.

[4] Д. И. Багалей. Общий очерк древностей Харьковской губернии. Харьковский сборник, вып. 4, Харьков, 1890, стр. 78; его же. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии. Тр. XII АС, т. I, М., 1905.

[5] Программа для собирания сведений по первобытным древностям для XII Археологического съезда. Тр. Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902, стр. 22.

[6] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 193.

[7] Протокол заседаний Харьковского предварительного комитета от 14 декабря 1901 г. Тр. Харьковского предварительного комитета по устройству XII АС, т. I, Харьков, 1902, стр. 352.

[8] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского Исторического музея за 1914 г., стр. 121—266.

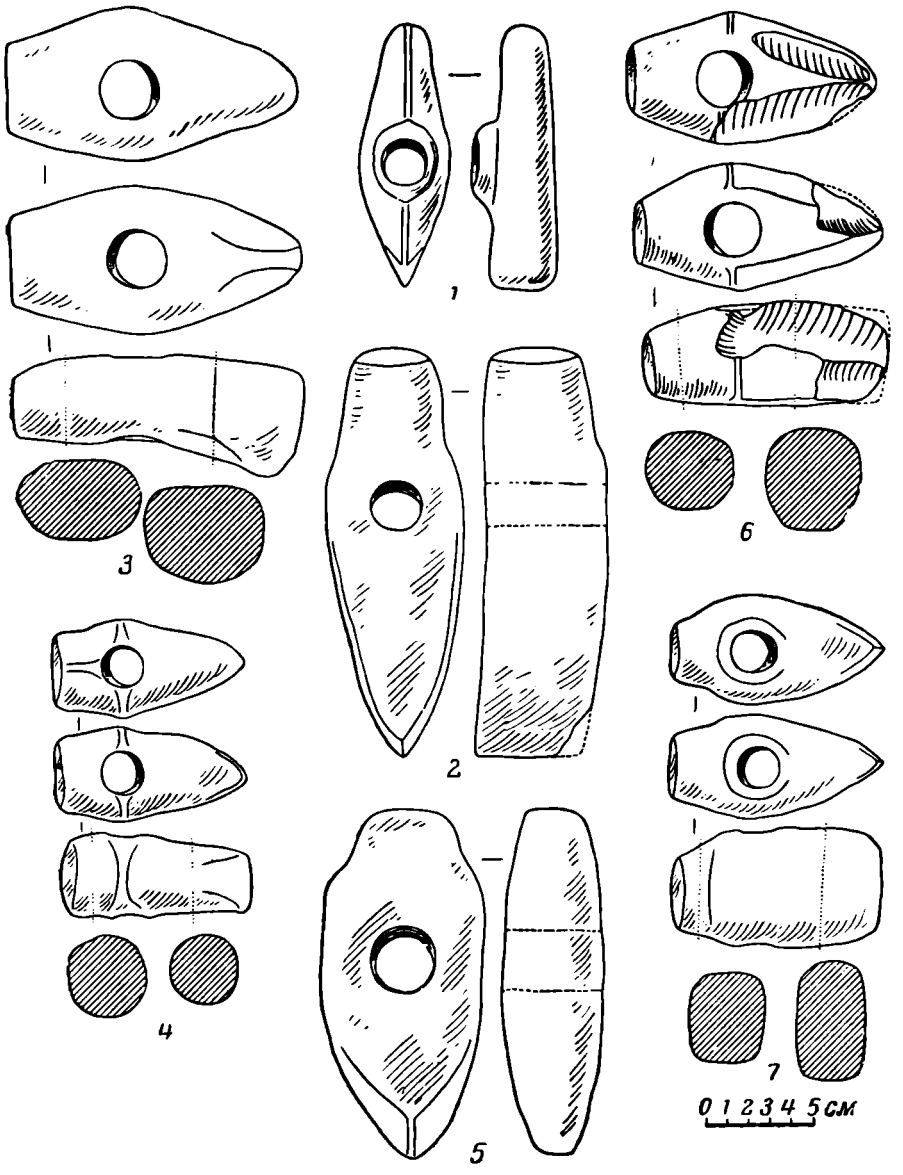


Рис. 1. Каменные сверленые топоры-молоты Северского Донца

1—2 — Белгородское поселение; *3* — г. Харьков; *4* — с. Середа; *5* — г. Волчанск; *6* — Замирцы; *7* — г. Люботин

ской и сопредельных с ней культур. Он выделил и датировал 15 типов подобных орудий. При этом, в отличие от своих предшественников, датирующих подобные памятники каменным веком, В. А. Городцов отнес их к эпохе бронзы.

Особенно большое количество сверленых топоров-молотов из бассейна Северского Донца поступило в музей уже после Октябрьской революции. Но находки эти до сих пор почти не опубликованы. Поэтому в иностранной литературе делаются ссылки только на один сверленый топор-молот, обнаруженный в 1901 г. В. А. Городцовым близ хут. Черевково, б. Изюмского уезда Харьковской губ.[9]

[9] См., например, A. Äurāpää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, т. VIII, 1933, рис. 56; M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe, ч. I, Mesolithic. Neolithic and Copper Age Cultures in Russia and the Baltic Area. American School of Prehistoric Research. Peabody Museum, Harvard University, Bulletin № 20. Cambridge, Massachusets, USA; 1956, табл. 17, *3*.

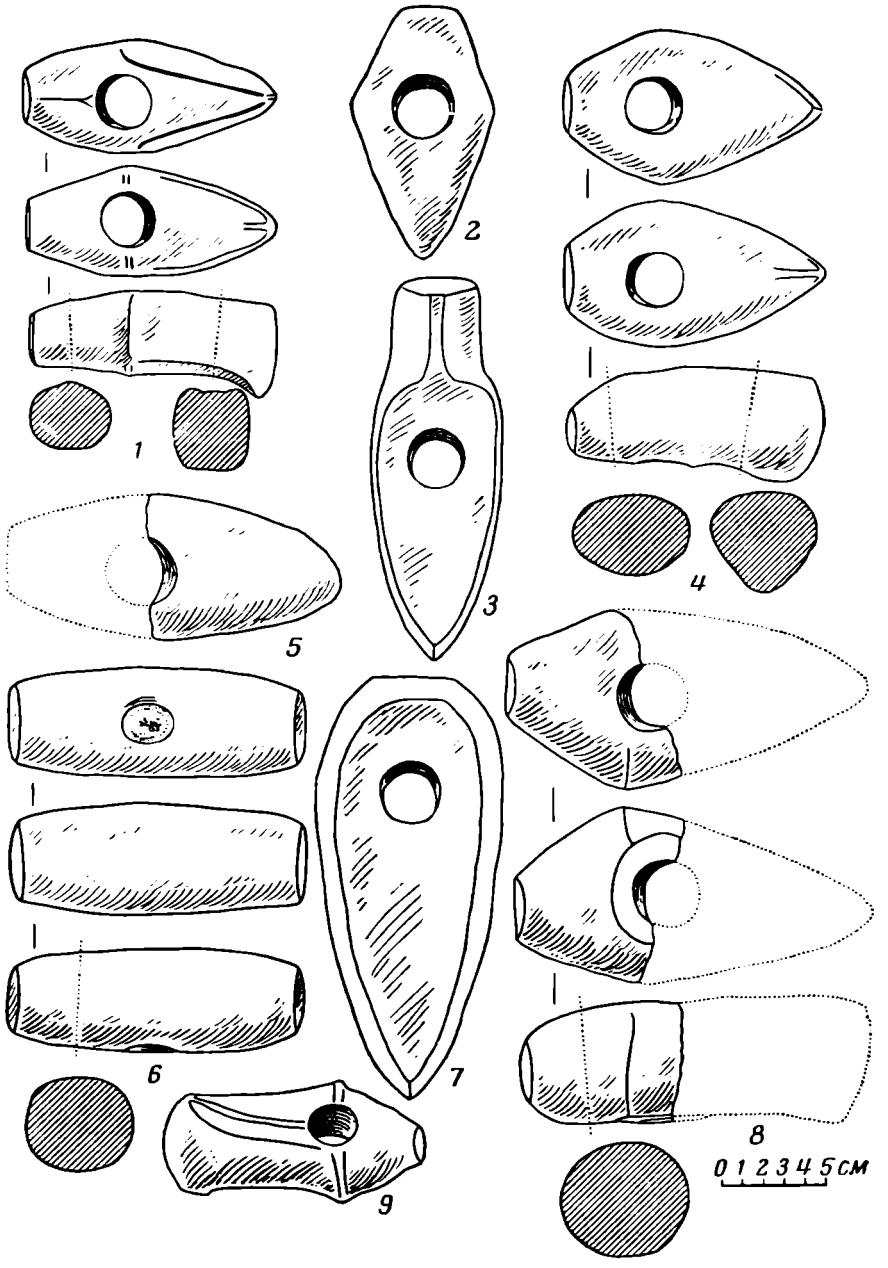


Рис. 2. Каменные сверленые топоры-молоты Северского Донца

1 — с. Бражники; *2, 3, 7* — г. Змиев; *4* — г. Изюм; *5* — с. Левковка; *6* — с. Петровское; *7* — с. Пересечное; *9* — с. Горсевановка

В бассейне Северского Донца каменные сверленые топоры-молоты обнаружены на значительной территории — от его истоков в Белгородской области и до его среднего течения в границах Луганской области (рис. 1—3). Места нахождения подобных орудий могут быть объединены в группы: белгородскую, волчанскую, харьковскую, змиевскую, петровскую, изюмскую, валуйскую, яремовскую, купянскую, луганскую. Интересно, что эти группы расположены при впадении малых рек в Донец или в его крупные притоки. К этим местонахождениям очень часто можно приурочить поселения эпохи средней бронзы, обнаруженные автором в последние годы [10].

[10] Е. В. Пузаков. Исследования Харьковского государственного исторического музея в 1955—1956 гг. Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг. (заметки с мест). СА, 1957, № 4, стр. 284.

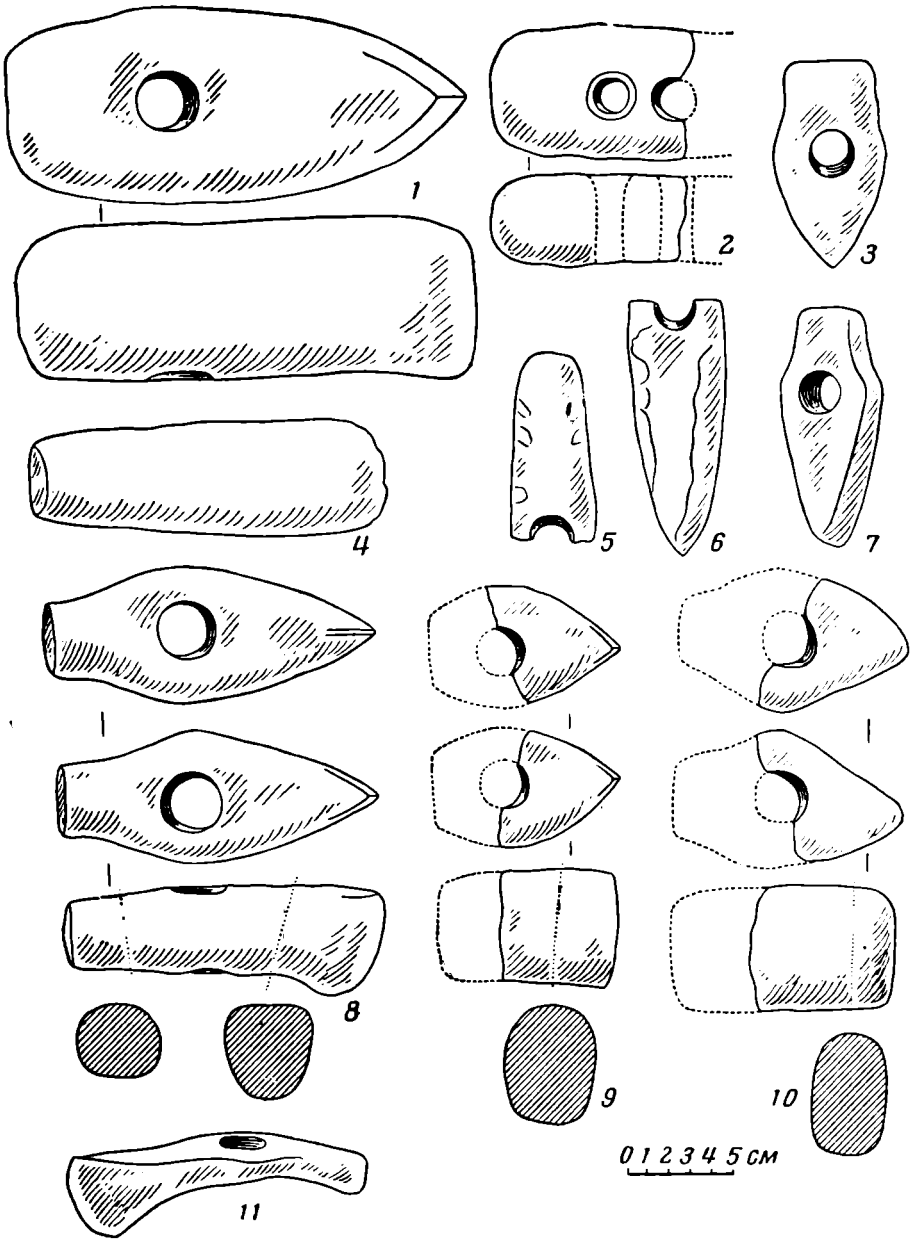


Рис. 3. Каменные сверленые топоры-молоты Северского Донца

1 — с. Гладково; *2* — с. Ново-Симоновка; *3* — с. Селиваново; *4* — с. Яремовка; *5, 6* — с. Малая Камышеваха; *7* — с. Черевково, *8* — с. Купянск-Узловая; *9, 10* — Яремовка; *11* — Луганск

На протяжении последних нескольких лет археологическая коллекция Харьковского гос. исторического музея пополнилась новыми находками каменных сверленых топоров-молотов. Автором собраны данные о находках более 60 экз. орудий подобного типа, относящихся к эпохе средней бронзы.

Наиболее часто в верхнем течении Северского Донца встречаются топоры-молоты клиновидного, обушкового и ромбического типов (по номенклатуре В. А. Городцова [11]), изготовлявшиеся племенами верхнедонецкой и катакомбной культур бассейна р. Северского Донца и примыкающих районов.

Кроме данных, типичных для бассейна Северского Донца орудий, здесь также обнаружены единичные экземпляры топоров-молотов лопа-

[11] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, табл. VIII, стр. 130—132.

стного и втульчатого типов, связанных с деятельностью племен Северного Кавказа и фатьяновской культуры.

Петрографические исследования топоров-молотов, проведенные научными сотрудниками кафедр петрографии и минералоги Харьковского гос. университета им. А. М. Горького [12], показали, что сверленые топоры-молоты с территории верхнего течения Северского Донца изготовлялись из местных известняков и кварцитов или изверженных пород, характерных для восточного края Приднепровского кристаллического массива. В связи с этим возникает вопрос о возможном местном изготовлении топоров-молотов. Следы местного производства состоят из топоров-молотов, подготовленных к сверлению [13], переделки фрагментов молотов в новые орудия [14], каменных стерженьков от сверления полым сверлом [15], упорных плиток от ручной дрели [16], кусков песчаника для шлифовки.

Учитывая комплексы сопровождающих находок, усовершенствование технических приемов в обработке камня, специализацию назначения обуха и лезвия топоров-молотов, можно утверждать преемственную линию развития в эпоху средней бронзы в бассейне Северского Донца от клиновидного топора-молота к крупному молоту с обушком, от него — к обушковым клевцам, затем к топору-молоту обушкового типа, а от него — к топорам-молотам ромбической и лопастной формы [17].

Все вышеизложенное позволяет говорить о бассейне р. Северского Донца как об одном из центров производства каменных сверленых топоров-молотов и распространении последних вместе с расселением племен верхнедонецкой, катакомбной и родственных им культур.

---

[12] За проведение петрографических анализов публикуемых орудий приношу благодарность доцентам Г. В. Карповой, П. Г. Белик, ассистенту К. Г. Шандыбе.

[13] См., например, Ю. И. Морозов. Ук. соч., стр. 582; М. В. Сібільов. Старовинності Ізюмщини, вып. IV, Ізюм, 1930, табл. LXXVIII, *1, 2*.

[14] По сообщению Г. Ф. Денисенко, в 1928 г. к юго-востоку от дер. Ново-Симоновки, Валуйского района, обнаружен обломок обуха топора, через который проходила вторая сверлина, а сам обух был подготовлен для изготовления из него нового топора.

[15] С. А. Локтюшев. Доисторический очерк Средней Донеччины. Луганск, 1930, стр. 27—29, табл. 13, *8* и 28, *5*; М. В. Сібільов. Ук. соч., табл. LXXVIII, *5, 6*.

[16] Харьковский ГИМ, инв. № 23/59.

[17] Данные ступени относительной хронологии могут получить также подтверждение при изучении комплексов, содержащих топоры-молоты, в целом ряде хорошо датированных культур: поздних памятников трипольской культуры, культуры линейно-ленточной керамики Верхнего Поднестровья, памятников новосвободненского этапа «больших кубанских курганов», отдельных молотов Айос-Мамаса в комплексах раннебронзового века Македонии, комплексов Софиевского и Краснохуторского могильников, материалов среднеднепровской культуры, комплексов со шнуровой и многоваликовой керамикой юга Восточной Европы.

А. В. БОДЯНСКИЙ

СКИФСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ЛАТЕНСКИМ МЕЧОМ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Во время археологических разведок Института археологии АН УССР в 1957 г. на частично осмотренных берегах Каховского моря автором были обнаружены 24 скифских поселения и два могильника, нуждающихся в срочном исследовании, так как они сильно разрушаются волнами Каховского моря.

Особый интерес для скифологов представляют два скифских бескурганных некрополя. Первый находится на левом берегу Днепра, в с. Скельки, Васильевского района, Запорожской области. Он распо-

ложен на бугре, подмываемом Каховским морем. В разрезе обвала видно, что могильник очень густо заполнен погребениями рядовых скифских воинов, похороненных в катакомбах, входы в которые заложены снизу камнями. Другие погребения находятся в грунтовых ямах, иногда тоже заложенных камнями. Ориентированы костяки на запад, реже на юг. Одно погребение исследовано. Оно находилось в узкой катакомбе, размером 3 × 0,9 × 0,7 *м*, ориентировано на запад и имело: 23 медных трехгранных наконечника стрел, жертвенные кости козы и истлевший железный нож. Время погребения — V—III вв. до н. э.

Тут же на скифском могильнике в усадьбе П. Т. Острогляд лежит каменная баба, очевидно, скифского времени.

Второй могильник открыт на правом берегу Днепра, в с. Верхне-Тарасовке, Томаковского района, Днепропетровской области. Он расположен на очень широкой первой лёссовой террасе, занимающей площадь около 12 *км*^{2}. Терраса имеет богатую плодородную почву, которая использовалась в разные эпохи, являясь главным источником жизни населения. Здесь обнаружены: огромное поселение эпохи поздней бронзы, поселение скифского времени и поселение полей погребений черняховской культуры. Могильник находится на южном склоне ровной лёссовой террасы, на берегу Каховского моря, в урочище «Парк». Автором обнаружены два погребения в грунтовых могилах, размытых водами Каховского моря.

Погребение I. Уцелело только основание ямы. Она узко-овальной формы, площадью 2,2 × 0,9 *м*, вытянута с севера на юг. Засыпь ямы замаскирована от грабежа чистым лёссом. Погребение прекрасно сохранилось. Скелет лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, ноги расставлены, правая легко согнута в колене. У темени положен гранитный полувалун, 0,28 × 0,20 × 0,15 *м*. Ориентировано погребение на юг. У локтя правой руки найдена кучка костей козы, в которые был воткнут железный нож. С левой стороны лежали меч (рукояткой к черепу) и наконечник копья. На острие меча находилась кучка стрел. Стрелы, видимо, были положены в колчане, судя по остаткам. На груди скелета были обломки фибулы и глазчатая бусина. Возле черепа найден кувшин.

Погребение II. Находилось в 50 *м* к востоку от первого. Оно залегало в лёссе и было почти полностью размыто водами Каховского моря. Костяк ориентирован на юг, лежал на спине. Череп его, в отличие от первого, длинноголовый. С левой стороны разрушенного размывом погребения лежали обломки акинака и архаический наконечник стрелы.

Находки в погребении I

1. Классический железный латенский меч в железных ножнах, нижняя часть которых оправлена кожей, а верхняя вырезана язычком (рис. 1, *1*); с одной стороны чехла приклепана дужка с продетым истлевшим кольцом. Рукоять меча была деревянная. Как видно в изломе меча, он сделан из большого тонкого расклепанного листа железа, свернутого в рулон и прокованного, отчего лезвие стало особенно крепким и не гнулось.

2. Наконечник железного копья, изготовленного подобным же способом (рис. 1, *2*); длина его 0,4 *м*.

3. 27 наконечников стрел; 24 из них железные, трехлопастные, с длинной конусовидной втулкой (рис. 1, *9—11*). Длина их от 3,6 до 5 *см*. Одна стрела по форме тождественна железным, но выкована из бронзы. Она имеет на втулке знак в виде IX или XI (рис. 1, *3*). Из остальных двух стрел одна железная, тупоконечная, массивная (рис. 1, *8*), другая — медная, литая, трехгранная, пирамидальная (рис. 1, *4*).

4. Нож железный. Рукоятка изготовлена из рога оленя и скреплена железными заклепками (рис. 1, *12*).

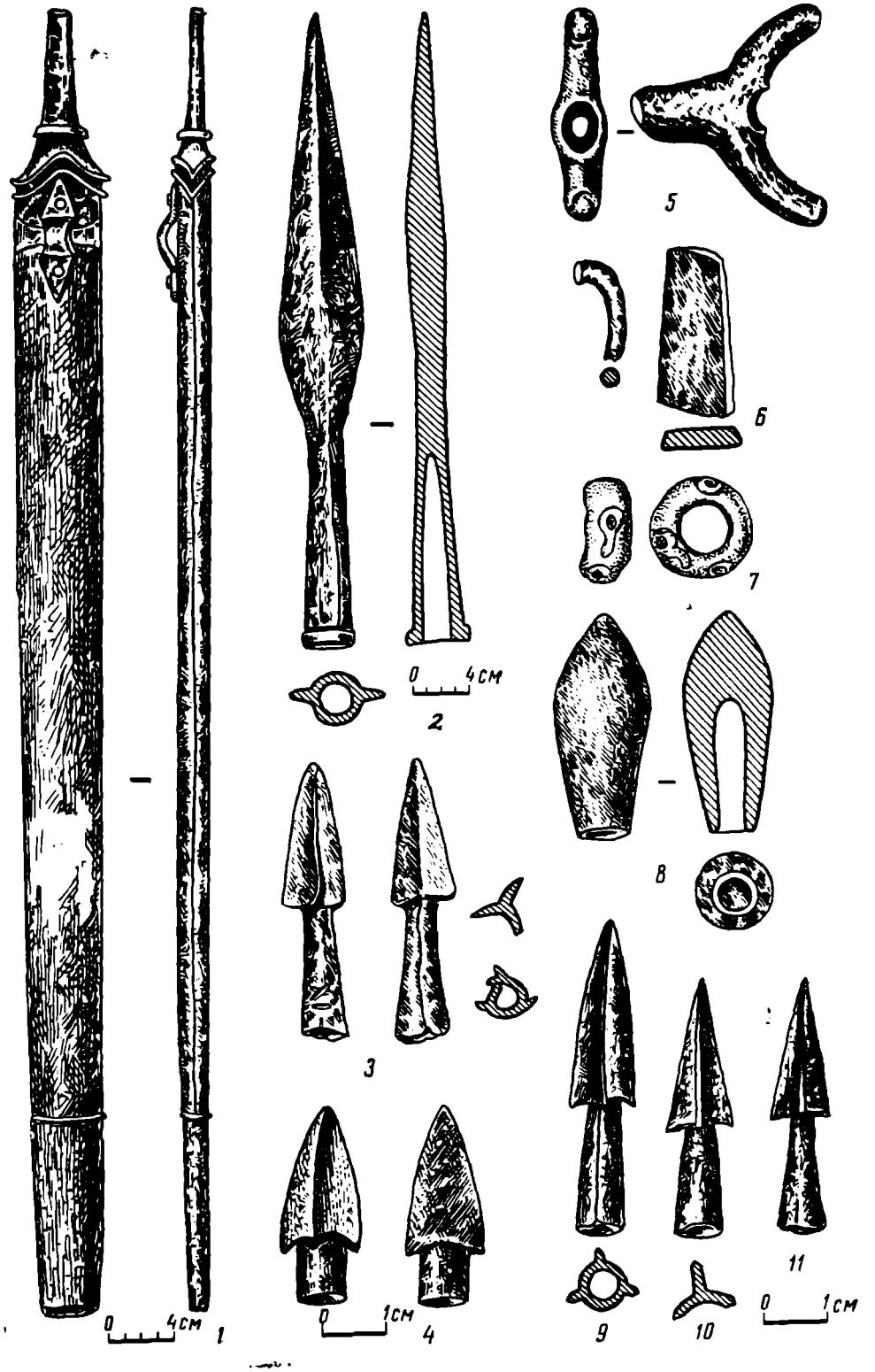


Рис. 1. Находки из Верхне-Тарасовского могильника

1—12 — из погребения I; *13, 14* — из погребения II

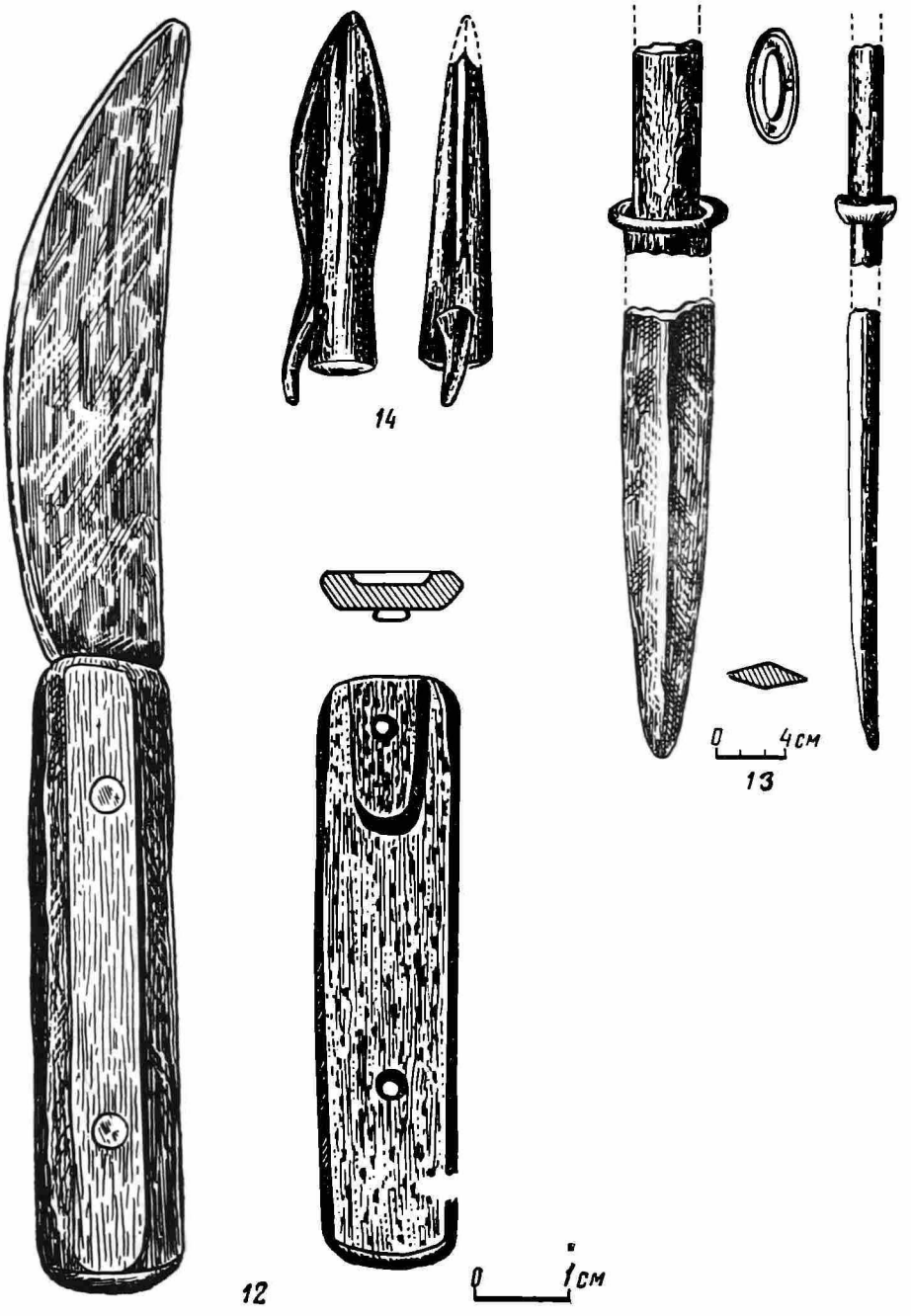


Рис. 1 (продолжение)

5. Роговидный литой бронзовый предмет со сквозным трубчатым отростком у основания (рис. 1, *5*) — возможно, деталь колчана.

6. Обломки бронзовой латенской фибулы — часть дужки и булавки (рис. 1, *6*).

7. Половина свежеразбитого гончарного кувшина желто-красной глины, покрытого светло-желтым ангобом и с росписью в виде двух темно-коричневых горизонтальных полос.

8. Бусина из светло-зеленой пасты с позолотой, с тремя глазками бело-синего цвета (рис. 1, *7*).

Находки в погребении II

1. Обломки железного меча-акинака с кольцевидным перекрестием (рис. 1, *13*). Лезвие в разрезе тоже слоистое. Ножны были деревянные, что видно по отпечаткам на лезвии.

2. Наконечник стрелы двухлопастной, бронзовый, литой, с шипом (рис. 1, *14*).

Верхне-Тарасовский скифский могильник, судя по имеющемуся материалу двух погребений, датируется в рамках VI—III вв. до н. э.

В Среднем Поднепровье автору известны отдельные новые находки, тождественные некоторым находкам Верхне-Тарасовского могильника. Так, у с. Привольного, у затопленного Гадючего порога, было найдено несколько вымытых водой железных трехгранных наконечников стрел. У с. Федоровки, Верхне-Хортицкого района, Запорожской области, на р. Квитыной найдены такие же наконечники железных стрел вместе с бронзовыми скифскими, принадлежащими V—IV вв. до н. э.

У с. Верхняя Хортица на большом скифском курганном некрополе во время земляных работ разрушено погребение с обломками латенского меча и бронзовых трехгранных стрел V—IV вв. до н. э.

В. А. ФИЛИПЧЕНКО

БРОНЗОВЫЕ КОТЛЫ АСТРАХАНСКОГО МУЗЕЯ

В Астраханском областном краеведческом музее хранятся три бронзовых котла, поступивших от местных жителей как случайные находки, сделанные при земляных или пескоукрепительных работах. Несмотря на отрывочность сведений об условиях находок котлов, коллекция представляет научный интерес, так как позволяет уточнить некоторые вопросы о формах, способах изготовления и распространении бронзовой посуды в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Бронзовый клепаный котел (рис. 1, *1*) был найден в 1925 г. К. Иралиевым на развеянной дюне, близ с. Лапас, Красноярского района, Астраханской области.

Тулово котла, яйцевидной формы, образовано тремя горизонтально расположенными полосами, на которых наблюдаются следы предварительной проковки. Высота — 32,5 *см*, диаметр по краю — 26,5 *см*. На верхней полосе, шириной 9,5 *см*, состоящей из двух склепанных полуполос (по четыре заклепки в шве), ковкой образована шейка высотой 2,5 *см*, с закраиной шириной 0,6 *см*, плечики и две кольцевидные ручки диаметром 4,2 *см* (рис. 2). Вторая полоса, шириной 15,3 *см*, также состоит из двух склепанных между собой полуполос, по три и четыре заклепки в вертикальном шве. Верхний край второй полосы заходит на нижний край верхней полосы на 2,5 *см* и соединен с ним 23 заклепками. Третья, цельнокованная, полоса, шириной 7,6—4,2 *см*, является связывающей тулово с поддоном. Ее верхний край заходит на 1,6—1,7 *см* на нижний край второй полосы и скреплен с ним 17 заклепками.

Поддон котла полый, цельнокованный, воронкообразной формы, высотой 6 *см*. Верхний край поддона неровный. При соединении его с туловом мастер был вынужден вставить дополнительную пластину бронзы, размером 8,5 × 3,4 *см*, соединив ее с поддоном четырьмя заклепками. В выровненный таким образом поддон, принявший в верхней части форму неглубокой чаши, был вставлен на 1,5—2,5 *см* нижний край соединительной полосы и скреплен с последним 17 заклепками.

Все 66 заклепок, скрепляющие составные части котла, представляют собой плотно свернутые в три-четыре оборота бронзовые полоски, которые, будучи пропущенными через отверстия в соединяемых бронзовых листах, тщательно расклепаны.

Время производства лапасинского котла помогают установить бронзовый клепаный котел, обнаруженный в г. Николаеве, в культурном слое,

содержащем керамику позднесабатиновских типов [1], и орнаментированный бронзовый клепаный котел, обнаруженный В. В. Гольмстен на территории Куйбышевской области [2].

Литой бронзовый котел (рис. 1, *2*) был обнаружен близ с. Михайловского, Сасыкольского района, Астраханской области, в песке, вместе с бронзовым зеркалом [3].

Рис. 1

1 — котел из с. Лапас; *2* — котел из с. Михайловского; *3* — котел из Красного Бугра

Тулово котла яйцевидной формы, с широким отогнутым наружу венчиком, соединяется с поддоном, имеющим форму раструба, высотой 9,8 *см*. Высота котла — 37,5 *см*, диаметр края 31 *см*, наиболее широкой части — 40 *см*.

Ниже венчика диаметрально расположены парные кольцевидные ручки шириной 1 *см*, диаметром 4 *см*. В 2—2,5 *см* ниже ручек проходит круговое валикообразное утолщение, орнаментированное косыми насечками, имитирующими поверхность шнурка. Значительная часть закраины котла отбита, что дает возможность видеть толщину стенок — 0,3—0,4 *см*. В центре дна котла — полусферическая выпуклость диаметром 7 *см*, высотой до 0,6 *см*, образовавшаяся при соединении тулова с поддоном.

Датировка котла облегчается находкой при нем бронзового зеркала (диаметр 18,8 *см*) с массивным полусферическим валиком по краю, с коническим стержнем (длиной 5,7 *см*). Этот тип зеркал часто встречается в сарматских погребениях II в. до н. э.— I в. н. э. [4]

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 133.

[2] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. Тр. СА РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 133, рис. 46.

[3] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 212.

[4] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959.

Котлы I в. до н. э. — I в. н. э., аналогичные описанному, известны из различных районов юга Европейской части СССР. В Нижнем Поволжье близ хут. Соломатина был найден котел, отличающийся от михайловского только расположением петлевидных ручек [5]. Формы тулова и поддона котлов из кургана № 6 близ ст. Казанской на Кубани [6] и из могилы, обнаруженной близ с. Трояны в Нижнем Приднепровье [7], не вызывают сомнения о единых традициях, господствующих в производстве этого вида посуды. Характерно, что вместе с котлом в могиле близ с. Трояны оказалось бронзовое зеркало, аналогичное описанному выше.

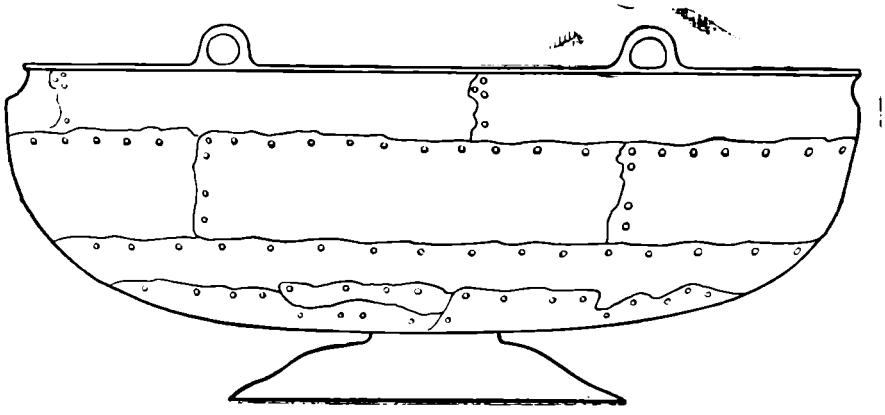


Рис. 2. Схема расположения бронзовых полос, образующих тулово клепаного котла

Второй литой бронзовый котел (рис. 1, *3*) был найден крестьянином Скосаревым на Красном Бугре, в 2 *км* от с. Заплавного, Ленинского района, Волгоградской области. Тулово котла полусферической формы, с валикообразным утолщением по краю. Диаметр края — 33,5 *см*, высота котла — 23,5 *см*. Ниже венчика проходит острое ребро. Две ручки котла, отлитые вместе с туловом, четырехугольные в плане, эллипсовидной формы, снабжены овальными грибковидными выступами. По внешней стороне ручек проходят углубленные борозды, шириной 0,4 *см*. Ножка котла отсутствует. На месте ее соединения с туловом находится отверстие с рваными краями, что позволяет судить о способах соединения частей литых котлов.

Еще в древности котел был разбит и отремонтирован. Трещина, проходящая от венчика до дна, была залита с внутренней и внешней сторон расплавленной бронзой, образовавшей бесформенные натеки. Таким же способом была восстановлена часть отбитой закраины.

Два литых бронзовых котла, аналогичных описанному, обнаруженных на горе Бештау, хранятся в Пятигорском музее. А. А. Иессен датирует их VIII — началом VII в. до н. э. и относит к сибирскому типу котлов, известному по находкам в Минусинской котловине [8]. В этом плане находка котла у с. Заплавного представляет особый интерес, являясь своего рода вехой на пути культурных связей племен Северного Кавказа и Минусинской котловины.

---

[5] И. П. Берхин. Сарматское погребение у с. Соломатино. СГЭ, вып. XV, 1959, стр. 38.

[6] ОАК за 1901 г., стр. 73, рис. 146.

[7] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 201—202, рис. 255.

[8] А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до нашей эры на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1952, стр. 125—127, рис. 13 и 15; В. П. Левашева, Э. Р. Рыгдылон. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 132, рис. 44, 1—3.

В. И. ЦЕХМИСТРЕНКО

ГЛИНЯНЫЙ ШТАМП ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

Среди случайных находок, приобретенных Керченским историко-археологическим музеем в 1953 г., заслуживает внимания глиняный штамп, найденный школьниками г. Керчи на северном склоне горы Митридат [1].

Штамп круглой формы (рис. 1), диаметром 10 × 9,5 *см*. На одной из его сторон имеется ручка, вместе с которой он имеет высоту 6,2 *см*. Глина темно-красная, напоминает глину боспорских амфор и черепиц.

На плоской стороне штампа изображены человеческая фигура и два животных. Рисунок вырезан острым, круглым в сечении предметом, диаметр которого равен 0,4 *см*.

Человеческая фигура помещена в левой части штемпеля. Лицо круглое, на нем изображены два глаза в виде точек, между ними — прямыми линиями — нос и рот. Вокруг головы — расходящиеся пучками лучи, три сверху и три справа. По-видимому, слева также имелось изображение трех лучей, однако штамп в этом месте оказался испорченным. Шея тонкая, длинная. Левая рука приподнята, положение правой неясно: может быть, она рельефно показана в виде широко растопыренных пальцев на фоне колоколовидной одежды. Ноги обращены влево.

В правой части штемпеля изображены животные. Одно из них, большое, равное по высоте человеческой фигуре, имеет поднятые кверху крутые рога и раздвоенные копыта. Сверху над животным помещен его детеныш с маленькими прямыми рожками и тоже раздвоенными копытцами. Животные обращены влево, в сторону человека, большее касается рогом его поднятой руки. Создается впечатление, что фигура, в которой нужно видеть, вероятно, божество, ведет жертвенных животных к жертвеннику или алтарю, расположенному слева от божества [2].

Внизу под всей композицией изображена, по-видимому, извивающаяся змея. Все остальное свободное пространство заполнено точками, расположенными в центральной части штемпеля, над рогами и справа от животных, под змеей и слева от жертвенника. Точки имеются на жертвеннике и на одежде божества. Фигуры животных покрыты штрихами.

Штамп 1953 г. из Пантикапея становится в один ряд с известными уже штампами из Северного Причерноморья, большинство из которых найдено в боспорских городах. В настоящей заметке нет надобности говорить о находках штампов в прошлые годы, поскольку подобная сводка их сделана в обстоятельной статье И. Т. Кругликовой [3]. Все эти штампы относятся к первым векам нашей эры. Так, штамп из Киммерика 1948 г. и штамп из Илурата 1949 г. найдены в слоях III в. н. э. [4].

Все глиняные штампы имеют ручку. Такими штампами могли оттискиваться изображения на хлебных лепешках и печеньях [5], а также на лепешках из сырой глины, которые затем подвергались обжигу. Полученные оттиски употреблялись, вероятно, в качестве ритуальных медальонов, которые клали в могилу умершему и которые представляли собой символы священных хлебцев [6].

---

[1] Инв. № К—9324.

[2] Интересно отметить, что сюжет этого штампа напоминает терракотовую группу из раскопок Илурата (1949 г., помещение «К»), изображающую сельского жителя, ведущего к святилищу предназначенного в жертву быка. См. В. Ф. Гайдукевич. Новые исследования Илурата. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 208; его же. Илурат. МИА, № 85, 1958, стр. 79, рис. 75.

[3] И. Т. Кругликова. Глиняный штамп из Киммерика. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 119 сл.

[4] И. Б. Зеест. Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 101; И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 119. В. Ф. Гайдукевич. Новые исследования Илурата, стр. 209.

[5] И. Б. Зеест. Ук. соч., стр. 101.

[6] И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 124—125.

В 1956 г. В. В. Веселовым на северном склоне горы Митридат в Керчи был найден подобный керамический медальон, на одной стороне которого оттиснуто изображение орла вправо с повернутой назад головой. Правое крыло птицы приподнято, левое опущено вниз. У клюва орла

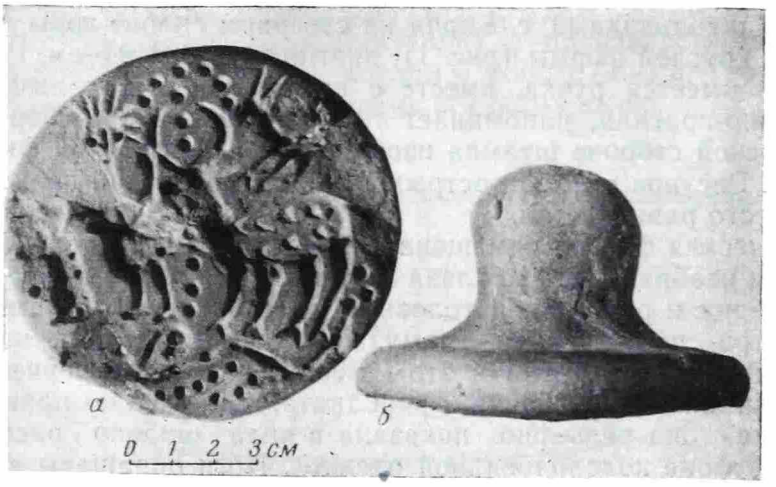


Рис. 1. Глиняный штамп, найденный в Пантикапее в 1953 г.
а — рабочая часть; *б* — вид сбоку

изображена извивающаяся змея (рис. 2). Диаметр медальона 8,8 *см*, толщина 1,2 *см*. Оборотная сторона заглажена. Изображение, оттиснутое на медальоне, напоминает глиняный штамп из Киммерика, где птица изображена влево [7]. При оттиске получается рисунок вправо, как и на глиняном медальоне.

Рис. 2. Глиняный медальон, найденный в Пантикапее в 1956 г.

Наш медальон не единичен: известны и другие оттиски [8], и все они совпадают по сюжетам и размерам с самими штампами.

Сюжеты, вырезанные на глиняных штампах, подобных пантикапейскому и другим, связываются некоторыми исследователями с определенными религиозными культами, существовавшими на Боспоре в первые века нашей эры. Так, илуратский штамп с изображением человеческой фигуры и животных связывается с культом высшего женского боже-

[7] Там же, стр. 119, рис. 40, *1*.
[8] ОАК за 1901 г., стр. 54—55, рис. 116; ДБК, табл. LXXа, 9.

ства [9]. К этому культу можно отнести и пантикапейский штамп 1953 г., который может быть датирован, как илуратский, III в. н. э. Штампы с изображением сосудов, животных и птиц находят аналогии в атрибутах Сабазия и близких к нему божеств [10]. Мы не будет останавливаться на этих штампах, поскольку их связи с различными культами в какой-то степени уже определены. Рассмотрим только группу с изображением орла.

На штампе из Киммерика орла сопровождает змея. Аналогичные сюжеты имеются на описанном выше медальоне из Керчи (рис. 2) и на

Рис. 3. Фрагмент храмового стола из Китея с изображением орла, сидящего на змее

глиняном ткацком грузиле из Илурата, найденном в 1949 г. и хранящемся в Керченском музее [11]. Однако изображение орла и змеи встречается не только на глиняных штампах и их оттисках. В этом отношении интересно сопоставить глиняные штампы с некоторыми лапидарными памятниками, и прежде всего — с храмовым столом из Китея. В правом нижнем углу продольного бокового ребра стола, на котором вырезана надпись, изображена птица, вероятно, орел, сидящий на змее (рис. 3). Полного совпадения изображений на штампах с рисунком на камне нет, но сюжет, безусловно, один [12]. Китейская надпись упоминает бога «гремящего внемлющего» [13] и датирована она 234 г. н. э. Заметим, что глиняный штамп из Киммерика найден также в слое III в. н. э. Таким образом, синхронность и некоторая идентичность изображений на этих памятниках позволяют предположить, что глиняные штампы с изображением орла и змеи относятся к культу безыменного бога и датируются III в. н. э.

Культ безыменного бога, в котором нужно видеть Зевса [14], был широ-

[9] В. Ф. Гайдукевич. Новые исследования Илурата, стр. 210.

[10] И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 122—124; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 92—93.

[11] Подобное грузило издано, см. В. Ф. Гайдукевич. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях. МИА, № 25, 1952, стр. 414, табл. IV, 5.

[12] Разница объясняется тем, что над выполнением рисунков трудились разные мастера.

[13] В. В. Латышев. Неизданные боспорские надписи. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 82 сл.; Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 60 сл.; его же. Городища Боспорского царства Киммерик, Китэй, Акра. ИТОИАЭ, т. II, 1928, стр. 114; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 337.

[14] В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 90.

ко популярен на Боспоре в первые века нашей эры. Как показывают находки глиняных штампов с изображением орла и змеи и надписей с посвящением богу «высочайшему», фиасы этого культа существовали во многих боспорских городах и могли объединять представителей различных социальных и даже этнических групп населения. В. В. Латышев полагает, что Юлий Симмах, упоминаемый в китейской надписи, является представителем царской знати[15]. А поскольку имя Юлия Симмаха связано с фиасом безыменного бога, можно считать, что культ этого божества пользовался покровительством правящей династии и был одним из основных культов на Боспоре в III в. н. э.

[15] В. В. Латышев. Ук. соч., стр. 91.

И. Т. КРУГЛИКОВА

МРАМОРНЫЙ РЕЛЬЕФ ИЗ АНАПЫ

В 1960 г. в г. Анапе при рытье фундамента для здания столовой пансионата «Мать и дитя», вблизи гостиницы, на глубине около 3 *м* в перемешанном грунте была найдена мраморная рельефная плита прямоугольной формы с изображением погребального пира. Высота плиты — 36,5 *см*, сохранившаяся ширина — 46 *см*, толщина — 6,5 *см*. Мрамор сероватого тона, мелкозернистый. Задняя сторона плиты, неровная, без тщательной обработки, свидетельствует о том, что памятник стоял вблизи какой-то постройки и была видна лишь его лицевая сторона. Правая сторона рельефа отбита, отсутствуют правый верхний и нижний углы. Внизу имеется выступ для укрепления плиты на пьедестале. Этот выступ должен был находиться в центре плиты, что позволяет восстановить первоначальную ее ширину, которая достигала 52 *см*. Ширина выступа — около 14 *см*, высота его — 5—6 *см*, расстояние от угла плиты до начала выступа — 19 *см* (рис. 1). Плита обрамлена выступающей рамкой, ширина которой вверху — 5 *см*, сбоку — 4,5 *см*, внизу — 3,5 *см*. Рельеф довольно высокий, некоторые из фигур выступают на 0,4—0,5 *см* над фоном. Рельеф выполнен очень тщательно. К сожалению, все сильно выступающие части рельефа обиты (лица, поверхность, рамки), рельеф сильно патинирован.

На основании многочисленных аналогий сцена, изображенная на рельефе, легко восстанавливается. Справа, на отсутствующей сейчас части рельефа, была изображена возлежащая на ложе-клюне мужская фигура, от которой сохранились лишь задрапированные ноги. Перед ложем стоял стол с приношениями — предметами пирамидальной формы и округлыми лепешками. Сохранились изображения лишь одной пирамидки и одного круглого хлебца. Слева, у ног возлежащего героя, сидела женщина в высоко подпоясанном ионийском хитоне с короткими рукавами и в гиматии, который закрывал правое бедро и спускался ниже колен. Нижняя часть ложа задрапирована. Стол — прямоугольной формы, с простыми вертикальными ножками. Под столом видны ноги женщины, стоящие на скамеечке, тоже простой прямоугольной формы. Правая рука женщины, обнаженная ниже короткого рукава туники, лежала на коленях. Левая рука, вероятно, была приподнята вверх, голова повернута к мужчине. Левее этих двух центральных фигур, изображенных в наиболее крупном масштабе, имеется еще группа людей меньшего размера. Рядом с сидящей женщиной изображен обнаженный юноша, опустивший правую руку в большой сосуд, стоящий на алтаре. В левой руке юноша, по-видимому, держит фиалу, повернутую боком. Фигура юноши устремлена в сторону алтаря. Две задрапированные фигуры, стоящие слева от алтаря и изображенные в том же масштабе, что и юноша, представляют мужчину и женщину, стоящих в одинаковой позе, с со-

Рис. 1. Рельеф из Анапы

гнутой в локте правой рукой, в которой, возможно, были какие-либо приношения. Перед ними, на переднем плане, были две маленькие фигурки детей, из которых левая — девочки — была задрапирована, а другая, стоящая ближе к алтарю, обнаженная фигурка мальчика держала правой рукой стоящее жертвенное животное — барана. В левом верхнем углу рельефа, в квадрате с выпуклым ободком, изображена голова лошади. Возможно, что обе стороны рельефа были обрамлены пилястрами с дорийскими капителями, но не исключена возможность, что пилястра была лишь с левой стороны. Фигура женщины, находящаяся в центре рельефа, была наиболее крупной. Она повернута к зрителю правым плечом, но ее левое плечо и грудь также довольно хорошо видны. Спокойная, неподвижная поза женщины повторяет обычное изображение сидящей фигуры на надгробных стелах V—IV вв. до н. э. [1]. Мягкие складки ионийского хитона, драпирующиеся на груди, узкий, обтягивающий плечо короткий рукав и свисающие складки подола, расходящиеся веером у ног, искусно подчеркивают тонкую ткань хитона, в отличие от плотной ткани гиматия. Складки гиматия, собранного у бедра, более глубокие, резко выражены. В манере исполнения драпировки бедра сохраняются традиции стиля Фидия, и в частности — фигур сидящих мойр с восточного фронтона Парфенона [2]. Фигура обнаженного юноши с согнутой правой ногой и выпрямленной левой дана в стремительном движении. Однако, несмотря на ее устремленность в сторону алтаря, плечи и вся верхняя часть туловища даны в полный разворот. Поза эта близко напоминает

[1] A. Conze. Attische Grabreliefs. Berlin, т. II, 1893—1913, табл. CCLIV, CCLVI.
[2] М. М. Кобылина. Аттическая скульптура. М., 1953, стр. 113.

Рис. 2. Рельеф, хранящийся в ГМИИ

изображение лапифа, побеждающего кентавра, на метопе Парфенона [3]. Стоящие адоранты изображены в стандартных позах, обычных для греческих надгробных памятников. Складки плащей, в которые задрапированы их фигуры, исполнены довольно резко. Некоторая резкость исполнения заметна и на других деталях — например под левой рукой обнаженного юноши, где четко вырисовывается углубление от бурава, не сглаженное резцом.

В ГМИИ хранится часть аналогичной мраморной плиты из частного собрания (рис. 2), удачно дополняющей утраченную правую сторону анапского рельефа. Задняя сторона ее, так же как и у анапской плиты, обработана очень плохо. Рельеф лицевой стороны сохранил изображение возлежащего на задрапированном ложе героя, сидящую у него в ногах на том же ложе женщину, которая в отличие от женской фигуры анапского рельефа, повернута лицом к зрителю. Перед ложем также стоит столик-трапедза с прямыми ножками, под ним изображена поднявшая голову змея. Обнаженный юноша и высокий кратер характерной для IV в. до н. э. формы изображены на фоне правой пилястры, обрамляющей сцену. Здесь же, в правом углу,— голова лошади. Рельеф этот довольно плохо сохранился. Многие детали стерты, но все же бросается в глаза значительно менее тщательное исполнение данного рельефа по сравнению с анапским. Рельеф этот принадлежит к той же группе памятников, что и найденный в Анапе. Можно предположить, что оба они, только в разные эпохи, были привезены из Средиземноморья. Оба эти рельефа имеют близкие аналогии в Греции среди памятников V—III вв. до н. э.

[3] М. М. Кобылина. Аттическая скульптура, стр. 124.

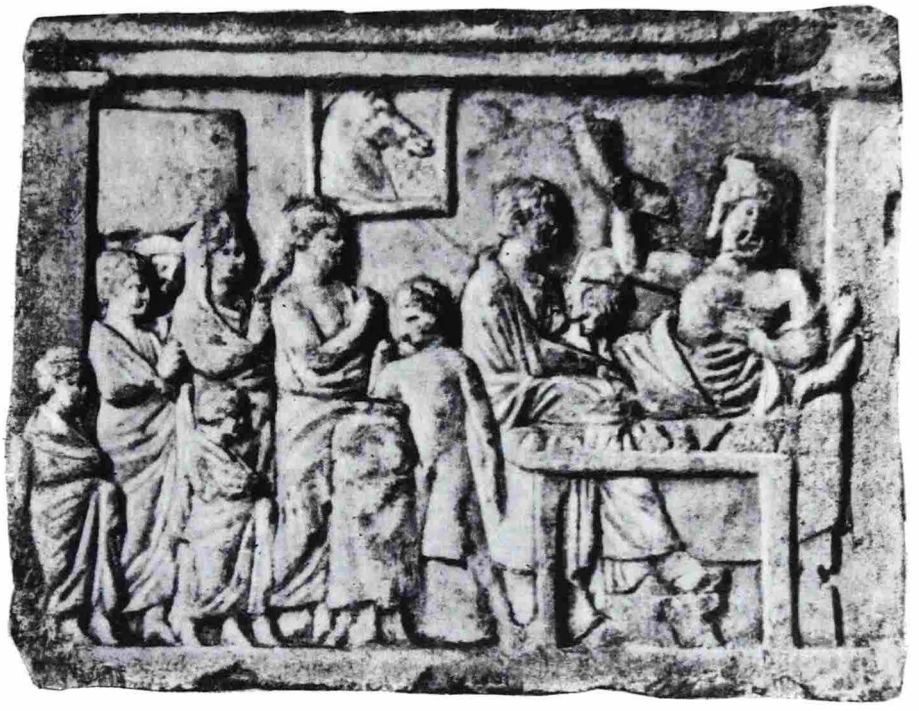


Рис. 3. Рельеф из Фив

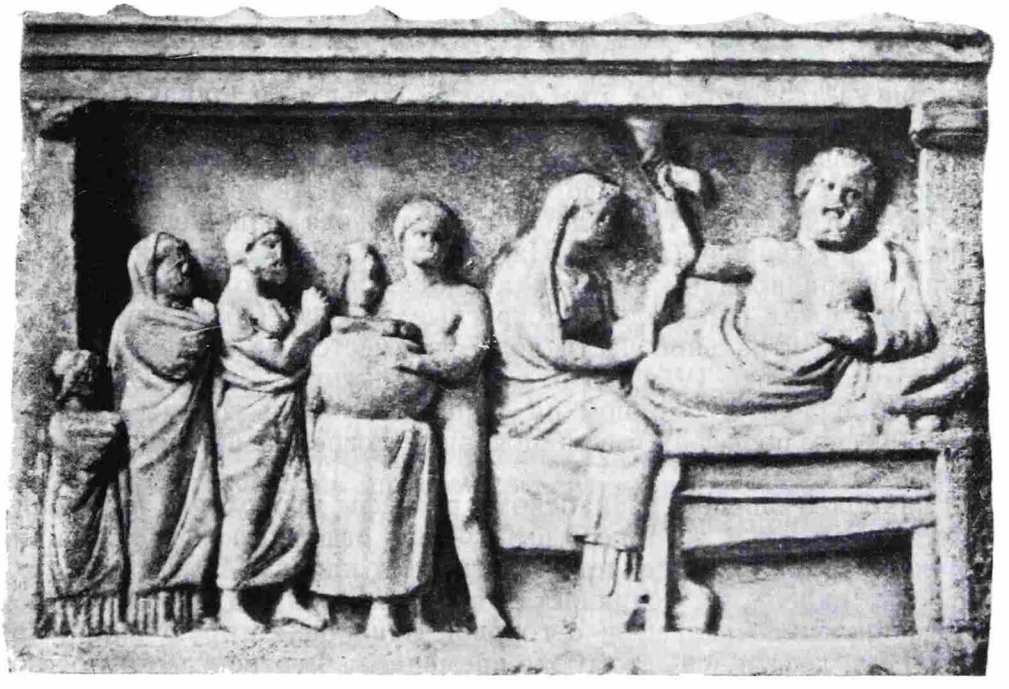


Рис. 4. Рельеф из Фив

Наиболее близки анапскому рельефу по композиции два памятника аттической работы, опубликованные А. Фуртвенглером [4] и датированные им серединой IV в. до н. э. (рис. 3 и 4). На обоих рельефах, так же как и на анапском, в центре имеется обнаженная фигура виночерпия, устремляющегося к большому кратеру (в форме келебы или лемноса), стоящему на алтаре. Только алтарь здесь изображен в виде треножника. На

[4] A. Furtwängler. La collection Sabouroff. Berlin, 1883—1887, т. I, табл. XXX, XXXII.

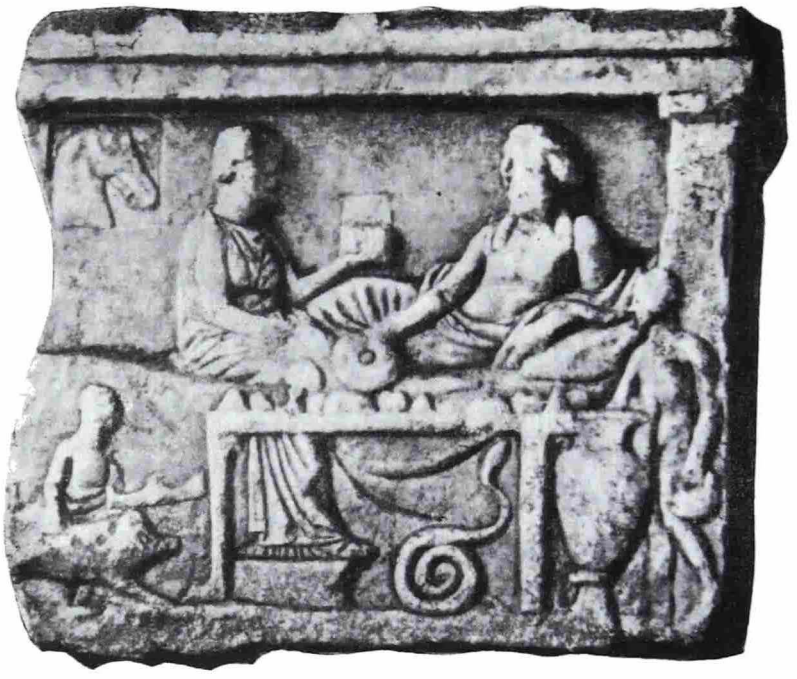


Рис. 5. Рельеф из Беотии

одном из рельефов (№ 32), происходящем из Фив, виночерпий опустил правую руку в кратер, как и на анапском рельефе, а над его головой в квадратной рамке видна голова лошади (рис. 3). Количество задрапированных фигур-адорантов на этом рельефе больше, и одна из девушек несет на голове цисту, чего нет на анапском памятнике. На обоих рельефах, опубликованных А. Фуртвенглером, отсутствует жертвенное животное. Однако на третьем рельефе (рис. 5) из той же коллекции, происходящем из Беотии, тоже IV в. до н. э., маленькая обнаженная фигурка мальчика ведет свинью (№ 33). На всех трех — стул, на котором сидит женщина, задрапирован, так же как и ложе, а на столе, имеющем прямые ножки, лежат пирамидки и округлые хлебцы. Обнаженная фигура виночерпия в центральной части рельефа имеется на стеле из Копенгагенского музея, тоже IV в. до н. э.[5], посвященной Зевсу. Обнаженная фигурка мальчика с бараном на переднем плане группы адорантов имеется на трех рельефах с изображением погребального пира, воспроизводимых С. Рейнаком[6].

Все наиболее близкие к анапскому рельефы происходят из Греции и относятся к IV в. до н. э. Манера выполнения отдельных деталей на анапском рельефе также заставляет отнести его к началу IV в. до н. э., хотя, как мы уже видели, он сохраняет традиции эпохи Фидия. И. Своронос относит появление «рельефов с головой лошади, которую видно через окно», к IV в. до н. э.[7]. К этому же времени А. Фуртвенглер относит появление пилястр по сторонам рельефа, которые исследователи толкуют как изображение сцены внутри храма в антах[8].

Рельеф из собрания ГМИИ имеет тот же круг аналогий. Змея под трапедзой и виночерпий у высокого кратера с крайней правой стороны, так же как и повернутая к зрителю женская фигура, сидящая на одном

[5] A. Furtwängler. Sogenanntes «Todtenmahl-Relief» mit Inschrift, München, 1897; G. Tocilescu. Monumentele epigrafice şi sculpturali de Muzeului National de Antichitati dui Bucureşti, I. Bucureşti, 1902, стр. 425.

[6] S. Reinach. Repertoire de reliefs grecs et romains. Paris, 1912, т. II, стр. 163, №№ 1, 4, стр. 413, № 2.

[7] I. N. Svoronos. Das Athener Nationalmuseum. Athen, 1908, II, стр. 534.

[8] A. Furtwängler. La collection Sabouroff. текст к № 33.

ложе с мужчиной, аналогичны рельефу из Аргоса [9] однако на последнем виночерпий изображен одетым в короткий хитон. Обнаженная юношеская фигурка на фоне пилястры встречается на рельефе IV в. до н. э. из Пирея [10]. Форма канфара имеет прямые аналогии на рельефе из Копенгагенского музея [11]. Рельеф из ГМИИ, судя по аналогиям, следует относить ко второй половине IV в. до н. э.

Наиболее интересен вопрос о сюжете разбираемых рельефов. В литературе долгое время велись споры о том, к какому роду памятников принадлежат рельефы с изображением погребального пира и с культом какого божества их надо связывать. П. Гарднер пишет, что «немногие из групп античных памятников выдержали такую дискуссию, как рельефы с изображением погребальной трапезы» [12]. Зоега и др. высказали мысль о том, что это — сцена из семейной жизни и что здесь изображена обычная «семейная трапеза». Мюллер думал, что изображено представление о загробном мире, а Л. Стефани считал, что это изображение трапезы имеет символическое значение, «поскольку опьянение — это форма вечного блаженства» [13]. А. Фуртвенглер принимал эти рельефы за вотивные и связывал их с культом хтонических божеств. Он отмечает, что хлебцы и печения употреблялись при отправлении культов Деметры и Персефоны, что хлебцы из глины в виде пирамидок, изображаемых на подобных рельефах, встречаются в могилах, что связано с обычаем приносить их в жертву умершим [14].

И. Своронос связывает рельефы типа анапского с культом Асклепия и Гигиейи [15], так как в Асклепейоне в Афинах было найдено большое количество рельефов такого типа. Он считал их вотивными приношениями, а встречающиеся на них изображения лошади, змеи, собаки, дерева и оружия — атрибутами бога Асклепия. Уолтерс, Мильхгеффер, Ю. А. Кулаковский и многие другие [16] связывали рельефы с изображением погребального пира с культом героев, считая их надгробными памятниками, на которых изображены обряд возлияния «libatio» и возлежащий умерший в образе героя, которому его близкие совершают культ. С культом героя связывают эти рельефы и И. Хильд, и М. Денекен [17].

Культ героев у греков подражал культу хтонических божеств, и герои ассоциировались с хтоническими божествами. Они символизировались змеей, которая либо являлась воплощением умершего, либо указывала на божественный характер его нового существования. С культом хтонических божеств можно связывать и изображение коня, так как еще Гомер называл Плутона κλυτόπωλος, т. е. «славный конями». Деметру тоже часто изображали с головой лошади. Впрочем, со всадником у греков могло быть связано просто представление о герое. Что касается принесения в жертву барана, то известен обычай приносить в жертву Аиду черных баранов.

И. Хильд считает, что первоначально памятники такого типа не являлись надгробиями, а происходили из храмов, воздвигнутых хтоническим богам, и из святилищ, посвященных героям, героонов. Эти герооны строились на городской агоре, а позднее — у дверей домов и внутри них, где очаги становились алтарями обожествленных предков. И лишь начи-

[9] Le Bas Filipp. Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure. Paris, 1888, табл. 101, 2; S. Reinach. Ук. соч., т. II, стр. 413, рис. 2.

[10] I. N. Svoronos. Ук. соч., табл. XCIV, *1538*.

[11] A. Furtwängler. Sogenanntes «Todtenmahl-Relief»...

[12] P. Gardner. A Sepulchral Relief from Tarentum. JHS, № 5, 1884, стр. 106.

[13] Ю. Кулаковский. Две керченские катакомбы с фресками. МАР, № 19, 1896, стр. 52.

[14] A. Furtwängler. La collection Sabouroff, текст к табл. I и XXXII.

[15] I. N. Svoronos. Ук. соч., стр. 534 сл.

[16] Ю. Кулаковский. Ук. соч., стр. 54.

[17] I A. Hild. Heros. DA, т. III, ч. 1, стр. 147 сл.; M. Deneken. Heros. RL, т. 1, ч. 2.

ная с конца эллинистической эпохи эти памятники превращаются в надгробные стелы и встречаются в большом количестве на некрополях и вдоль ведущих к ним дорог. На рельефах типа анапского очень редко встречаются посвящения богам, иногда просто перечислены имена возведших данный памятник. Напротив, памятники с изображением погребального пира первых веков нашей эры, как правило, имеют обычные посвящения умершим.

Если в раннюю эпоху героизировали знатное лицо (основателя города, колонии, рода и т. д.), то в эллинистическую эпоху обычай героизировать умерших был уже широко распространен. Вот почему Л. Лауренци [18], М. Гардуччи [19] и другие ученые, публикующие рельефы эллинистического времени с изображением погребального пира, считают их уже обычными надгробными стелами, изображающими героизированного умершего, наличие протомы лошади — доказательством героизации умершего, трапедзу с «пирамидками» — характерными для героической трапезы, а змею и дерево — атрибутами героя. П. Гарднер обратил внимание на различие между пелопоннесскими и аттическими надгробными рельефами [20]. Он считал, что спартанские стелы с изображением героизированного умершего были более ранними и в Аттику пришли из Пелопоннеса. В Аттике одновременно существовали другие стелы с изображением семейной трапезы. У А. Конце опубликованы образцы таких рельефов, относящиеся в IV в. до н. э. [21]. Они очень близки рельефам разбираемого круга, но на них изображены только две центральные фигуры: возлежащий мужчина, сидящая женщина и стол с приношениями перед ними. Разбираемые нами рельефы типа анапского отличаются от этой группы рельефов. Они имеют другую форму, лишены акротериев, значительно меньше по размерам и укреплялись на специальных подставках, а не вырезались непосредственно на стелах. Отличаясь сложной композицией, наличием большого количества атрибутов, свойственных героям, наличием других персонажей, группа рельефов типа анапского развивалась на почве Аттики, самостоятельно и параллельно первой. Эта группа является промежуточной между группой спартанских стел и обычными аттическими рельефами с изображением трапез. На рельефах этой группы имеется и обычное изображение умершего, и сцена семейной трапезы, и мистические атрибуты умершего героя, и сцена жертвоприношения с жертвенным животным (бараном или свиньей) и с возлиянием вина, часто присутствует изображение алтаря и головы, а иногда — и фигуры лошади. П. Гарднер считает, что эти рельефы были и вотивными табличками, приносимыми богам, но что они посвящались только тем богам, которые родились от смертных, как, например, Диоскурам, Акслепию, Дионису [22].

В настоящее время, по-видимому, мнение о принадлежности рельефов типа анапского культу героев и героизированных предков можно считать общепринятым. Вероятно, большое распространение этого культа, а вместе с ним и табличек по всему греческому миру надо связать с популярностью культа хтонических божеств и с тенденциями синкретизма различных религий и культов в позднеклассическую и эллинистическую эпохи.

Из городов Северного Причерноморья пока известна лишь одна стела указанного типа — анапский рельеф, найденный на территории древней Горгиппии. Что касается рельефа из ГМИИ, то место его находки

[18] L. Laurenzi. Sculture inedite del Museo di Coo. Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni italiane in Oriente, т. XXXIII—XXXIV, № 5, Roma, 1957, № 234.

[19] M. Cuarducci. Antichità nel Museo di Treviso. Ann. della Scuola Arch. Italiana d'Atene, т. XXX—XXXII, Roma, 1952—1954, стр. 191—193.

[20] P. Gardner. Ук. соч., стр. 135.

[21] A. Conze. Ук. соч., т. II, табл. CCLIV, CCLVI.

[22] P. Gardner. Ук. соч., стр. 135.

неизвестно. Анапский рельеф представляет большой интерес не только своей уникальностью для городов Северного Причерноморья, но и прекрасным качеством исполнения, и тем, что он принадлежит к наиболее ранним памятникам среди этой группы рельефов в Средиземноморье. Позднее, в эпоху эллинизма, этот тип рельефов получил значительно большее распространение. Они появляются в Западном [23], а затем и в Северном Причерноморье [24]. В Тире и в Ольвии были найдены памятники с изображением погребального пира, но значительно более стилизованные. Они относятся, по-видимому, ко II в. до н. э. [25]. Наибольшее распространение в северопричерноморских городах рельефы с изображением погребальной трапезы получили в первые века нашей эры [26]. Но они сильно отличаются своей схематичностью и упрощенной композицией от рельефов разбираемой нами группы и по существу связаны с ней только сюжетом.

[23] К III в. до н. э., вероятно, относится рельеф из Каллатиса, хранящийся в музее г. Мангалии, инв. № 46. К более позднему времени — рельеф из Истрии, хранящийся в музее Истрии, и рельефы из Будапештского музея. См. G. Tocilescu. Ук. соч., № 90.

[24] G. Kieseritzky, C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, № 687 (из Тиры), № 688 (из Ольвии).

[25] IOSPE, I, 1916, №№ 8 и 123 add., стр. 223.

[26] Ю. Кулаковский. Ук. соч.

Л. Л. ПОЛЕВОЙ

НОВЫЕ НАХОДКИ АНТИЧНЫХ МОНЕТ В МОЛДАВСКОЙ ССР

В послевоенные годы в Пруто-Днестровском междуречье (Молдавская ССР) был зарегистрирован ряд находок античных монет. Вблизи с. Лопатник [1], Единецкого района Молдавской ССР, Н. А. Кетрару нашел серебряную гето-дакийскую монету (рис. 1).

Л. с. Голова Зевса вправо, в точечном ободке.

О. с. Всадник с пальмовой ветвью (?) в правой руке, вправо, в точечном ободке. Серебро. Вес 13,65 *г*. Диаметр 24—27 *мм*. Сохранность монеты удовлетворительная; оборотная сторона повреждена двумя насечками.

Монеты этого типа имитируют македонские тетрадрахмы Филиппа II (359—336 гг. до н. э.) [2] и открывают собой гето-дакийскую чеканку монет. К. Моисил [3], а с ним большинство авторов относят их к III в. до н. э.

Распространенные в Паннонии наиболее ранние «варварские подражения» тетрадрахмам Филиппа II сравнительно редки на территории между Карпатами и Прутом, т. е. в Румынской Молдове. Они отличаются по стилю от паннонских, особенно оборотная сторона с всадником [4]. На всех экземплярах найденных здесь монет подобного типа — следы удара рубящим орудием.

Приведенные соображения послужили румынским ученым основанием для выделения этих монет в так называемую «молдавскую» [5] группу

[1] К сожалению, не удалось установить более точное место нахождения.

[2] Не серебряные статеры, как полагали К. Моисил (C. Moisil. Monetele Dacilor. BSNR, XV, 1920, стр. 59 сл.), Л. Ружичка (L. Ruzicka. Cu privire la monetele Dacilor, II, BSNR, XXII, 1927, стр. 22—23), К. Секешану (C. Secăşianu. Numismatica antica. Bucureşti, 1939, стр. 49) и др., а тетрадрахмы: см. G. Severeanu. Symboles religieux sur les monnaies celtiques. BSNR, XXI, 47; Филипп II Македонский чеканил серебряную монету в номинале тетрадрахмы: см. А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 43.

[3] C. Moisil. Monetele Dacilor, тип. I; его же. Părările lui V. Pârvan d espre monetele antice din Dacia. BSNR, XXII, 1927, стр. 42; B. Mitrea. Ephemeris Dacoromana. 1945, X, стр. 27.

[4] Ср. А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XII, *1*.

[5] Группа названа молдавской по географическому признаку распространения этих монет в пределах Молдовы.

гето-дакийских подражаний тетрадрахмам Филиппа II [6]. Находка публикуемой монеты в Пруто-Днестровье не является случайностью [7] и может быть связана с наличием на этой территории памятников фракийской группы племен, одной из ветвей которой являлись гето-даки.

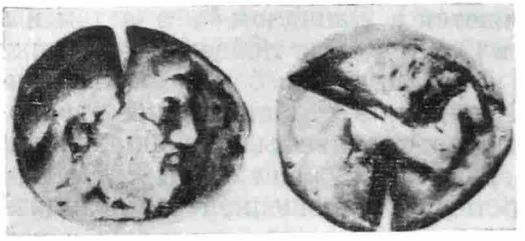


Рис. 1. Гето-дакийское подражание тетрадрахме Филиппа II Македонского

В результате археологических исследований последних лет вопрос об этнической принадлежности древних поселений IV—II вв. до н. э. в лесостепной Молдавии в значительной степени проясняется. По мнению А. И. Мелюковой, они принадлежат фракийцам и по облику своей культуры близки к одному из фракийских племен — гетам [8].

При раскопках городища IV—III вв. до н. э. у с. Бутучены, Оргеевского района, в остатках древнего жилища в 1948 г. была найдена медная монета Тиры [9] (рис. 2, *1*).

Л. с. Профиль Деметры без покрывала, с венком из колосьев (?), вправо.

О. с. Передняя часть скачущего коня, вправо.

Медь. Вес 9,77 *г*. Диаметр 21—23 *мм*. Монета сильно стерта.

Найденная монета является новым медным экземпляром, дополняющим группу из четырех других, приведенных А. Н. Зографом в корпусе монет Тиры [10]. Эти четыре монеты перечеканены из более ранних тяжелых медных монет группы № 11 (вторая половина IV в. до н. э.). Надпись на некоторых из них TYPANON, обычная для драхм второй половины IV в. до н. э., по мнению А. Н.Зографа, заставляет полагать их по меньшей

1 *2*

Рис. 2. Медные монеты Тиры

---

[6] G. Severeanu. Ук. соч.; C. Secăşianu. Ук. соч., стр. 86; O. Iliescu. Un nou tip monetar Dacic. Bucureşti, 1944, стр. 4.

[7] В списке монет из бывш. коллекции Суручана, найденных, по его словам, в Белгороде-Днестровском (В. Н. Юргевич. Список монет из коллекции Суручана. Тр. VI АС, т. II, 1888, стр. 31, примеч.), имеется одна золотая монета и две серебряные монеты, по типам схожие с монетами Филиппа II Македонского. Мнение А. Н. Зографа (А. Н. Зограф. Монеты Тиры. М., 1957, стр. 58—59) о том, что серебряные монеты — варварские (вероятнее всего, дакийские.— *Л. П.*) подражания тетрадрахмам Филиппа Македонского, вряд ли может быть оспорено. Однако данные списка неясны и не позволяют судить, о какой группе дакийских монет идет речь. Что касается ауреуса Косона, то мнение А. Н. Зографа, основанное на ранних работах (M. Bahrfeldt. Über die Goldmünzen des Dakerkönigs Koson. Berliner Münzblätter. XXXIII, 1912, стр. 16, 251 сл.; R. Forrer. Die keltische Numismatik der Rhein- und Donauländer. Strassburg. 1908, стр. 206 сл. и др.), оспаривается румынскими исследователями дакийских монет (C. Moisil. Monetele Dacilor, стр. 59 и сл.; V. Pârvan. Getica. Bucureşti, 1926, стр. 603—604 и др.), отрицающими чеканку золотых монет даками.

[8] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, № 64, 1958, стр. 96—102.

[9] Раскопки Г. Д. Смирнова. Монета хранится в Археологическом музее АН Молд. ССР.

[10] А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 68, №№ 15, 16; табл. II, 2.

мере современными последним выпускам драхм [11], т. е. датировать их концом IV в. до н. э.

В 1957 г. на поселении IV—III вв. до н. э. у с. Требужены, в непосредственной близости от Бутученского городища И. А. Рафаловичем была найдена еще одна медная монета Тиры (рис. 2, *2*).

Л. с. Голова безбородого речного бога Тираса в лавровом венке, с рожками на лбу, влево.

О. с. Голова взнузданного коня, вправо, внизу TYPA.

Медь. Вес 4,41 *г*, диаметр 17 *мм*. Сохранность хорошая.

Уникальный экземпляр монеты этого типа опубликован А. Н. Зографом, однако без указания веса [12]. Вводя их по типу в одну хронологическую группу с тяжелыми медными монетами второй половины IV в. до н. э., А. Н. Зограф из-за отсутствия весовых данных оставляет открытым вопрос об их номинале.

Публикуемая монета, хорошей сохранности, по весу близка к группе монет середины III в. до н. э., представляющих собой тот же номинал, что и тяжелая серия второй половины IV в. до н. э., «но по сильно уменьшенной стопе» (средний вес ее 4,58 *г*) [13]. Решение вопроса о номинале монет публикуемого типа будет возможно лишь после накопления определенного количества их экземпляров, необходимого для выведения среднего веса.

Сведя данные о находках монет Тиры и иногородних античных монет в районе Белгорода-Днестровского, А. Н. Зограф пришел к заключению о существовании довольно тесных экономических связей между Тирой и Ольвией. В отношении же остальных городов Северного и Западного Причерноморья торговые связи Тиры весьма вероятны [14].

Не обладая данными о находках монет Тиры в прилегающих глубинных областях, А. Н. Зограф не затрагивает вопроса о торгово-денежных взаимоотношениях греческой колонии с «варварским» миром.

На многочисленных известных поселениях IV—III вв. до н. э. в лесостепной части Молдавской ССР нередки находки фрагментов греческих амфор и другой керамики [15]. На городище Бутучены, где найдена одна из публикуемых монет Тиры, было также найдено большое число греческих амфор и посуды [16]. Эти свидетельства торговых связей гетских племен с греческими городами. Северного Причерноморья приобретают более конкретный смысл при рассмотрении монетных находок.

Публикуемые здесь находки ранних монет Тиры в довольно отдаленном районе Пруто-Днестровья (Оргеевский район, Молдавской ССР), а также, с другой стороны, находки гето-дакийских монет в Тире (см. выше, примеч. 7) позволяют поставить вопрос о возможности зарождения торгово-денежных связей Тиры с гетскими племенами этой области уже в IV—III в. до н. э. Конечно, Пруто-Днестровье — лишь периферия гето-дакийского мира. На основной территории Дакии складывается благоприятная для этого обстановка и, подобные явления выглядят много рельефнее. Там интенсивно проходит процесс разложения первобытнообщинного строя и сложения к III в. до н. э. сначала союза племен, а к I в. до н.э. — государственного образования [17]; ширятся и укрепляются торговые связи с соседними странами.

Разумеется, все сказанное здесь может быть принято лишь в качестве постановки вопроса, который должен быть развернут и решен на фоне накопления и обобщения в будущем бо́льшего количества фактов.

[11] А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 68, №№ 16, 15; табл. II, *2*.
[12] Там же, стр. 67, табл. I, *12*; № 12.
[13] Там же, стр. 25 и 69, № 17.
[14] Там же, стр. 62.
[15] А. И. Мелюкова. Ук. соч., стр. 96.
[16] Раскопки Г. Д. Смирнова.
[17] C. Daicoviciu. Cetatea Dacică de la Piatra Rosie. Bucureşti, 1954, стр. 144—149.

М. П. КУЧЕРА

ГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА ДОФЕОДАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК ДРЕВНЕГО ПЛЕСНЕСКА

В верховьях Западного Буга, у с. Подгорцы Олеского района, Львовской области, сохранилось большое городище, площадью около 160 *га*, являющееся остатками древнерусского города Плеснеска. Раскопки, производившиеся в 1946—1949 гг. и в 1953—1954 гг.[1], позволили собрать на городище многочисленный керамический материал, среди которого особое место занимает гончарная керамика VII—VIII вв. Как известно, период VII—VIII вв. в истории восточных славян изучен в археологическом отношении очень слабо. Между тем керамика этого времени, найденная при раскопках древнего Плеснеска, представляет собой среди подобного рода древностей, известных на территории восточных славян, наиболее богатую коллекцию[2].

Эта керамика представлена одним типом сосудов — горшками. Последние имеют низкие, хорошо выраженные плечики с резким изгибом, что нередко придает тулову почти биконическую форму (рис. 1). Для сосудов характерно широкое горло. Не имея вполне устойчивых пропорций, в целом они бывают или высокими (рис. 1, *1, 3, 4, 5*), или низкими (рис. 1, *2, 6, 7*). Высокие горшки, как правило, имеют меньшую вместимость (высота — 17—26 *см*, ширина в плечиках — 14—18 *см*). Некоторые из них напоминают по форме кувшины, и, возможно, использовались по этому назначению. Низкие горшки, наоборот, выделяются большей вместимостью и более значительной широкогорлостью (высота 21—26 *см*, ширина в плечиках 22—25 *см*). Многие из них напоминают по форме макотру. Наиболее крупные из этих сосудов (высотой до 35—40 *см*, шириной в плечиках до 35 *см*) должны были использоваться в качестве тары для хранения припасов.

Венчики горшков отогнуты наружу и наискось срезаны по краю. Часто срез края профилировался на всю ширину канавкой (рис. 1, *1, 5, 6, 7*). В глиняной массе содержится примесь крупного песка.

На большинстве кухонных горшков встречается орнамент. Сосуды для хранения обычно не имеют орнамента. Орнамент состоит из чередующихся горизонтальных и волнистых линий или же из одних только волнистых линий, нанесенных штампом, имеющим от 5 до 12 мелких зубчиков (рис. 1, *1—5*). Редко встречается орнамент из чередующихся линий и волн, нанесенных простым острием (рис. 1, *7*). Орнамент обычно покрывает среднюю часть тулова и занимает $^1/_3$ высоты сосуда. Часто орнаментировалась еще и шейка, реже — нижняя часть. Иногда встречается волна по торцу венчика.

Поверхность большинства сосудов кирпично-красная. Внутри сосуды реже имеют такую окраску. Для внутренней поверхности характерен светло-серый цвет, часто с синеватым оттенком. Окраска зависит от температурных условий обжига. На горшках, подвергшихся наиболее сильному воздействию температуры, эта контрастность в окраске поверхностей выступает наиболее ярко[3]. На внешней поверхности сосудов, как правило, имеются темные или более светлые пятна, в результате неравномерного действия температуры во время обжига. О том, что эти пятна

---

[1] См. І. Д. Старчук. Розкопки на городищі Пліснеськo. АП, т. I, 1949; его же. Розкопки городища Пліснеська в 1947—1948 рр. АП, т. III, 1952; его же. Розкопки на городищі Пліснеськo в 1949 р. АП, т. V, 1955; М. П. Кучера. Раскопки городища Плиснеск. КСИА, вып. 4, 1955.

[2] Керамика из раскопок древнего Плеснеска хранится в фондах Института общественных наук АН УССР (г. Львов) и в Институте археологии АН УССР (г. Киев).

[3] Во время обжига температура вне сосуда и внутри его, вследствие неодинакового доступа воздуха, была различной.

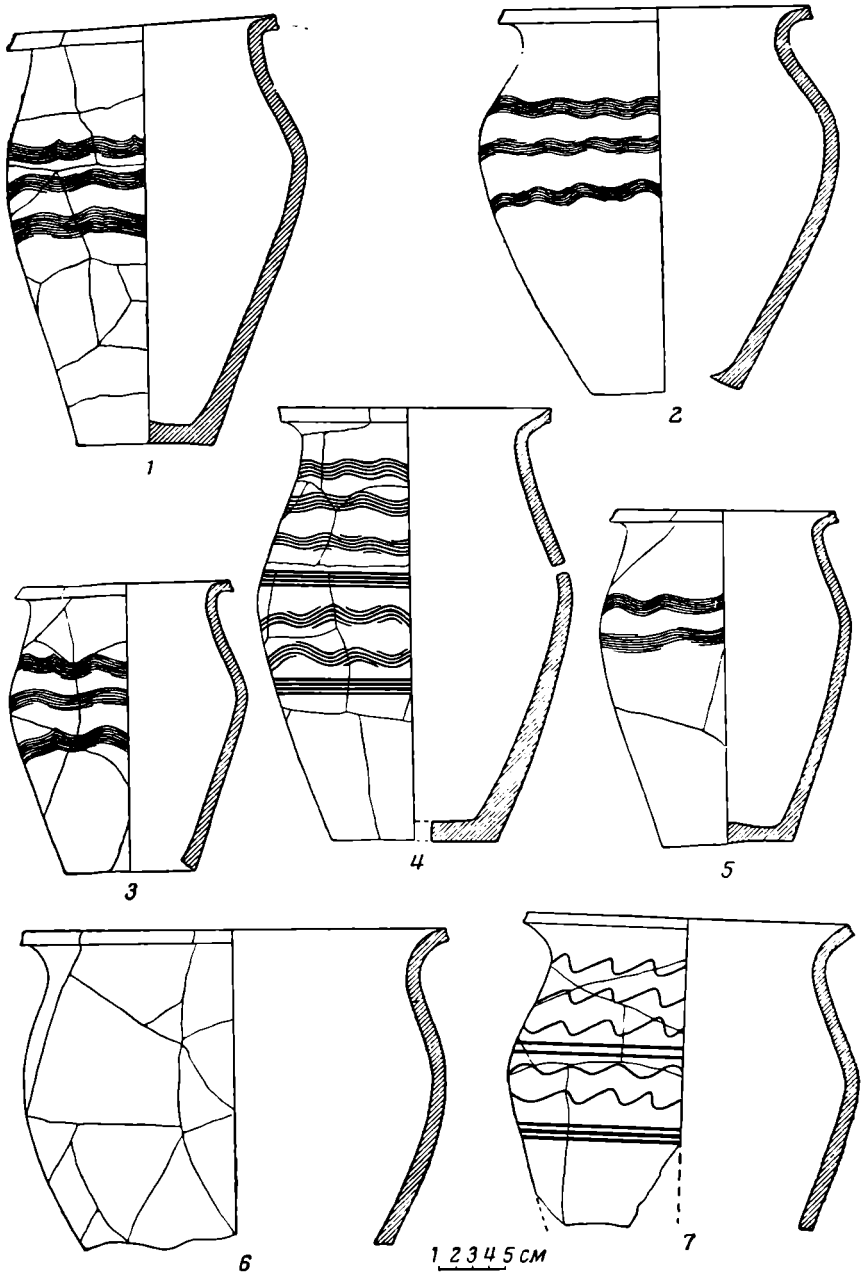


Рис. 1. Гончарная керамика VII—VIII вв. из раскопок древнего Плеснеска

происходят от непосредственного воздействия огня, свидетельствуют другие, черные узкие пятна, являющиеся следами языков пламени. Обычно эти «языки» встречаются в верхней части сосудов, причем они часто покрывают и внутреннюю поверхность по краям венчиков. Очевидно, сосуды во время обжига располагались вверх дном, по направлению к пламени. Такое предположение подтверждается наличием отдельных пятен на шейке и даже на донышках внутри сосудов. Связь этих пятен с обжигом очевидна, поскольку встречаются они только на хорошо обожженных сосудах, и, кроме того, четкость их контуров является показателем степени обжига. Стенки этих сосудов в изломе черные [4]. Встречаются

[4] Достичь такой высокой температуры на открытом воздухе невозможно. Для этой цели служили специальные горны, устраиваемые, очевидно, в обрывах оврагов, в которых использовалась естественная тяга воздуха.

также горшки слабообожженные или с посредственным обжигом, имеющие темно-серую или темно-желтую поверхность. На них темные пятна от языков пламени встречаются очень редко. Отличаются они, кроме того, слабой выразительностью. Иногда с одной стороны сосуд бывает серым, а с другой — светло-коричневым.

Все сосуды сформованы на ручном гончарном круге. Качество их формовки не всегда хорошее. Встречаются сосуды с асимметричным, деформированным туловом и искривленным венчиком. Во многих случаях на внутренней поверхности сохранились неровности от сглаживания стенок пальцами.

Аналогичная керамика найдена на поселении у с. Рипнев, Львовской области [5]. Этого же типа подъемный материал встретился в с. Бобривцы Тернопольской области [6]. Типичный для охарактеризованной керамики горшок найден на территории Киева во время раскопок В. В. Хвойко [7]. К этой группе принадлежит также значительная часть керамического материала из раскопок в Луке-Райковецкой (Житомирская область) [8].

Керамика рассматриваемой группы являлась одной из генетических основ древнерусской керамики IX—X вв., т. е. ее следует относить к дофеодальному времени.

Аналогичные горшки известны на территории Южной Польши [9], Словакии [10], Венгрии [11], Болгарии [12], где они датируются VII—VIII вв.

Из металлических изделий, синхронных керамике описанной группы, на городище найдены трехлопастной наконечник стрелы и шпора с загнутыми внутрь концами. Аналогичные наконечники стрел встретились на Пастырском городище в слое VII—VIII вв. [13], в Вознесенском кладе VIII в. (Надпорожье) [14], Новопокровском могильнике VII—VIII вв. [15] и целом ряде других памятников этого времени на территории УССР, Венгрии и Чехословакии. Аналогичного типа шпоры, встречающиеся преимущественно на территории Польши, также датируются VII—VIII вв.[16].

Таким образом, имеются все основания датировать охарактеризованную выше керамику из раскопок древнего Плеснеска VII—VIII вв.

---

[5] Фонды Института общественных наук (г. Львов); Ю. М. Захарук, О. О. Ратич. Слов'янське поселення біля с. Рiпнів. АП, т. V, 1955, стр. 41, табл. I, *4*.

[6] М. Ю. Брайчевський. Розвідка слов'янських пам'яток на Волино-Подільському прикордонні. АП, т. III, 1952, стр. 405, табл. I, *21*.

[7] Хранится в Киевском историческом музее, инв. № 29313.

[8] Фонды Института археологии АН УССР; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. I, *1, 8, 10*.

[9] J. Kostrzewski. Kultura prapolska. Poznań, 1947, стр. 422, рис. 234, стр. 258, рис. 159, *3*.

[10] V. Budinský-Krička. Slovanské popolnicové pole z doby predhradištney vo Vyčapoch-Opatovciach, okr. Nitra. Historica Slovaca, V (Eisnerov Sbornik). Bratislava, 1947, стр. 143—144, табл. IV, *1*; его же. Pohrebisko z neskorej body avarskej v Zitavskej Tŏni na Slovensku. Slovenská archeologia. Bratislava, 1956, т. IV—1, стр. 104—127, табл. XI, *5*; XXIX, *6*; *XXXIV, 22;* J. Porubsky. Slovanský mohylnik vo Ve!'kych Hostiact, okr. Banovce n/Bebr. Slovenská archeologia, Bratislava, 1955, т. III, стр. 227—229, табл. I, *1*; J. Eisner. Devinska Nová ves. Bratislava, 1952, табл. 97, *8*; 55, *8*, 66, *7, 4*.

[11] Horvath Tibor. Az üllői és a Kiskőrősi avarteineto. Archaeologia Hungarica, т. XIX, 1935, стр. 89, табл. XXXIX, *10,* стр. 103, табл. XLII, *23*.

[12] Ж. Вожарова. Раннеславянская керамика из села Попино. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 147, рис. 69, *1, 2, 3*.

[13] М. Ю. Брайчевський. Пастирське городище. ВАН УРСР, 1952, № 10, стр. 72.

[14] В. А. Гринченко. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. Археологія, т. III, 1950, стр. 44, табл. II, *1, 5, 6*.

[15] Ю. В. Кухаренко. Новопокровський могильник і поселення. Археологія, т. VI, 1952, стр. 48, табл. II, *6*.

[16] J. Kostrzewski. Ук. соч., стр. 313, рис. 201 (средний); Ian Żak. O chronologii ostrog o Zaczepach naczukowato zagiętych do wnętrza z Biskupina pow. Znin. Wiądomości archeologiczne. Warszawa, 1954, т. XX, ч. 3, стр. 278, табл. XXVI, *d, h*.

В. Б. ВИЛИНБАХОВ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ТИПЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Огнестрельное оружие было одним из важнейших изобретений в мировой истории. Широко известны слова Ф. Энгельса о том, что «Распространение огнестрельного оружия повлияло революционизирующим образом не только на самое ведение войны, но и на политические отношения господства и угнетения» [1]. Огнестрельное оружие имело большое историческое значение, оно в большой степени способствовало образованию централизованных государств, укрепило положение нового класса — городской буржуазии. Революционизирующее значение огнестрельного оружия было огромно и затронуло почти все стороны как военного дела, так и политических и экономических отношений.

Начальному периоду истории огнестрельного оружия посвящена большая специальная литература. Однако, несмотря на это, до сего времени в науке нет единого мнения ни о месте первоначального изготовления, ни о конструкции первых образцов огнестрельного оружия. Вплоть до сего дня в ряде специальных исследований по истории военного дела и военной техники без критического анализа принимаются на веру работы европейских ученых конца XVIII — начала XIX в., содержащие фантастические сведения о восточном огнестрельном оружии [2].

Между тем достоверно известно, что первые образцы огнестрельного оружия почти одновременно появились в двух удаленных друг от друга географических районах: в Западной Европе и на Дальнем Востоке. Первые сообщения об огнестрельном оружии в Европе относятся ко второй четверти XIV в., а датой его появления можно считать начало XIV в.[3] В Китае настоящее огнестрельное оружие стало применяться примерно в это же время. Европейское и китайское огнестрельное оружие прошло самостоятельные пути развития, эволюция огнестрельного оружия в этих географических районах совершенно не связана между собой, что и обусловило различие в их конструкции.

1

В настоящее время можно говорить о том, что развитие европейского огнестрельного оружия непосредственно связано с использованием различных средств «огневой» борьбы в Византийской империи. Мнение о том, что огнестрельное оружие проникло в Европу с Востока, требует пересмотра.

Известно, что первые пороховые составы («греческий огонь») появились в Византии в конце VII в. [4]. Чаще всего «греческий огонь» использовался при помощи огнеметных сифонов, упоминания о которых неоднократно встречаются во многих византийских источниках. Константин Багрянородный относит время появления сифонов к VII в. [5], однако, учитывая, что более двух веков отделяют его трактат «De administratione imperio» от эпохи Каллиника, можно твердо говорить лишь о том, что сифоны были известны в IX в., как об этом сообщает Лев Философ [6]. Из сочинений Льва Философа известно, что сифоны изготовлялись из бронзы и были двух типов: большие корабельные и малые — ручные. О том, что сифоны изготовлялись из металла, также сообщают визан-

[1] Ф. Энгельс. Из книги «Анти-Дюринг». Сб. «Избранные военные произведения». М., 1956, стр. 11—12

[2] См., например: Е. А. Разин. История военного искусства, т. 2, М., 1957, стр. 308; F. Lot. L'art militaire et les armées, т. II, Paris, 1946, стр. 439.

[3] E. Eriksen. Problems in the History of Mediaeval Artillery. 1-st Congress of Museums of Arms and Military Equipment. Copenhagen, May 22—25, 1957, стр. 47.

[4] Константин Багрянородный. О народах. СПб., 1899, стр. 175.

[5] Там же, стр. 175.

[6] Joly de Maizeroy. Institutions militaires de l'empereur Leon le Philosophe. Paris, 1778, т. II, стр. 159.

тийский историк Феофан [7] и епископ Педро [8]. Внешний вид ручного огнеметного сифона в известной степени может быть реконструирован при помощи рисунка (миниатюры), имеющегося в трактате Аполлодора Дамасского (Ватиканский кодекс № 1605), датируемого XI в. [9].

Изображенный на этой миниатюре ручной огнеметный сифон имеет форму короткой, суживающейся в передней части трубы, снабженной рукояткой и имеющей запальное отверстие. По своему внешнему виду сифон очень похож на вкладные каморы позднейших казнозарядных пушек [10]. Известный историк оружия Р. Форрер, специально исследовавший достоверность этого рисунка, считает, что византийский художник абсолютно правильно передал внешний вид огнеметного аппарата [11]. Вкладные каморы всегда имели утолщенную заднюю часть (для избежания разрыва в первый момент воспламенения заряда) и поэтому напоминали короткую коническую трубу. Совершенно такую же форму имеет и сифон, что является бесспорным доказательством не только того, что художник достаточно верно воспроизвел внешние формы огнеметного аппарата, но также и того, что византийские кузнецы прекрасно понимали требования, предъявляемые к конструкции сифона силой пороховых газов. Следует отметить, что подобную же форму имеют и огнеметные аппараты, изображенные на миниатюрах старинной немецкой рукописи (XIII в.) Der Eneide Heinrichs von Veldeke, Germ. fol. 282 [12]. На византийском рисунке, видимо, совершенно точно передано и примерное соотношение размеров стрелка и сифона. Поэтому, если взять в качестве масштаба фигуру стрелка, можно довольно точно установить основные размеры огнеметного сифона. Длина сифона на рисунке равна голени стрелка от подколенной впадины до подошвы или расстоянию от плеча до бедра. Обе эти величины, как правило, одинаковы и у взрослого человека равняются 40—43 *см*. Поэтому можно предполагать, что ручной огнеметный сифон имел длину 40—45 *см*. Судя по этому расчету, диаметр задней стенки сифона был приблизительно равен 20, а переднего среза — 15 *см*. Эти размеры сифона, полученные на основании анализа миниатюры, полностью соответствуют основным размерам обычных вкладных камор.

Следует отметить, что ручные пушки, подобные византийским огнеметным сифонам, встречаются в Европе в значительно более позднее время. В качестве примера можно сослаться на некоторые образцы подобных орудий: пушка «Sant Orsola Arco» (XIV в.?) — коническая бронзовая труба длиной 16,4 *см* с диаметром ствола — 5,5 *см* и весом 4,94 *кг* [13]; Люцерновская бронзовая пушка — вес 3,052 *кг*, длина ствола — 15 *см*, диаметр задней стенки — 8,75 *см*, диаметр передней части — 6,25 *см*, диаметр канала ствола — у дульного среза — 3,6 *см*, а у казенной части — 2,75 *см* (XVI в.) [14].

Можно предполагать, что ручной сифон конструктивно был связан с большим судовым огнеметным аппаратом. Последние, правда, не дошли до нас ни в оригиналах, ни в более или менее ясных изображениях. Тем не менее, о них можно судить a priori. Судовые огнеметные сифоны для

[7] Летопись византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., 1890, стр. 367.

[8] P. Gener. Contribution a l'étude de l'évolution des idées. Paris, 1880, стр. 538.

[9] В начале XX в. эта миниатюра обратила на себя внимание Р. Шнейдера. См. R. Schneider. Eine byzantinische Feuerwaffe ZHW, т. 5, ч. 3.

[10] Essenwein. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Leipzig, 1872, табл. LXVI; R. Forrer. Strassburger Waffenausstellungskatalog. Strassburg, 1903, стр. 21.

[11] R. Forrer. Archäologisches und Technisches zu der byzantinischen Feuerwaffe des Cod. Vat. 1605 vom 11 Jahrhund. ZHW, т. V, ч. 4, стр. 116.

[12] I. Schweitering. Zum Feuerangriff um 1290. ZHW, т. VII, ч. 12, стр. 337—338; F. Feldhaus. Ein Feuerangriff um 1290. ZHW, т. VII, ч. 8, стр. 236—237.

[13] P. Sixl. Entwicklung und Gebrauch des Handfeuerwaffen. ZHW, т. 1, стр. 183.

[14] R. Forrer. Eine «Handkanone» in der Art der Codex byz. Vat. 1605 und der Büchse von Orsola Arco. ZHW, т. VI, ч. 5, стр. 172—173.

безопасности действия (предохранение собственного корабля от огня) обязательно должны были быть достаточно длинными. Обычно они устанавливались на носу огнеметных «хеландрий». Подобная огнеметная система обязательно должна была заряжаться с казенной части. «Если нельзя было заряжать с дула судовую пушку пороховой мякотью, то являлось абсолютно немыслимым ввести в трубу-сифон кашеобразный состав греческого огня через дульное отверстие. В отношении сифонов мы, безусловно, имели дело с казнорядной конструкцией» [15]. Не исключено, что ручные сифоны использовались как вкладные каморы для больших судовых сифонов.

Время не сохранило до наших дней ни одного экземпляра огнестрельного оружия первой половины XIV в. Древнейшими изображениями огнестрельных орудий можно считать миниатюры, имеющиеся в средневековых трактатах: Вальтера Милимета (Holkham-Codex, 1326 г.) [16] и Шемшеддина Махуммеда, 1327 г. [17] Первое из них представляет собой лежащее на подставке орудие, имеющее форму большой бутыли, заряженной стрелой; второе — широко известная ручная мортира, типа мадфы. Оба эти орудия, скорее всего, являются типами, переходными от огнеметного к огнестрельному оружию [18].

Необходимо отметить, что порох XIV в., употреблявшийся в Западной Европе, представлял собой пороховую мякоть, бывшую весьма неудобной в обращении. Первый из известных рецептов пороха, без указания точных пропорций, был описан Рожером Бэконом в его послании 1265 г. парижскому архиепископу. Этот рецепт был скрыт в форме анаграммы, что было им сделано, вероятно, вследствие возведенного против него обвинения в колдовстве [19]. Приблизительно в это же время рецептуры пороховых составов, видимо, заимствованные из трактата Марка Грека, были приведены в сочинении епископа регенсбургского Альберта Великого (умер в 1280 г.) «De mirabilibus mundi» [20]. Первым практически использовавшимся рецептом пороха является рецепт 30-х годов XIV в. По нему пороховую мякоть составляли из: двух частей липового или ивового угля, двух частей селитры, одной части хорошей серы и $^1/_{10}$ части лака.

С распространением огнестрельного оружия рецептуры пороха значительно меняются. Так, около 1350 г. рекомендовалось: «если хочешь сделать сильный порох, то возьми 4 фунта очищенной селитры, 1 фунт серы, 1 фунт угля, 1 унцию виннокаменной соли, $^1/_2$ унции камфоры, столки все это как следует вместе, смочи спиртом, высуши как следует на солнце и будешь иметь долго годный к употреблению порох, один фунт которого лучше трех иного...» [21]. Постепенно изменяясь, соотношения основных частей пороха до конца XV в. продолжали повторять в общих чертах рецептуру, данную Марком Греком в трактате «Liber ignium ad comburendos hostes» [22].

Как уже отмечалось выше, пороховая мякоть не давала возможности заряжать орудия, имеющие длинные стволы, с дула. Для использования пороховой мякоти нужны были конструкции, в которых бы она заполняла ствол на небольшую глубину. Такими конструкциями в первую очередь могли быть короткоствольные мортиры. Но подобные орудия были непригодными для установки на бортах деревянных кораблей. Это обу-

[15] В. В. Арендт. К истории средневековой артиллерии. Архив истории науки и техники, вып. VII, 1935, стр. 320.

[16] См. F. Feldhaus. Maszyny w dziejach ludzkosci. Warszawa, 1958, стр. 270.

[17] См. Г. Фестер. История химической техники. Харьков, 1938, стр. 97.

[18] См. S. J. Romocki. Geschichte der Explosivstoffe I. Geschichte der Sprengstoffchimie, der Sprengtechnik und Torpedowesens. Berlin, 1895, стр. 76—78.

[19] S. J. Romocki. Ук. соч., стр. 92—93.

[20] А. Нилус. История материальной части артиллерии. Т. I, СПб., 1904, стр. 45

[21] G. Fischer. Über Pulverproben früherer Zeiten. ZHW, т. I, ч. 3, стр. 50.

[22] M. Berthelot. La chimie au moyen âge. Paris, 1886, т. I, стр. 108.

словило необходимость появления длинноствольных артиллерийских орудий типа казнозарядных пушек с вкладными каморами. Подобная точка зрения долгое время оспаривалась некоторыми историками артиллерии [23]. В настоящее время, однако, можно считать этот вопрос окончательно решенным, после того как Б. Ратген на основании тщательного изучения расходных книг и инвентарей артиллерийского имущества многих немецких городов (начиная с 1348 г.) доказал широкое распространение казнозарядных пушек в качестве первой системы в начальную эпоху развития европейской артиллерии [24].

В различных музеях хранится ряд казнозарядных каморных пушек, по конструктивным особенностям и характеру изготовления относящихся к XIV в. Среди них можно отметить ряд орудий Артиллерийского исторического музея (Ленинград): 70-*мм* пушка, найденная у берегов Дании (вкладная камора: длина 38,3 *см*, диаметр задней части 11 *см*, передней,— 8,3 *см*) [25]; 115-*мм* пушка, также найденная в 1852 г. у датского побережья (вкладная камора: длина 63,5 *см*, диаметр задней части 16,5 *см*, передней 10,8 *см*) [26]; 43-*мм* пушка, найденная в 1911 г. около Петербурга (вкладная камора: длина 22 *см*, диаметр задней части 7,5 *см*, передней 4,5 *см*) [27], 40-*мм* пушка Германского национального музея в Нюренберге [28]; большую пушку Венского музея оружия [29]; пушку Берлинского Цейгауза [30] и некоторые другие.

Развитие византийских огнеметных сифонов, их конструктивные особенности, с фотографической точностью скопированные позднейшими ручными пушками и вкладными каморами казнозарядных орудий; особенности пороховой мякоти, не дававшей возможности заряжать с дула длинноствольные орудия; показания источников о широком распространении в XIV в. казнозарядных пушек дают право утверждать, что первоначальным типом европейского огнестрельного оружия, наряду с коротконствольной мортирой, были казнозарядные с вкладной каморой пушки, являвшиеся, вероятнее всего, логическим развитием византийского огнеметного судового сифона.

2

В Китае пороховые составы были открыты в конце VII в. В 682 г. алхимик Сунь Сы-мяо в своем трактате «Дань Цзин» описывает процесс обработки серы огнем, что и было первым рецептом изготовления пороха в Китае [31]. Первоначальное боевое использование пороховых составов в Китае, так же как и в Византии, шло по линии развития различных типов «огневого оружия», основанных на зажигательных и разрушительных свойствах пороха. В 1132 г. Чень Гуй, специалист в области военной техники и полководец, при защите Дэаня (современная провинция Хубэй) впервые применил огнеметное оружие «хоцян», состоявшее из большой бамбуковой трубы, наполненной порохом. В ряде случаев небольшие «хоцян» прикреплялись к наконечникам стрел и копий. Согласно сведениям, имеющимся в трактате «У бэй чжи», огнеметный порох, которым заряжались «хоцян», имел следующий состав: селитры 1 фунт; серы 4,5 унции; соснового угля 3,8 унции; киновари 1,6 унции. Действие этого состава зависит от способа, которым его смешивали и заряжали. Хорошо сме-

[23] A. Demmin. Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwicklungen. Berlin, 1893, стр. 108.

[24] B. Rathgen. Das Geschütz im Mittelalter. Quellenkritische Untersuchungen. Berlin, 1928, стр. 54 и 316.

[25] В. В. Арендт. Ук. соч., стр. 298—299.

[26] Там же, стр. 299—301.

[27] Там же, стр. 302—303.

[28] Essenwein. Ук. соч., табл. XXXII.

[29] Katalog des K. und Heeresmuseums. Wien, 1903, стр. 416, № 3.

[30] P. Reimer. Die älteren Hinterladungsgeschütze. ZHW, т. XI, ч. I, стр. 4.

[31] Фэн Цзя-шэнь. Изобретение пороха в Китае и его распространение на запад. Шанхай, 1954 (на кит. яз.), хронологическая таблица.

шанная и плотно набитая в бамбуковую трубку масса давала фонтан или струю огня. Более неоднородная смесь брызгалась, а та, которая содержала примеси менее пористых и медленнее сгорающих фрагментов, была похожа на римскую свечу[32].

Дальнейшим развитием китайского огнеметного оружия были появившиеся в 1259 г. «тухоцян», представлявшие собой бамбуковую трубу, заряженную порохом и «пулею». При воспламенении пороха происходил выстрел, и «пуля» летела якобы на расстояние до 150 шагов. Никаких сведений о том, из какого материала изготовлялись эти «пули», в источниках эпохи Сун не имеется[33]. По расчетам современных ученых, такие бамбуковые орудия могли выдерживать давление пороховых газов до 80 фунтов на 1 кв. дюйм[34]. «Тухоцян», описанная в «У бэй чжи», стреляла зажигательными шариками, горевшими ярким огнем и выделявшими ядовитый дым. Орудие сперва заряжалось слоем медленно сгорающего пороха (содержавшего больше древесного угля и меньше селитры, чем обычно), затем слоем «брызгающего пороха» и шариком, приготовленным из селитры, камфары, сернистого мышьяка, белого мышьяка и соснового экстракта. В той же последовательности закладывалось еще четыре слоя. При выстреле шарики летели на расстояние в несколько сот футов. Подобные орудия широко применялись еще в XIV в., когда в 1353—1359 гг. они стали заряжаться железными пулями и камнями, что и явилось началом использования в Китае ствольного огнестрельного оружия, заряженного твердыми снарядами[35].

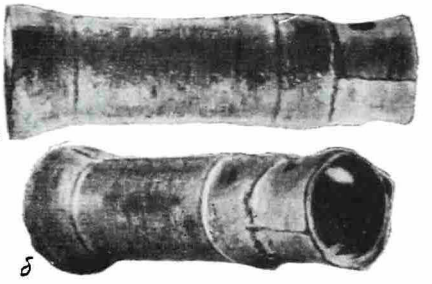


Рис. 1. Китайская «огненная пищаль» 1332 г.

«Тухоцян» изготовлялись из прямого куска бамбука, который просверливался до последнего сочленения. Получалась закрытая с одного края труба. Для укрепления ее задней стенки в ствол вставлялся пыж из глины, увенчанный железным кружком. В верхней части ствола делалось запальное отверстие, в который вставлялся медленно горящий запал в 4—5 дюймов длиной. Ствол заполнялся порохом, сверху затыкался деревянным пыжом и железным диском, в котором были проделаны круглые отверстия. К задней части трубы прикреплялась ручка, а вся труба дополнительно укреплялась бечевкой, которой она плотно обматывалась в три витка. Большие «тухоцян» обычно устанавливались на подставках (развилках).

Дальнейшим развитием «тухоцян» явились изготовленные из железа и меди огнестрельные орудия «хотун». Как указывается в трактате «Син цзюнь сюйчжи» (цзюань 2), «хотун» первоначально применялись при защите городов для огнеметания, и при этом они не заряжались пулями и снарядами. Это известие наглядно подтверждает положение, что огнестрельное оружие ведет свое происхождение от огнеметного. Одним из первых типов «хотун» был образец, предназначенный для метания стрел. Это была медная труба длиной до 3 футов, заряжавшаяся стрелой и необходимым для ее метания зарядом в 0,3 унции пороха. При выстреле стрела вылетала на 200—300 шагов.

Известные сейчас наиболее древние «хотун» хранятся в Музее Народно-освободительной армии в Пекине. «Огненная пищаль» 1332 г. (рис. 1)

[32] T. L. Devis, I. R. Ware. Early Chinese Military Pyrotechnics. Journal of Chemical Education, т. 24, № 11, 1947, стр. 525.

[33] Мао Цзо-бэнь. Изобретения наших предков. Шанхай, 1957 (на кит. яз.), стр. 32. стр. 172.

[34] Wang Ling. On the Invention and Use of Gunpowder and Firearms in China. Isis, т. 37, 1947, стр. 172.

[35] Фэн Цзя-шэнь. Ук. соч., стр. 40.

представляет собой короткую (35,2 *см*) медную трубу, имеющую раструб у казенной части. Калибр пушки 9,9 *см*, вес 6,49 *кг*. Интересной особенностью этого оружия является то, что запальное отверстие расположено около дульного среза. Это, видимо, свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело не с огнестрельным, а с огнеметным типом оружия. Вторая «хотун» (рис. 2) была недавно найдена при археологических раскопках [36]. Она датирована 1351 г. и представляет собой медную трубу, воспроизводящую внешние формы бамбука, несколько расширяющуюся в дульной части. Длина ее 43,4 *см*, длина канала ствола 27,8 *см*, диаметр канала в широкой части 3,1 *см*, в узкой 3 *см*, вес 4,78 *кг*. Запальное отверстие также находится у дульного среза.

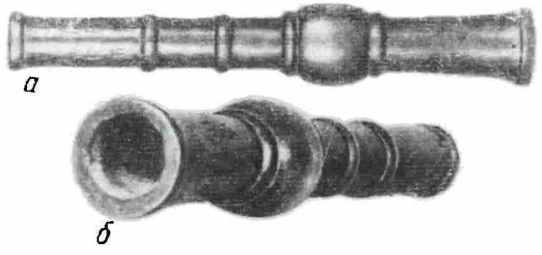


Рис. 2. Китайская пушка «хотун» 1351 г.

«Хотун», подобные образцу 1351 г., в большом числе имеются в различных музеях Китая. По данным японского исследователя Курода Гендзи, таких орудий насчитывается несколько сот [37]. Среди них имеются «хотун», датируемые: 1352 г. (Шаньдунский музей); 1378 г. (Тайюаньская библиотека); 1374 г. (Нанкинский музей); 1373 г. Пекинский университет). Все эти орудия по своей внешней форме передают контуры бамбука и изготовлены из красной меди.

Огнестрельное оружие, почти одновременно появившееся в Европе и Китае, прошло одинаковый путь развития, имея в качестве прямого предшественника различные образцы огнеметного оружия. Специфика местных условий наложила своеобразные отпечатки на конструктивные особенности первых образцов европейского и китайского огнестрельного оружия. Преимущественное использование средств «огневой борьбы» в качестве морского оружия на Западе (Византия) обусловило то, что здесь с самого начала широкое распространение получила длинноствольная конструкция, заряжение которой полужидким «греческим огнем» и пороховой мякотью потребовало создания казнозарядных систем. Использование огнеметного оружия, главным образом как средства полевой войны, определило развитие его в Китае в виде сравнительно небольших, заряжающихся с дула орудий.

Специфика развития огнестрельного оружия в Европе и в Китае является вполне закономерной, поскольку в силу сходных социально-экономических условий пороховые составы почти одновременно были открыты в двух изолированных друг от друга географических районах, и дальнейшая эволюция «огненного оружия» происходила параллельно, без наличия взаимного влияния. Подобное положение не должно вызывать удивления, поскольку «Только от распространённости сношений зависит, теряются — или нет — для дальнейшего развития созданные в той или другой местности производительные силы, особенно изобретения. Пока сношения ограничиваются непосредственным соседством, каждое изобретение приходится делать в каждой отдельной местности заново; достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать всё сначала» [38].

---

[36] Хроникальные заметки. ВИ, 1957, № 6, стр. 222.

[37] L. G. Goodrich. Note on a Few Early Chinese Bombards. Isis, т. XXXV, ч. 3, № 101, 1944, стр. 211.

[38] К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, М., 1955, стр. 54.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

ИЗДЕЛИЯ РЕМЕСЛЕННИКОВ НА СТАРИННОЙ ИКОНЕ

Несмотря на строгий контроль церкви и чуждые русской жизни сюжеты большинства икон, древнерусские художники-иконописцы нередко включали в свои произведения отдельные образы и бытовые детали, взятые прямо из окружавшей их действительности. Таких вещей известно много (и фресок, и икон), и они, наряду с древнерусской миниатюрой[1], могут служить хорошим источником для изучения быта и материальной культуры того времени.

Мы рассмотрим с этой точки зрения только один сюжет: «Сошествие во ад», или «Воскресение»[2]. Композиционно эта вещь распадается на две части: вверху изображен Христос, «изводящий» пророков и праотцев из ада, внизу — разгромленный ад: сокрушенные «двери адовы», перебитая стража; наконец, сам сатана, закованный в цепи.

Очень часто эта, нижняя, часть композиции, как ни странно, привлекала особое внимание многих древнерусских художников. И это не случайно. Дело в том, что содержание этого раздела иконы давало им некоторую возможность изображать бытовые детали, которой художники пользовались очень широко. Так, на иконе из Новгородского музея, работы местного художника XV в., в числе приспособлений, укреплявших «врата ада», изображено несколько замков, имеющих, как оказывается, точные аналогии среди новгородских замков того времени (рис. 1).

Первый из них (изображен закрытым) представляет собой широко известный тип цилиндрического замка с лабиринтообразной скважиной, предназначенной для так называемых пластинчатых ключей. Такой ключ здесь и изображен несколько схематизировано в виде трехзубой вилки. Этот тип замков известен с середины XIV в., причем Новгород был одним из центров их производства[3]. Художником хорошо передана массивность замка, а также отверстия между большим и малым цилиндрами, сделанные для облегчения всей конструкции.

Очень интересен своей необычностью второй замок. Он как бы раскрылся от сильного удара, дужка вылетела. Корпус его явно не цилиндрический: один конец шире, другой уже, как бы срезан. Имеется малый цилиндр, отделенный от корпуса широким пазом. И в данном случае, несмотря на некоторый схематизм и неточность (срез на замке должен находиться с противоположной малому цилиндру стороны), художник довольно верно изобразил тип замка, бытовавшего в Новгороде с конца XIV по начало XVI в.

Ключи к этому замку были также необычны, наподобие ключей для нутряных замков с двумя, тремя и четырьмя бородками[4]. Такой ключ и изображен здесь. На нем пять бородок, и ему, следовательно, должен соответствовать замок с пятью пружинными штифтами. На рисунке изображен двухштифтовый замок. Здесь же изображена личина нутряного замка обычной формы.

Характерно, что такое внимание к изделиям кузнецов-замочников мы встречаем только у новгородских художников[5]. Эту особенность можно

---

[1] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

[2] Всего нами просмотрено около 30 икон XIII—XVII вв. из собраний ГТГ, ГИМ, а также из различных печатных изданий.

[3] Р. Л. Розенфельдт. Русские замки домонгольского времени. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 35, рис. 2, *24*, стр. 38.

[4] Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. II, 1959, стр. 84, 87.

[5] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 34, а. Здесь приводится еще одна такая икона XIV в., в которой также весьма подробно изображены навесные и нутряные замки и другие изделия ремесленников-металлистов.

объяснить, видимо, самим характером жизни Новгорода — этого крупнейшего ремесленного центра древней Руси. Возможна, впрочем, и территориальная близость поселений живописцев и замочников в Новгороде.

На псковской иконе XVI в.[6] ремесленных изделий так много, что кажется, будто добросовестный художник изобразил всю продукцию соседнего кузнеца или товар знакомого торговца. Всего здесь изображены 32 вещи (рис. 2)[7].

Здесь мы видим личину нутряного замка незатейливой формы в виде ромба[8]. Эта деталь изображена почти на всех иконах данного сюжета, являясь как бы своеобразным символом разбитых «врат ада». Далее идет ключ от нутряного замка. Точное соответствие ему мы находим среди новгородских ключей XV в.[9]. Здесь же нарисованы семь гвоздей с характерными широкими шляпками[10], два крюка — возможно, для навески ворот — и пять дверных ручек и пробоев. Все эти вещи изображены здесь очень тщательно, они хорошо известны по материалам раскопок[11]. Очень интересно изображение двух молотков. Один из них довольно массивный — видимо, кувалда средних размеров. По форме она очень похожа на ту, что изображена в Никоновской летописи, во втором Остермановском томе, на рисунке, представляющем кузницу Темир-Аксака (Тимура)[12]. Кузнечные кувалды, как известно, еще не найдены археологами[13].

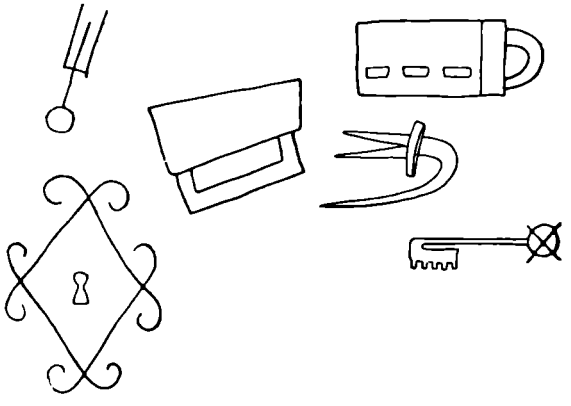


Рис. 1. Изображения на иконе из Новгородского музея

Форма второго молотка не оставляет сомнений в том, что это — гвоздодер. Можно даже определить, что это поздний тип данного инструмента, цельнометаллический. Он известен с XVI в. Хорошо видно утолщение ручки около головки, имеющееся только у этого типа гвоздодеров[14]. Гвоздодер на иконах «Сошествия во ад» встречается очень часто и всегда рядом с гвоздями: например, на иконах XVII в. из собрания ГИМ (№ 61847 и VIII 3015; № 58610 и VIII 3021; № 54627 и VIII 30013).

Безусловно, к числу редких надо отнести изображение на описываемой иконе двух пил-ножовок. Изображение очень достоверное: полотно узкое, с характерным дугообразным изгибом, тонкая металлическая ручка. Старательно прорисовано художником расположение зубьев пилы[15].

Здесь же рядом — два массивных топора с широким сегментовидным лезвием. Самая близкая аналогия им — боевые топоры XV—XVI вв.[16] И это не случайно: художник, очевидно, изобразил здесь ору-

---

[6] Икона из собрания ГТГ, инв. № 12945.

[7] Для иллюстрации привлекаем вещи из новгородской коллекции находок, как самой многочисленной и территориально близкой к Пскову.

[8] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 96, рис. 78, *11*.

[9] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 92, рис. 74, *14*.

[10] Там же, стр. 112.

[11] Там же, стр. 97.

[12] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 76.

[13] Там же, стр. 77.

[14] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 47, рис. 32, *3*.

[15] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 35, рис. 18.

[16] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 134, рис. 6, *4, 5*.

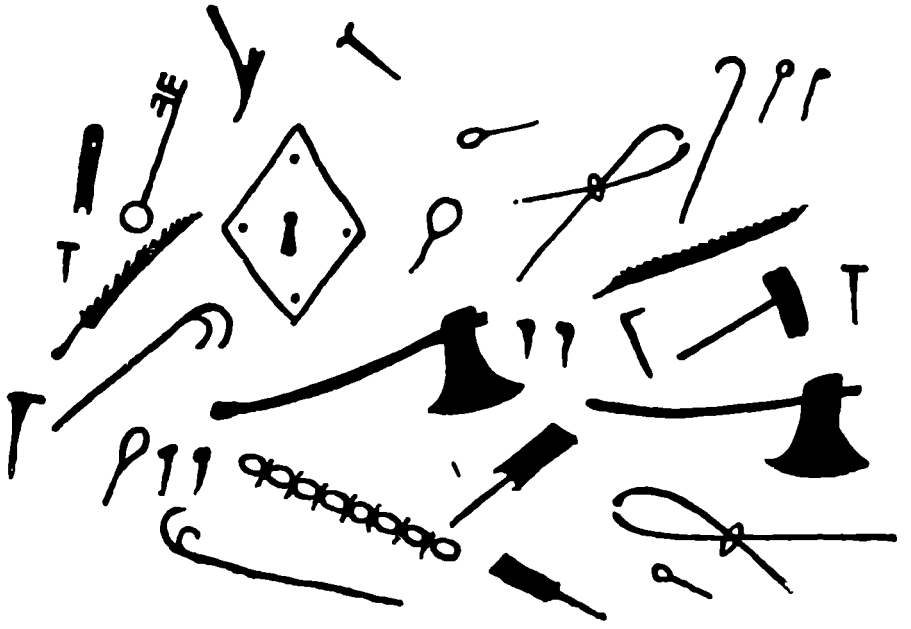


Рис. 2. Изображения на псковской иконе

жие двух привратников, стражей ада; четко, но несколько схематически изображена пара широкогубых, очевидно, кузнечных клещей. Интересны также три длинных массивных крюка, два из которых двойные. Все они, в том числе и двойные, хорошо известны по археологическим материалам [17] и являются точными копиями обычных рыболовных крючков.

Пилы, клещи и крюки изображены здесь, конечно, как традиционные орудия «адских мук». Именно о них говорится в одном древнерусском рукописном сборнике: «... приидоша к нему демони... глаголюще между собою, показующе друг другу орудиа своя; ин удицы, а ин клещи, а ин пилы малыя, а ин рожны, а ин шила, а ин бритвы... а ин держит пилу великую и глаголет: претрем его на полы...» [18].

Крючья (удицы) часто изображались на иконах «Страшного суда», например на новгородской иконе XV в., находящейся сейчас в экспозиции Третьяковской галереи, и на упоминавшейся уже нами иконе «Сошествия во ад» из собрания ГИМ.

Неясны нам два предмета: они похожи на стамески, но впрочем, возможно, это что-то другое, может быть лопаточки для угля в кузнице.

На упомянутой иконе из собрания ГИМ (№ 54627 и VIII 30013) есть еще одна любопытная и редко встречающаяся в древнерусском искусстве деталь [19]— изображение булавы. Нарисована булава очень хорошо, со старанием: это увесистое навершие круглой формы на длинной палке, конец которой высовывается над верхним отверстием (рис. 3). Такой тип булавы назывался в старину «буздыханом» [20]. На иконе молоденький ангел, взяв за бороду сатану, старательно колотит его булавой по голове. В XVII в., когда писалась

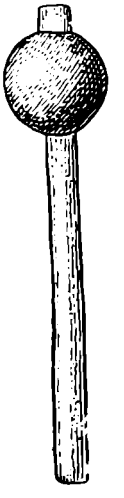


Рис. 3. Изображение булавы на иконе из собрания ГИМ

[17] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 77, рис. 62, *1, 4*.

[18] «Повесть страшна и зело полезна лета 7004-го месяца июля в 4 день», Сб. Соловецкой библиотеки, № 985/875, л. 298 об.

[19] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 22, 56; Э. А. Рикман. Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 25 сл.

[20] А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 136.

икона, булава еще применялась как боевое оружие, а не только как символ воинской власти.

На той же иконе изображено несколько стрел, однако довольно схематично, ввиду чего определение их затруднительно. Почти на всех экземплярах очень схематично изображены цепи; на описываемой иконе они имеют какие-то странные «перехваты» между звеньями. Аналогии им мы не нашли. Кроме того, много раз изображены панцирные доспехи [21].

Вот что дает нам рассмотрение только одного сюжета древнерусской станковой живописи.

Очевидно, что внимательное ознакомление с произведениями станковой и фресковой живописи древней Руси даст исследователям еще много интересных материалов.

---

[21] А. Ф. Медведев. Ук. соч., стр. 176, 179, 181.

Критика и библиография

Grahame Clark. World Prehistory. Cambridge, 1961. 384 стр. +XIII табл.

Автор этой книги уже известен советским читателям по изданному в СССР переводу его труда «Доисторическая Европа»[1]. Рецензируемая работа представляет собою впервые, насколько я знаю, делаемую попытку нарисовать в общих чертах картину доисторического прошлого всего человечества на основании имеющихся в настоящее время археологических и частью антропологических данных во всех частях света, включая Австралию, а также Полинезию и Океанию. Подобная попытка видного английского археолога согласовать между собою все эти данные, несомненно, представляет большой интерес не только для археологов, но и для всех интересующихся вопросами древнейшей истории человечества.

Само собою разумеется, что вместить в одну книгу огромное количество фактов, собранных археологией по этой проблеме к настоящему времени, было делом безнадежным. Только наиболее существенные из них могли найти в ней место. Но не самые факты, описываемые в этом труде, а главным образом делаемые на их основании выводы будут интересовать читателя. Поэтому необходимо сказать несколько слов об общей концепции автора этой книги на историческое прошлое человечества.

Как и в предыдущих своих работах, так и в этой Г. Кларк в главе первой — «Место человека в природе» — придает большое значение последней в ходе культурного развития человечества и его биологической эволюции. Он повторяет приводившуюся им в предшествующих работах схему обязательного равновесия между человеческим обществом и «габитатом» (почва и климат) и «биомой» (флора и фауна) «экосистемы» (окружающей обстановки в целом), считая, что изменение в одной из частей этой системы обязательно вызовет соответственные изменения в остальных. Мы, конечно, не можем согласиться с этой механической формулой, где человеческое общество ставится на одну доску с его природным окружением. Признавая, что природное окружение всегда известным образом оказывает влияние на человека, и тем сильнее, чем слабее была техническая вооруженность его, нельзя не видеть основного различия между человеческим обществом и его природным окружением. Ибо человек в процессе роста его культурного развития получает все бо́льшую возможность активно влиять на это окружение, а не только пассивно приспособляться к происходящим в последнем изменениям. Это верно не только в отношении современности, когда человек, например в СССР, создает новые искусственные моря и заставляет реки течь вспять, изменяя тем самым и климат в ряде областей. Но и на заре человеческой истории, при переходе к земледелию и животноводству, человек своим трудом изменял географическое распределение флоры и фауны, сосредотачивая в нужном ему месте определенных животных и потребные ему виды растений и воздействуя на их природу путем одомашения их и аккультурации.

Поэтому археолог-марксист не может согласиться с дальнейшим заключением Г. Кларка (стр. 10), что предлагаемая им система, не учитывающая активной роли человека в процессе его общественного труда, дает «некоторое объяснение механизму человеческого прогресса». Будучи чисто механической, его схема неизбежно приводит автора нередко к идеалистическому объяснению различных моментов в ходе биологического и культурного развития человечества. С этим необходимо считаться при чтении рассматриваемого труда Г. Кларка. Но это, конечно, не исключает научного значения книги Г. Кларка. Далеко не все труды ученых, стоящих на идеалистических позициях, заслуживают сплошного порицания. Критика таких работ не должна быть чисто отрицательной. Нас должны интересовать и положительные стороны таких трудов, если таковые имеются. А именно так и обстоит дело с работой Г. Кларка.

Труд Г. Кларка вносит много нового в нашу науку, археологию. Не говоря уже о том, что в этом конспективном обзоре древней истории человечества приведены главнейшие научные данные, полученные за последнее время в области археологии всего земного шара, автор этой книги по-своему логично и отчетливо пытается обобщить все эти данные, нарисовать полную картину развития человеческого общества на первых ступенях этого процесса. С некоторыми его выводами можно не со-

[1] Г. Кларк. Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953.

глашаться, другие — оспаривать. Но со многими его предположениями необходимо считаться или принять их хотя бы как постановку некоторых кардинальных вопросов. Особенно ценно, что эта книга написана так, что может вызывать интерес не только у археологов, но и у широкого круга читателей, не специалистов в области археологии. В этом отношении Г. Кларк идет по пути своего друга, покойного археолога Г. Чайлда, труды которого хорошо известны советским читателям по опубликованным в СССР их переводам.

Обратимся после этой общей оценки труда Г. Кларка к содержанию его книги и сделанным в ней общеисторическим выводам.

В разделе первой главы, озаглавленном «Биологическая эволюция», Г. Кларк конспективно излагает новейшие данные о находках и изучении ископаемых останков человека. В приложенной таблице (стр. 21) он относит австралопитицин (австралопитек, парантроп, телантроп) к раннему плейстоцену (виллафранкское время), питекантропов (относя к ним гейдельбергского человека и синантропа) — к среднему плейстоцену, а «человека» — к позднему плейстоцену, перечисляя в графе «виды» этого «рода» родезийского, солоенского, неандертальского и «разумного» человека. Этот раздел написан очень осторожно. В ряде мест Г. Кларк предупреждает о недостаточности имеющихся данных и спорности делаемых из них выводов. Особо надо отметить, что автор придерживается мнения, что неандертальцы представляют собою звено в линии развития человека, того ствола, который имеет своим началом питекантропа, а конечным звеном — homo sapiens (стр. 21). Западных неандертальцев он считает, как обычно, отклонением от этой линии «на крайней территории палеолитического мира». Но объяснение причины этого отклонения, которую Г. Кларк видит во влиянии «чрезвычайных климатических условий, при которых возможность генетической вариации стала максимальной, а возможность расселения уменьшилась» (стр. 23), носит чисто умозрительный характер и вытекает из гипертрофированного представления о роли географической среды. И когда автор на следующей странице (стр. 24) приводит примеры этого влияния природной среды на биологическую эволюцию человека, он принужден ограничиваться второстепенными деталями — цветом кожи, окраской волос, формой носа. Впрочем, он тут же добавляет, что генетические вариации человека могли зависеть и от изоляции человеческих групп друг от друга в процессе их расселения (стр. 25).

Многие положения автора в этой главе соответствуют известным высказываниям Ф. Энгельса о причине возникновения прямохождения, о значении освобождения рук и влиянии этого фактора на другие органы. Но ни в тексте главы, ни в списке рекомендуемой к ней литературы имени Ф. Энгельса не упоминается.

Во второй главе, посвященной нижнему палеолиту, Г. Кларк, принимая общепризнанный критерий, отличающий человека от человекообразных обезьян, способность первого изготовлять искусственные орудия, занял скептическую позицию в отношении гипотезы о том, что австралопитеки уже пользовались искусственными орудиями. Отмечая, что остатки австралопитеков были найдены в Стеркфонтейне (три зуба) и в ущелье р. Олдувей в Танганьике (костяки) наряду с каменными орудиями, он подчеркивает, что еще не доказано, принадлежали ли эти орудия австралопитекам или гипотетическому охотнику на них (телантропу?). Особенно его заставляет сомневаться в этом малая величина мозга австралопитеков (максимум 685 *см*²). И заканчивает этот раздел словами, что «наиболее ранняя каменная индустрия, обнаруженная до сих пор... относится к верхнему горизонту Триниля» (стр. 31—32).

В связи с этим, описав кратко находки в пещере Чжоу-Коу-Дянь, Г. Кларк говорит, что, хотя каменные орудия из этой пещеры «представляют собою в историческом аспекте наиболее примитивный уровень известной нам безусловно человеческой культуры» (стр. 35), они не являются древнейшими. Вопрос о том, где возник человек, еще остается открытым. По мысли автора, это должно было произойти где-то на ограниченной территории. И эту территорию, по его мнению, следует искать на востоке Центральной Африки. Автор излагает далее получающую широкое распространение на Западе гипотезу, с которой, как известно, ряд западноевропейских ученых связывает вопрос о происхождении homo sapiens[2]. Однако в противоположность этим ученым, в гипотезах которых основную роль играет признание использования древнейших найденных в Африке каменных орудий австралопитеками, Г. Кларк, как мы видели, отрицает вероятность этого. Судя по беглому замечанию, сделанному Г. Кларком на стр. 40, он считает производителем древнейших африканских каменных орудий человека питекантропоидного типа в связи с находкой в 1960 г. Л. Лики в третьем слое Олдувея черепа аналогичного типа.

Очевидно, Г. Кларк разделяет мнение Р. Кунигвальда о заселении Старого Света в раннем плейстоцене человеком питекантропоидного типа. Здесь, в Центральной Африке, и происходит, по мнению Г. Кларка, «индустриальный прогресс, выразившийся в эволюции от грубых чоппингообразных орудий к ручным рубилам с двусторонней обработкой», тогда как «вне этой области, в которой индустрия ручных рубил распространяется в среднем плейстоцене, традиция древних чоппингообразных орудий и отщепов сохранялась в некоторых областях до позднего плейстоцена и даже в неотер-

[2] Особенно характерной попыткой доказать при помощи этой гипотезы изначальность существования homo sapiens является книга F. C. Hibben. L'homme prehistorique en Europe. Paris, 1960.

мальное (послеледниковое.— *А. Б.*) время». Г. Кларк ссылается на раскопку у Олдувея, где наблюдалась стратиграфическая последовательность от грубых, изготовленных из речных валунчиков и угловатых кусков кварца, лавы и кварцита чоппингов до появления наряду с ними во втором горизонте ручных рубил аббевильского типа, а в четвертом горизонте и выше — ручных рубил, обработанных по всему краю (стр. 35—36).

После распространения этой индустрии по всей Африке «пользователи ручными рубилами», пишет Г. Кларк, «проникли из Северо-Западной Африки в Юго-Западную Европу до Рейна и Юго-Восточной Англии, а через французскую Ривьеру на Апеннинский полуостров. Равным образом Египет послужил мостом для перехода в Азию, и индустрия ручных рубил обнаружена в Иордании, Палестине, Сирии и Месопотамии. Без сомнения продолжение этого движения... донесло индустрию ручных рубил до Индии...» (стр. 37).

Несколько ниже автор снова ставит вопрос о том, какому виду человека следует приписать индустрию ручных рубил, и, сославшись на затруднительность ответа на этот вопрос, отмежовывается от сторонников предположения, что уже на этой ступени развития возникает «пресапиентный» тип человека (стр. 40). Закат индустрии ручных рубил в Африке Г. Кларк приписывает иссушению климата, считая, что эта индустрия характерна только для обитателей лесных массивов. Она продолжала существовать только по долинам больших южных рек, таких, как Конго, Замбези и др., и в области больших озер (стр. 41). Это утверждение, что индустрия ручных рубил соответствует образу жизни лесных племен, даже если согласиться с предположением об иссушении огромных пространств, занятых этими племенами, довольно стройно выглядит на фоне кларковской гипотезы о непременном соответствии образа жизни древних племен окружающей их природной среде. Но в данном случае этот вывод явно сделан по принципу post hoc ergo propter hoc, самый же факт соответствия ручных рубил, функциональное назначение которых до сих пор точно не выяснено, жизни в лесах остался недоказанным.

Дальнейшее развитие палеолитических культур происходило, по мнению автора, в северной части нижнепалеолитического мира и было связано с неандерталоидами с леваллуазо-мустьерской индустрией. Южнее же переживали нижнепалеолитические традиции, обнаруживающие, впрочем, некоторые изменения. И далее Г. Кларк описывает различные более поздние африканские культуры, исключая, конечно, из этого списка капсийскую культуру, поскольку радиокарбонный метод показал, что она относится уже к неолиту. Писанцы Африки Г. Кларк датирует последними 200—300 лет, приписывая их бушменам. Попутно он замечает, что писанцы Восточной Испании относят сейчас к неолиту.

Главу третью — «Развитой палеолит и мезолитические культуры» — Г. Кларк начинает словами: «Новые и более широкие перспективы были открыты во второй половине позднего плейстоцена людьми, мыслительная способность и физическое строение которых незначительно отличались от наших. Где-то между атлантической Европой и Внутренней Азией человек впервые, как кажется, обнаружил признаки своего освобождения от узких концепциональных рамок, в которые были заключены люди нижнего палеолита. Именно здесь, в центре культуры Старого Света, около 35 000 лет назад он впервые достиг состояния человека развитого палеолита, как специализированный охотник, использующий разнообразное оружие, украшающий себя и занимающийся искусством, что обнаруживает в нем одаренность воображением и творчеством более, чем все то, что он обнаруживал ранее. И в этом мы можем видеть залог его будущего совершенствования» (стр. 50).

Характерно, что в этой скупой характеристике человека верхнего палеолита Г. Кларк обходит молчанием социальную организацию общества этого времени. И в дальнейшем только там, где он описывает палеолитические жилища, он ограничивается в этой главе малозначащими словами о заселении их «отдельными семьями» и «более обширными группами» (стр. 53). Вообще на протяжении всех глав, в которых описывается палеолитическая эпоха, автор нигде не говорит о социальном характере человеческого общества и значении этого фактора для культурного развития человечества, если не считать его заявления относительно несоответствия между примитивностью орудий синантропа и эффективностью его охоты: «Скудость материальной оснащенности только подчеркивает значительную роль совместного труда (team-work), основанного на членораздельной речи и на сознании связи (network) общественных отношений» (стр. 33). Получается так, что ношение на себе украшений и «занятие» искусством, характеризующие «одаренность воображением и творчеством», играли бо́льшую роль в развитии человека, чем общественный характер его деятельности. Естественно, что при такой точке зрения история человечества упрощается до смены многочисленных «индустрий», приспособляющихся к окружающей человека среде.

Последовательность верхнепалеолитических культур намечается Г. Кларком по данным радиокарбонных дат в таком виде: Шатель-Перрон — Ориньяк — Граветт — Солютре — Мадлен. Хотя автор, приводя эту таблицу, называет ее упрощенной и относящейся к Юго-Западной Франции, следует помнить, что ориньяк и граветт в значительной мере совпадают, а «геохронологическое и абсолютно-хронологическое членение позднего литикума (верхнего палеолита.— *А. Б.*) и ранее привлекало внима-

ние исследователей, но пока еще рано делать дальнейшие заключения из наличных радиокарбонных дат»[3].

Вся глава о верхнем палеолите занимает всего 13 страниц. Происхождение ориньяка и граветт автор ищет в преориньякской индустрии Сирии и Палестины, в левалуазо-мустьерских слоях. В зону распространения ориньякской техники он включает Северный Ирак, Афганистан, Закавказье, Крым, Сирию и Палестину, Румынию, Венгрию, Нижнюю Австрию, Южную Германию, Францию и кантабрийскую Испанию. Ла-граветт, по его мнению, наиболее обильно представлена по Днепру и Дону с их притоками и в Центральной Европе, достигая через Германию Франции и Испании. Дальнейшее развитие представляется Г. Кларку в виде контактов между этими культурами вплоть до их слияния. Это подтверждается, по его мнению, инвентарем стоянки Ильской в СССР и солютрейскими слоями, перекрывающими слой ла-граветт во Франции. Но если на юге Европы потомки этого населения удерживали старые традиции вплоть до послеледникового времени, то на северо-западе Европы и в Юго-Западной Азии появились новые культуры, и одной из них была выросшая на базе культуры ла-граветт мадленская культура, охватившая Западную Германию и Францию до Кантабрии, временами и Восточную Испанию.

Описание палеолита Евразии заканчивается у Г. Кларка соображениями о заселении Сибири. Он считает, что она была заселена в верхнем палеолите племенами культуры ла-граветт с юга и переселенцами из Узбекистана, привносившими мустьерские традиции. В этом разделе («Колонизация Сибири») автор утверждает, что как Мальта, так и более поздняя стоянка Афонтова Гора обнаруживают в основе своего кремневого инвентаря мустьерские традиции и вместе с тем там оказались такие вещи, как костяные иглы, личные украшения, статуэтки и т. д. Все это так, но совершенно очевидно, что таких фактов недостаточно для ответственного заключения о заселении Сибири из Узбекистана.

Я подробно остановился на первых главах книги Г. Кларка, так как в них более отчетливо отражена концепция многих западноевропейских археологов, представляющих себе линию культурного развития человечества не в зависимости от развития его материальной базы существования, а, в конечном счете,— подобно давней гипотезе Г. Т. Бокля,— от географического фактора. Все якобы обусловлено изменениями в природной среде, окружающей человека. К чему это приводит, можно видеть хотя бы по двум цитатам из книги Г. Кларка.

Говоря о «неолитической революции», т. е. о переходе человечества от охоты к земледелию и животноводству, Г. Кларк видит причину этого в следующем: «Основной причиной,— пишет он (стр. 120),— почему часть Юго-Западной Азии так сильно опередила Европу переходом к земледелию и скотоводству, является различие в условиях, которые создал в этих двух областях переход от плестойцена к неотермальному (послеледниковому.— *А. Б.*) времени. Тогда как в первой иссушение богатых ранее для охоты пространств заставило уже подготовленное биологически и культурно население коренным образом изменить свое отношение к окружающей его среде, во второй области постепенное повышение температуры хотя и приносило с собою экологические изменения в образе жизни, однако не вызывало большой перемены для доисторического человека. Таким образом изменение в окружающей среде, которое вызвало в одной области так называемую неолитическую революцию, в другой области поощряло, в связи с прогрессивно все более смягчавшимся климатом, продолжать старый образ жизни».

Еще характернее предположение Г. Кларка о причине гибели культуры Хараппы в Индии.

«Можно спросить, почему так прекрасно организованная и устойчивая цивилизация так внезапно, по-видимому, погибла? Нельзя не обратить внимания на экологическое нарушение, достаточное для того, чтобы непоправимо расстроить тщательно сбалансированную экономику. Имеется много признаков того, что в долине Инда, горной местности, в третьем тысячелетии, когда оформилась эта цивилизация, количество осадков было значительно больше, чем впоследствии. По-видимому, вредный эффект уменьшения количества осадков был еще усилен процессом обезлесения, вызванного потребностями в древесном материале для обжига кирпича и других индустриальных целей и вследствие выпаса скота. Серьезное ослабление сельской экономики должно было вскоре привести городскую надстройку над нею к разрушению. Однако нет достаточного доказательства, что эта цивилизация была окончательно разрушена. Часто приводимые данные об общественной дезорганизации на финальной фазе Мохенджо-Даро — хижины и печи, загромождающие улицы — могли принадлежать варварским племенам, поселившимся в городе после его падения. И необходимо отметить, что многие из лучших изделий искусства оказались в верхнем горизонте. И хотя возможно, что сопротивление было ослаблено какими-то более глубокими экологическими причинами, кажется несомненным, что цивилизация долины Инда, исключительно мирная (civilian) по своему характеру, была опрокинута воинственными завоевателями-варва-

[3] R. Pittioni. Zur Chronologie des Lithikums. Forschungen und Fortschritte, 1956, № 12; его же. Der Beitrag der Radiokarbon-Methode zur absoluten Datierung urzeitlicher Quelle. Там же, 1959, № 7.

рами. Живым свидетельством резни служат лежащие непогребенными на улицах Мохенджо-Даро скелеты мужчин, женщин и детей, на черепах некоторых из которых имеются следы ранения мечами» (стр. 185).

Каждый непредубежденный читатель легко заметит, что последняя фраза делает совершенно излишним предшествующее очень неубедительное предположение о причине гибели культуры Хараппы,— пусть даже, в конечном счете,— в силу климатических изменений.

Такие натянутые объяснения причин крупных исторических событий с очевидностью показывают непригодность некогда широко распространенной попытки объяснения всех больших явлений в жизни человеческого общества факторами в виде климатических изменений[4]. Да, по правде сказать, и самому Г. Кларку в большинстве случаев не удается связать подобные явления с изменениями в природной среде. Во второй части своей книги, в главах 7—10 (эпоха бронзы в Европе, Индия, Китай, Юго-Восточная Азия, Индонезия, Филиппины, Япония, Америка, Австразия, Тихий океан), почти целиком заполненных описательной археологией этих стран, он только изредка упоминает о влиянии природной среды на древнее население этих стран в отношении частных сторон его жизни.

Более того, в заключающих книгу выводах («ретроспективное обозрение») Г. Кларк говорит, например, о том, что десять тысяч лет тому назад человек вступил на порог цивилизации, расширив свое господство над животным и растительным миром (стр. 252). Точно так же на стр. 142—143 автор говорит о «народах боевых топоров и кубков» как о пастушечьих народах и тут же отмечает их продвижение далеко на север, в лесную зону, как будто мало благоприятную для такого рода хозяйства. Таких противоречий между гипотезой об абсолютной необходимости соответствия жизни человеческого общества окружающей его природной среде и устанавливаемыми самим автором фактическими данными можно было бы подобрать много.

Последние страницы этой книги посвящены вопросу о древности религии. И опять-таки фактический материал заставляет Г. Кларка признать, что археология может установить наличие у человечества религиозных обрядов только «с середины позднего плейстоцена» (стр. 259). Но там же пишет, что ответить на вопрос о времени происхождения религии было трудно, «так как сущность примитивной религии туманна».

Как можно видеть из всего сказанного, книга Г. Кларка, носящая название «Мировая доистория», может интересовать советских археологов и историков и быть принята ими в основном только в отношении полноты охвата автором фактического археологического материала и достаточно значительного количества сделанных им заключений по частным вопросам истории. Генеральная же линия культурного и общественного развития человеческого общества осталась им не вскрытой, поскольку автор исходит из идеалистических воззрений на это развитие. И тем не менее следует отметить как положительное явление первую попытку одного из археологов не ограничиваться в своей обобщающей работе пределами только своей страны или даже Евразией в изложении развития человечества в каменном веке, а охватить в этом труде весь земной шар, хотя бы в том конспективном виде, как это сделано Г. Кларком. Поэтому я не хотел бы преуменьшать своей критикой большого значения смелой попытки Г. Кларка достигнуть этой цели. Нельзя недооценить также огромной эрудиции автора такого труда. И следует пожалеть, что этот труд совершенно недостаточно иллюстрирован с точки зрения археологов, и при бесчисленных ссылках на различные типы орудий, оружия, украшений, форм погребений приходится вспоминать изображения этих предметов в трудах других многочисленных авторов.

А. Я. Брюсов

[4] Впрочем, еще в 1923 г. под редакцией Д. Н. Анучина вышла брошюра проф. М. А. Боголепова под заглавием «Возмущения климата и жизнь земли и народов» (Госиздат. Берлин, 1923), в которой автор придерживается мнения о чрезвычайно большом влиянии климатических изменений на крупные исторические события в жизни человечества.

А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. В поисках исчезнувших цивилизаций (очерки археологии). Изд. АН СССР, М., 1959. 311 стр. Тираж 2000. Цена 9 р.

Дело чести каждого советского ученого — как можно больше и чаще выходить из узкой аудитории специалистов и знакомить доходчиво и серьезно широкие слои советских людей с данной отраслью знания, ее методами, открытиями и спорными проблемами. В особенности это важно сейчас, когда на путях к коммунизму наша партия поставила на очередь благородную задачу быстрого подъема культуры трудящихся, всестороннего развития и расширения их стремления к знанию. В этой связи начали свою работу университеты культуры, усилилась лекционная пропаганда, растет и важнейшая форма широкой пропаганды науки — научно-популярная литература. Если итоги достижений точных и естественных наук воплощаются в зримом и осязаемом прогрессе

самой материальной жизни и широко освещаются в прессе, то положение гуманитарных наук сложнее: единственный и главный путь их связи с жизнью и народом — это печать, научно-популярные книги, статьи, обзоры. У нас, археологов, это важнейшая сторона нашей деятельности развита слабо. Поэтому каждая новая книга, приобщающая широкие круги советских людей к жизни и делам нашей науки, привлекает общий интерес и внимание.

К числу таких книг относится новая работа А. С. Амальрика и А. Л. Монгайта, много и хорошо поработавших в области популяризации археологии.

В своей книге авторы поставили перед собой нелегкую задачу — осветить зарождение и развитие археологии в мировом масштабе, от первых проблесков интереса к вещественным памятникам в далекой древности до современной археологической науки, и дать развернутую характеристику последней.

В нашей отечественной литературе подобной книги не было. Имелись лишь специальные обзоры по немногим отдельным отраслям археологии, а известное «Введение в археологию» акад. С. А. Жебелева, вышедшее почти 40 лет назад, не ставило перед собой столь широких задач и далеко отстало от жизни, так как именно четыре десятилетия развития советской археологии как марксистско-ленинской науки являются важнейшим этапом ее роста как по обилию выдающихся открытий, так и по широте обобщений археологического материала.

В первой части книги дан «Очерк истории развития археологии» — очень живо и увлекательно написанный обзор важнейших открытий и развития теоретических основ археологии, превращающий ее из «служанки истории» в самостоятельную интереснейшую отрасль исторической науки. Здесь читатель знакомится с выдающимися деятелями археологии, их взглядами, эволюцией теоретических основ науки. Очень важна проведенная через все изложение мысль, что прогрессивным этапам человеческой истории сопутствовал рост интереса к прошлому и его изучению. Вторая часть — «Археология как историческая наука» — дает характеристику объектов изучения археологии, ее методологии и методики, связей с другими науками и, наконец, на примере нескольких важнейших проблем, показывает, как конкретно решаются археологами наиболее значительные общие вопросы исторического развития. Авторы касаются здесь и деталей раскопочной техники, и больших принципиальных тем, излагая свои мысли как бы в процессе живой беседы с читателем, оспаривая или утверждая те или иные положения или концепции.

Достоинством книги является и ее хороший литературный стиль, острый, яркий, порой афористический язык, в немалой степени способствующий вовлечению читателя в мало известную ему область науки и увлечению этой наукой.

Нужно отдать должное авторам, мастерски справившимся с обширным кругов весьма сложных тем и сумевшим уложить их достаточно подробное освещение в сравнительно небольшой объем книги (16 печатных листов).

Авторы, конечно, правы, ограничивая задачи своей книги, предпочитая выборочно освещать лишь некоторые проблемы с целью дать «общее понятие об археологии как исторической науке» (стр. 306—307). Но тем не менее хотелось бы и при этой сжатости и самоограничении видеть книгу в ее последующих изданиях (а они, несомненно, потребуются) дополненной несколькими сюжетами. Нам кажется, что не совсем оправдано, например, преимущественное внимание авторов к вопросам изучения древнейших периодов истории общества. Конечно, это — важнейшие разделы археологии, где только она вносит свет в тьму тысячелетий. Но, думается, что в VI главе — «Некоторые проблемы археологии» — следовало бы осветить и важные вопросы античной и особенно — средневековой археологии, где можно было показать, что рядом с уже более или менее обильными письменными источниками источник археологический продолжает играть не меньшую роль, раскрывая важнейшие темы материального производства, культуры и искусства.

Рецензируемая книга, конечно, привлечет пристальное внимание не только советского, но и зарубежного читателя. Поэтому стоило бы уделить большее внимание нашей отечественной археологии. В особенности это относится к первой части книги — «Очерк истории развития археологии». Так, в очень интересном обзоре ранних попыток привлечь вещественные источники к историческому ответу (стр. 9—15) стоило бы упомянуть наших летописцев — «великого Никона» и Нестора с их ссылками на свидетельства археологических реалий, курганов, городищ и пр. Нельзя также не вспомнить и знаменитую, связанную летописцем с этапами развития материальной культуры «периодизацию истории», данную в «Повести временных лет» под 1114 г. Московская Оружейная палата из царского арсенала вскоре превратилась в своеобразный учебный музей прикладного искусства, на образцах которого обучались и воспитывались русские мастера. Рядом с именем Петра I как «инициатора антикварного дела в России» стоило назвать В. Н. Татищева, который в своей «Истории Российской», а особенно в «Лексиконе Российском, историческом, географическом, политическом и гражданском» уделял большое внимание памятникам материальной культуры. Называя имена советских археологов, которыми гордится наша наука, следовало бы, например, упомянуть авторов выдающихся открытий в Грузии (стр. 126). В списке литературы стоило назвать «Историю культуры древней Руси» (М., 1948), явившуюся важной вехой в развитии славяно-русской археологии. Можно было бы сделать и ряд других дополнений в этом плане.

В общей оценке значения археологии следовало бы более выпукло показать ее роль, не только самой по себе, но и ее место в общей системе наук о развитии общества. В сущности археология не только опирается на марксистско-ленинскую теорию, но и утверждает, обогащает и развивает учение о древних социально-экономических формациях, о закономерностях и вариантах путей исторического процесса от возникновения человека до средневековья.

Далее, археология не только добывает, накапливает и разрабатывает новые, практически неисчерпаемые материалы по истории человечества для исторической науки, для самой себя: археология воскрешает из небытия, возвращает человечеству выдающиеся памятники культуры и искусства, все более и более обогащая сокровищницу мировой культуры и тем самым содействуя росту самосознания и культуры людей сегодняшнего дня и далекого будущего.

В книге очень мало ошибочных высказываний или погрешностей. Скорее можно говорить об уточнении некоторых определений и сведений. Так, например, едва ли стоит вполне определенный научный термин «ремесло» применять к эпохе доклассового общества. Трудно согласиться с утверждением, что «археология занимается изучением всех храмов, в каком бы состоянии они ни находились, но наибольший интерес представляют, конечно, их развалины и следы» (стр. 174). Можно подумать, что целые древние здания менее ценны для науки, чем их руины! Правда, к сожалению, есть еще такой «ведомственный» подход, согласно которому археолог обязан изучать только развалины архитектурных памятников, не поднимая глаз выше земной поверхности. В связи с этим родом архитектурных остатков следует заметить, что каменное строительство на Руси началось не в XI (стр. 57), а в конце X в. (Десятинная церковь в Киеве); крепостные же сооружения из камня появились не в XII в. (стр. 152), а в XI в. (укрепления митрополичьего двора в Киеве, каменный «город» в Переяславле-Южном). Но эти и другие мелкие недосмотры могут быть легко устранены.

Книга об археологии, ее открытиях и методах могла быть иллюстрирована богаче, а состав иллюстраций мог быть более продуманным. Многие из них являются лишь «картинками», связь которых с текстом читателю трудно установить, поскольку рисунки не пронумерованы. Жаль, что среди иллюстраций нет ничего, например, из находок в алтайских Пазырыкских курганах, из росписей Пенджикента (кстати, имя крупнейшего нашего археолога-востоковеда А. Ю. Якубовского вовсе не упомянуто), из выдающихся открытий Новгородской экспедиции (кроме берестяных грамот), например деревянных скульптур и др. Для археологических изданий является законом китайская пословица: «Лучше один раз показать, чем сто рассказать». При богатстве содержания книги, обилии имен, памятников, проблем следовало бы облегчить читателю поиски нужных сведений, введя в текст курсивы и разрядки и дав вместо краткого — подробное, развернутое содержание.

Авторы пишут в заключении (стр. 306), что их книга «не является ни учебником, ни учебным пособием». Но она, несомненно, принесет огромную пользу и студентам-археологам, которые могут использовать ее именно как ценное и интересное пособие, и студентам-историкам, которым очень полезно знать о методах и путях развития полноправной исторической науки — археологии. И, конечно, новую увлекательную и серьезную книгу А. С. Амальрика и А. Л. Монгайта с благодарностью и интересом прочтет наш многотысячный читатель.

Н. Н. Воронин

Н. Я Мерперт, Д. Б. Шелов. Древности нашей земли. Изд-во АН СССР, М., 1961. 240 стр. Тираж 5000. Цена 1 р.

За последние годы Институт археологии АН СССР опубликовал несколько книг популярного характера по археологии, раскрывающих главным образом достижения советской археологии и мало касающихся творческой стороны деятельности археологов.

Настоящая книга рассказывает о сущности археологии — науки, имеющей огромное значение в вопросах познания древнейшего прошлого человеческого общества и особенно важной для народов, не имевших в прошлом своей письменности. Для таких народов археология — единственный источник раскрытия своего исторического прошлого. Однако археология охватывает не только древность, но и более новые периоды, до позднего средневековья включительно.

Мы никогда бы не знали богатой культуры древнего Востока и античности, средневековья Запада и Востока, блестящей культуры Киевской Руси, если бы лопата археолога не коснулась памятников культуры прошлого.

Авторы книги правы, когда говорят о существовании в некоторых кругах современного общества отсталого представления об археологе как о каком-то оторванном от жизни чудаке, занимающемся рассмотрением всякого ненужного старья. Введение к книге хорошо показывает лицо современных археологов, активных строителей коммунистического общества, раскрывающих историю далекого прошлого.

В этой книге читатель напрасно стал бы искать полное изложение истории общества, здесь он найдет только отдельные разрозненные, но важные страницы его истории.

Двенадцать глав книги распадаются на две части. Первые семь посвящены раскопкам поселений, четыре главы — могилам, последняя глава касается различных категорий памятников. В качестве тем взяты наиболее яркие, интересные работы археологов.

Такой порядок изложения весьма спорен: он искусственно разрывает характеристику исторического процесса и заставляет читателя возвращаться к пройденной теме. Однако такое изложение имеет и свои положительные стороны. Книга в значительной мере посвящена разбору археологических материалов как источников. Читатель более ясно представляет себе, как менялись в процессе исторического развития поселения, как возникают города. Точно так же вторая часть, посвященная погребениям, дает представление об изменении обряда захоронения в соответствии с развитием общественной жизни.

Книга дает прекрасное представление о самой исследовательской работе.

Первая глава — «На заре человеческой истории» — переносит читателя в глубокое прошлое, на несколько сот тысяч лет назад. Эта глава посвящена поселениям эпохи древнекаменного века и начинается разделом «Холм Сатаны», рассказывающим о раскопках в Армении. Описание холма, найденных там орудий труда знакомит читателя с рабочей лабораторией археолога. В ясной форме описаны орудия труда, условия их залегания, показывающие путь реконструкции прошлого, по которому идет археолог. Авторы остановились на своеобразии стратиграфии у основания холма, где более поздние орудия оказались внизу, а древние наверху, что объясняется процессом размыва. Они остановились на процессе определения размеров поселка по распространению каменных орудий. Второй памятник древнекаменного века — грот Тешик-Таш. Он отличается от первого памятника и внешним видом, и наличием культурного слоя, разделенного прослойками стерильного песка, свидетельствующими о временах запустения и жизни. Так перед читателем проходит процесс формирования помятника, отражающего жизнь первобытного человека. Здесь также описаны орудия труда, более совершенные, чем в Сатани-Даре и позволяющие судить о медленном процессе прогресса в те отдаленные времена. Интересно подана мастерская орудий труда с массой отходов производства, столь далекая от более поздних памятников этого типа. В нескольких строках дана реконструкция хозяйства и общественных отношений. Более позднее время характеризует раздел о работах на строительстве Волгоградской ГЭС. Волгоградская стоянка, покрытая толщей намывов морских отложений, сохранила для археологов материалы, позволяющие судить о природных условиях того времени. Интересны страницы, посвященные «домам из костей мамонта». Это описание жилищ, построенных из костей четвертичных животных, дает ясное представление и о технике строительства, и о характере постройки. Так в нескольких интересных очерках проходит перед нами древнейшая стадия человеческой истории — от самой примитивной жизни, стоящей на грани с животным миром, до сравнительно совершенной, с первыми зачатками искусства. Можно упрекнуть авторов в том, что они не остановились на расшифровке археологических терминов, характеризующих эпохи. Только о шелльской эпохе сказано, что название ее происходит от названия местечка во Франции. Последующие термины остались нераскрытыми.

Может быть, следовало бы указать, что в стремлении человека к созданию правильных форм орудий, в известном ритме их изготовления были заложены первые проблески первобытного искусства. Авторы по существу почти совсем обошли яркую страницу первобытного искусства, ограничившись несколькими строками о палеолитической скульптуре и живописи. Здесь следовало бы и рассказать о теориях, существующих в части оценки женских фигур, которые большинство археологов связывает с возникновением матриархата, и рассказать о прекрасных образцах первобытной живописи, например о замечательных рисунках в испанских палеолитических пещерах. Это тем более следовало бы сделать, так как и на нашей территории в настоящее время открыты произведения живописи того времени.

Вторая глава переносит нас в более позднюю эпоху — неолит. Более сложная жизнь, более развитые хозяйственные формы привели к сложению разнообразных типов поселений. В качестве образца авторы взяли «Болотные поселки», рассказав об интересных раскопках на Среднем Урале, на Шигирском и Горбуновском торфяниках, удачно показав и их сходство с швейцарскими свайными постройками, и их оригинальные черты. Достаточно подробно остановились они на стратиграфии стоянок, на их многоярусности, на прослойках культурного слоя, разделенных горизонтами чистого торфа. Разбор орудий труда позволил реконструировать хозяйство. Остановились авторы и на знаменитых изделиях из дерева, прекрасных образцах древней скульптуры. Некоторое внимание уделено и схематическим изображениям человека, древним идолам. Авторы справедливо видят здесь желание человека того времени сочетать облик человека с передачей таинственных потусторонних сил: «богов, властвующих над грозными, все еще непознанными силами природы». Эти строки еще раз заставляют пожалеть об отсутствии в книге характеристики палеолитической религии. Другого характера поселения были исследованы археологами в Средней Азии. Авторы взяли в качестве примера интересные работы, проведенные близ Ашхабада, у селения Джейтун.

Жилища здесь были выстроены из глины; это первые шаги в освоении нового строительного материала — глины. Наибольшее внимание уделили авторы описанию глиняной посуды, богатой по форме и орнаметации. Читатель узнает и пути, по которым идет мысль исследователя при выявлении древнего земледелия.

Третья глава посвящена энеолиту — началу эры металла. Здесь та же Средняя Азия, такие же поселения земледельцев, однако более позднего времени. На одном из таких интересных и характерных для периода перехода к металлу поселений — Намазга-Депе — и остановились авторы. Ясно описана сложная стратиграфия памятника и те выводы, которые сделаны археологами для отдельных исторических периодов. Орудия труда, бытовая обстановка, украшения позволяют понять пути реконструкции. Авторы остановились и на сложной орнаментации посуды с характерной полихромией, известной на широких просторах нашего Юга, Китая и Восточного Средиземноморья. Некоторое внимание уделено глиняной скульптуре, отличающейся большим изяществом. Женские статуэтки авторы справедливо связывают с культом плодородия, широко распространенным у земледельческих народов с самого раннего времени их развития. Здесь еще раз приходится пожалеть о пропуске оценки религии верхнего палеолита. Выбор Намазга-Депе удачен не только потому, что это интересный сам по себе памятник, но еще и потому, что многослойность его дает возможность познакомиться с историей развития общества на большом отрезке времени. Верхние слои относятся ко II тысячелетию н. э. и вводят нас уже в другую обстановку — перед нами община с высоко развитой материальной культурой, с высоким уровнем развития производительных сил, с разделением труда, с выделением ремесленников. Перед нами уже общество, стоящее на пути к сложению классов. Следующий раздел знакомит читателя с яркой трипольской культурой. Здесь памятники, широко известные в науке,— и Лука-Врублевецкая, и Владимировка. Характер поселений и их остатки, находимые в почве, модели, дающие представление об облике домов, орудия труда, свидетельствующие о характере земледелия, памятники искусства освещены достаточно полно. Особенно интересны последние. Авторы подчеркнули их своеобразие, сочетание схематичности с большим изяществом и их орнаментацию, которые заставляют видеть в них предметы культа. Об этом же свидетельствует и примесь зерен в глине статуэток, подчеркивающая их культовый характер. К сожалению, отметив разнообразие форм статуэток разного функционального значения, авторы не раскрыли путь, по которому шли исследователи, связавшие одни статуэтки с культом плодородия, другие — с культом предков и т. д. Интересны жертвенники, семейные алтари. Авторы удачно использовали разносторонний археологический материал, наиболее полно характеризующий трипольцев. Здесь и интересный вопрос о парной семье, существующей в рамках первобытной общины, семье, еще не выделившейся экономически. Здесь и интересный вопрос о смене матриархата патриархатом, убедительно показанный на сопоставлении мужских и женских статуэток.

Глава IV — «Племена бронзового века» — знакомит читателя с более высокой культурой, с обществом, стоящим на более высокой ступени хозяйственного и общественного развития, и с довольно сложными отношениями между племенами. Михайловка в Херсонской области — поселение, сыгравшее большую роль в понимании исторического процесса того времени,— не случайно остановило на себе внимание авторов. Это — первый укрепленный поселок на территории Восточной Европы. Эта глава содержит также несколько разделов — «Человек в борьбе с лесом», «На дне Куйбышевского моря», знакомящих с большими работами, проведенными археологами на строительстве Куйбышевской ГЭС. Здесь, близ Сускана, удалось изучить поселок с большим домом, с целым рядом хозяйственных сооружений, позволяющих видеть у человека того времени сравнительно высокую культуру быта. Последний раздел этой главы — «Рыболовы и охотники, земледельцы и скотоводы» — дает сравнительную характеристику хозяйства и общественных отношений в разных областях нашей страны.

Три главы посвящены городам. Города знаменуют новую эру в развитии общества. С городами мы вступаем в историю классового общества.

Глава V — «Пепелища городов» — начинается разделом «Укрепления и городища», в котором дана краткая предыстория сложения городов, определены причины возникновения укреплений, которые в отдельных местах появляются уже в эпоху неолита и получают всеобщее развитие в эпоху металла. Здесь приведены и такие укрепления, как киммерийский вал на Керченском полуострове, время сооружения которого относится к концу бронзового века, и кавказские циклопические постройки, и северные городища дьякова типа. Все они различны по своим данным, однако их возникновение определено одними и теми же причинами. Остальные разделы характеризуют города. Раздел «Город бога войны и бури» посвящен характеристике города Тейшебаини, открытого на холме Кармир-Блур близ Еревана. Этот город в течение многих лет исследуется советскими археологами. Изучены крепостные сооружения, дворец, дома горожан, хозяйственные постройки. Особенно интересны различные дворцовые помещения, получившие краткую, но ясную характеристику на страницах этой книги. «Ольвия счастливая» — один из центров античной цивилизации на юге нашей страны. Работы здесь ведутся многие десятилетия, количество полученных материалов огромно. Среди массового материала нередки ценнейшие произведения искусства, памятники письменности, характеризующие политический строй, и большое число различных архитектурных остатков. Читатель как бы идет по городу от вершины большого кургана к линии оборо-

ны, мысленно проходит по центральной городской площади и святилищам, видит перед собой квартал с улицами и домами горожан, проходит на площадь нижнего города, где находится порт. Нужно признать правильным выбор Ольвии в качестве примера античного центра. Пожалуй, другие города не дали бы столь яркой картины города того времени. Может быть, излагая материал, следовало бы вспомнить скифов, история которых переплеталась с историей этого города. Может быть, не были бы лишними и некоторые места из «Истории» Геродота.

Раздел «Город в пустыне» посвящен также хорошо изученному древнему городу Средней Азии — Топрак-Кала. Здесь основное внимание уделено дворцу с его замечательными произведениями искусства. Авторы удачно остановились здесь на применении авиации в археологических исследованиях, что помогло выявить план этого города. Замечательный дворец с 200 комнатами, его планировка, его башни, декор — все эти характерные черты раскрыты на страницах книги.

VI глава посвящена средневековым городам Востока и Юга. Горный Крым с его замечательными пещерными городами давно привлекает внимание археологов и туристов. Авторы взяли Эски-Кермен с его замечательной оборонительной системой, с хорошо изученной дорогой. Особый раздел посвящен городу, вошедшему в науку под именем Варахши, близ Бухары в Средней Азии. После краткой характеристики культурного слоя и рядовых построек авторы обратились к дворцу — зданию с весьма богатой историей. Они рассказали об этой сложной постройке в историческом порядке, начиная от древнейшей части. Значительное внимание уделено памятникам искусства, замечательной росписи дворца.

«Великие Болгары» — так назван по имени города раздел, посвященный столице государства волжских болгар. Этот город сыграл большую роль в истории культуры народов Поволжья и Приуралья. Он пережил большую и тяжелую историю. Возникнув в X в., он был разрушен ордами Батыя в 1236 г., вновь вырос как крупный городской центр и, наконец, в начале XV в. погиб в результате феодальной борьбы. За последние 16 лет там велись большие работы, вскрывшие значительные участки города и позволившие представить себе его богатую культуру. Читатель проходит по улицам и площадям, видит интересные архитектурные сооружения, ремесленные мастерские, видит страшные следы Батыева погрома и, наконец,— заключительный этап города, о котором рассказывают каменные ядра огневой артиллерии начала XV в.

Отдельная глава посвящена городам древней Руси. Эта тема за последние десятилетия стояла в центре внимания советской археологии. Археологи много сделали по изучению Киева, Новгорода, Владимира и Москвы; они работали и в других городах, и немало было сделано открытий, показавших высокую культуру древней Руси. Однако авторы выбрали перечисленные памятники, так как в нашей истории именно они сыграли большую роль в политической и культурной жизни нашего государства, как, например, Киев с его богатыми памятниками архитектуры, с его Софийским собором, ценность которого раскрыта советскими археологами и реставраторами. Авторы рассказали и о ремесленниках, о тех людях, которые создали славу культуры древней Руси, рассказали и о политической истории, о страшной трагедии Батыева погрома, нашедшего отражение во многих памятниках археологии. Особый раздел — «Как развиваются легенды» — посвящен Новгороду Великому. Здесь описаны деревянные улицы и дома горожан, большой набор ремесленных инструментов и произведений их труда — выразительных свидетелей высокой культуры этого города — и памятники прикладного искусства и, наконец, знаменитые берестяные грамоты довершают характеристику города. Глава «Столица Северо-Восточной Руси» рассказывает о памятниках архитектуры Владимира с их замечательным декором. Наконец, о Москве читатель узнает из раздела «Не сразу Москва строилась». Краткий исторический очерк работы археологов на строительстве Московского метро и, наконец, работы в Зарядье дает возможность ознакомиться с материалами, характеризующими главным образом хозяйство и быт городских низов, творцов культуры Московского государства.

Вторая, меньшая часть книги посвящена погребальным сооружениям — «Первые могилы». Здесь главы в основном соответствуют главам первой части, где говорится о поселениях. Глава VIII содержит характеристику погребений палеолита. Просто и ясно рассказано о первых неандертальских захоронениях. Раздел озаглавлен «Мертвые среди живых». У читателя не остается сомнений в том, что перед нами не просто оставленный покойник, а погребение с первыми признаками ритуала. Могилы грота Тешик-Таш, Киик-Коба, Староселье принципиально ничем друг от друга не отличаются. Во всех случаях, так же как и в других местах Европы, всюду «вечно спящие», продолжали свою жизнь вместе с живыми.

Следующий раздел — «По ту сторону Ахерона» — дает представление о погребениях времени верхнего палеолита. Специальные дома погребенных — сравнительно сложный обряд захоронения. В могилу положен погребальный инвентарь. Правильно определяют авторы уход мертвого из жизни живых. Здесь же отмечено погребение в скорченном положении, но не в простой, а в сильно скорченной форме, которая связана с новым отношением к покойнику, страху перед ним.

Следующая глава — «Поселки мертвых» — посвящена неолиту и бронзовой эпохе. Авторы взяли для иллюстрации погребений этого периода Мариупольский и Оленеостровский могильники. Здесь отмечено новое явление, получившее начало со времени неолита. Погребальные сооружения вынесены с площади поселка. Авторы рассказали о

погребальном доме, о вещах, сопровождавших покойников. Интересно показаны широкие межплеменные связи того отдаленного времени. В части, касающейся Оленеостровского могильника, рассказано о появлении особого обряда погребений вождей или шаманов. Правильно отмечена новая принципиальная черта — появление особого обряда захоронения для различных социальных групп общества. Глава заканчивается разделом — «Что скрывают курганы?». Этот раздел касается курганов эпохи бронзы. Знаменитый Майкопский курган, широко известный по многочисленным публикациям, принадлежавший племенному вождю; погребение под Волгоградом мастера литейщика; курган близ Куйбышева, под Сусканом, с его сложным устройством, отражающим общественную структуру племени; курганы под Ульяновском, в Чувашии, ставшие, нам известными по работам советских археологов,— все эти материалы достаточно ясно показывают, как с усложнением общественной структуры, с ростом производительных сил менялся обряд захоронения.

История древнейших погребений в этих двух главах прослежена достаточно ясно. Однако было бы лучше, если бы авторы в качестве противопоставления рассказали о древнейших находках ископаемых людей, которые не считаются в науке погребениями. Там иная картина, подчеркивающая отличие неандертальских погребений от ранних находок питекантропа и синантропа, хорошо известных науке. Авторы правильно отнесли появление отдельных кладбищ, отделенных от поселков живых, ко времени неолита. Однако в тексте слишком категорично поставлена грань между палеолитом и неолитом. Можно напомнить, что старый прием — погребать умерших на территории поселка — сохраняется очень долго. На Севере, на площади многих неолитических стоянок находят погребение того же времени. Существует тот же прием и в более позднее время, на грани бронзовой и железной эпох, примером чего может служить Младший Волосовский могильник под Муромом, где могилы помещены на площади стоянки того же времени. Таков же и Аккозинский могильник в Марийской АССР. Знают этот обряд, в виде пережитка, и этнографы, которые отмечают захоронения детей под полом сеней у русских. Такую оговорку следовало бы сделать. Неправомерно обойден вопрос о религии. Связь захоронений с религией существовала с самого начала, а вопрос о появлении религиозных представлений, которые могут быть прослежены только археологами, оставлен неосвещенным. Глава X посвящена могильникам раннего железного века. Здесь рассказано о богатых скифских курганах, о курганах Алтая, давших чудесные произведения прикладного искусства, о кладбищах античных городов и о могильниках, известных в археологии под названием «Поля погребальных урн», об этнической принадлежности которых продолжаются бесконечные споры. В главе XI рассказано о древнерусских погребальных обрядах: о трупосожжениях, о которых написано в летописи, о похоронах руса в Болгарах, красноречиво описанного арабским путешественником ибн-Фадланом, о Черной могиле и о многочисленных крестьянских могилах.

Последняя, заключительная глава — «За стенами городов» — рассказывает о различных сооружениях, ставших известными науке только за последние десятилетия. В их числе оросительные каналы, клеры Херсонеса Таврического, древние рудники, клады, осветившие многие стороны жизни древности и средневековья. Последний раздел этой главы — «Лики богов» — рассказывает о наскальных изображениях Лены и Ферганы, Карелии и Кавказа. Остановились авторы на мегалитах, вишапах, святилищах и знаменитом Збручском идоле. Данный раздел обогатили бы строки о так называемых шаманских изображениях, своего рода иконах, широко известных в Приуралье и Западной Сибири.

Трудно переоценить значение книги «Древности нашей земли». Написанная простым языком, она знакомит читателя со сложной раскопочной работой археологов, дает представление об основных категориях археологических памятников различных эпох и знакомит с основными этапами развития общества.

Авторы не коснулись вопроса о происхождении религии, вопроса, плохо разработанного в науке, имеющего непосредственное отношение к крупнейшей категории археологических памятников,— погребениям и наскальным изображениям. Тем не менее, книга представляет большой интерес и для атеистов. Здесь они могут получить материал об истории погребального обряда, о связи его с общественным устройством. Здесь хорошо показаны две стороны обряда: с одной стороны, отражение в нем социальной структуры общества, а с другой — архаические черты, которые идут от палеолита.

Книга заслуживает самой положительной оценки.

А. П. Смирнов

Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. Изд. АН ГрузССР, Тбилиси, 1959. 84 стр. + 41 табл. Тираж 3000. Цена 28 р. 50 к.

Во введении к этой небольшой, но содержательной книжке правильно сказано о пользе всестороннего исследования древних памятников, в том числе — бронз. Авторы изучили древние бронзы Грузии по составу, структуре и внешним признакам, чтобы установить, как изменялись приемы работы местных древних мастеров, начиная с энеолита и до поздней бронзы. Соответственно книга состоит из четырех глав, написанных по единому плану: в начале каждой главы описываются условия нахождения и распространения бронзовых поделок разного вида и назначения; затем на основе химического состава предметов отмечаются для данного времени особенности состава употреблявшихся сплавов и высказываются соображения о рудах, из которых они выплавлялись, и о приемах плавки; далее по металлографическим шлифам и внешнему виду устанавливаются приемы выделки изучаемых предметов, в том числе литья и ковки, рассмотренных особенно обстоятельно. В помощь читателю приведены рисунки изученных предметов, микрофотографии со шлифов, диаграммы состояния основных сплавов меди и их свойств и схемы приемов формовки; но отпечатаны они в большинстве случаев плохо, так, что на них часто не видно того, что наблюдали и описывают авторы.

В книге приведено много ссылок на литературу, в основном на грузинском языке. Они, к сожалению, непонятны подавляющему большинству читателей, для которых издана книга. Издательству, позаботившемуся о зарубежном читателе и добавившему краткое изложение книги по-английски, следовало бы дополнить такие ссылки русским переводом, что облегчило бы всем наведение нужных справок.

Общее впечатление от прочтения рецензируемой книги хорошее, но в ней часто встречаются повторения и высказывания, не относящиеся непосредственно к основному содержанию и к тому же иногда поверхностные и даже ошибочные. Книга вообще плохо отредактирована, в ней немало опечаток. Поскольку книг на русском языке о древней металлургии чрезвычайно мало, а эта книга богата новым и интересным материалом, она заслуживает подробного рассмотрения, при котором следует больше останавливаться на недочетах, не столь заметных, как достоинства. При этом удобнее всего объединить однородный материал из всех глав, начав с важнейшего, с состава бронз.

В каждой из трех глав о древней, средней и поздней бронзах мы находим таблицы качественных спектральных и количественных химических анализов по большей части тех же бронз, но с разными порядковыми номерами, что напрасно затрудняет читателя. В последующем изложении авторы пользуются в этих главах только вторыми таблицами, так что первые кажутся излишними. Было бы лучше располагать количественными спектральными анализами, но при внимательном рассмотрении итогов даже упрощенного анализа на 14 элементов можно прийти к интересным выводам, как это и сделано авторами в главе I.

В этой главе (стр. 14) приведен качественный состав восьми предметов; в одном из них мышьяк «есть», в пяти его «много», а в двух — 1,2—1,3%. Там же, в табл. 2, из восьми образцов самородной меди только в двух указано содержание мышьяка («есть» и «мало»). Этим сопоставлением авторы хотели доказать, во-первых, возможность нахождения в Грузии мышьяковистой самородной меди, в чем вообще не приходится сомневаться, во-вторых, возможность выделки шести шильев и двух прочих поделок именно из такой меди, но это маловероятно, поскольку самородки с этой примесью, к тому же большой, повсюду (и, очевидно, в Закавказье) встречаются редко; табл. 2 отчасти подтверждает последнее.

Во всех ранних бронзах также оказалась примесь мышьяка (табл. 3 и 4), по утверждению авторов, много бо́льшая, чем в древнейших памятниках (стр. 17). Но в этом не убеждает сопоставление анализов. В самом деле, по табл. 3 и 4 мы находим, что для шести предметов качественной оценке «много» отвечают примеси от 2 до 5% мышьяка. Стало быть, в шести древнейших поделках, в которых этой примеси «много» (табл. 1), она могла находиться в тех же пределах.

По частному сообщению Ф. Н. Тавадзе, сходство микроструктуры этих поделок с двумя другими, в которых мышьяка оказалось до 1,3%, позволяет предположить и в них такое же содержание. Но в меди даже с 5% мышьяка он находится в твердом растворе (стр. 34), что делает такую оценку ненадежной, так же как и оценку бронзы, в которой мало олова.

Обсуждая итоги количественного анализа 38 памятников, отнесенных к средней бронзе, авторы справедливо указывают на разнообразие их состава и на появление впервые в сплавах олова (стр. 28), однако из табл. 6 нельзя заключить, что поделки из Триалети представлены в «основном» настоящей оловянной бронзой (стр. 29), поскольку их всего четыре и в двух нет олова, хотя в остальных его почти 14 и 11%.

Из бронзы с 6,7—13,4% олова были отлиты еще девять предметов, происходящих из других мест, так что с триалетскими это составляет меньше $^1/_3$ от общего числа. Отсюда ясно видно, что в эту пору оловянная бронза в Закавказье еще не стала основным сплавом.

Из таблицы анализов не вытекает, вопреки утверждению авторов, что особенно много олова содержат бронзовые украшения (стр. 29). Среди 11 бронзовых предме-

тов имеются четыре копья, шесть кинжалов и лишь одна бусина, в которой всего 7% олова и 6% мышьяка. Не подтверждает таблица и мнения о многокомпонентности большей части сплавов (стр. 29), если под компонентами понимать примеси явно нарочитые. Из тех же 11 предметов к двухкомпонентным можно отнести лишь ту же бусину и копье из Квасаталы, в котором 6,7% олова и почти 4% свинца. Остальных примесей — свинца или сурьмы или мышьяка (всегда по одной) — в них встречается лишь около 1% и меньше. К числу предметов из чисто мышьяковых сплавов с содержанием его до 3% относятся также 11. В этом отношении они сходны с «энеолитическими». Из пяти предметов, в которых оказалось от 4% и почти до 19% мышьяка, только в двух, кроме него, содержится 0,3 и 1,2% сурьмы. К мышьяково-сурьмяным бронзам можно отнести семь сплавов, а еще в двух предметах обеих этих примесей слишком мало, так что это скорее нечистая медь, чем бронза.

Количественные анализы памятников поздней бронзы преимущественно из Самтавро действительно указывают на преобладание оловянной бронзы: 23 поделки из 38 (табл. 8). С примесью в меди от 1 до 3% мышьяка было восемь предметов, а в четырех была существенная примесь сурьмы, чаще в сочетании с оловом, чем с мышьяком. В трех предметах из оловянной бронзы было найдено от 1 до 5% и еще в одном 3% свинца при содержании 1% мышьяка и 0,5% сурьмы. В таблице качественных анализов с пометкой о свинце «много» мы находим 19 предметов, в том числе и топор из оловянной бронзы колхидского типа из Рачи, в котором по другой таблице содержится 1,2% свинца. Отсюда следует, что у авторов не было достаточных оснований говорить о распространенности в эти времена выплавки свинцовой бронзы и преобладании многокомпонентных медных сплавов. Так же, как во времена средней бронзы, относительно небольшая доля таких сплавов среди прочих объясняется, вероятно, переплавкой лома разного происхождения, о чем свидетельствует обилие «кладов литейщиков», что авторы упустили из виду.

Только в пяти предметах средней бронзы из 38 определялось содержание серы, которой оказалось до 0,026% (в четырех топорах из Уреки; табл. 6) и к тому же до 4,6% мышьяка. На этом основании авторы справедливо предполагают добавку его при выплавке меди в составе сульфида, в частности реальгара (стр. 41). Начало же выплавки меди из сульфидных руд они относят к первой группе поздней бронзы (стр. 71). Однако из всех 38 поделок позднего времени только три содержали до 0,16% серы и четыре — до 0,03%. Столь малые примеси возможны также в меди, выплавленной из окисленных руд, которые часто содержат немного серы. Отсюда вытекает, что у авторов недостаточно данных, чтобы доказать даже для эпохи поздней бронзы выплавку меди из сульфидов; с другой стороны, их не хватает, чтобы отрицать возможность выплавки ее, например, из простых приметных сульфидов ковеллина или медного блеска, которая доказана даже для времени ранней бронзы в Австрии и в Ирландии.

В первой главе вкратце сказано о накоплении у людей ко времени энеолита опыта в распознавании горных пород, пригодных для выделки каменных орудий, что, по мысли авторов, и привело к ознакомлению с металлами. Но изучение памятников не только неолита, а даже палеолита (по крайней мере, верхнего) убедительно показывает, что люди разыскивали и добывали не только камень, но также разные минеральные краски и цветные камни для выделки украшений, оберегов. Кроме того, они добывали глину (например, для обмазки плетней) и пирит для высекания огня. Скорее всего, разыскивая эти ископаемые, чаще всего встречающиеся на выходах рудных месторождений, человек мог находить самородки, в том числе и медные.

Явно толкуя название энеолита в том смысле, что в эту пору люди умели обращаться с медью только как с особым камнем, авторы к ранней бронзе относят также первые случаи восстановления меди на поверхности кусков руды, оказавшейся по тем или иным причинам в огне. Такие корочки или, если угодно, псевдоморфозы меди мы получали, нагревая в простейшем очаге куски руды, состоявшей в основном из хризоколлы, труднее восстановимой, чем, скажем, малахит. Во всяком случае, не только наблюдения такого рода, но и выплавку меди из руд в археологической литературе относят к энеолиту, который отличают от времени ранней бронзы по более или менее значительному преобладанию каменных орудий над медными. Можно сомневаться по этой причине в том, что энеолитические четырехгранные медные шилья, встречающиеся единицами, служили наконечниками стрел или дротиков, к чему склоняются авторы, ссылаясь на не напечатанный пока доклад Л. И. Глонти. Кроме того, костяные и каменные наконечники бытуют повсюду даже в эпоху поздней бронзы, а на Каме — и в ранний железный век.

Непонятно, почему, описывая природные условия в Грузии, благоприятствовавшие возникновению и развитию первобытной металлургии, авторы упоминают также обилие угля и «удобные для устройства металлургических очагов места», которые можно было выбирать повсюду.

Перечисляя без особой надобности все вторичные окисленные медные минералы, авторы отмечают, что хризоколла в древности применялась при паянии золота. Это явное недоразумение. Если у Феофраста и Плиния мы встречаем упоминание о хризоколле, или золотом клее, то отсюда не следует, что это был тот самый водный силикат меди, который был назван хризоколлой минералогами в XVIII в. Вряд ли кому-либо удалось с помощью этой хризоколлы спаять золото, тогда как это легко

достигается посредством иных медных минералов, легко дающих при нагревании окиси меди, так же как с помощью яри-медянки, которую, вероятно, имели в виду древние авторы.

Отмечая сходство по составу некоторых памятников ранней бронзы и энеолита, авторы правильно указывают, что повышенное содержание примесей в меди свидетельствует о выплавке ее из руды.

Неизменное почти содержание мышьяка в медных поделках в энеолите авторы объясняют употреблением лишь мышьяковистых медных самородков, а в пору ранней и отчасти средней бронзы — выплавкой ее из комплексных руд (стр. 20). Первое, как отмечено выше, маловероятно и объясняется проще нарочитой присадкой мышьяковых минералов при плавке самородной меди. Второе, как правило, также невероятно. Неужели повсюду — от Индии до Кавказа, от Средней Европы до Ирландии — ранние плавильщики, пренебрегая легко различимыми чистыми окисленными рудами, которые в подавляющем большинстве месторождений не содержат заметных примесей мышьяка, разыскивали мышьяковистые медные руды по малоуловимым признакам, чтобы только из них выплавлять медь нужного им качества. Невероятность этого ограничения усугубляется еще тем, что человек задолго до выплавки меди добывал малахит и азурит как краски, отбирая, понятно, лучшие куски, так же как он отбирал чистый гематит как краску и поделочный камень. Такое обогащение руд восходит не к ранней или средней бронзе, как пишут авторы, а к верхнему и даже среднему палеолиту и хорошо объясняет, почему ранняя медь, выплавленная из руды, часто отличается такой же чистотой, как самородная. Отсюда вытекает, что древнейшие плавильщики повсеместно научились добавлять мышьяк в состав, вероятно, самых ярких по цвету и потому приметных мышьяковых минералов при выплавке меди из руд, а ранее также при плавлении медных самородков. И у нас нет никаких разумных оснований допускать возможность этого только лишь на ступени средней бронзы, как пишут авторы (стр. 29).

Примечательно, что авторы сами убедились на опыте в справедливости слов В. Бирингуччио, который в 1540 г. в своей «Пиротехнии» писал о чрезвычайной легкости, с которой медь поглощает мышьяк. Они плавили ее под слоем угля, в тигле, на дно которого был заранее насыпан реальгар, и нашли, что в медь переходило от 37 до 66% мышьяка (стр. 30). Авторы приводят к тому же интересную справку из грузинской рукописи XVII в. о способе насыщения мышьяком меди или латуни при их плавлении (там же).

В книге лишь вскользь упоминается о богатых месторождениях мышьяковых руд в Раче и Сванетии. Подробнее сообщаются новые сведения о древних разработках сурьмяных руд в верховьях Риони, в Зопхито и в Сагеби (стр. 37 сл.). Примечательны найденные там явные следы пожога в забое. Вероятно, пожог там служил не столько для разрушения жильной породы, сколько для вытапливания из нее сурьмяного блеска. Может быть, именно остатки от такого попутного вытапливания имели в виду авторы, когда писали об отвалах «шлака» с примесью кусочков угля и сурьмяного блеска в выработках. Было бы важно подробнее изучить эти остатки и сами забои со следами пожога, чтобы яснее восстановить способ очистных работ.

Кстати отметим, что распространенное мнение о поливке водой раскаленной породы в забое после пожога, разделяемое авторами, нужно считать ошибочным. Примечателен в этом отношении рисунок Агриколы, изображающий рудокопа, который, разведя огонь в забое, спешит уйти, прижимая ко рту и носу мокрую тряпицу. Еще в прошлом веке при работах с пожогом горняки разводили огонь в забоях в субботу с утра, чтобы возвратиться в понедельник, после того как огонь давно прогорел и рудник проветрился.

В подтверждение своего мнения о пожоге авторы ссылаются (стр. 38) на древние письмена с упоминанием в них о таком способе работы на скалах у золотых рудников в Верхнем Египте, не указывая источника. Об этом известно лишь сообщение Агафархида, дошедшее до нас в передаче Диодора.

Авторы очень сбивчиво пишут о нахождении олова в природе, например: «...Оно образуется разложением оловянного камня и выносится на поверхность течением циркулирующих вод, где тяжелые частицы осаждаются в песчанике. С давних пор олово добывалось из вышеупомянутых осадков, так как из этих соединений легко можно восстановить олово» (стр. 52).

Интересны сведения о месторождениях в Закавказье оловянного камня со следами древних разработок, дополненные ссылкой на новую книгу о природных ресурсах Грузинской ССР, где отмечены как достойные внимания лишь Чорохское месторождение в Нижней Сванетии и полиметаллические жилы, содержащие оловянный камень, в Киртышо (Верхняя Рача). Отсюда вытекает, что старый вопрос о происхождении олова в кавказских бронзах остается открытым.

О приемах выплавки меди и ее сплавов авторы почти не пишут,— может быть, потому, что плавильные площадки и древние остатки плавки, в частности отвалы шлаков, в Грузии еще систематически не изучались. Лишь в одном месте упоминается о «разливных ложках» из глины, относящихся к энеолиту, из Урбниси (табл. XIX, *1*). Отнесение этих ложек к столь раннему времени противоречит высказываниям авторов о применении в ту пору лишь поковок из самородной меди. Что касается назначения таких ложек, или льячек, то пока нет доказательств употребления их дей-

ствительно для зачерпывания сплава из большого тигля. Их поэтому нужно рассматривать как тигельки, в которых не только плавили готовую медь, но и выплавляли ее из руды, что было доказано, например, находками в Ирландии. Малыми размерами ранних поделок объясняются небольшие размеры льячек.

Находки слитков времени поздней бронзы, почти чисто медных, вдали от месторождений авторы считают доказательством отделения выплавки меди, которая в основном происходила на рудниках, от обработки, для чего преимущественно доставлялась готовая медь (стр. 50). Вероятность этого оспаривать не приходится, особенно если учесть весьма частые находки на Кавказе таких слитков. Но нам известны хорошо доказанные примеры доставки к местам обработки металлов не меди, а руды даже в позднее время, например в Минусинском крае, на поселениях андроновской культуры, на Кипре и даже в болгарских городах.

Учитывая широкое распространение во времена средней бронзы медно-мышьяковых сплавов, авторы изучили их свойства, выплавив образцы из чистых металлов в запаянных пузырьках (стр. 32 сл.). Они построили интересные диаграммы изменения основных механических свойств этих сплавов и, что важно, их линейной усадки при затвердевании. Последняя оказалась примерно в три раза меньше, чем у чистой меди, даже у сплавов с 3% мышьяка. Впервые были тщательно изучены пределы растворимости мышьяка в твердой меди: при эвтектической температуре — 7,58% и на холоде — 5,36%.

Прекрасные литейные качества — жидкоплавкость и малая усадка, пластичность, даже повышающаяся с ростом доли мышьяка в сплаве, резкое увеличение твердости при наклепке — все это хорошо объясняет столь широкое распространение этих сплавов еще на заре металлургии и в эпоху бронзы в тех местах, где олово еще не было доступно. Напрасно авторы ограничились ссылкой на книгу Форбеса о древней металлургии в подтверждение распространенности превратных взглядов на мышьяковистую медь как якобы хрупкую. Важнее была бы ссылка на литературу по сплавам. Ведь Форбес, известный своими трудами по истории техники, не металлург, а историк, поэтому у него в книге встречается вообще много существенных погрешностей, когда речь идет о металлургических переделах или обработке металлов. К сожалению, такие ошибки весьма часты в археологической литературе.

Можно пожалеть, что авторы уделили мало внимания сурьмяным бронзам, а о хорошей вязкости бронз с сурьмой и мышьяком говорят лишь предположительно (стр. 41). Попутно авторы пишут, что древние мастера, вероятно, не умели различать олово и сурьму, хорошо известные на Кавказе даже во времена ранней бронзы. В этом также проявляется недооценка наблюдательности древних мастеров, у иных авторов доходящая до утверждения, что на Киевской Руси плавильщики не отличали олово от свинца.

В книге подробно рассмотрены свойства оловянных бронз, впрочем, достаточно хорошо известные. Но важный для древней металлургии вопрос о повышении твердости бронзы при малых примесях олова авторы упустили из виду. Они подчеркивают (стр. 51), что в приведенной ими диаграмме, заимствованной из атласа десятилетней давности, отражены новейшие поправки системы олово — медь. Если они хотели быть на уровне сегодняшнего дня, то им следовало бы указать новую литературу в подтверждение того, что за это время никаких дополнительных сведений об этой системе не появилось.

Из приемов обработки бронзы подробнее всего рассмотрены в книге литье и ковка.

Интересно описание разных приемов литья топоров эпохи средней бронзы (стр. 43 сл.). Бронзовые формы позднего времени свидетельствуют о массовом литье. Авторы хорошо разъяснили, что топоры, вынутые горячими из такой формы, после полного остывания могли настолько изменить размеры, что в свою форму уже не вмещались. То же наблюдается и у современных фасонных отливок в кокиль; это устраняет предположение о предварительной отливке в бронзовых формах восковых моделей (стр. 55). Впрочем, такие модели и не стоило отливать в бронзовую форму, так как можно было бы обойтись простой каменной или даже деревянной, которую проще сделать.

Авторы подробно описали способы отливки мечей эпохи поздней бронзы с полыми рукоятками, кинжалов, втульчатых копий, колец, бляшек и др. Они разъяснили, что загадочные дополнительные линии, нарушающие узоры у прорезных блях, представляют собой оставшиеся невырезанными ветви литниковой системы.

Среди исследованных авторами памятников ранней бронзы интересен кинжал из Сачхере, у которого к прокованному клинку была прилита с утратой восковой модели узорчатая рукоятка из такой же меди почти с 2% мышьяка (стр. 24). Авторы доказали по макро- и микрошлифам, что кованая структура клинка рекристаллизована с двойникованием по причине длительного и сильного нагрева вместе с формой перед заливкой сплава. Но они не объяснили, какой был смысл в столь сложной работе, когда проще было отлить кинжал целиком и отковать затем клинок. К тому же клинок не потерял бы твердости от наклепа во время вынужденного отжига. Ведь совершенно ясно, что древний мастер, так же как и современный, никогда не стал бы без надобности, и тем более без смысла, усложнять свою работу.

Такое же недоумение возникает, когда знакомимся с приемами ковки некоторых предметов. Например, два копья эпохи ранней бронзы из абхазских дольменов, судя

по описанию структуры, к сожалению, плохо различимой на микрофотографиях в книге, были прокованы сперва вгорячую, а затем на холоде. У одного копья — три продольных ребра с двумя долами по обе стороны пера, а у другого — лишь одно ребро. Авторы утверждают, что только ковкой между двумя приспособлениями можно было выдать копье с одинаковыми ребрами и долами с обеих сторон (стр. 21). Против такого предположения об отливке копий, по мнению авторов, свидетельствуют деформированные кристаллиты в структуре прокованных ребер. Однако несравненно проще отлить не заготовки для последующей сложной ковки, а готовые копья, придав им нужную твердость (в копьях медь содержит 4,7 и 3,8% мышьяка) проковкой ребер, что можно сделать на простой колоде. Кроме того, авторы не пояснили, из чего древний мастер мог бы сделать приспособления для такой ковки, достаточно твердые и прочные, чтобы выдержать многократное употребление.

Во многих поделках из кованой проволоки, начиная с энеолитического спирального колечка из Тквиави, булавок эпохи ранней бронзы длиной до 50 *см*, штыка из Сачхере и многих колец эпохи средней бронзы из разных мест, авторы в середине сечений обнаружили трещины или рыхлоты, которые доказывают свободную ковку последовательно со всех сторон; при этом возникают внутренние напряжения, приводящие к подобным порокам (стр. 20, 21; табл. XVIII, *3*). Хотя это явление хорошо известно металлургам, но для иных читателей следовало бы привести для сравнения макрошлиф сечения современного прута с трещинами в середине от такой же проковки. Удивительно, что проволоку даже в пору поздней бронзы выковывали, тогда как к ранней бронзе относят замечательную волоку из яшмы, найденную в Наохваму, в которой просверлены с двух сторон в ряд пять биконических глазков, как у современных (стр. 2). К сожалению, изображение этого камня на рисунке плохое (табл. XVIII, *5*), а подробностей об этой уникальной находке, видимо впервые публикуемой, не приведено.

Бесспорен пример ковки при помощи оправки, сходной с найденной в с. Занаури, копья времени средней бронзы из Нули в Южной Осетии. На оправке из листа выковывалось копье с полостью почти до острия и с раскрытой втулкой. Однако неясно, какова была причина, побудившая мастера сперва выковывать листы, а затем из них выделывать копья, когда несравненно проще втульчатые копья отливать, как это делали тогда мастера в тех же местах. Может быть, таким путем удавалось уменьшить расход дорогой бронзы.

Копья из Нули оказались за пределами раскрытой втулки сваренными. Такой же кузнечной сваркой, как указывают авторы, прикреплен к головке булавки из Сачхере кусок проволоки потоньше, который был затем навит для украшения на верхнюю часть булавки. К сожалению, авторы в обоих случаях не показали макро- и микрофотографий со шлифов этих стыков. Медь и ее сплавы в противоположность железу, свариваются с трудом и лишь в местах, обнажающихся от окалины, при растяжении соприкасающихся поверхностей под ударами молотка, поэтому швы получаются непрочными и неплотными.

Мы ничего не находим в книге о выделке медной и бронзовой посуды, которую в те времена на Кавказе преимущественно склепывали из листов именно потому, что хорошая их сварка под молотком невозможна, а паять твердым припоем большие сосуды трудно. Вообще о пайке в книге ничего не сказано, так же как и о лужении меди и бронзы, но приводятся отрывочные сведения об обработке иных металлов и упоминание об интересном исследовании одним из авторов способов выделки золотой и серебряной посуды. Эти сведения, однако, не относятся к основной теме книги, и помещать их не следовало.

В заключение авторы пишут о самобытном и блестящем развитии металлургии и обработки меди и бронзы в древние времена на землях Грузии. В частности, они указывают на своеобразные названия металлов у грузин, которые перешли к другим народам, ссылаясь на источник на грузинском языке и на книгу Форбеса. У последнего же сказано, что греческое κασσίτερος — олово — и родственные ему названия в других древних языках Ленорман пытался вывести из грузинского «кала» и сходного осетинского, армянского и турецкого слова, и это мнение поддержал аббат Сэйс. Поэтому приходится пожалеть, что содержание грузинского источника не раскрыто в книге.

Затрагивая вскользь много общих вопросов, авторы приводят местами устаревшие высказывания, противоречащие современным взглядам. Например, они пишут о «внезапном» выходе бронзы из употребления в древнем Шумере и замене ее медью или о пережитке неолита в Ассаме и Бирме, дожившем, как указывал 10 лет назад Форбес, до современной стали. Последнее утверждение явно противоречит тому, что мы знаем о широких связях уже в глубокой древности всего Индо-Китая с развитыми цивилизациями Индии и Китая при непрерывном потоке оттуда переселенцев и распространении с ними как духовной, так и материальной культуры.

В. А. Пазухин

Л. А. Чилашвили. Город Рустави. Историко-археологический очерк. Изд. АН Грузинской ССР, Тбилиси, 1958. 228 стр.+ 39 табл. Тираж 1000. Цена 11 р. 75 к. (На груз. яз. с русск. резюме)

Важность выхода в свет монографии Л. А. Чилашвили, посвященной одному из самых значительных городов феодальной Грузии, несомненна. Исследование автора базируется на богатом археологическом материале, добытом Руставской археологической экспедицией под руководством М. М. Иващенко (1944—1946 гг.), Н. Гамбашидзе (1948 г.) и Г. А. Ломтатидзе (1949—1951 гг.) [1]. Автором привлечены также данные письменных источников на древнегрузинском, армянском и арабском языках.

Монография состоит из введения, четырех глав, резюме на русском языке, списка использованной литературы (148 наименований) и описания таблиц.

Глава первая — «Из исторической географии Кухети. Возникновение города Рустави». По сведениям древнегрузинских источников, Рустави относится к числу древнейших городов Грузии. Древнегрузинский историк XI в. Леонти Мровели, сочинение которого, как уже выяснено, основано на более ранних источниках, упоминает Рустави наряду с такими крупными городами раннеэллинистического времени, как Мцхета, Урбниси, Каспи и др. [2]. В этих же источниках Рустави выступает как административный и экономический центр Кухети, одной из провинций Восточной Грузии. Именно поэтому история города в рецензируемой работе рассматривается в связи с общей историей этого края. Автор уделяет большое внимание вопросам исторической географии, в частности вопросу об исторических границах Кухети (стр. 5—14; см. также карту на стр. 11). Название «Кухети», по мнению автора, имеет этническое значение и связано с одним из грузинских племен — «кухов» (стр. 15). Автор показывает, что территория исторической Кухети была заселена с эпохи бронзы. Большой интерес представляют публикуемые автором материалы проведенных им разведочных работ, обнаруженные из этой территории древнейшие «жилые холмы» (Чатмское поселение, холм у с. Михайловка, селища от Тазакенда до Караяза — «Курганное поле»). Все эти древнейшие поселения расположены вдоль р. Куры. Как предполагает автор, ко времени поздней бронзы и раннего железа уже произошло слияние этих локальных поселений и образование крупного территориального объединения — «Хеви». Основой объединения автор считает экономический фактор, в частности скотоводство (стр. 32—40). Там же рассматриваются также вопросы развития земледелия (оросительная система, зернотерки и т. д.).

По мнению автора, холм на левом берегу Куры (у начала древнего оросительного канала), на котором выявлены следы поселения эпохи бронзы, и явился местом зарождения будущего города. В возникновении же последнего главенствующую роль играла экономическая мощь этого района, основанная на земледелии и скотоводстве. Наряду с этим возникновению города способствовало и выгодное географическое положение, в частности близость торговых путей. Таковыми автор считает торговый путь, соединявший столицу Иберии (Мцхета, а затем Тбилиси) с южными торговыми центрами, и торговый путь, связывавший южные районы Грузии (Тао-Кларджети, Месхети, Джавахети) с восточными районами (стр. 40). Однако автор не попытался доказать наличие этих торговых путей в раннеэллинистическое время, к которому относится возникновение г. Рустави. Упомянутые автором торговые магистрали, по всей видимости, возникли позже. В античную же эпоху через Рустави проходила другая большая дорога из Индии до Каспийского моря, а затем через Закавказье по р. Куре — Сурамскому перевалу — р. Фасис до берега Черного моря. Сведения об этом торговом пути сохранились, как известно, у Страбона [3] и Плиния [4]. Однако сведения об этом пути исходят от Патрокла (90-е годы III в. до н. э.), следовательно, существование этого пути следует предполагать уже с раннеэллинистического времени. Более того, как показывают археологические материалы, отдельные отрезки этого пути на территории древней Грузии образовались еще в доэллинистический период [5]. Именно этот путь, вдоль которого были расположены города Иберии античного периода — Гори, Уплисцихе, Каспи, Урбниси, Саркине, Мцхета — должен был, по нашему мнению, сыграть важную роль в возникновении города Рустави. Заметим, кстати, что автор почему-то вообще игнорирует данные античных писателей. У последних же (например, у Страбона, Плиния, Клавдия, Птолемея) имеются весьма интересные сведения об исторической географии Кахети и Кухети.

Во второй главе — «Рустави в раннефеодальную эпоху» (стр. 40—61) — рассматриваются названия города («Рустави», «Бостан-Калаки», «Нагеби») и дается их этимология. «Рустави» означает начало канала («Рус-Тави») и оправдано местоположением города, расположенного у начала древнего оросительного канала, построение ко-

[1] См. Г. А. Ломтатидзе. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави. Материалы по археологии Грузии и Кавказа, т. I, 1955 (на груз. яз).

[2] См. Картлис Цховреба (История Грузии, свод источников) под ред. С. Г. Каухчишвили, т I, 1955, стр. 17—18 (на груз. яз.).

[3] Strabo, II, 1,15; XI, 7, 3; XI, 2, 17.

[4] Plin., N H, VI, 50—52.

[5] Подробнее см. О. Д. Лордкипанидзе. О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху. Сообщ. АН ГССР, т. XIX, № 3, 1957, стр. 377—384.

торого приписывается в источниках царю Трдату (конец IV в. н. э.). Однако, основываясь на археологических данных, Л. А. Чилашвили предполагает, что к концу IV в. имела место не постройка канала, а его обновление. Название «Рустави», конечно, могло появиться лишь после постройки канала. Однако для определения первоначального наименования данных пока нет. Весьма интересным кажется этимология названия «Бостан-Калаки». «Бостани» в арабском, персидском и турецком языках обозначает «огород», «садик». Однако в данном случае, по-видимому, название города произошло от среднеперсидского «востан», что означает «домен» (грузинское «сауплисцуло»). Следовательно, «Бостан-Калаки» следует понимать как «город-домен». Автор, на наш взгляд, совершенно справедливо отвергает мнение о том, что Рустави представлял собой резиденцию иранского марзпана, и на основе данных древнегрузинских источников (Леонти Мровели, Джуаншер) устанавливает, что Рустави являлся доменом грузинских царевичей — дома Реви (стр. 43—46).

В этой же главе автор исследует археологический материал (главным образом могильника), характеризующий жизнь Рустави в IV—VIII вв. (стр. 52—59). На основе же данных письменных источников (древнегрузинских, арабских) излагается политическая история города на фоне общей истории Кухети. Приходится сожалеть, что автор не затронул вопроса о возникновении Рустави как раннефеодального города и не показал того социально-экономического базиса, который обусловил возникновение города на этой территории в раннефеодальную эпоху. Пространные суждения на стр. 20—41 рецензируемой книги касаются возникновения города рабовладельческого периода. Время и условия возникновения раннефеодального города почему-то остались неисследованными. Может быть, автору кажется, что раннефеодальный город генетически связан с рабовладельческим городом? Тогда это требовало бы соответствующей аргументации, которой мы не находим в рецензируемой работе. В таком случае необъясненным остается тот весьма любопытный факт, что остатки античного города не обнаружены на территории феодального городища: в стратиграфическом разрезе слои феодального времени непосредственно налегают на культурные слои эпохи поздней бронзы и раннего железа [6].

Города Грузии рабовладельческой и феодальной эпохи существенно отличались друг от друга. Раннефеодальные города возникают во время кризиса рабовладельческих городов, вместе с новой экономической формацией, большей частью уже на новых местах [7]. Иллюстрацией этому могут служить сведения хроники «обращение Картли»: «Тогда Мцхета стал редеть, а Тбилиси обстраиваться, Армази стал падать, а Кала [8] возвышаться» [9]. Временем кризиса рабовладельческих городов и возникновения новых, раннефеодальных городов следует считать III—IV вв. н. э. [10]. Именно к этому времени относится возникновение в Картли городов Тбилиси, Уджарма, Хорнабуджи, Череми [11].

Знаменательно, что раннесредневековые слои Рустави, свидетельствующие о наличии здесь городской жизни, датируются как раз III—IV вв. н. э. (см. стр. 53—55). И вовсе не случайно, что уже в IV в. Рустави становится доменом потомков Реви (стр. 46) — город переходит в частное владение. Вот, по нашему мнению, то существенное, чем отличается феодальный город от рабовладельческого. С падением рабовладельческих устоев общества города теряли самоуправление. Экономически оставаясь центрами ремесла и торговли, а также административными единицами, города средневековой Грузии постепенно попадали в зависимость от укреплявшейся феодальной знати и политически становились их опорой [12].

[6] Аналогичное явление наблюдается и при раскопках г. Урбниси, где крепостная стена раннефеодального города выстроена на могильнике I—II вв. н. э. (см. Г. А. Ломтатидзе. Археологические исследования в Урбниси. Журн. «Мецниереба да техника», 1956, № 1, на груз. яз.). И в Мцхета Армазисхеви — резиденция питиахшей, высших должностных лиц, аристократический квартал античного города, в феодальную эпоху становится предместьем или производственной частью города (см. А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе, Г. А. Ломтатидзе. Мцхета, т. I (Археологические памятники Армазисхеви по раскопкам 1937—1946 гг. Тбилиси, 1955, стр. 177, на груз. яз.).

[7] Интересно отметить, что многие города античного периода со времени победы раннефеодальных отношений постепенно исчезают и уже в VI—VIII вв. не встречаются. См. Ш. А. Месхиа. Города и городской строй феодольной Грузии, Тбилиси, 1959.

[8] Армази — крепость г. Мцхета, Кала — крепость г. Тбилиси.

[9] Е. Такаишвили. Описание рукописей Об-ва распространения грамотности среди грузинского населения, т. II, Тифлис, 1906—1912, стр. 724 (древнегрузинский текст); ср. Картлис Цховреба, стр. 223, 373, прим. 1.

[10] Об этом довольно наглядно свидетельствует археологический материал столицы античной Иберии — Мцхета. См. «Мцхета», I, стр. 207.

[11] Ш. А. Месхиа. Ук. соч.

[12] История борьбы за обладание городами Грузии между царской властью и феодальной аристократией исследованы в работе Ш. А. Месхиа. См. Ш. А. Месхиа. Из истории социальных отношений в городах Грузии. Город и феодальная аристократия в XI—XIII вв.). Мимомхилвели Института истории АН Груз. ССР, II, 1951, стр. 83—109 (на груз. яз. с русск. резюме).

Третья глава рецензируемой работы посвящена археологическим памятникам Рустави эпохи развитого феодализма (XI—XIII вв.). Большой интерес представляет первый раздел этой главы, посвященный характеристике жилых кварталов городища. Автор детально рассматривает строительный материал (булыжник, сырец), связывающий материал (глиняный и известковый растворы), характер кладки стен (они построены либо целиком из камня, либо каменным является только фундамент, а выше стены сложены из сырца), настилку полов (в основном глиняная обмазка), вопросы перекрытия жилищ (встречаются как плоское перекрытие, так и черепичные кровли) и т. д. Подробно рассматриваются также археологические материалы, найденные при раскопках жилых комплексов и связанных с ними культурных слоев (керамические и стеклянные изделия, предметы домашнего обихода, монеты и др.). Среди строительных сооружений автор выделяет два хронологических слоя: нижний слой, верхний горизонт которого датируется третьей четвертью XI в. (разрушение Рустави, согласно данным письменных источников, связывается с походом Ал-Парслана в 1068 г.), и верхний слой, охватывающий конец XI, XII и XIII вв. до 1265 г. (на этот раз разрушение Рустави приписывается монгольскому хану Берка) [13]. Следует все-таки отметить, что отсутствие в книге чертежей раскопанных комплексов и стратиграфических разрезов культурных слоев весьма затрудняет представление как об общей планировке городища, так и об отдельных комплексах. Автором не выделены также культурные слои, связанные с возникновением, существованием или гибелью того или иного комплекса.

В этой же главе автор детально рассматривает руставскую керамику, глазурованную и неглазурованную (стр. 93—176). Дается детальное описание форм и назначения сосудов, техники их изготовления, орнаментации, глины, обжига и т. д. Большое место отведено обзору больших сосудов хозяйственного назначения, но, к сожалению, почти ничего не сказано о строительной керамике, в частности о черепице. С большим интересом читается раздел, посвященный обзору глазурованной керамики (стр. 114—136). Автор дает подробную характеристику техники и способов глазуровки, рассматривает формы сосудов и их орнаментацию (полихромия, геометрические орнаменты, изображения креста, растений и птиц). Руставская глазурованная керамика датируется в основном XI—XII вв. Весьма важно, что Л. А. Чилашвили удалось среди этой основной массы выделить более ранние образцы (глазуровка без ангоба) и по аналогичным образцам из Кабалы (Азербайджан) [14] датировать их VIII в. Также важным является то, что автор выделил среди найденной в Рустави глазурованной керамики тбилисскую продукцию (стр. 135). Весьма интересными кажутся нам наблюдения автора о близости керамики из Рустави и Уджармы. Заслуживают внимания попытка автора выделить собственно руставскую продукцию и его мнение о наличии местного производства глазурованной керамики (стр. 135—136).

Глава заканчивается обзором руставского могильника. Подробно рассматриваются типы погребений (грунтовые погребения, каменные ящики и единственное погребение с сырцовыми стенами), обряды погребения и инвентарь (керамические изделия, стеклянные сосуды, украшения и др.). Следует подчеркнуть то обстоятельство, что среди некрополей эпохи развитого феодализма, изученных на территории Грузии, руставский могильник является пока единственным, где встречаются погребения с инвентарем. На основе характера инвентаря автор пытается определить профессию погребенных (погребения ткачихи, воина, купца), а также судить об имущественном неравенстве среди руставских граждан.

Последней, четвертой главой является глава «Город Рустави в эпоху развитого феодализма (XI—XII вв.)». Здесь после краткого обзора истории города в изучаемую эпоху автор рассматривает вопросы внешнего облика города и исследует взаимоотношения двух основных частей города — собственно города и крепости. К сожалению, территория крепости еще не исследована археологически и поэтому не удается установить этапы возникновения и развития крепости. Город в основном был построен на левом берегу руставского канала и занимал довольно большую территорию, особенно в XII—XIII вв. Автором привлекаются убедительные археологические данные о территориальном росте города в XII—XIII вв.

Весьма интересным кажется нам тот раздел главы, в котором рассматривается вопрос о сельскохозяйственной территории города Рустави («агарани») [15]. Автор рассматривает сведения древнегрузинских источников о взаимоотношении городов с окружающими их деревнями и показывает, что деревни, расположенные к северу и северо-востоку от г. Рустави, входили в хозяйственный район города и зависели от него не только административно, но и экономически.

К сожалению, чрезвычайная скудость источников не дает автору возможности определить более конкретно форму взаимоотношения города с окружающими сельскими

---

[13] См. также Г. А. Ломтатидзе. Ук. соч., стр. 190.

[14] См. В. Н. Левиатов. О типах глазурованной керамики Азербайджана в VII—XV вв. Изв. АН АзССР, 1946, № 7, стр. 37—38.

[15] Здесь автор руководствуется исследованием: Н. А. Бердзенишвили. Агарани. К топонимике старого Тбилиси. Мимомхилвели Института истории АН ГрузССР, т. II, 1959, стр. 37—60 (на груз. яз.).

поселениями. Нам кажется недостаточным объяснение автора, что в основе экономической зависимости лежал обмен: «Рустави получал из деревень большую часть сельскохозяйственной продукции, сам же снабжал их ремесленными изделиями» (стр. 163). Дело в том, что, как убедительно показано в рецензируемой книге, в экономике самого города сельское хозяйство занимало довольно значительное место. По нашему мнению, вопрос о взаимоотношении феодального города с окружающими деревнями (в особенности вопрос правового статуса) все еще требует исследования. Также требует исследования с этой точки зрения различие между феодальными и рабовладельческими городами Грузии.

В этой же главе специально рассматривается хозяйственная жизнь города, его сельское хозяйство и ремесленное производство. На основе сопоставления данных письменных источников (древнегрузинских, арабских) с археологическим материалом весьма убедительно показан большой удельный вес в экономике города земледелия, виноградарства и садоводства, а также скотоводства. Из отраслей ремесленного производства подробно рассматриваются ткацкое, стекольное и керамические ремесла. На основе археологических данных автор предполагает наличие здесь кузнецов, плотников, каменотесов, мастеров по изготовлению бурдюков («метикени»), мастеров оросительного дела («куканкни») и других мелких ремесленников.

Исследование социального строя затрудняется чрезвычайной скудостью письменных источников, поэтому автору приходится часто прибегать к аналогиям.

Последний раздел четвертой главы посвящен изучению торговых путей, проходивших через Рустави (стр. 184—206). На основе сопоставления сведений грузинско-армянских источников с арабско-персидскими, с привлечением материалов археолого-географических разведок, проведенных автором рецензируемого труда, дается локализация двух торговых магистралей, проходивших через Рустави или недалеко от него: первая соединяла Партави и Тбилиси, вторая — Южную Грузию (Джавахети, Тао-Кларджети) с Кахет-Эрети. Большая работа проведена автором для локализации населенных пунктов вдоль этих дорог. Особый интерес представляет локализация Хунана (на правом берегу р. Куры, у впадения р. Акстафы) и Гардабани (у слияния рек Куры и Храми).

В заключение нельзя не высказать сожаления о весьма низком полиграфическом уровне таблиц. Да и автор, по-видимому, не проявил должного внимания при их составлении. Так, например, на одной таблице (XXI) изображены камни церковного карниза, стеклянный флакон, пастовая бусина, два перстня и две сердоликовые бусины; размер же таблицы всего 14 × 18 *см*.

О. Д. Лордкипанидзе

Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Изд-во «Искусство». Л.— М., 1958. Тираж 3000. Цена 28 р. 50 к.

Книга Н. Д. Флиттнер представляет собой капитальный труд, охватывающий культуру и искусство не только Двуречья в обычном его понимании, но и всей Передней Азии, что явствует и из заглавия книги. Грандиозные археологические открытия последних десятилетий внесли существенные поправки в старое понятие «классического Востока» и в значительной степени расширили и изменили его содержание. В связи с этим автор, подводя итоги, пишет в конце своего исследования (стр. 244): «Одно обстоятельство уже теперь ясно: говорим ли мы о культуре древнего Востока в широком смысле этого слова, или же только об искусстве его, мы не имеем больше права останавливаться только на Египте и на странах Двуречья. Современная наука вскрыла не менее важные культуры Передней Азии. Палестина и Сиро-Финикия, так называемые «горные области», т. е. Северная Месопотамия, центральная Малая Азия и Закавказье не только получали от «ведущих» стран Древнего Востока,— творчески одаренные, они многое и передавали своим соседям, и эта роль их станет понятной в полной мере, как только в руках науки окажется достаточное количество памятников». Основное значение исследования Н. Д. Флиттнер и заключается прежде всего в учете целого ряда этих вновь открытых культур, в установлении их взаимосвязи и удельного веса в процессе развития культуры и искусства народов древнего Востока в целом. В известной мере эти задачи решались Н. Д. Флиттнер и раньше в ряде ее исследовательских статей и популярных книжек, в первую очередь в книге «На берегах Тигра и Евфрата», сыгравшей свою очень положительную роль в деле воспитания учащейся молодежи. Покойный профессор, доктор исторических наук Наталья Давыдовна Флиттнер была не только крупным ученым, но и выдающимся педагогом, воспитавшим много наших современных ведущих востоковедов. Рецензируемое мною исследование Н. Д. Флиттнер вышло под редакцией двух ее учеников — проф. И. М. Дьяконова и Н. Б. Янковской, положивших много труда при подготовке к печати настоящей книги.

Рецензируемая работа отличается полнотой и исключительной разносторонностью характеристики в раскрытии иногда очень сложных явлений культуры. Удел немногих и всегда крупных ученых заключается в том, чтобы их исследования были интересны не только специалистам, но доступны и широкому кругу читателей. В этом смысле характерны слова, сказанные в предисловии: «Я пишу не для ученых, а для всякого, кто знает свой родной язык» (стр. 5). В книге Н. Д. Флиттнер читаешь с захватывающим

интересом, казалось бы, о давно известных вещах: об открытии клинописи и о раскопках ассирийских дворцов, о библиотеке Ашшурбанапала, древних городах Шумера и т. д. Весь этот исключительно обильный многосторонний материал оживает в образных описаниях. Особенно оживляют изложение приводимые часто данные античных авторов, средневековых и позднейших путешественников, тексты Библии и т. д. Какой силой и необыкновенной образностью проникнуто, например, описание падения Ниневии у пророка Наума в Библии: «Только и слышишь хлопанье бича и стук крутящихся колес, ржание коня и грохот скачущей колесницы. Несется конница, сверкает меч и блестят копья; убитых множество и груды трупов; нет конца трупам, спотыкаются о трупы их». И далее: «Расхищайте серебро, расхищайте золото, нет конца искусным изделиям, множество всякой драгоценной утвари» (стр. 35). Когда читаешь эти строки, то проходят перед глазами бесчисленные батальные рельефные композиции в дворцах Калаха, Нимруда, Хорсабада и Ниневии. Сильной стороной книги Н. Д. Флиттнер является умелое использование самых разнообразных письменных и вещественных источников, а не сухие отвлеченные рассуждения, характерные для целой полосы искусствоведческой формалистической науки. Направление это осталось навсегда чуждым Н. Д. Флиттнер прошедшей школу крупнейших востоковедов начала нашего века — Б. А. Тураева, А. Эрмана и историка египетского искусства Г. Шефера. Для Н. Д. Флиттнер всегда характерна оценка художественного явления на широко взятой исторической базе, на глубоко изученных археологических данных. Поэтому так убедительно показаны уже основные этапы развития культуры и искусства Двуречья древнейшего периода — конца V и IV тысячелетий до н. э. (гл. I, стр. 46—94). **Впервые в** советской науке с такой полнотой освещены периоды Телль-Халафа, Аль-Убайда, Урука и Джемдет-Насра, в частности, очень ясно прослежены и художественные особенности расписной керамики из Телль-Арпаччийа, Самарры, Тепе-Сиалка, Тепе-Хиссара и других мест. Большой заслугой автора является использование глиптического материала, особенно в характеристике этого древнейшего периода. Ведь памятники глиптики являются иногда неоценимым материалом в восстановлении неизвестных нам фактов, в истолковании мифов, в реконструкции архитектуры, в определении форм сосудов и т. д. Как убедительна, например, сцена жертвоприношения на печати из Телль-Билла, с какой точностью воспроизведена в ней форма культового сосуда из алебастра, происходящего из храма Иннины (стр. 81, 83). Не менее интересны и другие печати из Телль-Билла и Урука, приведенные на стр. 77—81. При этом очень важно, что автор во всей книге использует новый материал из последних раскопок, воссоздавая тем самым очень полную картину развития культуры и искусства. В этом смысле особый интерес представляет реконструкция так называемого Белого храма в Уруке — наиболее важного памятника для характеристики раннешумерийской архитектуры (стр. 64—65) и анализ так называемого Красного храма, современного культуре Джемдет-Наср с его замечательной орнаментальной мозаикой (стр. 64 и цветная таблица). Автор совершенно прав, протягивая нить от этих памятников к позднейшему искусству, вплоть до ассирийского зодчества IX—VII вв. до н. э. С этой точки зрения особенно существенны указания на храм в Телль-Укайре периода Урука, открытый в 1940—1941 гг. к северо-западу от Джемдет-Насра с его единственными для этого периода стенными росписями (стр. 64—65). И в данном случае мы, несомненно, имеем дело с тысячелетними традициями, поскольку росписи из Телль-Укайра также являются образцами художественного наследия, развитыми и в ассирийских росписях Тиль-Барсиб (IX—VIII вв. до н. э.), и, скажем со своей стороны, в недавно обнаруженных фрагментах урартских стенных росписей в раскопках холма Арин-Берд в Армении. Процесс развития культуры и искусства Передней Азии впервые показан в труде Н. Д. Флиттнер с подобной объективной достоверностью, с учетом всех культурно-исторических взаимосвязей. Такова, в частности, и проблема взаимосвязи додинастического Египта с древнейшей Месопотамией, хотя и имеющая уже в науке большую давность, но в данном случае интересно и по-новому освещенная (сравнение так называемого «камня Блау» времени Джемдет-Насра с рельефом на рукояти из Джебель-эль-Арака). Заканчивая анализ этих памятников, автор писал: «В настоящее время уже нельзя рассматривать отдельные страны древнего Востока в отрыве друг от друга,— они никогда не были разобщены» (стр. 93).

Следующая глава посвящена культуре III тысячелетия до н. э. (стр. 94—162). Она охватывает огромный материал, начиная от погребений времени I династии Ура и до возвышения Вавилона. Памятники этого периода наиболее общеизвестны, однако и в этом разделе нашли место памятники, открытые в последние годы. Автор и здесь по-новому осветил ряд вопросов. Это относится прежде всего к интересному показу памятников времени III династии Ура и к их экспозиции в развитии переднеазиатской культуры (например, разбор стелы Ур-Намму — стр. 160—161). Убедительно показано и своеобразие аккадского искусства середины III тысячелетия до н. э. и скульптурного портрета, в котором, по словам автора, нашел воплощение не «обобщенный тип», а индивидуализированное лицо (медная голова царя из Ниневии и замечательная алебастровая голова семита из Адаба — стр. 143, 146, 147). В данной главе, как и в предыдущей, приведено сказание о Гильгамаше в переводе И. М. Дьяконова. «С тех пор,— пишет автор,— мерная речь этого классического эпоса звучала и в школах, и в студенческой среде, и среди учителей» (стр. 6). Дело все в том, что этот замечательный памятник древневосточной литературы звучал уже в свободно-поэтическом переводе Гумилева, но лишь впервые был приведен в работе Н. Д. Флиттнер, как она пишет, «в

прекрасном русском переводе, сумевшем близость к подлиннику сочетать с отличной литературной обработкой» (стр. 267).

Следующая глава, посвященная культуре и искусству II тысячелетия до н. э., кажется мне самой интересной в труде Н. Д. Флиттнер. К этому времени приходят в движение «горные народы», расцветают мелкие государства восточного побережья Средиземного моря, появляются на мировой арене хетты, Египет завязывает с этими культурами тесные связи, и в то же время устанавливается контакт всей культуры Передней Азии с островными культурами Эгейского моря. «Развитие культуры стран Двуречья — Шумера, Аккада, Вавилона и Ассирии,— пишет автор,— несмотря на все превратности их исторических судеб, протекало в органической взаимосвязи. Также обзор культуры и памятников Палестины и Сиро-Финикии — сравнительно нетрудная задача... Гораздо более сложна до сих пор характеристика искусства «горных» областей — Малой Азии и Северной Сиро-Месопотамии» (стр. 215). Н. Д. Флиттнер удалось в этом сложнейшем сплаве культур выделить несколько групп: собственно хеттского малоазийского искусства, далее — хуррито-хеттского, и, наконец, угаритского — т. е. сирийского и сиро-финикийского искусства. Трудность задачи заключалась в том, чтобы показать своеобразие каждой из этих групп искусства, вместе с тем не теряя их взаимосвязи и не утрачивая нового качества, т. е. показа этого «сплава» в целом, характерного для всей древневосточной культуры II тысячелетия до н. э. Автор, конечно, прав в большинстве случаев, называя культуру восточного побережья Средиземного моря сиро-финикийской, но все же искусство Рас-Шамры и Библоса, обычно рассматриваемое археологами, их раскрывшими, Монтэ и Шеффером, как отдельные комплексы, рассматриваются таким же образом и Н. Д. Флиттнер. Оба эти комплекса памятников были созданы под сильным влиянием искусства Египта; укажем, со своей стороны, и на менее сильное обратное воздействие Рас-Шамры на Египет.

Автор убедительно анализирует «сиро-египетский стиль» таких памятников, как золотое блюдо с чисто египетскими мотивами из Рас-Шамры (стр. 199, 201); не менее убедительно показан и один из главнейших памятников финикийского искусства — саркофаг царя Ахирама из Библоса (стр. 202). Совершенно прав автор, опровергая установившееся мнение об изобретении стекла финикийцами: стеклянную глазурь знал уже древний Шумер. Стекло эпохи Амарны в Египте было подвергнуто тщательному анализу Н. Д. Флиттнер уже давно в ее специальной работе. «Вавилон II тысячелетия до н. э.,— пишет автор,— оставил нам описание устройства стеклоплавильных печей» (стр. 191). Однако следует указать, что Финикия пошла дальше, начав выдувать стекло, намного опередив технику венецианских стеклодувов. Убедительна классификация автором и хеттского искусства, в частности хуррито-митанийского круга памятников. Впервые в советской науке с такой наглядностью проанализирована архитектура Телль-Халафа и, что особенно важно, показана роль северомесопотамского искусства хеттов в дальнейшем формировании искусства Ассирии I тысячелетия до н. э. Автор прослеживает этот процесс на примере так называемых ортостатов и на монументальной привратной пластике в архитектурном комплексе. Приемы искусства Сам'аля, Телль-Халафа и Каркемиша на Евфрате, развиваясь дальше, расцветают в прославленных дворцах Саргона II и Ашшурбанапала в Ниневии (стр. 232). Как и в предыдущих главах, в хеттском искусстве прослежено и развитие глиптики (стр. 222).

Книга Н. Д. Флиттнер заканчивается обзором культуры и искусства I тысячелетия до н. э. и в основном посвящена, естественно, трем замечательным явлениям этой эпохи: дворцовой архитектуре и настенным декорациям Ассирии IX—VII вв. до н. э., городу Вавилону VII—VI вв. до н. э. и персидскому искусству династии Ахеменидов. Отметим, что город Вавилон с его замечательной дворцовой и храмовой архитектурой, красота его изразцовых декораций впервые в русской и советской науке были показаны с подобной полнотой, как и ассирийские росписи из дворца в Тилль-Барсиб. Анализ ассирийского искусства во всех работах общеобзорного характера ограничивается обычно временем IX—VII вв. до н. э. В книге же Н. Д. Флиттнер прослеживается весь путь развития этого искусства, его корни в культуре древнейшей Месопотамии с конца V тысячелетия до н. э. и его позднейшее влияние на искусство Ахеменидов. Можно в полной мере согласиться с автором, что «о типично ассирийских чертах в области художественного творчества можно говорить не ранее XIII в. до н. э.» (стр. 246).

Работа Н. Д. Флиттнер, очень полно отображающая развитие культуры и искусства Передней Азии, не вызывает у меня сколько-нибудь принципиальных возражений. Можно лишь пожалеть, что автор, высказав ряд существенных соображений и поставив ряд важных проблем, в некоторых случаях недостаточно их аргументировал или же вовсе не аргументировал. Так, например, анализируя скульптуру времени Гудеа, и в первую очередь, конечно, портретные статуи Гудеа, автор пишет: «Достижениями времени Гудеа живет не только III династия Ура, но даже и следующий за ней, наиболее блестящий период в истории Южного Двуречья — период I Вавилонской династии». С этим утверждением нельзя не согласиться, но поскольку в работе Н. Д. Флиттнер стилистическое своеобразие скульптуры времени Гудеа не раскрыто (если не считать нескольких замечаний), постольку и поставленная ею проблема остается неразрешенной (стр. 156, 158). Автор, хорошо описывая статую богини Иштар с сосудом в руках из Мари (стр. 171), недооценивает ни ее художественного своеобразия, ни очень высокого качества этого выдающегося произведения пластики древней Месопотамии, когда пишет, что «стилистически статуя дает мало нового по сравнению со скульптурой

времени Гудеа или III династии Ура» (стр. 172). Вообще в ряде случаев автор ограничивается лишь описанием или же прослеживанием иконографии за счет художественно-стилистического анализа памятника. Мои замечания, повторяю, относятся лишь к отдельным случаям и ни в какой мере не умаляют достоинства серьезного и большого исследования Н. Д. Флиттнер. Наши историки, археологи и искусствоведы получили хорошую книгу, которая на много лет станет обязательной при изучении культуры и искусства Двуречья и соседних стран.

В. В. Павлов

Археологические работы в Таджикистане в 1956 и 1957 гг. Тр. АН ТаджССР, т. XCI, 1959, 193 стр.; Тр. АН ТаджССР, т. CIII, 1959, 193 стр.

Два выпуска, посвященных предварительным отчетам об археологических работах, проведенных в 1956 и 1957 гг. на территории Таджикской ССР, продолжают хорошее начинание, предпринятое Институтом истории, археологии и этнографии АН ТаджССР [1]. Приятно отметить сокращение разрыва между сроками публикации и временем проведения работ. Выход в свет обоих сборников является одним из проявлений того бурного развития среднеазиатской археологии, которое мы наблюдаем за последнее десятилетие.

В 1956 и 1957 гг. в Таджикистане успешно продолжались исследования, посвященные каменному веку и нашедшие отражение в статьях А. П. Окладникова (т. XCI, стр. 7—22; т. CIII, стр. 5—20) и В. А. Ранова (т. XCI, стр. 23—38; т. CIII, стр. 21—42). Были продолжены сборы нижнепалеолитических изделий в Кайрак-Кумах и, что особенно интересно, аналогичные находки были сделаны и на юге Таджикистана в Вахшской долине (В. А. Ранов, т. CIII, стр. 22—26). Продолжение работ В. А. Ранова на Восточном Памире, к сожалению, пока не привело к уточнению датировки собранных здесь комплексов, характеризующихся определенными архаическими чертами. То же следует сказать и относительно группы поздних памятников Южного Таджикистана, изучавшихся А. П. Окладниковым и объединяемых им в «гисарскую культуру». Едва ли в настоящее время можно с уверенностью считать носителей этой культуы скотоводами и земледельцами (т. CIII, стр. 19). Отметим, что еще преждевременно говорить о наличии в афганистанском памятнике Кара-Камар мустьерского слоя (В. А. Ранов, т. CIII, стр. 26) [2].

В 1956 г. продолжались исследования развеянных поселений с керамикой андроновского типа в Кайрак-Кумах. Ряд находок, по мнению Б. А. Литвинского, относится к сакскому времени (т. XCI, стр. 49), но их во много раз меньше, чем более ранних памятников. Пока нет никаких оснований считать, что Кайрак-Кумы были «важным центром сакских племен», и тем более, что именно сюда был направлен заяксартский поход Александра (т. XCI, стр. 50). К кругу сакских памятников относится Ак-Беитский могильник, изучавшийся в 1956 г. А. Н. Бернштамом (т. XCI, стр. 53—61).

К числу наиболее важных исследований, проводившихся в 1956 и 1957 гг. в Таджикистане, несомненно, принадлежат работы А. М. Мандельштама по вскрытию Аруктауского, Караджарского и Тулхарского могильников в Юго-Западном Таджикистане (т. XCI, стр. 63—72; т. CIII, стр. 131—151). Здесь вскрыто свыше полутораста курганов и получен обширный материал, открывающий большие возможности для хронологической классификации. Наиболее ранняя группа памятников, несомненно, относится ко II—I вв. до н. э., обнаруживая значительное сходство с могильниками, раскопанными в последние годы в Бухарской области (Кую-Мазар). Именно массовость материала открывает реальные возможности для его привлечения к изучению истории Средней Азии первых веков до нашей эры, столь тесным образом связанной с движениями различных кочевых племен. Намечающиеся связи с Поволжьем также указывают на всю значимость этих памятников, выходящую за пределы Средней Азии. В связи с этим нельзя не пожалеть, что отчет о работах 1956 г. почти лишен иллюстраций.

Производилось изучение могильников и на северо-востоке Таджикистана, где вскрыты курганы с подбоями и катакомбами и своеобразные могилы из бутового камня, объединяемые Б. А. Литвинским под термином «курумы» (т. XCI, стр. 73—85; т. CIII, стр. 109—129). Полученные материалы охватывают значительный отрезок времени (от II—I вв. до н. э. до VI—VII вв. н. э.), но внутренняя классификация их

---

[1] См. В. М. Массон, В. И. Сарианиди. Литература по археологии Таджикистана. СА, 1958, № 3, стр. 322.

[2] В отличие от предварительных сообщений, сейчас и К. Кун говорит об этом в весьма осторожных выражениях. См. C. S. Coon. Seven Caves. London, 1957, стр. 231, 296.

затрудняется, в частности, отсутствием стратиграфических схем для оседлых поселений Ферганы этого времени.

Одной из выдающихся страниц советской археологии являются систематические раскопки Пенджикентского городища. Отчеты А. М. Беленицкого знакомят читателей с результатами работ, проводившихся в Пенджикенте в 1956 и 1957 гг.(т. XCI, стр. 87—114; т. CIII, стр. 43—63), когда здесь были открыты великолепные памятники стенной росписи, сюжетно связанные со среднеазиатскими эпическими преданиями. Уделяя большое внимание их описанию и интерпретации, А. М. Беленицкий несколько обедняет собственно археологическую часть своих отчетов. В некоторых отношениях дополняют пенджикентский материал работы отряда Н. Н. Негматова в Усрушане, где раскопаны остатки крупного здания VII—VIII вв. н. э. Следует приветствовать внимание этого отряда к памятникам развитого и позднего средневековья (т. XCI, стр. 115—127; т. CIII, стр. 95—107). Не приходится отрицать определенный упадок хозяйства и культуры Средней Азии в связи с событиями VII—VIII вв. н. э., но едва ли можно говорить о «колоссальном уничтожении производительных сил» (Н. Н. Негматов, т. XCI, стр. 125).

Общую картину археологических работ, проводившихся в 1956 и 1957 гг., дополняют отчеты о работах в верховьях Зеравшана (Б. Я. Ставиский, т. CIII, стр. 65—81), о раскопках в Южном Таджикистане на городище Кафыр-Кала, верхний слой которого относится к VII—VIII вв. н. э. (т. XCI, стр. 145—154; т. CIII, стр. 83—93), об исследовании некрополя в пределах г. Душанбе, где имеются захоронения в хумах, в камерах из жженого кирпича и в гробнице из каменных плит с двускатной каменной кровлей (т. XCI, стр. 129—139) и другая информация. Значительный интерес представляет регистрация монетных находок на территории ТаджССР, проводимая Е. А. Давидович (т. XCI, стр. 171—179; т. CIII, стр. 153—161) и особенно статья О. И. Смирновой о монетных находках в Пенджикенте, ставшем своеобразной лабораторий по изучению денежного хозяйства раннесредневекового Согда (т. XCI, стр. 153—170). Оба сборника завершаются библиографическими списками, озаглавленными «Советская литература по археологии Таджикистана» (1956 г.— 162 названия и 1957г.— 117 названий). Оба списка изобилуют названиями работ, почти не имеющих или просто не имеющих никакого отношения к археологии Таджикистана. Такова, например, статья С. С. Сорокина о датировке Кенкольского могильника, статьи С. К. Кабанова о раскопках в Варахше и в зоне Чим-Курганского водохранилища, Г. Е. Трапезникова о древнем Чарджоу, В. А. Нильсена о цитадели Варахши и др. Во избежание недоразумений следовало бы выделить работы, имеющие прямое отношение к Таджикистану, и общие работы, лишь косвенно затрагивающие данную тематику.

В целом оба сборника являются весьма полезными и ценными изданиями, отражающими интенсивное развитие археологических знаний в Таджикистане. Вместе с тем на их фоне вполне определенно выступают и недочеты в археологическом изучении территории ТаджССР. Так, исследование памятников развитого средневековья ведется от случая к случаю и не носит систематического характера. Большим пробелом является прекращение раскопок оседлых поселений древней Бактрии. Непоправимым ущербом для археологии является уничтожение городища Кей-Кобад-Шах, прочно вошедшего в советскую и зарубежную археологическую литературу. Совершенно необходима организация систематических раскопок в широких масштабах на каком-либо другом памятнике III в. до н. э.— III в. н. э. Отсутствие таких работ на территории Согда и Бактрии является одним из крупнейших упущений среднеазиатской археологии. Не вполне ясно назначение двух вводных страничек, предшествующих в каждом томе всей серии публикуемых отчетов. Хотелось бы на месте этих кратких информаций видеть обобщающую статью, поднимающую хотя бы некоторые из тех больших и важных проблем, с изучением которых связаны археологические исследования в Таджикистане.

В. М. Массон

Хроника

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В 1958—1959 гг.

I. ГРЕЦИЯ

1. Афины и Аттика

Устройство музея Афинской агоры в восстановленной Стое Аттала позволило разрушить здание базы экспедиции на агоре, находившееся у северного подножия Ареопага [1]. Благодаря этому были обследованы южная и юго-восточная части агоры и прилегающие к ней участки. Здесь выявлен участок Панафинейской дороги, ступенями поднимающейся по склону Ареопага в направлении к Пропилеям. Хорошо сохранилась вымостка дороги раннеримского периода, сделанная из вторично использованных блоков ранних зданий. Она была повреждена при сооружении вдоль восточной стороны дороги оборонительной стены в конце III в. н. э. Стена эта, толщиной от 3 до 3,5 *м*, имела два фаса, сложенных из блоков вторичного использования, с каменным заполнением в середине. Обнаружены прямоугольная башня и ворота, заложенные в XIII в. В углу, образованном стеной и башней, найдено маленькое святилище более раннего времени, сохраненное при постройке стены. В центре помещения найдена база статуи или алтаря; вокруг нее сохранились основания четырех столбов, поддерживавших перекрытие или навес. Святилище было, очевидно, посвящено какому-то божеству, связанному с дорогами или перекрестками.

Доследованы водопроводы разных периодов, входившие на агору в ее юго-восточном углу, в том числе архаический водопровод, шедший к юго-восточному фонтану (Эннеакрюносу) и сменивший его каменный водопровод V в. до н. э., доставлявший воду юго-западному фонтанному дому. В эпоху Антонинов вдоль Панафинейской дороги был проложен акведук, сооруженный из массивных блоков, уложенных на бетоне. Сохранились лишь блоки фундамента, на которые опирались арки. Акведук снабжал водой фонтан или нимфеум, воздвигнутый во II в. н. э. в юго-западном углу Агоры, и был, очевидно, разрушен в III в. н. э., строительный материал его был использован при сооружении упомянутой выше оборнительной стены III в. н. э. Позднее, в начале V в. н. э., при сооружении большого комплекса гимнасия, акведук этот был восстановлен, но в более скромных размерах; остатки его фундаментов прослежены на расстоянии 40 *м*.

У подножия северного склона Ареопага открыты новые участки жилых домов. Жизнь здесь процветала начиная с VII в. до н. э., но дома архаического периода были полностью разрушены. Сохранились остатки жилищ второй четверти V в. до н. э., по плану и строительным приемам сходные с домами, открытыми раскопками предшествующих лет в районе к северо-западу от Ареопага. Раскопанный квартал состоял из одного комплекса, разделенного внутренними стенками на 4 отдельные жилища.

Внешние стены здания были из сырцовых кирпичей на каменном цоколе из уложенных полигонально больших известковых блоков; цоколи внутренних стен были сделаны из небольших камней, сложенных на глине. Пол в большинстве помещений был из утрамбованной глины. Стены, вероятно, были оштукатурены.

Против юго-восточного угла этого жилого комплекса, по другую сторону переулка, найдены фундаменты маленького двухкомнатного (размером 5,80 × 10,40 *м*) дома, сходного по конструкции с большим комплексом, но датирующегося уже началом IV в. до н. э.

Кроме раскопок на агоре, в Афинах было сделано еще несколько открытий. К западу от агоры, у дороги, ведущей к Пирейским воротам, при строительстве дома было случайно обнаружено маленькое святилище с храмом в антах [2], посвященное, судя по найденной здесь стеле с надписью, Артемиде. Предполагают, что это — святилище Артемиды Аристобулы, построенное Фемистоклом и упоминаемое Плутархом [3].

---

[1] H. A. Thompson. Activities in the Athenian Agora, 1958. Hesperia., 1959, т. 28, № 1, стр. 91—106, табл. 13—22.

[2] E. Vanderpool. News Letter from Greece, AJA, 1959, т. 63, № 3, стр. 279; G. Daux. Chronique des fouilles en 1958, BCH, 1959, т. LXXXIII, № 2, стр. 572.

[3] Плутарх. Фемистокл, XXII.

Рис. 1. Пороссвые барабаны колонн Писистратидова Олимпейона

На южном склоне Акрополя [4], южнее Одеона Герода Аттика, обнаружены три подпорные стены, VI—IV вв. до н. э. Они поддерживали площадку какого-то раннего здания, уничтоженного при постройке Одеона. В самом Одеоне, в здании скены обнаружен мозаичный пол с геометрическим орнаментом, позже перекрытый полом из терракотовых плит.

Продолжались раскопки севернее Олимпейона [5], где исследуется городская стена времени Фемистокла; при постройке ее использованы частично распиленные на куски поросовые барабаны Олимпейона писистратидовской эпохи (рис. 1). Перед стеной обнаружен большой ров, 11 *м* шириной и 4 *м* глубиной; найдены остатки ворот и дороги, проходившей через эти ворота и шедшей к арке Адриана. Дорога существовала с раннего времени, как свидетельствуют обнаруженные вдоль нее могилы протогеометрического и геометрического времени.

Севернее дороги найдены остатки домов IV в. до н. э., переделанных в римское время. В одном из домов найден хорошей сохранности рельеф с изображением Деметры и Коры, перед которыми стоит гиерофант Ἀγνούσιος. Высота плиты — 0,68 *м* [6]. Дата рельефа — II в. н. э., но стиль исполнения восходит к образцам V в. до н. э.

Раскопаны и частично реставрированы пропилеи ограды Олимпейона времени Адриана. Внутри ограды обнаружен ряд баз, вероятно, от статуй императора Адриана, упоминаемых Павсанием [7].

В Академии Платона [8] исследован так называемый священный дом, датирующийся геометрической эпохой и связанный, видимо, с культом героя Академа. Здание из 7-ми помещений, разделенных коридором, со стенами, сложенными из сырцовых кирпичей на фундаменте из мелких камней, было заполнено остатками жертвоприношений в виде золы, фрагментов разбитой керамики и костей животных. Открыта также на протяжении 130 *м* ограда, воздвигнутая вокруг Академии, древнейшие части которой восходят к VI в. до н. э. [9]. В маленьком здании близ стены найдена серия небольших каменных плит или пластин, разной формы и размеров, служивших, видимо, «грифельными досками» учеников; на них сохранились процарапанные каким-то острием буквы и отдельные слова; по совместным находкам керамики они датируются серединой V в. до н. э.

Наиболее значительной находкой не только последних лет, но и последних десятилетий, является открытие в Пирее летом 1959 г. группы бронзовых и мраморных скульптур [10].

[4] E. Vanderpool. News Letter from Greece, AJA, 1960, т. 64, № 3, стр. 267.
[5] Там же, стр. 267—268.
[6] Там же, табл. 73.
[7] Павсаний, I, 18, 6.
[8] G. Daux. Ук. соч., стр. 576 сл.
[9] E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 3, стр. 279.
[10] Л. Е. О находке древнегреческих скульптур в Пирее в 1959 г., СА, 1960, № 4, стр. 242—244.

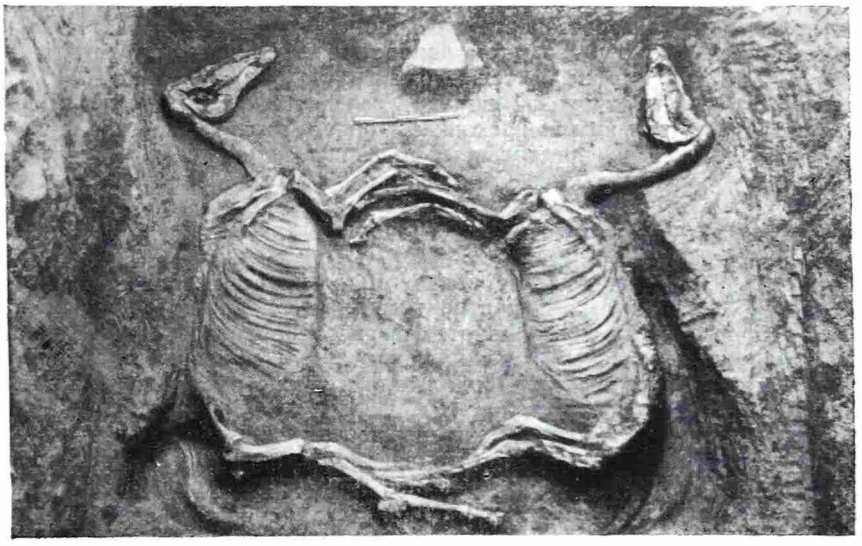


Рис. 2. Захоронение коней у входа в Микенский толос в Марафоне

В Браврон е[11], в святилище Артемиды продолжалось исследование открытой ранее стои, имевшей в плане форму буквы П. Интересна находка стелы с надписью 415/416 гг. до н. э. (при архонте Аримнесте), в которой сообщается о переносе храмовых сокровищ из Браврона на Акрополь в Афины, очевидно, в связи с опасностями Пелопоннесской войны.

В М а р а ф о н е[12], при доследовании микенской толосной гробницы, открытой еще в 1933—1935 гг. к западу от Сороса, у внешнего конца дромоса были обнаружены два костяка лошадей, положенных симметрично, ногами друг к другу, головами к входу (рис. 2); подобный обряд в погребениях микенского времени встречен впервые.

В П е р а т и[13] продолжались исследования Микенского некрополя; вскрыты 32 могилы, большей частью камерные; новым типом являются погребения в продолговатых ямах, перекрытых плитами, к которым ведет неглубокий дромос. Найдено много ваз позднемикенского III С периода. За последние годы здесь найдено шесть могил с кремацией позднемикенской эпохи.

К северу от Афин, между селениями Мениди и Эпано Лиозиа[14], случайно, при рытье колодца, были найдены надписи и фрагменты скульптур, указывающие на существование здесь святилища Геракла.

2. Пелопоннес

Продолжается исследование И с ф м и й с к о г о с в я т и л и щ а[15]. Завершены раскопки храма Полеймона, выявлены его прямоугольные фундаменты размером 8,30 × 7,70 *м*. Установлено, что храм существовал только в римское время. Под фундаментами храма обнаружен подземный проход, сообщавшийся с водоемом. Здесь найдено много светильников, использовавшихся, видимо, во время подземных обрядов. Юго-западнее храма Посейдона открыт большой ботрос, круглая яма диаметром около 5 *м* и глубиной более 20 *м*, заполненная многочисленными обломками архаической керамики, преимущественно коринфской; удалось реставрировать несколько культовых сосудов. Они представляют собой плоскую чашу на высокой ножке и различаются как по форме, так и по материалу; кроме керамических, есть обломки и мраморных экземпляров. Судя по материалу, ботрос был заполнен незадолго до пожара 475 г. до н. э.

В северо-восточном углу святилища начато исследование пещеры, в которую вела высеченная в скале лестница. В одном из помещений найдены каменные трон и пять или шесть лож с каменными же «подушками». Находки из нее относятся к I в. н. э.

---

[11] E. V a n d e r p o o l. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 3, стр. 280; G. D a u x. Ук. соч., стр. 589—596.

[12] E. V a n d e r p o o l. Ук. соч., т. 63, № 3, стр. 280; G. D a u x, Ук. соч., стр. 583—586.

[13] G. D a u x. Ук. соч., стр. 596—597.

[14] E. V a n d e r p o o l. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 3, стр. 269.

[15] O. B r o n e e r, Where Athletic Contests Were Linked with Underground Vows and Burnt Sacrifices of Oxen: the Shrines of Corinths Isthmian Games. ILN, 1959, № 6247, стр. 342—343; е г о ж е. Isthmia. Campaign of 1959. Archaeology, 1960, т. 13, № 2, стр. 105—109; е г о ж е. Excavation at Isthmia 1957—1958, AJA, 1959, т. 63, № 2, стр. 187.

Велись раскопки театра, расположенного к северо-востоку от святилища. Римский театр относится ко времени восстановления Коринфа в 44 г. до н. э. Из числа находок следует отметить найденную в западном пароде мраморную голову атлета в венке из пинии — награде победителю в исфмийских играх.

Под театром также обнаружены еще не доследованные подземные сооружения.

В Коринфе[16] разведочными раскопками обнаружен комплекс с гипокаустами, сооруженный во II в. н. э. и перестроенный в IV в. Сохранились мозаичные полы.

В Галатаки[17], селении близ Саронического залива, обнаружены остатки абсидального здания, вероятно, храма, с каменным фундаментом и сырцовыми стенами. Храм существовал от позднегеометрического времени до начала V в. до н. э. и был посвящен Гере.

В Микенах[18] проведено доследование городских стен и ворот с целью уточнения их хронологии. Различаются три строительных периода: 1) сооружение циклопических стен, 2) постройка Львиных ворот, северного прохода, южной части стен и двойной ограды вокруг шахтовых гробниц круга А, 3) подпорные стены дворца и эсхода от Львиных ворот к дворцу. Продолжались также раскопки домов микенского времени за пределами городских стен.

В Аргосе[19] продолжаются работы по исследованию протогеометрического и геометрического некрополей. Могилы этого времени найдены и в старом, и в новом городе. Следует отметить два геометрических погребения в пифосах, содержавших значительное количество небольших ваз. Многие погребения использовались в последующее время. Интересно открытие в районе музея, в слое, предшествовавшем протогеометрическому некрополю, остатков мастерской, вероятно, керамической, раннего протогеометрического, или, возможно, субмикенского времени: две сильно поврежденные печи и яма глубиной 1,8 *м*, заполненная обломками керамики.

В Лерне[20] продолжалось исследование здания BG, открытого раскопками сезона 1957 г. под северо-восточным углом Дома с черепицей. План этого более раннего здания сходен с планом Дома с черепицей; как и там, центральная часть, состоящая из ряда больших прямоугольных помещений, с двух сторон обрамлена длинными и узкими помещениями типа коридоров. На южной, торцовой, части здания выступы стен образуют открытый портик, на центральной оси которого найдена база колонны в виде большой каменной плиты неправильной формы. Фундаменты здания, достигающие толщины 1—1,2 *м*, сложены из грубого камня; верх стен, теперь не сохранившийся, был из сырца. В восточном коридоре обнаружены остатки пола из грубых каменных плит. Здание неоднократно ремонтировалось, отмечаются три периода его существования. Под его фундаментами обнаружены стены более ранних сооружений. В одном из них найдено много хорошо сохранившейся посуды раннеэлладского времени. Остатки стен домов найдены и в слое, перекрывающем здание BG. Таким образом, между его разрушением и сооружением Дома с черепицей существовал по меньшей мере один строительный период. Здание BG соответствует по времени оборонительным стенам Лерны раннеэлладского времени. В слоях, непосредственно предшествующих раннеэлладскому поселению в Лерне, обнаружено несколько неолитических могил с характерной для этого периода керамикой.

В Бассах[21] вокруг храма Аполлона велись разведочные раскопки. В 70 *м* к западу от храма обнаружены фундаменты монументальных зданий архаического и классического времени, вероятно, часть сооружений святилища. Найдены многочисленные остатки, относящиеся к святилищу архаического времени: фрагменты черепицы, в том числе антефикс, с изображением сидящих сфинксов, вазы, главным образом коринфские арибаллы, и другие предметы, среди которых следует отметить статуэтку куроса из слоновой кости, высотой 0,18 *м*, датирующуюся VII в. до н. э. Изучение скульптурного фриза храма Аполлона в Британском музее и сравнение с ним фрагментов, находящихся в Бассах (при помощи сделанных с них слепков), позволило дополнить некоторые плиты фриза[22].

В Олимпии[23] была сделана интересная находка: среди керамики, найденной близ мастерской Фидия, обнаружен чернолаковый каннелированный сосуд типа, характерного для последней трети V в. до н. э. (рис. 3); на дне его — граффити ΦΕΙΔΙΟΕΙΜΙ. Это первая из найденных в Олимпии вещей, с абсолютной достоверностью принадлежавшая самому Фидию. Продолжались также раскопки олимпийского стадиона, там были найдены интересные образцы бронзовых изделий эпохи архаики, например, ста-

[16] G. Daux. Ук. соч., стр. 604.

[17] E. Vanderpool. Ук. соч., т. 64, № 3, стр. 280; G. Daux. Ук. соч., стр. 608.

[18] G. Daux. Ук. соч., стр. 608—615; G. Mylonas. Excavations at Mycenae, 1958. AJA, 1959, т. 63, № 2, стр. 190.

[19] G. Daux. Ук. соч., стр. 754—768.

[20] J. L. Caskey. Activities at Lerna, 1958—1959, Hesperia, 1959, т. 28, № 3, стр. 202—207, табл. 40—42; его же. Supplementary Excavations at Lerna and Eutresis, 1958, AJA, 1959, т. 63, № 2, стр. 187.

[21] E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 3, стр. 269—270.

[22] G. Daux. Ук. соч., стр. 620—625.

[23] E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 3, стр. 281; G. Daux. Ук. соч., стр. 651—653; «I belong to Phidias», Archaeology, 1959, т. 12, № 2, стр. 137.

туэтки силенов, остатки треножников, орнаментированного вооружения. Ведутся работы по восстановлению земляных трибун стадиона.

В Мессене[24] раскапывается агора и театр. Агора, имеющая форму прямоугольника (71,91 × 66,87 *м*), со всех сторон окружена колоннадой, в центре северной стороны обнаружена лестница, шириной 7 *м*, ведущая в район города, лежащий выше агоры. Около лестницы найдена часть стелы римского времени, содержащая список взносов на реставрацию различных зданий города.

Успешно продолжаются археологические работы в Пилосе[25]. Исследуются примыкающие к центральному блоку дворца участки. С северо-западной стороны дворца раскопано здание кладовой. Оно современно дворцу и идентично ему по постройке, но стоит изолированно и не совпадает с главной частью дворца по ориентации. Внутри него обнаружены пифосы, стоящие четырьмя рядами (вдоль стен и посредине), впущенные в утрамбованный земляной пол. Судя по надписям на глиняных пробках с оттисками печатей, в них хранилось вино. Кладовая имела второй этаж, со стенами, украшенными фресками.

Рис. 3. Чаша с надписью Фидия из Олимпии

Близ помещения с пифосами найден фундамент круглого в плане здания, диаметром около 3 *м* с тонкими стенами из двух рядов необработанных камней (рис. 4). Внутри это необычное для микенской архитектуры сооружение имело перегородку, сделанную из поставленных на ребро плит. Назначение этой постройки не ясно.

Было предпринято исследование юго-западной части дворцового комплекса — района так называемого «Старого дворца». Выявлена его внешняя стена, идущая по склону холма, сильно разрушенная выборкой камня и оползнями. Уточнен план «Старого дворца» — он не простирался так далеко на северо-запад, как предполагалось, но завершался здесь стеной из больших прямоугольных блоков известняка: мегарон его имел не квадратную, а прямоугольную форму, так что очаг с окружающими его колоннами смещен от центра в сторону входа. Здесь найдено много керамики и некоторое количество терракот, датирующихся микенским III В периодом. К северо-востоку и северо-западу от центрального блока дворца были обнаружены плохо сохранившиеся стены, относящиеся к периоду, предшествовавшему строительству большого дворца; прослежены остатки оборонительной стены и в крайней северо-восточной точке холма — ворота с мощеным плоскими булыжниками проходом; оборонительная стена сложена из небольших, частично обработанных камней на подтесанной скале, достигает толщины 1,5 *м*. Материал, найденный здесь, датируется позднемикенским I периодом.

Рис. 4. Фундамент круглого в плане сооружения в северо-западной части Микенского дворца в Пилосе

Начато изучение нижнего города у подножия холма цитадели. В разведочных траншеях обнаружены остатки каменных стен домов; различаются три слоя: первый относится к среднеэлладскому времени, второй — микенский I, и третий — верхний соответствует времени существования дворца.

В районе Пилоса открыты два небольших полуразрушенных толоса: в дромосе одного из них найдены фрагменты большого кратера микенского III В периода с изображением охоты. В районе Хора обнаружены два круглых или абсидальных дома, судя по керамике, относящихся к раннеэлладскому времени.

---

[24] G. Daux. Ук. соч., стр. 636—638; E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 3, стр. 270.

[25] C. W. Blegen. The Palace of Nestor, Excavations of 1958, AJA, 1959, т. 63, № 2, стр. 121—138, табл. 25—34; его же. The Palace of Nestor, Excavations of 1959, AJA, 1960, т. 64, № 2, стр. 153—160, табл. 39—48.

В 1958—1959 гг. была предпринята тщательная разведка территории Мессении[26] с целью установления примерных границ Пилосского царства и выявления центров его, упоминаемых в поэмах Гомера и в табличках пилосского архива. Всего было нанесено на карту около 70 поселений, от эпохи неолита до византийского периода, главным же образом микенского времени. Прослежены линии древних дорог, в частности главной дороги, шедшей от Пилоса на восток, к Спарте. В двух из обнаруженных поселений были проведены разведочные раскопки. В местечке Никозия найдены фундаменты микенских зданий и большое количество керамики. Город существовал здесь длительный период, был разрушен пожарами одновременно с Пилосом. Вблизи него обнаружены монументальные толосы. Раскопки здесь будут продолжены.

3. Центральная и Северная Греция. Острова

В Эвтрезисе[27] (в Беотии, юго-западнее Фив), где в 20-х годах было найдено поселение элладского времени, произведены доследования, обнаружившие под мощной галечной вымосткой раннеэлладского времени керамику и терракоты неолитического периода, очевидно, связанные с поселением, предшествовавшим раннеэлладскому. Возможно, к этому неолитическому поселению относятся и остатки маленьких круглых хижин, найденных в нижних слоях Эвтрезиса на другом участке раскопок. К раннеэлладскому времени относится частично раскопанная, круглая в плане постройка (диаметром около 7 *м*), от толстой каменной стены которой сохранились лишь нижние ряды кладки.

В Дельфах[28] открыт бассейн Кастальского источника архаического времени, он лежит под современной дорогой, ведущей в Дельфы. Бассейн шириной около 4 *м*, сложен из поросовых блоков. Вода в бассейн поступала по поросовому каналу; свинцовые скрепы в форме ласточкиного хвоста, соединявшие блоки пороса, датируют сооружение бассейна VI в. до н. э. Перед ним находился прямоугольный двор, вымощенный плитами серого известняка; позже он был покрыт толстым слоем штукатурки и также превращен в бассейн для воды.

В Авлиде[29] продолжались раскопки внутри и вокруг храма Артемиды; часть его целлы была перекрыта римскими банями, в стенах которых найдены фрагменты архитектурных деталей храма и несколько статуй. План храма уточнен; восточнее его найден фонтан — квадратное сооружение из блоков пороса (1,8 × 1,8 *м*). Рядом найдены основание алтаря и небольшая ограда из камней — род ботроса.

В Феспориде[30] на р. Ахерон, близ селения Месопотамос, локализовано знаменитое святилище с оракулом, где вопрошались души умерших. Большой священный участок (62 × 46 *м*) был окружен стеной полигональной кладки. Под квадратным зданием святилища сохранился подземный лабиринт с рядом помещений, в том числе комнатой, потолок которой поддерживался 15 каменными арками. Очевидно, здесь находился сам оракул. Комплекс датируется III в до н. э.

Были продолжены раскопки театра в Додоне[31], одного из крупнейших в Греции (рис. 5); выявлены орхестра и скена. В римское время орхестра была превращена в арену — были убраны пять нижних рядов сидений и сооружен высокий парапет. Хорошо сохранилось здание скены; сзади него была стоя с октагональными колоннами. Время постройки театра — начало III в. до н. э.

В Стриме[32], античном городе, идентифицируемом с руинами, найденными на полуострове Гьез-Аза, юго-западнее Комотини, раскапывается город, разрушенный в IV в. до н. э. Выявлены часть городской стены, остатки домов, в одном из которых найден клад серебряных тетрадрахм Маронеи, датирующихся временем до 359 г. до н. э. Исследовался городской некрополь, давший богатую коллекцию керамики и фрагментированный надгробный рельеф классической эпохи.

На о. Фасосе исследуется открытое еще в 1909 г. святилище Артемиды[33], находившееся на искусственно сооруженной террасе на восточном склоне холма акрополя. Архитектурных остатков здесь не обнаружено, но найден большой комплекс вотивных приношений, относящихся в основном к эпохе арханки. Интересны образцы привозной

---

[26] W. A. Macdonald и R. H. Simpson. Where a Whole Mycenaean World Awaits the Spaade, a Search for the Lost Cities of Nestor's Kingdom in South-West Messenia, ILN, 1960, № 6300, стр. 740—741; W. A. Macdonald. Exploration and Excavation in Messenia, 1958—1959, AJA, 1960, т. 64, № 2, стр. 188.

[27] J. L. Caskey, E. G. Caskey. The Earliest Settlements at Eutresis, Supplementary Excavations, 1958, Hesperia, 1960, т. 29, № 2, стр. 126, сл.; Investigation at Eutresis, Archaeology, 1959, т. 12, № 1, стр. 63—64; E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 3, стр. 281.

[28] E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 3, стр. 284.

[29] G. Daux. Ук. соч., стр. 683—687.

[30] E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 3, стр. 282.

[31] E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 3, стр. 270.

[32] E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 3, стр. 283; G. Daux. Ук. соч., стр. 717—720.

[33] G. Daux. Ук. соч., стр. 774—784; E. Vanderpool. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 3, стр. 271. F. Salviat and N. Weill. The Sanctuary of Aretmis in Thasos. Archaeology, 1960 г. 13, № 2, стр. 97—104.

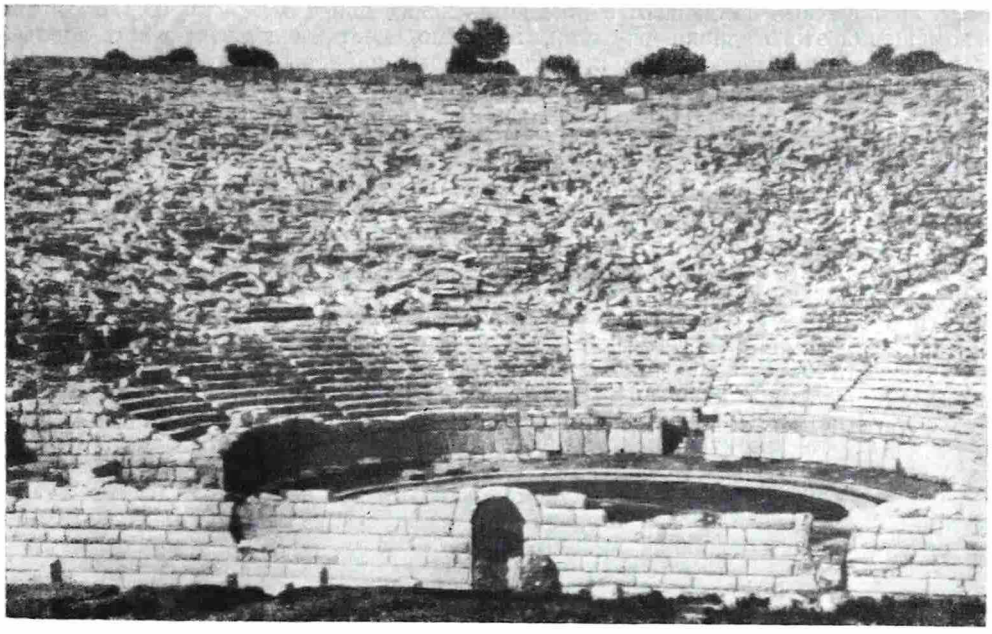


Рис. 5. Театр в Додоне

и местной расписной керамики и терракот. Святилище Артемиды существовало вплоть до римского времени, как показывают найденные здесь еще в 1909 г. статуэтки, находящиеся в Стамбуле. Начато также исследование святилища Афины, находящегося на акрополе.

На Самосе[34] продолжены раскопки в Герайоне, в южной и западной части святилища обнаружены стены позднемикенской эпохи, найдено четыре ботроса, в форме колодцев, обложенных камнем, заполненные большим количеством ваз, простых и расписных, от геометрической эпохи до второй половины VII в. до н. э., и терракот и несколько бронзовых египетских статуэток.

В Кноссе[35], на о. Крите, наиболее интересным было изучение неолитического поселения, предшествовавшего дворцу. Обнаружено несколько слоев с остатками домов, сопровождавшихся неолитической керамикой; среди последней есть вазы ранее неизвестных форм.

Неолитические слои открыты и в Фесте[36] под центральным и западным дворами Первого дворца. Обнаружены остатки домов, стоящих непосредственно на материке, многочисленные фрагменты керамики от неолита до времени сооружения дворца. Продолжается изучение различных периодов существования Первого и Второго дворцов. Интересные, но пока отрывочные находки относятся к поселениям субмикенского и протогеометрического времени, существовавшими на руинах минойского дворца.

Новые данные о поселениях раннего времени дали итальянские раскопки в Гортине[37]. До недавнего времени здесь были известны лишь памятники классического, эллинистического и римского периодов. Раскопки на вершине холма акрополя обнаружили следы жизни, восходящие к периоду неолита. Наиболее интересны руины храма относящегося к субмикенской или протогеометрической эпохе. Несмотря на плохую сохранность, прослеживается план здания, сохраняющий черты, характерные для эгейской и восточной архитектуры,— большой квадратный двор перед трехчастной целлой. На восточном склоне холма обнаружены фундаменты алтаря, близ которого найден большой комплекс вотивных приношений, главным образом статуэтки из глины, камня и бронзы, пинаки, рельефные и расписные, ритуальные сосуды и небольшие глиняные алтари. Этот комплекс датируется временем от субмикенского до римского. Интересны памятники, относящиеся к VII в. до н. э., особенно изображение богини -πότνια θηη ρῶν а также древнейшие изображения вооруженной Афины — около 700 г. до н. э.; очевидно, именно ей был посвящен этот храм.

Близ Гортины, в месте, называемом Каввиа, открыты остатки загородной виллы или фермы[38], окруженной стеной, сложенной из больших блоков. В нижнем этаже здания, в северной его части, обнаружены большие хранилища, в которых in situ стояг

[34] G. Daux. Ук. соч., стр. 729—730.

[35] Там же, стр. 735—739.

[36] Там же, стр. 744—747.

[37] D. Levi. The Religion of the Earliest Hellenes: Votives from a Post-Mycenean Shrine. Excavations at Gortyna, in Crete, JLN, 1959, № 6282, стр. 948.

[38] D. Levi. Country Life in Minoan Crete. Stores and Scrines in a rich Farm-House. Excavations at Gortina. ILN, 1960. № 6283, стр. 30—31.

пифосы, аналогичные найденным в позднемикенских дворцах Крита. Южные и восточные помещения этого здания служили, вероятно, местами культа; в них вдоль стен идут низкие скамьи, на которых и около которых найдены многочисленные глиняные вотивные статуэтки, типичные для позднеминойского искусства изображения богини со змеями. Интересна статуэтка воина (в панцире — древнейшее изображение этого вида вооружений). Найдены также различные ритуальные вазы. Найденная в здании керамика датирует его около 1400 г. до н. э.

Близ античной Лебены[39] (недалеко от Феста) открыт раннемикенский некрополь. В 1958—1959 гг. раскопано несколько погребальных сооружений в виде круглых в плане камер, сложенных из больших камней и имевших каменное же сводчатое перекрытие; диаметр их достигал 5 *м*. В камерах найдено большое количество костяков, лежавших слоями, друг на друге — очевидно, эти сооружения были родовыми могильниками, использовались долгое время (ок. 500 лет). В погребениях найдены разнообразная керамика, бронзовые кинжалы, печати из камня и слоновой кости, статуэтки и пр. Интересна большая двойная могила, состоящая из двух, примыкающих друг к другу круглых камер разного диаметра, и ряда пристроенных к ним прямоугольных помещений, служивших, как предполагают, местом заупокойного культа. В них найдено большое количество кубков.

На юго-западном берегу о. Крита, в местечке Агиа Румели (Древняя Тарра)[40], обнаружены остатки города, существовавшего с V в. до н. э. до IV—V вв н. э. Судя по большому количеству стеклянного брака среди находок римского времени, здесь существовало стеклянное производство.

II. МАЛАЯ АЗИЯ

Сведения об археологических раскопках в Малой Азии относятся в основном к 1957—1958 гг.

В Ксанфе[41] на акрополе раскапывались два сменивших друг друга дворца. Ранний — VII—VI вв. до н. э.— состоит из большого количества помещений. От второго дворца — 540—488 гг. до н. э.— сохранились две кладовые с пифосами. По времени ему соответствуют остатки храма. Дополнительно исследовались памятники Нереид и Гарпий. На последнем установлены гипсовые слепки с рельефов, находящихся в Британском музее. В римском театре Ксанфа исследовались постройки скены и восточного парода. Зондажи на орхестре обнаружили существование театра эллинистического времени, меньших размеров, чем римский.

В Гиераполисе[42] исследовался нимфеум римского времени, построенный частично из вторично использованного материала, и монументальные городские ворота I в. н. э.

В Сиде (Памфилия)[43] работы в основном были сосредоточены в театре. Открыта центральная часть фасада стены с полукруглыми нишами и дверьми, украшенного коринфскими колоннами, поставленными в два этажа, рельефными фризами и фронтонами. В связи с реставрацией бань позднеримского времени исследована часть примыкающей к ним улицы с колоннадой.

Работы в Милете[44] были сосредоточены в районе раннего поселения, западнее, южнее и восточнее храма Афины. Поселение имеет три слоя; к наиболее раннему, характеризующемуся керамикой среднеэлладского III и позднеэлладского I периодов, относится многокомнатное здание. Второй слой более разрушен; к нему относится печь для обжига больших пифосов, внутри которой сохранилось несколько стоящих рядом сосудов. Третий слой, давший керамику позднеэлладского III периода (XIV в. до н. э.), включает монументальную оборонительную городскую стену с башнями. Судя по ее направлению, микенское поселение Милета было значительно больше, чем предполагалось ранее. Открыты остатки субмикенского и протогеометрического периодов, главным образом керамика. В северной части храма Афины под фундаментами архаического времени раскопано овальное сооружение около 20 *м* в длину, сложенное из пяти радиально расходящихся рядов плоских камней, промежутки между которыми заполнены мелкими камнями. Считают, что это был священный алтарь. Вокруг него находился мощеный двор. Участок был окружен оградой, предшествовавшей сооружению здесь в архаическую эпоху большого теменоса.

В Паннонии[45] продолжено исследование фортификаций цитадели Кале-Тепе. Нижняя оборонительная стена не была сплошной, она защищала лишь наиболее доступные участки склонов. Верхняя стена цитадели не доследована. Открыта большая башня с восточной стороны. С южной и западной сторон обнаружены заложенные

[39] G. Daux. Ук. соч., стр. 742—744; S. Alexious. New Light on Mynoan Dating: Early Mynoan Tombs at Lebena, ILN, 1960, № 6314, стр. 225—227.

[40] T. S. Buechner. Excavations at Tarrha (Crete), AJA, 1960, т. 64, № 2, стр. 183.

[41] M. J. Mellink. Archaeology in Asia Minor, AJA, 1959, т. 63, № 1, стр. 79—80.

[42] M. J. Mellink. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 1, стр. 65.

[43] M. J. Mellink. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 1, стр. 80, AJA, 1960, т. 64, № 1, стр. 65.

[44] M. J. Mellink. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 1, стр. 81—82.

[45] Там же, стр. 82.

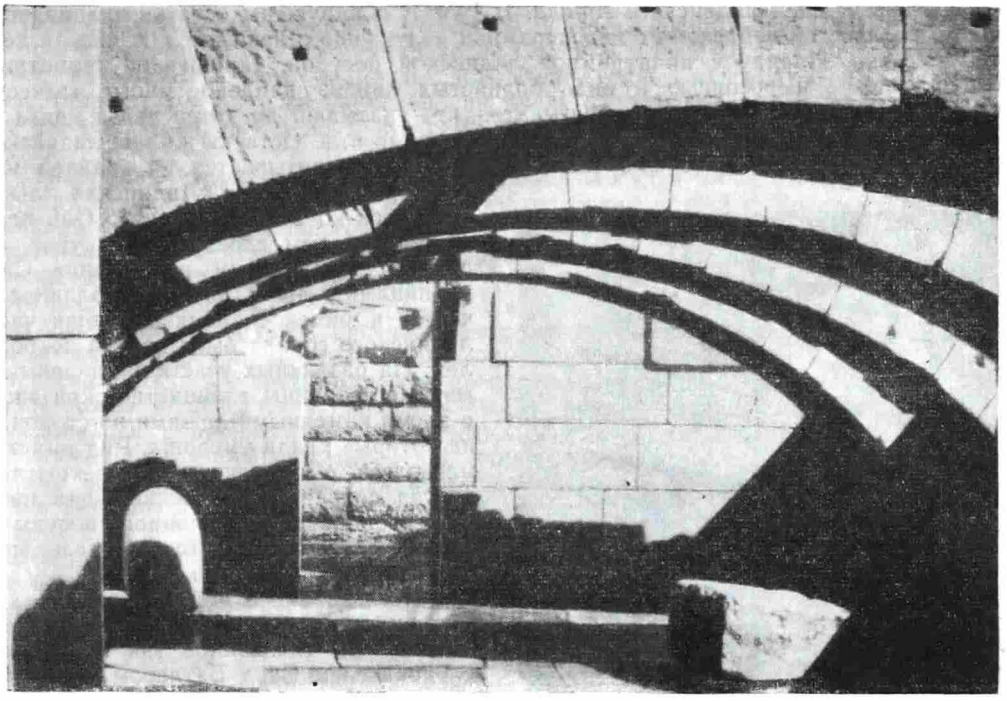


Рис. 6. Подземное святилище храма Аполлона в Кларусе

позже ворота. Найденные при раскопках черепки относятся к архаическому периоду. Внутри цитадели найдены остатки двух домов.

В Кларусе[46] завершено исследование храма Аполлона с его подземным святилищем (рис. 6). Это святилище состояло из двух сводчатых помещений, соединенных проходом. Переднее помещение, свод которого опирался на четыре арки (длина его — 6,43 *м*, высота — 1,88 *м*), служило местонахождением жрецов, сюда допускались и наиболее привилегированные просители. Здесь сохранился мраморный, украшенный рельефами омфалос высотой 0,68 *м*. Сводчатый проход высотой 1,57 *м*, шедший через мощную стену 2,7 *м* толщиной, вел во второе, внутреннее, помещение с шестью сводчатыми арками, где находился сам оракул. В настоящее время произведена реставрация поврежденных сводов.

К северу от храма Аполлона раскопан маленький, сильно разрушенный храм ионийского ордера, как предполагают Артемиды Кларии. Закончены раскопки монументального алтаря размером 18,45 × 9 *м*. Севернее него найдены хорошо сохранившиеся солнечные часы позднеэллинистического периода с посвящением агоранома, а к югу — барабаны колонны памятника Мениппа, чье имя упомянуто в почетном декрете, написанном на базе близ юго-восточного угла храма. Ряд надписей найден в районе алтаря.

Много интересного дали раскопки в Эфесе[47]. Закончены раскопки терм Схоластики, общая площадь которых около 14 000 *м*^{2}. Открыты помещения фригидария, кальдария и судатория (парильни) и ряда примыкающих к ним зал, в которых сохранились остатки росписей и мозаичных полов. С южной стороны терм был сооружен храм императора Адриана (рис. 7). Против храма Адриана открыт трехэтажный жилой дом; сохранились лестницы, ведущие в верхние этажи, и, частично, сводчатые перекрытия последних; найдены многочисленные остатки штукового декора комнат.

Продолжалось исследование улицы Куретов — главной улицы города и расположенных вдоль нее сооружений, в том числе храма императора Домициана и двух фонтанов императорского времени, украшенных скульптурами.

Интересные результаты дали две раскопочные кампании (1958 и 1959 гг.) в Сардах[48]. Большинство остатков относится к римско-византийскому городу, но в ряде

---

[46] Там же, стр. 83—84.

[47] M. J. Mellink. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 1, стр. 84; AJA, 1960, т. 64, № 1, стр. 66—67; Fr. Miltner. Two New Statues of Diana of Ephesians and Other Discoveries in the Ancient City of Ephesus, ILN, 1958, № 6192, стр. 221—223.

[48] G. M. A. Haufmann, A. A. H. Detweiler. Sardis, Capital of the Lidian Croesus, ILN, 1959, № 6260, стр. 924—926 и 1960, № 6310, стр. 61—63; их же. New Explorations at Sardis, Archaeology, 1959, т. 12, № 1, стр. 53—61; G. M. A. Haufmann. Excavations at Sardis, 1959, AJA, 1960, т. 64, № 2, стр. 185; M. J. Mellink. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 1, стр. 67—68.

пунктов открыты слои лидийского города. В 1958 г. обнаружены остатки здания, из-за большого количества найденной в нем керамики получившего название Лидийская керамическая лавка. Наряду с полихромной лидийской посудой, украшенной геометрическим орнаментом и росписью в виде волнистых линий, найдено много греческих (в частности, родосско-ионийских) фрагментов, что указывает на интенсивные связи лидийского города с Восточной Грецией в VII—VI вв. до н. э. Остатки жилищ лидийского города найдены в этом районе, а также южнее его; насчитывается по крайней мере три городских слоя; «Лидийская лавка» относится ко второму из них. Они перекрыты толстым слоем золы и угля, вероятно, отмечающим разрушение Сард ионийцами в 499 г. до н. э. В эллинистическое и римское время западная часть лидийского города была занята некрополем. На различных участках найдены камерные гробницы эллинистической эпохи с двумя каменными ложами по сторонам, на которые клали умерших. Ряд римских мавзолеев с сводчатым перекрытием, иногда сохранивших роспись, дал интересные образцы стеклянной посуды и многочисленные обломки рельефных мраморных саркофагов.

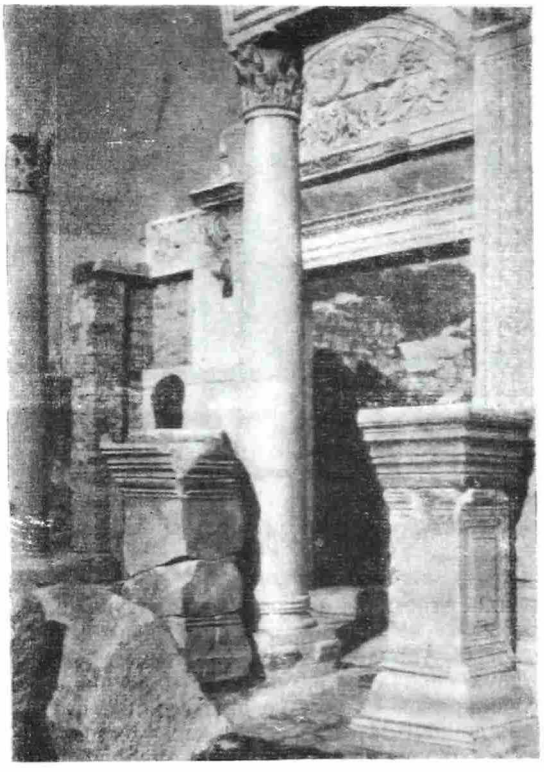


Рис. 7. Реставрированный храм Адриана в Эфесе

Исследовалось монументальное здание римского времени, так называемое здание «Б» (названное так первым исследователем Сард Батлером, копавшим город в 1910—1914 гг.). Оно имеет около 120 *м* длины, состоит из двух больших абсидальных зал и двора с колоннадой; стены и своды, сложенные из чередующихся рядов кирпичей и булыжника, были облицованы мрамором; мрамором же были выложены полы; в южной абсиде найдена база статуи императора Люция Вера, из надписи на которой следует, что здание «Б» было гимнасием.

Против здания «Б», непосредственно над остатками «Лидийской керамической лавки», раскапывается здание ранневизантийского времени, по большому количеству найденной здесь бронзовой посуды и утвари названное «Домом бронз». Оно построено частично из вторично использованного материала; в фундаментах найдена небольшая статуя Вакха, а под полом, в южном углу, обнаружены две мраморные римские статуи, мужская и женская.

К северу от «Дома бронз» раскапываются помещения византийских лавок, а к югу от него, на нижней террасе, начато исследование городской стены, построенной, вероятно, в I в. н. э. На восточной окраине города изучалось здание, принятое Батлером за городские ворота; эта прямоугольная постройка, размером около 30 × 9 *м*, с центральной аркой и многочисленными нишами, является нимфеумом.

III. ИТАЛИЯ

1. Центральная и Южная Италия

В Риме[49] изучались отдельные участки античного города, прослежена Vicus Ingarius, улица, соединяющая Форум Романум и восточные кварталы города с Форумом Боариум. С северной стороны она фланкирована стенами из блоков туфа, с южной находились храмы Фортуны и Матер Магна. Вдоль улицы найдены остатки водопровода и кирпичных зданий лавок.

При ремонте пола церкви Сан Пьетро ин Винколи под ним было открыто несколько античных слоев; самый ранний содержит остатки жилого дома республиканского времени с вымосткой из туфа. Его сменил дом, от которого сохранились фрагменты мозаичных полов. При Нероне весь этот участок был занят дворцом. При строительстве близ церкви Санта Кроче были открыты остатки большого цирка, перерезанного стеной Аврелиана. Велись работы в районе цирка Максенция; расчищена южная стена цирка, причем была найдена хорошая реплика головы статуи «Аполлона на омфалосе».

[49] A. W. Van Buren. News Leiter from Rome, AJA, 1959, т. 63, № 4, стр. 383—384; AJA, 1960, т. 64, № 4, стр. 359.

При строительстве аэропорта у селения Фьюмичино, близ Рима[50], обнаружены остатки построенного при императоре Клавдии порта на р. Тибре для доставки грузов из Остии в Рим. Найдены два мола — один из монументальных блоков травертина, другой устроен на основании из затопленных барок и кораблей, груженных камнем. Обнаружено не менее семи больших барок, довольно хорошо сохранившихся.

Продолжаются раскопки латинской колонии Альба Фуценс[51], расположенной к западу от Рима, начатые бельгийскими археологами в 1949 г. Во время предыдущих кампаний был выяснен план города, исследован ряд общественных зданий в его центральной части — остатки терм, рынок, храм, базилика; прослежены некоторые улицы, обнесенные колоннадами и портиками. Существенная перепланировка города имела место после союзнической войны начала I в. до н. э., когда город, оставшийся верным Риму, был сильно разрушен. Раскопан театр, сооруженный в эпоху Суллы, и расширенный в императорское время; изучен храм Аполлона, восходящий к III в. до н. э. Интересная надпись в честь Макрона, префекта преторианцев при Тиберии и уроженца города Альба Фуценс, была найдена в 1956 г. при раскопках амфитеатра. В 1958 г. исследовались оборонительные сооружения города. Выявлена монументальная терраса, служившая основанием городской стены, укрепленной башнями. Под поздними стенами обнаружены остатки ранних стен, близ которых найдены интересные архаические антефиксы. При раскопках найден ряд памятников римской скульптуры.

В Байях[52] продолжались работы по изучению комплекса терм; исследовались находящиеся под водой строительные остатки: хорошо сохранившиеся стены, сложенные из кирпича, с нишами, абсидами и пр.

В Ночера Супериоре[53] (древняя Nuceria Alfaterna) исследовались грандиозные оборонительные сооружения этого крупного центра самнитского периода. Стена с фасом квадровой кладки благодаря двум последовательным достройкам достигла вместе с земляными укреплениями толщины 25 *м*; мощные башни выступали в сторону города. На стену вела хорошо сохранившаяся лестница, близ которой была открыта экседра и найдена статуя Афины греческой работы, судя по надписи, являвшаяся даром императора Отона. Эту находку связывают с ремонтом городских укреплений в I в. н. э.

Продолжаются раскопки большого некрополя VIII—VII вв. до н. э. в Сала Консилина[54]. Среди богатого погребального инвентаря следует отметить модель прямоугольного дома с двускатной крышей и птицеобразными акротериями, расписанную геометрическими узорами.

Близ Падулы[55] открыты греко-италийские погребения V—IV вв. до н. э., в которых найдены хорошие образцы аттической краснофигурной вазописи.

В Салерно[56] открыты камерные гробницы эллинистического времени, сложенные из блоков туфа. Стены их с внутренней стороны оштукатурены, сохранились следы росписи; погребальный инвентарь, главным образом вазы, помещался в нишах или рядом с ложами, на которые клали умершего.

В Лучере[57] (древн. Lucеria) работы велись в амфитеатре августовского времени; фундаменты его лежат на остатках жилища II в. до н. э., стены которого расписаны в 1-м помпеянском стиле. Рядом с ним обнаружены погребения IV в. до н. э., с инвентарем, включающим апулийские вазы, керамику стиля Гнафия и местные расписные сосуды.

В Канозе (антич. Canosium)[58] открыты римский амфитеатр и большой мавзолей, напоминающий по своей архитектуре гробницу Цецилии Метеллы на Виа Аппиа.

Неизвестное апулийское поселение найдено на Monte Sannace[59], на полпути между Бери и Тарентом; исследовались его стены с большими воротами и жилые дома, под которыми обнаружен некрополь более раннего времени (рис. 8) с небольшими саркофагами, в которых умерший лежал в согнутом положении; рядом с ними находились маленькие каменные ящики для погребальных приношений, в них найдено большое количество высококачественной краснофигурной апулийской керамики.

---

[50] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 4, стр. 360; The Claudian Port of Ostia Revealed During Airport Construction Work. ILN, 1960, № 6327, стр. 801. Фотографии барок опубликованы в ILN, 1959, № 6234, стр. 936; № 6235, стр. 990.

[51] F. De Visscher. Alba Fucens: a Roman Colony. Archaeology, 1959, т. 12, № 2, стр. 122—132.

[52] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 4, стр. 386; «Imperial Rome's Most Luxurious Holiday Resort, for Many Centuries Some 30 ft. Below the Water». ILN, 1958, № 6195, стр. 342.

[53] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 4, стр. 387.

[54] Там же; AJA, 1960, т. 64, № 4, стр. 360.

[55] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 4, стр. 360.

[56] Там же.

[57] Там же, стр. 388.

[58] Там же, стр. 388, табл. 96, *6*.

[59] Там же, стр. 388—389, табл. 96—97, *7—12*.

Рис. 8. Вид некрополя IV в. до н. э. в Монте Санначе

Интересное погребение IV в. до н. э., содержащее вооружение апулийского воина, было открыто в Конверсано[60] (юго-восточнее Бари); сохранились нагрудник, поножи и богато орнаментированный шлем с большим гребнем, а также высокого качества терракотовая статуэтка — Виктория на биге.

В Таренте[61] продолжаются раскопки богатого некрополя VI—III вв. до н. э. Обычный тип могил — прямоугольная яма, высеченная в скале и перекрытая плитами. Часто встречаются каменные гробницы — некоторые с росписью; инвентарь их состоит из привозных и местных керамики и терракот. В одной архаической могиле найдено 12 чернофигурных аттических ваз, в том числе прекрасный килик с изображением симпосиума.

В Локрах[62] раскапывается театр — сохранились остатки сидений и лестниц; он был сооружен в эпоху эллинизма и дополнен в римское время. Интересно сделанное здесь в январе 1959 г. открытие — под мостовой улицы Дромос, проходящей по территории греческого города, найдено каменное вместилище цилиндрической формы высотой около 1 *м*, диаметр 1,40 *м*, в нем обнаружено около 30 бронзовых табличек, в среднем величиной с ладонь человека, с надписями греческими буквами; очевидно, это часть городского архива.

2. Северная Италия

В районе Тарквинии ведутся раскопки открытых новым методом инженера Леричи — с помощью перископа — этрусских камерных гробниц с росписью[63].

При исследовании укреплений V в. до н. э. близ северо-западных ворот в Веях[64] получены данные о предшествующей истории участка: древнейшие остатки жизни относятся здесь к периоду Вилланова; более поздним временем датируется прямоугольная постройка из деревянных бревен, смененная зданием аналогичного плана, но с каменным фундаментом и сырцовыми стенами; это здание было разрушено укреплениями V в.

Близ Вей исследовались ранние римские бани (так называемые «бани Царицы»), в которых использовалась горячая вода естественных источников.

---

[60] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 4, стр. 289, табл. 98—99, *13—14*.

[61] Там же, стр. 289, табл. 98, *16*.

[62] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 4, стр. 361, табл. 107, 7, A. Mysterious Archive at Locri, Archaeology, 1959, т. 12, № 4, стр. 135—136.

[63] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 4, стр. 390. См. также интересную статью в газете «Комсомольская правда» от 29 января 1961 г. об ограблении этрусских гробниц.

[64] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 4, стр. 390—391; 1960, т. 64, № 4, стр. 361.

Раскопки в Санта Севера[65] (древний Pytgi) продолжают давать интересный материал. Найдены остатки большого трехнефного этрусского храма, большое количество архитектурных терракот, включающих, вероятно, части второго фронтона.

В Больсене[66] интересные погребальные комплексы дал обширный некрополь времени Вилланова. Найденный в одной из могил протокоринфский скифос первой четверти VII в. до н. э. позволяет уточнить датировку некрополя. Обнаруженное в 1958 г. у подножья холма La Civita здание полностью раскопано; это ферма, включающая жилой дом и хранилище для вина или масла, размером 17,6 × 11,4 *м*, стены которого сложены из грубых камней, скрепленных блоками туфа. Этот комплекс датируется около 200 г. до н. э.

В Популонии[67] был найден клад золотых, серебряных и бронзовых украшений и ваз, в том числе три золотые диадемы и серебряная чаша.

Близ Кампанятико, в месте, называемом Colle della Regina, был случайно найден военный диплом[68] в виде бронзовой пластины, размером 14 × 10 *см* с надписью, датирующейся 306 г. н. э.; он выдан императором Валерием Констанцием и Галерием Максимианом ветерану IX Преторианской когорты Валерию Клеменсу и является одним из самых поздних известных нам подобных документов.

В Росселе (древнем Russelae)[69] исследовалась оборонительная стена города циклопической кладки, местами сохранившаяся на высоту 5 *м*. Многочисленные зондажи дали материал, датирующий ее VI в. до н. э. В углу стены выявлены ворота с примыкающим к ним двором. Они построены из небольших камней на глине. Под стеной VI в. и частично перед ней обнаружены остатки стены конца VII в. до н. э. Фундамент ее сложен из больших камней, в одном месте еще сохранилось несколько рядов сырцовой кладки самой стены.

Продолжаются раскопки в Сан-Джиовенале[70]; обнаружено поселение времени Вилланова и принадлежащий ему некрополь; открыт некрополь VI в. до н. э., раскапывались городские укрепления V—VI вв. до н. э., находящиеся под средневековым замком De Vico.

В Монтеринальдо[71], близ Анконы, исследуется святилище II—I вв. до н. э.; храм, раскопки которого лишь начаты, стоял в центре прямоугольного двора размером 60 × 70 *м*, обрамленного с трех сторон портиком с двойной колоннадой — коринфскими колоннами снаружи и ионийскими внутри. Найдено значительное количество архитектурных терракот.

3. Сицилия

В Катане[72] на ряде участков современного города при строительных работах обнаружены остатки позднеримского некрополя, могилы с трупоположением и кремацией. На углу улиц Виктора Эммануила и св. Варвары открыто здание римских терм с большой залой, вымощенной мрамором, с бассейнами по сторонам. Остатки других терм найдены в районе площади Данте.

В Центурипе[73] исследован подземный тоннель, шириной 8 *м* и длиной около 120 *м*, пробитый в горе, на которой стоял римский город — прекрасный образец римского инженерного искусства.

В Мегарах Гиблейских[74] исследовались остатки архаического и эллинистического города. Продолжались работы по выявлению эллинистической крепостной стены, прослеженной на протяжении 80 *м*. Обнаружено место эллинистической агоры и портик того же времени. Изучен дорический храм в антах (размером 16 × 9 *м*), построенный в IV в. до н. э. из белого известняка. Найдены многочисленные его детали — колонны высотой 4,535 *м*, части фриза, архитрава и карниза, симы с головами львов и т. д.; общая высота храма с фронтоном была 6,985 *м*. Судя по надписям на обломках ваз, храм был посвящен Афродите. В ряде мест под эллинистическими слоями найдены остатки улиц и домов архаического города. Дорический храм IV в., видимо, сменил храм ионийского ордера VI в. до н. э., к которому относятся обломки карниза со сливами в виде львиных голов и орнаментом пальметт и лотосов. Западнее архаического некрополя, раскопанного в 80-х годах прошлого века, открыт другой, с погребениями в небольших монолитных саркофагах, датирующихся по найденным в них предметам (фрагменты коринфских и ионийских ваз, серебряные украшения) концом VII — началом VI вв. до н. э.

В Геле[75], на склоне холма, обращенного к морю, открыт комплекс вотивных терракот и ваз, относящихся к двум периодам — 630—550 гг. до н. э. (примитивные

---

[65] Там же.
[66] Там же.
[67] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 4, стр. 391.
[68] A. W. Van Buren. Ук. соч., стр. 391, табл. 100, *22*.
[69] Там же, стр. 392.
[70] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1960, т. 64, № 4, стр. 362.
[72] A W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 4, стр. 393.
[73] Там же.
[74] Там же, стр. 393; 1960, т. 64, № 4, стр. 363.
[75] A. W. Van Buren. Ук. соч., AJA, 1959, т. 63, № 4, стр. 364.

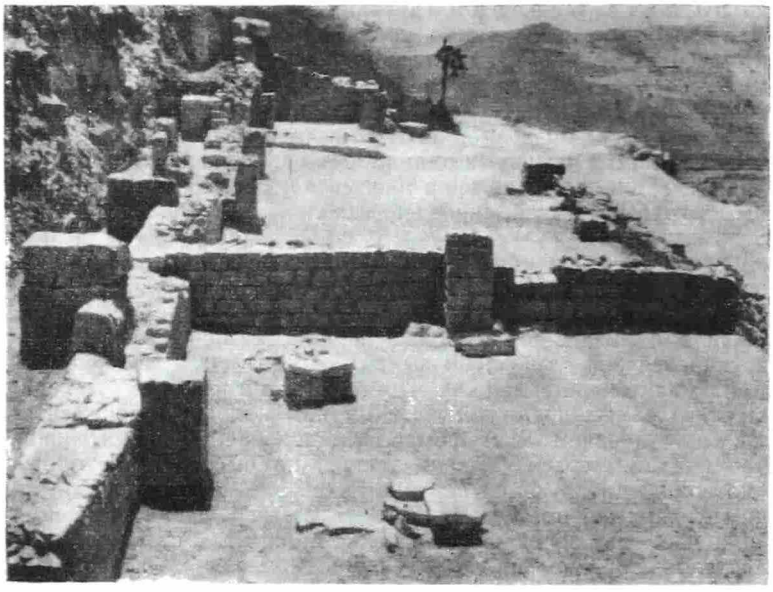


Рис. 9. Вид общественного зернового склада в Серра Орландо (Моргантина)

статуэтки позднедедаловского типа, коринфские вазы) и конца VI — начала V вв. до н. э. (расписные женские протомы). Интересна относящаяся к первому периоду терракотовая лампа, украшенная рельефно исполненными головами людей и баранов,— очевидно, местная имитация мраморных ламп кикладского происхождения.

Успешно продолжаются раскопки в Серро Орландо[76] (древняя Моргантина); исследовались укрепления города. Стены цитадели были воздвигнуты в конце VI в. до н. э.; они имели два фаса, промежуток между которыми заполняли камни и земля, и достигали ширины 2,4 *м*. Греческому поселению цитадели предшествовало поселение, датирующееся среднеэлладским и началом позднеэлладского периодов. Открыт также ряд домов архаического поселения. Стены цитадели были разрушены при взятии Моргантины в 459 г. до н. э. Дикетием и восстановлены из вторично использованного материала во второй четверти III в. до н. э., при Гиероне II; эту дату подтверждает найденное под эллинистическими стенами, перекрывшими архаические, жертвоприношение строителей — терракоты и вазы.

Главная стена, окружающая весь город, была воздвигнута во второй половине IV в. до н. э., пространство между мощеными фасадами заполнено булыжником; ворот было не больше четырех, расположенных по странам света; между ними имелись калитки. Видимо, стена ремонтировалась тогда же, когда была восстановлена стена цитадели.

К городской стене примыкает некрополь, функционировавший в конце IV—III вв. до н. э., очень насыщенный, среди погребений есть и трупоположения, и кремация. На могилах установлены надгробные памятники в виде ступенчатых оснований, сложенных из камней, вероятно увенчивавшихся стелами.

Велись работы на эллинистической агоре. Раскрыты обрамляющие верхнюю агору стои; северо-восточная с рядом опорных столбов внутри имела с обоих концов закрытые помещения, южное из которых считают триклиниумом; юго-западная, состоявшая из ряда лавок, примыкала к монументальной подпорной стене, открытой в 1956 г., и доследованной в 1959. Эта стоя, видимо, не была полностью закончена — она не имела колоннады и черепичной крыши. Дата ее — конец IV — начало III в. до н. э.

На нижней агоре открыто монументальное общественное здание III в. до н. э. (рис. 9), размером около 92,85 × 7,8 *м*, построенное из блоков известняка (задняя стена из простых камней), на вытесанной в скале площадке; стены здания имеют выступы, придающие им большую прочность. Внутри оно состоит из двух больших помещений. Предполагают, что это общественное зернохранилище.

Полностью раскопан перистильный дом к востоку от нижней агоры. Перистиль длиной около 17 *м*, обрамлен колоннадой. С одной стороны его были расположены жилые комнаты, с другой — подсобные помещения, среди них ванная комната. Стены были оштукатурены и расписаны в инкрустационном стиле; в двух небольших помещениях найдены мозаики — похищение Ганимеда и орнаментальная. Время сооружения этого дома — около середины III в. до н. э.; в конце III в. до н. э. оно погибло, вероятно, при взятии Моргантины римлянами в 211 г.

[76] R. Stillwell. Excavations at Serra Orlando, 1958, Preliminary Report, III, AJA, 1959, т. 63, № 2, стр. 167—173. E. Sjoqvist. Excavations at Morgantina (Serra Orlando), 1959, Preliminary Report, IV, AJA, 1960, т. 64, № 2, стр. 125—135.

У восточного побережья Сицилии в ряде пунктов проводились подводные исследования [77]. В Санта Панагии (древнем Trogulus) на дне гавани обнаружен ряд свинцовых якорей римского времени, типа, имевшего деревянный стержень; такие якоря часто находят в других местах Средиземноморья. Возможно, на них укреплялись бакены, отмечавшие проход в гавань.

В гавани Сиракуз обнаружено большое количество различных находок, из которых особый интерес представляет компактная группа амфор в южной части гавани, несомненно, являющихся корабельным грузом. Амфоры эти, с коротким цилиндрическим горлом и широким туловом, относятся к раннему типу конца VII — начала VI в. до н. э. Они встречались и раньше в Сицилии, но, несомненно, являются импортными.

Близ гавани Марцамеми найдена большая группа колонн и других архитектурных фрагментов из греческого мрамора, видимо, доставленных из Греции. Вместе с ними найдены амфоры римского времени. Недалеко от них обнаружен нос деревянного корабля и части обшивки, но корабль этот с колоннами не связан. Сходные остатки мраморных архитектурных деталей обнаружены близ юго-восточной оконечности о. Сицилии, к западу от мыса Пассеро.

Подводные исследования вокруг побережья Сицилии показали, что ряд греческих городов, таких как Гераклейон, Мория и др., в настоящее время частично находится под водой — явление, отмеченное в ряде пунктов Средиземного моря.

Н. А. Сидорова

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ РАБОТЫ ГОС. ЭРМИТАЖА за 1960 г.

13—15 марта 1961 г. в Эрмитаже состоялась очередная научная сессия, посвященная итогам работы музея за 1960 г. Среди докладов, зачитанных на сессии, 13 были посвящены археологии.

А. Д. Столяр в докладе «Работы Северо-Кавказской экспедиции 1960 г.» рассказал о раскопках энеолитической стоянки Мешоко на окраине станицы Каменномостской, Тульского р-на, Краснодарского края. Раскопками установлено, что стоянка Мешоко относится к майкопской культуре и занимает хронологически промежуточное положение между временем сооружения Майкопского и Новосвободского курганов.

В. М. Скуднова доложила о раскопках в Нимфее, где в 1960 г. были открыты здания VI—V вв. до н. э. и II—III вв. н. э. Среди строительных комплексов раннего периода выделяются два здания, скорее всего культового назначения, возведенные вблизи от святилища кабиров в конце VI в. до н. э. К римскому периоду относится здание с мощеным двором и прилегающей большой площадью, выложенной крупными плитами.

Г. П. Гроздилов сообщил о раскопках в Пскове. Здесь в 1960 г. работы велись на территории кремля и в Довмонтовом городе, непосредственно примыкавшем к Детинцу. В кремле изучена система укреплений петровского времени возле башни Кутекромы и выявлены остатки культурного слоя древнего поселения. На Довмонтовом городище обнаружены каменные здания, являвшиеся, по-видимому, специальными служебными помещениями, и открыты основания трех каменных храмов XV в. Раскопки на месте гребли возле Темных ворот позволили выявить полностью стены до подошвы летописных персей и определить положение самой гребли.

А. С. Косцова прочитала доклад «Экспедиции 1959—1960 гг. по выявлению и собиранию произведений древнерусского искусства». В ходе этих экспедиций в районах Ленинградской, Архангельской, Мурманской и Новгородской областей были обследованы более 80 церквей и часовен. Более 30 произведений XIII—XVII вв. доставлены в Эрмитаж. Среди них иконы новгородской школы живописи «Никола» (XIII в.) и «Страшный суд» (XV в.), а также образцы местных «северных писем».

И. Н. Уханова рассказала об итогах работ экспедиций в районы Ивановской, Владимирской и Горьковской областей и продемонстрировала ряд памятников резьбы по дереву, обработке металла и вышивальному искусству, доставленных в Эрмитаж.

Обзору археологических памятников Южного Алтая, начиная от эпохи бронзы до I тыс. н. э., был посвящен доклад С. С. Сорокина «Южный Алтай в древности».

М. И. Артамонов прочитал доклад «К вопросу о происхождении скифского искусства». Рассмотрев находки «клада в Зивийе» (иранский Курдистан) и сопоставив их с широким кругом памятников древневосточного и скифского искусства, докладчик пришел к заключению, что скифский художественный стиль возник путем переработки форм, заимствованных из искусства Северного Ирана, где в VII—VI вв. до н. э. на периферии Ассирийского царства складывалось искусство мидян, маннейцев, урартов и других народов. Причерноморские скифы познакомились с этим периферийным древневосточным искусством во время их пребывания в Передней Азии и, возможно, сами вместе с другими родственными им иранскими племенами участвовали там в его создании. Основные древнейшие сюжеты скифского искусства (например, изображения

[77] M. Guido. Archaeology without Digging. First Reports of an Underwater Survey of the Coasts Ancient Harbours of Sidily. ILN, 1959, № 6246. стр. 300—301.

хищников из породы кошачьих) заимствованы из искусства Передней Азии. Однако своеобразный скифский художественный стиль создан в процессе переработки заимствованных мотивов в собственно скифской среде в соответствии с ее потребностями и техническими возможностями.

К. М. Скалон в докладе «О некоторых формах ювелирных изделий» рассматривала вопрос о так называемых «полихромных» украшениях с разноцветными вставками из камней или стекла. Отметив, что зарождение «полихромного» стиля относится еще к I тыс. до н. э., а расцвет — к IV—V вв. н. э., докладчица подчеркнула, что очень близкие по форме предметы ювелирного ремесла встречаются на широкой территории от Венгрии до Алтая и Тянь-Шаня. По мнению К. М. Скалон, особая близость форм изделий, найденных в урочище Кара-Агач в Казахстане, совхозе Шамси, Фрунзенской области Киргизии, на р. Морской Чулек, близ Таганрога, в могильнике Каряжского городища около Ставрополя, в с. Красногвардейское в Крыму и, наконец, в могильнике на Госпитальной улице в Керчи, позволяет предполагать, что они изготовлены в одном производственном центре, скорее всего на Боспоре или в других ремесленных центрах с очень близкой культурой.

Н. Л. Грач посвятила свой доклад анализу бронзового зеркала из таманского погребения первой половины IV в. до н. э. Это зеркало, найденное в 1868 г. в богатом женском погребении, является незаурядным художественным произведением, привезенным из материковой Греции. Ручка зеркала с изображением Эрота относится ко второй половине V в. до н. э. и приделана к зеркальному диску не менее чем через 50 лет после ее изготовления. Диск же первоначально принадлежал складному зеркалу с крышкой (IV в. до н. э.). По мнению Н. Л. Грач, это и другие бронзовые зеркала относились к числу наиболее ценимых предметов обихода и являлись необходимым составным элементом женского погребального культа.

В докладе «Группа стеклянных сосудов из некрополя Пантикапея» Н. З. Кунина рассмотрела богатую коллекцию античного стекла римского времени, хранящуюся в Эрмитаже, бо́льшую часть которой (около 400 экз.) составляют сосуды, найденные в погребениях Керчи. Наибольшее разнообразие форм посуды и лучшее качество стекла приходится, как показала докладчица, на время Августа. Н. З. Кунина подробно остановилась на двух стеклянных патерах, найденных в 1894 г. К. Е. Думбергом и представлявших собой редкие образцы данной формы. Указав, что, помимо керченских, ныне известна лишь одна целая стеклянная патера из Помпей (Национальный музей в Неаполе) и несколько обломков подобной посуды, докладчица пришла к выводу, что стеклянные патеры являются подражаниями бронзовым сосудам этого типа I в. н. э.

Б. Я. Ставиский посвятил свой доклад геммам-печатям хионитов — кочевого народа, создавшего в середине IV — начале V в. н. э. сильное, но недолговечное государство в Средней Азии. До последнего времени единственными памятниками, которые связывались с хионитами, были монеты. Докладчик выявил группу резных камней, которые, по его мнению, можно рассматривать как хионитские. Эти геммы имеют большую историко-культурную и художественную ценность. Изображения на них — это замечательные образцы камнерезного искусства. Их надписи, выполненные кушанским письмом и индийскими алфавитами, представляют немаловажное значение для изучения истории хионитов. Родовой знак — тамга на монетах и геммах хионитов родствен «сарматским» знакам, что позволяет говорить о возможных связях хионитов с сармато-аланскими племенами.

М. Н. Кречетова в докладе «Опыт датировки китайского буддийского искусства из монастыря «Пещеры тысячи будд» (Цяньфодун), г. Дуньхуан», опираясь на новые работы китайских исследователей, пересмотрела хронологическую периодизацию дуньхуанских памятников из собрания Эрмитажа. Докладчица относит ныне группу лёссовой скульптуры и живописи к концу Северной Вэй (386—534 гг.), фрагмент стенной росписи с изображением «апсара» — ко времени между Западной Вэй (535—556 гг.) и Суй (581—617 гг.), фрагмент обрамления иконы со сценой «охота» — к периоду Суй или началу Тан (VII в.), две парные лёссовые скульптуры фантастических зверей (стражи будды) — к периоду «расцвета Тан» (713—762 гг.) и группу фрагментов живописи на шелке, так называемые «знамена»,— к Средней Тан (763—820 гг.).

Доклад В. М. Потина был посвящен находкам западноевропейских монет X—XII вв. на территории древней Руси и их связи с древнерусскими поселениями. Сопоставив фотографию находок этих монет с местоположением известных в настоящее время курганных групп, селищ и городищ, В. М. Потин пришел к выводу, что подавляющее большинство монетных кладов и единичных находок X—XII вв. сделано на территории древнерусских поселений или вблизи от них и, следовательно, связано с торговой деятельностью местных жителей и местным денежным обращением, а отнюдь не с торговой предприимчивостью иноземных купцов — арабов и норманнов.

К сессии в фойе Эрмитажного театра была открыта выставка «Новые поступления и материалы археологических экспедиций Эрмитажа 1960 г.».

Б. С.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ОДЕССКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

18—20 марта 1961 г. в Одессе состоялась научная сессия Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова и Одесского государственного археологического музея, посвященная итогам полевых археологических исследований 1960 г. К сессии в музее была открыта выставка археологических находок 1960 г. и одесских археологических изданий 1957—1960 гг. На заседаниях присутствовало более 50 человек: научные сотрудники Одесского археологического музея, преподаватели и студенты Одесского университета и других вузов Одессы, краеведы — члены Одесского археологического общества, гости из Москвы и Киева.

Открывая сессию, директор музея А. Г. Сальников кратко охарактеризовал результаты работ археологов Одессы. В 1960 г. велись раскопки усатовского кургана, городищ у сс. Роксоланы, Надлиманское, Пивденное, проведены разведки в Белгород-Днестровском, Болградском и Савранском районах Одесской области. Наряду с этим научные сотрудники музея участвовали в работах Неолитической экспедиции ИА АН УССР (В. П. Цыбесков), Ольвийской экспедиции ИА АН СССР (И. Б. Клейман, А. А. Ашрафиан), Березанского отряда той же экспедиции (Е. Ф. Яровая), Крымского отряда Скифской экспедиции ИА АН СССР (Э. И. Диамант).

На заседаниях было заслушано 16 докладов, вызвавших большой интерес у участников сессии.

Доклад «Роксоланское городище по раскопкам 1958—1960 гг.» сделал М. С. Синицын (Одесский университет). Городище расположено на левом берегу Днестровского лимана. Обнаруженные раскопками строительные остатки, зерновые ямы, керамика, значительное число греческих граффити и монет позволяют предполагать, что в VI в. до н. э.— III в. н. э. здесь существовало древнегреческое поселение городского типа. Из находок 1960 г. особенно интересны два больших склада амфор, групповая находка серебряных монет IV в. до н. э., а также два ольвийских асса неизвестного прежде типа.

И. Д. Головко (Одесский университет) сообщил о керамических надписях, найденных на Роксоланском городище. Среди них выделяется группа граффити с посвящениями Зевсу.

В сообщении «Археологические разведки в юго-западных районах Одесской области в 1960 г.» И. Т. Черняков (Одесский музей) рассказал о памятниках, обнаруженных в южной части Днестро-Дунайского междуречья. Выявлены памятники различных эпох: поселения эпохи бронзы у сс. Чебанка, Балабанка, Базырьянка, Тузлы (Белгород-Днестровский район), у г. Болград и с. Виноградовка (Болградский район), античные поселения IV—III вв. до н. э. у сс. Беленькое и Сергеевка (Белгород-Днестровский район), памятники черняховского типа у сс. Базырьянка и Тузлы; славянская керамика найдена у с. Владычень (Болградский район) и с. Тузлы.

В. П. Цыбесков (Одесский музей) сообщил о своем участии в работах Неолитической экспедиции ИА АН УССР на р. Южный Буг.

О раскопках усатовского кургана № 12 сделала сообщение Э. Ф. Патокова (Одесский музей). В кургане открыты четыре погребения, среди инвентаря которых привлекают внимание сосуды с необычной орнаментацией, а также медное долото.

Доклад «Раскопки Донузлавского городища в Крыму» сделала О. Д. Дашевская (ИА АН СССР). Начатыми в 1960 г. раскопками открыты хорошо сохранившиеся остатки трех разновременных каменных зданий с глинобитными полами, загородками, очагами, каменной ступой. Среди находок преобладают обломки амфор и лепной скифской посуды. Найдена редкая херсонесская монета. Городище существовало с IV в. до н. э. до рубежа I—II вв. н. э.

На сессии был зачитан доклад Л. М. Славина «Постройки западной стороны ольвийской агоры». Автор доклада, подводя итоги раскопкам 1956—1960 гг., выделяет на раскопанной территории западный торговый ряд, здание с парадными помещениями и здание, в котором, как можно полагать, размещались городские власти.

И. Б. Клейман (Одесский музей) сделал сообщение об ольвийской винодельне, открытой к западу от упоминавшегося в предыдущем докладе правительственного здания.

О раскопках Надлиманского городища рассказала Г. А. Дзис-Райко (Одесский университет). Городище расположено на левом берегу Карагольского залива Днестровского лимана. Раскопками обнаружены зерновые ямы, а также фрагменты местной и греческой керамики IV—III вв. до н. э., изделия из железа и др.

Были заслушаны доклады В. В. Лапина (ИА АН УССР) и Е. Ф. Яровой (Одесский музей) о работах на острове Березани. В 1960 г. открыты ямы VI в. до н. э., кладки зданий V в. до н. э. и раннеэллинистической эпохи, остатки металлургического производства, много архаической греческой керамики. Среди находок особенный интерес представляет граффито — изображение древнегреческого воина в полном вооружении.

Доклад А. Г. Сальникова (Одесский музей) был посвящен раскопкам поселения у с. Пивденное, на западном берегу Днестровского лимана. Здесь обнаружены остатки вымосток, обломки амфор, чернолаковой и лепной (гетского типа) посуды; особенно замечателен огромный открытый лепной сосуд. Поселение существовало в IV—

II вв. до н. э.; о его широких экономических связях свидетельствует амфорная тара, происходящая из различных центров древнегреческого мира.

В последние годы в музей поступило несколько серебряных селевкидских тетрадрахм, найденных в Одесской, Кировоградской и Харьковской областях; об этих монетах и вообще о путях проникновения монет Селевкидского царства в степи Скифии рассказал П. О. Карышковский (Одесский университет). В другом сообщении он доложил о мраморной плите с посвящением Ахиллу Понтарху, найденной в 1960 г. на левом берегу Тилигульского лимана.

На сессии были также заслушаны доклады о роли Одесского археологического музея в производственном обучении студентов Одесского университета (П. А. Некрасов, Одесский университет), о культурно-просветительной работе музея (В. П. Цыбесков) и об участии университета и музея в деятельности Одесского археологического общества (М. С. Синицын).

Работа сессии показала возросшую активность одесских археологов. Об этом же свидетельствует оживление издательской деятельности музея и университета в области археологии. В принятой резолюции сессия отметила плодотворное сотрудничество археологов Одессы, Киева, Москвы, Ленинграда и выразила удовлетворение по поводу возобновления раскопок в с. Усатово и на Березани. Решено продолжить исследование этих памятников, а также расширить работы на побережьях Днестровского лимана. Запланировано издать доклады сессии отдельным сборником. Постановлено созвать в Одессе в октябре 1961 г. собрание членов Одесского археологического общества.

Археологическая сессия в Одессе привлекла большое внимание общественности города и способствовала пропаганде достижений советской археологической науки.

И. Т. Черняков

VII ВСЕСОЮЗНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

VII Всесоюзная археологическая студенческая конференция, организованная по инициативе Научного студенческого общества кафедры археологии МГУ, проходила в Москве с 13 по 20 марта 1961 г. На конференцию приехали делегаты из 37 городов Советского Союза. Было заслушано и обсуждено около 70 докладов по разным вопросам археологии [1].

В актовом зале исторического факультета МГУ была организована выставка, отражающая участие молодых археологов в летних экспедициях. Делегатов конференции тепло приветствовал чл.-корр. АН СССР, профессор С. В. Киселев.

Первым был заслушан доклад В. Виноградова и А. Кузы (Москва) «Из истории Научного студенческого общества кафедры археологии МГУ».

М. Ниорадзе (Тбилиси) рассказала об изучении стоянок в пещере Цона, В. Третьяков (Ленинград) посвятил свой доклад датировке Льяловской стоянки. О раскопках Самаркандской палеолитической стоянки в 1960 г. сообщил Н. Каримов (Самарканд). Н. Анисюткин (Ленинград) сделал доклад «Костенковско-стрелецкая культура». Ю. Самылин (Оренбург) описал энеолитические памятники Оренбургской области. Исследованию Серженьюртовского поселения конца бронзового века в Чечено-Ингушетии был посвящен доклад Л. Требушенко (Киев). О своеобразной керамике Кобякова поселения рассказал В. Бочкарев (Ростов-на-Дону). Описание раскопок Пепкинского кургана содержалось в сообщении М. Садурова и Р. Шакирова (Казань). В докладе М. Аун (Тарту) разбирался вопрос о распространении ладьевидных топоров на территории Прибалтики.

В сообщении Ю. Манылова (Москва) была дана полная сводка всех известных в настоящее время 16 железных плоских тесел и 11 рабочих топоров с территории лесостепных культур скифского типа. Итоги двухлетних археологических работ в Волгоградской области были освещены в докладе Б. Захарова и В. Мамонтова (Волгоград). А. Шкурко (Москва) подверг детальному анализу интересный железный кинжал из Днепропетровского музея и датировал его концом VII — первой половиной VI в. до н. э. Об изучении поселений эпохи поздней бронзы и раннего железа в Кабардино-Пятигорье рассказал Л. Ступников (Нальчик). С. Дадашева (Баку) по археологическим данным и свидетельствам античных авторов проследила связи Кавказской Албании с греко-римским миром (III в. до н. э.— III в. н. э.). О некоторых результатах разведок в районе Месхети-Джавахети доложил З. Жвания (Тбилиси). Г. Лордкипанидзе (Москва) описал ряд медных монет города Диоскуриады (современный г. Сухуми) и сделал попытку доказать, что они принадлежат чекану Митридата VI Эвпатора, который побывал в этом городе зимой 66—65 гг. до н. э.

А. Винокурова (Свердловск) сообщила о последних раскопках западного участка обороны Херсонеса Таврического. Анализ погребального обряда и инвентаря Баклинского могильника IV—VII вв. н. э. (Горный Крым) произвела В. Корпусова (Киев). А. Сихарулидзе (Тбилиси), основываясь на результатах девятилетних раскопок, восстановил социально-экономический, культурный и политический облик города Бичвинта (II в. до н. э.— VI в. н. э.).

[1] Тезисы большинства сообщений напечатаны специальным сборником на правах рукописи.

Об одном из городецких памятников хвалынской группы — Танавском городище рассказал В. Миронов (Саратов). Т. Оплачко (Оренбург) охарактеризовала историко-культурные связи Южного Приуралья с соседними областями. В. Виноградов (Москва) в своем сообщении попытался проследить этапы сарматских передвижений на территории Восточного Предкавказья с VI в. до н. э. по IV в. н. э. и связать их с определенными племенными группами. Новые данные о надмогильных сооружениях афанасьевцев на Среднем Енисее привела А. Иванова (Ленинград). Результаты раскопок Бахмутинского могильника III—VI вв. н. э. (Башкирская АССР) изложила Н. Асанова (Уфа). Проблема сосуществования обрядов трупоположения и трупосожжений в таштыкских курганах была затронута в сообщении К. Маликова (Красноярск).

Вопрос о пребывании аланов в Дагестане поднял в своем докладе Г. Федоров (Москва). Т. Никулицэ (Кишинев) собрал большой материал, подтверждающий обширные торговые и культурные связи дунайско-днестровских племен с провинциями Римской империи во II—IV вв. н. э. А. Лучанинов (Москва) подробно остановился на классификации наступательного оружия племен Минусинской котловины со II в. до н. э. по V в. н. э. Ряд спорных вопросов затронул в своем докладе В. Воробьев (Москва). Изучив керамику черняховской культуры и сравнив ее с римскими образцами, он пытался доказать существование римских гончарных мастерских на территории распространения черняховской культуры. Это положение вызвало оживленные прения на конференции.

Сопоставляя славянскую культуру Подонья с культурами соседних восточнославянских племен, А. Прямхин (Воронеж) предположительно отнес население Дона к вятичам.

Типологическую классификацию золотоордынской поливной посуды из городища Маджары (в Ставропольском крае) произвела О. Дудко (Москва). Интересные данные по истории золотоордынских городов, построенных на торговых пунктах Прутo-Днестровского междуречья, содержались в докладе К. Самсон (Кишинев). О раскопках древнерусского города Вырь сообщила С. Чужина (Киев). Результаты многолетних археологических работ на литовском городище Пуня были отражены в выступлении А. Кварцеюса (Вильнюс). В. Сурхаев (Махачкала) прочитал доклад на тему «Раннесредневековые памятники города Избербаш». Об изучении средневекового Николаевского городища в долине Сучан рассказала С. Кенина (Владивосток). У. Шиганов (Ашхабад) описал квартал керамистов западного рабата старого Мерва. В докладе И. Ремизова (Краснодар) получил освещение вопрос об экономических связях генуэзских колоний на Северо-Западном Кавказе с адыгейскими племенами в XII—XV вв.

Сообщение о раннесредневековых культовых статуэтках горного Дагестана сделал Б. Чикаев (Махачкала).

О раскопках на Малом Торопецком городище — втором центре Смоленского княжества доложила А. Жлобова (Калинин). На выяснении некоторых общих проблем крепостного строительства северо-западных русских земель на примере истории Псковского кремля остановился В. Антипов (Псков). А. Куза (Москва) в своем докладе связал появление в XIII в. рыбного промысла в Новгороде с дальнейшим общественным разделением труда и все более полным отрывом городских ремесленников от сельскохозяйственной деятельности.

А. Кривонос (Москва) разделил по типам и датировал средневековые железные топоры Восточной Европы. О стеклянных изделиях Хаус-Хана сообщил К. Байпаков (Ленинград). Итогам работ Наровчатской археологической экспедиции (1959—1960 гг.) был посвящен доклад Г. Косенко (Пенза).

Следует также отметить доклады А. Гадло (Ленинград) «К вопросу о гунно-болгарской культуре V—VII вв. н. э.», Л. Москотиной (Пермь) «Черновское городище и памятники среднего Прикамья», Ю. Васильева (Хабаровск) «Разведки археологических памятников на территории Еврейской АО», С. Кочкуркиной (Петрозаводск) «Бескерамические стоянки Карелии», В. Патрушева (Йошкар-Ола) «Памятники I тысячелетия н. э. на территории Марийской АССР», Е. Казакова (Казань) «Погребальный обряд Большетарханского могильника (VII—IX вв.)», С. Мухтарова (Душанбе) «Результаты археологических раскопок в Шахристане», Е. Городецкого (Черновцы) «Мельничное сооружение III—IV вв. н. э.», Б. Шарикбекова (Фрунзе) «О раскопах на городище Ничке», А. Икаева (Орджоникидзе) «Позднеаланская керамика», Л. Барыкиной (Кемерово) «Археологические памятники Обь-чулынского междуречья», Л. Крыловой (Саратов) «Железоплавильная печь на Дону», М. Рагуловой (Баку) «Следы религиозных культов на территории Кавказской Албании», С. Васюткина (Уфа) «О раскопках курганов в Кармасскалинском районе Башкирской АССР», А. Яркина (Свердловск) «Материалы по археологии Зауралья», Т. Колотюк (Ужгород) «Археологические исследования раннеславянских памятников Западной Украины», Н. Виленского (Москва) «Раскопки Царицынских курганов в 1960 году», В. Ленькова (Владивосток) «Памятники Бохайского времени в долине реки Чапигоу», В. Петраленкова (Воронеж) «Костенковская палеолитическая стоянка».

Лучшие доклады VII Всесоюзной археологической студенческой конференции рекомендованы для сборника научных работ.

В. Б. Виноградов, О. А. Дудко

И. И. АХАНОВ

23 января 1960 г. после длительной тяжелой болезни скончался Иван Иванович Аханов, один из лучших краеведов на Северном Кавказе. Родился Иван Иванович в 1900 году, в 1929 году окончил Ростовский университет, а в 1930 году выехал в Геленджик, где и протекала его дальнейшая плодотворная работа. Здесь он работал в редакции газеты «Колхозное Черноморье», но вскоре перешел в краеведческий музей, найдя свое настоящее призвание и применение своему глубокому интересу к прошлому и настоящему местного края.

До начала работы И. И. Аханова в Геленджике существовал маленький музей, влачивший жалкое существование и являвшийся преемником небольшого частного музея, созданного еще в дореволюционные годы местным землевладельцем М. М. Рейнке. Иван Иванович вложил в дело воссоздания музея громадную энергию и любовь, мобилизовал вокруг музея живой краеведческий актив и так успешно вел дело собирания экспонатов, что в 1939—1940 гг. музей обладал уже значительными фондами, отображавшими природу, историческое прошлое и современную действительность района Геленджика.

В грозные годы Великой Отечественной войны Иван Иванович был призван в ряды Красной Армии, находился на фронте под Волгоградом, перенес тяжелое ранение, а по возвращении с фронта вновь взялся за восстановление музея, тяжело пострадавшего в прифронтовом Геленджике. Снова идет собирание материалов, музей пополняется не только отдельными поступлениями, но и систематическим сбором экспонатов по всем разделам.

В частности, Иван Иванович в 1949 и последующие годы ведет в окрестностях города и археологические раскопки, сначала на береговой стоянке, исследование которой было начато еще в 1928 г. Б. С. Жуковым, а затем на ряде групп полуразрушенных и полуразграбленных дольменов, давших чрезвычайно важный в историческом плане материал. Отчеты об этих работах опубликованы в «Советской археологии» за 1961 г. (№ 1 и № 3).

В итоге упорной и любовной работы И. И. Аханова Геленджикский музей стал образцовым краеведческим музеем, привлекающим как местных жителей, так и многочисленных приезжих, отдыхающих в Геленджике. Наряду с работой в музее Иван Иванович вел большую лекционную работу в местных санаториях и на турбазе, в живой и интересной форме знакомил слушателей с природой и историей Геленджика. Дважды издавался написанный им путеводитель по Геленджику и окрестностям, а ряд других краеведческих работ остался в рукописи.

В 1955 г., когда здоровье И. И. Аханова значительно ухудшилось, он должен был покинуть музей, но продолжал работать методистом турбазы.

Память о прекрасном человеке и замечательном краеведе Иване Ивановиче Аханове навсегда сохранится среди всех, знавших его.

А. А. Иессен

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
АС — Археологический съезд
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВАН УРСР — Вісник Академії наук УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ДАН АрмССР — Доклады Академии наук Армянской ССР
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ДГС — Древности Геродотовой Скифии
ДП — Древности Приднепровья
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД — Заметки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИА АН АзССР — Институт археологии АН Азербайджанской ССР
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
ИА АН УССР — Институт археологии Украинской ССР
ИАДК — История и археология древнего Крыма. Киев, 1957
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИБАИ — Известия на Български археологически институт
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. АН АзССР — Известия АН Азербайджанской ССР
Изв. АН СССР — Известия АН СССР
Изв. Молд. ФАН СССР — Известия Молдавского филиала АН СССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
Наукові зап. КДУ — Наукові записки Київського державного університету
НПЛ — Новгородская первая летопись
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОАСА ИА АН УССР — Отдел античной и средневековой археологии ИА АН УССР
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР

Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической экспедиции
Уч. зап. МГУ — Ученые записки Московского государственного университета
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
AJA — American Journal of Archaeology
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BSNR — Buletinul Societăţii Numismatice Române
DA — Daremberg et Saglio. Dictionnaire des aniquités grecques et romaines
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
JHS — The Journal of Hellenic Studies
ILN — Illustrated London News
JNES — Journal of Near Eastern Studies
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
OIP — Oriental Institute Publications
PZ — Prähistorische Zeitschrift
RL — W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1890—1897
ZHW — Zeitschrift für historische Waffenkunde

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Н. И. Игонин (Москва). Использование аэрометодов в археологических исследованиях . . . 3
А. Л. Монгайт (Москва). Задачи и возможности археологической картографии 16
В. Ф. Петрунь (Кривой Рог). О применении горного хрусталя и его аналогов в первобытной технике . . . 36
В. И. Сарианиди (Москва). Культовые здания поселения анауской культуры 44
И. Р. Селимханов (Баку). К химической характеристике ножей, шильев и бусин из некоторых памятников лесостепной полосы Восточной Европы III—II тысячелетий до н. э. . . . 57
Н. А. Онайко (Москва). Античный импорт на территории Среднего Приднепровья 66
С. А. Плетнева (Москва). О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. . . . 83
В. Е. Вихров, Б. А. Колчин (Москва). Основы и метод дендрохронологии 95
Б. А. Колчин (Москва). Дендрохронология Новгорода . . . 113
Н. Н. Воронин (Москва). О некоторых рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском . . . 140

Публикации

В. Ф. Каховский (Чебоксары). Поселения эпохи бронзы в Чувашии . . . 152
О. Н. Мельниковская (Москва). Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии . . . 163
О. Д. Дашевская (Москва). Граффити на стенах здания в Неаполе скифском 173
А. И. Мелюкова (Москва). Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты 195
Д. А. Халилов (Баку). Раскопки на городище Хныслы, памятнике древней Кавказской Албании . . . 209
Т. Н. Никольская (Москва). Городище у дер. Николо-Ленивец . . . 221
Ф. Д. Гуревич (Ленинград). Об окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв. . . . 241

Заметки

Р. В. Федорова (Москва). Уничтожение леса и примитивное земледелие в каменном веке по современным экспериментам и пыльцевым анализам . . 253
В. И. Красовский (Одесса). Разведки позднего палеолита и эпипалеолита в Одесской области . . . 257
Ю. А. Краснов (Московская область). Следы мезолита в долине Москвы-реки . . . 262
В. Б. Королев (Пермь). Могильник эпохи бронзы в окрестностях г. Кисловодска 264
Е. В. Пузаков (Харьков). Каменные сверленые топоры-молоты в верхнем течении реки Северского Донца . . . 268
А. В. Бодянский (Запорожье). Скифское погребение с латенским мечом в Среднем Поднепровье . . . 272
В. А. Филипченко (Астрахань). Бронзовые котлы Астраханского музея . . 276
В. И. Цехмистренко (Москва). Глиняный штамп из Пантикапея . . . 279
И. Т. Кругликова (Москва). Мраморный рельеф из Анапы . . . 282
Л. Л. Полевой (Кишинев). Новые находки античных монет в Молдавской ССР 289
М. П. Кучера (Киев). Гончарная керамика дофеодального времени из раскопок древнего Плеснеска . . . 292
В. Б. Вилинбахов (Ленинград). О первоначальном типе огнестрельного оружия . . . 295
Ю. М. Золотов (Москва). Изделия ремесленников на старинной иконе . . . 301

Критика и библиография

А. Я. Брюсов (Москва). Grahame Clark. World Prehistory . . . 305
Н. Н. Воронин (Москва). А. С. Амальрик, А. Л. Монгайт. В поисках исчезнувших цивилизаций . . . 309
А. П. Смирнов (Москва). Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов. Древности нашей земли 311
В. А. Пазухин (Москва). Ф. Тавадзе, Т. Сакварелидзе. Бронзы древней Грузии. 316
О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси). Л. А. Чилашвили. Город Рустави . . . 321
В. В. Павлов (Москва). Н. Д. Флиттнер. Культура и искусство Двуречья и соседних стран . . . 324
В. М. Массон (Ленинград). Археологические работы в Таджикистане в 1956 и 1957 гг. . . . 327

Хроника

Н. А. Сидорова (Москва). Археологические открытия в Средиземноморье в 1958—1959 гг. . . . 329
Б. С. Научная сессия, посвященная итогам работы Гос. Эрмитажа за 1960 г. . . 343
И. Т. Черняков (Одесса). Научная сессия Одесского университета и Одесского археологического музея . . . 345
В. Б. Виноградов (Грозный), **О. А. Дудко** (Москва). VII Всесоюзная археологическая студенческая конференция . . . 346
И. И. Аханов . . . 347

SOMMAIRE

Articles

S. P. Tolstov, B. V. Andrianov, N. I. Igonine (Moscou): L'emploi des méthodes aériennes dans les recherches archéologiques 3

A. L. Mongaït (Moscou): Problèmes et possbilités de la cartographie archéologique 16

V. E. Pétrougne (Krvoï Rog): Sur l'emploi du cristal de roche et de ses analogues dans la techique primitive. 36

V. I. Sarianidi (Moscou): Les bâtiments du culte de la civilisation Anaou . . 44

I. R. Sélimikhanov (Bakou): Sur la caractéristique chimique des couteaux, alènes et grains de verroterie de quelques monuments de la zone des steppes boisées de l'Europe orientale aux IIIe—IIe millénaires avant notre ère 57

N. A. Onaïko (Moskou): Les exportations antiques sur le territoire du Dniepr moyen 66

S. A. Pletneva (Moscou): Sur les relationes des tribus alano-bolgares de la région du Don avec les Slaves aux VIIIe—IXe siècles 83

V. E .Vikhrov, B. A. Koltchine (Moscou): Bases et méthode de la dendrochronologie 95

B. A. Koltchine (Moscou): La dendrochronologie de Novgorod 113

N. N. Voronine (Moscou):' Sur quelques reliefs de la cathédrale Georguievsky de Youriev-Polski 140

Publications

V. F. Kakhovsky (Tchéboksary): Une Station de l'âge du bronze en Tchouvachie 152

O. N. Melnikovskaïa (Moscou): Nécropole de type milogradien dans le village Gorochkov dans le sud de la Biélorussie 163

O. D. Dachevskaïa (Moscou): Graffiti sur les murs de bâtiment dans Neapolis des Scythes 173

A. I. Melukova (Moscou): Tertre funéraire sarmate près du vilage Olonèchty 195

D. A. Khalilov (Bakou): Les fouilles dans les vestiges de Khynysly, monument de l'Albanie caucasienne ancienne 209

T. N. Nikolskaïa (Moscou): Gorodichtché près du village Nikolo-Lénivetz . . . 221

F. D. Gourevitch (Léningrad): Novgorodok en Biélorussie 241

Notes

R. V. Fédorova (Moscou): La destruction des forêts et l'agriculture primitive à l'âge de la pierre d'après des expérimentations et des analyses de pollen . . 253

V. I. Kraskovski (Odessa): Le Paléolithique postérieur et l'Epipaléolithique dans la région d'Odessa 257

I. A. Krasnov (région de Moscou): Traces de Mésolithe dans la vallée de la rivière Moscova 262

V. B. Korolev (Perm): Nécropole de l'ère du bronze dans les environs de la ville de Kislovodsk 264

E. V. Pouzakov (Kharkov): Hâches-marteaux en pierre percées dans la région du cours supérieur du Donetz-Séversky 268

A. V. Bodianski (Zaporojé): Tombe scythe avec glaive celtique dans la région du Dniepr moyen 272

V. A. Filiptchenko (Astrakhan): Les chaudières en bronze du Musée d'Astrakhan 276

V. I. Tsekhmistrenko (Moscou): Cachets en argile de Panticapée 279

I. T. Krouglikova (Moscou). Le relief en marbre d'Anapa 282

L. L. Polevoï (Kichinev) Nouvelles trouvailles de monnaies antiques dans la RSS de Moldavie 289

M P. Koutchera (Kiev): Poteries du temps pré-féodal des fouilles des l'ancien Plesnesk 292

V. B. Vilinbakhov (Léningrad): Sur le premier type d'arme à feu 295

I. M. Zolotov (Moscou): Articles d'industrie artisanale sur une vieille icône 301

Critique et Bibliographie

A. J. Brusov (Moscou): Grahame Clark. World Prehistory 305

N. N. Voronine (Moscou): A. S. Amalrik et A. L. Mongaït. A la recherche des civilisations disparues 309

A. P. Smirnov (Moscou): N. J. Merpert, D. B. Chélov. Les anciennetés de notre terre 311

V. A. Pazoukhine (Moscou): F. Tavadzé, T. Sakvarélidzé. Bronzes de l'ancienne Géorgie 316

O. D. Lordkipanidzé (Tbilissi): L. A. Tchilachvili. La ville Roustavi 321

V. V. Pavlov (Moscou): N. D. Flittner. La civilisation et l'art en Mésopotamie et dans les pays voisins 324

V. M. Masson (Léningrad): Les travaux archéologiques dans le Tadjikistan en 1956—1957 327

Chronique

N. A. Sidorova (Moscou): Les découverts archéologiques en Mediterranée en 1958—1959 329

B. S. Session scientifique consacrée aux résultats des travaux du Musée de l'Ermitage en 1960 343

I. T. Tcherniakov (Odessa): Session scientifique de l'Université d'Odessa et du Musée d'Archéologie d'Odessa 345

V. B. Vinogradov (Grozny), **O. A. Doudko** (Moscou): La VIIe Conférence archéologique des étudiants de l'URSS 346

I. I. Akhanov 347

Вышла в свет монография Е. И. Горюновой «Этническая история Волго-Окского междуречья», МИА, № 94, М. 1961 (29 п. л.). Книга посвящена проблеме этнической истории населения обширной территории, по современному районированию пяти областей: Ярославской, Костромской, Ивановской, Владимирской и Московской. В первой части книги (гл. I—II) дается характеристика дославянского населения края — летописных племен мери и муромы. В главах III—VI делается попытка осветить процесс формирования этнического облика мери, дать характеристику культуры этого крупнейшего племенного образования северо-востока Руси и его этнокультурных связей. В главах VII—IX разбирается дискуссионный вопрос об этнической принадлежности второго дославянского племени междуречья — муромы и дается характеристика экономики, культуры и быта муромы на материале Тумовского селища IX—XI вв.

Второй важнейшей темой этнической истории края, освещенной в книге, является проблема славянской колонизации, определение ее истоков, этапов и характера. Этим вопросам посвящены главы X—XII. В этих главах уделено большое внимание судьбам местных племен и их значению в сложении русского населения северо-востока.

Для разработки многогранной темы — этнической истории и истории межплеменных связей привлечены разнообразные источники — материалы археологических исследований, данные этнографии, антропологии и языкознания. Книга рассчитана не только на узкий круг специалистов историков и археологов, но и как пособие для краеведческих музеев.